70-летию
Великой Победы
и 50-летию
учреждения
почетного звания
«Город-герой»
посвящается

ПОБЕДА!
70 ЛЕТ

ПРАВИТЕЛЬСТВО ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ЦЕНТР ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

ТУЛЬСКИЙ ФИЛИАЛ
ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Г.В. ПЛЕХАНОВА»

МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«ИСТОРИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ»

МЫ ПОМНИМ...

Книга воспоминаний и размышлений поколений

Часть 1

Авторы проекта,
редакторы-составители
Ю.М. Осипов, Л.И. Ростовцева

Тула 2015

ББК 63.3(2Рос-4Тул)62
УДК 316.3+94(47)
М 94

М 94 **Мы помним... Часть 1.** Книга воспоминаний и размышлений поколений / под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой. — Тула: Аквариус, 2015. — 600 с.: ил.

Книга посвящена 70-летию Великой Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и является продолжением серии изданий под этим названием.

Главная ценность книги, как и предыдущих изданий, заключается в том, что несколько поколений делятся своими воспоминаниями и размышлениями, рассказывают о подвигах своих отцов, дедов, даже прадедов, публикуют материалы из архивов и личных впечатлений участников Великой Отечественной.

Издание выдержало проверку временем, оно непрерывно обновляется, обогащается новыми фактами и свидетельствами.

Оно, как и предыдущее, предназначено для историков, социологов, философов, экономистов, преподавателей и учащихся всех форм обучения, для всех, кому дорога история нашей великой Родины.

© Л.И. Ростовцева, 2015
© МОО ИПЦ «Преемственность», 2015
© Тульский филиал ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 2015
© ЦОН при МГУ имени М.В. Ломоносова, 2015

ISBN 978-5-8125-2110-3

Дорогие ветераны!
Уважаемые жители городов-героев
и всех уголков нашей необъятной Родины,
соотечественники за рубежом!

Вы открыли новую книгу воспоминаний и размышлений поколений из серии «Мы помним...», подготовленную в рамках проекта «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов», посвященную 70-летию Великой Победы и 50-летию учреждения почетного звания «Город-герой». Эта книга — символ нашей памяти и благодарности всем тем, кто ценой своих жизней завоевал Победу в 1945-м.

Приятно, что проект, родившийся на тульской земле в 2009 году, успешно реализуется Центром общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова и Тульским филиалом РЭУ им. Г.В. Плеханова под эгидой правительства Тульской области.

Он выдержал проверку временем: расширяется его география (из межрегионального он превратился в международный), растет число его участников, среди которых люди разных возрастов, профессий, национальностей.

Ценность книг «Мы помним...» состоит в том, что они рассказывают о людях беспримерной силы духа, мужества, несгибаемой воли и жертвенности. Благодаря им мы победили в той войне. Память об их подвигах — залог наших будущих побед. Ибо кто не помнит прошлого, у того нет будущего.

Мы помним и свято храним память о наших предках. Будем делать все, чтобы не повторилась та трагедия, унесшая 27 миллионов жизней наших соотечественников.

Сегодня остро стоит проблема фальсификации истории, затушевывания роли Советского Союза во Второй мировой войне. Настоящее издание убедительно противостоит искажению и замалчиванию исторических фактов, так как оно доносит правду «из первых уст».

Особо хочу обратиться к молодежи. Эта книга, подготовленная с вашим участием, — памятник вашим дедам и прадедам, защитникам нашей Родины, вашим бабушкам и прабабушкам, верным подругам своих мужей, хранительницам семейного очага, труженицам тыла. Те, кто участвовал в создании этого памятника, с гордостью представят его своим детям. Те, кто впервые возьмет в руки книгу «Мы помним...», наверняка захочет тоже рассказать о своих героях, вкладе своей семьи и рода в Великую Победу. Проект, родившийся на славной тульской земле, продолжается и набирает силу.

Книга воспоминаний и размышлений поколений «Мы помним...» — лучший подарок всем нам к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне.

В.С. Груздев,
губернатор Тульской области

Дорогие читатели!

Нынешний год — особенный! 9 мая 2015 года мы будем отмечать 70-летие Великой Победы, а 8 мая исполняется 50 лет с момента учреждения почетного звания «Город-герой».

Великая Отечественная война была явлением глубоко патриотическим, поистине всенародным. Поэтому люди, почитающие свою историю, сохраняющие память о прошлом и его связи с настоящим, являются истинными патриотами своей Родины, с любовью творящими будущее нашей любимой России.

Мне особенно приятно, что в городах-героях Москве и Туле несколько лет назад родилась благородная идея создать книгу воспоминаний и размышлений поколений «Мы помним...».

Первая книга была издана к 65-летию Великой Победы, вторая, в 2-х томах — посвящена 70-летию Битвы под Москвой и героической обороне Тулы.

Важно отметить, что это не просто сборник статей, а по сути — большая научно-исследовательская работа под руководством известных ученых, которая нуждается в дальнейшем осмыслении.

Под одной обложкой собрались воспоминания и размышления представителей разных поколений, разных регионов, разных стран.

Воспитательное значение, сохранение родовых и семейных ценностей и традиций являются важной составляющей этого уникального труда.

Богатый опыт, накопленный в предыдущих изданиях, творчески осмыслен и применен в новой работе, посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

Это тем более важно сегодня, когда определенные силы пытаются извратить нашу общую историю, отнять у нас Великую Победу.

Но мы ее никому, никогда не отдадим. Порукой тому — издание книг «Мы помним...», в которых иногда с горечью и понятной жестокостью отражена борьба нашего народа с фашистской агрессией.

Победы прошлого являются залогом наших успехов в настоящем и будущем. Они складываются из малых побед каждого в своем доме и на своем месте, так же, как общая Победа в Великой Отечественной войне.

Так будем и впредь хранить историю и преумножать славу и величие нашей России!

В.И. Гришин,
ректор ФГБОУ ВПО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»,
доктор экономических наук, профессор

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

МИР И ВОЙНА

70 лет прошло по окончании Великой мировой войны в Европе, составленной из двух не менее великих европейских по происхождению войн — Первой (1914–1918 гг.) и Второй (1939–1945 гг.) мировых войн. Для России (сначала Российской империи, затем СССР) эти войны были отечественными, хотя в историю пока вошла под именем отечественной только одна из них — Вторая, как раз и ставшая Великой Отечественной войной (1941–1945 гг.).

Отмечая конец Великой мировой войны в Европе, Россия отмечает прежде всего конец Великой Отечественной войны, празднуя Великую Победу, равной которой не было и нет в истории, причём в истории не одной только России, а и всего мира.

Да, очень хочется говорить сегодня о той Победе, о тех людях, которые её принесли, не забывая и о союзниках, о всех павших в войне, лежащих на бескрайних просторах России, Белоруссии, Украины, Прибалтики, Польши, почти всей Европы, это ведь была не просто большая война, а война народов, да что народов: мира и антимира, рождённого, увы, имперальной Европой.

И нечего тут всё валить на Гитлера с Муссолини, на фашизм и нацизм, ибо тут всё сложнее: сама Европа, кризисно выворачиваясь и нагло прощаясь с гуманизмом, произвела на свет этого монстра — мировую войну — и вроде бы успокоившись на 70 лет, готова уже развязать во главе со своей дочкой-покровительницей — Америкой новую всемирную бойню, хотя нет уже СССР, мировой межгосударственной социалистической системы, мирового коммунистического движения, то бишь нет для Евро-Америки никакого прямого миромасштабного имперального врага, а вот повоевать в мировом масштабе Западу отчего-то вновь очень хочется.

Мотивов тут у Евро-Америки хватает: желание господства Запада над миром; управления миром из североамериканского центра; эксплуатации Западом всего мира; имперального контроля над ресурсами, мозгами и народонаселением планеты; а также недопущение стран-конкурентов и любого Западу сопротивления; уничтожение исторической традиции по всему миру и переход к вестернизированному постчеловечеству, а главное, что сильнее всего раздражает сегодня Евро-Америку, — утрата ею однополюсного главенства на планете Земля, мало того — разворачивание незападной части планеты против Евро-Америки по всем направлениям, целостное отрицание осталь-

ным (незападным) миром агрессивного передового (западного) мира. Очень важное, прямо-таки кардинальное, всемирное противостояние, возникшее вдруг на планете, — через четверть века после кончины СССР! Тот же БРИКС (единение Бразилии, России, Индии, Китая, Южно-Африканской Республики) — вовсе не шутки!

Так случилось, что в центре нынешних головокружительных процессов в мире оказалась вдруг … Россия! Формально из-за украино-российских событий, а на самом-то деле из-за органической несовместимости России и Запада, и не просто их разности, что понятно, но и по причине исторической альтернативности «белой» России «жёлтому» Западу. Попытка России, сдавшись Западу в 1990-х гг., натужно «пожелтеть» успехом ни для кого — ни для России, ни для Запада — не увенчалась, а с обозначившимся вдруг в 2000-е гг. стремлением России вновь «побелеть» (не «покраснеть», заметим, а именно «побелеть»!) у Запада, от которого Россия стала вновь отходить, возник лишь приступ ярости. Обозлились на Россию более всего Америка с Англией, ну и объединённая Европа тоже была вынуждена непонарошку ощетиниться. Так возникла большая, вовсю уже чреватая большой войной, межмировая, а не просто межгосударственная, конфронтация, служащая навязчиво тревожным фоном сегодняшнего российского бытия. Ничего подобного не было ещё три, два, даже год назад!

Великая Победа для нынешней России — не просто славное событие прошлого, это вдохновляющее событие и настоящего момента. Победа не там где-то, за семьюдесятью годами, а здесь, прямо в нашей будничной жизни. День Победы — это великий и радостный праздник, но сегодня это и волевой участник текущей истории, её не просто символическое, но и совершенно работающее знамя!

Празднование 70-й годовщины Великой Победы — обращение не к одной лишь народной памяти, но и к бытующим сегодня народным сознанию, духу, нравственности! Она не только вызывает гордость за подвиг предков, но и взывает к стойкости ныне живущих, защищающих, сражающихся!

Когда готовилась и выходила в свет замечательная книга памяти «Мы помним…» (2010), я писал в предисловии о подспудной тенденции к большой войне, неуклонно вызревавшей в мире. Сегодня, увы, приходится констатировать уже мировоенный всплеск непосредственно у границ России, прямо на территории бывшего СССР, как и бывшей Российской империи. Запад хочет войны, ибо без войны он вовсе и не Запад — и очень ему хочется войны именно с Россией, своим последовательным естественным антиподом. Россия очень мешает Западу, и не столько как геостратегическая соперница, ему и очень неприятная, сколько как источник… правды, пронизывающей, иссушающей и умерщвляющей бесноватый Запад! Отсюда и желание со

стороны Евро-Америки даже не подчинения себе России, что у него явно и не получается, а именно её уничтожения.

Так что будем, дорогие авторы и читатели, бдительны, непреклонны и мужественны! С нами Бог, у нас — Победа, за нами — Россия!

Ю.М. Осипов,
директор Центра общественных наук при ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени, М.В. Ломоносова, Президент Академии философии хозяйства, доктор экономических наук, профессор

ЧТО ТАКОЕ КНИГА «МЫ ПОМНИМ...»?

Проект, задуманный изначально ради стимулирования творческой деятельности студентов научного кружка «Поведение и культура потребителей», сохранения исторической памяти, традиций и ценностей нашего народа, довольно быстро вышел за стены нашего филиала.

В первую книгу, изданную в 2010 году, вошли 149 эссе авторов от 9 до 99 лет из Москвы, С.-Петербурга, Омска, Тулы и Тульской области, Тбилиси (в проекте «Я горжусь подвигом отцов, дедов и прадедов» приняли участие около 200 человек). Книга и проект были отмечены в качестве инициативного примера новых форм патриотического воспитания молодежи в сводном докладе Росвоенцентра при Правительстве Российской Федерации о выполнении мероприятий государственной программы «Патриотическое воспитание граждан РФ на 2006–2010 гг.».

Вторая книга (в двух частях), посвященная 70-летию битвы под Москвой и героической обороны Тулы, объединила авторов 165 работ из 46 городов и населенных пунктов шести стран: России, Беларуси, Украины, Германии, Израиля, США. В проекте приняли участие 469 человек.

В третью книгу, которую Вы держите в руках (тоже в двух частях), включены эссе 285 авторов из 65 городов и населенных пунктов 9 стран мира: России, Беларуси, Украины, Казахстана, Англии, Израиля, Канады, США, Чехии.

В Международном конкурсе эссе, посвященном 70-летию Великой Победы и 50-летию учреждения почетного звания «Город-герой», объявленном правительством Тульской области, Центром общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова и Тульским филиалом РЭУ им. Г.В. Плеханова, приняли участие более 700 человек из 23 регионов России.

Мы дорожим каждой оценкой и откликом на нашу книгу. Благодарны Министру культуры РФ, д.и.н., профессору В.Р. Мединскому, который написал 15 февраля 2012 г.: «Для меня стало честью приглашение в кни-

гу «Мы помним...», в которой собраны лучшие эссе конкурса «Я горжусь подвигом отцов, дедов и прадедов». Вы делаете хорошее дело, и ваш опыт заслуживает того, чтобы быть распространенным на всю страну».

Мы глубоко признательны писателю и литературному критику Владимиру Бушину, назвавшему книги «Мы помним...» (2010 и 2012) в числе «правдивых, грамотных, добросовестных» наряду с иллюстрированной Энциклопедией войны (2005), двухтомной «Книгой для чтения» о войне (2005), Всероссийской книгой памяти (обзорный том вышел в 2003). Для нас это — большая честь.

Книга воспоминаний и размышлений поколений «Мы помним...» — поистине «народная» книга, авторами которой являются представители всех ныне живущих поколений, принадлежащих к разным социальным слоям. Их откровенные эссе о своих героях показывают войну с разных сторон.

Н.В. Калинин,
директор Тульского филиала
ФГБОУ ВПО «Российский экономический
университет им. Г.В. Плеханова»,
кандидат экономических наук

КНИГА-ПАМЯТНИК

Еще в 2009 году многие мои студенты-первокурсники не знали имени и подвига Зои Космодемьянской, ничего не могли рассказать о своих дедах и прадедах, защищавших Родину, не интересовались «своими корнями», историей своей семьи. Провозглашение Бандеры национальным героем Украины, демонтаж памятников советскому солдату-освободителю в Грузии, Эстонии, Украине, разрушение образов, дискредитация героев Великой Отечественной войны — все это дало импульс для появления проекта «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов». Потому что возникло предчувствие...

Сегодня многое изменилось. В России растут патриотические настроения. Украина не стесняется своих фашистских организаций. Идет война. Гибнут люди. Памятники рушатся повсеместно, героизируются украинские националисты. На государственном уровне изгоняется 9 Мая, понятие «Великая Отечественная война» заменяется «Второй мировой»...

У ветеранов хотят отнять День Победы. Многие авторы нашей книги пишут: «Хорошо, что папа не видит этого», «События на Украине подкосили маму...». Потому что участники и свидетели Великой Отечественной знают правду. Они не могут смириться с переписыванием истории. Они могут поведать нам все, что было. Главное — чтобы их слушали и слышали.

Мы хотим слышать и знать. Хотим выразить свою благодарность этим героическим людям, сражавшимся на фронтах и в тылу, в плену и оккупации. Сражавшимся с врагом видимым и невидимым, с голодом и холодом, с ранами и переутомлением. Нас уже более тысячи — участников проекта «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов», а с учетом членов семей и родственников — гораздо больше, и число желающих стать автором нашей книги постоянно растет.

Структура нашего двухтомника продиктована теми целями, которые поставлены в проекте: сохранение исторической правды и противодействие фальсификации истории, укрепление связи поколений, выражение благодарности потомков участникам Великой Отечественной войны. Поэтому главы выстроены по возрастному критерию, что позволило дать подзаголовок «Книга воспоминаний и размышлений поколений».

В ней две части: «О войне из первых уст» и «Великая Отечественная война в ценностном сознании современной молодежи». В книге представлены работы как приглашенных авторов (широко известных ученых, писателей, артистов, космонавтов, общественных и политических деятелей, военных, знаменитых на весь мир оружейников, спортсменов и их потомков), так и эссе авторов, присланные на конкурс «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов» (учителей, работающей молодежи, студентов, учащихся общеобразовательных и средних профессиональных организаций, пенсионеров).

Задуман проект был прежде всего для того, чтобы студенты научного кружка расспросили своих родителей, дедушек и бабушек о том суровом времени и подготовили эссе о жизненных историях и подвигах на фронтах и в тылу своих дедов и прадедов. Поэтому в каждой из трех книг «Мы помним…» обязательно присутствует глава «Студенты научного кружка о подвигах дедов и прадедов», либо «Студенты научного кружка о ценностях военной поры».

Выжить в то суровое время, не сломаться, не предать, помогать фронту своим каждодневным трудом — уже подвиг, не говоря о ежеминутном, ежесекундном риске погибнуть, защищая свою землю, родных, товарищей под свист пуль и грохот орудий. В каждой семье — свои герои, пережившие все тяготы и ужасы войны. Потому и возникла идея приобщить молодежь к истории страны через историю своей семьи, напомнить о тех традиционных ценностях, которые диктовали поведение, которые объединяли всех от мала до велика.

Общество нуждается в героях, почитать их оно будет вечно. Герои дают образцы поведения, к которым стремятся люди, особенно молодежь. Но в разные эпохи разные герои, ведь жизнь не стоит на месте, меняются правительства, интересы, идеология, политика. Потому и создаются памятники, чтобы помнить потомкам о связи с предшественниками, чтить их подвиг, иметь надежные ориентиры в жизни,

не забывать вечные ценности. Трагедия Украины началась с разрушения системы ценностей молодого поколения, сноса советских памятников, возрождения неонацистской идеологии.

В России сегодня открывается много памятников в честь славных событий прошлого, в честь героических личностей, оставивших след в истории страны. Наша книга — тоже памятник. Это памятник нашим любимым отцам, дедам и прадедам, матерям, бабушкам и прабабушкам, взрослым и детям, сражавшимся на фронтах войны и труда. Мы — их преемники.

Мы помним о светлых и темных сторонах истории. Нам приятно называться наследниками Победы, но это обязывает нас быть достойными потомками победителей. Нам стыдно за промахи, ошибки, перегибы, допущенные руководителями государства и отдельными людьми. Но мы можем отличить государство от Отечества с его многовековой богатой историей. И когда некоторые авторы нашей книги рассказывают о своем родословном древе, заглядывая вглубь веков, становится очевидным — им хочется быть достойными памяти своих предков.

Первая глава книги «Чтобы живые помнили», как и в предыдущих изданиях, — научно-мемуарного характера. За ней следуют воспоминания и размышления очевидцев, представителей старших поколений в главах «В первые дни и месяцы войны», «По дорогам войны», «Военное детство и юность», «Наши отцы воевали и деды».

В настоящем издании впервые выделена самостоятельно глава «Женское лицо войны», которая наряду с главами «Герои рядом» и «Из писем, дневников, воспоминаний» составлена из работ авторов разных возрастов.

Вторая часть книги представлена эссе молодежи. Открывает ее глава «Молодежь о защитниках городов-героев», которую продолжают эссе студентов научного кружка о ценностях военной поры. Из приведенных жизненных историй и поступков явствуют традиционные ценности, позволившие одержать победу: преданность и верность, семья, патриотизм, взаимопомощь, милосердие и др. Следует отметить, что члены и выпускники кружка активно помогали в работе над подготовкой книги (набирали тексты, записывали рассказы ветеранов, помогали в оформлении материалов — их фамилии встретятся и в других главах). Затем следуют две главы, составленные из работ студентов вузов и колледжей о подвигах их дедов и прадедов во время войны. Весьма интересная глава «Многонациональная семья героев», в которой рассказывается о тувинце, буряте, дагестанце, казахах, евреях, татарах, советских немцах, французе (в эссе о бабушке, похоронившей первого командира авиаэскадрильи «Нормандия» Ж.-Л. Тюляна). Далее идут главы «Война в историях семей школьников» и «Юные потомки о подвигах в бою и труде». Наконец, в последней главе «Остались вечно

молодыми» молодежь различных возрастов рассказывает о погибших и пропавших без вести героях, благородной деятельности поисковиков.

Каждый раз, когда я пишу предисловие к очередной книге «Мы помним...», рождаются новые определения, позволяющие позиционировать ее в обширной литературе о войне.

Итак, что же представляет собой книга воспоминаний и размышлений поколений «Мы помним...»? Это...

— книга для молодежи, подготовленная с участием молодежи;

— народная история о Великой Отечественной войне;

— жизнь замечательных людей в одной книге;

— правда о войне;

— эмпирическая база для дальнейших научных исследований историков, социологов, экономистов, философов, политологов, психологов и антропологов;

— уникальное собрание семейных преданий и документов: дневниковых записей, писем, воспоминаний и фотографий из семейных архивов и музеев, – обладающее большой научной ценностью;

— учебное пособие для образовательных учреждений по истории Отечества и воспитательной работе;

— ценнейший подарок ко Дню Победы ветеранам и всем нам, кому небезразличны судьбы России;

— памятник советскому народу-победителю...

В подготовке книги приняли участие и оказали содействие музеи городов Тулы, Москвы, Бреста, Керчи, Коврова Владимирской области, Севастополя, Соловецкого монастыря, а также общественные организации, в т.ч. Международный общественный фонд имени полководца Г.К. Жукова, Комитет памяти Маршала Советского Союза Г.К. Жукова, Фонд памяти Полководцев Победы, Фонд имени М.Т. Калашникова, ветеранские организации.

Особая благодарность за сотрудничество Директору ГБУК КО «Государственный музей Г.К. Жукова» М.А. Федоровой, Председателю президиума Межгосударственного Союза городов-героев Дважды Герою Советского Союза В.В. Горбатко, научному сотруднику Музейного историко-мемориального комплекса героическим защитникам Севастополя «35-я береговая батарея» Е.В. Ерошевич.

Л.И. Ростовцева,
профессор Тульского филиала ФГБОУ ВПО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова», генеральный директор межрегиональной общественной организации «Историко-просветительский центр «Преемственность», руководитель проекта «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов», доктор социологических наук

Часть I
О войне
из первых уст

Глава 1. Чтобы живые помнили

ПОДВИГ ГОРОДОВ-ГЕРОЕВ

Горбатко Виктор Васильевич, *80 лет,*
дважды Герой Советского Союза,
летчик-космонавт, генерал-майор,
председатель президиума Межгосударственного союза
городов-героев и городов воинской славы,
г. Москва

Одним из самых трагических дней в нашей истории был день 22 июня 1941 года, когда весь народ Советского Союза узнал о вероломном нападении фашистской Германии на нашу страну. Началась Великая Отечественная война. 1941–1945 годы — время тяжелейших испытаний для всего советского народа. Фашисты планировали захватить нашу страну всего за несколько месяцев. 7 ноября 1941 года на Красной Площади должен был пройти парад в честь победы Германии. Но планам фашистов не суждено было сбыться — блицкриг не состоялся. А вот парад на Красной Площади прошел, но только 6 ноября в честь 24-й годовщины Октябрьской революции.

Линия фронта в это время проходила всего в нескольких десятках километров от Москвы. Парад имел огромное значение — он поднял моральный дух людей. Воины Красной Армии мужественно сражались на всех фронтах, борьба шла за каждый клочок земли. Непрекращающееся сопротивление физически и морально изматывало противника. Жители городов, деревень, поселков защищали свою Родину. Особо отличившимся городам за массово проявленное мужество и героизм их защитников впоследствии было присвоено высокое звание «Город-герой».

Впервые понятие «Город-герой» прозвучало в Приказе Верховного Главнокомандующего от 1 мая 1945 года, тогда героями были названы Ленинград, Одесса, Севастополь и Сталинград, но это еще не было официальным присвоением звания. Положение «О почетном звании «Город-герой» было учреждено в канун 20-летия Великой Победы, 8 мая 1965 года. В этот день 6 городов: Ленинград, Одесса, Севастополь, Волгоград, Киев, Москва, — были удостоены высокого звания «Город-герой» и Брестская крепость — «Крепость-герой». В 1973 году звание было присвоено Новороссийску и Керчи, год спустя Минску.

В 1976 году — Туле. В 1985 году, в год сорокалетия Победы, звания «Город-герой» удостоились Мурманск и Смоленск.

ЛЕНИНГРАД (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

Гитлер ненавидел Ленинград за то, что именно здесь в 1917 году вспыхнуло восстание, которое переросло в социалистическую революцию. В секретной директиве немецкого штаба «О будущности Петербурга» от 22 сентября 1941 года говорилось: «Фюрер решил стереть город Петербург с лица земли». Однако благодаря героическим действиям Красной Армии и самих жителей города Ленинград удалось отстоять. Жители города выдержали 900-дневную блокаду Ленинграда. Превозмогая голод и болезни, выходили они на строительство оборонительных сооружений, многие сражались в отрядах народной самообороны и среди партизан.

Битва за Ленинград началась 10 июля 1941 года.

8 сентября этого же года был захвачен Шлиссельбург, после чего все подъезды к городу были блокированы, и началась блокада.

За период блокады по Ленинграду было выпущено около 150 тысяч снарядов и сброшено 102520 зажигательных и 4655 фугасных авиабомб. Было разрушено 840 промышленных предприятий, более 10 тысяч жилых зданий. Потери среди гражданского населения от голода и бомбежек составили свыше 640 тысяч ленинградцев, не считая потерь городков и поселков Ленинградской области.

Когда немецкое командование поняло, что быстро город не взять, его жителей решили изморить голодом и уничтожить бомбежками. С 4 сентября начались массовые бомбежки города, в городе начала ощущаться нехватка продовольствия, с 20 ноября 1941 года начали выдавать хлеб по карточкам: 250 гр. рабочим, 125 гр. всем остальным. 30 января 1942 года Гитлер заявил: «Ленинград мы не штурмуем сознательно. Ленинград выжрет самого себя».

Но Ленинград не только не «выжрал» сам себя, но и продолжал работать. За время блокады было отремонтировано более 2 тысяч танков, полторы тысячи самолетов, тысячи морских и полевых орудий, изготовлено 225 тысяч автоматов, 12 тысяч минометов, свыше 10 миллионов снарядов и мин.

Также город жил и обычной жизнью: работали театры (в Мариинском театре даже показывали балет), библиотеки, школы. Писатель Александр Фадеев сказал: «И самый великий подвиг школьников Ленинграда в том, что они учились». И это при том, что в городе не хватало не только еды, но и дров, лекарств, электричества, тепла, те-

плых вещей и т.д. Учились в бомбоубежищах, где стоял лютый мороз и замерзали чернила.

Известен дневник Тани Савичевой — маленькая записная книжка, в которой всего 9 записей о смерти каждого из родных. Героизм маленькой 12-летней девочки состоял в том, что она, становясь свидетельницей смерти своих родных, не испугалась, не опустила руки, а наоборот, делала записи. Ее записи впоследствии сыграли историческую роль — они были предъявлены на Нюрнбергском процессе в качестве одного из документов, обвиняющих фашизм в преступлениях против человечества.

Так город жил более двух лет! В январе 1944 г. героическими усилиями войск Ленинградского, Волховского и 2-го Прибалтийского фронтов при тесном взаимодействии с Балтийским флотом, Ладожской и Онежской военными флотилиями блокада была снята. Операция «Искра» по снятию блокады длилась с 12 января по 6 февраля 1944 года, в эти дни шли непрерывные артиллерийские и танковые бои на Неве. И 6 февраля 1944 года прямо во время боев по железной дороге Шлиссельбург — Поляны прошли первые поезда. Транспортное снабжение города с Большой Земли было восстановлено.

Ленинград показал всему миру силу своего духа, героизм и мужество русского народа. После снятия блокады с Ленинграда серьезно пошатнулись настроения не только фашисткой армии, но и в странах-союзницах фашисткой Германии.

ОДЕССА

Практически с первых дней войны Одесса стала прифронтовым городом, вплотную фронт подступил к городу в августе 1941 года. В это время силами гражданского населения создаются 6 оборонительных поясов. Первый рубеж был в 20–25 км от Одессы, основной рубеж — в 10 км.

8 августа в городе было объявлено осадное положение, а 10 августа уже начался активный штурм одесских укреплений. Через несколько дней Одесса была полностью блокирована с суши и отрезана от войск Южного фронта.

19 августа был создан Одесский оборонительный район (ООР), командующим которого назначили Г.К. Жукова. Четыре дивизии численностью в 35 тыс. человек настолько мужественно противостояли 14 дивизиям врага, что тем пришлось в сентябре ввести в наступление еще 3 дивизии. В результате к 21 сентября немцам удалось выйти на основной оборонительный рубеж, а на восточном направлении — на ближние подступы и таким образом начать артиллерийский обстрел порта и подходного фарватера.

К этому времени из Новороссийска морем подошли еще советские войска и 22 сентября по врагу был нанесен комбинированный удар. В результате противник отброшен на 5–8 км.

Однако угроза взятия Одессы и прорыва немецких войск в Крым оставалась реальной, и 30 сентября было принято решение об эвакуации Одессы, проходившей до середины октября. Оборона Одессы имела свое историческое значение — 73-дневная битва сковала 18 дивизий противника, в ходе её было выведено из строя свыше 160 тысяч вражеских солдат и офицеров, около 200 самолётов и около 100 танков, что затруднило продвижение врага на Восток.

Гражданское население города, находясь в осаде, практически без пресной воды, также боролось и помогало фронту. За время обороны на заводах Одессы было изготовлено 69 танков из гусеничных тракторов, 3 бронепоезда, 1262 миномета, сотни огнеметов, 210 тысяч ручных гранат, 30 тысяч мин, отремонтировано 44 танка.

После сдачи города борьба не прекратилась. Часть жителей спустилась в катакомбы под Одессой и пригородами, где было организовано партизанское движение.

Одесские катакомбы — сеть подземных каменоломен, природных пещер и транспортных коридоров, бункеров, дренажных тоннелей, канализационных стоков, естественных цистерн для сбора дождевой питьевой воды — общей протяженностью более 2,5 тысячи км, с выходами к Черному морю в разных местах — в пригородах Одессы и в самой Одессе — через подвалы и канализационные люки. Из-за постоянной влажности, долгого эха и присутствия известняковой пыли здесь не может взять след ни одна собака и, более того, заблудившись, даже собака не сможет найти выход по своему обратному следу. В катакомбах может ориентироваться только человек, который здесь вырос, который знает лабиринт изначально.

Разветвленная сеть катакомб позволяла перемещаться под Одессой быстро и незаметно: партизаны появлялись из ниоткуда, наносили точечный удар по врагу и также незаметно исчезали, в прямом смысле слова, проваливаясь под землю. Жили партизаны также в катакомбах — здесь были устроены и комнаты отдыха, и спальни, и кухни, и даже госпиталь, бани и детские комнаты. Дети также воевали в партизанских отрядах — они были связными и разведчиками.

Фашисты всячески боролись с подпольем. Они регулярно взрывали и засыпали входы в катакомбы, устраивали набеги и даже варили борщ на полевой кухне у выхода из катакомб, надеясь, что оголодавшие люди выбегут на вкусный запах родного борща. Но тщетно.

Однажды после диверсионной вылазки партизан, когда был подорван поезд с высокопоставленными румынскими чиновниками, фашисты решили войти в катакомбы и дать бой партизанам. Бой

продолжался около двух суток, однако не был ожесточенным и тем более успешным. Оказалось, воевать в катакомбах невозможно — везде сплошная темнота, а стоит включить фонарик, тут же раздавался снайперский партизанский выстрел. Фашистам пришлось отступить.

За время фашистской оккупации в Одессе и области подпольную и партизанскую борьбу вели 13 партизанских отрядов, 22 подпольные организации, более 50 подпольных групп. В их составе боролись 4308 патриотов, в том числе 900 коммунистов и комсомольцев. Партизаны и подпольщики уничтожили более 5 тысяч гитлеровских солдат и офицеров, взорвали 27 воинских эшелонов, 16 мостов, сожгли 248 автомашин.

В марте 1944 года началась операция по освобождению Одессы, которая с успехом завершилась 10 апреля 1944 года.

СЕВАСТОПОЛЬ

В год 70-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне Севастополю исполнится 232 года. Все эти годы город-крепость надежно защищал южные границы Российского государства, был и ныне служит главной базой Черноморского флота. Одной из славных глав его истории является оборона 1941–1942 годов.

Первый налет вражеской авиации, которая пыталась минами заблокировать корабли в бухтах в июне 1941 года, Севастополь отразил зенитным огнем кораблей и береговых батарей.

При приближении врага Севастополь, как это не раз бывало, вновь стал городом-воином. На трех рубежах строились артиллерийские и пулеметные доты, укрытия и противотанковые заграждения, устанавливались минные поля и фугасы, разворачивались артиллерийские батареи.

Севастополь быстро перестроился на военный лад: была проведена мобилизация, предприятия переориентированы на выполнение приоритетных военных заказов. 29 октября 1941 года город перешел на осадное положение.

Первой вступила в бой на подступах к Севастополю береговая батарея, открывшая 30 октября огонь по колонне танков и мотопехоты противника.

4 ноября был создан Севастопольский оборонительный район (СОР). В жестоких боях авиаторы Черноморского флота уничтожили 58 самолетов противника. Стойко сражались на дальних подступах к Севастополю курсанты Военно-морского училища береговой обороны имени ЛКСМУ. 7 ноября под Дуванкоем (ныне — Верхнесадовое)

приняли неравный бой, уничтожили 10 танков и не пропустили врага краснофлотцы Иван Красносельский, Даниил Одинцов, Юрий Паршин, Василий Цибулько во главе с политруком Н.Д. Фильченковым. К 9 ноября гитлеровцы оставили попытки взять город с ходу.

Перегруппировавшись, они предприняли штурм города, продолжавшийся с 11 до 24 ноября. Наступление врага было остановлено на рубежах обороны.

Используя все возможности, оборону Севастополя усиливали моряки и горожане: строили дополнительные укрепленные огневые точки, орудия с поврежденных кораблей установили на 8 стационарных батареях.

В глубоких штольнях было организовано производство оружия и боеприпасов, пошив и ремонт обмундирования и обуви. Только за первые 10 дней декабря 1941 года спецкомбинат № 1 изготовил и отправил на фронт 93 миномета и 4,4 тыс. мин для них, 8 тыс. гранат, 9,6 тыс. противотанковых мин. В подземном Севастополе продолжалась жизнь: действовали госпитали, работали школы, выходили газеты. Город не сдавался врагу.

Второй штурм был предпринят фашистами 17 декабря. В этот день решающую роль сыграла береговая и корабельная артиллерия. Часть стрельб выполнялась с корректировкой огня передовыми наводчиками, что повышало действенность огня при ограниченной возможности пополнения боезапаса.

После второго неудачного штурма фашисты приступили к массированным бомбардировкам и обстрелам Севастополя, неделя за неделей готовя новое наступление. Используя все возможности, защитники города укрепляли оборону, оборудовали новые позиции, расширяли и восстанавливали аэродромы.

С каждым днем обороны транспорту становилось всё труднее прорываться в осажденный Севастополь. В воздухе господствовала немецкая авиация, с моря город пытались блокировать немецкие катера. Стала сказываться нехватка у защитников снарядов, патронов, топлива, воды. Но город сражался. Грузы и пополнение стали доставлять боевые корабли, в основном по ночам. Обратными рейсами они вывозили раненых, женщин и детей.

Невиданная по массированности артиллерийская и авиационная подготовка нового штурма началась 20 мая 1942 года. Только за 2–6 июня на Севастополь было сброшено 48 тыс. бомб, а 7 июня начался третий штурм города. Мужественно сражались защитники Севастополя за каждую пядь земли.

4 июля 1942 года Севастополь был оставлен. Героическая оборона Севастополя длилась 250 дней. За это время враг потерял в боях до 300 тыс. солдат и офицеров убитыми и ранеными, свыше 370 танков

и 350 бронемашин, 600 самолетов, 760 орудий и 2 тыс. минометов, много другого вооружения и техники. Но главное, что в течение 11 месяцев самого сложного начального периода Великой Отечественной войны Севастополь сковал большую группировку немецко-румынских войск, изматывая и уничтожая ее в непрерывных боях. Беспримерная стойкость севастопольцев способствовала срыву наступательных планов немецкого командования.

Долгожданное освобождение пришло весной 1944 года. 9 мая 1944 года весь Севастополь был освобожден, над Графской пристанью снова реяло Красное знамя.

ВОЛГОГРАД (СТАЛИНГРАД)

2 февраля 2015 года исполнилось 72 года со дня победы советских войск в Сталинградской битве. Это крупнейшее сухопутное сражение стало переломным в Великой Отечественной войне, когда враг потерял стратегическую инициативу и был психологически сломлен.

К июню 1942 года соотношение сил на Сталинградском фронте складывалось в пользу немцев. Прекрасно обученная и значительно превосходящая в численности армия противника выступила против советской армии, не имевшей достаточной подготовки. Оборону приходилось держать на неподготовленных или слабо подготовленных для этого рубежах.

Боевые действия этого грандиозного сражения продолжались 200 дней и ночей на территории свыше 100 тыс. кв. км. В боях с обеих сторон принимали участие 2 млн. человек, 2 тыс. танков и 2 тыс. самолетов, 26 тыс. орудий и минометов.

Первыми вступили в бой с противником на рубеже рек Чир и Цимла передовые отряды 62-й и 64-й армий. Своим героическим сопротивлением они сорвали планы немцев сразу же овладеть городом. Темп продвижения противника снизился с 30 км (12–17 июля) до 12–15 км (18–22 июля) в сутки. Враг не смог захватить Сталинград к 25 июля 1942 года, как наметил ранее, и гитлеровское командование решило перегруппировать свои войска: 4-я танковая армия, которая действовала против войск Южного фронта на кавказском направлении, в конце июля 1942 года была перенацелена на Сталинград и брошена в наступление.

В середине августа 1942 года противнику удалось форсировать Дон, а 23 августа немецкий 14-й танковый корпус прорвал нашу оборону и вышел к Волге в северной части города. В этот день Сталинград был подвергнут массированной бомбардировке.

На юго-западных подступах к Сталинграду также складывалась сложная обстановка. В ходе ожесточенных боев с 21 по 27 августа немцы захватили несколько железнодорожных станций, но дальнейшее их продвижение к городу было остановлено.

С 13 сентября начались упорные и кровопролитные бои за каждую улицу, каждый дом, каждый выступ стены. Вокзал, элеватор и другие объекты по нескольку раз переходили из рук в руки. Особой ожесточенностью и напряжением отличалась борьба за Мамаев курган — высоту 102,0, которая господствует над северной и центральной частью города. Бои за нее начались 13 сентября и шли 135 суток.

К концу сентября 1942 года боевые действия переместились к северу, в заводские районы. 4 октября в руках немцев оказались поселки заводов «Красный Октябрь» и «Баррикады»; 18 октября — тракторный завод. 11 ноября немцам удалось прорваться к Волге южнее завода «Баррикады», что стало их последней попыткой взять город.

18 ноября оборонительный период Сталинградской битвы завершился. Врагу был нанесен значительный урон: 700 тыс. убитыми и ранеными; более 1 тыс. танков и орудий, 1,4 тыс. боевых и транспортных самолетов. Планы вермахта были сорваны. Наши войска, проявив мужество, стойкость и массовый героизм, обескровили сталинградскую группировку противника, подготовив условия для перехода в наступление.

Еще в сентябре 1942 года осуществлялась подготовка мощного контрнаступления, которое началось 19 ноября 1942 года силами Юго-Западного и Донского фронтов. К исходу дня Юго-Западный фронт продвинулся на 25–35 км. На следующий день в наступление перешел Сталинградский фронт. Танковые и механизированные корпуса двух фронтов продвигались навстречу друг другу и 23 ноября соединились в районе Калач — Советский — Мариновка. В результате в кольце окружения оказались 22 дивизии и 160 отдельных частей 6-й полевой армии и часть 4-й танковой армии немцев общей численностью 330 тыс. солдат и офицеров.

К концу декабря войска левого крыла Воронежского, Юго-Западного и Сталинградского фронтов отбросили остатки войск противника на 150–200 км, что создало благоприятные условия для ликвидации окруженных немецко-фашистских войск.

8 января 1943 года немецко-фашистскому командованию был предъявлен ультиматум о капитуляции. Он был отклонен. 10 января наши войска перешли в решительное наступление: артиллерия поддерживала атаку пехоты и танков огневым валом; авиация наносила удары по ближним и дальним объектам врага. 26 января войска 21-й армии соединились на северо-западном склоне Мамаева кургана с 62-й армией, расчленив 6-ю армию врага на северную и южную груп-

пировки. 31 января прекратила сопротивление южная группировка. В этот же день в подвале Центрального универмага Сталинграда был пленен штаб армии во главе с фельдмаршалом Ф. Паулюсом. 2 февраля капитулировала северная группировка.

Победа под Сталинградом подняла международный авторитет Советского Союза и его вооруженных сил, а также явилась решающим фактором дальнейшего укрепления антигитлеровской коалиции.

В 1961 году Сталинград был переименован в Волгоград.

КИЕВ

В первый же день Великой Отечественной войны Киев подвергся бомбардировке немецко-фашистской авиации.

Более двух месяцев продолжались ожесточенные бои с превосходящими силами противника на подступах к Киеву. Но город стоял непреодолимой преградой для врага: было разгромлено 10 кадровых немецких дивизий, здесь нашли гибель более 100 тыс. фашистских солдат. Однако потери советских войск были еще больше, ведь силы противника значительно превосходили наши войска и по численности войск и по количеству вооружения.

В конце августа 1941 года фашистское командование повернуло свою сильнейшую танковую группировку на юг, в обход Киева. Из-за создавшейся угрозы окружения советских войск 19 сентября по приказу Ставки Киев был оставлен. 778 дней город находился под властью оккупантов. Сопротивление киевлян шло под руководством подпольных организаций, которые в очень сложных условиях наносили противнику ощутимые удары.

Не менее героически вели себя и жители города. В 1942 году удалось возродить трамвайное хозяйство. Работали городские детские приюты, где подкармливали малышей. Велся учет жилфонда, было упорядочено взимание платы с арендаторов-предпринимателей. В ноябре началось обучение в киевских школах. Всего было открыто более 70 общеобразовательных школ и 30 гимназий.

Освобожден Киев был только в конце 1943 года. Особо ожесточенное сражение за город завязалось ночью 5 ноября 1943 года. На рассвете 6 ноября одним из первых прорвался на улицы украинской столицы танк, экипажем которого командовал гвардии старшина Н.Н. Шолуденко. Именно в этот день украинская столица была освобождена силами 1-го Украинского фронта, которыми командовал генерал армии Н.Ф. Ватутин. В результате удачно проведенной наступательной операции и обходного маневра противник понес огромные потери в живой

силе и технике. Продолжая развивать успешное наступление, войска 1-го Украинского фронта овладели районным центром Киевской области Васильковом, а также заняли более 60 других населенных пунктов.

Великая битва за Днепр и последующее освобождение Киева были одними из самых важных операций Великой Отечественной войны, во время которых советскими воинами-освободителями проявлен массовый героизм.

БРЕСТСКАЯ КРЕПОСТЬ

Брестская крепость первой приняла на себя удар врага 22 июня 1941 года. По планам противника крепость необходимо было захватить с ходу. На рассвете гитлеровские войска перешли границу Советского Союза. К 9 часам утра крепость была полностью окружена. К этому времени половине личного состава удалось выйти из крепости. Оставшиеся оказались в окружении, в тылу противника. Бойцы и командиры приняли бой, превратив цитадель над Бугом в сильный узел сопротивления.

Противник в несколько раз превосходил по силе участников обороны. Отрезанные от действующей армии и тыла, в условиях острой нехватки боеприпасов, продовольствия и воды воины крепостного гарнизона сражались в течение месяца.

С началом боевых действий в крепости сложились отдельные очаги сопротивления с самостоятельным командованием. Первый удар приняли на себя пограничники 9-й заставы, начальником которой был лейтенант А.М. Кижеватов. На рассвете у Холмских ворот в первую штыковую контратаку поднялись воины 84-го стрелкового полка.

Защитники неоднократно пытались прорваться из окружения. Шли дни ожесточенных боев. До конца июня 1941 года оборона носила организованный характер. В ходе штурма крепости погибли почти все руководители обороны. Однако сопротивление продолжалось. Действовали разрозненные группы, бои шли за отдельные части зданий, в казематах цитадели и на Кобринском укреплении. Последние бойцы и командиры продолжали держать оборону.

На Кобринском укреплении самое мощное сопротивление противнику оказали защитники Восточного форта во главе с майором П.М. Гавриловым. 29 июня на форт было сброшено несколько бомб. 30 июня гитлеровцы вошли в форт. Группа бойцов находилась в труднодоступных казематах форта до 12 июля. Майор П.М. Гаврилов принял свой последний бой 23 июля в капонире внешнего оборонительного вала, тяжелораненым был взят в плен.

Защитники крепости оставили надписи на крепостных стенах. Первые были найдены в 1949 году в казарме у Брестских ворот: «Умрем, но из крепости не уйдем!» Затем — у Тереспольских ворот: «1941 год. 26 июня. Нас было трое, нам было трудно, но мы не пали духом и умираем как герои». Эта надпись была нацарапана острым предметом у амбразуры, обращенной на запад, на уровне 120 см от пола, на котором лежали пулеметные ленты и гильзы... В 1952 году на стене каземата в северо-западной части оборонительной казармы прочитали слова: «Я умираю, но не сдаюсь! Прощай, Родина. 20/VII — 41». Осенью 1958 года обнаружены слова «Умираем, не срамя», оставленные на стене подвала Белого дворца.

МОСКВА

В годы Великой Отечественной войны Москва была не только политическим, но и военным центром страны. Именно отсюда осуществлялось руководство боевыми действиями на фронте и работой тыла. Москва олицетворяла всю нашу страну, ее силу, сплоченность, нерушимое единство. Понимая значение Москвы для всего Советского Союза, фашистская Германия основной свой целью видела захват столицы, рассчитывая, что это деморализует советский народ, приведет к капитуляции СССР. Но надеждам гитлеровцев на захват Москвы не суждено было сбыться.

После объявления о начале войны 22 июня 1941 года, на многих предприятиях, в учреждениях, учебных заведениях прошли митинги, на которых жители столицы выражали готовность отстоять свободу и независимость Родины. Рабочие переходили на 10–11-часовой рабочий день, отказались от выходных, множество женщин освоили мужские профессии, чтобы заменить ушедших на фронт мужчин.

На всех предприятиях Москвы шла упорная борьба за мобилизацию внутренних резервов, экономию сырья, материалов, электроэнергии. Огромную работу по обслуживанию нужд фронта проводили работники железнодорожного, водного, городского транспорта.

Уже в первые дни войны в Москве началось массовое движение за создание фонда обороны Родины. Уже к концу августа 1941 года он составил 11 млн. руб., в последующие дни возрос еще больше. Практически одновременно начинается сбор средств на строительство танковых колонн и авиаэскадрилий боевых самолетов, санитарных самолетов, поездов-бань, агитпоездов.

Широкий размах приобрело в Москве движение доноров. Тысячи людей разных возрастов и профессий ежедневно обращались в госпитали, больницы, поликлиники, станции переливания крови с просьбой взять их кровь для раненых бойцов и командиров Советской Армии. В среднем в октябре 1941 г. в Москве ежедневно сдавало кровь более 1 500 доноров. Москвичи работали и в госпиталях, брали над ними шефство.

Москвичи стремились попасть на фронт, только за первые три дня войны в военкоматы города поступило около 20 тыс. заявлений с просьбой о направлении в действующую армию. 2 июля 1941 года было принято решение о создании народного ополчения Москвы, всего через несколько дней в него записалось почти 170 тыс. человек. К 7 июля из добровольцев сформировали 12 стрелковых дивизий народного ополчения численностью около 120 тыс. человек. Свое боевое крещение дивизии народного ополчения получили в боях на дальних подступах к столице в начале октября 1941 г. Вместе с кадровыми дивизиями Советской Армии они приняли на себя тяжелые удары противника, начавшего наступление на Москву.

Наряду с созданием народного ополчения в июле 1941 г. были сформированы и оснащены истребительные батальоны. Они комплектовались из подготовленных в военном отношении москвичей, не подлежавших призыву в армию. За несколько дней было сформировано 25 истребительных батальонов, в которые вступило 18 тыс. добровольцев. Истребительные батальоны получили важную задачу: обеспечить безопасность города в случае высадки десанта противника. Когда над Москвой нависла непосредственная военная опасность, истребительные батальоны были направлены на оборону подмосковных рубежей.

В ночь на 22 июля 1941 г. произошел первый налет вражеской авиации на Москву. В нем участвовало более 250 бомбардировщиков. Однако основная их масса была рассеяна на подступах к столице. Только отдельные вражеские бомбардировщики смогли прорваться к городу и сбросить зажигательные и фугасные бомбы. В различных районах города возникло несколько пожаров, но их быстро ликвидировали подразделения МПВО (Местная противовоздушная оборона). Так было и при последующих налетах. Бойцы МПВО, несмотря на грозившую им опасность во время налетов, немедленно приступали к ликвидации разрушений и спасению людей. Героизм и мужество защитников Москвы, хорошая военно-техническая оснащенность — все это помогло надежно защитить советскую столицу с воздуха.

К октябрю 1941 года для непосредственной обороны города было сформировано 25 отдельных рот и рабочих батальонов общей численностью 11 693 человека. Вместе с рабочими, составившими костяк этих батальонов, в них входили люди самых разных профессий. Ра-

бочие батальоны с 17 по 20 октября занимали позиции на окраинах Москвы, прикрывая важнейшие автомагистрали, ведущие к столице. На участках прорыва нашей обороны некоторые рабочие батальоны сразу же вводились в бой, оказывая большую помощь войскам действующей армии.

Велись работы по строительству оборонительных рубежей, заграждений, укреплений. Более 500 тыс. москвичей в любых условиях — днем и ночью, в осенние дожди и слякоть, нередко под обстрелом противника — самоотверженно трудились на строительстве укреплений вокруг Москвы. Среди всей массы строителей большую часть составляли женщины.

Чтобы поддержать моральный, боевой дух советских людей, 7 ноября 1941 года на Красной Площади был проведен парад, прямо оттуда мужчины отправлялись на фронт.

Разгром немецко-фашистской армии в битве под Москвой был самым крупным событием первого периода Великой Отечественной войны. Потерпел крушение гитлеровский план молниеносной войны против СССР. Отзвуки славной победы советских войск под Москвой прокатились по всему миру, укрепляя надежду на полный разгром гитлеровской Германии.

КЕРЧЬ

Керчь — стратегически важный город, один из основных экономических, культурных и духовных центров Крымского полуострова. Во все времена он сплачивал людей разных сословий, национальностей и вероисповеданий.

Керчь дважды подвергалась фашистской оккупации. Из 105 тыс. человек, проживавших здесь до войны, 11 апреля 1944 года воинов-освободителей встречали лишь 34 мирных жителя. Фашисты разрушили все предприятия, сожгли почти все жилые дома.

В сентябре 1941 года начались боевые действия. На Крым была брошена 11-я армия вермахта под командованием Э. фон Манштейна в составе 7 пехотных дивизий, оснащенных мощной боевой техникой. Защищала Керченский полуостров 51-я армия. 27 октября были разрушены порт и железнодорожный вокзал. В тяжелых условиях удалось вывезти из города 30 тыс. жителей. К концу октября в Сибирь и на Урал было эвакуировано основное промышленное оборудование, и на металлургических заводах взорвали домны.

В период Крымской оборонительной операции 1941 года Керчь переживала ежедневные налеты немецко-фашистской авиации, однако

производить военную продукцию не прекращала. Рабочие и инженеры металлургического завода имени Войкова своими руками создали, доставили в Симферополь по железной дороге бронепоезд «Войковец», который успешно воевал с противником.

Измотанные в тяжелых кровопролитных боях части 51-й армии под командованием генерал-лейтенанта П.И. Батова отошли от Перекопа на Ак-Монайский перешеек, а затем отступили к Керчи. Несмотря на то, что советские солдаты и офицеры героически защищали город, 16 ноября они вынуждены были оставить Керчь.

Гитлеровцы установили в городе жестокий оккупационный режим и проводили репрессии против мирного населения.

В ночь на 26 декабря 1941 года началась одна из крупнейших в годы Великой Отечественной войны десантных операций — Керченско-Феодосийская. Результатом стал уход противника из Керчи и Феодосии 30 декабря 1941 года, а 2 января 1942 года вражеские группировки были вытеснены со всего Керченского полуострова. И хотя 18 января враг вернул себе Феодосию, итогом операции был захват стратегического плацдарма для продолжения боевых действий советских войск в Восточном Крыму. Были сорваны планы фашистской Германии по вторжению на Северный Кавказ через Керченский полуостров в 1941 году.

Для решения стратегической задачи освобождения Крыма 28 января 1942 года из войск 44, 47 и 51-й армий был образован Крымский фронт под командованием генерал-лейтенанта Д.Т. Козлова. Однако плохо продуманное построение войск, отсутствие необходимых резервов явились причинами неудач Керченской оборонительной операции весной 1942 года. 8 мая 1942 года многократно превосходящие по численности немецко-фашистские войска под прикрытием авиации перешли в наступление. Уже 14 мая бои шли на окраине Керчи, 15–18 мая — на горе Митридат и в центре города, в районах поселков имени Войкова, Капканы, Булганак, Аджимушкай, Баксы, Маяк. 19–20 мая военные действия развернулись у поселков Еникале и Жуковка. Под непрерывным артиллерийским обстрелом и бомбежкой вражеской авиации проходила эвакуация остатков войск и боевой техники расформированного Крымского фронта через Керченский пролив.

Попавшие в окружение разрозненные войсковые соединения защитников города заняли оборону в каменоломнях в районе завода имени Войкова. 170 дней и ночей в условиях жестокой блокады, голода, жажды, противодействуя газовым атакам, взрывам подземных выработок, сражались с врагом солдаты подземных гарнизонов, уничтожая фашистских оккупантов и боевую технику. Из-за них противник вынужден был держать в районе каменоломен крупные силы, необходи-

мые на других фронтах. Истощенные бойцы подземной крепости были взяты в плен лишь в конце октября 1942 года, большинство участников обороны погибли.

В октябре началась операция по освобождению Керченского полуострова. В ночь на 1 ноября 1943 года часть войск 18-й армии в сильный шторм с боями высадилась в районе пос. Эльтиген. 36 дней и ночей удерживали десантники небольшой плацдарм, получивший название «Огненная земля». Керченско-Эльтигенская десантная операция, положившая начало освобождению Крыма, имела важное военно-политическое значение.

11 ноября 1943 года линия фронта проходила по восточной окраине Керчи. Ожесточенные бои за освобождение Керчи, прорыва к Крыму продолжались до 11 апреля 1944 года. Именно в этот день Керчь была окончательно освобождена.

НОВОРОССИЙСК

Среди важнейших событий Великой Отечественной войны видное место занимает начавшаяся 25 июня 1942 года битва за Кавказ. Большое значение в планах немцев имел захват Новороссийска.

Учитывая важное стратегическое значение города и порта, фашисты с первых дней войны вели разведку этого района с воздуха, сбрасывали морские мины, фугасные и зажигательные бомбы, стремясь разрушить порт. Новороссийск стал прифронтовым городом. Через него на запад двигались войска, боеприпасы и техника, в обратном направлении, на восток, эвакуировали предприятия и людей. Сразу вступили в сражение с вражескими кораблями и авиацией корабли Новороссийской военно-морской базы, береговая дальнобойная и зенитная артиллерия.

Подступы к Новороссийску с севера, северо-востока и Таманского полуострова обороняла 47-я армия совместно с морской пехотой, противник превосходил армию по пехоте в 4 раза, по орудиям и минометам — в 7 раз, по танкам и самолетам — почти в 2 раза.

Ожесточенные бои за Новороссийск продолжались до начала осени, 7 сентября немцы вышли к северной окраине, захватили железнодорожный вокзал, элеватор и порт. Через несколько дней тяжелые бои развернулись на центральных улицах. Часть города была занята.

Враг ворвался в Новороссийск, но ему не удалось захватить его весь. В руках Красной Армии остался и восточный берег Цемесской бухты. Путь фашистам в Закавказье по Сухумийскому шоссе был закрыт, хотя они на протяжении 360 дней неоднократно стремились прорваться в этом направлении.

Советские войска лишили противника возможности использовать Новороссийский порт в своих интересах. Черноморский флот надежно контролировал вход в Цемесскую бухту, порт постоянно находился под огнем нашей артиллерии, расположенной на восточном берегу Цемесской бухты.

Бои в районе Новороссийска не прекращались ни на один день. Только за период октябрь — декабрь войска 47-й армии в районе города уничтожили около 15 тыс. солдат и офицеров противника, около 180 автомашин, 7 танков, около 30 дзотов.

В январе 1943 года началась подготовка операции по освобождению Новороссийска, замысел которой состоял в следующем: 47-я армия прорвет оборону противника и сумеет обойти Новороссийск с северо-востока, а десантные части будут наступать с юго-запада.

Высадка основного десанта в районе Южной Озерейки, проводившаяся в ночь с 3 на 4 февраля 1943 г., оказалась безуспешной. К началу высадки основного десанта в этом районе войска 47-й армии не вышли на перевалы Маркотх и Неберджаевский, как это было предусмотрено планом операции.

По-другому развивались боевые действия в районе высадки демонстративного десанта майора Куникова. В результате ожесточенного боя к рассвету 4 февраля демонстративный десант занял несколько кварталов в южной части поселка Станички, участок железнодорожного полотна и стал расширять плацдарм в сторону поселка и возвышающейся над ним горы Мысхако, уничтожая дзоты, блиндажи, танки, вражеских солдат и офицеров, захватив плацдарм до 4 км по фронту и до 2,5 км в глубину.

4 февраля куниковцы закрепились на достигнутых рубежах и прочно удерживали их, отбивая вражеские атаки.

В связи с успешными действиями демонстративного десанта было решено развивать успех в районе Станички. Таким образом демонстративный десант в районе Станички стал вспомогательным, а затем и основным, отвлекая на себя большие силы и средства врага.

Силы морского десанта росли и крепли. Но и удары противника по нему все более возрастали. Враг всеми силами стремился уничтожить десант и удержать кубанский плацдарм.

Десантные части продолжали наступательные бои на плацдарме. Здесь проходили острые схватки за каждый метр земли, за каждый дом. Ликвидировать наш морской десант в районе Станички и Мысхако противнику не удалось. В последующем он был самими его защитниками назван Малой землей. Так называл его и противник наряду с названием «Новороссийская заноза».

На этом плацдарме общей площадью до 30 квадратных километров, глубиной до пяти длиной, вдоль берега у уреза моря, около семи километров, ожесточенные бои продолжались 225 дней и ночей.

Часто бои на плацдарме достигали невиданного ожесточения. Сотни вражеских самолетов, орудий и минометов обрушивали на защитников Малой земли свой смертоносный груз. Но малоземельцы стояли насмерть, героически сражаясь с превосходящими силами врага. В ночь на 15 сентября войска Малой земли прорвали оборону противника в районе деревни Станички и вступили в город Новороссийск. Утром 16 сентября 1943 года порт и город Новороссийск были полностью освобождены.

МИНСК

Оборонительные бои за столицу советской Белоруссии начались 25 июня 1941 года. Уже на следующий день лётчики А.С. Маслов и Н.Ф. Гастелло совершили выдающийся подвиг, направив свои подбитые самолеты на скопление вражеских танков и техники.

При обороне города мужественно сражались и артиллеристы-зенитчики. Но вечером 28 июня фашистские танки и мотопехота ворвались в Минск с северо-запада. К юго-западной окраине города со стороны Дзержинска подошли передовые части 2-й танковой группы генерал-полковника Г. Гудериана.

День спустя фашистские силы соединились восточнее Минска и после двухдневных боев на подступах к городу замкнули внешнее кольцо окружения. Они отрезали пути отхода отступающим группам 11 дивизий. Окруженные части продолжали упорно сражаться, сковав тем самым почти половину состава группы армий «Центр» и значительные силы танковых групп.

Ценой огромных потерь при обороне Минска бойцы Красной Армии задержали врага на 4 дня. К 28 июня город был на три четверти разрушен бомбардировками и обстрелами из тяжелых орудий. Из 240 тыс. населения осталось менее половины.

Началась оккупация. В городе был установлен режим террора и насилия. В столице Беларуси и округе было создано 9 концлагерей с отделениями и филиалами, в том числе лагеря смерти в Масюковщине и малом Тростенце, а также еврейское гетто, в котором находилось более 100 тыс. человек. Всего за время оккупации захватчики уничтожили в Минске и окрестностях более 400 тыс. человек, из них более 70 тыс. — минчан.

С первых дней оккупации жители города начали активную борьбу против захватчиков. Уже с июля 1941 года в городе действовало патриотическое подполье. В подпольных типографиях с 1942 года издавались листок «Вестник Родины», газеты «Патриот Родины»

и «Звезда». Всего в городе действовало более 90 подпольных групп и организаций, в которые входило свыше 6,3 тыс. человек; существовало более 200 конспиративных квартир. Подпольщики провели более 1,5 тыс. боевых операций, было уничтожено более 1,6 тыс. гитлеровцев и их пособников, среди них и главарь фашистской администрации гауляйтер В. Кубе.

На территории южных районов Минской области в ноябре 1941–феврале 1942 года было создано Минское партизанское соединение, состоящее из 45 бригад, куда входило более 55 тыс. человек. После освобождения Беларуси в 1944 году с Красной Армией соединились 37 бригад и 7 особо действующих отрядов (более 40 тыс. человек).

29 июня 1944 года началась Минская наступательная операция, в которой наряду с войсками активное участие приняли белорусские партизаны и подпольщики.

Геройски вели себя бойцы Красной Армии на улицах города. Всего в котле под Минском было уничтожено более 70 тыс. и взято в плен 35 тыс. немецких солдат и офицеров.

Минск и его жители героически пережили 11 тыс. дней и ночей — именно столько длилась оккупация. Город был разрушен на 80% и восстановлен заново после войны.

ТУЛА

С самого начала Великой Отечественной войны жители Тулы и Тульской области вместе со всем советским народом встали на защиту родной страны от немецко-фашистских захватчиков.

Осенью 1941 года велись тяжелые бои на подступах к Туле, медленно, с большими потерями враг подходил к городу.

В Туле в октябре войск было мало. Здесь находились 732-й зенитный артиллерийский и 171-й истребительный авиационный полки ПВО, а также 156-й полк войск НКВД. С 8 октября из Тулы началась эвакуация работников и оборудования оборонных заводов.

Город готовился к схватке. 16 октября на собрании городского партийного актива была дана клятва: «... Мы, большевики г. Тулы, заверяем Центральный Комитет ВКП(б), что все как один с оружием в руках будем драться до последней капли крови за нашу Родину, за наш любимый город и никогда не отдадим Тулу врагу».

22 октября был создан Тульский городской комитет обороны, председателем которого стал первый секретарь обкома и горкома партии В.Г. Жаворонков. 23 октября городской комитет обороны вынес ряд

постановлений: о строительстве в Туле и вокруг нее оборонительных сооружений, о мобилизации всего трудоспособного населения для строительства укреплений, об охране порядка в городе, о формировании Тульского рабочего полка. Командиром полка был назначен капитан А.П. Горшков, комиссаром Г.А. Агеев. 26 октября Тульский рабочий полк был сформирован. В его состав вошли бойцы истребительных батальонов и отрядов народного ополчения.

Тула укреплялась. Город опоясался противотанковыми рвами, проволочными заграждениями, на улицах воздвигались баррикады, устанавливались противотанковые ежи и надолбы. Наиболее опасные участки шоссейных дорог были заминированы. Туляки готовились к уличным боям. В каменных домах, в стенах кремля, в каменной ограде Всехсвятского кладбища устраивались амбразуры для пулеметов. На оборонительных рубежах Тулы ежедневно работали от двух до четырех тысяч человек. Большинство из них были женщины.

24 октября 1941 года началась Тульская оборонительная операция. Через несколько дней враг занял Ясную Поляну, Косую Гору, вплотную подошел к городу. Утром 30 октября немецкие войска после мощной артиллерийской и минометной подготовки начали яростные атаки. Это был очень трудный день для защитников Тулы.

Несмотря на отчаянное сопротивление, врагу удалось потеснить Тульский рабочий полк и занять часть Рогожинского поселка. 30 октября защитники Тулы отбили четыре атаки танков и мотопехоты противника и уничтожили в общей сложности 31 вражеский танк.

31 октября противник предпринял новые атаки на город, но все они были отбиты. Яростные атаки врага продолжались и в ноябре, хотя положение в середине месяца несколько стабилизировалось. Прибыло подкрепление. 8, 9 и 10 ноября защитники Тулы контратаковали противника и несколько улучшили свои позиции. Фашистов выбили из Рогожинского поселка и с территории кирпичного завода.

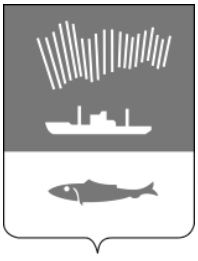
Однако 2 декабря немецкие танковые дивизии прорвали оборону северо-восточнее Тулы, а 3 декабря заняли станцию Ревякино, перерезав железную дорогу, соединяющую Тулу с Москвой. В районе деревни Кострово противник перерезал шоссе, пытаясь замкнуть кольцо окружения Тулы. Но 4 и 5 декабря по танковой группировке врага нанесла сильный удар 112-я танковая дивизия полковника А.Л. Гетмана, отбросившая немцев от Кострово и освободившая Ревякино. Окружение Тулы было сорвано.

К ночи 7 декабря противник, подтянув пехотную дивизию «Оленья голова» предпринял психическую атаку на западную окраину Тулы — на пригородный совхоз «Мясново» — со стороны деревни Маслово. Защитники Тулы, осветив прожекторами дорогу, уничтожили один из вражеских батальонов. Это была последняя попытка немецко-фаши-

стских захватчиков прорваться в Тулу. Так фактически закончилась Тульская оборонительная операция.

С 6 декабря наши войска перешли в наступление, началась Тульская наступательная операция. Под Тулой была остановлена и разгромлена 2-я танковая армия опытного гитлеровского генерала Гудериана. Попытка врага взять Тулу и превратить ее в плацдарм для удара на Москву провалилась. Тульский рабочий полк был включен в состав 217-й стрелковой дивизии 50-й армии. В марте 1942 года он получил номер 766 и стал регулярной частью Красной Армии. Он участвовал в освобождении Калуги, Смоленской и Брянской областей, Белоруссии и закончил свой славный боевой путь в Восточной Пруссии, у стен Кенигсберга.

МУРМАНСК



Большую роль в разгроме немецко-фашистских войск сыграл Мурманск. Ему было всего 25 лет, когда началась Великая Отечественная война, но совсем юный город стал для врага неприступной крепостью. Он парализовал ударные силы фашистов, стойко и надежно держал оборону северных рубежей Родины. Город был уничтожен практически дотла. А люди — жили. Работали. Сражались. Не сдавались. Мурманский порт и железнодорожный узел не прекращали работу ни на минуту.

За 40 месяцев обороны Советского Заполярья фашисты так и не смогли взять Мурманск. В 1941 году всего 45 км отделяли немецко-фашистские войска от города. Но пройти их захватчики так и не смогли.

За три с половиной года вдоль линии фронта оккупанты создали мощные укрепления из трех оборонительных полос. И всего 23 дня понадобилось советским войскам в октябре 1944 года, чтобы сломить эту сверхукрепленную оборону и перейти в победное контрнаступление. Немцы потеряли в Заполярье около 100 тыс. солдат и офицеров, почти 2 тыс. самолетов, более 800 боевых и транспортных судов.

Великая Отечественная война в Заполярье началась в ночь на 22 июня 1941 года с бомбардировки Мурманска, первый налет немецкой авиации пришелся на судоремонтный завод. Город оборонялся ровно 1200 дней, и каждый из них — свидетельство героизма советских людей.

Рано утром 29 июня противник обрушил лавину огня на опорные пункты в северной части советско-финской границы. Так началось наступление на Кольский полуостров горнострелкового корпуса «Норвегия». Немецко-фашистское командование планировало, захватив по-

луостров, изолировать Заполярье и лишить Советский Союз внешних связей через северные порты. Захват территории планировалось провести за две недели. На захват Мурманска отводилось 3 дня.

Ведя тяжелые бои с 150-тысячной армией противника, советские войска 14-й армии при поддержке с флангов подразделений морской пехоты Северного флота в первой половине июля остановили врага в 20–30 км от границы. 1 июля противник начал еще одно массированное наступление на кандалакшском направлении, но остановлен.

8 сентября гитлеровцы возобновили наступление на мурманском направлении. Положение было тревожным, две стрелковые дивизии отрезаны с юга. Принято решение создать Полярную дивизию народного ополчения. Плохо обученных, плохо вооруженных и плохо одетых-обутых людей бросили на передовую. Сражались они отчаянно. 15 сентября враг был остановлен! 23 сентября Советская армия нанесла контрудар и отбросила врага за р. Большая Западная Лица. На этом рубеже линия фронта держалась до октября 1944 года.

На мурманском рубеже не существовало понятия «тыл». Весь город был на передовой. В городе не осталось ни одного целого здания. Но мурманчане оказались крепче каменных стен.

В первые недели войны, когда медсанбаты и полевые госпитали не успевали справляться с потоком раненых, в медицинские подразделения 14-й армии и Северного флота пришли сотни девушек Мурманска. Когда не стало хватать крови для переливания, горсовет бросил клич: «Все в ряды доноров!» Мурманчане всех возрастов, всех профессий отдали бойцам и командирам более 25 тыс. л крови. Тысячи мирных жителей отправились на строительство оборонительных рубежей.

В 1941 году подписано соглашение о поставках в Советский Союз военного снаряжения, вооружения от союзников. Именно в незамерзающий порт — Мурманск отправлялись корабли со стратегическим грузом. Их сопровождение, «прикрытие» караванов было задачей моряков.

Конвои продолжали приходить в СССР и отправляться обратно до окончания войны. Каждый такой поход — настоящий подвиг. Например, из 36 торговых судов конвоя PQ-17 только 11 прорвались в порт, 25 были потоплены немцами.

«Ледяные коридоры ада», «арктическая дорога смерти» — так называли конвои их участники. Особенно опасным было Баренцево море, где караваны судов поджидали подлодки, надводные корабли противника и самый большой немецкий линкор — «Тирпиц».

За годы войны арктическими водами в Советский Союз прошло 40 конвоев. Обратно — из Советского Союза в порты Великобритании и Исландии — вышло 36 конвоев. В обоих направлениях в полярных конвоях «арктической дорогой жизни» прошли 1398 судов, поте-

ри составили 87 судов, 69 из которых пришлись на самый трудный, 1942 год.

Корабли нуждались в ремонте, а мурманская судоверфь уже в первые дни войны лишилась половины сотрудников, их места заняли подростки, женщины, старики.

В годы войны пострадала и железная дорога. За 1941–1944 годы железнодорожный узел Мурманска 97 раз подвергался бомбардировкам с воздуха. Враг выводил из строя не только технику — страдали и гибли люди. Несмотря ни на что, Мурманский железнодорожный узел работал бесперебойно, доставляя грузы фронту и вглубь страны.

Мурманчане свято верили в Победу. И очень любили жизнь: в прифронтовом Мурманске продолжали работать библиотеки, организовывались выставки. И даже проходил традиционный Праздник Севера (Полярная олимпиада), на который спортсмены прибывали прямо с фронта.

СМОЛЕНСК

Смоленск всегда выполнял функцию западного пограничного форпоста России, задерживая наступление врагов на Москву и вглубь страны. Так было и в 1941-м. Несмотря на то, что на Смоленск пришелся самый мощный удар группы «Центр», именно здесь серьезно забуксовал немецкий блицкриг.

Во второй половине июля 1941 года немецко-фашистские войска заняли Смоленск, захватили Ельню и другие близлежащие населенные пункты. Но попытки врага развить наступление разбивались о стойкость и мужество соединений 24-й армии Резервного фронта. Образовался так называемый Ельнинский выступ, глубоко вдававшийся в оборону Красной армии, создававший угрозу флангам и тылу советских войск на Вяземском направлении

Соединения 24-й армии, ослабленные в предшествующих боях, несколько раз пытались в июле-августе срезать выступ и восстановить положение в районе Ельни. Однако все их попытки были безуспешны. Командующий войсками Резервного фронта генерал армии Г.К. Жуков приказал прекратить наступление и приступить к подготовке нового, более сильного и организованного удара. Затем 30 августа части Резервного фронта вновь начали контрнаступление, в результате которого наши войска срезали Ельнинский выступ и освободили Ельню. Это контрнаступление стало одной из первых крупных побед советских войск в страшное лето 1941 года.

Смоленская область была под оккупацией более 2 лет. Фашисты старались насадить на захваченных территориях свой порядок. Однако с самых первых дней прихода врага в городе ни на минуту не прекращалось героическое сопротивление. Десятки тысяч партизан и подпольщиков развернули активную диверсионную деятельность, срывали врагам подвоз вооружения, боеприпасов и другого военно-технического имущества к фронту, не давали вывозить с захваченной территории продовольствие и сырье, спасали смолян от угона на каторжные работы в Германию, проводили разведку.

Летом 1943 года Красная Армия приступила к освобождению Смоленщины. Замысел советского командования состоял в том, чтобы рядом фронтальных ударов расчленить силы противника и уничтожить их по частям. Операция началась 15 сентября 1943 года и в этот же день главная полоса немецкой обороны была прорвана почти на всех направлениях. Наступавшим войскам оказывали помощь партизаны. Немецко-фашистское командование было вынуждено начать отвод основных сил группы армий «Центр».

16 сентября на направлении главного удара прорыв был расширен до 20 км по фронту и до 10 км в глубину. В тот же день войска сломили сопротивление гитлеровцев и овладели важным опорным пунктом обороны немецко-фашистских войск на подступах к Смоленску — городом и железнодорожной станцией Ярцево. 23 сентября советские войска перерезали железную и шоссейную дороги Смоленск — Рославль и охватили вражескую группировку в районе Смоленска с юга.

25 сентября соединения 31-й и 5-й армий, форсировав с ходу Днепр, освободили Смоленск. Но радость победы омрачала картина, увиденная красноармейцами в освобожденном городе. По свидетельствам очевидцев, в городе всё горело, рвалось и грохотало. Там, где до войны был Смоленский льнокомбинат, стояли ряды виселиц. Полуразрушенные дома просвечивали выбоинами окон.

За время боев на территории региона десятки крупных и малых населенных пунктов были стерты с лица земли. Фашисты убили, покалечили и угнали на работы в Германию сотни тысяч человек. Свою довоенную численность населения Смоленщина не восстановила и в начале XXI века.

Уже осенью 1943 года советское руководство приняло ряд неотложных мер по восстановлению Смоленской области, ставшей надежным тылом для продолжавшей наступать Красной армии. Здесь располагались госпитали, ремонтные базы, аэродромы и армейские склады.

За время Великой Отечественной войны более 230 смолян было удостоено звания Героя Советского Союза. Самым известным из них стал Михаил Егоров, водрузивший вместе с Мелитоном Кантарией Знамя Победы над поверженным Рейхстагом в мае 1945 года.

ЗАПАДНЫЙ ВОЕННЫЙ ОКРУГ В ПРИГРАНИЧНЫХ СРАЖЕНИЯХ 1941 ГОДА

Вельджанов Илья Вельджанович, *81 год,*
генерал-лейтенант, Чрезвычайный и Полномочный Посол
Туркменистана в Республике Беларусь в отставке,
председатель совета общественного объединения
«Белорусский союз офицеров»,
Почётный профессор Белорусского
национального технического университета,
Почётный академик Всемирной Академии Комплексной
Безопасности,
г. Минск,
Республика Беларусь

К началу фашистской агрессии Белоруссия являлась важным, в экономическом отношении, регионом Советского Союза. Она представляла собой крупную индустриально-колхозную республику (80% всей продукции народного хозяйства приходилось на долю промышленности), с населением в 10 миллионов 628 тысяч человек. Её площадь в середине 1941 года составляла более 225 тысяч кв.км.

Белоруссия занимала также важное стратегическое положение. С захватом фашистами в 1939 году Польши и выходом их на Западную границу СССР, значительная часть которой проходила вдоль территории Беларуси, открывался кратчайший путь через Республику, от государственной границы, к Москве.

В обстановке нарастающей угрозы нападения фашистской Германии на СССР было усилено внимание к вопросам научно-технического прогресса, рационального и экономного расходования сырья и материалов, электроэнергии и топлива, укрепления трудовой и исполнительской дисциплины. Особое внимание уделялось строящимся в годы третьей пятилетки в Минске и в Могилёве авиационным, а в Витебске и в Барановичах танкоремонтным заводам. Через добровольные оборонные общества велась подготовка стрелков, снайперов, пулемётчиков, применялись и другие формы военного обучения. На территории Белоруссии дислоцировались войска Особого Западного Военного округа в составе 3-й, 4-й, 10-й, и 13-й армий. На территории округа строились новые аэродромы, вдоль границы — новые оборонительные сооружения и укреплённые районы (УРы). Вместе с тем, войска, были очень ослаблены командным составом. В начале войны почти 75% командиров полков и дивизий занимали свои должности менее чем 1 год. В результате чистки, проведенной в армии, общее количество офицеров с Высшим образованием уменьшилось в два раза. Новая

граница оставалась неукреплённой: строительство укреплений только разворачивалось.

Какими же были соображения Генерального штаба о плане войны и что в это время делала Германия?

Генеральный штаб исходил из учёта требований нашей военной доктрины, военно-политической обстановки, реальных возможностей Советского государства и его потенциальных противников. После прихода Гитлера к власти, Германия стала главным, наиболее опасным противником СССР. По замыслу Советского Главного Командования, ближайшая стратегическая цель, определявшая характер и содержание намеченных начальных операций, состояла в отражении войсками 1-го стратегического эшелона (армиями прикрытия и резервами приграничных округов), первого удара врага, в надёжном обеспечении сосредоточения и развёртывания главных сил Красной Армии и создании благоприятных условий для нанесения ответного удара.

А у фашистской Германии быстрый захват Москвы и полный разгром Советского Союза составляли главную цель плана «Барбаросса», с его идеей «молниеносной» войны против Советского Союза, разработанного гитлеровскими стратегами во всех деталях, задолго до её начала. Фашистская Германия готовилась к войне с Советским Союзом тщательно и целеустремлённо. Поэтому именно здесь, на сопредельной с западной границей Советского Союза территории, были сосредоточены отборные вражеские дивизии, создан многократный перевес в живой силе и технике. Планы агрессивной войны гитлеровцев против Советского Союза опирались на мощный военный потенциал, который складывался из экономики самой Германии, а также из экономики государств-сателлитов и оккупированных стран Европы. Перед нападением на Советский Союз Германия создала большие запасы стратегического сырья, резервы техники и транспорта. Арсенал вермахта пополнился оружием, боеприпасами и снаряжением 180-ти поверженных французских, чехословацких, бельгийских, голландских, английских и норвежских дивизий. Для обеспечения германской армии работала военная промышленность 11-ти захваченных стран Западной Европы. К тому же военная промышленность в самой Германии с 1934 по 1940 год увеличилась в 22 раза.

По плану «Барбаросса» (Директива №21 от 18 декабря 1940 года) прямо указывалось, что германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии.

На рассвете 22 июня 1941 года на территорию СССР вторглись, кроме 5-миллионной армии Гитлера, более 1 миллиона солдат союзнических войск Германии.

В одном ряду с немцами убивать и грабить шли войска Италии, Испании, Албании, Франции, Голландии, Норвегии, Дании, солдаты валандцы, фламандцы. Наибольшее количество дивизий выставили Румыния и Венгрия. Были полки хорват и словаков. Каждый второй механик-водитель танковой армии Гудериана, был чехом. Кровавый след в Белоруссии оставили каратели венгры, а под Ленинградом — голландцы, из дивизии СС (Норланд). Уже в первые дни Великой Отечественной войны штурмовали Брестскую крепость австрийцы. Нужно отдать должное полякам, которые не выставили своих дивизий под флаг Гитлера, но и в Польше нашлись предатели-добровольцы, воевавшие в составе «Вермахта».

В 4 часа утра пламя войны заполыхало вдоль всей западной границы СССР, вслед за мощными ударами фашисткой артиллерии и авиации на Советскую землю устремились танковые и моторизированные дивизии врага. На территорию Белоруссии вторглись войска группы армии «Центр». Построение войск группы армии обеспечивало создание мощного 1-го эшелона и достижения на основных направлениях многократного (6–8) превосходства над нашими войсками. В её состав входили две армии (4-я и 9-я), и две танковые группы (2-я и 3-я), — всего 50 дивизий, (в том числе 9 танковых, 6 моторизованных и 1 кавалерийская), и две бригады. Наступление армии «Центр» поддерживал 2-й воздушный флот, — самый сильный в фашистской армии, насчитывающий 1670 боевых самолётов. Группе армии «Центр» было передано более $^1/_3$ всех инженерных и дорожно-строительных войск и около половины отдельных артиллерийских, зенитных и противотанковых дивизионов и батарей резерва сухопутных сил Германии. В частности, в полосе обороны нашей 4-й армии, на направлении главного удара, враг имел почти шестикратное превосходство в людях, почти трёхкратное — в танках, более чем трехкратное — в артиллерии, и двукратное — в авиации. Это армада обрушила огонь на охранявшие на территории Белоруссии границы СССР четыре пограничных отряда, а также на находящиеся у границы части Красной Армии.

Советские воины проявили необычайную стойкость и героизм, дрались до последнего патрона. Мужественные советские воины также, как и пограничники, стремились преградить путь врагу, отважно защищали родную землю. Однако войска Западного фронта с первых часов вражеского нашествия оказались в крайне тяжёлом положении. Находясь к моменту нападения в казармах или учебных лагерях, соединения и части не успели занять выгодные рубежи, организовать устойчивую оборону. Понесли большие потери. Действия войск фронта, отражавших натиск превосходящих сил противника, значительно осложнялись тем, что вражеские диверсанты, удары авиации нару-

шили связь. В результате ни командование армии, ни штаб фронта не получали необходимой информации о развернувшихся боевых действиях и не смогли наладить управления войсками.

Части прикрытия вступали в бой неорганизованно. Вблизи направления главных ударов врага не было сильных резервов. Отсутствие сплошного фронта обороны давало возможность танковым и моторизованным соединениям противника обходить узлы сопротивления наших войск и наносить им удары во фланги из тыла. В результате этого части и подразделения Красной Армии нередко вынуждены были или драться в окружении, или отходить на Восток.

Тем не менее и эти первые дни тяжёлых приграничных боёв отмечены невиданным мужеством воинов, многих частей и подразделений Красной Армии, стоявших насмерть на пути остервенело рвавшихся вперёд гитлеровских войск, и нанесших им существенный урон. Немало примеров героизма, стойкости, отваги советских воинов тех дней дали сражения на Белорусской земле.

С целью уничтожения крупных сил противника прорвавшихся в районе Гродно, командующий 3-й армией Генерал лейтенант В.И. Кузнецов, отдал приказ 29 танковой дивизии 11 механизированного корпуса нанести встречный удар в направлении на Сопоцкин. На рубеже Конюхи–Наумовичи дивизия сходу контратаковала наступавшего противника, и на несколько часов остановила его продвижение.

Контратаку поддержали бомбардировщики 11 смешанной авиационной дивизии. В этом бою гитлеровцы потеряли много боевой техники и живой силы.

Почти двое суток держал оборону на Августовском канале севернее Сопоцкина 213 стрелковый полк 56 стрелковой дивизии, которым командовал майор Т. Яковлев. Мужественно дрался с врагом 141 стрелковый полк 85 стрелковой дивизии, державшей оборону в устье реки Лососна в районе населённого пункта Новики. Более 6 часов сдерживал он натиск крупных сил танков и пехоту противника.

В районе Граево вражеские части натолкнулись на упорное сопротивление 239 стрелкового полка 27 Омской стрелковой дивизии. Фашисты дважды атаковали позиции, занятые полком, но вынуждены были откатываться назад, неся большие потери. Только под угрозой полного окружения подразделения полка отошли в направлении Белостока.

Чувство восхищения вызывают бессмертные подвиги советских лётчиков. В первый день войны враг вывел из строя на аэродромах 738 самолётов Западного фронта, захватив господство в воздухе. Несмотря на это, лётчики фронта смело вступали в борьбу с вражеской авиацией. 22 июня они совершили 1900 самолёто-вылетов, бомбили противника на аэродромах «Соколув», Лукув, Седлец, Бяла-Подляска, скопление

фашистских танковых колонн в районах Цехановец, Сувалки, Августов, Константинув. В воздушных боях истребительная авиация Западного фронта уничтожила более 100 немецких самолётов.

Советские лётчики сражались не щадя своей жизни. Когда кончались боеприпасы, они таранили вражеские самолёты. В 5 часов 20 минут первого дня войны таранным ударом сбил немецкий самолёт в районе города Пружаны Брестской области лётчик 33 истребительного авиационного полка 10-й смешанной авиадивизии лейтенант С.Н. Гудимов. В тот же день применили в бою таран заместитель командира эскадрильи 127 истребительного полка старший политрук А.С. Данилов и командир звена 123 истребительного полка лейтенант П.С. Рябиев. Командир этого полка майор Б.Н. Шурин совершил за день 4 боевых вылета и сбил 3 самолёта. Будучи смертельно раненным, он смог посадить самолёт. Лётчики этого полка 22 июня сбили 30 фашистских самолётов.

Стойкость и отвага, проявленные пограничниками, многими частями, подразделениями Западного фронта в первых пограничных сражениях сковали в ряде мест силы противника, нанесли ему чувствительный урон. Но, обладая огромным превосходством, фашистские войска блокировали узлы сопротивления Красной Армии, обходили их и устремлялись на Восток. Прорвав нашу оборону на обоих флангах Западного фронта, вражеские соединения к исходу 25 июня продвинулись на направлении Вильно–Минск почти на 180 км, а на направление Барановичи–Минск — до 250 км. Всё чётче вырисовывался замысел фашистского командования: окружить главные силы Западного фронта и отсечь от него Северо-Западный и Юго-Западный фронты. Непосредственная угроза нависла над столицей Белоруссии Минском.

Оборонительные бои за Минск носили непродолжительный, но весьма ожесточённый характер.

«В боях за Минск в незабываемом 41 году, — отмечалось на приёме по случаю вручения городу-герою Минску ордена Ленина и медали «Золотая Звезда», — советские воины проявили беспримерное мужество и подлинный героизм. Мы снова и снова восхищаемся подвигами героев обороны Белорусской столицы, отважными танкистами, доблестными пехотинцами и артиллеристами, которые вели здесь смертельный бой с превосходящими силами врага, мы восхищаемся славными лётчиками, которые смело атаковали фашистских стервятников» [1].

Упорные бои развернулись на Березине в районе Борисова. На пути врага стали курсантские батальоны Борисовского танкотехнического училища под командованием корпусного комиссара И.З. Сусайкова и полки только что подошедшей 1-й Московской Пролетарской мотострелковой дивизии во главе с полковником Я.Г. Крейзером. Трое су-

ток мотострелки и курсанты отражали атаки танковых и мотострелковых частей 47-го моторизованного корпуса немецко-фашистских войск.

7-8 июня под Лепелем разыгралось одно из крупных в начальный период войны танковых сражений, в котором приняли участие до 1500 танков. 20-я армия совместно с механизированными корпусами в ходе контрудара нанесли противнику большой урон и к исходу 8 июля отбросили его на 30-40 км в сторону Лепеля.

На земле Восточной части Белоруссии в июле-августе 1941 года, развернулось одно из крупнейших сражений начального периода Великой Отечественной войны. В известной степени оно предопределило срыв Гитлеровского плана «Молниеносной войны». Важной составной частью Смоленской битвы явилась героическая оборона Могилёва, вошедшая яркой страницей в летопись подвига, совершенного воинами Красной Армии и трудящими Республики в эти трудные дни войны. Упорное сопротивление защитников Могилёва, сыграло большую роль в общем ходе боевых действий. В самый критический момент Смоленского сражения крупные танковые и механизированные соединения врага оказались скованными, тем самым наступление группы армий «Центр» на главном Московском направлении было замедлено. Героическая оборона Могилёва способствовала стабилизации фронта, дала возможность выиграть драгоценные дни для строительства других рубежей обороны и развёртывания резервов.

Я уж не говорю о подвиге воинов Брестской Крепости, которые с первых часов войны показали фашистам, что они не добьются своих целей и победы им не видать.

Намного сильнее, чем предполагал враг, оказалось сопротивление Советских войск и в Юго-Восточных районах Белоруссии. Острый ожесточённый характер носили бои в районе Бобруйска — Рогачёва — Жлобина, а также за Гомель.

Ожесточённые бои Красной Армии на Гомельском направлении оказали влияние на общий ход военных действий. В результате успешного контрнаступления наших войск в районе Рогачёва, Жлобина было сковано и замедлено наступление гитлеровских армий на Смоленском направлении. Изматывая силы противника, защитники Гомеля не давали ему возможности прорваться во фланг и тыл Юго-Западного фронта, что помогло этому фронту сдержать натиск врага до сентября 1941 года. За время боёв только на ближних подступах к Гомелю и в самом городе частями Красной Армии и бойцами народного ополчения, по далеко неполным данным, было уничтожено свыше 80 тысяч солдат и офицеров противника, 200 танков и около 100 самолётов.

Мне представляются интересными оценки и высказывания генералов гитлеровской армии о действиях Красной Армии летом 1941 года, а также наших «союзников» Вот они…

Генерал-фельдмаршал Э. Клейст: «Советские солдаты с самого начала проявили себя первоклассными бойцами. Они сражались чрезвычайно упорно, обладали исключительной выдержкой и могли выстоять даже при таких условиях, которые для других армий были бы немыслимы» [2].

Генерал-полковник Ф. Гальдер: «Сведения с фронта подтверждают, что русские всюду сражаются до последнего человека. Командование противника действует энергично и умело. Противник сражается ожесточённо и фанатично. Донесений о перебежчиках и о сдавшихся в плен не поступало» [3].

Генерал Э. Бутлар: «Мы в 1941 году понесли больше потерь в боевой технике и в личном составе, чем в военной кампании на Западе» [4].

Генерал-лейтенант З. Вестфаль: «С политической точки зрения самое роковое решение — это нападение на СССР» [5].

Генерал-полковник Х. Гудериан: «Русский солдат всегда отличался особым упорством, твёрдостью характера и большой неприхотливостью» [6].

Генерал К. Типпельскирх: «22 июня в 3 часа 30 минут немецкая армия начала роковое наступление на Восток. Части и соединения русских войск продолжают стойко сражаться в самом отчаянном состоянии» [3].

Бывший командующий рейхсвером граф фон Гаммерштейн: «Из тех войск, которые двинулись на Россию, никто не вернулся» [3].

Вице-адмирал К. Ассман: «...следует признать хорошую боеспособность русских солдат, особенно в обороне» [3].

Генерал Г. Гот: «Наступление на Полоцк многократно натыкалось на вражеские контратаки и неоднократно останавливалось перед новой линией дотов» [3].

Генер Г. Блюмментрит: «История всех войн с участием русских показывает, что русский боец стоек, невосприимчив к плохой погоде, очень нетребователен, не боится ни крови, ни потерь» [3].

Генерал-полковник Г. Фриснер: «Советский солдат сражался за свои политические идеи сознательно и даже фанатично» [3].

Генерал-фельдмаршал В. Кейтель: «Надо признать, что мы недооценили силу Красной Армии» [7].

Сам А. Гитлер вынужден был признать в октябре 1941 года: «22 июня мы распахнули дверь и не знали, что за ней находится» [3].

Ещё более высокую оценку Красной Армии давали наши союзники, и в частности Президент США Ф. Рузвельт: «Выражаю своё восхищение отвагой, стойкостью и воинской доблестью великих русских армий» [8].

Генерал армии США Д. Эйзенхауэр: «Русские проявили огромную волю и высокое военное искусство, отразив удар огромной силы в 1941 году» [9].

Ожесточённые сражения с противником на территории Белоруссии шли днём и ночью. Мощными ударами объединения немецких войск развивали наступление в глубину нашей территории. В итоге боевых действий фронт переместился к Востоку на 350-600 км. Советские войска героически сдерживали натиск гитлеровских полчищ. Продвигаясь в глубь страны, немецкая армия несла серьёзные потери, повсеместно встречая ожесточённое сопротивление.

В конце июня — начале июля 1941 года вдоль западной Двины и Днепра от Невеля до Киева начал создаваться новый фронт обороны — ставка Верховного Главнокомандования ввела 2-й стратегический эшелон. Красная Армия оставила попытки перейти в наступление и перешла к обороне.

Неотъемлемой частью Великой Отечественной войны Советского Союза против фашистской Германии и его сателлитов стала борьба белорусских людей, оказавшихся на временно оккупированной врагом территории страны. С продвижением немецких захватчиков и захватом всё новых территорий в тылу противника ширилось и росло пламя партизанской войны и подпольного движения. Вначале стихийно, затем всё более и более организованно наносили они удары по врагу. Борьба получила невиданный в истории размах, велась всеми возможными способами: от широких боевых действий вооружённых партизанских формирований и многих диверсий подпольщиков, до массового срыва невооружённым населением политических, экономических и военных акций оккупантов. Три долгих года Белоруссия находилась в фашистской неволе, и всё это время здесь полыхало мощное пламя партизанского движения подлинно народной войны.

Литература

1. *Штеменко С.М.* Генеральный штаб в годы войны. — 2-е издание. / Литературная запись Сомова Г. А. — М.: Воениздат, 1989. http://militera.lib.ru/memo/russian/shtemenko/16.html
2. *Мейсон А.* Ангел Рейха. Серия «Оранжевый ключ». — СПб.: Азбука-классика, 2004.
3. *Долготович Б.Д., Коваленя А.А.* С верой в Победу. Беларусь в Великой Отечественной войне. — Минск: Беларуская навука, 2010. http://nemaloknig.info/read-261179/?page=11
4. *Кривошеев Г.Ф., Андроников В.М., Буриков П.Д., Гуркин В.В.* Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. http://liewar.ru/dokumenty/231-velikaya-otechestvennaya-bez-grifa-sekretnosti-kniga-poter.html?limitstart=&showall=1
5. *Вестфаль З., Крейпе В., Блюментрит Г., Байерлейн Ф., Цейтцлер К., Циммерман Б., Мантейфель Х.* Роковые решения /Пер. с англ. Под ред. Жилина П.А. — М.: Военное издательство Министерства Обороны

СССР, 1958. http://www.lib.ru/MEMUARY/GERM/fatal_ds.txt_with-big-pictures.html
6. Итоги Второй мировой войны. Выводы побеждённых. — СПб.: Полигон; М.: АСТ, 1998 http://militera.lib.ru/h/ergos/06.html
7. Расплата: Третий рейх: падение в пропасть. М., 1994. http://www.xliby.ru/istorija/generaly_i_oficery_vermahta_rasskazyvayut/p6.php
8. История России после 1917 года. Переписка И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом http://kuraev.ru/smf/index.php?topic=385670.9175;wap2
9. *Якубовский И.И.* Земля в огне. http://www.e-reading.club/bookreader.php/68142/Yakubovskiii_-_Zemlya_v_ogne.html

СЛАВА БРЕСТА: К 100-ЛЕТИЮ С.С. СМИРНОВА

Борушко Дина Витальевна, *31 год,*
младший научный сотрудник Государственного учреждения
«Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой»,
г. Брест,
Республика Беларусь

Пройдя в десятый зал Музея обороны Брестской крепости, посетители сразу обращают внимание на большой портрет: немолодой человек с гладко зачесанными назад седыми волосами и легким прищуром внимательных глаз. Это портрет писателя Сергея Сергеевича Смирнова. Тут же — его фотографии, награды, личные вещи и несколько книжных томиков на разных языках, но с одним названием — «Брестская крепость».

Сегодня Брестскую крепость знают все. А когда-то о гарнизоне, который с первых часов войны попал в окружение, сражался в тылу противника, было мало что известно. Считалось, что все защитники крепости погибли. Сергей Смирнов предположил, что это не так. И оказался прав. Более трехсот участников обороны удалось отыскать писателю. Документальная повесть «Брестская крепость» (1964) стала итогом десятилетних изысканий, и в 1965 году была удостоена Ленинской премии. 2015-й год можно считать юбилейным для книги. Отмечает свой юбилей и ее автор: ему исполняется ровно сто лет.

Портрет С.С. Смирнова.
Художник И. Глазунов, 1973 г.

Правильно ли это — вот так, в настоящем времени, говорить

о давно умершем человеке? Один из защитников крепости Алексей Романов писал: «Он живет в моей жизни, в жизни множества людей… в жизни матерей и вдов солдатских. Нашу любовь к нему сохранят наши дети и дети наших детей. Для него не существует прошедшего времени, как не существует его для вечно живой людской благодарности…». [1, с. 272]

С.С. Смирнов родился 26 сентября 1915 года в Петрограде. Семья Смирновых постоянно переезжала: Москва, Константиновка, Харьков. В 1932 г., когда они окончательно поселились в Москве, Сергей поступил в Московский энергетический институт. Окончив полный курс обучения, диплом защищать не стал. К тому времени он увлекся литературой, уже несколько лет сотрудничал с газетами, поэтому перешел на учебу в Литературный институт.

С началом Великой Отечественной войны С.С. Смирнов вступил в ряды истребительного батальона, окончил школу снайперов. В сентябре 1941 г. группу студентов-дипломников Литературного института демобилизовали для того, чтобы они сдали государственный экзамен. Летом 1942 г. Сергей Смирнов был призван в армию и направлен в артиллерийское училище. После окончания училища получил звание лейтенанта, стал командиром пулеметного взвода.

С.С. Смирнов в Австрии. 8 мая 1945 года

Начал писать в армейскую газету «Мужество», через какое-то время его откомандировали на службу в ее редакцию. Окончание войны капитан Смирнов встретил в Австрии. Он награжден двумя орденами Красной Звезды и медалью «За победу над Германией».

После войны работал некоторое время в той же газете, а потом вернулся в Москву и стал редактором Военного издательства Министерства обороны. До 1954 года работал в журнале «Новый мир».

В 1954 году С. Смирнов уже был автором двух документальных книг о войне: «В боях за Будапешт» и «Сталинград на Днепре». Он рассказывал: «Я уже начал подумывать о том, чтобы написать книгу, посвящённую обороне городов-героев Одессы и Севастополя, как вдруг один случайный разговор заставил меня изменить свои планы.

Однажды ко мне пришёл мой товарищ, писатель Герман Нагаев. Он расспросил меня, над чем я собираюсь работать в дальнейшем, и вдруг сказал:

— Вот написали бы вы книжку про оборону Брестской крепости. Это был необычайно интересный эпизод войны.

Первый приезд в Брестскую крепость, 1954 год. Слева направо: защитник крепости А.И. Махнач (1922–2001), писатель С.С. Смирнов (1915–1976), сотрудник Музея Вооружённых сил Т.К. Никонова, защитник крепости С.М. Матевосян (1912–2003)

И тогда я вспомнил, что год или два назад мне попал на глаза очерк писателя М.Л. Златогорова о героической обороне Брестской крепости. Он был напечатан в «Огоньке», а потом помещён в одном сборнике, выпущенном в Военном издательстве Министерства обороны СССР. После разговора с Нагаевым я разыскал у себя этот сборник и снова перечитал очерк Златогорова.

Должен сказать, что тема Брестской крепости как-то сразу захватила меня. В ней ощущалось присутствие большой и ещё не раскрытой тайны, открывалось огромное поле для изысканий, для нелёгкой, но увлекательной исследовательской работы. Чувствовалось, что эта тема насквозь проникнута высоким человеческим героизмом, что в ней как-то особенно ярко проявился героический дух нашего народа, нашей армии. И я начал работу» [2, с. 28].

Работа была нелегкой. Надо было «докопаться до того, что называется истиной, — говорил С.С. Смирнов. — Это все работа историка, исследователя, а только потом начинается работа писателя. Я осмысливаю всю оборону, ее образ» [3, с. 6–7].

Первую ниточку дал ему в руки М.Л. Златогоров: после публикации его статьи один из участников обороны прислал письмо в редакцию «Огонька», и копию этого письма Михаил Львович Златогоров передал Смирнову. А летом 1954 года Сергей Сергеевич приехал в Брест уже с двумя найденными им защитниками крепости. В его записной книжке появлялись все новые и новые имена. Смирнов собирался создать на основе полученного материала два произведения: пьесу «Крепость над Бугом» и очерк «Цитадель над Бугом». Пьеса была написана, опубликована, поставлена, но дальнейшие планы изменились, когда друг и коллега Смирнова Ираклий Андроников уговорил его выступить на радио с рассказом о своей работе.

Практически без подготовки в течение четырех часов Сергей Сергеевич рассказывал перед микрофоном о поисках участников Брестской обороны. Запись разделили на четыре части, пустили в эфир, и после выхода радиопередач он в буквальном смысле слова проснул-

ся знаменитым. О нем заговорила вся страна. О нем и о Брестской крепости. Стало ясно, что простой очерк не удовлетворит запросы читающей публики. Основой для первой книги о крепости — «В поисках героев Брестской крепости» — стал тот самый устный рассказ на радио.

Три года писатель вел на радио передачи о поисках неизвестных героев, потом выступал с этой темой по телевидению. Передачи эти послужили толчком для дальнейшей исследовательской работы. Со всех концов страны пошли письма: от участников обороны, их друзей и соседей, родственников погибших.

По огромной стране зазвучало имя Брестской крепости. Ее защитников теперь узнавали на улицах. А 3 января 1957 года Указом Президиума Верховного Совета СССР была награждена первая группа участников брестской обороны. С.С. Смирнов подготовил наградные материалы. Самого писателя представили к ордену Отечественной войны I степени, но он добился отмены представления. «Наградить всех участников обороны невозможно, — сказал он. — А любой из них в сто раз больше заслужил орден, чем я» [4, с. 94].

Скромность писателя достойна уважения, но самой высокой оценки достойно и его гражданское мужество. Ведь в военные и послевоенные годы всех, побывавших в плену, считали предателями, изменниками, не выполнившими своего долга. А плен был судьбой многих защитников крепости. После освобождения им приходилось нелегко, со всех сторон они встречали самое предвзятое отношение. Сергей Смирнов — один из первых, кто поднял голос в защиту этих людей. Благодаря ему и тем, кто его поддержал, положение бывших пленных коренным образом изменилось, их подвиг был признан всеми. Недаром в поздравлении с 50-летием защитники крепости писали С.С. Смирнову: «Для нас Вы самый близкий, самый родной Человек, наш друг, наш брат, наш отец!» [3, с. 1–2].

Не только те, кого судьба связала с Брестом, обязаны писателю Смирнову благодарностью. В годы войны извещение «пропал без вести» не было редкостью. Прошли годы, но матери, жены, дети все еще надеялись узнать что-то о самых родных и близких людях. И надежды свои они возложили на Сергея Сергеевича. Писем на его имя с отчаянной просьбой помочь, найти, узнать было так много, что сам он не мог ответить на все, и ему в помощь при Радиокомитете была создана специальная группа из семи человек. Даже после смерти писателя эта группа не один год продолжала разбирать его почту.

Один из друзей Сергея Сергеевича вспоминал, что ему «не только слали письма, к нему приезжали из-за тридевяти земель, у него в кабинете можно было застать целые семьи. В его кабинете и столовой жили по нескольку дней неизвестные ходоки: вдовы, инвалиды, люди

трудной судьбы» [4, с. 96]. К писателю обращались за помощью в самых сложных случаях, и он никому не отказывал. Кто-то придумал, а остальные охотно подхватили шутливо-уважительное его прозвище: «комитет по делам справедливости».

Во многом благодаря стараниям С.С. Смирнова в июне 1961 года состоялся слет защитников крепости. А 25 сентября 1971 г. он приезжал на торжественное открытие мемориального комплекса «Брестская крепость-герой». В своей приветственной речи он сказал: «Молодости свойственно смотреть только вперед, у нее все в будущем. А пожилой человек то и дело оглядывается назад, на пройденный путь. И безмерно счастлив бывает тот, кто, оглянувшись, видит, что совершил нечто важное для своей Родины, для своего народа.

Дорогие друзья, защитники Брестской крепости, Вы обладаете этим самым высоким счастьем человека, самым высоким удовлетворением, потому что подвиг, который вы совершили здесь, навсегда останется в памяти нашего народа, потому что эта крепость, эта земля, политая вашей кровью, стали местом, куда приезжает нынешняя молодежь поклониться славе героев, учиться у них мужеству, умению защищать свою социалистическую Родину…

Сегодня вы присутствуете здесь при открытии величественного мемориала, который понесет в века вашу славу, ваш подвиг. Это — день вашего счастья, вашей радости. Этот монумент вознесся гораздо выше старых стен, и в этом, конечно, есть свой смысл. Ведь не крепостные стены, а крепость ваших сердец сдержала здесь врага. Не прочность бастионов, а ваша железная стойкость противостояла врагу на первом рубеже Родины. И этот монумент символизирует силу вашего духа, подвиг всего легендарного гарнизона» [3, с. 10].

Писатель принимал участие и в становлении Музея обороны Брестской крепости, открытого еще в 1956 году. Музею Смирнов передал все материалы по истории обороны, накопленные им за десять лет работы, свои записные книжки и тетради. В открытом письме защитникам крепости, которое служит предисловием к «Брестской крепости», он написал: «Теперь в крепости есть хороший музей, где полно и интересно отражён ваш подвиг. Целый коллектив научных сотрудников-энтузиастов занимается изучением борьбы вашего легендарного гарнизона, выявляет новые её подробности, разыскивает ещё неизвестных героев. Мне остаётся только почтительно уступить дорогу этому коллективу, дружески пожелать ему успеха и обратиться к другому материалу. В истории Отечественной войны до сих пор много неизученных «белых пятен», нераскрытых подвигов, неведомых героев, которые ждут своих разведчиков…» [2, с. 3–4].

В дальнейшем С. Смирнов не только издал книгу «Рассказы о неизвестных героях», но и написал сценарии для фильмов «Катюша»

(о медсестре Екатерине Михайловой), «Его звали Федор» (об участнике итальянского Сопротивления Федоре Полетаеве), «Семья Сосниных». У него были большие планы, он собирал материалы о 2-й Ударной армии, хотел написать книгу о Г.К. Жукове для серии «Жизнь замечательных людей».

Но 22 марта 1976 г. его не стало. Среди его бумаг нашли неоконченную рукопись с названием «Давно и недавно» — по просьбе друзей уже больной неизлечимо писатель начал работу над мемуарами. Он успел написать только несколько абзацев.

В Москве на Новодевичьем кладбище стоит обелиск. Весь он как будто иссечен пулями, изъеден временем. Под ним похоронены Сергей Сергеевич Смирнов и его жена Виргиния Генриховна.

В Москве живут сейчас их сыновья. Андрей Сергеевич — актер, режиссер, народный артист России. Константин Сергеевич — журналист и телеведущий. Конечно, они бывают в Бресте — городе, который стал знаковым для их отца и хранит его память в названии одной из своих улиц. По желанию семьи Смирновых, в Бресте будут проходить мероприятия, посвященные столетнему юбилею Сергея Сергеевича.

Сотрудники мемориального комплекса «Брестская крепость-герой» примут в них самое деятельное участие. В сентябре 2015 года в Музее обороны Брестской крепости пройдет конференция и вечер памяти С.С. Смирнова.

О Сергее Смирнове белорусский писатель Василь Быков сказал: «Он был храбрым бойцом на поле боя и бескомпромиссным бойцом в литературе, в которой его утвердило беспредельно обостренное чувство гражданственности, неразрывной слитности своего «я» с судьбами страны и людей, которые более других заслужили уважение и нуждались в помощи… Он всегда был активен, пристрастен, в высшей степени чужд разъедающего человеческую личность равнодушия, его благородное сердце клокотало любовью и гневом. Он был из тех людей, которых возможно либо любить, либо ненавидеть. Его любили» [3, с. 18].

Литература

1. *Романов А.* В сердцах и памяти //Воспоминания о С.С. Смирнове. Сборник / сост. Ю.Ф. Стрехнин, К.С. Смирнов. — Москва: Советский писатель, 1987.
2. *Смирнов С.С.* Брестская крепость / С.С. Смирнов. — Минск: Мастацкая літаратура, 1991.
3. Архив ГУ «Мемориальный комплекс «Брестская крепость»: Оп. 1. — Д. № 157. — А.М. Климченко. Писатель-солдат С.С. Смирнов (материал в помощь лекторам), 1980.

4. *Долматовский Е.* Он из Бреста // Воспоминания о С.С. Смирнове. Сборник / сост. Ю.Ф. Стрехнин, К.С. Смирнов. — Москва: Советский писатель, 1987.

ПО ВОЛНАМ МОЕЙ ПАМЯТИ, ИЛИ ВСТРЕЧИ В МОГИЛЕВЕ

Матьков Фёдор Николаевич, *79 лет,*
председатель Могилевской городской организации
Белорусского общественного объединения ветеранов,
депутат Могилёвского городского Совета,
г. Могилев,
Республика Беларусь

1. Оборона Могилева — предтеча московской баталии

Ранний воскресный час 22 июня 1941 года. По радио, проводам, с нарочными в каждое подразделение гигантской наступательной группировки фашистского рейха, развернутой вдоль советской границы, поступил пароль «Dortmund» — условный сигнал нападения на СССР, обозначающий дату и время начала войны.

В 4.00 по московскому времени на границе в районе г. Бреста разразился огненный смерч.

Где-то в тылу войска поднимались «по тревоге», а здесь, на границе, сигналом тревоги стала сама война. С первых ее минут стойкое сопротивление врагу стали оказывать защитники Брестской крепости. Немецкий историк П. Карелл в своем исследовании «Операция «Барбаросса» отмечает, что потери, понесенные здесь фашистской армией, составляют пять процентов от общих потерь на Восточном фронте в первую неделю боевых действий.

Немецкая машина смерти катилась на восток, где ее ждал не менее «приятный сюрприз» — твердыня на Днепре — город Могилев.

«Сюрприз» этот длился более трех недель: с 3 по 26 июля продолжалась оборона этого белорусского города. Ее держали части 61-го стрелкового корпуса (генерал-майор Ф.А. Бакунин), 13-й армии (генерал-лейтенант П.М. Филатов), с 9.07.1941 г. — генерал-лейтенант Ф.Н. Ремезов, с 14.07.1941г. — генерал-лейтенант В.Ф. Герасименко) и народные ополченцы.

1 июля на совещании с участием маршалов Советского Союза К.Е. Ворошилова и Б.М. Шапошникова, представителей руководства

БССР и Могилева был рассмотрен и одобрен план обороны г. Могилева, разработанный штабом 61-го стрелкового корпуса.

В соответствии с ним непосредственная оборона областного центра возлагалась на 172-ю стрелковую дивизию (генерал-майор М.Т. Романов), сформированную в Тульской области.

3 июля в междуречье Березины и Днепра (в 35–50 километрах от Могилева) вступили в первые встречные бои с передовыми подразделениями немецкого 46-го танкового корпуса 2-й танковой группировки генерала Гудериана разведывательные отряды дивизии под командованием капитана М.В. Метельского и старшего лейтенанта А.П. Волчка. Уже в первых схватках у д. Чечевичи и г.п. Белыничи были уничтожены 14 танков и около роты вражеской пехоты.

На позиции Казимировка-Пашково-Гаи-Николаевка-Полыковичи героически сражался сводный полк под командованием помощника начальника штаба 172-й стрелковой дивизии майора В.А. Катюшина, куда вошли истребительный батальон под командованием начальника Могилевской межкраевой школы НКГБ-НКВД майора госбезопасности Н.И. Калугина (был незаконно репрессирован, осужден. После реабилитации жил в Москве, где и похоронен), батальон сотрудников милиции под командованием капитана К.Г. Владимирова, другие подразделения.

На предприятиях города — железнодорожном узле, шелковой фабрике и др. — создавались группы и отряды народного ополчения.

На Могилев наступали четыре танковые дивизии группы армий «Центр», а с 17.07.1941 г. — 10-я и 34-я пехотные дивизии противника.

…Более 14 часов продолжался кровопролитный бой на Буйничском поле, за 3–4 километра от Могилева. Красноармейцы бутылками с горючей смесью поджигали немецкие танки. Взрывались они на установленных минах. Всего в тот день враг не досчитался 39 танков и бронетранспортеров. Находившиеся в то время в расположении дивизии корреспондент «Известий» К.Симонов и фотокорреспондент П. Трошкин поведали об этом сражении в газете. Оно вошло в историю Великой Отечественной войны как ярчайший пример стойкости и мужества воинов Красной Армии на первом этапе войны. О нем К. Симонов рассказал в романе «Живые и мертвые», о нем повествует одноименный фильм. Прообразом генерала Серпилина стал командир 388 стрелкового полка 172 стрелковой дивизии Кутепов С.Ф.

На месте боя воздвигнуты величественный мемориал и часовня в честь защитников Отечества. На этом поле по завещанию Симонова развеян его прах. Здесь же находится памятный камень, установленный в честь писателя.

Неделю удерживали свой рубеж солдаты в синих шинелях в районе деревень Пашково, Гаи. Из 250 бойцов батальона К.Г. Владимирова чудом уцелели лишь 19.

Упорные бои шли за каждый клочок могилевской земли. Но силы были неравными. 24.07.1941 г. противник прорвался на окраину Могилева и предложил защитникам города сдаться. Ультиматум врага был отвергнут, на исходе были боеприпасы, практически отсутствовали продукты питания, подразделения дивизии несли огромные потери. И тогда было принято решение о выходе из окруженной твердыни. С боями и неимоверными потерями это удалось немногим. Ранение получил генерал-майор М.Т. Романов. Некоторое время его скрывали жители д. Барсуки, но их выдали. Романов оказался в концлагере, где и умер от пыток.

Героическая оборона Могилева вошла в историю Великой Отечественной войны в качестве беспримерного подвига воинов и ополченцев, 23-дневными боями сковавших крупные силы врага в период Смоленской битвы 1941 года, ставшего мощным препятствием на пути наступления правого крыла группы армий «Центр». А ведь по предположению начальника штаба сухопутных войск рейха Гальдера, танковые части Гудериана должны были быть в Могилеве еще 29.06.1941 г.

К.Е. Ворошилов позже в своих воспоминаниях писал, что бои на днепровском рубеже отразили начало нового патриотического подъема советских воинов, благодаря которым и стала возможной такая длительная оборона Могилева, а затем разгром вражеских войск под Москвой.

Не покорились!

Город и область в целом не встали на колени перед завоевателями. В Могилеве, десятках других райцентров и крупных населенных пунктов было развернуто подпольное движение. Озверевшие фашисты жаждали крови. А в Могилеве в госпитале находились сотни раненых командиров и красноармейцев. Их ждала смерть. И тогда отважные медики пошли на решительный шаг. Военные врачи В.Кузнецов, А.Паршин, Ф.Пашанин с помощью младшего медперсонала накануне захвата города за одну ночь уничтожили истории болезней всех командиров, сделав их рядовыми, коммунистов — беспартийными, евреев — белорусами, грузинами и представителями других национальностей.

Но в семье не без урода: доброжелатели донесли в гестапо о делах врачей. И хозяева нового порядка собрали на Советскую площадь сотни могилевчан, чтоб воочию они убедились, что ждет тех, кто не покоряется Рейху: врачей повесили у всех на глазах.

Или такой эпизод, из-за которого ой как пострадали фашистские вояки. Слесарем-водопроводчиком в военном госпитале г. Могилева работал рядовой Василий Варчук. Был связан с городским подпольем. В ночь на католическое Рождество — с 24 на 25 декабря 1942 года —

тюремные охранники были «под мухой». Угостив их еще изрядной дозой самогона, Варчук со своими помощниками вывели за пределы госпиталя многих людей, уничтожив их документы. От тюрьмы расходились группами в партизанские зоны.

В лесах сражались свыше 55 тысяч партизан. Они спасли более 110 тысяч советских граждан от истребления и угона в фашистскую Германию. Под откос пущено свыше 1800 паровозов, взорвано полторы тысячи мостов, ликвидировано 656 вражеских гарнизонов и полицейских управ.

Сентябрь 1943 года. С Советского Востока на землю БССР покатилась волна освобождения. Первой на территории Могилевской области была очищена от врага д. Малая Липовка Хотимского района. Менее чем за неделю Красная Армия выгнала полностью оккупантов из семи районов области, частично была освобождена территория и других местностей.

Но враг был силен, и решением Главного командования наступление было приостановлено. Девять месяцев на рубеже рек Прони, Ресты, Баси, готовились войска к стратегической операции «Багратион», начавшейся 23 июня 1944 года.

Яркой страницей в истории боевых действий в Приднепровье стали бои под местечком Ленино Горецкого района. Здесь 12–13 октября 1943 года состоялось боевое крещение 1-й польской дивизии, сформированной под Рязанью. А то, что оно по-настоящему боевое, говорит следующий факт: за мужество и героизм, проявленные в боях у Ленино, Президиум Верховного Совета СССР присвоил звание Героя Советского Союза польским жовнерам Анеле Кживонь, Владиславу Высоцкому и Юлиушу Гюбнеру.

В 1968 году в Ленино открыт музей советско-польского боевого содружества и воинский мемориал памяти погибших воинов.

23.06.1944 года ранним утром земля вздрогнула от тысяч взрывов, грохота мин и снарядов, гула советских самолетов и танков. Началось полное освобождение БССР от фашистской оккупации.

28.06.1944 года свободно вздохнули жители областного центра. Войскам Красной Армии понадобилось всего 23 часа, чтобы освободить Могилев. В целом менее чем за 10 дней могилевская земля была полностью очищена от коричневой чумы фашизма войсками 49-й (генерал-лейтенант И.Т. Гришин), 50-й (генерал-лейтенант И.В. Болдин), 33-й (генерал-лейтенант В.Д. Крюченков) и 4-й воздушной армий (генерал-полковник К.А. Вершинин).

Москвичи — Герои Советского Союза

Только за освобождение г. Могилева 28 воинов Красной Армии удостоены звания Героев Советского Союза. Благодарные жители Республики Беларусь никогда не забудут имена 24 уроженцев г. Москвы, по-

лучивших это звание на белорусской земле. И один самый известный из них 34-летний Николай Гастелло. 26.06.1941 г. командир бомбардировочной эскадрильи капитан Н.Ф. Гастелло совершил беспримерный подвиг. Во время бомбардировки танковой колонны противника на шоссе Молодечно-Радошковичи зенитным снарядом был поврежден бензобак, самолет загорелся. Отважный пилот с членами экипажа штурманом А.А. Бурдешоком, стрелком-радистом Г.Н. Скоробогатым и стрелком-радистом А.А. Калининым направили горящую машину на скопление фашистских танков, автомашин, бензоцистерн и ценой своих жизней нанесли потери врагу.

Мужественный москвич навечно остался на белорусской земле, где родились его родители. Подвиг Гастелло в годы войны повторили более 100 советских летчиков.

Есть в славной когорте москвичей-Героев Советского Союза и такие, что удостоены легендарного звания за подвиги, совершенные на Могилевщине.

Горячев Виктор Федорович, штурман эскадрильи, гвардии старший лейтенант. Совершал по 3–4 боевых вылета в день 23.06.1944 г. на дорогу Хоньковичи-Сухари. Под сильным зенитным огнем противника штурмовал колонны вражеской техники. Уничтожил 3 танка и 10 автомашин.

Дмитриев Борис Михайлович. В 1942 г. окончил спецшколу в Москве и был направлен в партизанскую группу Р.Н. Борозны (с января 1943г. — 211-й партизанский отряд им. К.К. Рокоссовского), действовавшую в Осиповичском районе Могилевской области. Подготовил 14 партизан-подрывников. Участвовал в подрыве 18 вражеских эшелонов, в результате чего уничтожены 32 автомашины, 8 танков, 11 орудий, 154 тонны горючего, 1260 гитлеровцев. Диверсионная группа во главе с Б.М. Дмитриевым взорвала 1400 железнодорожных рельсов, 11 железнодорожных и 32 шоссейных моста, 22 вражеские автомашины, 3 танка. Погиб в бою 23.02.1944 г., похоронен в братской могиле в г. Осиповичи. Именем героя названы улица и школа в Осиповичах.

Истомин Виктор Владимирович, старший летчик штурмового авиаполка, младший лейтенант. Отличился во время прорыва обороны врага на Днепре и разгрома Бобруйской группировки противника.

Коваленко Борис Евгеньевич. В феврале 1944 г. лыжный батальон под командованием майора Коваленко незаметно переправился через Днепр, углубился в тыл врага, наладил связь с партизанами и внезапным ударом с тыла разбил вражеский гарнизон, освободил станцию Тощица Быховского района, вывел в советский тыл около 7 тысяч мирных жителей.

Фатин Валентин Васильевич, командир стрелкового батальона, гвардии капитан. Отличился при освобождении Могилевской области и г. Могилева. 25.06.1944 г. батальон в числе первых форсиро-

вал р. Реста в Чаусском районе, выбил противника из укрепленного пункта. 28.06.1944 г. переправился через р. Днепр, прорвал вражескую оборону. В Могилеве батальон, отбивая контратаки противника, вел рукопашные бои, захватил 16 орудий, 2 самоходных установки «Фердинанд», 200 автомашин, 8 складов, взял в плен штаб пехотной дивизии, двух генералов: командира Могилевского укрепленного района фон Эрдманнсдорфа и командира пехотной дивизии Баммаера, 35 офицеров, свыше 500 солдат.

Погиб в Гродненской области. Имя героя носит одна из улиц г. Могилева — одна из красивейших в областном центре.

Богатыри земли могилевской

114 Героев Советского Союза родились в этом чудном крае Беларуси. Их портреты помещены на Аллее Героев, расположенной на Первомайской улице областного центра. Их имена выбиты на мемориальных стелах рядом расположенного мемориала на площади Славы. Здесь установлен величественный памятник как дань уважения борцам за Отечество. Здесь у Вечного огня вот уже не один десяток лет несут почетную вахту члены патриотического центра «Память» — учащиеся могилевских школ.

Могилевчане гордятся своими земляками, начинавшими свой жизненный путь в этом городе и удостоенными высшего звания — Героя Советского Союза. Вот они: Златин Ефим Израилевич, Лорченко Леонид Дмитриевич, Лусто Михаил Васильевич, Минин Александр Александрович.

Их боевой подвиг повторил в Афганистане 20-летний могилевчанин Андрей Мельников.

В список знаменитых воинов Могилевщины, несомненно, необходимо внести еще три фамилии. Якубовский Иван Игнатьевич, танкист, дважды Герой Советского Союза, Маршал Советского Союза, заместитель Министра обороны СССР. Гусаковский Иосиф Ираклиевич, танкист, дважды Герой Советского Союза, генерал армии, инспектор-советник Группы генеральных инспекторов МО СССР. Красовский Степан Акимович, летчик, маршал авиации, начальник Военно-воздушной академии им. Ю. Гагарина.

Ветераны

В этом году свое 95-летие отмечает боевой полковник Осмоловский Петр Викторович. Офицер-артиллерист из деревни Осмоловичи Климовичского района Могилевской области — один из семерых детей в семье — прошел многими дорогами Великой Отечественной, как и еще трое его братьев. А вот пороху вдоволь впервые по-настоящему понюхал под Москвой зимой 1941 года. Уже потом не страшны были оборонитель-

ные бои у стен Ленинграда, Курская дуга, Польша, Чехословакия. Многочисленные ордена и медали украшают грудь ветерана. После Победы служил в Северной группе советских войск, в Закавказском военном округе, успешно окончил Военно-политическую академию в Москве. Потом Свердловск. А теперь он — житель Могилева. Ведет значительную работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи.

Еще один участник освобождения Могилева в июне 1944 года — полковник в отставке Мороз Леонид Никифорович. Он родился на Житомирщине, но город, который освобождал от врага, как магнитом тянул его к себе. Через 30 лет после Победы эта мечта стала явью. Поселился Л.Н. Мороз в Могилеве и прикипел к нему.

Как-то внук Вячеслав написал ему: «Я часто думаю: было бы будущее у сегодняшнего поколения, если бы вы, ветераны, не подарили человечеству победный май 1945-го?

Спасибо! За безоблачное небо над головой, за мирную жизнь, за уверенность в завтрашнем дне, за возможность жить в мире, без войны и потерь. Ты — необыкновенный человек. Для меня ты — живой пример отваги и мужества. Горжусь, что я потомок Леонида Никифоровича Мороза».

И по сей день не может без ужасов вспоминать о войне Казаков Василий Карпович. 9 мая ветеран всегда поднимает фронтовую «сотку» и обязательно говорит первый тост: «Пусть никогда не повторится то, что случилось в 41-м! Война — это страшно». Слушают дети, четверо внуков, двое правнуков своего боевого отца, деда, прадедушку и думают, а могли бы они вынести все ужасы, которые пережил он.

В 41-м в свои неполные восемнадцать Василий пешком дошел от родного Хотимска, что рядом с российской границей, до Козельска Московской области, потом до Тамбова. В Новосибирске чуть не окончил военную радиошколу. По приказу Сталина курсант был переброшен под Валуйки Белгородской области. А там... И теперь еще мурашки по телу бегают, когда вспоминает тот эпизод. Майской ночью отступающий полк «забыл» дежуривших в окопе сержанта-артиллериста и юного связиста Васю Казакова. С риском для жизни ушли от немцев... Воевал в Сталинграде, освобождал Белоруссию, Литву, Польшу, Восточную Пруссию. Весной 45-го Казаков на Эльбе обнимался с американскими солдатами.

Потом было 9 мая, Победа. И работа, работа, работа. Дороги В.К. Казакову ордена: Красной Звезды — за Сталинград и Славы III степени — за операцию «Багратион».

Обязательно выйдет с ними на праздник Победы бывший фронтовик, чтобы прошагать до площади Славы, возложить цветы к Вечному огню. Он их заслужил, он их выстрадал.

Оборонял Москву и Подшиваленко Николай Иванович. И медаль соответствующую имеет. Отличный спортсмен входил в состав от-

дельной мотострелковой бригады особого назначения войск НКВД (ОМСБОН). В составе бригады был сформирован отряд особого назначения, куда вошли такие статные, рослые и спортивно закаленные ребята, как и Николай. В феврале1942 г. на машинах бойцов отряда доставили к линии фронта, а далее на лыжах на запад. Линию фронта «Боевой» (так назывался отряд) преодолел между Велижем и Усвятами. Через несколько дней достигли пункта назначения. Полоцкий район Витебской области стал их базой. Отсюда проводили они боевые вылазки и в соседние районы Латвии. 29 месяцев в тылу врага, «Боевой» увеличил свою численность до нескольких сот человек. Фашисты боялись боевых ребят из «Боевого».

Ныне ветеран — член Могилевского городского совета ветеранской организации, непосредственный участник всех его мероприятий. А еще — активный поборник здорового образа жизни, волонтер спортивного движения в городе.

К уже названным фамилиям я добавлю еще несколько. Это Лошнец Михаил Николаевич, подполковник, в юном возрасте являлся бойцом партизанского отряда им. Калинина, который действовал в Минской области. М.Н. Лошнец награжден орденом Отечественной войны 2 степени, 18 медалями. Боец батальона белорусских орлят. О нем рассказывают экспонаты, помещенные в музее белорусских орлят (СШ № 67 г. Минска). В настоящее время он руководит комиссией городского совета ветеранов по патриотическому воспитанию молодежи. По его инициативе более пяти лет в учреждениях образования города проводятся внеклассные мероприятия, посвященные основным историческим этапам Великой Отечественной войны. Он часто печатается на страницах газеты «Вестник Могилева», готовит материалы в помощь ветеранскому активу для выступлений в молодежных аудиториях по военно-патриотической тематике. Пользуется авторитетом среди ветеранов города.

Виктор Павлович Панков начинал службу в 17 лет в 17-м запасном штурмовом инженерно-саперном батальоне 5-й запасной бригады в селе Боголюбово Владимирской области. 9 июня 1944 года сапер-десантник Виктор Панков был отправлен маршевой командой на фронт. В составе 32-й танковой бригады 29-го танкового корпуса прошел с боями Прибалтику и всю Восточную Пруссию.

Помнит Виктор Павлович страшный эпизод войны, когда передовой отряд, в котором он воевал, попал в засаду. От ураганного огня из пулеметов и автоматов многие растерялись и заметались, часть бойцов побежала. Ефрейтор Панков тогда взял командование группой на себя. Солдаты окопались, отбили атаку полупьяных фрицев. Но отдельные солдаты в панике побежали, на них немцы перенесли прицельный огонь.

«Война не прощала растерянности», — заключает ветеран.

Бои сменялись редкими передышками. Победу танкист встретил под Щетином, когда стоял на посту.

После войны всю жизнь проработал в РУП «Могилевэнерго», вырос до директора ТЭЦ-2. К его боевому ордену Отечественной войны 2 степени, медалям «За отвагу» и другим прибавились трудовые награды: ордена «Знак Почета» и «Трудового Красного Знамени». В свои 89 он полон энергии, душевной доброты и человечности!

2. Голос советской эпохи

Юрий Борисович Левитан приехал к нам по командировке ЦК ВЛКСМ — Всесоюзное радио было одним из шефов строительства «Лавсана», объявленного Всесоюзной ударной стройкой. Находился он в Могилёве шесть дней.

На встречах со строителями и могилевчанами Левитан говорил, что война застала его в должности главного диктора СССР, что это были исключительно трудные годы. Спать приходилось урывками, по 2-3 часа. Передаваемые в эфир сводки Совинформбюро были очень тяжёлыми. Он не мог оставаться равнодушным к читаемой информации, нередко приходилось принимать таблетки — спазмы давили горло.

Порядок был такой. Приходил в студию (она тогда размещалась в здании ГУМа напротив Кремля), в его присутствии вскрывали конверт с текстом, и он читал в прямой эфир. Предварительных записей тогда не делали.

А самым памятным, вспоминал Левитан, стал для него день, когда его срочно доставили в личную студию Сталина. Принесли конверт, вскрыли, и он стал читать: «О безоговорочной капитуляции германских вооружённых сил...» Когда закончил, увидел, что трое находившихся рядом военных плакали. По-настоящему, от избытка чувств.

На Всесоюзной ударной стройке «Лавсанстрой» в Могилёве. Слева-направо: В.П. Золотухин, Ю.Б. Левитан, Ф.Н. Матьков

«Мне тогда вспомнилось, — говорил Юрий Борисович, — как в начале войны я читал: «Враг будет разбит, победа будет за нами, смерть немецким оккупантам...» Для этого потребовалось четыре кровавых года».

В военные годы миллионы советских людей, слушая Левитана, обретали надежду и уверенность в окончательной победе.

В воспоминаниях маршала К.К. Рокоссовского есть такие

слова про выдающегося диктора-артиста: «Левитан — это была мощная дополнительная армия в годы войны».

Естественно, на встречах Юрия Борисовича всегда просили рассказать о родителях, о том, как он стал диктором. Семья жила во Владимире. Отец, Борис Семёнович Левитан, был портным. В юности Юрий был комсомольским активистом, выступал в художественной самодеятельности. По рекомендации горкома комсомола в 1931 году шестнадцатилетний паренёк поехал в Москву. Мечтал о театре, о кино, но провалился на первом экзамене. Уезжая, на вокзале прочитал, что набирают «каких-то» радиодикторов. Он вернулся и с заявлением пошёл в эту комиссию. Один из членов комиссии стал с ним разговаривать, потом дали прочитать текст. Услышав его голос, члены комиссии посовещались и сказали, что его берут. Куда, на каких условиях — ничего не сказали. Привезли на Всесоюзное радио. Директор, а как оказалось, именно он был председателем комиссии, проводил Левитана в студию и сказал: «Вы будете работать в центральной редакции информации».

Учёба и освоение азов дикторского мастерства продолжались около двух месяцев. Его определили в хорошее общежитие. Читал он в прямой эфир (магнитофонов тогда не было) передовые статьи газеты «Правда». В те годы она доставлялась на рабочее место каждому руководителю. Ему рассказывали, что Сталин ежедневно слушает эти радиопередачи.

Однажды Левитана вызвали к помощнику Сталина, что его крайне взволновало. После короткого ожидания его проводили в кабинет Сталина. Сесть не предложили. Сталин обратился к нему с вопросом: «Скажите, товарищ Левитан, вы естественным голосом читаете тексты?» Он ответил: «Немного напрягаюсь». «Мне нравится, как вы читаете, — сказал вождь. — У вас хороший голос и дикция, хорошо передаёте содержание». Далее, обращаясь к помощнику, сказал, чтобы именно этот диктор читал все важнейшие сообщения. Так Левитан стал главным диктором СССР.

Мы знакомили Левитана с достопримечательностями города. Он делал записи о пребывании последнего царя России Николая II в Могилёве, расспрашивал о наших земляках: О.Ю. Шмидте, военачальниках С.А. Красовском и И.И. Гусаковском, отмечал, что город уютный, богат историческими событиями и именами известных людей.

Перед отъездом его друг, уроженец Могилёва известный композитор Эдуард Колмановский просил передать привет родному городу. Был Юрий Борисович и на приёме у руководства области и города. В один из вечеров мы пригласили его в ресторан. «Я никогда не хожу в ресторан», — ответил он. Тогда я пригласил его отужинать у меня на квартире. На что Левитан согласился, при условии, что никому не будем мешать. Стол приготовили быстро. Юрий Борисович готовил

блюдо из печени трески. Василий Павлович Золотухин — салат. Обстановка была непринуждённой, закрытых тем не было. Сидели и говорили как давно знакомые, как родные.

В.П. Золотухин как-то спросил: «А правда ли, что Гитлер сказал, что как только возьмёт Москву, первым, кого он повесит, будет Левитан?» Юрий Борисович заулыбался и ответил: «Не знаю, мне он этого не говорил».

Тем не менее, известно, что радиокомитету отводилась важнейшая роль противопоставления пропаганде Геббельса современной контрпропаганды. По свидетельству известного журналиста Мэлора Стуруа, «...по интонациям диктора мы проверяли температуру войны...» Психологическое воздействие живого голоса было неоценимым. И немцы ненавидели Ю. Левитана и И. Эренбурга.

Левитан открылся нам как неподдельно простой человек, умный, обладающий тонким юмором.

Рассказал, как с ним произошёл курьезный случай, когда он однажды опоздал на работу. Важный текст доклада Сталина пришлось читать другому диктору. От редактора потребовали объяснения. Оказалось, что Юрий Борисович застрял в лифте, не успел к автобусу. И как ему потом рассказали, велели передать, что такой человек не должен жить далеко, его надо поселить рядом со студией. Там он потом и жил — напротив Госплана, в трёхкомнатной квартире. Однажды при выходе из подъезда рядом с соседним увидел правительственную машину Л.П. Берия. Настроение испортилось. Оказывается, в соседнем подъезде жила его гражданская жена.

«У вас в квартире хорошая аура, и я расслабился», — сказал он. Заметив в моей библиотеке сборник «Лирика военных лет» К. Симонова, спросил: «Вам нравится его поэзия?» Я ответил: «Да, больше прозы. Сейчас он пишет о войне и о Могилёве. Думаю, что у него получится хорошая книга». Затем разговор перешёл на тему личной жизни. Левитан задумался и сказал: «У каждой жизни своя судьба. Я недоволен своей жизнью, зато приветствую свою судьбу!»

Не только ветеранов, но всё военное поколение интересует, как сложилась судьба Юрия Борисовича в мирное время.

После войны любимый признанный народом диктор СССР читал большинство важнейших событий. Кто из нас не помнит: «...вокруг Земли — корабль-спутник с Юрием Гагариным на борту...» Юрий Гагарин признавался, что это сообщение было для него самой большой наградой, которую он когда-либо получал.

Можно сказать, что Левитан — человек, давно вошедший в историю. Как и полководцы, видные военачальники, герои. Все они неотделимы от войны, которая также стала историей. Со времени войны голос Левитана стал символом мощи народа, победившего фашизм.

Мы поддерживали контакты с Ю.Б. Левитаном и потом. Будучи делегатом съезда ВЦСПС в Москве, В.П. Золотухин встречался с Юрием Борисовичем на его квартире.

А замолчал Левитан после смерти Л.И. Брежнева в 1982 году. Главному диктору не дали говорить на радио. Впервые всю траурную церемонию читал диктор Ю. Прудников.

В 1983 году, в юбилей Курской битвы, во время выступления Юрию Левитану стало плохо, и его не довезли до больницы. Так ушёл из жизни этот незаурядный человек.

3. Навечно прописанный в Могилёве

Мне посчастливилось не только быть знакомым с Константином Михайловичем Симоновым, но и сопровождать его во время пребывания в Могилёве. Ещё не было его трилогии «Живые и мёртвые», не было кинофильма — автор восстанавливал в памяти героические дни обороны Могилёва, чтобы использовать в своих будущих произведениях.

Симонов сам попросил организовать встречу с ветеранами войны. Писателя просили рассказать о себе, где ему довелось побывать во время войны, что врезалось в память, над чем он работает сейчас.

После нападения фашистов на нашу страну он был корреспондентом газет «Известия», а затем «Красной Звезды», публиковал репортажи о боях у Борисова, Орши, Могилёва.

— Первое впечатление о войне я, корреспондент газеты «Героическая красноармейская», получил на реке Халхин-Гол, где под командованием генерала Г.К. Жукова разгромили японских самураев, — вспоминал К. Симонов. — Довелось мне быть в Сталинграде, на Курской дуге, в освобождённой Одессе, ходить на подводной лодке к берегам Румынии, летать к югославским партизанам, наблюдать отступление немецких войск под Москвой и сокрушительный штурм наших войск Берлина, присутствовать на встрече советских и американских войск на Эльбе, на суде над военными преступниками в Нюрнберге.

Однако кровавые бои под Могилёвом в самые трагические дни войны, когда в ходе боя 12 июля 1941 года наши солдаты подбили и сожгли 39 немецких танков и бронемашин, занимают в моей памяти особое место.

Константин Михайлович рассказал нам о работе над книгой о войне.

К. Симонов среди работников ПО «Химволокно»

После встречи мы знакомили его со строящимися объектами, с макетами будущих производств. День выдался солнечным, везде гудели бульдозеры и другие строительные машины, работали башенные краны. В касках, подпоясанные монтажными поясами, деловито передвигались строители и монтажники. Всё выглядело впечатляюще.

Писатель спрашивал о строителях, кто они, откуда приехали, как осуществляется руководство стройкой. Мы рассказывали, что здесь работают представители десятка национальностей, приехавших из разных концов страны.

Ближе к вечеру выехали на природу, на реку Ресту по Чаусскому шоссе. В.П. Золотухин загодя побеспокоился о том, чтобы заранее была сварена уха и поджарены шашлыки. Было приятно ощущать доброжелательную обстановку и искренность во взаимоотношениях.

Там К. Симонов сказал:

— Я ознакомился с вашей многотиражной газетой. Хочу похвалить за её содержание и оперативность информации. Всё, что создавалось нами, военными корреспондентами, было подчинено одной задаче: укрепить силу духа тех, кто сражался на фронте и самоотверженно работал в тылу. Уверен, что сегодня значение вашей газеты на трудовом фронте также велико. Увиденное мною грандиозное строительство, общение с вами помогают более глубоко осмыслить происходящее, сопоставить трудовой энтузиазм мирного времени с подвигами на войне — их невозможно разделить. Тот патриотизм, который я видел на Буйничском поле, и патриотический дух на вашем Гребенёвском поле очень вдохновляют меня. Вы, живые, создаёте достойный памятник тем мёртвым, о которых я пишу.

Возможно, что это высказывание и легло в основу названия будущего романа.

Симонов бесконечно курил свою трубку. Фотокорреспондент многотиражной газеты Владимир Фомиченко бесцеремонно спросил: «Где это вы приобрели такую трубку?» Симонов улыбнулся и сказал:

— Это дорогой для меня подарок Эрнеста Хемингуэя из его известной коллекции.

В обстановке свободного общения поинтересовался и я:

— Константин Михайлович, а можно стихи? Он оживился и ответил:

— Конечно!

Я сказал, что в 1941 году один из поэтов написал стихотворение «Если бог нас своим могуществом...» и прочитал его до конца. Симонов заулыбался и ответил:

— Это баловство...

— Тогда скажите, Константин Михайлович, а «Жди меня» в этом же году?

—А это удачное попадание, — ответил он.

— Вы посвящали его Серовой?

На что он, как мне показалось, сердито ответил:

— Какое это имеет значение?

Я смутился из-за неудачного вопроса.

Чуть позже военный, которого привёз Симонов из Москвы как консультанта, заметил:

— Ваш вопрос для него как соль на рану. Симонов всё больше сейчас думает и вспоминает о Серовой.

И он в общих чертах поведал мне об их драматической любви:

— Валентина Серова была одной из ярких звёзд советского кино. До их встречи Симонов был женат дважды: на Алле Типот и Евгении Ласкиной, которая родила ему сына Алексея. Кстати, Алексей дорожит памятью об отце, часто бывал в Могилёве.

До встречи с Симоновым Серова была замужем, её муж, военный лётчик А. Серов, Герой Советского Союза, погиб. Захоронен у Кремлёвской стены. От брака с Симоновым актриса родила дочь Марию, которая живёт в Москве. Что бы вы знали, Валентина Серова прошла через всю жизнь Симонова и, как он однажды выразился, «она была самым большим горем в моей жизни».

Много из его военной лирики посвящено именно ей.

Когда мы вновь собрались у костра, я принёс Симонову извинения за свой вопрос. На что он ответил:

— У меня нет секретов в личной жизни. Да, «Жди меня» я посвящал Валентине Серовой. Это было как бы личное. Но случилось так, что оно стало достоянием печати.

Как известно, стихотворение было опубликовано в «Правде» и «Известиях», служило листовками, его переписывали фронтовики и в письмах-треугольниках посылали домой. Наверное, его содержание попадало в самые сокровенные человеческие чувства.

Костёр наш затухал, становилось прохладно. Симонов предложил пройтись вдоль речки. Остановились возле одинокой берёзки. Обращаясь к нам, он сказал:

— Мне часто приходилось ездить за границу, бывать во многих странах. Не помню, где я увидел такую же берёзку и подумал: «Как же она, наша родная, сюда попала?»

Мы завернули Константину Михайловичу несколько шампуров с шашлыками в дорогу.

— Я увезу их домой на память об этих местах, — пошутил писатель.

Назавтра состоялась встреча с участниками освобождения Беларуси. Симонов не записывал разговор, он попросил ветеранов прислать ему воспоминания в Москву.

Очередной приезд Константина Михайловича в Могилёв состоялся в 1974 году. Мне позвонила секретарь обкома партии Нина Михай-

ловна Чигалейчик и сообщила, что у них находится Симонов и хочет видеть меня. Состоялась радушная, незабываемая встреча. Он поздоровался, заулыбался и сказал:

— Завершил я свой многолетний труд. Здесь три книги «Живые и мёртвые», «Солдатами не рождаются» и «Последнее лето». Примите их от меня на память. В автографе я выразил свою признательность и благодарность вам и вашим товарищам за оказанную помощь. Возвращаю все воспоминания и письма строителей, ветеранов Великой Отечественной войны, участников обороны Могилёва, которые мне посылали. Их нужно сохранить для истории и передать в музей.

Конечно же, я растрогался и сердечно его поблагодарил. Нина Михайловна сообщила, что нашего высокого гостя можно поздравить с большими наградами. За эту трилогию ему присуждена Ленинская премия 1974 года. Константин Михайлович — Герой Социалистического Труда. Только что его поздравило руководство города и области.

— Скажите, — обратился ко мне Симонов, — многое изменилось на вашем предприятии за это время?

— Конечно. Сейчас на комбинате работает более 10 тысяч химиков, продукция направляется на все текстильные предприятия страны. Ну так что, Константин Михайлович, едем на «Химволокно»?

— С удовольствием, — ответил он.

У центральной проходной его встретили хлебом-солью руководство объединения, сотни молодых рабочих и специалистов, преподнесли цветы.

Константин Михайлович с большим интересом знакомился с технологическим процессом, беседовал с людьми. Сюрпризом было приглашение его в конференц-зал, заполненный молодёжью. Симонова встретили стоя, горячими аплодисментами. Задавали много вопросов, на которые он охотно отвечал, с удовольствием читал стихи.

На прощание Симонов оставил запись в Книге почётных гостей: «В дни юбилея освобождения Белоруссии, вспоминая всё ею пережитое, понесённые человеческие и материальные потери, хочется с особенной силой пожелать новых успехов вам, дорогие товарищи, людям, которые делают добро и красоту другим людям. А какой гигант вырос на этом Гребенёвском поле! Просто диву даёшься нашим возможностям и свершениям».

В тот же день Симонов уезжал. На вокзале его провожали руководители города и области, сотни могилевчан. Уже в вагоне, благодарный за радушие, проявленные к нему внимание и любовь, он сказал:

— Моя судьба тесно переплелась с Могилёвом, он вошёл в мою жизнь в большей степени, чем Ленинград, в котором я родился. Многие страницы моей трилогии посвящены Могилёву. У меня есть ку-

сочек земли, который вовек не забыть — это Буйничское поле, где в первые дни войны я поверил в Победу.

Кто знает, может, эти чувства и легли в основу его завещания. Он крепко обнялся с председателем облисполкома Анатолием Васильевичем Маслаковым. В глазах у обоих стояли слёзы.

Никто тогда и подумать не мог, что легендарного писателя вскоре не станет.

Облвоенком, полковник Иван Александрович Тихонов рассказывал о том, как семья Симонова выполнила его завещание — развеять его прах на Буйничском поле.

25 ноября 1980 года вместе с тысячами могилевчан я был участником открытия памятного знака К.М. Симонову на Буйничском поле. Тогдашние руководители города Владимир Ефимович Коновалов и Александр Александрович Петров представили высоких гостей из Москвы и Минска — поэтов Андрея Вознесенского, Роберта Рождественского, Нила Гилевича, Алеся Адамовича, Василя Быкова, а также нашего могилевчанина Алексея Пысина.

Памятный знак — 15-тонный камень-валун в народе сейчас называют «Камень Симонова».

Отмечая 70-летний юбилей героической обороны Могилёва, слушая тёплое приветствие могилевчанам Президента Республики Беларусь Александра Григорьевича Лукашенко, ветераны Великой Отечественной войны сожалеют, что Могилёву не присвоено звание города-героя, чей подвиг объективно оценивался маршалами Жуковым, Ерёменко, писателем Симоновым, которые ходатайствовали о принятии такого решения.

Участникам войны, защитникам города уже далеко за 80 лет. Но боевое прошлое остаётся самым сильным, ни с чем не сравнимым душевным потрясением. И как не вспомнить:

Тот самый длинный день в году,
С его безоблачной погодой,
Нам выдал общую беду
На всех, на все четыре года.
Она такой вдавила след
И стольких наземь положила,
Что двадцать лет и тридцать лет
Живым не верится, что живы...

Ежегодно в Могилёве проводятся международные Симоновские чтения. Пройдут годы, истечёт время военных ветеранов, отведённое им Судьбой и Богом, сменится поколение могилевчан, но русский сын белорусского народа, навечно прописанный в Могилёве, всегда будет любим и почитаем.

«ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ПАМЯТИ УКРАИНЫ»: ВМЕСТО ГОСУДАРСТВА

Заборин Дмитрий Сергеевич, *38 лет,*
координатор проекта «Электронная книга памяти Украины»,
журналист, политтехнолог,
заместитель командира поискового отряда «Днепр-Украина»,
г. Киев,
Украина

Каждый человек заслуживает быть похороненным по-человечески. Тем более воины, павшие в бою с оружием в руках. Мы всегда считали, что если есть желание жить в «нормальной стране», то один из показателей такой нормальности — когда по людям не пашут тракторами и не строят на их останках коттеджи. Тем более, что возможность строить коттеджи на своей земле мы получили благодаря этим людям. Именно поэтому украинские поисковики год от года выбирались в поля, как только земля чуть подсохнет от стаявшего снега, — по своему хотению, часто вопреки бездумным и не имеющим ничего общего с реальностью нормативным актам, безо всякого интереса к поиску со стороны государства.

Именно в поле энтузиазм и равнодушие сходились воедино. Киев с 1965 года носит звание города-героя. Его героическая оборона и катастрофа Юго-Западного фронта вошли во все труды по военной истории. И каждый год в непосредственной близости от украинской столицы находят останки не менее сотни солдат. В 1941 году собирать тела было некому и некогда, как и собирать богатый урожай хлеба. Спелая пшеница выстлала дно окопов. 37-я армия имела приказ командования вернуться к исходным рубежам обороны. Советские пехотинцы и десантники медленно продвигались вперед, выдавливая прорвавшегося почти к окраинам противника, снова и снова зарываясь в землю, пытаясь спрятать головы и тела от железного шквала.

Плотность огня была такая, что извлекаемые из-под земли каски имеют иногда сплошную дырчатую структуру. Металла в земле осталось невероятно много: ящики, нерасстрелянные мины, покрученные винтовки, стрелковые щиты, гнилые патроны, элементы экипировки — от кружек до противогазов. В полях вокруг Киева практически через каждые несколько метров — мощные металлические сигналы, под каждым может лежать боец.

Вот очередной. На дне ячейки, на правом боку, лежит молодой, судя по зубам и состоянию костей, солдат в совершенно неношеных ботинках, — пупырышки на подошве идеальные, каблуки не сбиты. Спокойная поза, как будто мирно уснул. Хотя стены ячейки ясно говорят о случившем-

ся: близкий разрыв снаряда, множественные осколочные ранения, мгновенная смерть. Полные СВТ-шные подсумки нерасстрелянных обойм, поясной ремень и противогаз. А на груди — пачка бумаги. Сначала мы подумали, что уставы солдат курил для лучшей усвояемости. Но на обороте одной из бумажек оказалось письмо. А следом выскочил и долгожданный смертный медальон, закатившийся под колени.

Все это тут же передается в руки эксперту-криминалисту, и все ждут: прочитался или нет. Если прочитался — есть надежда найти родню, сообщить ей новость, которую они ждали всю жизнь, поколение за поколением. Или, по крайней мере, написать его имя на плите. Если нет — и так тоже бывает по десятку причин — он ляжет на мемориале как еще один «безымянный». Наши враги, стремящиеся убить солдат второй раз, — удобрения, проходящие через невидимые трещины и расшатанную крышечку бакелитовой капсулы медальона. Плесень, разъедающая бумажку-вкладыш. Мы опасаемся и нерадивых людей, которые могут пропустить заветный черный цилиндрик или, найдя, таскают его в кармане, откладывая передачу специалистам на «потом». Надо этот драгоценный цилиндрик тут же в ком сырой земли, в пакет, в несколько слоев — и скорей, скорей...

Горько, когда внутри цилиндрика пусто: иголки с нитками или незаполненный вкладыш. Мы сетуем на суеверия, говорившие, что заполненный «смертник» — «к скорой гибели». Мы переживаем за каждого из этих парней, иногда — очень редко — за девчонок. Ведь их ждали домой. Ведь они воевали за эту землю. Вот за эту — скрывшую их от тупого плуга равнодушных потомков, от гусениц тракторов, от мусорных свалок. Тем, кто любит порассуждать о «заградотрядах, стрелявших в спину», или о кровавом режиме, нужно бы посмотреть в лицо этого не пожившего толком парня. Лучше всего это делать в чистом поле, достав его со дна окопа после дня надежд и тяжелого труда. Или чуть позже, в День Победы, когда на маленьком сельском мемориале священник будет отпевать воинов, жизнь свою за нас отдавших.

И вот когда ты видишь останки человека, умещающиеся в небольшой мешок, то понимаешь, что нельзя сегодня назвать чужим краснодарского станичника Ивана Никитина, оставившего дома двух дочерей и легшего в сырую землю, защищая подступы к украинской столице. Или казахстанца Абдували Абубакирова, который был смертельно ранен на Лютежском плацдарме и похоронен в Киеве на Байковом кладбище. Его внук нашел запись в базе «Электронной Книги Памяти Украины», и пожилые уже дети, искавшие могилу отца всю жизнь, смогли, наконец, приехать и поклониться его праху.

Память о войне соединяет миллионы людей тонкой живой ниточкой, это ощущение я могу описать именно так. Возможно, это единственное настоящее проявление братства с близкими и дальними со-

седями, оставшееся нам в жизни. Это чувство и сегодня, несмотря на многое, остается выше вопросов «бабла» или «политической целесообразности». Сохранить эту ниточку — и есть задача первостепенной важности и в полевом поиске, и в деле создания электронной базы данных, которая появилась на свет именно вследствие нитей, объединяющих поисковиков на огромном пространстве.

Создание «Электронной Книги Памяти Украины» стало своего рода продолжением полевой работы, попыткой первого в стране открытого учета всех солдат, призванных с территории Украины, погибших в финскую кампанию и Великую Отечественную. Но не только их, но и тех, кто в Украине погиб и покоится.

Когда-то была ведомая самими же ветеранами и «детьми войны» межгосударственная программа, в соответствии с которой в 90-х годах появились региональные редакции «Книги Памяти». Люди трудились, собирали документы, обрабатывали, обобщали, выпускали тома. Однако первая же попытка проверить список найденных в Краснодарском крае солдат-украинцев, переданный тамошними поисковиками, показала, что никакого доступа к этим книгам нет. Более того, редактирование информации о солдате возможно в существовавшем формате только через выпуск новых томов, что должно финансировать государство. А выражение «должно финансировать государство» уже давно сродни шутке.

Вот пример: ефрейтор-связист Василий Шик по официальным данным погиб в 1942 году под Старобельском Луганской области, и место его захоронения не известно. А фактически останки Шика были обнаружены в 2003 году в Краснодарском крае. Человек погиб на год позже и за это время успел получить медаль «За Отвагу» (по которой и был опознан), его похоронили на мемориале в станице Нижнебаканская. И как прикажете внести соответствующие правки? Кого это вообще волнует в нашей стране? И вот раз за разом сталкиваясь с подобными ситуациями, мы решили исправить то, что нам мешало.

Формат решения появился сам собой: раз государственной базы нет, то нужно создать ее самостоятельно: для себя и для всех людей, чьи родственники погибли на войне. Ведь уже четвертое поколение ищет своих солдат, пропавших без вести или похороненных неизвестно где. Согласно первоначальной идее «Электронная Книга Памяти Украины» — это интернет-база, где должны быть собраны воедино печатные тома с фамилиями людей, не вернувшихся с войны.

Однако довольно скоро проект превратился в самостоятельный информационный продукт. В первую очередь потому, что в ходе обработки доступных на сегодняшний день томов Книги было проведено большое количество исправлений фактологических неточностей, несовпадений дат и места гибели солдата, неверного прочтения названий населенных пунктов и даже ошибок в фамилиях. Часть томов вышла

на украинском языке, и переводчики, не мудрствуя лукаво, переводили все так, как считали нужным. Между тем, донесения о потерях составлялись на русском языке, и похоронки людям приходили на нем же. Исходя из этого, нам пришлось выполнять обратный перевод. Тем более, что проект наш носит международный характер: пользоваться ресурсом могут люди, живущие в разных странах мира.

Помимо данных из печатных томов в базе Книги Памяти есть сведения о военнопленных, переданные немецкой стороной, сведения из архивов, не вошедшие ни в какие издания или сборники, имена из солдатских медальонов, найденных поисковиками, и результаты труда одиночек-энтузиастов, собирающих по крупицам данные о давно ушедших людях.

Не так давно база пополнилась данными из уникального семейного архива Героя Советского Союза генерал-майора Михаила Наумова. Прежде всего, это списки партизан соединения, которым он командовал, ранее нигде не публиковавшиеся и содержащие информацию о судьбе более чем трех тысяч людей — русских, украинцев, армян и даже сербов, воевавших в украинских лесах. Эти сведения позволили установить судьбу множества людей, считавшихся пропавшими без вести. Ведь и сам Наумов, бывший офицер-пограничник, в свое время вышел к курским партизанам от самой западной границы, от карпатского Сколе.

Эти уникальные списки составлялись согласно приказу Штаба партизанского движения командирами каждого из входивших в соединение отрядов, а затем были обобщены в послевоенные годы. О каждом человеке имеются сведения относительно места рождения, времени прибытия в отряд и выбытия из него по разным причинам. Еще одной особенностью этих данных является наличие в них большого количества бойцов, перешедших к партизанам из национальных формирований Вермахта и СС (в частности, Армянского легиона), РОА и полиции. По нашим сведениям, судьба большинства этих людей для их родственников до сих пор неизвестна.

Благодаря подобным небольшим открытиям мы пусть и неспоро, но двигались по своему пути. Так, по случаю, были разысканы паспорта воинских захоронений Киевской области, которые считались несуществующими. Соответствующий реестр вырос в самостоятельный масштабный проект, с которым государство тоже не справилось, несмотря на выделявшиеся в свое время средства. Единой базы, где были бы учтены братские могилы, в Украине не существует, минимальную аналитическую работу ведут только общественники. Ведь даже списки на мемориальных плитах сплошь и рядом не соответствуют действительности. Масса людей на них вообще не учтена. Или, к примеру, люди лежат в одном месте, а числятся захороненными в другом, или их вообще никто не хоронил. И чем дольше этим никто не занимается, тем больше ситуация усугубляется.

Яркий пример — это Чернобыльская зона отчуждения. В 1986 году оттуда были выселены люди, а мертвые солдаты оказались никому не нужны. Сейчас те воинские захоронения, которые поближе к дорогам, находятся в более-менее нормальном состоянии. А те, что в глухомани, просто разрушаются, через 5–10 лет они просто исчезнут. В ходе четырех экспедиций по четыре дня, проколесив несколько тысяч километров по «зоне», мы попытались все их разыскать, сфотографировать, уточнить списки захороненных, сделать информацию доступной для родственников. Вообще, в Чернобыльской зоне отчуждения было бы правильным как с точки зрения государственного подхода, так и с точки зрения человеческой морали перенести братские могилы на сборный мемориал, возможно, даже вместе с памятниками. Но этот проект представляется еще менее возможным, чем участие государства в поисковой деятельности.

Подводя текущий итог, можно сказать, что безусловно нам не хватает целенаправленной работы по выявлению и классификации военных документов в украинских архивах и созданию объединенной базы данных, которая может быть впоследствии как-то объединена с российским проектом ОБД «Мемориал». Тем более что по иронии судьбы «Электронная Книга Памяти Украины» продолжает существовать благодаря поисковикам из Крыма, в свое время взвалившим на себя всю техническую часть проекта.

Пока это представляется делом весьма отдаленной перспективы, тем более что и вся поисковая работа в итоге была передана государством в ведение Института национальной памяти, предпочитающего совершенно иные идеологические подходы. Но в то же время огромное количество людей продолжает разыскивать информацию о своих родственниках. Для них важно все, любая деталь. Постоянно приходят письма. Когда тебе звонит человек и, захлебываясь, говорит, что среди новых данных о погибших солдатах он нашел своего деда, понимаешь, какие чувства испытывает этот «незнакомец». А приближаясь к одному миллиону записей, проект превратился в «банк данных» хранения и публикации историй из жизни фронтовиков и их прижизненных фото.

И полевой поиск, и создание собственной базы данных как выполнение главной задачи требуют преодоления немалых препятствий. Но первично здесь то, что мы слышим голоса тех солдат в их вещах, документах. Мы можем узнать, как они жили и как погибали. В скупых строчках донесений о потерях иногда можно найти потрясающие биографии. И, наверное, память можно хранить только так, через личные переживания — свои и других людей. Поэтому все, что нами делается вопреки любой политической ситуации, нужно не только мертвым, а прежде всего — живым.

У нас есть возможность сохранить память о своих предках, которые умели воевать и побеждать, которые оказались способны выстоять,

когда Европа позорно сдалась, и потом своей кровью создали условия для спокойной и богатой жизни сегодняшних европейцев — это возможность сопротивляться. У нас есть желание отстаивать то, что мы считаем важным. У нас есть стремление помнить самим и рассказывать детям, о том, что мы не «жертвы», а наследники Великой Победы.

Мы пытаемся донести другим, что все, погибшие в войну и похороненные в самых разных странах, — наши, родные. Мы — их дети и внуки. Топтаться по их могилам и пытаться «дать непредвзятую историческую оценку», которая сама по себе предвзятость в чистом виде — это не просто глупость, это свинство.

Многим кажется, что политика сегодняшняя перевесила все, что лично их «война Гитлера со Сталиным» не касается и никакого праздника Победы отмечать не нужно. Но кушают хлеб и щелкают семечки, выращенные на солдатских костях, разбросанных по бескрайним полям нашей безобразной, но любимой Родины. Кто-то остался под Винницей и до сих пор держит свой рубеж на колосистом пригорке, кто-то по сей день плывет через Днепр, глотая студеную воду, кого-то тихо занесло листьями в поле под харьковским Изюмом. По ним пашут и сеют десятилетиями. И потому война продолжает жить в крови каждого из нас.

ДОЛГ ПАМЯТИ

Ерошевич Екатерина Валентиновна, *55 лет,*
научный сотрудник Музейного
историко-мемориального комплекса
героическим защитникам Севастополя
«35-я береговая батарея»,
г. Севастополь

Стоит ли былое вспоминать,
Брать его в дорогу, в дальний путь?
Все равно — упавших не поднять,
Все равно — ушедших не вернуть,

И сказала память: «Я могу
Все забыть, но нищим станешь ты,
Я твои богатства сберегу,
Я тебя храню от слепоты».

В. Шефнер

Потеря исторической памяти начинается с равнодушия потомков к восприятию творческих трудов и ратных подвигов своих предков по

созиданию и защите своего Отечества. И поэтому сегодня перед всеми нами стоит задача сохранить для будущих поколений имена тех, кто создавал славу России, отстаивал, зачастую ценой своей жизни, свободу и независимость Отчизны. Сохраняя историю своего народа, мы получаем возможность «гордиться славою своих предков... не уважать которую, — по словам А.С. Пушкина, — есть постыдное малодушие». В этом смысле Музейный историко-мемориальный комплекс героическим защитникам Севастополя «35-я береговая батарея» — это зримое и бережное отношение потомков к собственной истории, воплощение искренней признательности участникам и героям обороны города периода 1941–1942 годов.

Музейный историко-мемориальный комплекс героическим защитникам Севастополя «35-я береговая батарея», официальное открытие которого состоялось в 2012 году, был построен на одном из самых святых для жителей Севастополя месте. Именно 35-я батарея, начиная с 30 июня 1942 года, оказалась последним наиболее устойчивым узлом сопротивления на подступах к Херсонесскому полуострову и последним фортификационным сооружением — убежищем защитников Севастополя. Здесь в последние дни обороны был собран Военный Совет Севастопольского оборонительного рубежа. Отсюда в ночь с 30 июня на 1 июля 1942 года командование покинуло Севастополь.

До наших дней 35-я береговая батарея донесла тот сгусток подвига и трагедии, страшной боли и невероятного мужества, который и сегодня ощущают посетители.

Отброшенные на мыс Херсонес, преданные командованием, защитники города отчаянно сражались буквально до последнего патрона, проявляя при этом небывалый героизм и самопожертвование. Многие из них, а это десятки тысяч чудовищно измученных, израненных и практически безоружных краснофлотцев, красноармейцев, командиров и комиссаров погибли и попали в немецкий плен. По данным Манштейна, только 4 июля 1942 года на Херсонесе немцы пленили около 30 тысяч человек. Общее же количество пленных и пропавших без вести, включая тех, кто погиб в боях в последние дни обороны города, составило около 80 тысяч человек.

Начиная с 90-х годов прошлого столетия, 35-я береговая батарея стала огромной свалкой и местом нелегальных раскопок. Через ее территорию прокладывали коммуникации владельцы соседних дачных участков, вдоль обрыва проходила «народная тропа» на пляж. Немалая часть металла была срезана «металлоломщиками». И решение Севастопольского горсовета от 4 июля 2006 г., согласно которому комплекс береговых фортификационных сооружений и территория вокруг них отнесены к землям историко-культурного наследия, на все это никак не повлияло.

Мысль о создании музея в этом особенном месте пришла отнюдь не городским властям и не государственным чиновникам. Как чаще всего бывает с подобными объектами, настоящий, живой интерес к батарее проявляли только энтузиасты.

Высшим проявлением общественной инициативы стало создание в июне 2007 года объединения граждан «35-я береговая батарея», поставившее перед собой цель создания музея. Непосредственным инициатором, руководителем и основным меценатом строительства стал Алексей Чалый.

«Я думаю, что наше поколение находится в большом долгу перед двумя поколениями. Первый долг, безусловно, к поколению тех мальчиков и девочек, которые здесь остались в июле 1942 года. К сожалению, они были именно такими... Хотя в Советском Союзе было довольно хорошее отношение к Великой Отечественной войне, тем не менее, это отношение было ретушировано. Хорошо говорилось о победах. Если говорилось о поражениях, то с превосходящими силами противника. Этот эпизод истории, в силу того, что здесь много чего намешано: и предательство, и неумение, которые в значительной степени привели к трагедии, решено было из истории вырезать. Но вместе с ним выкинули память о десятках тысяч людей. Поэтому это хоть маленькая, но попытка вернуть им долг... Второй, возможно, еще больший долг и грех перед поколением будущим... За нами не будет числиться особых достижений, мы не выиграли войну, мы не посылали человека в космос... Зато в разрушении преуспели изрядно.

Воспитывать нас поздно. Мы уже сделали что могли. С другой стороны, верить в то, что это необратимо, не хочется. Поэтому единственная надежда — на наших детей. А у кого они могут учиться? Значит, нужно организовать встречу с тем поколением, за которым числятся реальные достижения.... Мне кажется, если в результате этой «встречи», кому-то в грудь попадет искра, которая впоследствии не позволит ни предать, ни обмануть, то у нас будет будущее», — заявил на церемонии открытия музея Алексей Чалый.

Именно эти слова объясняют ту цель, которая ставилась перед создателями комплекса. И ради которой пришлось преодолеть те сложности, что относятся к категории необъяснимых, с точки зрения совести и чести. После почти двухлетнего обсуждения, 2 июля 2007 года решение конкурсной комиссии горсовета Севастополя по определению арендатора участка было принято. На следующий день, 3 июля, у входа в казематы батареи был заложен символический первый камень будущего музея.

Концепция комплекса была предложена московским архитектором Александром Ивановичем Хомяковым.

Как только идея сооружения комплекса была публично озвучена, в прессе и на интернет-форумах развернулись жаркие словесные баталии. Их смысл сводился к одному: под маской музея могут быть созданы гостиницы или проведена частная застройка. Но время показало необоснованность высказанной в адрес создателей музея критики. И те, кто приходил защищать батарею от коммерческого использования или с целью проверки законности строительства, уходили горячими сторонниками возведения музейного комплекса. Самые жесткие критики стали единомышленниками и помощниками.

Благодаря самоотверженности, азарту всех, кто принимал участие в строительстве комплекса, первый экскурсионный маршрут был открыт всего через три месяца после начала разминирования территории и расчистки казематов батареи. Специалисты говорили о трех годах! Расчистка территории, обрушение опасного козырька над пляжем, обеспечение безопасности первого экскурсионного маршрута — все это удалось сделать до 3 июля 2008 года, к годовщине официального окончания второй обороны Севастополя. И в дальнейшем, по уже установившейся традиции, очередной экскурсионный маршрут открывали 3 июля, в день Памяти и скорби. В 2009 году был открыт второй маршрут, в 2010 году посетители прошли третьим экскурсионным маршрутом.

Сегодня основным объектом музейного комплекса «35-я береговая батарея» является массив 35-й береговой батареи. В казематах батареи размещена экспозиция музея, экспонаты которой рассказывают об истории создания батареи и её участии в обороне Севастополя 1941–1942 годов, о событиях, связанных с последними боями на мысе Херсонес, судьбах бойцов и командиров. Дополняют его все остальные наземные сооружения: Пантеон памяти, некрополь, карта Севастопольского оборонительного района, Братская могила, Часовня.

Во время строительных работ на территории батареи, при расчистке её помещений были найдены останки последних защитников Севастополя. Первого красноармейца обнаружили 11 октября 2008 года, во время работ по подготовке второго экскурсионного маршрута. Им оказался уроженец Каховки Яков Лукич Гашенко, погибший в первых числах июля 1942 года и многие годы числившийся пропавшим без вести. Ему было 26 лет, в Каховке его ждали жена и сын. Теперь рядовой Гашенко вернулся из небытия и торжественно захоронен на некрополе музея. Дальнейшие находки страница за страницей открывали судьбы людей.

Всего на данный момент найдено и перезахоронено более 236 защитников Севастополя. Кроме того, научно-исследовательская работа по поиску имен погибших, пропавших без вести и выживших защитников Севастополя, начавшаяся вместе со строительством комплекса,

позволила установить имена тех, кто продолжал сражаться в последние, самые трагические дни обороны города.

Именно в память о последних защитниках и был построен Пантеон памяти, открытый 3 июля 2011 года и который на сегодня хранит в себе 31 488 имен. Лица 750 защитников мы можем увидеть на огромном экране-планетарии, расположенном внутри Пантеона. Они с нами, они смотрят на нас. И всякий, кто видел их глаза, никогда не забудет этого особого чувства единения, гордости. И еще тихой скорби. Ведь всех этих молодых и не очень людей объединяет одно: не успели они пожить, дав эту возможность нам. Авторы проекта художник-сценограф Валерий Фирсов и композитор Дарий Сысоев сумели найти очень точное эмоциональное наполнение композиции.

Сегодня мы все хорошо понимаем, что в победном 1945-м война не могла быть выиграна без тех, кто остался верен своему долгу, сохранил ясный ум и твердую руку в страшные дни сорок первого и сорок второго. Без тех, кто дрался и побеждал, был окружен в котлах и пробивался к своим. Без тех, чья храбрость заставила рейхсминистра по делам вооружений и боеприпасов доктора Фрица Тодта 29 ноября 1941 года сказать фюреру: «В военном и военно-экономическом отношении война уже проиграна».

Музейный историко-мемориальный комплекс героическим защитникам Севастополя «35 береговая батарея» на сегодня является одним из самых посещаемых музеев нашего города. От момента закладки первого камня и до настоящего времени его посетило более полумиллиона человек. Все экскурсии в музее проводятся бесплатно.

ОГНЕННЫЕ РЕЙСЫ

Карепова Валентина Ивановна, *75 лет, специалист пресс-службы ОАО «Мурманское морское пароходство», работник музея истории ОАО «ММП», г. Мурманск*

Очевидцы вспоминают, что над Мурманском в июньские дни 41-го года ярко светило солнце. Начиная с 18 июня, над городом на большой высоте пролетали неизвестные самолеты.

20 июня в пароходство поступила радиограмма от капитана парохода «Чернышевский» В.Н. Гогетидзе, что 19 июня на подходе к порту Баренцбург судно неоднократно облетел неизвестный самолет. Это сообщение было передано в штаб Северного Флота.

В воскресенье 22 июня в 12 часов в кабинете начальника Мурманского пароходства А.Д. Фортученко собрались на диспетчерское со-

вещание ведущие работники флота. В это время по радио начали передавать сообщение о вероломном нападении фашистских полчищ на нашу Родину.

Предстояло срочно перестроить работу всех служб пароходства на военный лад.

Первым мероприятием было безадресное оповещение судов о необходимости следования в ближайшие советские порты.

В первые дни войны многие молодые специалисты ушли на службу в подразделения Северного флота, вступили в ополчение 480 человек. В управлении пароходства остались женщины и только отдельные мужчины.

В июле правительство разрешило наркомату военно-морского флота использовать суда гражданского флота для военных нужд. И тогда по решению командования Северного флота был создан военно-транспортный отряд, в который вошли семь судов Мурманского пароходства. Были мобилизованы на службу в КСФ пароходы «Герцен», «Мария Ульянова», «Кооперация», «Сосновец», «Володарский», «Товарищ Сталин» и «Ястреб». На них установили орудия и пулеметы. В течение войны все транспортные суда были вооружены. В экипажи большинства судов были включены военные моряки во главе с военным помощником капитана. Но в расчеты орудий и пулеметов привлекались и члены команды.

Северный бассейн очень быстро стал фронтовым. Немецкое командование в конце июля направило к Горлу Белого моря подводные лодки, что резко осложнило каботажные перевозки в Баренцевом и Белом морях. В августе сорок первого года у мыса Городецкий был торпедирован и потоплен пароход «Аргунь» с военным грузом.

Флот Мурманского пароходства, вступая в Великую Отечественную войну, уже имел некоторый опыт воинских перевозок, полученный во время войны с Финляндией. Но теперь военные перевозки имели несравненно большие масштабы. Руководило ими Управление тыла фронта и Северного флота.

С осени 1941 года начались оперативные перевозки для армии и флота в район полуостровов Средний и Рыбачий. Суда проходили по узкому коридору Мотовского залива в трех милях от мыса Пикшуев, на котором стояла немецкая береговая батарея. Смертельную опасность представлял узкий проход в Озерко шириною в пять кабельтовых (900 м). Помимо артобстрелов суда подвергались беспрерывным налетам вражеской авиации.

С конца июля 1941 года часть транспортного флота переключилась на перевозку экспортно-импортных грузов, поступавших в северные порты СССР в соответствии с договором ленд-лиза. 31 августа 1941 года в Архангельск пришел первый союзный караван под кодо-

вым названием «Дервиш-1» с грузами для фронта. Пока шла разгрузка одних судов, другие готовились к отходу в Англию. 27 сентября 1941 года караван английских судов вышел из Архангельска обратно. В составе конвоя шли пять судов Мурманского пароходства: «Алма-Ата» (капитан Г.С. Мирошниченко), «Моссовет» (капитан М.К. Федоров), «Сухона» (капитан А.А. Малыгин), «Старый большевик» (капитан И.И. Афанасьев) и «Севзаплес» (капитан И.С. Карасев).

3 ноября со следующим караваном на запад вышли пароходы «Ижора» и «Чернышевский». Помимо уже названных судов, в зарубежные перевозки включились «Кузбасс», «Ильмень», «Правда», «Кузнец Лесов», «Ока», «Котлин», «Шелонь», «Пинега», «Кара», «Осмуссаар», «Циолковский», «Узбекистан», «Двинолес», «Клара Цеткин», «Щорс», «Бурея» и другие.

Связь СССР с союзниками осуществлялась по трем морским путям. Самым коротким и особо опасным был северный вариант пути. Транспорты, шедшие из Америки и Англии, встречались в Исландии, формировались в караван и дальше конвой шел под охраной военных кораблей.

Достигнув меридиана Териберки, или Йоканьги, часть судов шла в Мурманск, а другие направлялись в Архангельск. Такой переход занимал всего 10–12 суток.

По соглашению между союзниками путь от Рейкьявика до Северных портов России был разделен на 2 оперативные зоны: до острова Медвежий транспорт эскортировали военно-морские силы Великобритании и США, а далее охрану конвоев брал на себя Северный флот.

Рассчитывавшее на «блицкриг» гитлеровское командование не имело на Севере необходимые силы для уничтожения конвоев. Поэтому в 1941 году суда, следовавшие в караванах, практически не понесли потерь.

С августа по декабрь 1941 года в наши северные порты прибыли семь конвоев — пятьдесят три транспортных судна. Из них восемь советских.

На запад ушли четыре конвоя — сорок семь судов, из них пятнадцать транспортов Мурманского и Северного пароходств. В течение 1941 года союзники этим путем доставили 160 тыс. тонн грузов для фронта и вывезли 145 тыс. тонн российских грузов в свои страны.

Следует отметить, что перевозки осуществлялись в основном на устаревших судах. В состав флота Мурманского государственного пароходства на 1 июля 1941 года входили тридцать семь судов общей грузоподъемностью 122198 тонн, в их числе только семь теплоходов. Тринадцать судов были построены в тридцатые годы, а остальные двадцать четыре судна 1900–1918 годов постройки. Пароходы «Володарский», «Товарищ Сталин», «Ильмень» имели аварийные повреждения и находились в состоянии консервации. Только восемь судов имели класс Регистра. Капитального ремонта требовали «Бурея»,

«Куйбышев», «Роза Люксембург» и другие. 60 процентов флота после работы в Арктике нуждалось в доковании, а сухогрузы «Чернышевский», «Щорс» не были в ремонте 5–6 лет. Таким был флот Мурманского пароходства накануне Великой Отечественной войны.

Несмотря на это, судами Мурманского пароходства было перевезено 10,9 процента всех экспортно-импортных грузов страны.

С января 1942 года из-за сложной ледовой обстановки Архангельский порт прекратил принимать прибывающие на север караваны. Госкомитет обороны принял решение разгружать суда с импортом в Мурманске. Мурманский порт не был подготовлен к приему судов. Основное крановое хозяйство в первые дни войны было эвакуировано в Архангельск, Мончегорск, Кандалакшу, не хватало грузчиков и т. д.

В середине декабря в Мурманск прибыл Штаб уполномоченного Государственного Комитета Обороны И.Д. Папанина, прибыли также представители Британского министерства военных перевозок для урегулирования всех вопросов, связанных с движением конвоев.

Но уже 21 декабря 1941 года под охраной боевых кораблей в Кольский залив вошел первый союзный караван с военными грузами из Англии. В его составе прибыл советский пароход «Декабрист», доставивший в Мурманск 7000 т продовольствия и другого груза. Поэтому декабрь 1941 года внес серьезные изменения в жизнь Мурманского пароходства, порта и города.

10 января 1942 года в Мурманск приехал Уполномоченный Государственного Комитета Обороны И.Д. Папанин. Потребовались неимоверные усилия портовиков, моряков, судоремонтников, чтобы наладить ритмичную работу порта. И 12 января 1942 года Мурманск принял конвой PQ-7 в составе девяти иностранных судов и нашего парохода «Чернышевский».

Через неделю пришел еще караван. В числе восьми его судов был теплоход «Старый большевик». Третий караван состоял из девяти судов, среди них мурманский пароход «Ижора».

В течение 1942 года все большее количество судов Мурманского пароходства включалось во внешние перевозки.

В начале сорок второго года в Северной Норвегии сосредоточились основные ударные силы германского надводного флота: линкор «Тирпиц», тяжелый крейсер «Адмирал Шеер», линкоры «Лютцов», «Хиппер» и другие. Кроме того, туда были переведены четырнадцать подводных лодок. В Карском море противник начал ставить минные поля.

С наступлением светлого времени враг обрушил на наши морские коммуникации мощные массированные удары. Суда подвергались интенсивным атакам со стороны немецкой бомбардировочно-торпедоносной авиации, подводных лодок и надводных кораблей, базировавшихся в Северной Норвегии.

Сорок второй год для моряков Мурманского пароходства стал годом крупных потерь.

7 марта фашистский линкор «Тирпиц» обнаружил и уничтожил отставший от каравана PQ-12 пароход «Ижора» (капитан В.И. Белов). Судно застряло во льдах вблизи берегов Шпицбергена. Линкор открыл огонь из тяжелых орудий. Получив прямое попадание, пароход затонул. Моряки погибли, успев предупредить по радио о пиратском нападении «Тирпица».

В начале апреля 1942 года пароходство обратилось к командованию Северным флотом с предложением передать в свое распоряжение из состава транспортного отряда теплоход «Циолковский» с целью более эффективного использования его на внешних перевозках. Эта просьба была удовлетворена. 28 апреля теплоход, загруженный пиломатериалами, вышел в составе конвоя в Англию. 1 мая конвой был атакован вблизи острова Медвежий подлодками противника. Одна из торпед угодила в борт «Циолковского» и он начал медленно погружаться. Видя неминуемую гибель судна, капитан приказал команде оставить его. Вскоре судно было торпедировано вторично и мгновенно ушло под воду. Английский конвойный корабль подобрал лишь тринадцать человек. Двадцать девять моряков погибли. Погиб и капитан Владимир Григорьевич Левицкий.

На внешних перевозках затонули также «Двинолес», «Ильмень» и другие.

С наступлением полярного дня английское военно-морское командование пыталось прекратить плавание гражданских судов в северные порты Советского Союза, ссылаясь на то, что каждый пятый пароход гибнет, не доходя до места назначения.

К маю 1942 года в Исландии скопилось до девяноста торговых судов. Такое положение вынудило Советское правительство обратиться к премьер-министру Великобритании У. Черчиллю с просьбой ускорить доставку крайне необходимых для фронта стратегических грузов.

20 мая из Исландии в Мурманск вышел караван «PQ-16» в составе тридцати пяти судов. Среди них были три мурманских судна: «Щорс», «Чернышевский», «Старый большевик». В течение шести дней караван подвергался непрерывным атакам самолетов и подводных лодок противника.

Обратимся к строкам рейсового донесения капитана теплохода «Старый большевик» нашего пароходства И.И. Афанасьева: «20 мая в 18.30 в составе конвоя и эскорта снялся в СССР в порт назначения по указанию командира конвоя. В пути получил назначение на Мурманск. 25 мая в 5.00 конвой в районе острова Ян-Майен был обнаружен вражеским самолётом. В 12.20 произведен первый налет самолетов, а затем налеты продолжались вплоть до 30 мая».

«Старый большевик» шел в конце каравана. Атаки самолетов следовали одна за другой, но прицельно бомбить не давали наши пулеметчики. Капитан Афанасьев достаточно хорошо владел искусством маневрирования, и когда судну угрожала атака, он резко менял курс, уводя его в сторону от вражеских бомб.

27 мая у острова Медвежий во время 52-ой по счету атаки бомба попала в правую скулу полубака, уничтожив зенитную пушку. Погибли несколько членов экипажа. Взрывной волной был контужен капитан Афанасьев. На судне начался пожар. Теплоход, в трюмах которого находились боеприпасы и взрывчатка, мог взорваться в любой момент. Но на полубаке уже действовали помощник капитана по политической части К.М. Петровский и матрос Б.И. Аказенок. Они и подоспевшие им на помощь члены экипажа стали выносить в безопасное место ящики со снарядами. Началась упорная борьба с пожаром. К судну подошел конвойный эсминец и предложил экипажу перейти на другое судно, а теплоход торпедировать, но капитан отказался. Весь экипаж остался на борту, и караван ушел на юго-восток. В течение шести часов боролись с пожаром моряки и сумели спасти судно. Вечером этого же дня «Старый большевик» вновь был атакован двумя фашистскими торпедоносцами. Одного из них сбила единственная уцелевшая зенитная пушка, а второй сам покинул поле боя.

На следующий день судно догнало конвой. На корабле командира эскорта одновременно взвились три флага с литерами «Щ», «К», «Л», что означало — «хорошо поработали».

Капитан И.И. Афанасьев, его помощник по политической части К.М. Петровский и матрос Б.И. Аказенок за мужество и героизм, проявленные в этом бою, были удостоены высокого звания Героя Советского Союза. Правительство Великобритании наградило И.И. Афанасьева и старшего механика Н.И. Пугачева орденом Британской империи IV степени.

В конце июня 1942 года из Исландии вышел в Советский Союз конвой «PQ-17» в составе тридцати шести транспортных судов и большого количества кораблей охранения. Поскольку в исторической литературе подробно излагается печальная история этого конвоя и, кроме того, в его составе не было судов нашего пароходства, не будем подробно излагать историю этого каравана. Но вспомнить о нем, как об одной из трагических страниц в истории союзных конвоев, необходимо. Из 36 транспортных судов 24 были потоплены самолетами и надводными кораблями гитлеровской Германии. Английский военный эскорт, испугавшись немецкой эскадры, бросил суда, приказав каравану расформироваться и следовать автономно.

После этого трагического эпизода войны на море англичане приняли решение о нецелесообразности направлять конвои в летний период. От-

каз Великобритании от конвоирования судов заставил Наркомат морского флота попытаться более широко использовать Северный морской путь.

Немецкое командование понимало, какое значение имеют грузоперевозки в северных и арктических морях, и было решено любыми средствами сорвать морские перевозки на Северном бассейне. В августе 1942 года фашистское командование направило в Арктику рейдер — тяжелый крейсер «Адмирал Шеер».

25 августа в Карском море, юго-западнее мыса Челюскин, так называемый карманный линкор «Адмирал Шеер» встретил ледокольный пароход «Александр Сибиряков», следовавший на Новую Землю. Командир крейсера Мидсен Болькен приказал поднять американский флаг и потребовал, чтобы «А. Сибиряков» застопорил ход. Капитан «Сибирякова» старший лейтенант А.А. Качарава, не отвечая на требования фашистов, повернул судно к острову Белуха. Крейсер открыл артиллерийский огонь по ледокольному пароходу. Искусно лавируя, судно пыталось уйти в лед, в то же время капитан приказал открыть ответный огонь. Радиостанция «А. Сибирякова» успела передать на Диксон сообщение о нападении неизвестного военного корабля. После нескольких залпов из 280-миллиметровых орудий «Адмирала Шеера» пароход получил серьезные повреждения. На судне начался пожар, но моряки продолжали вести артиллерийский огонь по противнику, пока очередной залп не снес последнее орудие «А. Сибирякова».

Капитан Качарава приказал спустить шлюпки и открыть кингстоны[1]. Маленький ледокольный пароход уходил под воду с развернутым флагом. Сибиряковцы повторили подвиг легендарного «Варяга». Из ста четырех моряков и пассажиров в живых осталось только девятнадцать.

Пробыв некоторое время в районе пролива Вилькицкого, 27 августа «Адмирал Шеер» подошел к острову Диксон. В это время в порту находились три судна: ледокольный пароход «Дежнев» (СКР-19, капитан А.С. Гидулянов), пароход «Революционер» (капитан Ф.Д. Панфилов) и груженый взрывчаткой транспорт «Кара» (капитан Г.Р. Мирошниченко).

Крейсер, встав на внешний рейд, открыл интенсивный огонь из орудий всех калибров по порту и кораблям, стоявшим на внутреннем рейде, пароходы и береговая батарея начали вести ответный огонь.

Во время боя «Дежнев» получил несколько прямых попаданий, но экипаж продолжал вести огонь. На пароходе «Революционер» от артобстрела начался пожар, но команда сумела ликвидировать очаг возгорания. Моряки парохода «Кара», рискуя взлететь на воздух, также вели боевые действия.

---

[1] Кингстон — задвижка или клапан, перекрывающий доступ в корабельную (судовую) систему, сообщающуюся с забортной водой. Клапан в подводной части судна, при необходимости открывающий забортной воде доступ внутрь, часто с целью затопления корабля (*Прим. ред.*)

Получив несколько прямых попаданий, «Шеер» отошел и атаковал с северного рейда. Но и вторая попытка для него оказалась неудачной. Больше карманный линкор в наших водах не появлялся. Операция под кодовым названием «Вундерланд» («Страна чудес») провалилась.

В сентябре 1942 года пароход «Сухона» (капитан А.А. Малыгин) в составе каравана судов вышел из Исландии в Архангельск. В пути следования караван неоднократно подвергался налетам вражеской авиации и атакам подводных лодок. В одном из массированных налетов на судно была сброшена серия бомб. Оно получило серьезные повреждения и затонуло. Капитан Малыгин и почти вся команда были спасены.

17 ноября 1942 года теплоход «Кузнец Лесов» (капитан В.А. Цыбулькин) в составе союзного конвоя вышел на запад к берегам Исландии. К месту назначения «Кузнец Лесов» не пришел. Как выяснилось впоследствии, при выходе в Баренцево море караван попал в жестокий шторм, и «Кузнец Лесов» отстал от других судов. По предположению военного командования, судно было торпедировано и затонуло со всей командой.

Наш капитан Николай Покровский, участник тех огненных рейсов, так описал один из случаев, происшедших с их экипажем в одном из полярных конвоев:

Не так давно, а говорим «когда-то»!
Мы шли в конвое — груз-боезапас,
И при налете подожгли пирата,
А лодка торпедировала нас.
Стена огня, воды, людей, обломков...
В бою том никого никто не спас.
Не дай Вам Бог когда-нибудь, потомки,
Везти в конвое груз-боезапас.

Необходимо сказать о том, что за первые два года войны Мурманское пароходство потеряло восемь судов (более 21 процента общего тоннажа).

14 наиболее крупных судов с 1 января 1943 года были переданы на баланс Дальневосточного морского пароходства: «Правда», «Алма-Ата», «Чернышевский», «Шелонь», «Пинега», «Кара», «Ока», «Кузбасс», «Узбекистан», «Севзаплес», «Клара Цеткин». Такое решение объяснялось тем, что фашисты значительно активизировали свою деятельность в Северном, Норвежском и Баренцевом морях, и из-за опасности плавания англичане отказались конвоировать транспортные суда в Северную Россию. Вследствие указанных выше причин основной объем грузоперевозок был перенесен на Дальний Восток.

Работа судов Мурманского пароходства в это время была направлена на обслуживание частей Красной Армии и Северного флота, расположенных в районе Мурманского побережья.

Наступление нашей армии продолжалось, поэтому морской путь из Мурманска в Лиинахамари оставался самым оживленным. Суда перевозили боеприпасы, снаряжение, а обратными рейсами доставляли в Мурманск раненых бойцов и трофеи.

Фашисты изменили тактику действий своих подводных сил. Подлодки теперь редко выходили в открытое море. Они атаковали наши суда на подходах к портам и проливам.

В ночь на 5 декабря 1944 года был торпедирован героический пароход «Пролетарий». Спасся двадцать один моряк, более тридцати человек погибли. Военные моряки подняли на борт парохода капитана Павла Григорьевича Ижмякова, но он, не приходя в сознание, умер. Это было последнее судно Мурманского морского пароходства, погибшее в годы Великой Отечественной войны.

Война на Северном бассейне закончилась 5 июня 1945 года, когда был издан приказ военного командования, в котором судам разрешалось самостоятельное плавание без эскорта и несение огней с наступлением темного времени.

Подводя некоторые итоги, мы можем сказать, что транспортный флот успешно обеспечивал на всех этапах войны необходимые воинские перевозки. Около тысячи моряков погибли на фронтах, сотни не вернулись в родной порт, выполняя задания по перевозке грузов морем. Торпедированы и затонули десять транспортных судов. В конце войны в пароходстве остались всего три судна. 250 моряков удостоены правительственных наград. Трое — И.И. Афанасьев, К.М. Петровский, Б.И. Аказенок, моряки с теплохода «Старый большевик», — стали Героями Советского Союза.

Прошло почти 70 лет, но и сегодня в коллективе ОАО «Мурманское морское пароходство» жива память о тех, кто приближал победу, выполняя задания по перевозке грузов, о тех, кто навечно остался в студеных водах Арктики и Атлантики.

ПОДВИГ ТУЛЬСКИХ ЧЕКИСТОВ

Лебедев Владимир Петрович, *65 лет,*
генерал-майор, начальник Управления ФСБ России
по Тульской области (1996–2009),
член Общественной палаты Тульской области,
Почетный гражданин, г. Кимовска, г. Тулы и Тульской области,
г. Тула

Сегодня наш долг беспристрастно и правдиво рассказать о подвиге чекистов в противоборстве с сильным и безжалостным врагом — фа-

шистской Германией. Это помогают сделать документы, скрытые ранее под грифом «секретно» и «совершенно секретно», а ныне доступные каждому благодаря и подготовленной нами книге «Хранить вечно» [1].

Уже через четыре дня после начала войны — 26 июня 1941 года Совет народных комиссаров СССР принял Постановление «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе». В НКВД СССР был организован штаб, а в республиканских и прифронтовых управлениях — оперативные группы, на которые возлагались задачи по ликвидации вражеских десантов и диверсантов. Ровно через месяц — 26 августа — оперативные группы, в том числе и в Тульской области, были преобразованы в 4-е отделы НКВД-УНКВД. Разведка, организация истребительных батальонов и партизанских отрядов, диверсионных групп, обеспечение их оружием и боеприпасами, продовольствием, одеждой и другим снаряжением — далеко не полный перечень задач, стоящих перед ними.

4-й отдел УНКВД Тульской области возглавил капитан госбезопасности Анатолий Петрович Горшков, под непосредственным руководством которого в Туле были сформированы партизанские отряды «Пролетарский», «Грозный», «За Родину». Тульский опыт оказался востребованным Центральным штабом партизанского движения, а за организаторские способности А.П. Горшкову присвоено внеочередное воинское звание генерал-майор. В 1943 году он руководил за линией фронта брянскими партизанами, в 1944 году в Югославии помогал развернуть сопротивление фашизму на Балканах.

Особую роль в решении задач, стоявших перед органами государственной безопасности, сыграли истребительные батальоны. Они состояли из проверенных, смелых коммунистов, комсомольцев, советских активистов, способных владеть оружием, действующих без отрыва от их основной работы. Истребительные батальоны охраняли жизненно важные объекты, промышленные предприятия, электростанции, железнодорожные сооружения, патрулировали в населенных пунктах, выполняли поручения органов государственной безопасности и милиции, осуществляли разведку. В конце октября — начале ноября 1941 года они приняли активное участие в эвакуации промышленных предприятий. Истребительные батальоны вступили в бой с первого момента появления немецко-фашистских захватчиков на тульской земле.

Так, на территории Сталиногорского (ныне — Новомосковского) района с началом войны было сформировано 9 истребительных батальонов из рабочих, служащих и интеллигенции оборонных, промышленных предприятий, шахт, учебных заведений, советских учреждений общей численностью в 900 человек. Через два месяца они были переформированы в пять батальонов из-за мобилизации и призыва в Красную Армию. Из докладной записки начальника Сталиногорско-

го горотдела НКВД капитана госбезопасности Михайлова заместителю начальника Управления НКВД Тульской области капитану госбезопасности тов. Кирюшину известно: «Все пять вновь сформированных истребительных батальонов численностью в 500 бойцов были полностью вооружены французскими винтовками «Лебеля», английскими винтовками «Льюис», русскими трехлинейными винтовками образца 1930 года и английскими ручными пулеметами системы «Льюис», с достаточным запасом боеприпасов, винтовок 449 шт., пулеметов — 3, патронов около 80000 шт.» [1, с.20].

В результате эвакуации заводов и предприятий бóльшая половина личного состава истребительных батальонов (высококвалифицированные рабочие и специалисты) выехала. Оставшиеся бойцы (150 человек, кто конкретно — неизвестно) были объединены в один истребительный батальон, который был придан 180 полку войск НКВД и принял участие в защите города.

Бойцы истребительных батальонов районов области несли заградительную службу, в результате чего было задержано дезертиров, бегущих с фронта: в Дубенском районе 400 человек, в Каменском — 350, в Кимовском — 200 [1, с. 41].

В других городах и районах Тульской области также действовали истребительные батальоны. По состоянию на 15 октября 1941 года, т.е. к моменту подхода противника к Тульской области, здесь имелось 79 истребительных батальонов общей численностью 10256 бойцов, из них 146 женщин, 277 — членов ВКП(б), 119 — кандидатов в члены ВКП(б) и 416 — членов ВЛКСМ [1, с. 38].

В дни непосредственной угрозы городу Туле из бойцов истребительных батальонов был сформирован Тульский рабочий полк, численностью 900 человек под командованием капитана государственной безопасности А.П. Горшкова.

Партизанское движение на тульской земле было организовано сотрудниками УНКВД, но документы свидетельствуют о подвигах и стихийно родившихся партизанских отрядов, и отдельных партизан-одиночек. К примеру, в Сталиногорском районе Константин Бессмертный сумел самостоятельно организовать в тылу противника партизанский отряд.

К концу 1941-го года на оккупированной территории Советского Союза действовало около 3500 партизанских отрядов и групп общей численностью до 90000 человек. За первые 6 месяцев войны партизаны Калининской, Смоленской, Московской, Орловской, Курской и Тульской областей истребили более 30000 гитлеровцев, пустили под откос около 40 вражеских эшелонов [1, с. 5].

Из 9 партизан, Героев Советского Союза, удостоенных высокого звания за подвиги, совершенные в 1941 году, один — Александр Чека-

лин, входил в состав партизанского отряда, действовавшего на Тульской земле. Медаль «Партизану Отечественной войны» 1-й степени за номером 1 была вручена туляку Осипенко Ефиму Ильичу.

В Справке «Факты борьбы местного населения против немецких захватчиков» зам. начальника УНКВД по Тульской области капитана госбезопасности Кирюшина приводится описание ряда подвигов.

62-летний колхозник Иванов Иван Петрович из с. Лишняги Серебряно-Прудского района Тульской области отказался проводить гитлеровских бандитов в соседнее село Похожее. Избив старика, немцы силой заставили его показывать дорогу. Тогда Иванов завел их глубоко в лес. 30 немецких автомашин завязли в глубоком овраге. Славного патриота расстреляли, однако сами немцы из леса выйти не смогли. Большинство из них заблудилось в лесу и замерзло.

При наступлении наших частей на г. Сталиногорск рабочие одного из предприятий тт. Сарычев и Володин из молодежи организовали партизанскую группу в 12 человек. Вооружившись винтовками и гранатами, группа совершила налет на немецкий штаб, расположенный в городе. Началась паника. Фашисты решили, что город обошли части Красной Армии, и оставили город, бросив оружие, технику, штабные документы, 17 автомашин с продовольствием и боеприпасами.

В Дубенском районе помощь населению и бойцам оказывал Тимуровский отряд, которым руководила комсомолка Силаева Мария Ивановна. «Юные патриоты-тимуровцы оказали неоценимую услугу большой группе бойцов, командиров и политработников, выходивших из окружения. Предоставили им безопасное помещение для отдыха, снабдили пищей, теплой одеждой и провели несколько десятков километров по тылу противника до соединения с Красной Армией» [1, с. 28–29].

Любой советский школьник знал имя Саши Чекалина. Сегодняшней молодежи необходимо напомнить о его подвиге. Герой Советского Союза Александр Чекалин родился в 1925 году. В начале октября 1941 года юный патриот ушел с партизанами в тыл врага. Он проник в расположение фашистов и добыл там 6 винтовок, 10 гранат, несколько сотен патронов. Он передавал ценные сведения о противнике частям Красной Армии. Однажды он заболел, и комиссар разрешил ему отправиться в деревню, чтобы вылечиться. Предатели выдали юного партизана немцам, которые ворвались в дом и потребовали сдаться. Саша выхватил гранату и бросил в фашистов. Но она не взорвалась. Тогда немецкие изверги схватили юного героя и увезли в штаб. Пытали, но не смогли добиться ни одного признания. На утро на площади в городе Лихвине состоялась казнь. Пока палач набрасывал петлю на шею, Чекалин выкрикнул: «Нас много и всех не перевешают. Победа будет за нами!» — и запел «Интернационал».

Фашисты повесили на трупе дощечку с надписью «Повешен как заядлый партизан. И так будет с каждым». Более 20 дней не разрешали убирать труп с виселицы. Только, когда город был освобожден от немецких захватчиков, соратники похоронили комсомольца с воинскими почестями.

Для организации агентурно-оперативной работы в тылу противника в структуре НКВД СССР 18 января 1942 года было организовано 4-е Управление (зафронтовое). В числе задач этого Управления и ранее созданных 4-х отделов в прифронтовых областях на этом этапе было:

— формирование в крупных населенных пунктах, захваченных противником, нелегальных резидентур и налаживание с ними связи,

— внедрение советских разведчиков в создаваемые противником на временно оккупированных территориях организации и административные органы,

— подготовка и переброска в тыл врага разведывательно-диверсионных групп и обеспечение надежной связи с ними,

— организация разведывательных и диверсионных групп в районах, находящихся под угрозой вторжения гитлеровцев,

— обеспечение диверсантов и разведчиков оружием, боеприпасами, средствами связи, продовольствием, соответствующими документами.

На 4-е отделы возлагались обязанности проводить допросы пленных, перебежчиков, диверсантов, а также передавать данные и материалы об изменниках Родины, оказывающих помощь фашистам, в контрразведывательные и секретно-политические отделы НКВД и УНКВД.

Важную роль сыграли оперативные группы, которые формировались из сотрудников госбезопасности и милиции, солдат и сержантов пограничных и внутренних войск, а также специально подготовленных лиц. При отборе внимание уделялось физической подготовке кандидатов, родственные связи за линией фронта, знание местности, где предстояло работать. Спецподготовка и обучение оперативных групп осуществлялись на базе Отдельной мотострелковой бригады особого назначения НКВД СССР (ОМСБОН) на основе специальных программ, вместившим опыт участников Гражданской войны, боев франкистов в Испании и первых месяцев Великой Отечественной войны. В тыл противника перебрасывались сухопутным, воздушным или водным путем. Тульские партизаны сначала переходили линию фронта пешком, а потом стали перебрасываться самолетами 1-й Воздушной армии. Для связи с группами в первые годы войны были организованы радиоцентры в Москве, Куйбышеве (Самаре), Ворошиловграде (Луганске) и Туле.

Всего в годы Великой Отечественной войны было подготовлено и заброшено в тыл противника 2222 оперативные группы, в том числе

229 из них были сформированы тульскими чекистами [1, с.6]. Оперативные группы из Тульской области принимали участие в боях на территории Смоленской, Орловской, Ленинградской, Брянской областей, а также в Белоруссии.

Вся эта непростая и чрезвычайно ответственная задача была возложена на комиссара госбезопасности, начальника УНКВД В.Н. Суходольского, который являлся старшим оперативным начальником всех подразделений и служб НКВД на территории Тульской области.

Владимир Николаевич Суходольский родился 7 мая 1907 года в Туле в семье мелкого чиновника, работал переплетчиком, кузнецом в кузнечной мастерской на Тульском оружейном заводе. Получив образование инженера-механика, В.Н. Суходольский был направлен на Тульский оружейный завод. В 1938 году по мобилизации ЦК ВЛКСМ был направлен в центральную школу НКВД СССР. Далее — служба в органах НКВД.

А пока…

Я беру двухтомный «Тульский биографический словарь» выпуска 1996 года. Более двух тысяч биографий лиц, связанных с Тульским краем. Открываю фамилии на букву «С»…Правильно: этой фамилии в словаре нет. Смотрю предисловие. Замечательные строки:

«Когда перечитываешь страницы словаря, то с гордостью отмечаешь, как много у нас замечательных людей…Это соль нашей земли, наша слава…Понятно, что объем двухтомника не позволил поместить все имена, достойные всеобщего уважения. Думается, потребуется еще не одно переиздание, чтобы в полной мере отразить величие наших земляков, создавших славную историю Тулы». Будем надеяться.

Литература

1. Хранить вечно. Документы 4-го отдела.— Тула:Гриф и К, 2007.

ЯСНАЯ ПОЛЯНА В ГОДЫ ВОЙНЫ

Толстая Екатерина Александровна, *42 года,*
директор
Государственного мемориального и природного заповедника
«Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна»,
г. Тула

О бесчинствах гитлеровцев в Ясной Поляне осенью-зимой 1941 года хорошо известно. Полтора месяца Ясная Поляна находилась под оккупацией фашистов. В Литературном музее немцами был развернут госпиталь. Дом Л.Н. Толстого, по словам хранителя музея

С.И. Щеголева, был превращен в казарму с ружьями и пулеметами: «...в одной комнате парикмахерская, солдаты бреются, стригутся, чистятся, в другой комнате сапожная мастерская, кругом мусор отбросы... Все кусты, деревья, изгороди — все помято, поломано». Представители самой цивилизованной нации топили печи оставшейся в доме мебелью и архивными документами, все стены были ими исцарапаны, испачканы похабными рисунками. При отступлении фашисты разожги костры в комнатах Дома Толстого, пытаясь его уничтожить, и только решительными действиями сотрудников музея пожар был потушен. Земля Толстого была освобождена 14 декабря 1941 г. и в мае следующего года директор музея Софья Андреевна Толстая-Есенина уже торжественно открывала мемориальный музей в Ясной Поляне.

Осквернение могилы великого русского писателя заключалось в том, что неподалеку от нее были похоронены погибшие немецкие офицеры. Когда немцев выбили, яснополянские крестьяне провели перезахоронение (сейчас останки немцев находятся на немецком участке кладбища в Туле).

К счастью, С.А. Толстой-Есениной удалось вывезти наиболее ценные предметы в Томск. Исчезло лишь полтора-два десятка вещей, среди которых седло Толстого, часы и др. Поэтому, сегодня все, что находится в доме Толстого, подлинное, там нет ни одного муляжа. В этом уникальность музея.

О пребывании немцев в Ясной Поляне существует обширная литература: художественная, публицистическая, научная, в яснополянском школьном музее действует постоянная экспозиция, свидетельствующая об оккупации.

Еще одно новое произведение, увидевшее свет, — роман Н.Е. Стещенко-Фролова «Плач о сотворении мира». Это любимое и многострадальное детище автора, над которым он работал практически всю свою творческую жизнь. Бережно собирая и проверяя материалы, которые появлялись в прессе, Николай Егорович вёл активную поисковую работу, встречался с участниками событий, о которых идёт речь в книге, работал в архивах. Это действительно роман о сотворении мира, в котором мы с вами живём, думаем и дышим, о туляках, защитивших от врага город, о судьбе музея «Ясная Поляна». Музей, каким мы можем видеть его сегодня и каждый день, — чудо рукотворное, сохранили его люди. Память о тех, кто не позволил врагу бесчинствовать на нашей земле, будут хранить потомки, благодаря также и книге Н.Е. Стещенко-Фролова, отрывок из которой предлагается ниже вниманию читателей.

Описываемые в отрывке события дополняют сочинения детей войны — яснополянских школьников. Это живые свидетельства очевид-

цев того разгрома, который учинили нацисты на яснополянской земле. Сочинения написаны «по следам» немецкой оккупации. Публикуются впервые.

Н.Е. Стещенко
Плач о сотворении мира
(отрывок из романа)

Ночь стыла на жестком декабрьском ветру, но саперы не слышали ее остуженных звуков, они спали. Сон отобрал у них общую заботу и дал каждому личную. Теперь кто-то видел невесту, кто-то мать, или жену и детей, а кто-то дом свой родной с белым дымком над крышей.

Лейтенант сидел на прежнем месте, у входа, прислонившись спиной к стене и уронив голову на грудь. Свеча догорела, было темно и холодно, как в подвале. Сквозь дрему он удерживал сознанием мысль: «Ночью наступления не будет. Значит, до утра можно отдохнуть. Что-то не видно, чтобы немцы собирались отступать. Может, действительно у нас пока маловато силенок? В таком случае, что делать отряду? Нет, нет, такого быть не может. Болдин ясно сформулировал задачу: «Не позволить фашистам при отступлении уничтожить музей-усадьбу». При отступлении. Значит, убежден, что будут отступать. Жестокие бои шли целый день, особенно на Косой горе. Утро покажет, что делать.

Осинцев попытался вытянуть затекшие ноги, но уперся в кого-то подошвами. Это был, кажется, Линев. Вновь подобрал ноги, поменяв их положение. «Если разведку провести сейчас, а утром пойти по знакомому следу? Успеем вернуться? Вернуться и сразу снова идти? Люди устали, а завтра весь день придется провести в лесу, может, на снегу. Ночью не пойдем, пойдем утром».

В дальнем углу хрустнула солома, человек то всхлипывал, то в отчаянии звал на помощь, то кого-то предупреждал, угрожал. Голос утончался до комариного писка, срывался. Лейтенант догадался: это Блажко. «Такой спокойный сильный солдат, а во снах надрывает душу», — подумал он и тут же услышал другой голос: Калинка выводил какую-то мелодию, похожую на танго, взволнованно дышал. Осинцев вдруг заметил, что тишины в землянке нет, солдаты в сновидениях продолжают личную жизнь. Заинтересованный, он прислушался. Тихонько посапывал у него под боком Ранков. Часто причмокивал губами Соколков. Линев дышал ровно, гортанно всхрапывал на выдохе. Лейтенанту жалко было кого-то будить в караул. Для солдат спокойные сны как краткосрочные побывки домой. «А правда ли, — неожиданно вспомнилось из детства, — если взять спящего человека

за мизинец и задать любой вопрос, он ответит всю правду? Наверное, ерунда, враки!»

Незаметно для себя он вернулся к мысли о задании. Когда все обдумал и взвесил, с усилием оторвал спину от стены, наклонился вперед и растолкал Линева.

— Вставай, Линев, надо сменить на посту Худокормова, — тихо сказал лейтенант.

Линев выругался сквозь зубы, недовольный тем, что прервали сон. Он собирался и сердито ворчал. Осинцев подождал, пока тот закончит возиться, зажег фонарик и глянул на часы. Было без четверти два. Лейтенант перевел желтый кружок света на Линева. Лицо солдата было измято сном, казалось более острым, чем на самом деле.

— Разбудите меня через два часа, — сказал он так же тихо. — Возьмите часы.

— Я по своим, по внутренним. Как замерзну, так и прокукарекаю.

— Я сказал: ровно через два часа, — начал сердиться лейтенант, — вам понятно, Линев?

— Чего ж понятнее. Два, так два. — Он взял автомат и полез по ступенькам наверх. Лейтенант светил ему фонариком до тех пор, пока тот не взялся за крышку лаза. Так же посветил входившему Худокормову.

Часовой принес в землянку запах перекаленного морозом снега. Шапка и брови его были посеребрены изморозью.

— Однако надышали хлопцы, — сказал Худокормов, — устраиваясь на освободившемся месте.

— Холодно?

— До кишок продирает, товарищ лейтенант. Ежели бы двигаться — другое дело, а то приходится стоять да слушать.

— Что фашист?

— Дрыхнет, товарищ лейтенант. Никакого движения. У штаба моторы прогревает. Наш русский мороз его за горло берет.

— Спите, Худокормов, через два часа подъем.

— Я еще сухариком погреюсь, товарищ лейтенант.

Осинцев уснул сразу же. И когда два часа спустя Линев приоткрыл крышку входа и скомандовал подъем, лейтенанту показалось, что это продолжает говорить с ним Худокормов, а сам он не успел еще уснуть, только задремал между двумя фразами промерзшего часового.

Осинцев посветил на часы, было тридцать пять минут четвертого. Линев поторопился, но его можно было понять: на холоде время тянется медленнее. Он не стал поднимать людей, минуту-другую посидел недвижимо, вслушиваясь в отголоски солдатских снов, и вышел из землянки. Линев переминался под деревом, постукивая валенком о валенок. Лейтенант стал рядом, молча обвел взглядом деревню. Странная тишина лежала вокруг. Ни голоса человека, ни лая собаки.

Лишь справа, возле школы, в которой размещался штаб дивизии, работали моторы. «Школа Толстого, — подумал Осинцев. — Многие поколения яснополянских детей учились там правильно жить. Сам Толстой вел уроки, в которых преподавал добро. Теперь... Больно сердцу славянина».

— Товарищ лейтенант, такие чудеса, — зашептал ему в затылок Линев непривычным мягким голосом. — Петух в деревне поет. Чтоб мне провалиться на этом месте, если вру. Один единственный. Покричит, а ему никто не отзывается. Раз пять перекличку затевал. Ну, ясное дело, надоело. Понимаете, товарищ лейтенант, наш русский петух — живой и поет во все горло. Так что я вас поднял по петуху — старинным русским часам.

— Певец во стане русских воинов, — улыбнулся Осинцев.

— Что? — не понял Линев.

— Это стихотворение такое у поэта Жуковского есть, — пояснил лейтенант. — Он еще до Толстого жил. Кстати, тоже родился на тульской земле.

— Во-во, — горячо зашептал Линев. — Этот певец тоже всю душу мою вывернул наизнанку. Ну, прямо красный командир. Аж руки зачесались. Товарищ лейтенант, а может, взаправду штаб ихний трахнуть? Не ждут они нас, хорошо получится. Всю дивизию обезглавим. И сразу — в лес.

Осинцев нахмурился, досадуя на Линева за легкомысленное мальчишество. Но в то же время был подкуплен его истинным чувством, и улыбнулся.

— Откуда у вас такая чуткость к животным? Вроде и не ветеринар наподобие Худокормова. За этим что-то кроется?

Линев не ждал такого поворота, однако вопрос не сбил его с хорошего настроения, и он без запинки ответил:

— У каждого была иль есть своя Скотинка.

Осинцев ничего не понял и уточнять не стал. Надо было возвращаться в землянку. Он уже наклонился, чтобы закрыть лаз, когда Линев прошептал:

— Незадолго перед войной собака от смерти меня спасла. — Он подышал в рукавицы, похлопал по щекам и закончил, — с тех пор и пошла у меня собачья жизнь.

Лейтенант недоверчиво оглянулся и молча полез в землянку. Линев сплюнул под ноги, досадуя на Осинцева за неприятную откровенность. «Ваши души война калечит, а мою мирная жизнь окоряВила».

Осинцев вполголоса скомандовал подъем. Солдаты пробуждались неохотно, вяло.

— Что вам снилось, Соколков? — спросил он, зажигая огарок свечи.

— А что, болтал лишнее? — встрепенулся тот, стреляя глазами по сторонам. — Так дело ж молодое!

— Смените Линева, пусть согреется перед дорогой.

В четыре пятнадцать утра отряд обходил деревню слева. Мороз пробирал до костей, а после сна было холодно вдвойне. Домики стояли тихие, темные, придавленные снегом. По шоссе, в сторону Щекина и обратно, темными призраками сновали тяжелые грузовики с притушенными фарами. Каждый из саперов понимал, что развозят они смерть для наших бойцов. Здесь, в тылу, они впервые увидели близко, как готовится, ходит невидимыми из-за линии фронта путями их солдатская погибель.

Тихо подвизгивал под лыжами снег. Ранков, идущий впереди, на всякий случай подальше обогнул околицу. Глядя на его узкую спину, лейтенант с удовольствием отметил, что Ранков на глазах избавляется от подросткового озорства, и полностью поверил в его надежность.

Неожиданно лейтенант поймал себя на мысли, что, может, не Ранков изменился, а он, командир, больше узнал его, как и каждого в отряде? Осинцев вдруг почувствовал острую ответственность за судьбу этого мальчика. Он должен головой отвечать за его жизнь, потому что она, эта жизнь, принадлежит будущему, тем, кто должен поклоняться подвигу старших и кого потом, в случае надобности, должны чтить потомки. Такова цепь жизни, берущая начало и замыкающаяся на Поклонной горе.

В районе Косой Горы что-то сильно горело. Кровавое зарево то густело, то водянисто растекалось.

Благополучно миновали дорогу к Воронке и углубились в Абрамцевскую посадку. В трещины старых деревьев ветром набило снега, но это не делало лес нарядней. Он был тих и мрачен, стволы сплелись ветвями, вроде придвинулись один к другому, сопротивляясь лихим временам. Мороз распушил снег и, когда кто-то задевал ветку, он сыпался вниз с сухим шорохом.

Ранков остановился и подождал лейтенанта. Подъехали остальные.

— Там Старый Заказ, где могила Толстого, — вполголоса сказал он, вытягивая вперед руку в меховой рукавице.

Никто ничего не увидел там, куда он показывал. Бесконечно тянулись рябые деревья и снега. Но каждый внутренне почувствовал: то, что пришли они спасать, — уже рядом.

Калинка вышел вперед, попросил:

— Товарищ лейтенант, разрешите мне! Сделаю все в лучшем виде. — Он нетерпеливо снял с плеча щуп миноискателя.

Осинцев будто не слышал Калинку и продолжал смотреть вперед, куда показывал Ранков. Сердце его пощипывал тот внутренний холодок, который случается от сильного волнения. Отряд у цели, осталось

выполнить задание. Подобное чувство Осинцев испытывал в октябре, когда с группой, в которой был и Клейменов, взрывал под Тулой мост. Разница состояла лишь в том, что тогда предстояло взорвать, а теперь — спасти от взрыва.

— Конечно, конечно, Калинка, выполняйте, — запоздало разрешил он и добавил:

— Пойдете вместе с Ранковым. Только, пожалуйста, осторожнее.

Две белые фигурки быстро затерялись между деревьями. Ни скрипа, ни шороха. Зато над лесом и за ними подавала голоса война. Где-то ухала дальнобойная артиллерия, высоко в небе, севернее Ясной Поляны, тяжело шли бомбардировщики.

Ранков и Калинка молча пробирались к могиле. Наконец деревья расступились, и они оказались перед небольшим холмиком между трех лип на краю оврага. Снег вокруг был истоптан, весь в черных оспинах от крупноразмерных сапог. «Во всем мире нет более поэтичной, более впечатляющей своей скромностью могилы, чем эта», — вспомнились Калинке слова писателя Цвейга об этом месте. Он не мог оторвать глаз от заснеженного холмика, возле которого ни памятника, ни креста, ни камня с надписью. Скромная могила в тихом лесу. Человек и природа слиты воедино.

Ранков тронул его руку, кивнул в сторону:

— Гляди.

То, что увидел Калинка, поразило его. В нескольких шагах от могилы Толстого неширокая поляна была густо утыкана березовыми крестами. Под перекрестиями чернели квадратные наименования могил. Фашистское кладбище. Такого Калинка не видел никогда, чтобы над могилами черных убийц стояли белые кресты. Он перевел взгляд на снежный холмик и подумал: «Мятежен дух твой, Лев Николаевич. — Ни при жизни, ни после смерти не дают тебе покоя враги твои, потому что ты помогаешь людям разглядеть зло, затаившееся рядом. Значит, ненавидят тебя люди кривды».

Ранков снова тронул его за рукав:

— Работай, Калинка, нас ждут.

Калинка снял с плеча металлоискатель, заправил наушники и медленно пошел к могиле Толстого, будто искал завещанную народу «зеленую палочку», найдя которую все люди на земле станут счастливыми. Слушая шорохи в наушниках, он продолжал думать: «На каждом метре этой земли произрастала твоя мысль, Лев Николаевич. Тут каждый бугорок — ты, всего ни взорвать, ни уничтожить. Недаром родную землю называют Отечеством, а не свою — чужбиной».

Вскоре он вернулся, тихо сказал Ранкову:

— Чисто!

— Ты что шептал? — спросил тот, заглядывая в лицо сапера. — Страшно?

— Солдатскую молитву.

— Это что за молитва такая — солдатская?

— А которая помогает от страха.

— Мне она ни к чему, я не боюсь.

Они тронулись в обратный путь.

Саперы, ждавшие их, согревались кто как мог. Худокормов широко разводил руки в стороны и скрещивал их на груди, Линев приседал, а Соколков толкал плечом дерево. Калинка доложил о выполнении задания.

— Спасибо, ребята, — поблагодарил лейтенант, продевая носки валенок в хомутики лыжных ремней. — Теперь — дальше.

Худокормов перестал охлопывать себя рукавицами и, как бы оправдывая свое поведение и одобряя приказ, сказал:

— Мороз не велик, да стоять не велит.

Они взяли влево, глубже в лес, и вскоре вышли на Косую поляну, к перекрестью дорог.

— Прибыли, — объявил Ранков. — Прямо перед нами музейные дома. Вон там, за Красным садом.

Самих домов не было видно, но свет в далеких окнах соблазнительно манил теплом.

— Вот гансы, даже светомаскировку не соблюдают, — зло прошептал Соколков. — Знают, что музей не станем бомбить.

Ранков выжидательно глядел на лейтенанта, стараясь предугадать его решение, а тот, не замечая взгляда, медленно осматривал окрестности. На просторе было светлее. Поляну усердно выгладили метели. По самому центру белая целина была порвана и поштопана гусеницами танков. Вдоль опушки тянулась глубокая лыжня. Осинцев наклонился и всмотрелся в нее. Затем снял рукавицу и потрогал пальцами. Лыжня оказалась выскользженной, по ней много ходили. Не раздумывая, лейтенант встал на нее и повел за собой отряд.

У перекрестья дорог осмотрелись. Направо вела плотно укатанная дорога, налево — едва обозначенная. Видя, что дорога озадачила лейтенанта, Ранков пояснил:

— Наезжанная — это в Старый Заказ, на кладбище, а в обратную сторону — на Чепыж. Там — любимая скамейка Толстого, родниковый колодец. Он каждое утро тут гулял.

— Слушай мой приказ, — торопливо зашептал лейтенант, — в случае крайней необходимости всем отходить на Чепыж. Всем.

— Товарищ лейтенант, возразил Ранков, — там густые елочки, сквозь них не продерешься. Лучше отходить назад: через Афонину

рощу, Абрамовскую посадку, дальше — через Воронку и в засечные леса. Там ни за что не найдут.

Лейтенант, хмурясь, помолчал, то ли взвешивая положение, то ли недовольный тем, что оспаривают его решение.

— Для тех, кто не слышал, повторяю приказ: всем отходить за Чепыж. С сего часа покидать территорию музея-усадьбы запрещаю, самовольный уход будет расценен как дезертирство.

Ранков постыжено опустил голову.

Дальше продвигались куриным шагом, то и дело останавливаясь и вслушиваясь в ночные шорохи. Лейтенант несколько раз подносил бинокль к глазам и долго осматривал каждый куст впереди.

Возле литературного музея, где размещался госпиталь, мороз гонял часового. Другой такой же загнанный, метался у дома-музея Толстого, превращенного в казарму. Иногда они сходились близко и тогда перекидывались двумя-тремя фразами. В тихом морозном воздухе отчетливо слышалось каждое слово. Немцы ругали холод.

Осинцев решил ближе не подходить, а наблюдать из сада. Вскоре часовые сменились, беготня временно прекратилась.

Стоя за низкой рогулистой яблоней, лейтенант изучал подходы к домам. Ранков был рядом, давал пояснения. Остальные саперы тоже находились в саду, вели круговое наблюдение.

Внимание лейтенанта привлекла возня на углу дома Толстого. Он поднес к глазам бинокль и разглядел двух немцев, тащивших во двор большую корову. Передний натягивал накинутую на рога веревку, задний бил животное по ногам и впалым бокам толстой палкой. Корова упиралась, крутила головой.

У дерева бедных, на свету, немцы остановились. К ним присоединился часовой, они весело болтали и смеялись. Из тех слов, которые лейтенант смог разобрать, стало ясно, что перед ними немецкие повара, которые собираются приготовить завтрак.

Вынесли ножи. Часовой снял с плеча автомат, приставил дулом к коровьей голове. В сухом морозном воздухе хлестко треснули выстрелы, корова рухнула наземь. Это вызвало восторг среди немцев.

— Сволочи! Они даже коров расстреливают! — не сдержавшись, процедил сквозь стиснутые зубы лейтенант и, что-то вспомнив, оглянулся на Линева. Тот стоял за соседней яблоней, опустив голову на сложенные крест-накрест руки.

— Обычное их занятие, — с тихим спокойствием, которое удивило лейтенанта, пояснил Ранков. — Снимут шкуру и начнут готовить дрова из музейной мебели или садовых скамеек. Работники музея предлагают дрова, чтоб не трогали экспонаты, а они нарочно ломают и жгут.

Начинало медленно светать, и лейтенант подал знак уходить из сада. Едва они вышли на пробитую лыжню, сзади послышались звуки

моторов. Все, как по команде, оглянулись. Покачивая притушенными фарами, их догоняли два тяжелых грузовика.

По спине лейтенанта наждаком прошел озноб.

Сочинения яснополянских школьников

(из архива школьного Яснополянского музея)

ПОД ПЯТОЮ ФАШИСТОВ

Алешин В., ученик 8 класса

Это было осенью 1941 года. 29 октября шли бои за Ясную Поляну, а тридцатого кровожадные гитлеровцы вошли в нее. Первыми у них двигались танки, разукрашенные фашистской свастикой. За танками, похожими на гробы, шла пехота. Войдя в деревню, немцы стали отбирать у жителей кур, овец и других животных. В этот момент народ понял, что эта коричневая чума, пришедшая от людоеда Гитлера, несла смерть и насилие. На все просьбы мирных жителей чтобы не трогать животных немцы угрожали оружием. Наступили мрачные дни. Однажды в дождь и слякоть приехала в музей машина с тремя офицерами. Офицеры осмотрели музей и уехали. На другой день в дом, где жил и работал Л.Н. Толстой, они привезли на машинах своих искалеченных солдат и офицеров. Немецкие людоеды жгли в музее книги, портреты и все, что им попадало под руку. Они сожгли много книг, которые высоко ценятся нами. Гитлеровские мерзавцы превратили музей в сарай и перед отступлением зажгли его, но благодаря героическому мужеству сотрудников музея пожар был ликвидирован.

В деревне немецкие варвары повесили двух совершенно невинных мужчин и написали объявление: «Если это повторится, то будет повешено втрое больше...»

Немецкие захватчики хотели без боя войти и занять Тулу. Но туляки дали им такой урок, что фашисты будут помнить его всю жизнь. Немцы видели, что их дело плохо. Последние части немцев были вшивые и голодные. Они ходили по домам сотрудников и колхозников и отбирали хлеб, картофель, продукты и теплые вещи. И здесь-то мы поняли, что пришел конец немецкому игу. Мы слышали ружейно-пулеметную перестрелку. Наши друзья беспрерывно вели огонь по фашистским захватчикам. Отступая, они сожгли нашу красавицу-школу.

И вот наступил долгожданный день 14 декабря. В Ясную Поляну вошли части нашей непобедимой Красной Армии и погнали немецких захватчиков дальше, на запад. Этот радостный день мы всегда будем помнить и чтить. Сейчас Красная Армия ведет наступление, освобождая города и села. Красная Армия захватывает в плен тысячи

солдат с их маршалами и генералами. Немцы не выдерживают этого натиска Красной Армии и отступают все дальше к своей границе. Смерть немецким захватчикам! Да здравствует Красная Армия! Да здравствуют великие советские народы!

НЕМЕЦКИЕ ВАНДАЛЫ

Яковлев В., ученик 8 класса

Был морозный, осенний день. Все жители с утра были как-то встревожены плохими вестями. Разнесся слух, что близко немец, и все прятали кто что мог. Некоторые брали самое необходимое и уходили сами. Днем началось самое страшное. Пикировали самолеты, бросая бомбы, потом пошли фашистские танки. Почти все жители в это время были в погребах или в бомбоубежищах, вырытых еще летом. Только к вечеру опять разошлись по домам. В темноте было хорошо видно, как горела колхозная рига. Было всем ясно, что пришел немец. Со следующего дня начался грабеж и издевательства. Как только вошли они на деревообделочную фабрику, сразу же начали таскать оттуда столы, буфеты, комоды, даже деревянные детские игрушки. С населением же разговор был короток: фашистам помогало разговаривать оружие. Без лишних разговоров забирались куры, коровы, козы. Всех, кто появлялся на улице, сейчас же заставляли работать. Даже ребят лет десяти и то посылали за водой, за дровами. Они чувствовали себя хозяевами. Из дома, куда они поселялись, выгоняли жителей, и то не на все четыре стороны, а в обратную сторону от фронта. Фабрику они превратили в лагерь для военнопленных, которых фашисты почти не кормили, заставляя в то же время выполнять непосильную работу. Кроме того, наши русские должны были унижаться перед этими бандитами. Пленным часто приходилось получать «ласковые» пощечины. Это продолжалось полтора месяца.

Дня за два перед уходом фашистов разнеслась, как молния, весть, что наши наступают. Это рассказывали с воодушевлением раз по пяти друг другу. Все надеялись только на приход наших. Наконец этот день пришел.

Яснополянская школа в огне. Худ. С. Ширенков

С утра начались пожары. Горела школа, дом отдыха, окрестные поселки. Солнце казалось багровым от дыма. На двести метров в сторону ветра не было ничего видно. К вечеру пожары утихли. Появилась наша разведка. Нельзя описать радости, с которой принимало

население красноармейцев. В радости даже забыли про пожары. «Лишь бы только опять не пришли», — говорили все люди.

Они больше не придут. Наша армия должна докончить и докончит разгром врага и освободит всех граждан нашей священной земли от людоедов XX века.

СМЕРТЬ ВАРВАРАМ!

Полина, ученица 8 класса

Идет великая война с фашистами. Коварный и подлый враг вероломно напал на нашу любимую Родину, он хочет отнять у нас свободу и жизнь. Вся страна поднялась на Великую Отечественную войну, чтобы дать отпор ненавистному врагу.

Красноармейцы в Ясной Поляне после ее освобождения. 15 декабря 1941 г.

Враг, который напал на нашу страну, жалкие выродки истории, которые, очутившись у власти, вовлекли в войну большинство населения земного шара, вероломно порвали свои собственные договоры, уничтожили и продолжают уничтожать население оккупированных стран. Гитлеровцы, захватывая наши города и села, издеваются над мирным населением. Они уничтожают беззащитных женщин, стариков, детей. Захватывая наших пленных, гитлеровцы жестоко издеваются над ними, отрезают уши, выкалывают глаза, сгоняют в концлагеря. Эти «культурные» люди сжигают наши города и села, уничтожают памятники русской культуры. Гитлеровская армия — армия людоедов, варваров, которая безжалостно истребляет людей. И когда им говорят: «Вы истребляете народы, убиваете миллионы людей, в том числе женщин и детей», — то фашистские мерзавцы отвечают, что происходит естественный отбор, очищение земли от неполноценной расы.

Я всем сердцем ненавижу мерзавцев. Они несут нам виселицу, концлагерь и расстрел. Но не бывать этому! Когда призовет меня страна, я не пожалею жизни для победы над врагом, как не жалеют жизни все советские люди!

ВОЕННЫЕ СОБЫТИЯ 1941–1945 гг. В ЗАПИСНЫХ КНИЖКАХ УЧАСТНИКОВ БОЕВ ЗА КЕРЧЬ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИЗ ФОНДОВ ЗАПОВЕДНИКА)

Литвинова Светлана Петровна, *68 лет,*
старший научный сотрудник отдела фондов
ГБУ РК «Восточно-Крымского ИКМЗ»,
г. Керчь Республики Крым

Среди документов военного времени, хранящихся в коллекции документов Восточно-Крымского заповедника, записных книжек военных лет немного. Согласно действовавшим в годы войны правилам, ведение личных дневниковых записей было если не под запретом, то, во всяком случае, по понятным причинам, считалось нежелательным. Редкость самого факта ведения личных записей делает этот вид документов чрезвычайно интересным с точки зрения исследователей. Содержание же записей позволяет считать их ценным источником сведений о событиях, происходивших в годы Великой Отечественной войны на керченской земле, поскольку позволяют понять, как эти события воспринимались непосредственными участниками боевых операций.

Во второй половине XX в. в результате поисковой работы было собрано несколько десятков записних книжок участников боев за Керчь. Некоторые из них и станут предметом исследования. События 1941 года отражены в нескольких документах. Среди них отметим записную книжку младшего сержанта И.Ф. Пикуля, который исполнял обязанности командира орудия 29 береговой артиллерийской батареи Керченской военно-морской базы (КВМБ) [1]. Батарея имела четыре орудия крупного калибра — 180 мм. Совместно с другими батарея должна была контролировать Керченский и Таманский сектор береговой обороны КВМБ, содействовать войскам Красной Армии, участвовать в отражении вражеского десанта, пресекать попытки противника прорваться в Азовское море, а также участвовать совместно с отрядом кораблей в прикрытии минных полей [2, с.24–25]. В свою записную книжку И.Ф. Пикуля внес записи об изучении матчасти, сбережении техники, штыковом бое, воинской дисциплине и т.д. Можно предположить, что записи представляют собой конспект занятий. Далее идут списки личного состава второго орудия, личного состава третьего орудия с припиской в последнем: «погиб Рубан».

Интерес представляют следующие записи, которые зафиксировали хронику событий:

«Рассеяно скопление противника…»

«Рассеян обоз……»

«Подавлен огонь четырех батарей, на одной из них пожар»

«Рассеяны танки….»

«Врыв, подавление батареи, две автомашины»

«Рассеяно скопление войск….»

К сожалению, датирована только часть записей:

«9.11.41 взорвали батарею в 8 часов вечера»

«14.11.41 на позиции у Азовского моря. Адский ветер и шторм».

«15.11.41 сидим в блиндаже. Противник открыл сильный минометный огонь».

«17.11.41 в час ночи уходим на переправы. Противник обстреливает переправу. Шли по косе…».

«19.11.41 утром рано уходим в Тамань».

Среди записей есть такая: «30.12 высадились в Керчь».

Не весь текст можно разобрать, но читаемого достаточно, чтобы уяснить время и события: 1941 г., оборонительные бои, оставление города советскими войсками, Керченско-Феодосийская десантная операция (КФДО), в результате которой Керчь была освобождена от первой фашистской оккупации.

Участником КФДО был командир 2-го батальона 185 СП 224 СД С.А. Карапетян. В его книжке сделана единственная запись на армянском языке: «То, что случилось в Азовском море в 12 часов 26 декабря 1941 г., не забуду до смерти и могилы. Пароход «Фаногория», а я в это время на барже № 59, которую буксировала «Фанагория» [3].

Известно, что самоходная шаланда «Фанагория» входила в состав 2-го отряда АВФ, которому совместно с 3-м и 4-м отрядами надлежало высадить силы 51 армии между мысами Хрони и Зюк. Высадка проходила в тяжелых штормовых условиях, противник встретил десантников орудийным огнем, чуть позже начался налет вражеской авиации.

В своей книге «Керченско-Феодосийская десантная операция» А.И. Зубков вспоминал: «От прямого попадания «Фанагория» начала тонуть, потянув за собой буксируемую баржу с людьми и техникой. В этот драматический момент не растерялся военком судна старшина 1ст. Плотников. Проявив хладнокровие и распорядительность, он быстро переправил людей из шаланды на баржу и обрубил буксирный конец. Баржа с десантниками и грузом была спасена» [4, с.37]. Среди спасенных участников высадки был и владелец записной книжки А.С. Карапетян.

Керченско-Феодосийская десантная операция (26.12.41-2.02.1942) явилась одной из самых крупных и первых морских десантных операций, проведенных нашими силами в годы Великой Отечественной войны. В силу особенностей Керченского пролива десант осущест-

вляется малыми кораблями, и им приходилось преодолевать шторм, минные поля, вести бои с вражескими кораблями, но команды справлялись с боевыми задачами. Не все прошло гладко и удачно: полностью осуществить замысел десантной операции не удалось, но она имела большое военно-политическое и оперативное значение. Опыт КФДО широко использовался в последующих десантах наших сил в ходе войны.

Событие, описанное в записной книжке А.С. Карапетян, лишь небольшой эпизод в истории десанта, но он настолько врезался в сознание, что владелец книжки сделал эту запись. В ней нет высокопатриотических слов, но по-своему передана сложная и напряженная обстановка в Керченском поливе, самоотверженность и находчивость моряков, доставлявших десантников к местам высадки.

В составе подземного гарнизона Центральных Аджимушкайских каменоломен сражался В.А. Соловьев. Его записная книжка [5] была обнаружена в конце января 1960 г. вблизи подземных могил. С записной книжкой проводились реставрационные работы. Карандашный текст плохо читаем, строки слаборазличимы. На первой странице запись: «Соловьев Виктор Алексеевич Ивановская область Ивановский район Златоустовский сельсовет деревня Ступкино». Эта запись позволила найти сестру и получить от нее сведения, касающиеся владельца книжки. До войны В.А. Соловьев занимался в Ивановском аэроклубе, закончил военное училище, связист. Любил творчество поэта В. Маяковского, сам писал стихи.

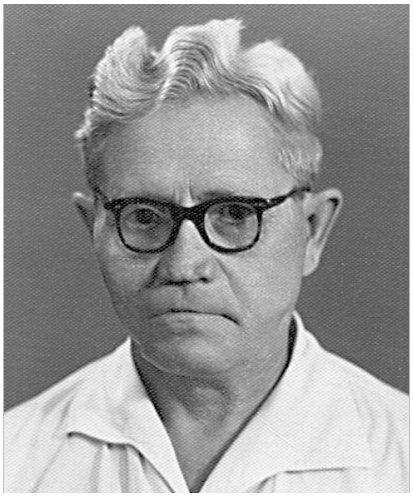
В.А. Соловьев (из фондов ВКИКМЗ)

Младший лейтенант В.А. Соловьев сделал в своей книжке три записи: список из 12 фамилий, стихотворение К. Симонова «Жди меня» и стихотворение собственного сочинения. В.А. Соловьев на себе испытал мрак, сырость, холод подземелья, трудности с водой, голодный паек, смерть товарищей. Именно этими обстоятельствами вызваны строки его собственного сочинения:

Не знал, не ведал паренек
Отсюда вдалеке,
Что нет вкусней армейских щей
В солдатском котелке.
Не знал таких простых вещей
Что лучшая постель –

Шинель под низ, шинель под бок,
Под голову шинель
Не знал он истины такой,
Что в жизни иногда
Напиток самый дорогой –
Из лужицы вода.

Записанное В.А. Соловьевым позволяет на миг заглянуть в душу этого человека, представить его внутренний мир, те нравственные ценности, на которых воспитывалось поколение, принявшее на себя удар фашизма, устоявшее под натиском врага и сумевшее завоевать победу. Мы не знаем, как погиб младший лейтенант В.А. Соловьев, но имя его благодаря найденной записной книжке не кануло в неизвестность. И сквозь сохранившиеся строки проступают индивидуальные психологические черты, духовный облик одного из защитников Аджимушкайских каменоломен, оборона которых в мае-октябре 1942 г. является ярким и своеобразным событием в военной истории города.



П.А. Клещевников (из фондов ВКИКМЗ)

Несколько записных книжек, хранящихся в фондах заповедника, принадлежали участникам освобождения Керчи. Среди них заместитель начальника Политотдела 117 гв.СД майор П.А. Клещевников, который с 1 ноября по 7 декабря 1943 г. находился на Эльтигенском плацдарме, участвовал в прорыве на горе Митридат, где был тяжело ранен и эвакуирован на косу Чушку. За участие в Эльтигенском десанте он был награжден орденом Красного Знамени. Записная книжка выставлена в экспозиции Музея морских десантов в пос. Эльтиген [6]. Памятные записи, сделанные Клещевниковым на листках книжечки, охватывают период с 31.10.1943 г. по 7.12.1943 г. Ниже представлены некоторые записи, отражающие дела и мысли политработника П.А. Клещевникова:

«7 ноября… Вечером был у полковника Нестерова, ознакомился с политработой и действиями полка за пять дней. Сам Нестеров и полк действовали хорошо.

8 ноября… был в штабе и в Политотделе 117 СД. Информировал о действиях Нестерова и его полка. Вечером был в Опергруппе корпуса, беседовал с ребятами.

9 ноября…был в Политотделе 318 СД. Ознакомился с состоянием дивизии. Беседовал с политработниками.

10 ноября… был в 117 дивизии. Собрал сведения о потерях, отличившихся и мародерах…

12 ноября…был у Начсандива 318 СД доктора Чернова, ознакомился с положением в госпитале. Беседовал с командованием 117 СД и начальником Политотдела 318 об устройстве траншей у моря для раненых.

13 ноября…проверял как роют убежища для раненых, бегали под обстрелом, спасая сброшенные продукты самолетами.

14 ноября…противник без конца бьет методическим огнем по площади.

15 ноября… попал под сильный арт-огонь.

16 ноября…с утра до позднего вечера исключительно бешеный арт-огонь противника по всей площади.

17 ноября…был на совещании парторгов в 335 СП. Ухаживают и лечат хорошо.

18 ноября…был в подразделениях 2 батальона 335 СП, беседовал с бойцами и командирами, попал под минометный огонь противника.

19 ноября. За день противник бросил на нас до 500 снарядов.

21 ноября. За 20 ноября сброшено снарядов до 700. Сегодня стрелял меньше.

25-28 ноября обыкновенные дни.

30 ноября намеченное заседание замполитов не состоялось. Все в ожидании атаки немцев. Передний край настороже. Предупреждены замполиты, парторги, через них все коммунисты. Ночь проходит в напряженном состоянии. Противник молчит. Ночную тишину нарушают наши «У-2», выискивая батареи противника и попутно сбрасывая мешки с боеприпасами и продуктами.

Декабрь

В 12 часов нас бомбили 15 немецких «Ю-87».

Интенсивный налет нашей авиации по переднему краю противника, сосредоточению танков и пехоты. Два раза-15 и 31-бомбардировщики противника бомбили нас.

Интенсивный огонь артиллерии противника по площади. В 17.30 бомбили нас 32 «Ю-87». Все в ожидании атаки противника.

Артподготовку противник начал в 6.45. В 7 часов нас бомбили 32 «Ю-87». До 16.00 сбросили до 10 тыс. снарядов. Наша земля горит в огне.

Второй день смерти и огня. Атаку противник начал в 9.00. Снова танки, самолеты и сплошной арт-огонь. Уже погибли три батальона 335 СП, противник продвинулся всего на несколько сот метров. 10 тыс.снарядов, 300 самолетов, танки рядом с КП, по день боя выдерживали.

6.12. Последний день испытания человеческих нервов, но мы люди стали — выдержим. До 400 самолетов, 12 тыс. снарядов, 11 танков против одной тысячи людей с винтовками, автоматами и гранатами. Готовимся к прорыву обороны противника и ухода в тыл на соединение к своим. Ушли в 22.00 в тыл противника и в 7.00 ворвались в Керчь».

Записи П.А. Клещевникова отличаются яркими деталями и подробностями в описании Эльтигенского десанта, и делают его события более близкими и понятными. Полный текст записей содержит ряд имен, сведений и фактов, интересных для исследователей.

И.М. Глазачев (из фондов ВКИКМЗ)

Книжка И.М. Глазачева [7] сама по себе является книжкой штурмана ВМФ СССР. Такие книжки отражали работу штурманов с данными наблюдений, на основе которых осуществлялось кораблевождение. Записи имеют сугубо профессиональный характер, но часть из них достаточно красноречива и доступна для понимания:

Под заголовком «тендера» помещен список из 26 наименований, к тендерам под №№16,36,66,86 сделана приписка — «погиб». Ниже заголовка «мотоботы» текст читается не весь, много сокращений. Приводим следующее:

«№316-Эльтиген, на берегу, разбит арт-огнем, имеет пробоины.

№303- 1 ноября, Эльтиген, арт-огнем побит, имеет пробоины, личный состав-Тамань.

№317-Эльтиген, арт-огнем пробиты борта, на берегу.

№319,320-ремонт

№307-Эльтиген, на берегу, пробит арт-огнем 7.09, в лучшем состоянии.

№308-Эльтиген, на берегу, состояние неизвестно, личный состав-Тамань.

№321-Панагия, личный состав на ней, на мели у берега, подлежит немедленной съемке.

№322-ремонт.

№312-погиб, подорвался на мине в районе Керчи, личный состав расформирован, поданы списки на списание.

№315-на берегу, Эльтиген, состояние неизвестно.

№325-Соленое озеро, от пристани 300 м, видна корма.

№327-погиб, затонул, глубина около 150 м, личный состав погиб и спасся. Расформирован, поданы списки на списание.

№328-Эльтиген, на берегу, состояние неизвестно, 1 ноября.

№330-Соленое озеро, у пристани, притоплен 6.09.

№301,310-были списаны, но подняты, зачислены в резерв, в настоящее время в Эльтигене, на берегу».

Записи сокращенные, отрывочные, в полной мере были понятны самому автору, но очевидно, что сведения имеют непосредственное отношение к плавсредствам, которые участвовали в событиях Эльтигенского десанта.

Капитан 2-го ранга Глазачев И.М. в 1943–1945 гг. исполнял обязанности флагманского штурмана охраны водного района КВМБ. За проводку 28 караванов из 128 плавединиц через Керченский пролив (9 из них под обстрелом) в период с ноября 1943 по апрель 1944 г. награжден орденом Красного Знамени.

В боях за освобождение Керчи и Керченского полуострова участвовала Азовская военная флотилия. В ночь со 2 на 3 ноября 1943 г. началась высадка десанта 56-й армии. Штурмовые отряды и сухопутные части доставляли к берегу корабли флотилии. Высадив десантников, корабли возвращались к пристаням, выгружали раненых и вновь, приняв войска, шли к пунктам высадки.

На северо-восточном плацдарме развернулись бои на широкой полосе — от крепости Еникале до поселка Маяк. Там требовалось оружие, боеприпасы, техника, продовольствие, медикаменты — все это доставляла Азовская военная флотилия.

Бронекатер № 81 под командованием старшего лейтенанта В.Н. Денисова в течение одной ночи совершил шесть рейсов, уничтожая огнем своих орудий огневые точки противника, помогая продвижению десантников на берегу. Катер, подорвался на мине 10 ноября 1943 г. Он был поднят со дна Керченского пролива близ поселка Опасное в 1975 г. В радиорубке бронекатера, в частности, была найдена записная книжка Н.И. Антонова, старшины 1-й статьи, командира отделения комендоров [8]. В книжку внесены несколько адресов. Информативность ее невелика, но предмет имеет значение как реликвия, принадлежавшая погибшему моряку и пролежавшая под водой 32 года. В.Н. Денисову, командиру катера, присвоено звание Героя Советского Союза, одна из улиц города носит его имя. На воинском кладбище Керчи есть братская могила моряков «БК-81».

Записи, связанные с профессиональной деятельностью автора, мы видим в записной книжке О.А. Шапиро лейтенанта, младшего радиотехника 900 артполка 339 СД [9]. Здесь находится ряд технических характеристик: табличка типов ламп и тока накаливания, условные обозначения и параметр усилительных и маломощных генераторных ламп, применяемых в немецких радиостанциях, табли-

ца выбора волн связи на дальние расстояния, эксплуатация радиоустройств в зимнее время и др.

В конце октября 1943 г. 900 артполк 339 СД был передислоцирован с Тамани на косу Чушка, затем воевал непосредственно на Керченской земле. Младший радиотехник О.А. Шапиро отвечал за надежную работу радиостанций полка: при форсировании пролива это был единственный вид связи. После высадки на северо-восточный плацдарм задачей О.А. Шапиро стал ремонт разбитых радиостанций, проверка радиостанций на наблюдательном пункте, выполнение обязанностей шифровальщика при штабе. В сочетании с другими источниками записная книжка воина помогает лучше вникнуть в боевую реальность десанта на северо-восточном плацдарме в 1943 г.

Из общего ряда выделяется записная книжка, принадлежавшая командиру взвода 531 артполка 89 СД ОПА Л.Г. Авакяну [10]. В обложке находятся всего пять листков. На первом — запись вверху: «Керчь. Начат 1.1.44. Закончен 2.1.44» На других листках сделаны рисунки простым карандашом. На первом рисунке изображены два самолета над горой Митридат, внизу разрывы. Видны строения: здание Керченского музея и часовня И.А. Стемпковского. Рисунок датирован 8-м декабря 1943 г. Известно, что с 4.12.1943 г. части 89 СД участвовали в ожесточенных боях за город. Потери за три дня составили убитыми 28 человек, ранеными 89 человек.

Л.Г. Авакян
(из фондов ВКИКМЗ)

На втором рисунке изображен воздушный бой, разрывы на земле, горящее здание. Надпись: «Керчь 18.1.44. Во время наступления». Уточняя, можно добавить, что с 10-го по 21.04.1944 г. 89 СД обороняла северо-западную и южную окраину Аджимушкая. К 21 января 1944 г. дивизия сосредоточилась на левом фланге армии в районе поселка Колонки.

На третьем рисунке — отсек каменоломен, фигуры военнослужащих. Подпись к рисунку: «Катакомба. Район кухонь и лошадей. Керчь 3.4.1944».

В Аджимушкайских каменоломнях располагались тыловые подразделения ОПА: кухня, госпиталь, редакции газет и т.д. 89 СД в период с 1 по 9 апреля 1944 г. обороняла побережье Керченского полуострова на рубеже поселок Жуковка — Колонка и продолжала боевую подго-

товку частей и подразделений. Потери за эти дни: убитых — 3, раненых — 21. Вероятно, владелец книжки бывал в этот период в каменоломнях и свои впечатления выразил в рисунках.

За образцовое проведение боевых задач в боях по прорыву Керченского оборонительного рубежа противника и проявленное мужество всего личного состава 89 СД Указом ПВС СССР от 24.04.1944 г. была награждена орденом Красной Звезды.

С.Т. Тохтамыш (из фондов ВКИКМЗ)

Еще одна записная книжка заслуживает особого внимания. Она принадлежала командиру 9-й отдельной моторазведроты штаба 2-го Украинского фронта капитану С.Г. Тохтамыш [11]. Бойцы 9-й отдельной моторазведроты вели разведку побережья от Керчи до Феодосии, уточняли данные о противнике на переднем крае и в его тылу, участвовали в боях и десантах, проявляя удивительную дерзость в сочетании с мастерством и отвагой. За участие в десанте на мыс Тархан 9 –10 января 1944 г. капитан С.Г. Тохтамыш награжден орденом Суворова 3-й степени. Это исключительный случай, так как такой награды удостаивают за умелое руководство в бою крупным соединением, а не ротой.

За участие в боях по освобождению Керчи 9-я отдельная моторазведрота удостоена наименования «Керченская». Боевой путь ее после Керчи пролег через Феодосию, Венгрию, Чехословакию.

9 мая 1945 г. разведчиков погрузили в эшелон и отправили на Дальний Восток, где в составе Забайкальского фронта они приняли участие в разгроме союзника фашистской Германии — милитаристской Японии. Разъезжаясь по домам, возвращаясь к мирной жизни, разведчики подарили своему командиру книжечку-блокнот с записями на память, словами признания и благодарности перед расставанием. Всего памятные записи сделали 26 человек.

Кавалер трех орденов и пяти медалей ст. сержант И.Н. Морозов написал: «Благодаря Вашему умелому руководству наша рота выполняла самые ответственные боевые задачи командования, а потому нам присвоено наименование «Керченской». Весь личный состав награжден правительственными наградами».

Есть и стихотворные строки гвардии лейтенанта Котенкова:

Нам не страшны болота и топи,

Нам не страшен коварный фашист,
Мы идем боевою дорогой,
Нас ведет капитан Тохтамыш.
Позади фронтовая дорога
От Керчи до Чань-Чуня легла,
Уничтожили гадов мы много —
Это знает родная страна.

Подлинность записной книжки, присутствие керченского материала, датировка части записей победным 1945 г. делают записную книжку капитана Тохтамыш интересным документом военного времени. Не пафосные литературные, но искренние, идущие от сердца записи придают документу дополнительное звучание, являются еще одним штрихом к нравственному портрету воинов, победивших фашизм.

В данной работе названы самые содержательные и информативные записные книжки. Их владельцы, авторы записей были не просто очевидцами керченских событий периода Великой Отечественной истории, но их непосредственными участниками. Каждый из них прошел свой боевой путь, у каждого была «своя» война. Подобные источники особенно ценны в области краеведения.

Литература и источники

1. Фонды ГБУ ВКИКМЗ, Д-8748
2. *Белик Ю.Л.* Некоторые особенности советских оборонительных сооружений по берегам Керченского пролива накануне Великой Отечественной войны // Материалы 1 Международной научно-практической конференции «Военно-исторические чтения». — Керчь, 2013.
3. Фонды ГБУ ВКИКМЗ, Д-6213
4. *Зубков А.И.* Керченско-феодосийская десантная операция. — М.: Воениздат, 1974.
5. Фонды ГБУ ВКИКМЗ, Д-2429
6. Фонды ГБУ ВКИКМЗ, Д-639
7. Фонды ГБУ ВКИКМЗ, Д-5474
8. Фонды ГБУ ВКИКМЗ, Д-10203
9. Фонды ГБУ ВКИКМЗ, Д-4489
10. Фонды ГБУ ВКИКМЗ, Д-5782
11. Фонды ГБУ ВКИКМЗ Д-2496

ШКОЛА ЮНГ НА СОЛОВКАХ

Думитреску Наталья Владимировна, *29 лет,*
старший научный сотрудник отдела «История XX века»
Соловецкого музея-заповедника,
пос. Соловецкий Архангельской области

В период Великой Отечественной войны на флотах ощущалась острая нехватка морских специалистов. Потому Приказом № 108 Наркома ВМФ Адмирала Флота Николая Герасимовича Кузнецова от 25 мая 1942 года была создана Школа Юнг Военно-Морского Флота СССР. Создаваемая на Соловках Школа была призвана, в определенной мере, ее восполнить и подготовить квалифицированных рядовых специалистов. В директиве начальника Управления подготовки и комплектования кадров ВМФ капитана I ранга Сапожникова от 16 июля 1942 г. конкретно указывалось, какое количество специалистов и по какому профилю необходимо подготовить. В первый учебный год готовили боцманов, рулевых, радистов, артиллерийских электриков, торпедных электриков, мотористов, электриков для всех флотов и флотилий Советского Союза. Количество специальностей постепенно увеличивалось: юнг второго набора готовили еще и по специальности боцман ТКА — торпедного катера, а для юнг третьего набора добавили еще 2 специальности — мотористы-дизелисты и штурманские электрики.

Мальчишки военного времени всеми силами стремились попасть на фронт. Они безуспешно обивали пороги военкоматов, бежали из дома к местам военных действий. Для таких отчаянно смелых защитников Родины и создавалась Школа юнг на Соловках. Учитывая военное положение Советского Союза, и опасаясь самовольных поездок молодежи на флоты, широко о наборе в Школу не оповещали. Кандидатов первого года отбирали только в 10 областях: Московской, Свердловской, Ярославской, Горьковской, Сталинградской и некоторых других. Городские и районные комитеты комсомола, через которые набирали юнг, были буквально атакованы тысячами мальчишек. Из них нужно было отобрать только 1500, так как таким количеством определялась численность переменного состава. В Школу зачисляли комсомольцев и не комсомольцев в возрасте 15–16 лет, имеющих образование 6-7 классов. Необходимо было согласие родителей. Будущие юнги проходили строгую медицинскую комиссию. Каждое заявление рассматривалось индивидуально.

Кандидаты набирались наспех: некоторые были с 4–5 классным образованием, многие заявления были без подписей родителей, ребят неправильно информировали, ориентировав на то, что набор производится в Военно-морское училище. Ребят с мест привезли сначала во

Флотский экипаж г. Архангельска, где они прошли врачебную и приемно-техническую комиссию, после чего ряды их существенно поредели — немало юнг отсеяли по состоянию здоровья. Прошедших отбор, в июле 1942 г. привезли на Соловки. Основным местом размещения Школы юнг стал бывший Саватиевский скит, а на горе Секирной находились продовольственные, вещевые склады и склады боепитания. Выбор территории для устройства Школы юнг был неслучаен. Здесь находилось: постройки, пригодные для учебных классов, клуб, столовая, хозпостройки, помещения медсанчасти, библиотеки, постройки для проживания персонала, спортивные площадки. Жилья для юнг не было, они разместились в палатках и начали строить землянки.

Вот как об этом периоде вспоминает бывший юнга М.С. Хорошев: «...отвели нас на километр от Савватьево, к озеру, разбили палатки, замаскировали их ветками. Затем начали создавать бригады землекопов, плотников, столяров, стекольщиков. Конечно, такими специальностями никто не владел, отбор был случайный. Например, в землекопы отбирали наиболее крепких и сильных подростков. Начали строить землянки-кубрики. Это не просто военная временная землянка, какую обычно сооружали в прифронтовой полосе. Её надо было делать такую, чтобы можно было жить годами, ведь она сооружалась с расчетом на последующие наборы юнг. Трудно было рыть котлован, то и дело попадались огромные валуны, весом 1–2 тонны, а у нас лишь ломы и лопаты. Кто-то посоветовал разжигать под ними костры, а когда камень нагреется, колоть его на части кувалдой. Адская это была работа. Десятки раз мы били по валуну, но он и не думал раскалываться. Руки покрывались кровавыми мозолями. Порой поливали раскаленный валун водой. А ведь кроме работы — ежедневно час отводился на строевое занятие, час — на политподготовку.

Все-таки дело шло. Справились с котлованами, стали помогать плотникам. Одновременно строился большой камбуз, матросский клуб, баня, приводились в порядок учебные классы. Никто не хныкал, никто не сачковал, все работали до седьмого пота.

А на улице уже было начало октября. На Соловках в это время уже холодно. А мы по-прежнему живем в палатках и питаемся на воздухе. Часто бывало так: хлебаешь суп, а вода в миске не убывает — это дождь сверху льет. Только в середине октября 1942 года мы завершили все работы. После окончания работ устроили торжественный митинг, и начальник школы юнг сказал: «Дорогие мои мальчики-юнги! Вы построили своими маленькими руками школу. Вы сделали то, что должны были сделать взрослые. Трудно было вам, страшно трудно. Но никто из вас не проявил малодушия, со слезами на глазах вы делали свое дело. Спасибо вам. А теперь, мои юные друзья, за учебу! Вы должны стать корабельными специалистами. И вы ими будете!» [1].

Юнги совместно с преподавателями оборудовали учебные кабинеты и учебные территории. Так, например, воспитанники первого набора оборудовали метеополигон и радиополигон, кабинеты электронавигационных приборов и боевых средств ВМФ, слесарную и кузнечную мастерские, шлюпочную базу с пирсом. В начале ноября 1942 г. строительные работы были завершены. Савватьево превратилось в оживленный военный городок, раскинувшийся вдоль проселочной дороги на несколько километров.

Школа юнг ВМФ возглавлялась с июля 1942 по январь 1943 года капитаном 2-го ранга Ивановым Николаем Ивановичем, затем с января 1943 по июнь 1944 года — капитаном 1-го ранга Авраамовым Николаем Юрьевичем, а с июня 1944 по октябрь 1945 года начальником Школы был капитан 1-го ранга Садов Сергей Никитич. Первым военным комиссаром Школы юнг был Федор Семенович Шигорев, а с января 1943 г. бессменным заместителем начальника Школы юнг по политчасти был капитан 3 ранга Сергей Сергеевич Шахов. С.С. Шахов родился в 1911 году в Ивановской области. С 1933 г. он связал всю свою жизнь с Военно-морским флотом. Война привела его на Северный флот. Здесь Сергей Сергеевич был старшим инструктором политуправления, ходил в боевые походы на подводной лодке Щ-402. У Шахова был педагогический опыт, и его назначили замполитом в школу юнг на Соловках. Он делал все для того, чтобы они, юные моряки, стали умелыми, стойкими и преданными защитниками Отчизны.

Инструкторский и преподавательский состав был укомплектован частью за счет школ учебного отряда СФ и частью из резерва Военного Совета Северного Флота. Командир Учебного отряда СФ генерал-майор БС Броневицкий П.С. назначил 87 краснофлотцев и младших командиров школ УО СФ на должности инструкторов Школы юнг. Что касается преподавателей, то из «Сведений об обучающем составе учебного отделения школы юнгов ВМФ» от 12 июня 1943 г. известно, что на это время их было 65 человек. 27 имели высшее образование, 4 — неоконченное высшее, 22 человека были со средним специальным и 12 — со средним. Командиром учебного отделения был Платонов Я.П., преподаватель математики, физики, механики, общей электротехники. Преподаватель специальных предметов — электротехники, радиотехники, материальной части — Пукемов Н.Ф. Физику ребятам преподавал Долгополов В.Г., окончивший в 1931 г. механико-математический факультет МГУ, а русский язык — Вишнев Павел Павлович, выпускник Кировского пединститута. Преподаватель физики и математики военинженер 3 ранга Исаия (Исай) Абрамович Камышко. Военинженер 3 ранга Н.Ф. Панин обучал юнг электротехнике. У юнг роты радистов был командир смены, он же парторг роты, старшина 2-й статьи Карачев. Командиром отделения роты корабель-

ных электриков был старшина 1-й статьи Михаил Щербаков. В недавнем прошлом подводник, награжденный медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги» [2, с. 31–32].

Военный совет Северного Флота старался подобрать в Школу командиров, имевших кроме боевого опыта еще и педагогический, ведь им предстояло дать прочные специальные знания, а так же привить любовь к морю, морским профессиям и традициям. Бывшие юнги вспоминали, что с ними занимались мастера своего дела. Иногда юнгам казалось, что преподаватели не только требовательны, но и безжалостны. При воспитании и обучении преподаватели использовали свой богатый флотский опыт. Главной задачей командно-преподавательского состава Школы была подготовка кадров будущих специалистов флота высокой квалификации.

Первоначально оба батальона размещались в Савватьево. Юнг разделили на 2 учебных батальона. В каждом батальоне — по 3 роты. Роты, в свою очередь, делились на смены. В смене — по 20-25 юнг. Чтобы создать нормальные условия для учебы, командир Учебного отряда СФ генерал-майор береговой службы Броневицкий П.С. приказом от 29.12.1942 г. назначил комиссию, которая должна была в течение 3-х дней подготовить помещения в Соловецком монастыре (Кремле) для размещения 400 юнг и оборудовать классные помещения. 5 января 1943 г. 2-ой батальон Школы юнг ВМФ был передислоцирован в Кремль. Школа разделилась на две части. Юнги 1-го батальона получали образование по специальностям: боцманов, рулевых, радистов; Юнги 2-го батальона — по специиальностям: мотористов, электриков, артэлектриков и торпедных электриков.

Через некоторое время юнгам выдали военную форму, которую они были вынуждены подгонять под свой рост. Форма до неузнаваемости преобразила мальчишек. Все ревностно ухаживали за ней. До ослепительного блеска драили бляхи ремней и пуговицы шинелей. Получили погоны с буквой «Ю». Выдали и ленточки на бескозырки с надписью «Школа Юнгов ВМФ». Но ленточки не свисали сзади, как это полагалось у моряков, а завязывались бантом сбоку на бескозырке, за что юнг назвали «мальчики с бантиками». Обидно было до слез, но мальчишкам объяснили, что право носить настоящие ленты надо заслужить. Только прибыв на корабль после окончания обучения, юнга мог заменить бантик на ленту [3].

Процесс обучения согласно «Положения о юнгах» складывался из «двухмесячной общестроевой подготовки, девятимесячного обучения по специальности и месяца каникул». Подростки обязаны были подчиняться суровой военной дисциплине. В «Положении о юнгах Военно-Морского Флота» было сказано: «На юнгов с момента зачисления в Школу полностью распространяется «Дисциплинарный устав

ВМФ». Кроме теоретических знаний они получали первоначальные практические навыки. Задачей Школы являлось также воспитание у личного состава высокой дисциплины, чувства национальной и военной гордости, любви к морю и своей специальности. Основная задача Школы заключалась в подготовке специалистов флота высокой квалификации.

Программа была насыщенной и сложной. Радисты изучали 6 предметов: электротехнику, радиотехнику, материальную часть, прием на слух, передачу на ключе и практическое несение радиовахт. Кроме предметов по своей специальности изучали и смежные дисциплины: штурманское дело (прокладку пути с учетом дрейфа и течений), корректировка навигационных карт, метеонаблюдение и составление синоптических карт, флажный семафор и светофор. Юнги зубрили уставы: дисциплинарный, гарнизонной и караульной службы, боевой, внутренней службы, строевой, а так же — боевые свойства винтовки, разборка, сборка, приемы и правила стрельбы с упора, лежа, с лыж, на ходу. В утренние часы юнги занимались общеобразовательными предметами, после обеденного перерыва — специальными, а 2–3 часа до ужина — самоподготовкой. Подъем в семь утра, 15 минут зарядка на улице. После зарядки и утреннего туалета — построение, и с песней строем юнги шли в столовую около километра. После столовой — в учебный корпус на занятия. Занятия продолжались 8 часов. Перед сном — с 21.00 до 22.00 час личное время для писем, чтения, отдыха, ремонта одежды. Отбой был в 23.00.

В Школе были организованы соревнования за отличную смену, роту. За каждую плохую оценку курсант получал взыскание от командира смены и комсорга. Девятнадцать смен Школы не имели иных оценок, кроме хороших и отличных. Многие старались стать отличниками, так как отличники после окончания школы могли выбрать любой флот и любой корабль. Кроме теоретической подготовки у ребят были и практические занятия. Юнги-рулевые в течение всего лета тренировались на мотоботе № 619, а юнги-боцманы могли проходить практику на транспортном корабле «Ударник».

Юнги всех специальностей проходили практику по военно-морскому делу. Они выходили в море на шлюпках под парусом и на веслах. Практические занятия у юнг-радистов проходили на радиополигоне, у электриков — на электростанции Соловецкого гарнизона. Обучали юнг и водолазному делу. Строевой подготовкой занимались по пути от землянок к учебному корпусу и от корпуса к камбузу, а затем стали устраивать и специальные занятия. Маршировали обычно с песней, в каждой роте был свой запевала.

Юнг часто поднимали по боевой тревоге, когда немецкие самолеты бомбили Соловки. Серьезное внимание уделялось в Школе физиче-

ской подготовке. Зимой совершали многокилометровые пешие и лыжные переходы по дорогам и пересеченной местности. Летом — многокилометровые марш-броски по пересеченной местности. В Школе действовали кружки бокса и гимнастики. Проводились соревнования по баскетболу, волейболу, метанию диска, копья, бегу на 5000 метров. Школа посылала своих воспитанников на все флоты и флотилии Советского Союза. Почти никто из выпускников не использовал положенного месячного отпуска, сразу же после окончания обучения они отправлялись на действующий флот.

Из 4111 выпускников Школы во время Великой Отечественной войны погибло около тысячи. Юнги сражались наравне со взрослыми. Проверку боем они выдержали с честью. Семь юнг были награждены орденом Красного Знамени, более 150 человек — орденом Отечественной войны I и II степени, 130 человек — орденом Красной Звезды, сотни юнг — медалями Ушакова, Нахимова и другими наградами.

Ковалев Александр Николаевич — 2-й набор Школы. Соловецкий юнга Саша Ковалев пришел в североморское соединение торпедных катеров в 1944 г. и был зачислен мотористом на ТКА-209. За четыре месяца участвовал в двадцати боевых походах. За мужество и отвагу был награжден орденом Красной Звезды и медалью Ушакова. 8 мая 1944 г. торпедные катера ТКА-209 и ТКА-217, преодолевая страшную стену заградительного огня, атаковали конвой противника и потопили два корабля. Но в бою с вражескими сторожевыми катерами ТКА-217 получил повреждения, загорелся и начал тонуть. Под пулеметных огнем противника ТКА-209 снял с тонущего катера экипаж и пошел на прорыв, отбиваясь от фашистских катеров и самолетов. В разгар боя осколком снаряда на катере был пробит коллектор двигателя, из которого тугой струей стала бить горячая вода, перемешанная с маслом и бензином. С минуту на минуту перегревшийся мотор мог взорваться, и неподвижный катер стал бы хорошей мишенью для врага Счет шел на секунды. И молодой моторист — а это был воспитанник Школы юнг Саша Ковалев, чтобы обеспечить работу мотора, бросил на коллектор телогрейку и грудью навалился на пробоину. И не трогался с места, терпя невыносимую боль, ведь температура жидкости была около 70 градусов, терпел пока не подоспел моторист. Корабль и экипажи были спасены. ТК-209 вышел из боя победителем. Александр Ковалев остался жив. Бывший юнга Игорь Лесин вспоминает: «Вот что писал Саша после похода своей школьной подруге: «Не нахожу слов, чтобы описать, как счастлив я, и что моя мечта — отомстить за страдания любимого Ленинграда и за все, что причинила война, — сбылась. Подробности писать не могу, но скажу, что фрицам крепко досталось...»». За мужество и героизм Ковалев был награжден орденом Отечественной войны 1 степени. Но получить награду не успел...

9 мая 1944 г. ТКА-209 совместно с другими катерами переводили в основную базу для ремонта. Во время перехода на катере взорвалась бензоцистерна. Погибли мичман Д.Капралов и моторист Саша Ковалев. Подвиг Саши Ковалева вошел в историю Северного флота.

Именем героя названы улицы в Североморске и на Соловках, школа в поселке Гранитном. Во многих городах страны были пионерские дружины имени Саши Ковалева. Есть в Баренцевом море квадрат, носящий имя Саши. В поселке Гранитном на крутом берегу беспокойного полярного моря стоит ярко-белый памятник погибшим катерникам КСФ. На граните высечены имена погибших героев, а также слова: «Вечная слава героям катерникам-североморцам, павшим в боях за Советскую Родину в Отечественную войну 1941-1945 гг.». На обелиске есть фотография Саши Ковалева. Под ней подпись: «Юнга Саша Ковалев погиб в море при выполнении боевого задания 9 мая 1944 года».

Моисеенко Владимир Григорьевич, Герой Советского Союза. — 1-й набор. Звание Героя Советского Союза Владимиру Моисеенко было присвоено за личное геройство, проявленное в боях с японскими милитаристами. Владимир родился 26 июля 1926 года в г. Ленинграде. После окончания Школы юнг он попал на Тихоокеанский Флот. Был электриком фрегата № 34 бригады сторожевых кораблей. В период с 13 по 16 августа 1945 г., действуя в группе корабельного десанта, краснофлотец Моисеенко под перекрестным пулеметным огнем противника ворвался и взорвал гранатами 6 вражеских дзотов и 2 блиндажа, уничтожив несколько солдат и офицеров противника. Он первым ворвался в окопы на сопке и гранатами вывел из строя пулеметную точку, мешавшую продвижению советских десантников. После захвата высоты он вместе со своими товарищами-десантниками удерживал ее всю ночь, отражая неоднократные атаки превосходящих сил врага. Японцы все предусмотрели в своей обороне, чтобы не дать русским захватить высоту. Они открыли огонь из пушек. В орудийный гул вливались автоматные очереди. Но десантники не могли лежать мишенями перед врагом. Надо что делать: или отходить или наступать. У моряков выбор один: вперед! Поднявшись в рост, они бросились в атаку. В самый разгар боя, когда были захвачены две пушки противника, на высоте оставалась горстка моряков. Многие — тяжелораненые. На исходе боеприпасы. Самураи, охваченные бессильной злобой за потерю опорного пункта на вершине, лезли напролом, не считаясь с потерями. Но наши воины стояли насмерть. Не дрогнул никто. Священным для всех был приказ: держаться до утра. Володя оглядел траншею и понял: стрелять больше некому. Он крикнул — так, на всякий случай: «Жив кто?». Ни стона, ни отзыва не последовало. В минуту затишья Володя написал клятву. Последние слова перед атакой японцев. Бывший юнга клялся: «Я, краснофло-

тец-комсомолец, взорвал два блиндажа, убил из винтовки 3 японца, подорвал склад с боеприпасами, уничтожил пулеметную точку. Сейчас нахожусь на вершине сопки. Клянусь: умру, но не сдам японским самураям этой высоты. Буду до последней капли крови стоять. К сему подписываюсь. Моисеенко Владимир Григорьевич. Писал и отстреливался 15.8.45 г.». (подлинник хранится в музее КТФ, Владивосток).

И Володя Моисеенко сдержал клятву. Высота осталась в наших руках. В 3.30 15 августа в Сейсин (ныне Чхонджин, Корейская Народная Демократическая Республика) прибыли корабли с главными силами десанта. Операция, продолжавшаяся четыре дня, успешно завершилась. Самураи лишились самого крупного порта, связывающего Северную Корею с Японией. Путь отступления Квантунской армии к морю был отрезан. Все участники десантной операции отмечены высокими правительственными наградами, а бывшему юнге, краснофлотцу-комсомольцу Владимиру Моисеенко, особенно отличившемуся в боях, присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали Золотая Звезда.

Юнги первого и второго наборов сражались с врагами, а юнгам третьего воевать уже не пришлось — война закончилась [4, с 13]. После ее окончания приказом Наркома ВМФ № 160 от 07.08.45 г. школа юнг ВМФ из поселка Савватьево была передислоцирована в г. Кронштадт и включена в состав Краснознаменного Балтийского Флота. Закончился соловецкий период истории Школы. За три военных набора 1942, 1943, 1944 гг. на Соловках было подготовлено 4111 специалистов флота, в том числе: радистов — 946, рулевых — 642, боцманов надводных кораблей — 415, боцманов торпедных катеров — 168, мотористов торпедных катеров — 722, электриков надводных кораблей — 538, артиллерийских электриков — 380, торпедных электриков — 143, мотористов-дизелистов — 127, штурманских электриков — 50 человек.

Школа справилась с поставленной перед ней задачей подготовки высококлассных специалистов. Из актов государственной экзаменационной комиссии следует, что общая оценка юнг-выпускников 1942, 1943, 1944 гг. — хорошая. По отдельным специальностям: радисты, электрики, рулевые — оценка отличная. Флот в лице юнг получил хорошо подготовленных, политически-грамотных специалистов. 29 юнг I набора ушли на флот кандидатами в члены ВКП(б), 98 процентов — комсомольцами. Флоты и флотилии получили высококлассных морских специалистов. В том числе, Краснознаменный Балтийский Флот — 1210, Северный флот — 980, Черноморский — 858, Тихоокеанский — 455, флотилии — 608 человек.

В Кронштадте школа юнг разместилась в старой Петровской казарме (там сейчас находится Кронштадский военный корпус). Ее начальником был назначен инженер-майор Соколов Александр Михайлович.

Вплоть до закрытия Школа носила название Соловецкой и произвела еще 6 послевоенных выпусков. К 1952 г. она выпустила 13 500 флотских специалистов.

Боевые подвиги юнг

Иван Сивко. Родился в 1921 году в Николаевской слободе (ныне г. Николаевск Волгоградской области). Начало войны застало Ивана в Учебном отряде Северного Флота. С первого дня войны он писал рапорты: «Прошу отправить меня на сухопутный фронт, т.к. хочу защищать свою любимую Родину до последней капли крови и до последнего разгрома фашисткой гадины...». Ивана зачислили в добровольческий отряд моряков Северного Флота в звании рядового в должности стрелка. 2 августа 1941 года боец батальона морской пехоты Иван Сивко, прикрывая отход десанта огнем из винтовки и гранатами, один сдерживая натиск врагов, уничтожил 26 фашистов. Когда его окружили, бросил под ноги последнюю гранату, подорвав себя и налетевших врагов. За этот подвиг Ивану Михайловичу Сивко одному из первых на СФ было присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Он награжден орденом Ленина. Именем Сивко названы улицы в Мурманске, Североморске, Полярном, на Соловках. Его имя носит одна из североморских школ. На берегу Баренцева моря установлен памятник Ивану Сивко, отдавшему свою жизнь во имя Родины, во имя победы. Имя Ивана Сивко носил Учебный отряд Северного Флота [5].

Генри Николаевич Таращук. После короткого северного лета 1944 г. Генри был назначен боцманом на торпедный катер ТК-13. 14 сентября разведка сообщила о выступлении вражеского конвоя в составе четырех крупных транспортов с усиленной охраной. Отряд в составе шести торпедных катеров под командованием капитана третьего ранга Федорова вышел с главной базы с задачей разбить конвой противника. Юный боцман, разглядев силуэты кораблей вражеского конвоя, тут же доложил об этом командиру катера старшему лейтенанту Лихоманову. Сообщение было передано на КП. Не дожидаясь подкрепления, катер ринулся к конвою. Быстро перестроившись в боевой порядок, прикрывая транспорты, вражеские корабли открыли по торпедному катеру огонь, а быстроходные сторожевики стали брать его в кольцо. Лихоманов решил выручить экипаж Острякова. Пулеметной очередью удалось поджечь вражеский танкер, в носовой части одного из транспортов вспыхнул пожар. Атака «тринадцатого» на какое-то время сбила с толку гитлеровцев. Воспользовавшись этим, ТК-13, ставя дымовую завесу, вырвался из вражеского кольца. Немцы обрушились на торпедный катер Лихоманова, отрезая ему пути отхода. Находясь в самой гуще вражеского каравана, катер разворачивался и готовился к торпедной атаке. Генри стоял у турели одного из пулеметов и бил

очередью по подходившему катеру. Враг засыпал «тринадцатый» огнем. Юного боцмана и командира ранило, но каждый делал свое дело. Катер, в который Генри всадил несколько очередей, задымился, и он быстро перевел прицел на мчавшийся сторожевик. Вдруг раздался залп, и, кажется, все замерло вокруг, — все смотрели на живой вспененный след торпеды, мчавшейся навстречу вражескому транспорту. После стремительно взметнувшегося столба пламени транспорт переломился и пошел на дно. Море «кипело» вокруг «тринадцатого». Следующая торпедная атака катера результата не дала, торпеда не вышла. В моторный отсек попал снаряд и там взорвался. Мотористов ранило. В пробоину хлынула вода, и катер начал оседать на корму. Фашисты расстреливали катер прямой наводкой и приближались к неподвижному судну. Один пулемет и пушку разнесло взрывом снарядов. На палубе лежали раненые. Один за другим экипаж терял своих боевых товарищей. Заклинило турель пулемета, за которым стоял Таращук. Над катером пронесся огненный смерч. Снаряды разрывались один за другим. Командир приказал боцману спуститься к радисту и сообщить в командный пункт обстановку на катере. Проползая через пламя, вырывающегося из моторного отсека, Генри услышал взрыв от снаряда, угодившего прямо в рулевую рубку, в которой оставался командир. «Командир убит. Моторы вышли из строя. Личный состав тонет. Прощайте!» — продиктовал боцман. Генри выбрался на палубу, пытаясь преодолеть боль от полученных ран, и, сжав зубы, пополз к развороченной рубке. Стрельба прекратилась. «Хотят взять на буксир? Нельзя допустить этого! Надо доползти до подрывных патронов, взорвать...» — путались мысли в угасающем сознании Таращука. Очнувшись уже в море, боцман увидел, как ТК-13, заваливаясь на корму, погружается в воду. «Молодец «счастливый», не дался в руки фашистам», — подумал Таращук. От полученных многочисленных ранений боцман уже погибшего торпедного катера постоянно терял сознание. Когда пришел в себя в очередной раз, то находился уже на вражеском катере. «А катер это, верно, тот, по которому я стрелял,» — подумал он. Мысль подползти к борту и соскользнуть в море не покидала Генри. Рядом прогремело орудие, и страшная боль от упавшей на раздробленную руку гильзы снаряда оглушила пленника. А в это время подошли наши катера и самолеты, они рвали немецкий конвой на части.

Катер стремительно вошел в горящую бухту. Тело Генри бросили на носилки, затем вывалили в кузов машины и перебрасывали куда-то еще и еще. Придя в себя уже в бараке лагеря, что находится в десяти-пятнадцати километрах от города Киркенес, Генри с багровым туманом в глазах увидел, как над раздетыми ранеными лежащими на полу, колдует с ножницами в руках какой-то человек в лохмотьях.

Это был фельдшер, который тоже когда-то раненный попал в плен. Колдовать над моряком пришлось долго. Необходимо было срастить кишки, зашить живот, освободить раздробленное предплечье, руки и ноги от осколков, собрать разбитые кости и наложить гипс. Юноша весь был обложен железными прутьями и обрезками каких-то трубок, скрученными проволокой, а затем обмотан тряпочками, смазанными цементом. Через пару дней, когда Генри очнулся, он обнаружил, что на нарах лежали еще трое тяжелораненых моряков с «тринадцатого». «Снаряжение», в которое сковал раненного моряка фельдшер, казалось неподъемным. В том, что Таращук и его друзья стали быстро поправляться, была заслуга одного старика, который помогал беспомощным раненым всем, чем мог. От него-то они и узнали, что завтра предстоит допрос.

После допроса избитый до полусмерти Генри очнулся в бараке, где было много пленных, похожих на мертвецов. Скоро принесли в таком же состоянии еще двух моряков. Юноши знали, что победа близка, остались считанные дни, и фашистские войска побегут от берегов Баренцева моря. А пока надо держаться. Несмотря на тяжелое положение, никто в лагере не думал о трагическом исходе. Их наполняла надежда, что вот-вот советские части придут на выручку. А пока каждое утро из барака выносили не менее десятка умерших... День 8 октября 1944 года для Генри был, наверное, самым тяжелым: ему исполнилось шестнадцать лет. Юноша, лежа на грязных нарах в бараке с дырявой крышей над головой, в страшном зловонии, украдкой плача, вспоминал, как раньше приходили поздравлять его приятели, а мама готовила много вкусных блюд. А сейчас? Генри был беспомощен, его гниющие раны раздирал страшный зуд, и казалось, что насекомые съедают его заживо. В тот день, когда было снято высокое напряжение, юноше удалось повредить проволоку ограждения, которая шла к прожектору на вышке, за что он был жестоко избит фашистами. Открытая задвижка водопроводного колодца была следующей диверсией, которую учинил Генри, в результате чего все склады были залиты водой. Напоследок же немцы пообещали его повесить.

Все чаще над Киркенесом пролетали наши штурмовики. 24 октября в сумерках немцы большими группами быстро начали покидать лагерь. Всю ночь продолжалась перестрелка. И вот наступило долгожданное утро 25 октября 1944 года — день освобождения. За воротами лагеря оставался сорокадневный кошмар фашистского плена. Долгими были госпитальные мытарства Таращука. Но хороший уход, старание врачей и шестнадцать лет юного торпедника брали свое. «Здоровья тебе, парень, отпущено на сто лет», — сбывались слова, сказанные пленным фельдшером, начавшим лечить его еще в фашистском концлагере.

День Победы Генри встретил в Германии. После окончания войны, не долечившись до конца, он помогал строительству новой социалистической Германии. Тогда он даже не догадывался, что дома его дожидается собственная «похоронка», и тем более не подозревал, что спустя двадцать лет прочтет на скромном обелиске свое имя среди погибших героев-катерников.

Находясь на заслуженном отдыхе, Генри Николаевич Таращук продолжал вести активную жизнь. Он был одним из активных создателей музея юнг Северного флота. Модели кораблей, стенды, планшеты, картины, макеты орденов и медалей военных лет — все это изготовлено руками бывшего юнги [6, с. 106–110].

Анатолий Александрович Негара служил на тральщике в Краснознаменном Северном Флоте. Однажды в Карском море его корабль вступил в поединок с вражеской подводной лодкой. В ходе боя катер сотряс сильный взрыв. В корпусе появилась пробоина. Гребные винты и рули оказались сорваны. Тральщик лишился хода, стал крениться. По аварийной тревоге Негара и еще несколько матросов из боцманской команды запустили помпы, завели пластырь, но вода не убывала. Стало ясно, что корабль спасти не удастся. Тогда командир отдал приказ спустить на воду спасательный понтон. Команда, за исключением командира, не пожелавшего оставить боевой пост, покинула корабль. Неожиданно возле катера всплыла подводная немецкая лодка. Раздался пушечный выстрел. Его произвел по вражеской субмарине раненый командир, уходивший вместе с кораблем в морскую пучину. Снаряд, попавший в рубку подлодки, заставил ее срочно пойти на погружение, что спасло команду катера от неминуемой гибели. Понтон, на котором среди других моряков находился юнга Негара, отошел уже на расстояние около кабельтова, когда над тральщиком взметнулся столб огня. Моряки обнажили головы.

Девять дней спасательный понтон бросало с волны на волну. Его низкие борта чуть-чуть поднимались над студеными водами Карского моря. Хлесткие волны мяли понтону бока, заливали до краев. Над морем сплошная темнота — ни единой звездочки. Куда плыть — Бог его знает. Косой дождь со снегом не оставил на моряках ни единого сухого места. Матросы по очереди, сменяя друг друга, садятся на весла. Негаре, как юнге, да еще не оправившемуся как следует от недавно перенесенной болезни, предлагают отдохнуть, но он отказывается, гребет наравне с другими. Об усталости старается не думать, о голоде — тоже, хотя тот дает о себе знать все больше и больше. На третий день болтания по морю кончились запасы пресной воды. Хлеба тоже нет. Буханки, прихваченные с корабля, размокли в соленой воде, превратились в непригодную для еды кашу. Осталось лишь несколько банок консервированных сосисок. Чтобы растянуть их «на

дольше», было решено выдавать каждому по половине тонкой колбаски в сутки.

Неожиданно понтон вынесло к каким-то островам, как после выяснилось, архипелага Скотт-Гансена. Берег, на котором оказались моряки, был необитаем. В северной части острова крутым горбом поднимались скалистые горы. Низменность была усыпана валунами и галькой. Измученные люди замертво повалились под камни-валуны. Укрывшись за ними от пронизывающего ветра, согревая друг друга телами, заснули. Утром пошел снег. Мягкий, пушистый, он ложился на землю большими белыми хлопьями. Кругом было тихо, спокойно. Только изредка раздавались крики кайры, но она летала где-то в глубине острова. Понимая, что на каменистом клочке земли жизнь не сохранить, моряки решают послать пятерых человек, у которых еще оставались силы, на поиски материка. И вот смельчаки, среди которых был и Негара, столкнув понтон в воду, снова пустились в плавание. У моряков всего одно весло. Второе унесло во время шторма. При таком положении в открытом море далеко не уйдешь. Юнга предлагает попробовать соорудить парус. Еще в школе, на Соловках, он научился управлять им как никто другой. По предложению Толи моряки сшили парус из собственной одежды, укрепили его на самодельной мачте. Единственное весло приспособили под руль.

Глубокой ночью понтон прибило к какому-то мысу. Песчаный берег смягчил удар. Не дожидаясь рассвета, приступили к обследованию берега. Вскоре обнаружили разбитые ящики, плот, а рядом с ним... мешок подмокшей муки. Вот радости-то было! Впервые за время скитаний развели костер, обогрелись. Из муки приготовили болтушку. Поели.

Утром Толя с одним из товарищей отправился на разведку. Часа через два километрах в пяти от места высадки неожиданно вышли к одному из сигнально-наблюдательных постов. Здесь и увидел их вахтенный — полураздетых, заросших, грязных... С мыса Михайлова, куда они попали, в штаб Беломорской флотилии полетела радиограмма. Моряки были спасены.

За умелые действия, проявленные выдержку и стойкость Негара был награжден орденом Отечественной войны II степени, а позже за боевое траление получил медаль «За оборону Советского Заполярья» [7, с. 56].

Иван Павлович Зорин — боцман торпедного катера ТКА-114 летом 1944 года, когда этот катер захватил небольшой корабль противника, первым бросился на абордаж. В результате в плен были захвачены важные «морские языки». Немцы с берега открыли огонь по своему же судну. Оно загорелось, начало тонуть. Захватив пленных, торпедный катер лег на обратный курс. И тут юнга Зорин увидел женщину,

она стояла на гибнувшем судне, звала на помощь. Рискуя, катер снова подошел к дрифтер-боту. Иван Зорин бросился на судно и осторожно перенес женщину на борт своего судна. Вражеское судно почти тут же затонуло. Пленные были доставлены в Полярное, где в штабе Флота сообщили очень важные и ценные сведения. За этот подвиг 15-летний Иван Зорин был награжден орденом Красного Знамени. Впереди юнгу-боцмана ждали новые бои, новые испытания. К ордену Красной Звезды добавились орден Отечественной войны II степени и медали «За боевые заслуги», Нахимова, «За оборону Советского Заполярья». Боцман Иван Зорин был представителем катерников-североморцев в сводном полку моряков на параде Победы в Москве 24 июня 1945 года. После войны бывший юнга жил в г. Коле, плавал старпомом на рыболовном траулере [8, с. 118–119].

Николаев Ю.Н. — моторист ТКА-172, участвовал в 11 походах против вражеских конвоев, а с февраля по апрель 1944 года — в трех походах по высадке разведотрядов. Во время одного из них при восьмибальном шторме часть отсеков катера оказались затопленными. Юнга встал на откачку воды ручной помпой, а после этого заступил на самостоятельную вахту, обеспечивая работу механизмов. За доблесть и мужество, проявленное в боевых походах, юнга Николаев Ю.Н. награжден медалью Нахимова.

Катерный тральщик, на котором рулевым служил юнга **Саша Адволоткин**, подорвался на мине. Оказавшись в холодной воде, верный флотской традиции сам погибай, но товарища выручай, он набросил свой спасательный круг на юнгу Сергеева, который был контужен взрывом, а сам поплыл к берегу, но не доплыл…

Литература

1. *Гузанов В.Г.* Соловецкие паруса. — Мурманск, 1982.
2. *Пикуль В.С.* Мальчики с бантиками. — Ленинград, 1974.
3. *Мехнина Г.М.* Школа юнг ВМФ в годы Великой Отечественной войны (1942–1945) / Соловецкая школа юнг Военно-Морского флота. — Архангельск, 2002.
4. *Пшеничко Л.П.* Я – юнга третьего набора / Историко-литературный альманах «Соловецкое море». — Архангельск-Москва, 2006.
5. Всероссийский конкурс «Мой дедушка — соловецкий юнга». Работы лауреатов Всероссийского конкурса — в сб. «Соловецкая школа юнг ВМФ». — Архангельск, 2002.
6. Соловецкая школа юнг. 1942–2007 г. — Архангельск, 2007.
7. *Леонтьев А.* Юнги с Урала. — Пермь, 1990.
8. *Ермак Е.В.* История встреч юнг-ветеранов на Соловках. Справка для экскурсоводов. — Соловки, 2003.

МАРШАЛУ ПОБЕДЫ

Фёдорова Маргарита Александровна, *58 лет,*
директор ГБУК КО «Государственный музей Г.К. Жукова»,
Заслуженный работник культуры Калужской области,
г. Жуков Калужской области

«От благодарной России...»

В самом центре города, носящего имя Полководца Победы Маршала Советского Союза Г.К. Жукова, высится очень красивое здание — это мемориальный музей нашего великого земляка. В декабре 2015 года исполнится 55 лет со дня его открытия. Более полувека со всех концов огромной нашей страны, ближнего и дальнего зарубежья приезжают сюда люди, чтобы тепло и благодарно вспомнить о человеке, «чья любовь к Родине, помноженная на редкостной силы талант, явила всему миру феномен воина- Победителя, стяжавшего за свои подвиги неувядаемую славу и неизбывную любовь своего народа».

Сейчас нам, сотрудникам музея, нетрудно сделать рассказ о жизни и деятельности Г.К. Жукова ярким и убедительным. Развернутая на большом кольцевом маршруте экспозиция «Маршал Жуков и его время», парадный, торжественный Зал Победы, краеведческий и лекционный залы, диорама «Штурм Берлина», одна из лучших в мире, — всё это вместе, и ещё отличная научная библиотека, видеотека, выставочные пространства на первом и втором этажах дают возможность нашим гостям увидеть, почувствовать, узнать и запомнить страницы биографии национального героя России.

С первого дня существования музей притягивает на свою орбиту множество талантливых, образованных, сильных и мужественных людей, которые помогают нам осуществлять яркие и полезные проекты, издавать (пусть и небольшими тиражами) книги, исчезающие с прилавка книжного киоска в считанные дни, проводить встречи с писателями, актёрами и певцами, общественными деятелями — гордостью отечественной культуры.

Государственный музей Г.К. Жукова

Эта работа объединяется нами в единый проект, носящий название «От благодарной России». Ежегодно планируя свою работу, мы

включаем в него цикл выставок (живопись, графика, скульптура, антиквариат из частных коллекций, работы фотохудожников и дизайнеров). Высокий уровень, во многих случаях уникальность — важная черта каждой из них. Но главное в том, что все наши выставки благотворительные.

Поэтому, покупая входной билет в экспозицию, каждый из наших посетителей получает возможность познакомиться с новой её частью — очередным подарком Маршалу и его землякам «От благодарной России».

Сейчас, в канун 70-летия Победы, музей принимает множество гостей, готовится к торжественным мероприятиям. Только что закончился капитальный ремонт фасада. Волнуемся, радуемся и немного грустим. Многих дорогих друзей и соратников из поколения Победителей на этом празднике с нами уже не будет. Светлая, добрая память о них живёт в созданном и сохранённом вопреки всем испытаниям музее. Живёт и в наших сердцах. Поэтому…

Расскажу Вам о друге...

Перебираю страницы, пожелтевшие от времени, вглядываюсь в лица, запечатленные на старых любительских снимках. Пытаюсь с помощью этих документов сложить, составить, последовательно зафиксировать в музейном «персоналии» жизненный путь человека, чье имя — Вячеслав Павлович Сёмин.

В жизни музея Маршала Жукова он был всегда. Казалось, что и будет — всегда! Никуда не денутся его улыбка, гулкий, раскатистый голос, запах табака и хорошего одеколона, весь он — большой, красивый, надежный всегда есть и будет рядом.

Но вот уже несколько лет нет его с нами — есть могила рядом с материнской на старом городском кладбище, есть тоска и горечь в сердцах друзей, есть архив, переданный в наш музей родными. Я разбираю этот архив тщательно и кропотливо не только потому, что это моя профессиональная обязанность. Хочу, чтобы систематизированный толково, он стал основой для книги о дорогом нашем старшем друге.

Вячеслав Павлович Сёмин

Пусть в этой книге подробно и с любовью будет рассказано о парнишке, родившемся в Угодском Заводе 2 августа 1923 года, в семье, где все любили и уважали друг друга, умели тяжело трудиться и весело отдыхать. Две сестры — старшая Зоя и младшая Манюра, и он — Слава, весельчак и заводила, всеобщий любимец.

Он хорошо учился, его касалось все, что происходило в родном Угодском: строительство стадиона в парке, народный театр, походы...

22 июня 1941 года в день, когда началась Великая Отечественная война, стал светловолосый парнишка взрослым, стал воином — одним из поколения Победителей.

«Огненный выпуск» — золотые буквы на красной обложке. В этом альбоме школьники, руководимые младшей сестрой Сёмина Марией Павловной Просвирниной, собрали фотографии, фронтовые письма, газетные вырезки — память о юношах, закончивших Угодско-Заводскую среднюю школу в 1941 году. Все они ушли на фронт, вернулись домой трое. Через много лет ветеран Великой Отечественной, участник Первого и всех последующих юбилейных парадов Победы, подполковник В.П. Сёмин напишет заявление, в котором попросит принять пожертвование на строительство музея Великой Отечественной войны на Поклонной горе от имени всех погибших одноклассников.

Вот уж для кого действительно дружба была понятием круглосуточным. Всегда он был занят устройством дел, забот, исполнением просьб, ходатайством по инстанциям от общественности.

В канун праздников в сотни адресов расходились поздравительные открытки. Четким, разборчивым почерком писал их Вячеслав Павлович, желая всего самого наилучшего однополчанам, сослуживцам, друзьям детства, не забывая и семьи погибших товарищей.

Разбирая переписку, не устаю удивляться широте его натуры. Откровенно, спокойно и просто пишет ему вдова погибшего однополчанина о своем житье, горюет, что совсем отбился от рук подросток-внучок, как у старшего брата, просит у Вячеслава Павловича совета. А в следующем, судя по дате, письме радостно благодарит за быструю и действенную помощь. По просьбе Сёмина, нашел ее директор лучшего в Калуге профессионального училища да и взял к себе парнишку. И теперь того не узнать, в учебе прилежен, дома — помощник.

Для меня в этом маленьком эпизоде он весь, дорогой мой друг и учитель жизни! Всегдашняя готовность идти на помощь, защитить, успокоить, утвердить в сознании собственных сил и достоинства младшего товарища, гражданственная активность и всеучастие, умение трезво и четко оценить свои возможности и мудро направить их на достижение цели.

Источники его жизненной энергии были неиссякаемы и неизменны — интересная, ответственная работа, многогранная общественная деятельность, широкие дружеские контакты и, конечно, совсем не в последнюю очередь, семья. Она была его опорой, надежным тылом, светлой надеждой на будущее.

Отдельная тема — Маршал Жуков в жизни Вячеслава Павловича Сёмина. Мальчишкой: узнав из газеты о ставшем тогда знаменитым земляке, пронес он в своей душе гордость и восхищение, уважение, искреннюю любовь к этому человеку через всю свою жизнь. Судьба одарила Сёмина возможностью познакомиться с великим полководцем, быть полезным ему и его близким в годы тяжелых испытаний.

Мы дружили более тридцати лет, познакомившись сразу, как только я начала работать в музее. Все эти годы он старался сделать все, что в его силах, для сохранения благодарной памяти о великом воине. Книги и документы, редкие фотоснимки, публикации в периодике, фильмы и звукозаписи — большая часть того, что хранится сейчас в фондах Государственного музея Маршала Жукова, это дары В.П. Сёмина.

Но еще важнее было то, что он собирал вокруг себя соратников, подвижников, готовых вместе с ним растить и воспитывать истинных патриотов и граждан России.

Сегодня здание музея Г.К. Жукова самое красивое в нашем городе. Его создание стало для Вячеслава Павловича делом всей жизни. Невозможно описать впечатления от его еженедельного прибытия в местное отделение банка с видавшим виды портфелем в руках. Огромные суммы народных пожертвований на строительство музея перевозил он таким образом, отчитываясь кропотливо заполненными ведомостями за каждую копейку. Не пропустил он и ни одного рабочего совещания на строящемся объекте.

Если считать, что человек становится старым, когда теряет желание активно участвовать в окружающих событиях, интересоваться новостями, то можно уверенно сказать, что Вячеслав Павлович до старости не дожил. Он остался с нами навсегда. В рассказе о моем старшем друге это чистая правда, а не фигура речи.

«ЖУКОВ. Человек, победивший Гитлера»

Более двух лет назад мне позвонил человек, назвавшийся Лашей Отхмезури, пояснил, что работает в редакции парижского журнала «Война и история», просил уделить время для беседы.

Соглашаться на такого рода контакты мне всегда нелегко. Журналисты редко уделяют внимание подробному изучению предмета публикации, разве только готовясь к интервью.

За долгий свой музейный век сталкиваться мне приходилось с разными представителями этой профессии, привыкла быть осмотрительной.

Но этот случай оказался особенным. Выяснилось, что редакция серьезного и авторитетного журнала работает над книгой о Маршале Жукове, которой предстоит увидеть свет в канун 70-летия окончания второй мировой войны.

Французы тщательно, уважительно и последовательно работали над монографией о человеке, чей вклад в Великую Победу над фашизмом трудно переоценить. Возглавил исследования историк Жан Лопез.

Сотрудничать с Лашей оказалось интересно, он отлично владеет русским языком, всегда ответственно готовится к разговору, умеет ценить помощь.

На одном из этапов понадобилась консультация эксперта по отечественным наградам. Тут незаменим А.А. Павликов. Председатель Комитета Памяти Маршала Советского Союза Г.К. Жукова, как всегда, живо откликнулся, помог. Даже побывал в гостях у наших новых друзей в Париже, на презентации книги «Жуков. Человек, победивший Гитлера».

Привез только, что вышедший отлично изданный 700-страничный том в Москву.

Ну а теперь книга переведена на русский язык. Есть в ней и дискуссионные моменты, субъективные оценки, не подкрепленные фактами выводы, но сам ее выход в свет заслуживает внимания. И в канун великого праздника соотечественники Маршала Жукова с гордостью прочтут слова французского историка: «Ни в одной из других армий эпохи Второй мировой войны не было столь талантливого полководца. Тем, что мы, на Западе, сегодня живы и пользуемся плодами свободы, мы во многом обязаны именно этому маршалу Сталина».

* * *

Предлагаем вниманию читателя перевод (в сокращении) предисловия к книге Ж. Лопеза и Л. Отхмезури «Жуков. Человек, победивший Гитлера».

Мог бы Гитлер выиграть Вторую мировую войну? Его шансы на победу, объективно очень незначительные, оцениваются как самые благоприятные в период между июнем и ноябрём 1941 г.; они сводятся к нулю с контрнаступлением советской армии, начавшемся под Москвой 6 декабря того же года. Второй вопрос: мог ли Сталин проиграть войну? Да, мог, в середине октября 1941 г., когда власти были в панике после того, как главные силы Красной армии в третий раз были разбиты в гигантском «котле»; своим спасением Сталин обязан лишь неожиданному подъёму воинского духа в начале ноября. Да, он мог проиграть ещё раз, осенью 1942, когда увидел, что немцы могут захватить или уничтожить нефтяные скважины Баку; вероятность поражения Советского Союза сводится к нулю с началом успешного контрнаступления под Сталинградом. Во всех этих трёх случаях — ноябрь и декабрь 1941 г., ноябрь 1942 г. — появляется человек, точка зрения и личные качества которого разрушают чаяния Гитлера и укрепляют надежду Сталина: Георгий Константинович Жуков.

На протяжении второй половины войны за Жуковым сохраняется исключительно важная роль. Он поддерживает Сталина в принятии смелого решения — временно перейти к обороне перед окончательным разгромом немцев под Курском летом 1943 г. Он оказывает воздействие на решение об операции «Багратион», которая уничтожит группу армий «Центр» летом 1944 г. и нанесёт германской армии самое тяжёлое поражение в её истории. Его противник разбит также во время операции «Висла-Одер» в январе 1945 г., когда Жуков совершит бросок на 500 км через польскую равнину. За десять дней непрерывной адской битвы он доведёт свои войска до Рейхстага и, таким образом, толкнёт Гитлера на самоубийство. Видеосъёмки и фото военных репортёров всего мира показывают Жукова как человека, вынуждающего фельдмаршала Кейтеля подписать безоговорочную капитуляцию немецких вооружённых сил 8-9 мая 1945 г. в пригороде Берлина — Карлсхорсте. За четыре года боёв Красная армия провела около двухсот военных операций в масштабах одного или нескольких фронтов. Шестьдесят из них, самых важных, в той или иной степени связаны с деятельностью Жукова. Никакой другой командующий, ни немецкий, ни союзнический, не может представить подобный послужной список.

Разумеется, что вся Вторая мировая война — это не только германо-советский фронт. Но он является её основным театром. Какая бы мера ни была выбрана — географический масштаб, материальный ущерб и человеческие потери, напряжённость, сила — ничто не может, ни в каком веке, сравниться с этим конфликтом. На восточном фронте Гитлер поставил на карту всё, бросив туда 80% своих войск, и там же он всё проиграл. Без преуменьшения англо-саксонского содействия, определяющего в экономическом ослаблении Германии и в поражении её военно-воздушных сил, а также мощной помощи, оказанной Советам, исход войны, тем не менее, был разыгран на великой русско-украинской равнине. Там масштаб операций был не сравним с тем, что происходило в Северной Африке, Италии или даже в Нормандии. Эль-Аламейн, великая британская военная победа, оценивается в девять раз меньше по людям и в пять раз меньше по танкам, чем Курская битва. В Сталинграде погибло в пять раз больше людей, чем американских солдат за всю историю Соединённых Штатов с их возникновения. Вермахт, СС, их румынские, венгерские, финские, словакские союзники оставили между Волгой и Эльбой более 4 миллионов убитыми — три четверти их потерь. Как ни говори — именно Красная армия победила нацизм. Цена этой победы чрезмерно высока: 25–27 миллионов погибших, на четверть, а то и на треть уничтоженное национальное богатство.

Жизнь Жукова неразрывна с жизнью Красной армии, а также с жизнью большевистской партии и Советского Союза до середины

брежневского правления. Она предлагает особую точку зрения для исследования характера этой армии этого государства, не похожих ни на какие другие. С момента своего создания в 1918 г. Красная армия рабочих и крестьян является армией партии. Она таковой и останется до исчезновения советского государства в 1991 г. Жуков — коммунист с 1919 г. Как любой военачальник, он хочет иметь современное и эффективное орудие, оснащённое офицерским составом, сознающим свой долг и уверенным в своих способностях. Как любой коммунист, он понимает, оправдывает и принимает то, что эта армия будет всецело принадлежать партии, что она будет ей повиноваться во всём, включая выполнение невоенных, полицейских, социальных или экономических задач. Один из основных смыслов жизни Жукова заключается в двух вопросах: как совместить подчинение партии и профессионализацию? Как вести новую войну в 1941 г. при партии, которая намеревается применять методы гражданской войны, индустриализации и коллективизации, короче говоря, с партией, которая игнорирует специфику действительной военной службы?

Жуков пережил эти противоречия и вопросы изнутри. Он был человеком, который, больше, чем любой другой, за исключением Сталина, своим непосредственным воздействием помешал полному распаду армии. Начиная с осени 1942 г., он также является одним из основных действующих лиц в создании нового компромисса между партией и армией. Такая позиция уникальна в советской истории, Жуков дважды заплатил за неё опалой, унижениями, отрицанием своей огромной роли.

За Жуковым закрепились и другие легенды, которые мы надеемся здесь развеять. Немцы, неспособные понять своё поражение, выдумали для него военное образование в Берлине во времена тайного сотрудничества между Рейхсвером (вооружённые силы Германии 1919-1935 гг.) и Красной Армией.

Этот вздор нужно отбросить и осмыслить необыкновенный «доктринальный котёл», в котором он «варился» рядом с Тухачевским, Свечиным, Триандафилловым и Иссерсоном, мастерами оперативного искусства. Почти все биографы объясняют его взлёт в 20-х — 30-х годах принадлежностью к клике ветеранов 1-ой Кавалерийской армии, Ворошилова, Будённого и Тимошенко. Ложь: Жуков пробился сам, благодаря личным качествам и постоянной удаче. Простое сравнение потерь, понесённых Жуковым в руководимых им операциях, и потерь, понесённых его соратниками и соперниками Тимошенко, Коневым, Рокоссовским, показывает, что его доля ничтожна. Красная Армия понесла колоссальные потери из-за огромных ошибок, совершённых в 1941 и 1942 гг., и из-за слабости её людского ресурса, характера сталинской системы, а вовсе не из-за темперамента её самого выдающегося военачальника.

Для того, чтобы заинтересоваться Жуковым, имеется дополнительный и современный мотив. Он является одной из очень редких выдающихся личностей, которые уцелели в советском кораблекрушении и остаются на плаву в современной России. Прослеживание отношения к Жукову, сохраняемого в русской памяти, это хороший показатель веса патриотизма в посткоммунистической идеологии. На данный момент его боготворят наравне с Суворовым и Кутузовым. А не постигнет ли его завтра третья опала? Не будет ли он лишь «сталинским маршалом» или «генералом дьявола», каким был Манштейн для Гитлера? Создание данной книги обосновано, прежде всего, желанием познакомить с необыкновенной судьбой, ключевой фигурой XX века, из которого, неизвестно по какому заблуждению, постоянно исключают военных.

Переводчик ***Шевкова Елена Михайловна,***
преподаватель французского языка

БОЕВОЙ ПУТЬ МАРШАЛА Г.К. ЖУКОВА В ЕГО НАГРАДАХ

Павликов Алексей Анатольевич, *49 лет,*
Председатель Комитета памяти
Маршала Советского Союза Г.К. Жукова,
Член Союза писателей России,
г. Москва

19 ноября (1 декабря) 1896 года в деревне Стрелковка Калужской области родился будущий маршал, четырежды Герой Советского Союза. Это — человек, начавший военную карьеру в неполные 19 лет, прошедший путь от рядового до министра обороны СССР, участник двух мировых войн, внесший большой вклад в военную науку. Его имя носят почти 200 улиц, площадей, проспектов, несколько учебных заведений; в его честь учреждены государственные награды и премии. Этот человек — Георгий Константинович Жуков, полководец, совершивший множество подвигов, подтвержденных многочисленными наградами.

Маршал Победы
Г.К. Жуков

За свою жизнь Г.К. Жуков получил 2 награды Российской Империи, 16 орденов и 15 медалей СССР, 31 награду иностранных государств. Они могут много рассказать о заслугах Георгия Константиновича перед Родиной.

Своих первых боевых наград он был удостоен в годы Первой мировой войны. В действующую армию вице- унтер-офицер Жуков попал в августе 1916 года, когда в составе пополнения прибыл на Юго-Западный фронт в 10-й драгунский Новгородский полк 10-й кавалерийской дивизии. В составе этого полка ему довелось участвовать в боях, главным образом разведывательных. Всего несколько месяцев пробыл на фронте Г.К. Жуков, но за это короткое время он успел стать кавалером двух Георгиевских крестов 3-й и 4-й степени. Эта награда вручалась «единственно тем нижним чинам, кои, действительно служа в сухопутных и морских войсках, отличают себя особенной храбростью против неприятеля» и соединяют последнюю с послушанием начальникам.

Георгиевский крест 4-й степени Жуковым был получен за пленение немецкого офицера, а 3-й степени — за ранение в бою.

Свою первую советскую награду — орден Красного знамени — будущий маршал получил в 1922 году за умелое руководство эскадроном и личную храбрость, проявленные им в бою 5 марта 1921 года в районе села Вязовая Почта во время операции по подавлению антисоветского выступления крестьян Тамбовской губернии. В приказе РВСР №183 от 31 августа 1922 года отмечалось, что он награжден «за то, что, несмотря на атаки противника силою от 1500 до 2000 сабель, он с эскадроном в течение 7 часов сдерживал натиски врага и, перейдя затем в контратаку, после 6 рукопашных схваток разбил банду».

Следующей награды — ордена Ленина — Г.К. Жуков, в то время командир кавалерийской дивизии, был удостоен 16 августа 1936 года «за выдающиеся успехи в боевой, политической и технической подготовке» соединения. Приняв в 1933 году отстающую по многим показателям дивизию, к осени 1935 года он вывел ее в передовые, сделав ее одну из лучших в Красной Армии. В аттестации Г.К. Жукова за 1936 год отмечалось, что он, «волевой командир, инициативен и решителен, эти качества прививает комсоставу дивизии. Хороший организатор, твердо держит в руках управление дивизией».

В 1939 году Георгий Константинович за блестяще подготовленную и проведенную под его руководством операцию по разгрому вторгшейся на территорию Монгольской Народной Республики в районе реки Халхин-Гол японской армии был удостоен звания «Герой Советского Союза».

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1939 года гласил: «За образцовое выполнение боевых заданий и геройство, про-

явленные при выполнении боевых заданий, присвоить звание Героя Советского Союза…7.комкору Жукову Георгию Константиновичу…».

В полной мере полководческий талант Г.К. Жукова проявился в годы Великой Отечественной войны. Он умело руководил войсками и в оборонительных и наступательных операциях, но первой своей награды — ордена Суворова 1-й степени — был удостоен только в январе 1943 года, хотя к тому времени в его активе были Ельнинская наступательная операция, в ходе которой родилась советская Гвардия, оборона Ленинграда и Москвы, Московская наступательная операция зимой 1941–1942 гг. (есть основания утверждать, что за Московскую операцию он был награжден орденом Ленина, правда, награждение состоялось лишь в феврале 1945 года).

Орден Суворова 1-й степени Г.К. Жуков получил за операцию по окружению и уничтожению группировки войск противника в районе Сталинграда, которая была разработана и подготовлена под его непосредственным руководством.

Победа советских войск под Сталинградом внесла огромный вклад в достижение коренного перелома в войне и оказала определяющее влияние на дальнейший ход всей Второй мировой войны.

Второго ордена Суворова 1-й степени будущий маршал был удостоен 27 июля 1943 года в ходе Курской битвы, ставшей важным этапом на пути победы Советского Союза над фашистской Германией. Г.К. Жуков был одним из инициаторов перехода советских войск в районе Курского выступа к преднамеренной обороне весной 1943 года, являлся одним из организаторов оборонительных и наступательных операций, проведенных здесь в июле-августе 1943 года, завершившихся крупной победой Красной армии.

Г.К. Жуков первый из советских военачальников получил высший военный орден «Победа», награждение которым состоялось в апреле 1944 года. К тому времени подходила к концу Проскуровско-Черновицкая наступательная операция 1-го Украинского фронта, в командование которым Г.К. Жуков вступил после смертельного ранения генерала армии Н.Ф. Ватутина. В результате этой операции советские войска нанесли тяжелое поражение группировке противника на Правобережной Украине, продвинувшись в западном и южном направлениях на 80–350 км, вышли к предгорьям Карпат и, перерезав основные рокадные пути противника, рассекли его стратегический фронт на две части.

Через год, 30 марта 1945 года, Г.К. Жуков, к тому времени командующий войсками 1-го Белорусского фронта, был награжден вторым орденом «Победа». К тому времени войска фронта завершили блестящую по замыслу и по исполнению Варшавско-Познанскую наступательную операцию, проведенную в рамках Висло-

Одерской стратегической операции. В ходе этой операции войска Г.К. Жукова продвинулись на глубину до 500 км, освободив значительную часть Польши, вышли к реке Одер, захватив на его левом берегу плацдармы и создав условия для дальнейшего наступления на Берлин.

Дважды за годы войны Г.К. Жуков был удостоен звания Героя Советского Союза. 29 июля 1944 года он получил это звание за заслуги в подготовке и проведении Белорусской стратегической наступательной операции, в коде которой он координировал и руководил действиями 1-ого и 2-ого Белорусских фронтов. Операция, в результате которой советские войска завершили освобождение Белоруссии, освободили часть территории Литвы и Латвии, вступила на территорию Польши, продвинувшись на запад до 550–600 км, характеризовалась большим пространственным размахом, умелом выбором направлений главных ударов фронтов, решительным массированием на них имевшихся сил и средств. Успех операции во многом определялся полководческим искусством Г.К. Жукова и его боевых соратников.

Третьей медали Золотая Звезда Героя Советского Союза Георгий Константинович был удостоен Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 июня 1945 года «за образцовое выполнение боевых заданий Верховного Главнокомандования по руководству операциями в районе Берлина». В ходе Берлинской стратегической операции войска 1-ого Белорусского фронта, которым в то время командовал Жуков, во взаимодействии с войсками 1-ого Украинского и 2-ого Белорусского фронтов овладели столицей фашистской Германии, тем самым поставив точку в Великой Отечественной войне.

8 мая 1945 года Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков в пригороде Берлина Карлсхорсте от имени советского Верховного Главнокомандования принял от представителей германского верховного командования безоговорочную капитуляцию, подписав в присутствии представителей союзных командований соответствующий акт.

Кроме вышеуказанных, Г.К. Жуков имел немало других наград, как советских, так и наград зарубежных государств. Большинство из них он получил в послевоенные годы, как признание своих полководческих заслуг во время Великой Отечественной войны.

1 декабря 1956 года Указом Президиума Верховного Совета СССР «за выдающиеся заслуги перед Коммунистической партией и советским государством и в связи с шестидесятилетием со дня рождения» Маршал Советского Союза, в то время министр обороны СССР, был награжден четвертой медалью Золотая Звезда Героя Советского Союза.

В 1966 и в 1971 годах Г.К. Жуков в связи с 70-летием и 75-летием со дня рождения был награжден орденами Ленина, а в 1968 году в связи с 50-летием Вооруженных Сил СССР — орденом Октябрьской революции и Почетным золотым оружием (шашкой) с изображением Государственного герба СССР.

Но, пожалуй, высшей наградой Маршалу Жукову является народная память, всеобщее уважение и любовь, которых он удостоился при жизни и которые сохраняются и сегодня.

ПАМЯТЬ-СНЕГ

Малиновская Наталья Родионовна, *68 лет,*
член правления Фонда Памяти Полководцев Победы,
филолог,
г. Москва

И память-снег летит и пасть не может.

Давид Самойлов

Маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский

Никогда не знаешь, что запомнится даже из того дня, что, считается, врезан в память целиком. Помнишь другое — рядом, после. Пустой дом наутро после похорон, очки на краю стола. (Машинально: «Надо сдвинуть, разобьются. — Разобьются — и что? На что они теперь? — Нет, нельзя, чтоб разбились: папины!» И полдня ищешь футляр, цепляешься за очки, как за соломинку, протянутую из прошлого в жизнь, которой ты не хочешь знать, но которая началась — вчера. Первый ее день — похоронный — так и останется зиянием. Ни тогда, ни тридцать лет спустя не вспомнить ни лиц, ни слов — только тиски, сдавившие душу, холод и мелодию, столько раз слышанную прежде, но мимо сердца, а с тех пор уже навсегда слитую с мокрой метелью и осклизлым льдом брусчатки на площади. 3 апреля 1967 года в Москве шел снег, последний в ту долгую зиму.

А за полгода до того, 7 ноября, был мой двадцатый день рождения. Папа уже болел, но ни мы с мамой, ни врачи и не подозрева-

ли о диагнозе. Сильно болела нога на месте старого ранения, полученного еще в первую мировую, (а если папа говорит «сильно», значит — «непереносимо»). После бездумно прописанного грязевого лечения в Цхалтубо стало только хуже, но папа работал и седьмого пошел принимать парад. Только мы с мамой знали, чего ему стоит каждая ступенька на мавзолей, каждое слово речи. Вернувшись, он лег и больше уже не вставал (а жить ему оставалось полгода). Через неделю его увезли в госпиталь — в пятницу, и это пренебрежение суеверием испугало.

Еще в первую мировую, в Польше, гадалка, предсказывая папе головокружительную судьбу, маршальский жезл и высший военный пост, предупредила: «Не начинай нового дела, не отправляйся в путь в пятницу! Дурной для тебя день». Поначалу он не обратил внимания на предостережение и не принял всерьез пророчеств, но после второго ранения (оба — в пятницу, как и третье, тридцать лет спустя) взял за правило смотреть в календарь, назначая начало операций или планируя командировки. Но пятницы из недели не выкинешь — все худшее в нашей семье неизбежно случалось в пятницу. Пятницей был и последний день папиной жизни — 31 марта 1967 года. Спустя тридцать лет в пятницу умерла мама.

Я в мелких подробностях помню те последние полгода и теперь понимаю, что папа был фаталистом и стоиком. Врачи и сестры так и не услышали от него ни стона, ни жалобы и говорили потом, что у него патологическое терпение. Ни одного вопроса о диагнозе, никаких распоряжений маме «на потом». Он терпел боль, выносил болезнь молча, мужественно и достойно. Вечером 30 марта, когда я уходила из больницы, вместо обычного «до свиданья», папа едва слышно сказал: «Будь счастлива!» И я не поняла, что он со мной прощается…

Сейчас, когда я думаю о папиной жизни, похожей на головокружительный роман — таинственное рождение, мучительно тяжелое детство, раннее взросление, кругосветные путешествия, чужие страны, ставшие ему дорогими — Франция, где он мог остаться, как многие из его товарищей по экспедиционному корпусу, Испания, которую он полюбил еще до того, как ступил на ее землю и покидал с горечью невольной вины — «не сумел помочь…» И войны, войны, войны… Сколько их было в его судьбе! Четыре года первой мировой, год гражданской, почти два года испанской и четыре великой отечественной. Больше десяти лет. Какой мерой считать их? Год за два? За три? За пять? А были, наверное, дни — или часы, или час, — которые зачтутся за десятилетие. Июльский день перед сдачей Ростова. Декабрьское утро на реке Мышкове, от которого война повела другой счет. Или ночь Карибского решения. Я не знаю, какие дни назвал бы он сам — эти или совсем другие, о которых теперь уже никто не узнает.

Я не спрашивала — он не рассказывал. Папа вообще был молчалив, а я слишком уж молода и не до той давней (а на самом деле слишком еще близкой) войны мне было тогда, в двадцать лет — до памяти надо еще дорасти… Это сейчас, спустя тридцать лет, я перебираю свои догадки, просеиваю то, что помню, ища золотые крупицы — мелочи, почти что пустяки. Но ведь именно из мелочей складывается жизнь, и в ином пустяке куда больше характера и даже пресловутой исторической правды, чем во всех парадных портретах вкупе с декларациями для печати.

Хорошо помню мамин рассказ о параде Победы в 45-ом. Разгрузились эшелоны, Военный Совет фронта и сотрудников секретариата разместили в гостинице «Москва». Полным ходом шла подготовка к параду, но — по всему чувствовалось — и к чему-то еще. Слишком озабочен был папа, слишком поздно возвращался и не с репетиций парада, а из Генштаба, слишком уж был молчалив и погружен во что-то свое. Но вот прошел парад, все вымокли до нитки под проливным дождем, который не омрачил торжества — то был плач по всем убиенным, замученным, пропавшим без вести…

После парада — прием в Кремле, вечером — салют, а после, уже в гостиничном номере была сделана фотография, которая сейчас висит у меня на стене, рядом с той, что снята 9 мая в 45-ом году в Вене. Когда Вайль сложил аппараты и ушел, еще долго сидели все вместе — папа, его офицеры для особых поручений, мама — вспоминали, шутили, молчали. И вдруг мама услыхала, как Тевченков мурлыкает себе под нос:

Вейся, вейся чубчик кучерявый!
Развевайся, чубчик, на ветру!

А заметив, что она прислушивается, подмигнул и запел громче:

Мама, я Сибири не боюся,
Сибирь ведь тоже русская земля!

И мама поняла, что война для них не кончилась, что им снова ехать на фронт, который вскоре получил название — Забайкальский.

Я родилась далеко от Москвы — в Хабаровске, 7 ноября 1946 года спустя час после первого папиного парада. (Всего их было у него тридцать восемь, по два в год, и еще один — до меня — парад Победы.) Вернувшись домой, папа не обнаружил мамы, спросил, куда она подевалась, и поехал в госпиталь, оставив Алексея Ивановича Леонова, фронтового друга, встречать гостей. В госпитале состоялся диалог, потом тысячу раз пересказанный мне самыми разными людьми:

— Как мне пройти к жене?

9 мая 1945 г., Вена

— Пройти к ней никак невозможно, товарищ маршал! Она на столе!

— У вас что, кроватей нет?

Уяснив, что рожают не на кроватях, папа, раз уж собрался ждать, отправился инспектировать госпиталь и наткнулся на безобразие: санитарки чистили картошку над ванной — по неведомой причине она служила помойкой. Но негодующая речь не успела прозвучать:

— Товарищ маршал! Поздравляю вас с дочкой!

Родившись девочкой, я не обманула родительских ожиданий и подтвердила давнее цыганкино предсказание, в котором и не сомневались. Уже была голубая «наташина комната» с оттиснутой малярным трафаретом по верхнему краю стены вереницей белых зайцев — у каждого в лапе глянцевая оранжевая морковка размером с заячье ухо! Была «наташина коляска» — самодельное сооружение, сконструированное, по моему разумению, из деталей списанной самоходки (если судить по фотографии, открывающей альбом моих детских обликов). Были наташины пеленки, распашонки, платьица, собственноручно сшитые мамой из парашютного шелка (подарок семьи Красовских). Даже наташина кукла с харбинского рынка — в локонах, кружевах и оборках. Но, главное, у меня было имя. Папа назвал меня в честь своей тети — Натальи Николаевны Малиновской, которая приютила его, когда он в одиннадцать лет ушел из дому. Она погибла вместе с сыном Женей в оккупированном Киеве — об этом папа узнал на второй день после освобождения города, когда летал туда, чтобы ее отыскать.

Однажды Лидия Либединская в гостях у Давида Самойлова, где и мне случилось быть, сказала, что детям в семье нужнее всего любовь между родителями — «это главный компонент воспитания». Плохо, когда главенствует любовь к детям (так ребенка можно испортить), любовь к детям должна быть следствием той, другой любви. И если рассуждения Либединской верны, а на то похоже, значит, меня замечательно воспитывали.

Никогда за все двадцать лет, прожитых рядом с папой, я не видела семейных ссор или сцен, не слышала даже, чтобы кто-нибудь из родителей повысил голос на другого. По сдержанности папиного характера? Отчасти. По кротости маминого? Да нисколько — она человек взрывчатый, но с кем угодно, только не с папой. И тоже не потому, что сдерживалась — просто друг в друге их ничто не раздражало. К примеру: зима, на даче, день восхитительный, маме хочется пойти к Сетуни,

где, должно быть, особенно красиво (мы часто ходили к Сетуни, где «сквозной, трепещущий ольшаник», только с другой стороны, не от Переделкино). Папа тем временем уже раскрыл тетрадку, расстелил карту — и никаких надежд на прогулку. «Ну вот — не хочет!» — резюмирует мама и — улыбается. (Попробуй я не захоти — «нечего капризничать!»)

Счастливая семья Малиновских

С тех пор, как в 1956 году папу перевели в Москву, я ни разу не была в Хабаровске, но знаю, что от мира моего детства не осталось и следа. Почти никто уже не помнит заросший сад с беседкой, увитой диким виноградом, белые сирени у лестницы на террасу и клеверную лужайку, где играли сеттер с медвежонком. Улица Истомина, губернаторский дом, в котором по традиции всегда жил командующий округом. А на даче, на Красной речке, лиловый от багульника обрыв к Уссури с ветхой лестницей, где на проваленных ступеньках сидели — и не боялись — бурундуки. Лиственничная аллея вокруг дома, фанза на окраине парка, куда осенью сваливали садовый инвентарь и накаленный летним полуднем балкон на крыше, именуемый «асотей» — не папа ли назвал его этим испанским словом?

Сколько себя помню, у нас всегда жили домашние звери, причем, в изрядном количестве. Когда я родилась, в доме было полно младенцев: пятеро котят и шестеро щенят. А еще две большие собаки, кот и кошка. Во дворе, в конюшне жил папин парадный конь Орлик — звезда во лбу, белые носочки, огромный карий глаз. И это еще не полный список нашего зверья. В разное время у нас жили: дрофа с перебитым крылом, хроменькая дикая козочка, медвежонок, оставшийся без матери, ручная белка. Не боясь ни собак, ни кошек, она скакала по шкафам и занавескам и только спать забиралась в клетку. Всегда свой кот был у папы (с законным местом на письменном столе), свой — у мамы, а потом и у меня. Собаки считались общими, но за хозяина признавали папу. Одна обязательно охотничья, длинноухая, другая обычно приблудная, неведомой породы. Когда папы не стало, все они — обе собаки и два кота — не вынесли тоски, поселившейся в доме. Лишившись хозяина, все они умерли к сороковинам, выпавшим на девятое мая.

В пятидесятилетие Победы я спросила маму: «А что было тогда 9 мая — в сорок пятом?» И услышала: «Праздник. Мы с папой по-

ехали в Вену, гуляли в венском лесу, в зоопарке. Там всех зверей сохранили». Так я узнала, что любимая моя родительская фотография — та, где они, кажется, безоглядно счастливы, снята в венском зоопарке. А в прошлом году, разбирая архив, я нашла листок из блокнота с папиной статьей для фронтовой газеты. Он писал о том, как мучительно отступать, как стыдно, уходя, глядеть в глаза людям, которые остаются, — и не только людям: «Как-то особенно больно было оставлять Асканию Нову, чудный южный заповедник. Нестерпимо горько оттого, что война пришла и сюда. Животные смотрели на нас с той же укоризной, что и люди. Хотелось опустить глаза».

Папа не охотился. Мы и близкие его друзья знали, почему. Не боясь показаться сентиментальным, он сказал как-то, что, убив на первой охоте лань (или козочку? Что там водится в монгольских степях?) подошел и увидел ее глаза. Больше никогда не стрелял. Но на охоту ездил, уважая право собаки на любимую работу. Первому на моей памяти дратхарту Милорду не было равных. Всякую утку он приносил папе, выслушивал одобрение: «Молодец, Милорд!» и повеление: «А теперь отнеси тому, кто убил». Пес нехотя, но безошибочно относил. В Москве папа уже не ездил на охоту (свободного времени в сравнении с Хабаровском совсем не оставалось), хотя бывал, когда звали, в Завидове, где не только охотились, но, главным образом, решали дела. И там он не изменил своему обыкновению — не стрелял, сколько бы над ним ни подшучивали.

А вот для рыбалки, истинной своей любви, папа всегда старался отыскать время — по воскресеньям и обязательно в отпуске. Сколько часов, нет, дней я просидела на берегах самых разных рек и озер в поле зрения родителей, и в холод, и в дождь с упоением кидающих удочку! Только сейчас, вспоминая об этом мучении своего детства и отрочества, я понимаю, что для папы эти тихие часы были душевной необходимостью. Человек самоуглубленный и молчаливый (полслова за вечер и две фразы за воскресенье), он нуждался в общении с природным миром и, по крайней мере, так — рыбалкой, домашними зверьми — восстанавливал равновесие. Но не часто выдавались свободные дни. И по вечерам он чаще всего решал шахматные задачи или читал Флобера по-французски, чтобы не забывался язык.

В последний год я спросила его: «Кем ты хотел быть?» Что не военным, уже знала, потому что слышала раньше: «Хотеть быть военным противоестественно. Нельзя хотеть войны. Понятно, когда человеку хочется стать ученым, художником, врачом — они создают». На вопрос, кем, папа тогда ответил: «Лесником». Думаю, это правда, но не всей жизни, а именно того, последнего года. Молодым он ответил бы иначе, тем более, что честолюбие в нем усугублялось горькой памятью об испытанных в детстве унижениях. Лесник — его поздняя утопия,

глубинно созвучная натуре. Стань его работой лес, с тем же тщанием и азартом, с каким изучал древних стратегов, он занялся бы изучением жизни тайги.

Во всяком деле папа был на редкость обстоятелен. Ни тени дилетантства — теоретическая оснащенность и техника ремесла заботили его в равной мере, о чем бы ни шла речь — о военном деле, о шахматах или о той же рыбалке. Он собрал великолепную библиотеку по военной теории и истории, потом отданную мамой в Академию бронетанковых войск, больше тридцати лет — до прошлого года — носившую имя отца. Знаю, что среди этих книг немало раритетов. Целую полку в папиной библиотеке занимала шахматная литература (переданная мамой через год после папиной смерти Одесскому шахматному клубу), другую — ихтиологические книги на разных языках (теперь они в библиотеке московского Зоологического музея.). А рядом лежала тетрадка с надписью на обложке «Дневник рыболова» — подробные, по дням, отчеты о том что, когда, при какой погоде и ветре было выловлено (естественно, на удочку, сетью папа не ловил) в такой-то уссурийской протоке, на что лучше ловится таймень, или сом, или не помню кто. Сколько удилищ и удочек, крючков и грузил, спиннингов и каких-то экзотических наживок — искусных имитаций мушек и стрекоз — и всякой другой рыбарской снасти на все случаи лова на всех широтах хранила нижняя полка шкафа!

К вещам, исключая вышеупомянутые, папа был патологически равнодушен и удовольствовался бы, будь его воля, синей байковой ковбойкой (она и теперь у меня), многолетними штанами фасона «раскинулось море широко» и беретом, носить который приучился в Испании. Перебирая потом его пристрастия, я поняла: к тому, что не нужно в жилище лесника, он был безразличен. Но во всяком месте земного шара, куда попадал, папа покупал рыболовную снасть и какие-то отверточки, винтики, молоточки. Было, правда, и еще одно пристрастие — письменные принадлежности: паркеровские ручки с тонким пером. Необходимым предметом роскоши признавались часы — «Омега», швейцарские. (Я слышала, как однажды по телефону папа говорил, наверное, директору часового завода об армейском заказе: «Командирские» надо сделать не хуже «Омеги». Без точных и прочных часов военному человеку нельзя!») Но, конечно же, главным его пристрастием были книги.

Не будучи библиофилом в полном смысле слова, папа постепенно собрал библиотеку, отразившую все его пристрастия: русский девятнадцатый век, военная история, шахматы, звери и путешествия, словари (двуязычные и толковые), пословицы всех времен и народов. Библиотека мамиными стараниями (она окончила ленинградский библиотечный институт и до самой эвакуации в апреле 1942 года

заведовала районной библиотекой) была в полном порядке. Но на особой полке над столом книги размещались не по библиотечным правилам, а по любви: Шевченко и Леся Украинка по-украински, Есенин и «Горе от ума», Вольтер, Ларошфуко и Паскаль по-французски и в переводе. И, конечно же, Марк Аврелий, книга, купленная у букиниста, судя по отметке на обложке, осенью 1936-го, накануне отъезда в Испанию. Ее он искал давно и называл «самой нужной». Не раз любимая папина фраза из Марка Аврелия расставляла все точки над і в наших разговорах: «Каждый стоит ровно столько, сколько стоит то, о чем он хлопочет» (А для меня расставляет и до сих пор.) А фраза Экзюпери «Мы в ответе за тех, кого приручили», введенная в домашний обиход мной, имела кроме очевидного — переносного — и буквальный смысл, касающийся всех зверят, живущих в доме. В отличие от всех остальных папа никогда не забывал, уходя, дать им кусочек — чтоб не скучали...

Еще несколько книг лежали в ящике стола. Не из осторожности — просто перепечатанные на машинке, какие переплетенные, какие нет, они не помещались на полке: «Белая гвардия», «Один день Ивана Денисовича» (в 62-ом году на полку встало аккуратно обернутое отдельное издание), «Теркин на том свете», «По ком звонит колокол» (из серии «Рассылается по специальному списку») и фотокопия «Повести о непогашенной луне», снятая по его просьбе в Национальной библиотеке Софии. Все эти книги папа давал мне: «Прочти обязательно», но, к сожалению, без комментариев. И только раз я задала вопрос про «Непогашенную луну»:

— Это правда?

— Неправду так далеко не прячут.

Тогда же, зная, что папа начал писать книгу о детстве, я спросила:

— А почему не о войне?

Он ответил неожиданно резко:

— Пускай врут без меня.

Много лет спустя, наткнувшись на мемуарный том о Сталинградской битве, испещренный восклицательными и вопросительными знаками вперемежку с едкими замечаниями, я поняла смысл этой фразы. Тогда же только удивилась непривычному, как теперь понимаю, обусловленному несогласием с автором, тону и запомнила продолжение:

— Правды об этой войне еще долго никто не скажет и не напишет.

— Потому что не напечатают?

— Не только.

Он оказался прав и прав до сих пор, а, может, и насовсем, хотя у нашего разговора был другой конец.

— Когда-нибудь попробую написать. Но начинать надо с начала. И до этой войны была война, война и война.

Он успел написать только о детстве и юности — рукопись обрывается возвращением из Франции, а это, в сущности, самое начало судьбы.

Его книга — одиннадцать толстых тетрадей — написана набело изящным старинного склада почерком, совершенно без помарок, настолько продуманным и выношенным было каждое слово. На первом листе дата — 4 декабря 1960 года, варианты предварительного названия — «Байстрюк», «Бастард» и вверху пометка «Примерный план (набросок)». Последняя тетрадь была дописана осенью 1966 года.

Работу оборвала болезнь, и можно только гадать, как папа предполагал работать над текстом дальше, но ясно одно: сделанное он считал первым черновиком. В этом проявилась и естественная для него требовательность к себе, и в высшей степени ответственное отношение ко всякому, а на сей раз непривычному — литературному — труду. Он считал, что только начинает осваивать ремесло. Захваченность работой, которой приходилось заниматься урывками, говорила о призвании, а сам первый черновик — о несомненных литературных способностях. Всякий раз просматривая рукопись, еще не тронутую редакторской правкой, я поражаюсь своеобычному складу авторской речи. Приведу хотя бы один пример. (И напомню, что это Франция, первая мировая, пейзаж после битвы):

«Взошла поздняя луна, большая и скорбная, и, горюя, повисла над горизонтом. И, кажется, оттого она печальна, что увидала изрытое воронками и окопами, обильно политое кровью поле, где убивали друг друга обезумевшие люди. Тихий печальный ветерок уносил с поля брани устоявшийся в ложбинках пороховой дымок, запах гари и крови. Молча обступили солдаты подъехавшую кухню, молча поужинали. Стрельба стихла, лишь вдалеке, кое-где рвались снаряды. Санитары сновали по окопам, выносили на носилках тяжело раненых; полковые музыканты подбирали убитых. На повозках подвозили патроны, и на тех же повозках отправляли в тыл убитых — хоронить. Коротки весенние ночи. И едва рассеялся туман, артиллерийская канонада разбудила измученных, съежившихся от утреннего холода солдат, а земля снова задрожала от разрывов, снова затянулась дымом и пылью».

Литературное призвание дало о себе знать еще в юности. Во Франции, в 1918 году, отвоевавший всю первую мировую двадцатилетний георгиевский кавалер впервые, наверное, берется за перо и пишет пьесу. Возможно, русский самодеятельный солдатский театр в Плерена-Марне и репетировал ее, но до премьеры дело не дошло, да и не в постановке дело. Важнее другое — то, что папа сохранил эту рукопись, не питая на ее счет никаких литературных иллюзий. Она была дорога ему не просто как память о юности, а как знак так и не сбывшегося призвания.

От тех времен у отца не осталось почти ничего, и это не удивительно, но через три войны — гражданскую, испанскую и вторую мировую — он пронес эту рукопись, солдатскую книжку пулеметчика 256-го Елисаветградского полка, парадную фотографию с гергиевским крестом и карманный французский письмовник с золотым обрезом в тисненой малиновой коже (по которому во французском госпитале составлял для товарищей по несчастью — солдат, залечивающих раны, — письма француженкам с благодарностями за присланные к Рождеству гостинцы).

Большая, in folio, разграфленная амбарная книга — сшитые толстой ниткой желто-зеленые страницы; выцветшие от времени, теперь едва различимые лиловатые строки, слегка забирающие ввысь; тот же изящный почерк, но еще не строгий, а с каким-то лихим, щегольским разбегом. Эта неумелая, драматургически неуклюжая пьеса о русском солдате во Франции, пронизанная тоской по родине, горечью «чужой» войны и жаждой будущего, и сейчас притягательна как человеческий документ — свидетельство сильной и одаренной натуры, инстинктивно раздвигающей рамки судьбы.

На роду ему было написано батрачить, сносить унижения в чужой семье, притерпеться к шепотку за спиной: «Байстрюк!», смириться с высокомерием приехавших на каникулы вчерашних приятелей — графчуков. (Графиня Гейден, у которой служила моя бабушка, до поры до времени — пока дети были маленькими — позволяла им играть «с кухаркиным сыном».) Но он, привыкший сжимать кулаки при намеках на «отца-проезжего молодца», и запомнивший разъяснение горничной: «Ты графчукам неровня!», ушел из дому навсегда — в одиннадцать лет, в день материнской свадьбы. Первый бунт оказался поступком.

Уже не одни только обстоятельства диктовали судьбе — вмешалась своя воля, хотя разорвать замкнутый круг — скитания по чужим углам, нищенское, полуголодное существование — было пока не под силу. Но в то же время, еще не осознавая цели, он строил себя. И потому упорно тянулся к знаниям, которые не могли и не должны были ему пригодиться. Зачем ему, сыну полка, премудрости «офицерской» игры — шахмат? Зачем батраку с фольварка арифметика и чистописание, а мальчику на побегушках — французский язык (ведь отец, служа у купца, брал уроки французского, а было ему двенадцать лет)? Наверно, есть в том и доля честолюбия, обостренного унизительным положением незаконнорожденного, и память о рано испытанном пренебрежении, но даже если ими и был рожден первый импульс, не в них одних дело: живой ум искал применения и требовал пищи, а упрямство и азарт помогали одолевать препятствия.

Наверное, купцу, владельцу лавки, не хотелось расставаться с работящим и сообразительным парнишкой. Но все же не только случай,

не только долгая болезнь определили новый и, как оказалось, главный поворот в отцовской судьбе. Безотчетное отвращение к торгашеской жизни, увиденной вблизи, помешало ему снова, после больницы, поступить в лавку.

Бегство на фронт разом разрешило все жизненные затруднения, но обязывало пройти весь воинский путь — возвращаться с полдороги отец не умел, а уходить уже научился. («Бесповоротному человеку и самому не сладко, и с ним нелегко, но положиться на него можно», — эти папины слова, сказанные по случайному поводу и безотносительно к себе, я запомнила, угадав в них автобиографию.) Так — бесповоротно — он стал военным человеком, а отвага, честолюбие, ум, привычка доводить всякое дело до блеска и, наконец, удача, не уберегшая от пули, но спасшая от плена, алжирского лагеря и смерти, определили дальнейшее развитие событий. И все же первые шаги, наверное, дались труднее всего. Не потому ли, остро чувствуя значительность тех лет для становления личности, он и начал книгу с рассказа о детстве? А к человеку, который помог на первых порах, — к тете Наташе — сохранил на всю жизнь глубокую, преданную и благодарную любовь.

О том, что судьба повернула так, а не иначе, папа не жалел (бесповоротным людям это не свойственно), но чувствовал, что справился бы, и неплохо, с другим делом. Иногда даже казалось, что он примеривает к себе другие профессии — так внимательно, пристрастно и заинтересованно он приглядывался к ним. Кроме литературы, его притягивала медицина. Почему — понятно. До службы у графини бабушка несколько лет работала кухаркой при земской больнице и для отца (которому тогда было лет пять) труд врачей и сестер рано стал привычным зрелищем — делом, которому он сам мог бы выучиться. Не зря же доктор чуть позже предложил молодой кухарке устроить сына в военно-фельдшерскую школу, но она не решилась — слишком уж мал еще сын, а контракт на целых пятнадцать лет! (Если б знала, что уже скоро все равно расстанется с ним, отдала бы? И судьба была бы другая?)

Замечательный хирург Виталий Петрович Пичуев, вспоминая долгие разговоры с папой (они познакомились в 60-ом, когда мама лежала в хирургии), рассказывает о живой заинтересованности, которая удивляла его в папе всякий раз, когда речь заходила о работе врача, о новых диагностических методах, новой аппаратуре. И всякий раз с особой теплотой папа говорил ему о докторе из земской больницы — первом человеке, пробудившем в нем безоговорочное уважение. Более того: отец рассказывал Виталию Петровичу, что, когда уже после гражданской речь зашла о дальнейшей учебе, он попросил командира дать ему рекомендацию в Военно-медицинскую академию, но получил

безоговорочный отказ: «Нечего тебе там делать! Ты прирожденный командир!» Так что, если бы папа стал врачом, это было бы и объяснимо, и естественно, и даже достижимо, а вот литература — terra incognita — всегда оставалась для него неисполнимой мечтой, журавлем в небе.

И все же, сколько мужества и дерзости было в юношеской попытке написать драму — самому научиться сочинительству, пока другие солдаты, радуясь короткой передышке, гоняют в футбол, поют в любительском хоре, репетируют водевиль... Пожалуй, не меньше, чем в решении, принятом сорок два года спустя, — писать роман, а не мемуары. Думаю, не случайно, кроме одиннадцати тетрадей «примерного плана-наброска», есть блокнот, озаглавленный «Действующие лица», с перечнем персонажей. Их, описанных по всем драматургическим канонам — с указанием возраста, портретной характеристикой и прочими подробностями — в книге сто сорок шесть.

После пьесы, юношеской пробы пера, жизнь отца складывалась так, что ни о какой литературе и думать не приходилось. Французский госпиталь уберег от алжирских концлагерей (таков был горестный конец восставшего русского экспедиционного корпуса), но пришлось еще год воевать за Францию в иностранном легионе. В конце концов отцу с тремя товарищами удалось вернуться на родину почти кругосветным путешествием — высадились они во Владивостоке, откуда в 1919 году добраться до Одессы было нисколько не легче, чем в незапамятные времена из Марселя в Китай. И все же отец, в одиночку, таясь от белых, сумел одолеть полпути и уже за Иртышем был арестован красными за иностранную солдатскую книжку и четыре французских воинских креста — эквивалент полного георгиевского банта. Чудом ему удалось избежать расстрела — военврач, знавший французский, подтвердил, что французский документ и есть самая настоящая русская солдатская книжка. А дальше все пошло своим чередом: гражданская война, полгода в тифу, служба в Красной Армии.

Казалось, химера юности — литература — давно и прочно забыта. Но призвание все же напоминало о себе — иначе не штудировал бы молодой командир батальона выпущенные ленинградской «Красной газетой» пособия из серии «Что надо знать начинающему писателю»: «Выпуск первый. Выбор и сочетание слов» и «Выпуск второй. Построение рассказов и стихов». Как ни странно, эти две книжицы с вопросительными и восклицательными знаками на полях, NB и заметками на полях сохранились.

Но, конечно же, много важнее были другие книги. Назову лишь те, о которых спрашивала и знаю точно — Толстой, Лесков, Чехов, Достоевский, Салтыков-Щедрин, прочитанные в годы учения в Академии Фрунзе. Потребность в самообразовании, азарт и страсть к знаниям помогли папе наверстать упущенное и после церковно-приход-

ской школы, законченной слишком давно, выдержать вступительные экзамены в академию. Возможность получить образование значила для него так много, что готовился он к этим экзаменам, как к бою.

— Я тогда решил: не сдам — застрелюсь. Нельзя было не сдать.

— Да почему же нельзя? — изумилась я. (Разговор происходил накануне одного из моих экзаменов и, видимо, с него и начался.)

— Иначе себя перестал бы уважать.

В 1927 году отец поступил в Академию, весной 1930-го окончил ее, как тогда говорили, «по первому разряду»...

Когда меня спрашивают, как папа меня воспитывал, хочется ответить «никак», хотя это, наверно, неправда. Ни нравоучений, ни особых запретов (это — мамина прерогатива), крайне редкая похвала и за все двадцать лет единственная дидактическая фраза, сказанная в мой первый школьный день: «Ну, принимайся за дело — становись человеком, да смотри не подведи, а то мне будет стыдно». И еще несколько наглядных уроков.

Первый — урок труда. Отправляясь на рождение к подруге, я неуклюже заворачиваю коробку в виде лукошка, внутри которой в фантиках, изображающих клубнику, изумительные конфеты с жутковатым на теперешний вкус названием «Радий». Папа поверх очков довольно долго наблюдает, затем встает, отбирает коробку и невероятно умело, артистично, прямо-таки с шиком в одну секунду обертывает коробку и завязывает даже не бант — розу! «Всякое дело надо делать с блеском!» и поясняет «Одесская школа!» (Двенадцати лет он начал работать у купца в магазине мальчиком на побегушках).

Второй урок — вежливости. Не знаю, откуда появилась на папином столе папка устрашающего размера (жалко, не помню, как она называлась, хотя, наверное, просто номером), исчезнувшая через несколько дней. Я полюбопытствовала, полагая, что это белый Тасс, но в папке обнаружилось невообразимое количество доносов, подшитых в хронологическом порядке. (Сейчас могу предположить, что в конце пятидесятых некоторых лиц ознакомили с их особыми личными делами. Можно только гадать, зачем ознакомили и кого именно, но полагаю, что вернулись эти папки, конечно же, не в архив). По детской глупости из всего множества доносов я прочла только первый и последний.

В последнем известный мне персонаж с большими звездами на погонах извещал кого следует об имевшем место на его глазах криминальном факте беседы Р.Я. Малиновского на таком-то приеме с иностранным дипломатом на иностранном же языке. О предмете беседы автор бумаги по незнанию языков сообщить ничего не мог, в чем и расписался. Так ругательное слово из родительских разговоров «сексот» впервые наполнилось очевидным смыслом. И надо же было на

другой день нам с папой, неся из магазина «Сыр», что на Горького, кусок рокфора (то было наше традиционное зимнее гулянье) встретить автора доносной бумаги! Я отвернула нос. Папа поздоровался, даже как будто весело и, выждав, заметил: «С взрослыми ты всегда должна здороваться. А со своими — сама разбирайся». Значило ли это, что дети не должны сводить родительские счеты или что счеты вовсе не надо сводить? Или правомерны оба ответа?

История первого доноса не в пример длиннее. Она растянута во времени на полвека и никак не укладывается в два абзаца. Жизнь странно выстроила ее — не то как драму, не то как роман, путая жанры, меняя протагонистов и рассказчиков.

Итак, действие первое — излагается по документу. В бумаге (по детской глупости не посмотрела, куда адресованной и когда именно сочиненной) соседи по коммуналке извещают, что проживающий рядом комбриг Малиновский так и не снял со стены портрет врага народа Уборевича с дарственной надписью, хотя жены нижеподписавшихся командиров «обратились к жене Малиновского с соответствующим замечанием», а она-де, на другой день, сказала, что мужу слова их передала и получила ответ: «Что я повесил, то будет висеть».

Какое разбирательство последовало за доносом узнать теперь не от кого, но ясно, что было оно не первым и не последним. Отцу, конечно же, не раз припоминали и Францию, «где он прохлаждался, пока мы беляков рубали» (традиционная шутка одного из героев гражданской войны), и Испанию, «куда он своевременно улизнул» (квалифицируем и это как шутку, не раз повторенную другим героем более поздней войны). Как случилось отцу уцелеть, гадать не буду — случай, судьба? — но что он состоял на перманентном подозрении сомневаться не приходится. О недоверии Сталина к отцу и верховном повелении «не спускать с Малиновского глаз» рассказывает в своих мемуарах Н.С. Хрущев. Но вернемся к истории с крамольной фотографией. Не раз мне приходилось слышать, что те, на кого доносили, обычно знали имена доносчиков; знал про своих бдительных соседей и отец. Доказательством тому — второе действие, излагаемое по маминому рассказу.

Прошло по меньшей мере пять лет. Война, видимо, конец сорок четвертого или начало сорок пятого. Почти ночь. Входит дежурный офицер с докладом:

— Товарищ маршал! Генерал такой-то прибыл по случаю назначения на такую должность! (Формулировка в моем штатском изложении, естественно, условна.)

Отец (спокойно, негромким голосом):

— Скажи этому сукиному сыну, чтоб через полторы минуты и духу его тут не было! А то лично приду морду бить.

Порученец исчезает.

Хотелось бы мне увидать сцену за дверью — как это майор (или капитан, а может, и лейтенант) передавал новоприбывшему генералу «сукиного сына» вкупе с пожеланиями счастливого пути? Но так или иначе через полторы минуты прежнего соседа и дух простыл. В тот вечер никаких комментариев к произошедшему не последовало, и мама так бы никогда и не узнала предыстории, если бы папа не рассказал ее вкратце — неделю спустя.

Между вторым и третьим действием прошло еще двенадцать лет — война давно кончилась, а я успела родиться и подрасти, так что излагаю собственные впечатления. Итак, вставная новелла «Песнь о коте Нуаре» (Героический эпос)».

Наше новое действующее лицо — славный кот Нуар — родилось у нас в доме в Хабаровске в тот год, когда я пошла в школу. Двух котят — Нуара и его брата, поименованного за нежный нрав Ласиком, — решили оставить себе (очень уж были хороши!), остальных четверых раздали. Котенка, который с первой минуты стал папиным, Нуаром (то есть Чернышем, а совсем ласково — Нуаренышем или попросту Нурёнком) назвали по ошибке: младенцем он был много темнее братишек. А когда подрос, обнаружилось, что масть у него привычная — сибирская, только полосы и тигровые разводы очень уж широки, черны и мохнаты. В 56-ом в Москву с нами переехали все звери (а на полдороге, в вагоне, родилось семеро сибирских котят, очередных братьев Нуара и Ласика, и, раздав их, мы обзавелись уже московскими «родственниками по кошке»). Нуар, Ласька, сеттер-лаверак Фидель и прочая живность быстро освоились на даче, своем новом охотничьем участке, а Нуар — разбойник по природе — немедленно пустился в набеги на соседские курятники (жили мы рядом с лесничеством). Улаживать последствия котовьих подвигов, извиняться и возмещать убытки пришлось маме, чем она непрерывно и занималась. (Но надо было видеть Нуара, лезущего через забор, с доблестно придушенным трофеем в зубах! И хотя куренка, конечно же, жалели, а кота ругали, усатый герой являл собой зрелище, как и полагается, эпически величественное.) Однажды Нуар исчез — его искали и где уж нашли, не знаю, а мне в конце концов сказали, что Нуара, наверно, в отместку за цыплят, убили. Детское горе длится долго, и котовий облик, пока я горевала, в согласии с законами фольклора, безотчетно мифологизировался. В итоге в моих рассказах Нуар достиг размеров сеттера, цыплята оказались чуть ли не бойцовыми петухами, а неведомый их хозяин, коварно подстерегший кота, походил почему-то на циклопа.. И — странное дело — ни с каким реальным соседским лицом, злодей не соотносился.

Очень долго история Нуара хранилась в одном углу памяти, прочитанная из любопытства доносная бумага — в другом, а про фрон-

товой инцидент я до известного времени и вовсе не знала. Концы с концами связал эпилог, возвративший сюжету драматургическую стремительность.

По смерти кота Нуара прошло почти тридцать лет — шел, помнится, первый год перестройки. Отговорив доклад на конференции, я пила свой кофе в буфете Дома ученых в соседстве с ученой дамой, которая и обратилась ко мне со всей приветливостью:

— Да я вас совсем ребенком помню! Я тогда только замуж вышла, и лето мы с мужем у его родителей жили, совсем рядом с вашей дачей. Вы тогда таких ужасных громадных зверюг держали!

— Каких зверюг?

— Якобы кошек.

Кошки действительно были больше обычных — на то и сибирские, теперь таких не водится — порода измельчала.

— Так вот: зверюга ваша нам медовый месяц в кошмар превратила. Каждый божий день пробиралась эта тварь на террасу и нам на постель гадила! И выслеживали ее, и окна запирали, и двери — а ей хоть бы что — проберется и нагадит! Муж в конце концов...

Кофе колом застревает в горле, а пауза длится, как ей и надлежит, бесконечно.

Тем же вечером (а вовсе не «неделю спустя», как бы полагалось), я, едва войдя в дом, восклицаю: «Мама, знаешь, что на самом деле было с Нуаром?! Сегодня на конференции... и т.д.

Мама (спокойно): «Знаю». И рассказывает мне фронтовой инцидент.

Странно, однако, шутит судьба. Ведь зачем-то же она поселила двадцать лет спустя, если считать от доноса, пусть не через стену, но поблизости — в кошачьей досягаемости — прежнего соседа с семейством. Не знаю, кого судьба испытывала на этот раз и как, но попутно преподала урок и мне. Мы с той семьей, понятно, не дружили домами, но с младшим сыном извечного соседа я, можно сказать, играла в песочек с полного согласия взрослых. Родительское отчуждение не касалось детей — и, думаю, не случайно, а по папиной воле. Если я верно, пусть много позже, поняла его мысль, такую, в сущности, простую и естественную, он учил меня не судить за вину перед другим, пусть даже родным человеком, и тем паче не судить за чужую, хоть бы и отцовскую вину. Сейчас я формулирую этот урок — и тем неизбежно упрощаю и искажаю смысл, в котором много обертонов. Наверное, есть и такой: не судите чужое — жестокое — время, особенно если вам выпало расти в вегетарианскую эпоху (а шестидесятые, несомненно, были одной из самых вегетарианских эпох нашей истории). Там, в тридцатых, «нас не стояло», и каково там было изнутри нам отсюда не видно. Но это мои теперешние домыслы, выросшие,

правда, из тогдашних ощущений. Другое дело — кот, замечательный зверь, не склонный к рефлексии, все разом учуявший и отомстивший за хозяина единственно доступным образом. Не тигр же он в самом деле и даже не рысь, чтоб вызвать обидчика на бой! Ну, разве что доблестно осквернить брачное ложе наследника рода…

Понимаю неизбежную читательскую досаду на не первую уже недомолвку — «один из героев», «лицо весьма уважаемое» и тому подобное. Я и сама не раз досадовала, натыкаясь на фигуры умолчания, аббревиатуры типа NN и закрытые архивы. Но теперь — понимаю. Еще живы люди, которых неизбежно ранит сказанное, и совершенно не важно, знакома я с ними или нет, знаю или только предполагаю, что им будет больно…

Всякий раз, когда заходит речь об отце, меня спрашивают запомнилось ли мне его назначение министром. Мне — нет, но мама рассказывала, что тот октябрьский день запомнился ей как один из самых тяжелых (а как о самых страшных за послевоенные годы она говорила о днях Карибского кризиса, когда, ничего не зная, но, чувствуя, как серьезно происходящее, она днем ждала звонка, а ночами сидела на подоконнике, ожидая, что папа заедет домой хотя бы на четверть часа). В тот октябрьский день, когда папу назначили министром, он приехал на дачу чернее тучи. Ужинать не стал. Долго, почти до ночи гуляли. Молча — мама хорошо распознавала ситуации, исключающие вопросы. Наконец на крыльце появился мамин брат: «Родион Яковлевич, радио сказало, что вас министром назначили! И тут уже мама не сдержалась:

— Что ж ты не отказался?

— Поди откажись.

И больше ни слова.

С тяжелым сердцем папа принял новые обязанности. Его адъютант Александр Иванович Мишин говорил мне, что вскоре после назначения, завершая партийную конференцию, на которой, как водится, прежние холуи не преминули вылить на Жукова ушат грязи, отец ясно сказал, что смещение — не эквивалент гражданской казни и не повод к улюлюканью: «Сделанного Жуковым у него никто не отнимет». Кстати, весь аппарат Жукова — секретариат, отдел писем, машинистки — остался и работал при папе. Случай, как мне объяснили, уникальный — обычно всех меняют на своих, как и было, к примеру, сделано после папы.

Как я знаю, папины отношения с Жуковым никогда не были близкими (да и сотрудничать в войну им приходилось не часто), но уважительными их отношения были определенно. Об их довоенном знакомстве мне рассказывал старинный папин друг Иван Николаевич Буренин. По его словам, при знакомстве Жуков повел себя привычным образом (то есть приветствовал отца с включением ненормати-

ной лексики) и к своему удивлению получил аналогичный ответ, чему удивился и, как показалось Ивану Николаевичу, почти обрадовался. Затем поздоровался уже по-человечески, видимо, отдавая должное неожиданному отпору. Так паритет был установлен.

Вообще же к крику и мату отец никогда не прибегал — об этом говорят буквально все знавшие его и на фронте, и в послевоенные годы. Все сходятся на том, что контраст между приказным, подчеркнуто военным стилем Жукова и папиным — всегда на «вы», по имени-отчеству, не повышая голоса (что не исключало, конечно, требовательности) был разителен и не всем пришелся по душе. Папину манеру обращения иные называли «штатской». Я бы скорректировала — скорее просто интеллигентной.

Но это не просто следствие самовоспитания. Отец слишком хорошо знал, каково быть солдатом, да еще на войне, и никогда этого не забывал.

Однажды В.С. Голубович, военный историк сказал мне — мимоходом и совершенно спокойно:

— Известно, что Родион Яковлевич никогда не бил солдат.

Он продолжал, а я застряла на сказанном. Если про человека говорят, что он ходит на двух ногах, значит, это не повсеместная норма? Значит, другие, и не единицы, ходят на четырех?

— Вы хотите сказать — другие били?!

— А как же! NN для этого даже специально палку носил. Это всякий, кто воевал там-то (последовало точное указание, где), знает.

Помню, как однажды молодой лейтенант, служивший без году неделя (естественно, в Алабино), зайдя к моей маме с поручением от своей, повествовал у нас за обедом о том, как он «школит своих солдат». И когда он в пятнадцатый раз повторил: «Солдата надо нацелить...», папа перебил:

— Солдата жалеть надо! Пока ты в нем человека не увидишь, он в тебе командира не признает.

Это, кстати сказать, образец резкого папиного обращения. Вообще же чаще всего вместо резкости он прибегал к иронии. Помню диалог, свидетельницей которого мне довелось быть. В Германии, в группе советских войск папа обратился к одному из генералов с вопросом:

— Как у вас продвигается язык, вы ведь здесь уже полгода?

И услышал в ответ:

— Мне, товарищ маршал, нет надобности учить язык. Имеются квалифицированные переводчики.

— Оно конечно! — заметил папа, — На что же географию учить, когда извозчики, да еще и квалифицированные, имеются.

Думаю, его собеседник не понял, при чем тут география и не уловил намека на бессмертную госпожу Простакову.

Перескажу еще один случай, рассказанным мне очевидцем. Высокое начальство и папа в том числе обходят казарму. Все блестит и сияет, осмотр близится к концу, местное командование уже изготовилось облегченно вздохнуть, как вдруг следует просьба: «Товарищ полковник! Можно у вас кружку воды попросить?» Полковник бросается к бачку с прикованной кружкой, наклоняется, наливает, пытается протянуть кружку и застывает в странном полусогнутом положении: цепь так коротка, что принуждает пить чуть ли не на четвереньках. Немая сцена. И в завершение паузы папина фраза: «Что же вы ради кружки воды человека на колени ставите?»

Меня в этой истории поражает наблюдательность. Надо же было, скользнув глазом по казарме, заметить, что цепь коротка! Не зря, видно, Нильс Бор считал умение видеть то, чего другие, даже глядя в упор, не видят, признаком таланта.

Тогда, в шестидесятые, главной отцовской заботой стало перевооружение армии, для которого были нужны новые, совершенно иначе подготовленные кадры. Об этих раздумьях свидетельствует запись в его записной книжке 58-го года:

«Как воздух необходима нам сейчас военная интеллигенция. Не просто высокообразованные офицеры, но люди, усвоившие высокую культуру ума и сердца, гуманистическое мировоззрение. Современное оружие огромной истребительной силы нельзя доверить человеку, у которого всего лишь умелые, твердые руки. Нужна трезвая, способная предвидеть последствия голова и способное чувствовать сердце — то есть могучий нравственный инстинкт. Вот необходимые и, хотелось бы думать, достаточные условия».

И еще одна запись, датированная годом позже: «Третья мировая война неизбежно станет войной ядерной и, следовательно, гибельной для всего человечества. В ядерной войне не будет победителя. И сейчас, когда мы ценой невероятных, самоотверженных, героических усилий всего народа обрели военную мощь в ее современном понимании и тем самым подтвердили свое право голоса в мировом сообществе, надо осознать величайшую ответственность, ложащуюся на нас в новых условиях, и ясно представить себе, о чем идет речь. Человечеству угрожает ядерное самоистребление. И пока еще не поздно, надо услышать голос разума и голос сердца. Мы должны растопить лед отчуждения между народами и государствами. Человеку нужна власть только над самим собой». Перечитывая эти слова, я всякий раз вспоминаю фразу Мигеля де Унамуно: «Настоящие пацифисты получаются только из настоящих военных»...

В Москве мы жили скорее замкнуто, наверное, слишком напряженной стала жизнь и в свободный час хотелось просто передохнуть. В Хабаровске домашняя жизнь была многолюдней, чаще приходи-

ли гости, и тогда играла громадная, как сундук, радиола. Под конец всегда заводили папину любимую «Гори, гори, моя звезда», а до нее неизменно звучали украинские народные песни (весь набор моих колыбельных), «Славное море, священный Байкал» и вальсы «Амурские волны» и «На сопках Манчжурии». Романтика той далекой войны начала века еще долго витала на Дальнем Востоке. Помню вертящиеся круглые ярлыки с собакой у граммофона и глянцевый белый конверт испанской пластинки: алая надпись и смуглый женский профиль — черный завиток на щеке, роза за ухом, высокий гребень в кудрях. Ее ставили часто — «Крутится испанская пластинка»... Много лет спустя я узнала и имя певицы, и историю аранжировки этой мелодии, впечатанной в самую раннюю память, а тогда просто слушала, не догадываясь, как много будет значить Испания для меня самой.

Помню, на пути в Марокко (когда требовалось придать визиту особо дружественные обертона, брали семью) ночью папа позвал меня к иллюминатору: «Видишь, звездой светится — лучи расходятся. Мадрид». И я поняла, что папе хочется совсем не в Марокко. Рефреном шло через всю поездку: «Вот здесь — похоже», «И закат похож, и горы у горизонта», «И название испанское — Касабланка, и дома, как там, белые, и апельсины цветут». В Марокко к папе был приставлен высокий военный чин, воевавший в свое время на стороне Франко, Тогда они с папой были противниками в точном смысле слова: воевали на одних и тех же участках фронта. И все долгие автомобильные переезды они проговорили по-испански о том, что двадцать лет назад было их жизнью, а для прочих — лишь страница военной истории. Меня тогда поразил заинтересованный и, мне показалось, даже дружеский тон их бесед. Так я и не знаю, была ли это естественная норма дипломатии, или действительно время сгладило давнее разделение — и понимание поверх противостояния, хотя бы спустя годы, возможно.

Когда через три года я поступила на испанское отделение филологического факультета, папа подарил мне агиларовский однотомник Лорки, тем предугадав (а может быть, предопределив) главное мое занятие в жизни, а спустя год отдал мне драгоценнейший раритет — прижизненное издание «Кровавой свадьбы», привезенное им из Испании. Только в прошлом году я перевела эту пьесу, а думала об этой работе, наверно, тридцать лет. В жизни нет случайностей — живая нить тянется от книги, купленной шестьдесят лет назад военной зимой в Мадриде, до такой недавней премьеры в театре «Сопричастность».

Я кончала третий курс, когда папы не стало — он не успел узнать, что из меня вышло в профессиональном плане, но когда я принесла ему, уже в больницу, свою первую статью о русском Лорке, он написал в верхнем углу газетной страницы по-испански: «Смотри, Пасси-

онария, о ком пишет моя дочка». И подписался — коронель Малино. Велел положить в конверт и отправить Долорес Ибаррури.

Несколько лет назад, разбирая архив, я нашла черновик так и не защищенной папиной диссертации об испанской войне — он работал над ней накануне второй мировой и, видимо, не успел завершить. В одной папке с черновиком — множество крохотных фотографий, папины испанские снимки. Цветущий миндаль, река, замок на скале, дети у дороги, мадридское предместье, горная деревенька, лица друзей. В этих фотографиях почти нет примет войны, но в них запечатлена ее горечь, нестираемая печать времени, сиротство той земли и ее свет.

В прошлом году я достала из нижнего ящика шкафа коробку, которой никто не касался с 31 марта 1967 года. На картонной крышке — надпись маминой рукой: «Эти вещи до последнего дня были с Р.Я. в больнице». Расческа, пилочка, зеркальце, белый с сизой полосой носовой платок, маленький плюшевый львенок, принесенный мною в больницу в последний папин день рождения, футляр с очками — оправа рассыпалась у меня в руках, выпали стекла (я и не знала, что пластмасса ветшает), замшевая тряпочка для протирки очков, черная паркеровская ручка и записная книжка. В ней, в обложке, несколько отделеньиц. Верхние пусты, а в самом последнем маленькая фотография — мама, еще молодая, в платочке, со мной, наверно, трехлетней — и сложенный вдвое пропуск: темно-розовый картон с гербом Мадрида в левом углу. Посередине крупно «Свободный проход всюду», ниже и мельче «с правом ношения оружия» и еще ниже «разрешен Малино». Печать. Дата — 26 мая 1937 года и подпись военного губернатора Мадрида. Почти тридцать лет папа носил с собой этот пропуск. Зная устройство его души, скажу, не боясь, ошибиться, — это не просто память и не только любовь, это талисман, с 37 года, кочевавший из старой записной книжки в новую.

Во время гражданской войны в Испании папа был назначен советником к одному из лучших республиканских командиров Энрике Листеру, с которым до папы никто не мог сработаться. И в первую встречу Листер, человек тогда очень молодой и отчаянный, очень талантливый, но не получивший специального военного образования, воспринял своего очередного советника настороженно и даже с вызовом. В знак чего предложил ему вместе прогуляться по переднему краю и лично обозреть обстановку. «Прогулка» под пулями длилась, как в мушкетерском романе, до простреленной шляпы — и Листер убедился в полном самообладании советника, у которого в отличие от молодого командира за плечами уже было две войны. Конечно, отцу был ясен и проверяющий замысел Листера, и бессмысленность бравады, но было ясно и то, что принять предлагаемые условия беседы необходимо — иначе профессиональное сотрудничество не состоится.

Вскоре после папиной смерти я получила письмо от Франсиско Сиутата. В нем, мне кажется, сказаны очень важные и точные слова: «Твой отец всегда оставался для меня недосягаемым примером. Я обязан ему не только обретением профессиональных навыков, но и тем, что тогда еще понял, как необходимо в военном деле прочное, глубокое, доскональное знание предмета, но не только. Не менее нужны командиру взыскательный ум и доброе сердце. Твой отец дал мне не только военный урок, но и урок доблести, стойкости, достоинства. И — не удивляйся! — урок деликатности. И пусть советник трижды прав, но, задевая самолюбие командира, он колеблет веру солдат в него, и в итоге страдает общее дело. Я доподлинно знаю, что коронель Малино обсуждал положение с Листером в самом узком кругу (несколько раз я при этом присутствовал). Коронель Малино давал точную характеристику обстановки, подводил к выводу, но последнее слово всегда оставлял за командиром, а при оглашении приказа иногда даже не присутствовал».

Дон Франсиско, светлая ему память, еще совсем молодым воевал в испанской республиканской армии у Листера, почти тридцать лет эмиграции прожил в нашей стране, еще двадцать — на Кубе, где по отцовской рекомендации стал советником Кастро, и только на склоне лет вернулся на родину. Рассказывая мне о своей юности, о дружбе с отцом, он заметил: «Это очень важно, когда живешь не дома, знать, что у тебя в России есть родной человек». И тогда я вспомнила случайно услышанные папины слова из телефонного разговора: «Очень прошу вас помочь испанцам. Ведь не на родине люди живут, нельзя об этом забывать. Нелегко эмигранту».

Не знаю, с кем папа говорил, и о чем шла речь (спрашивать о чем бы то ни было, касающемся работы, дома было не принято), но я поняла, правда, не тогда, а много позже, читая папину книгу, что за этой фразой стояло не просто сочувствие. Он помнил лагерь Ла Куртин и госпиталь в Сан-Серване и по себе знал, как тяжела чужбина. Горек был ее хлеб даже для тех, кто остался во Франции по доброй воле, — об этом отцу написал в 45-ом давно принявший французское подданство Тимофей Вяткин, узнавший по газетному снимку в русском маршале давнего фронтового друга: «Тогда я был уверен, что мое решение — самое верное, но с годами все чаще думал о тех, кто, не смотря ни на что, вернулся... Кто бы мог подумать, что я буду поздравлять тебя — Маршала и Командора! — с орденом Почетного Легиона».

Двадцать лет спустя, в 38-ом, отец снова встал перед тем же выбором. Он пробыл в Испании три срока и вернулся лишь после недвусмысленного распоряжения: «В случае задержки считаем невозвращенцем». Я часто думаю, каково ему было возвращаться после этой угрозы. И почему все же вернулся, зная, что могло его ждать. Старин-

ный папин друг, военврач Н.М. Невский, впоследствии генерал майор медицинской службы, рассказывал мне, что в их первую после Испании встречу они с отцом долго говорили о том, что происходит дома. Прощаясь, папа сказал: «Может, и не свидимся больше, хотя еще не война». Но судьба, не раз спасавшая прежде, уберегла и на этот раз. («Сначала в Испании, потом в Академии отсиделся!» — шутило при всяком удобном случае одно уважаемое лицо, также отсидевшееся перед второй мировой в горячей точке, но на другом конце земли.)

Судьба хранила отца и после войны. На Дальнем Востоке у него разыгрался серьезный конфликт с Гоглидзе, который, отбывая в Москву, к другу, чье имя не забыл помянуть, пообещал отцу большие неприятности. Дело вскоре состряпалось, тучи сгустились, но Сталин, будто бы самолично сказал: «Малиновского с Дальнего Востока не трогать. Он и так от нас достаточно далеко». Фраза эта (сказанная, по логике вещей, tete-a-tete) была заботливо донесена в изрядную даль, думаю, не без санкции и не без умысла. У тех немногих, кого не тронули, мне кажется, целеустремленно создавали впечатление, что верховная рука самолично отвела дамоклов меч.

В мае 1960 года, папе довелось вновь побывать во Франции, на сей раз — в составе правительственной делегации. Как-то за ужином он упомянул об экспедиционном корпусе, о боях под Мурмелоном, о восстании в лагере Ла Куртин. И, когда стало ясно, что переговоры, ради которых приехали, не состоятся, Н.С. Хрущев предложил:

— Давайте отклонимся от маршрута — устроим вам свидание с юностью!

И свидание состоялось — сорок два года спустя. Та же, почти не изменившаяся деревушка Плер-на-Марне, знакомые дома и привычная дорога, таверна на окраине и встреча той, что помнит русских солдат — маленькая ссохшаяся старушка, в которой, несмотря на ее уверения, нельзя узнать Клеманс Пиньяр. В этой самой таверне тем летом русские солдаты написали свечой на потолке имя хозяйки, здесь же папа впервые выиграл у военного врача-хирурга затеянную на спор шахматную партию, едва научившись играть.

Кстати, юношеское увлечение шахматами с годами переросло в стойкую привязанность. Знатоки считают, что папа играл на вполне профессиональном уровне, да и его шахматная библиотека свидетельствует, что ее собирал не дилетант. Есть в ней, кстати, и том, посвященный мастерству Ботвинника, с дарственной надписью гроссмейстера.

Сколько себя помню, на отцовском столе лежала маленькая, с ладонь величиной, темно-вишневая коробочка. Раскрытая, она распадалась на два квадрата — шахматную доску с дырочками к каждой клетке, куда втыкались стерженьки крохотных фигур, и обтянутую малиновым бархатом крышку-корытце для ненужных фигур. Шах-

матная коробочка раскрывалась едва ли не каждый вечер: разбор партий и решение задач вошли в привычку, и только большой сибирский кот Ласик, брат легендарного Нуара, считавший место на столе под лампой своим, позволял себе вмешиваться в этот молчаливый диалог с доской, трогая лапой фигурки или теребя желтый граненый карандаш фирмы «Фабер».

Еще одна память о детстве — фаберовские тонкие золотистые и толстые двухцветные красно-синие карандаши и мягкие белые резинки с оттиснутым слоном. Увиденные впервые в доме дяди Яши, станционного смотрителя, они поразили воображение мальчика и запомнились как атрибуты учености. Не потому ли полвека спустя на папином столе появились точно такие же, остро заточенные карандаши с золотистыми гранями и празднично белый квадрат резинки со слоном, стирать которой рука не поднималась? Отец, вообще глубоко равнодушный к вещам, дорожил этим фаберовским набором — так поздно сбывшейся детской мечтой.

Через полгода после поездки во Францию на столе, рядом с шахматной коробочкой, неизменным французским томом Флобера и толковым словарем — Большим Ларуссом, появились блокнот с перечнем действующих лиц и толстая тетрадь. С этих пор закладка в томе Флобера почти не перемещалась, а шахматная коробочка раскрывалась все реже. Рядом с тетрадью вскоре появились две подробные карты — Восточной Европы и Франции, курвиметр и стопка менявшихся книг по истории первой мировой войны из Ленинской библиотеки. Если они не разрешали сомнений или возбуждали новые, в отдельной тетрадке с надписью на обложке «Проверить» он записывал в нескольких словах суть и помечал: «У историков (таких-то, там-то) — иначе», и очень кратко — как.

Году в 62-ом у нас в доме побывал удивительный гость — товарищ отца по экспедиционному корпусу, диковинный человек, очень уж не похожий на всех когда-либо виденных и потому запомнившийся. Высокий, сухощавый, лысый старик (он показался мне много старше папы) в черной паре с черным галстуком бабочкой необыкновенных размеров — как бант у первоклассницы. Изъяснялся он каким-то полупонятным старинным слогом, вставляя французские слова и подчеркнуто грассируя. Не знаю, о чем они с папой проговорили все воскресенье, но, судя по сердечному прощанию и прекрасному настроению обоих, беседа была крайне занимательной. Жаль, конечно, что я тогда не расспросила папу об этом человеке, похожем не то на члена Государственной Думы (такое у меня в ту пору было о них представление), не то на провинциального трагика. Не знаю, как сложилась его судьба после возвращения из Франции, не знаю даже имени. Запомнились пустяки — бант и проповедь вегетарианства за обедом.

Папа никогда не говорил о книге. Если спрашивали, отмалчивался, но иногда, как бы вне связи со своей работой, рассказывал какой-нибудь уже написанный или только обдумываемый эпизод. Но бывало это не часто.

В последнюю поездку в Одессу летом 66-го, словно прощаясь, папа обошел все с детства памятные места. Показал маме дом купца Припускова, улицу и дом, где жила семья дяди Миши, закоулки Одессы товарной, Аркадиевку и гавань. Миновали они только площадь, на которой по правилу о дважды героях стоит папин бюст работы Вучетича.

— Посмотрим? — предложила мама, когда оставалось только свернуть за угол.

— Иди одна, если хочешь.

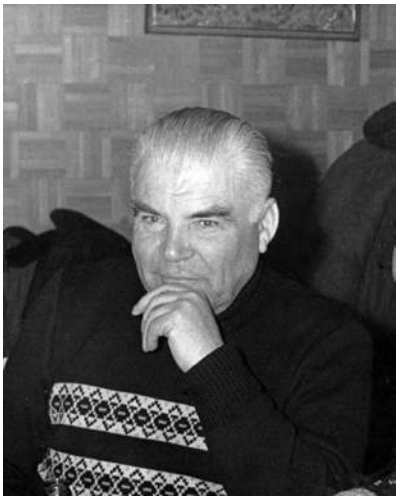
И, думаю, дело не в том, нравилось ему или нет сделанное Вучетичем. Не стоять же и в самом деле перед собственным бронзовым изваянием.

Зашли они в тот день и к сыну дяди Миши, папиному двоюродному брату Вадиму Михайловичу Данилову, вспомнили первую после детства и последнюю встречу отца с дядей Мишей в день освобождения Одессы, 10 апреля 1944 года. О ней мне рассказывал очевидец — Анатолий Иннокентьевич Феденев, в ту пору офицер для особых поручений при командующем фронтом:

«Родион Яковлевич, объяснил шоферу, как ехать, и мы сразу нашли тот дом на окраине Одессы. Вышли, собрался народ. Я хотел было спросить о Данилове, но Родион Яковлевич уже шагнул стоящему поодаль старику: «Не узнаешь меня, дядя Миша?». Михаил Александрович, хоть и знал об удивительной судьбе двоюродного племянника, все же никак не мог поверить, что стоящий перед ним боевой генерал и есть тот самый «бедный родственник», мальчишка на побегушках».

И все-таки, почему не мемуары? И почему не о главном — не о второй мировой? Этими вопросами задавались все знавшие, о чем пишет папа, а их было немного. Человек вообще замкнутый, он не делился замыслами, не спрашивал совета и не вдавался в объяснения. Если бы успел довести работу до конца, наверное, объяснил бы, почему ему естественнее было писать о себе как о другом человеке. Не кончив, говорить бы не стал, считая пустыми рассуждения о том, что не сделано.

Думаю, ему нужна была дистанция между им самим и героем и обусловленные ею свобода и отстраненность, но, кроме того, мне кажется, этот взгляд на свою судьбу, как на чужую, отвечал его замыслу — исследовать, как складывается человек, как он становится собой; понять, что в нем от времени, что от других людей, что от своей воли, что от случая. И потому начинать надо было с начала — все запавшее в душу еще отозвалось бы, рано или поздно.



Р.Я. Малиновский, Завидово, 1966 г.

Естественно предположить, что с той же обстоятельностью, так же документировано и неторопливо папа принялся бы за «набросок» второй части. Уже лежали на столе новые карты и большая стопка редких изданий — книг о гражданской войне из спецхрана Ленинки. Они не пригодились. Осенью 1966 года папа отдал на машинку законченное — первую часть, но работать над книгой дальше и даже просто вычитать рукопись ему уже не пришлось.

Ни единого дня папа не был в отставке, ни дня не располагал собой, а ведь случись отставка или опала, ему бы не пришлось искать себе занятие: у него была книга — призвание и долг. Он торопился к своим тетрадям каждый вечер, забросив и шахматные задачи, и французских афористов, и даже рыбалку. А в ящике стола ждала своего часа особая папка с документами времен второй мировой. Он откладывал их еще тогда — на каждом листе под грифом «Секретно» надписано «NB! В мою особую папку». И книга о второй мировой была бы написана — если бы только жизнь длилась...

Недавно, уже после столетия, папин адъютант Всеволод Николаевич Васильев рассказал мне, что видел и даже читал папину тетрадь с заметками о первых месяцах войны. Его поразила эта рукопись: «Я сам фронтовик, и могу сказать, что ни до, ни после не читал ничего столь же правдивого». А в начале 66-го, — рассказывает Всеволод Николаевич, — Родион Яковлевич, словно продолжая разговор с самим собой, сказал: «Еще год дослужу и уйду — пора мне исполнять долг перед войной». Речь шла о второй мировой. Слишком поздно узнала я о существовании этой тетрадки, когда спрашивать, отчего их не отдали нам после папиной смерти и куда они подевались из служебного кабинета, было бессмысленно, да и не у кого. И даже если папа принес тетрадку домой, вряд ли она бы сохранилась. Еще до похорон к нам пришли люди в штатском снимать аппараты правительственной связи — вертушку и кремлевку. Они же вынули из его стола и забрали все бумаги, а заодно и «рассылаемые по специальному списку» книги из папиного шкафа. Две или три, лежавшие у меня в комнате, — Гароди, «По ком звонит колокол» — так и остались, но кто же знал, что отцовские бумаги надо было просто переложить...

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ВОЗНЕСЕНСКИЙ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОБЕДА СССР В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Винслав Юрий Болеславович, *68 лет,*
доктор экономических наук, профессор,
действительный член Академии менеджмента
и бизнес-администрирования,
эксперт Государственной Комиссии
по военно-промышленным вопросам,

Иванченко Василий Матвеевич, *95 лет,*
доктор экономических наук, профессор,
Заслуженный экономист РФ,
главный научный сотрудник Института экономики РАН,
в 1979–1981 гг. — начальник Отдела новых методов
планирования и экономического развития
Госплана СССР,
г. Москва

Победа СССР в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. явилась важнейшим событием всемирной истории XX столетия, продемонстрировала не только стойкость духа советских воинов, но и эффективность планово-централизованной системы хозяйствования, способной концентрировать все виды ресурсов для решения задач обеспечения национальной безопасности и отражения внешних угроз. Уже в предвоенный период введение плановых начал в хозяйственную жизнь страны позволило достичь высоких экономических темпов роста: в 1930-е годы промышленное производство увеличивалось ежегодно в среднем на 17 %. Благодаря этим темпам СССР по объемам промышленного производства в 1937 г. вышел на 1-е место в Европе и на 2-е место в мире (после США). Были созданы тракторная, автомобильная, авиационная отрасли промышленности, приборостроение, освоены для промышленных нужд крупные месторождения угля, нефти, железной и марганцевой руд, цветных металлов.

Угроза нападения на СССР со стороны империалистических государств обусловила особую актуальность развития таких оборонных отраслей промышленности, как самолетостроение, судостроение, танкостроение, производство боеприпасов и стрелкового оружия. Так, в предвоенные годы темпы роста оборонного бюджета более чем вдвое обгоняли общую динамику бюджетных расходов по народному хозяйству в целом; сама военная промышленность развивалась втрое бы-

стрее, чем гражданские отрасли. И тем не менее времени для столь необходимого обеспечения военно-технического паритета с гитлеровской Германией явно не хватало — на немецких заводах в предвоенный период производилось гораздо больше автоматического оружия, боеприпасов, средних танков и самолетов с высокими тактико-техническими характеристиками.

Нападение фашистской Германии на нашу страну обусловило создание 30 июня 1941 г. высшего чрезвычайного органа власти — Государственного комитета обороны (ГКО). Его директивы по номенклатуре и объемам поставок вооружений и военной техники для нужд Красной Армии были обязательными для деятельности Совета народных комиссаров (СНК СССР) — высшего исполнительного органа власти страны, координирующего работу подведомственных наркоматов и Государственного планового комитета (Госплана).

Выдающуюся роль в обеспечении планомерной мобилизации экономики страны на нужды Красной Армии сыграл Николай Алексеевич Вознесенский (1903–1950) — председатель Госплана СССР, член ГКО, отвечающий за развитие отраслей оборонно-промышленного комплекса [1, с.156–161]. По сути, Н.А. Вознесенский стал тем экономическим стратегом, который возглавил сложнейшую работу большого коллектива ученых и специалистов по успешному формированию обоснованных и скоординированных планов концентрации финансовых, материальных и трудовых ресурсов страны на решение задач обеспечения превосходства Красной Армии в количестве и качестве вооружений и военной техники. Так, по поручению ГКО специальная комиссия во главе с Н.А. Вознесенским уже к августу 1941 г. разработала военно-хозяйственный план функционирования экономики на IV квартал 1941 г. и на 1942 г. [2, с.162–167]. В основе плана — ускоренный рост производства всех видов вооружений и боеприпасов; интенсификация использования экономического потенциала Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана, Средней Азии; перевод на восток оборонных и машиностроительных предприятий. Предусматривалась эвакуация населения, промышленного оборудования, других материальных ценностей из западных районов страны (находившихся под угрозой вражеской оккупации) в глубокий тыл, на восток страны. Намечалось форсированное строительство ряда машиностроительных заводов с перспективой их ввода в 1942 г., запуск новых мощностей на электростанциях Поволжья, Урала, Западной Сибири, Узбекистана и Казахстана. В 1942 г. в соответствии с планом должно быть обеспечено завершение перевода народного хозяйства СССР на военные рельсы и всемерное наращивание военно-экономического потенциала в восточных районах страны.

Н.А. Вознесенский

Под руководством Н.А. Вознесенского структура Госплана СССР была преобразована с учетом новых задач: были созданы отделы вооружения, боеприпасов, судостроения, авиационной и танковой промышленности, которые разрабатывали задания по выпуску военной продукции всеми предприятиями независимо от ведомственной подчинённости, контролировали их материально-техническое обеспечение и выполнение ими установленных планов; основаны подразделения по учёту и распределению материальных ресурсов и рабочей силы. Количество разрабатываемых Госпланом материальных балансов увеличилось в 2 раза по сравнению с довоенным временем. Как единый плановый документ составлялись баланс и план распределения трудовых ресурсов в территориальном разрезе. Кроме того, разрабатывались баланс молодежи и баланс квалифицированных кадров, включавший в себя окончивших учебные заведения трудовых резервов, а также рабочих, подготовленных непосредственно на производстве путём индивидуального, бригадного и курсового обучения. Составлялись планы трудовой мобилизации населения, а также мобилизации молодежи на учёбу в фабрично-заводские школы и ремесленные училища, по окончании которых молодые рабочие в плановом порядке распределялись по предприятиям.

Наряду с увеличением перечня централизованно планируемых видов продукции максимально целенаправленно осуществлялось распределение капитальных вложений. Они направлялись в первую очередь на сооружение зданий для эвакуированных в восточные р-ны страны предприятий, строительство предприятий военной промышленности, черной металлургии, топливной промышленности, электростанций, объектов железнодорожного транспорта.

Государственный народнохозяйственный план на 1943 г. исходил из необходимости наращивания экономического потенциала в восточных районах страны; кроме того предусматривал восстановление наиболее важных объектов в освобожденных от оккупации районах страны. Согласно плану, продукция оборонных отраслей промышленности в 1943 г. должна была в 2,24 раза превысить показатели 1940 г. Реализация плановых заданий 1943 г. ознаменовала преодоление критического промышленно-экономического спада, произошедшего в конце 1941 – начале 1942 гг. Позитивные экономические тенденции были закреплены в государственных планах экономиче-

ского развития страны на 1944 и 1945 гг. Так, в 1944 г. объем производства военной продукции превысил уровень 1940 г. в 3,1 раза. Началось возрождение гражданских отраслей народного хозяйства. Национальный доход увеличился в 1944 г. по сравнению с 1943 г. на 19 %, валовая продукция промышленности — на 15 %, капитальные вложения — на 36 %. Уже в 1944 г. начался заметный рост производства многих товаров народного потребления: тканей, обуви, сельхозпродуктов.

Наращивание военно-экономического потенциала страны требовало самоотверженных усилий тружеников тыла. Так, в октябре 1941 г. жителями Тулы проводилась огромная работа по эвакуации заводов города. За 15 дней только с оборонных предприятий было отправлено 866 железнодорожных вагонов с оборудованием и материалами; всего было вывезено 22 тыс. единиц техники, 20 тыс. т металла и других ценных материалов. Во время осады города под бомбежками и артиллерийским огнем противника тульские промышленники организовали ремонт танков, орудий, пулеметов, изготовили более 400 станковых пулеметов и свыше 1 тыс. винтовок. Например, несмотря на эвакуацию основного производства, работники Тульского оружейного завода в ноябре-декабре собрали из оставшихся на заводе деталей и сдали частям Красной Армии, оборонявшим Тулу, 432 пулемета, 1156 снайперских винтовок, более 1000 револьверов и пистолетов, было отремонтировано 608 винтовок, 196 пулеметов, 43 пушки крупного калибра [3, с.731–732].

Значительный объем финансовых ресурсов, столь необходимых для победы в войне, был привлечен за счет широкого участия населения в формировании доходов бюджета. Так, большинство населения подписывалось на военные займы, введенные в период 1942–1945 гг. (выпускались сроком на 20 лет из расчета 4 % годовых в среднем на срок займа). Подписка проводилась в большинстве случаев на сумму 1-2 месячных заработка, таким образом, в целом за указанный период выпускная сумма займа составила 72 млрд. рублей. Стоит также указать, что с 1 января 1942 г. для финансирования нужд войны в стране был введен военный налог, который уплачивали все трудящиеся (кроме военнослужащих), достигших 18 лет. За счет этого было мобилизовано в доходы бюджета за годы войны более 72 млрд. рублей.

Обеспечивалась высокая степень мобилизации трудовых ресурсов для нужд обороны. Так, в декабре 1941 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий», в соответствии с которым все занятые на данных предприятиях (включая кооперированные заводы) считались мобилизованными на период войны. Приоритетными для мобилизации были объявлены сле-

дующие отрасли: авиационная, танковая, вооружения и боеприпасов, металлургическая, химическая, топливная. В связи с уходом кадровых специалистов в армию особую остроту приобрела проблема подготовки квалифицированных рабочих. В декабре 1941 г. был разработан план такой подготовки по 31 наркомату и ведомству на 1-й квартал 1942 г., рассчитанный на обучение на краткосрочных курсах. Была создана сеть ремесленных и железнодорожных училищ и школ фабрично-заводского обучения, выпускники которых распределялись на отраслям и районам на основе государственного плана. Первый выпуск училищ и школ системы трудовых резервов в мае-июне 1941 г. дал народному хозяйству около 440 тыс. квалифицированных молодых рабочих. Подготовка специалистов со средним специальным образованием (в основном в техникумах) осуществлялась более чем по 300 специальностям. На 1 января 1941 г. в народном хозяйстве работало около 1,5 млн выпускников этих учебных заведений, 909 тыс. специалистов с высшим образованием, в том числе около 295 тыс. инженеров.

Наращивание военно-экономического потенциала страны обеспечило, начиная с конца 1942 г. заметное повышение огневой и ударной мощи Красной Армии. В 1943 г. был достигнут перелом в развитии военной экономики: выпуск вооружений и военной техники вырос по сравнению с 1942 г. на 20%, выплавка чугуна — на 17%, добыча угля — на 23%. К середине 1943 г. в Советских Вооруженных Силах по сравнению с концом 1942 г. количество вооружения возросло в 1,3 раза, бронетанковой техники — в 1,4 раза, самолетов — в 2,3 раза. Советская Армия превосходила фашистские войска по танкам и артиллерии почти в 2 раза, по самолетам — в 3 раза. К началу зимней кампании 1943 г. Красная Армия превосходила противника в орудиях и минометах почти в 4 раза, в танках — в 3 раза, в боевых самолетах — в 8 раз.

Особо следует подчеркнуть, что наращивание объемных показателей обеспечивалось военной промышленностью не только посредством интенсификации труда и повышения коэффициента сменности оборудования, но и на основе задействования факторов научно-технического прогресса. К последним можно отнести: массовое применение литья в постоянные металлические формы (кокили), развитие центробежного литья (в том числе в производстве орудийных стволов), широкое использование штампо-сварных конструкций взамен литых, внедрение высокопроизводительной автоматической электросварки по методу академика Патона, и др. Соблюдение жестких графиков сдачи изделий вооружений и военной техники потребовало организации поточных методов производства отдельных узлов и агрегатов; так, на Кировском заводе в Челябинске до 70% оборудования для изготовления танка (Т-34) было переведено на поток. Росту объемных показа-

телей и производительности труда на военных заводах способствовала целенаправленная напряженная работа конструкторских бюро по унификации и стандартизации деталей, узлов и агрегатов спецтехники. Себестоимость всех видов военно-промышленной продукции в 1940-1944 гг. снизилась в среднем вдвое, в 2–2,5 раза за это время выросла выработка на одного работающего соответствующей продукции наиболее массовых видов [4, с.12–23].

В целом структурная организация военной промышленности, включавшая ряд относительно самостоятельных производственно-технологических комплексов, себя оправдала. Эти комплексы (специализированные наркоматы) обеспечивали в годы войны более двух третей общего производства в стране вооружений и военной техники, сохраняя при этом определенную часть (6-12%) гражданских производственных мощностей. В то же время ярко выраженную оборонную специализацию получили многие заводы, формально не входившие в систему военных наркоматов (например, на оборону работала практически вся электропромышленность). От ряда гражданских наркоматов требовалась определенная перестройка технологического процесса, связанная с улучшением качественных параметров стали, бензина, дизельного топлива и т.д.

В общем объеме валового выпуска спецтехники наибольшая доля в период войны пришлась на авиапром. В 1941-1944 гг. количество ее заводов увеличилось со 136 до 164, численность работников — с 450,4 тыс. до 732 тыс., число металлорежущих станков — с 58 тыс. до 87 тыс. Авиационные заводы довели поставки самолетов в армию до 30 с лишним тысяч штук в год, что, в конечном счете, обусловило полное превосходство советских летчиков в воздухе.

Промышленность вооружений обеспечила за годы войны более чем двукратный рост объемов валовой продукции при относительно небольшом увеличении численности работающих (в 1940-1944 гг. — на 10%); количество артиллерийских и оружейных заводов отрасли возросло с 43 до 64 единиц. На большинстве из них удалось отладить полный технологический цикл производства: от выплавки стали до сборки финальных изделий. Широкое распространение получило использование заменителей сплавов цветных металлов, бессемеровского стального литья (вместо электросталей), ковкого чугуна (взамен фасонного литья), новых марок сталей. В годы войны отрасль произвела около 11 тыс. реактивных установок (знаменитых «Катюш»), 2,7 млн. реактивных снарядов, 505,5 тыс. различных артиллерийских систем, 363 тыс. минометов, 13 млн. винтовок и 1,5 млн. пулеметов. По среднегодовому производству полевых орудий крупного калибра СССР превзошел гитлеровскую Германию в 2,2 раза, а по выпуску минометов — впятеро [5, с.175].

Полный производственный цикл был характерен и для ведущих предприятий бронетанковой промышленности, главным вкладом которой в Победу стало налаживание серийного производства среднего танка «Т-34». Конструкторские бюро отрасли за годы войны разработали 27 образцов новых и модернизированных танков, из которых 18 оказались востребованы действующей армией. Тактико-технические параметры советских танков в целом превосходили немецкие аналоги.

Огромной являлась потребность Красной Армии в боеприпасах; на ее удовлетворение работали предприятия не только соответствующего наркомата, но также наркоматов путей сообщения, тяжелого машиностроения, текстильной и судостроительной промышленности — всего 1124 завода. В 1941-1945 гг. они изготовили около 23 млрд. штук патронов и более 1 млрд. штук комплектных боеприпасов (артиллерийских и минометных снарядов, морских торпед, авиабомб, противопехотных мин, и др.); дефицит мощностей по производству порохов покрывался поставками по ленд-лизу. Организация производства боеприпасов базировалась как на высокой концентрации (функционировали головные комбинаты отрасли), так и на рациональном кооперировании и специализации. К ведущим предприятиям Наркомата боеприпасов прикреплялись группы организаций-поставщиков, причем соответствующая совместная деятельность по производству финальных изделий спецтехники организовывалась на базе единых производственно-финансовых планов.

В целом же экономическая победа СССР над фашистской Германией продемонстрировала: выбранный путь индустриализации страны при ведущей роли развертывания оборонной промышленности оказался правильным. В предвоенный и военный периоды эта промышленность выполняла роль локомотива развития всей экономики. Даже в самые трудные годы Великой Отечественной многие НИИ и КБ отраслей военной индустрии активно занимались перспективными прорывными НИОКР (включая разработку реактивных двигателей и исследования в области атомной энергетики), что имело ключевое стратегическое значение для развития послевоенной экономики. Данная победа выглядит еще более убедительной на фоне того, что в 1940 г. промышленный потенциал Германии заметно превосходил советский: по наличному станочному парку — в 2,5 раза, по числу работников, занятых в промышленности — почти в 1,5 раза. Германия (в границах 1937 г.) добывала угля в 2,5 раза больше, чем СССР, превосходила СССР по производству электроэнергии, стали, алюминия, занимала 1-е место в Европе по добыче угля и выплавке стали. На военную экономику Германии «работали» ресурсы ее сателлитов: Румынии (нефть), Венгрии (нефть, бокситы), Финляндии (лес). Ценное для ведения войны сырье поступало в распоряжение Германии из нейтральной Швеции (сталь железная руда, целлюлоза) и формально нейтральных Испании и Португалии

(вольфрам). Увеличению военно-экономического потенциала Германии способствовало использование ресурсов оккупированных европейских стран: Франции, Австрии, Бельгии, Голландии, Чехословакии, Дании.

И, тем не менее, историческая справедливость восторжествовала — захватчики были повержены, хотя и ценой огромных человеческих и материальных потерь. Бесстрашие, воля и стойкость советского народа, стратегическое видение военачальников и руководителей народного хозяйства, творческое использование планово-централизованных начал в управлении экономикой, обеспечивших концентрацию ресурсов на промышленных приоритетах — все эти факторы были на стороне СССР — победителя в смертельной схватке с фашизмом.

Литература

1. *Иванченко В.* Стратег экономической победы над фашизмом и восстановления народного хозяйства // Все для фронта, все для победы! Научно-публицистический сборник /Научный редактор Ю.В. Якутин. — М.: Издательский дом «Экономическая газета», Российский экономический журнал, 2010.
2. *Вознесенский Л.* В экономическом штабе страны // Все для фронта, все для победы! Научно-публицистический сборник /Научный редактор Ю.В. Якутин. — М.: Издательский дом «Экономическая газета», Российский экономический журнал. 2010.
3. Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия. / Гл.ред. М.М. Козлов. — М.: Советская энциклопедия, 1985.
4. *Винслав Ю.* Советская оборонная промышленность: из предвоенной, военной и послевоенной истории организации и управления // Российский экономический журнал. — 2010. — № 1.
5. *Винслав Ю.* Организация оборонной промышленности в период Великой отечественной войны. Все для фронта, все для победы! Научно-публицистический сборник /Научный редактор Ю.В. Якутин. — М.: Издательский дом «Экономическая газета», Российский экономический журнал, 2010.

НАСЛЕДНИКИ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

Протоиерей Виктор Рябовол, *57 лет,*
настоятель храма святого благоверного
князя Александра Невского,
г. Тула

Когда еще только формировалась нынешняя община тульского храма святого благоверного великого князя Александра Невского, а сам

храм, обезображенный трубами и различными пристройками, был занят хлебозаводом, группой единомышленников, обивавших пороги городских учреждений с ходатайством о возвращении храма верующим, уже вынашивалась идея будущей воскресной школы с военно-патриотическим воспитанием. Почему — военно-патриотическим?

Во-первых, к этому обязывала сама личность великого русского святого, воина, полководца — Александра Невского. Как же может храм, носящий его имя, не воспитывать будущих защитников Родины, готовых, как и святой князь, жизнь свою положить «за други своя»? Во-вторых, мы понимали, что современным мальчишкам проще будет войти в жизнь церковного прихода через практические дела, близкие им по возрасту и интересам, через занятия, укрепляющие тело и воспитывающие волю, характер. К тому же, в числе будущего приходского ядра оказались люди, способные передать свои навыки, свой опыт — воинский, спортивный — молодежи. И так получилось, что воскресная школа такого профиля начала активно действовать уже тогда, когда богослужения — молебны — еще проводились во временном помещении…

И вот наступил радостный и долгожданный день — хлебозавод окончательно выехал, здание, основательно изуродованное, передано, вернее, возвращено — Церкви. Это произошло в марте 2003 года.

Тут нужно сделать отступление, совершить небольшой экскурс в историю и рассказать, чем же был знаменит в Туле храм святого Александра Невского, или, как называли его современники в XIX веке, «Александро-Невская, что на плац-парадном месте города Тулы, церковь»…

Храм был сооружен на капитал, завещанный купцом Евфимием Харитоновичем Кучиным, в честь святого покровителя Царя-освободителя Александра II в 1885 году; освящен в 1886-м. Он был построен на тогдашней окраине Тулы, населенной по преимуществу людьми небогатыми; «плац-парадом» называлась небольшая площадь, на ко-

Храм святого благоверного великого князя Александра Невского, современный облик

торой до 80-х годов XIX века проводились строевые занятия и смотры войск Тульского гарнизона…

Первым настоятелем храма стал замечательный священник, протоиерей Петр Филиппович Бельковский, впоследствии — священномученик Алексий, архиепископ Великоустюжский.

В числе наиболее активных прихожан оказался Андрей Андреевич Любомудров. Человек, в Туле известный, уважаемый: несколько лет он избирался гласным городской Думы, был городским головой. Ревностный христианин, активный общественный деятель, талантливый публицист… Много лет он был бессменным старостой храма, председателем его церковно-приходского Попечительства. Много добрых дел с его участием было на счету Попечительства: это и забота о благоукрашении самого храма, и забота о духовном здравии прихожан. В церковно-приходской школе бедные ученики получали бесплатно учебники и горячие обеды; за все время существования школы в ней проучилось 1683 учащихся, окончили курс с получением свидетельства 239 человек; в 1902 году было открыто отделение для девочек. При храме была устроена богадельня для призрения[1] одиноких престарелых женщин; работала библиотека-читальня, которая постоянно пополнялась литературой духовно-нравственного содержания… Просвещение народа осуществлялось не только во время проповедей и поучений, произносимых в храме священниками, но и во время духовных бесед, которые проводились для взрослых и собирали большое число слушателей.

В годы Первой мировой войны наш храм не остался в стороне от всенародной беды. В сохранившихся от того времени приходских документах читаем: «Церковно-приходское попечительство при Александро-Невской города Тулы, что на плац-парадной площади, церкви в экстренном заседании, проходившем 2 августа 1914 года, постановило: принять участие в устраиваемом Тульской общиною сестер милосердия для больных и раненых воинов лазарете, для чего ассигновало на оборудование одной койки 40 рублей и на содержание оной по 25 рублей в месяц со дня открытия лазарета на все время войны». Для небогатого прихода это были немалые суммы.

После революции храм постигла та же участь, что и большинство храмов в нашей стране: в 1930 году он был закрыт, но, к счастью, не стерт с лица земли. Последним его «владельцем» стал тульский хлебозавод № 4.

Итак, с первых же дней существования общины нашего храма мы задумались о том, как воспитывать в духе Православия и любви к Отчизне, гордости ее славным прошлым нынешнее подрастающее поколение. Ведь именно от него зависит сегодня судьба нашей страны,

[1] Призрение – присмотр, приют и пропитанье, забота о нуждах ближнего. – *Прим. ред.*

Служба в возрожденном храме

судьба России: от того, какими идеалами будут руководствоваться в своей жизни сегодняшние дети и подростки, что они смогут передать своим детям и внукам… И тут Сам Господь дал нам в этом деле добрых помощников: образец жизни и служения Отчизне в лице святого покровителя нашего храма благоверного князя Александра Невского, и ветеранов Великой Отечественной войны, кавалеров ордена Александра Невского, тех, кто своим ратным подвигом воплотил святые идеалы в жизнь…

Чем так дорог современному русскому человеку святой князь Александр Невский, имя которого в 2008 году стало символом, «именем» самой России»? Мы знаем из его жития, что он родился 30 мая 1220 года в городе Переславле-Залесском. Отец его, Ярослав, в крещении Феодор, был младшим сыном Всеволода III Большое Гнездо. Мать святого Александра, Феодосия Игоревна, рязанская княжна — тоже во святых, тоже Богу угодившая, молившаяся о своих детях. Когда Александру было три года, он прошел обряд посвящения в воины у епископа Симона, того самого, кто написал Киево-Печерский Патерик и воочию знал многих отцов преподобных, и слово которого и благословение были великой силой Божией. И сей прозорливый духоносный старец тогда сказал: родился великий воин и защитник Отечества и Церкви Христовой, — что на самом деле и явилось потом во всей его жизни.

Жизнь святого князя Александра была короткая, но яркая; жизнь, исполненная смысла, страданий, любви… Он прошел сей путь с молитвою, с благодарностью Богу, без всякого ропота. Исполнена великой благодати была жизнь его с самого детства. Родитель его, святой благоверный великий князь Ярослав Всеволодович, по характеру был воинственный и в то же время любвеобильный, ласковый, добрый, отходчивый. Такими чертами можно обрисовать тип русского человека, который никому не желал зла, а желал добра, а если приходили несчастья, невзгоды, то все переносил достойно.

В 16-летнем возрасте Александр был взят отцом в Новгород, и отвечал уже как взрослый, как подобает отвечать мужчине, за все те деяния, которые там происходили. Именно ответственность за свои поступки выковала в нем великого деятеля — князя, который себя не жалел, не смотрел на свои интересы, а смотрел на интересы тех, кого ему доверил Господь...

А ведь чего только не было в его жизни! Хватало и клеветы людской. Можно было озлобиться, сказать: да управляйтесь вы сами, делайте, что хотите! Нет! Как только случалась беда, снова звали его на княжество, и он не помнил зла, приходил. Бояре хотели выгадать для себя, а простой народ страдал. И ради этого простого русского народа он шел, не помня зла, к тем же боярам — и молился за них. Молился, чтобы не было в нем ненависти к ним, чтобы не «вставал бес пред лице его», потому что человек, который находится в ненависти, не может молиться истинно — с ним нет Бога. Первую битву он должен выиграть... в собственном сердце. И Александр эту победу одержал.

...Начиналось трудное время в истории Руси: с востока шли монгольские орды, с запада надвигались рыцарские полчища. Воспользовавшись нашествием Батыя, крестоносцы вторглись в пределы нашего Отечества. Множество шведских кораблей под командованием Биргера подошло к Неве. Александр, ему не было тогда еще и 20 лет, долго молился в новгородском храме Святой Софии. Архиепископ Спиридон благословил его и воинство все на брань. Выйдя из храма, князь укрепил дружину исполненными веры словами псалмопевца Давида — а надо сказать, что русские князья хорошо знали Священное Писание: «Не в силе Бог, а в правде. Иные — с оружием, иные — на конях, а мы Имя Господа Бога нашего призовем!» С небольшой дружиной князь пошел на врагов. И было чудное предзнаменование: стоявший в морском дозоре воин видел на рассвете ладью, плывущую по морю, и в ней святых мучеников-страстотерпцев Бориса и Глеба, молящихся о сроднике своем Александре... «И была сеча великая с латинянами, и перебил их бесчисленное множество, и самому предводителю возложил печать на лицо острым копьем». За эту победу на реке Неве, одержанную 15 июля 1240 года, народ и назвал святого князя Александра Невским...

Были и другие победы: в 1241 году князь Александр вернул древнюю русскую крепость Копорье, изгнав из нее немецких рыцарей. В 1242 году освободил Псков, а 5 апреля того же года разгромил Тевтонский орден крестоносцев на льду Чудского озера.

После того, как западные пределы Русской земли были надежно ограждены, настало время обезопасить Русь с востока. И в 1242 году святой Александр Невский со своим отцом Ярославом выехал в Орду. Священную миссию защитников Русской Земли Господь увенчал успе-

хом, но на это потребовались годы трудов и жертв. Отец Александра, князь Ярослав, отдал за это жизнь. Завещанный им союз с Золотой Ордой — необходимый тогда для предотвращения нового разгрома Руси — продолжал крепить его сын, святой Александр Невский. Не раз приходилось ему отправляться с «дипломатической миссией» в Орду, чтобы отвести от русских земель нашествие татар. В 1253 году он отразил новый набег на Псков, в 1254 году заключил договор о мирных границах с Норвегией, в 1256 -м ходил в поход в финскую землю. В тьму язычества святой Александр нес свет Евангельской проповеди и православной культуры; вся Поморская земля была просвещена и освоена русскими…

В 1256 году умер хан Батый. Александр в третий раз поехал в Сарай, чтобы подтвердить мирные отношения Руси и Орды с новым ханом Берке. В 1261 году стараниями святого Александра и митрополита Кирилла была учреждена в Сарае, столице Золотой Орды, епархия Русской Православной Церкви…

Наступила эпоха великой христианизации языческого Востока, и в этом было пророчески угаданное святым Александром Невским историческое призвание Руси. В 1262 году во многих русских городах были перебиты татарские сборщики дани — баскаки. Ждали татарской мести. Но великий заступник народа вновь поехал в Орду и мудро направил события в иное русло: ссылаясь на восстание русских, хан Берке перестал посылать дань в Монголию и провозгласил Золотую Орду самостоятельным государством, сделав ее тем самым заслоном для Руси с востока…

Эта дипломатическая поездка святого Александра Невского в Сарай была четвертой и последней. На обратном пути, не доезжая до Владимира, в Городце, князь-подвижник предал свой дух Господу 14 ноября 1263 года, завершив многотрудный жизненный путь принятием иноческой схимы с именем Алексий. Святое тело его понесли к Владимиру. Девять дней длился путь до Владимира, до Рождественского монастыря, где было отпевание.

Сразу же началось великое почитание его в земле Владимирской. Церковное же прославление было в 1548 году, при Иоанне Грозном и святителе Макарии, на одном из Соборов.

Вот такой у нас великий святой покровитель: и бесстрашный воин, и мудрый правитель, и защитник обиженных, радеющий о народе… И великий молитвенник, истинный христианин, несущий людям свет веры Христовой. На примере его жизни учимся мы и учим молодежь; огромное панно с кратким жизнеописанием и подвигами святого князя, установленное на стене приходского здания, постоянно напоминает нам о служении и подвигах нашего небесного защитника.

А в другом месте церковного двора смотрят на всех приходящих со своих портретов люди, своей жизнью доказавшие, что они являются

духовными наследниками святого князя. На стенде с именами и портретами ветеранов Великой Отечественной войны, кавалеров ордена Александра Невского, сегодня уже 160 имен туляков.

Сегодня, как и во времена жизни святого Александра Невского, Россия находится на изломе своего существования. Возрождение исконных, духовных традиций народа — обязательное условие нравственного, духовного и экономического подъема нашей страны. Сегодня для всех очевидно, что благодарная память потомков — это неотъемлемая часть русской национальной традиции. И Великая Отечественная война — еще одна зарубка на сердце каждого русского человека, любящего свою Родину. Никогда, покуда стоит земля наша Русская, не умрет в нас память об этой войне. Не умрет и благодарность нашим отцам и дедам, отстоявшим для нас нашу землю, передавшим нам ее в наследство — свободной.

Нам бы очень хотелось, чтобы и наше поколение, и наши дети и внуки были достойны наших замечательных ветеранов. Вот для этого — в том числе и для этого! — мы приглашаем ветеранов к нам в храм на наши храмовые праздники, одним из которых по традиции стал день 12 июня — в новейшей истории нашей страны названный «Днем России», но промыслительно совпавший с днем рождения святого князя Александра Невского.

Наша первая встреча состоялась 12 июня 2003 года. Храм только что открылся, всюду были руины, развалины, стояли печи, было холодно. Но в то же время такое воодушевление было в душах собравшихся, такая была радость от этой встречи! Уже тогда почувствовалось: есть самое главное — жизнь в этом храме. И эту жизнь передали нам наши ветераны. Я сказал тогда о смысле наших встреч: главное — чтобы наше молодое поколение встречалось с ветеранами у святыни, у Александра Невского, ведь сам святой князь, веруем, незримо присутствует среди нас и как бы соединяет поколения…

Все, кто приходил и приходит в храм, идут с любовью, с любовью к святому. Наши ветераны засвидетельствовали об этой любви своим подвигом, который они понесли в Великую Отечественную. Они сражались не за награды, они сражались за Правду. Правду, которая жила, живет и будет жить. Это та Правда, о которой сказал святой князь: «Не в силе Бог, а в правде». Иногда ребята, которые приходят в храм, задают вопрос: а в чем правда? За что следует отдавать свою жизнь? И мы говорим им: правда в том, что Русь — жива. Нас не победить, покуда дети сознают, что они — наследники великой Руси, что они имеют славных отцов и дедов, умевших побеждать даже малым числом. Которые все делали для того, чтобы спасти Россию, выполняя, по сути, завет Христа, сказавшего: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя». Правда в том, что у нас

святые корни, что наша вера Православная — истинная вера, которая соединяет нас с Небом и дает нам силы для жизни, для хороших дел; а дела наши только тогда и хороши, когда мы с Богом…

Михаил Михайлович Стрельников

В 2003 году в храм, еще лежавший в руинах, пришли кавалеры ордена Александра Невского: Михаил Михайлович Стрельников, Иван Дмитриевич Распопов, Михаил Павлович Фонарев, Евгений Павлович Митькин, Григорий Яковлевич Куницкий, Анатолий Лаврентьевич Стукачев, Георгий Иванович Солопиченко, Андрей Михайлович Снижко… Через год пришедших было уже тринадцать. Но время неумолимо, ряды этих замечательных людей с каждым годом редеют. И мы благодарны Богу, что успели узнать и услышать хотя бы некоторых из них, памятью о которых мне и хотелось бы поделиться.

Прежде хочу остановиться на том, что означает сам этот знак отличия — орден Александра Невского.

Орден Александра Невского стал единственным орденом СССР, унаследовавшим название своего дореволюционного предшественника (исключив слово «святого»). 3 июня 1725 года, согласно с волей Петра Первого, его супруга императрица Екатерина I учредила орден в честь Святого Благоверного Великого князя Александра Невского. Орден Святого Александра Невского был задуман Императором в последние годы его жизни как чисто военный, поэтому Петр и полагал дать ему имя князя, прославленного ратными подвигами на поприще защиты Отечества. Но впоследствии орден, задуманный как отличие за военные заслуги, превратился в престижную награду и стал вручаться как военным, так и гражданским лицам в дореволюционной России.

В трудное время Великой Отечественной войны советское правительство обратилось к памяти прославленных полководцев, и Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 июля 1942 года одновременно с орденами Суворова и Кутузова учредило орден Александра Невского. Им награждались командиры Красной Армии, проявившие в боях за Родину личную отвагу, мужество и храбрость, и умелым командованием обеспечившие успешные действия своих частей.

Михаил Михайлович Стрельников всегда приходил в храм со своей женой, Розой Васильевной. В 2005 году они отпраздновали в нашем приходе свою «бриллиантовую свадьбу»: семидесятилетие совместной жизни. А познакомила будущих верных супругов война: летом

1944 года Роза Васильевна была семнадцатилетней выпускницей школы, а Михаил Михайлович — офицером, за плечами которого уже была битва с японскими самураями на озере Хасан, разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом, освобождение Севастополя... В тульской деревне Волоть, где жила девушка, формировался «потрепанный» в боях за освобождение Крыма его танковый полк. «Случайное» знакомство стало судьбой: уехавший «добивать врага», Михаил Стрельников после войны вернулся к любимой с тем, чтобы уже никогда не расставаться. Орден Александра Невского майор Стрельников получил за взятие польского города Пётркув, в котором располагался крупный немецкий штаб. Получил он награду уже на территории Германии; вручал ее майору танковых войск сам командующий Украинским фронтом маршал Иван Степанович Конев. «Мы в это время шли маршем — было очередное наступление, Конев нагнал нас и вручил мне орден, прямо в колонне», — вспоминал Михаил Михайлович.

В 2006 году мы чествовали подполковника в отставке Андрея Михайловича Снижко, отмечавшего девяностолетний юбилей. Он встретил войну лейтенантом: стрелковый взвод, которым командовал Снижко накануне войны, входил в состав 201-го пулеметного батальона и находился на западной границе, в городе Любомль. Вот как рассказывал сам Андрей Михайлович о первых днях войны: «На рассвете воскресного дня 22 июня шквал пулеметного и минометного огня с немецкой стороны обрушился на нашу заставу. Самолеты нещадно бомбили позиции пограничников. Наш батальон распределили вдоль границы, и мы заняли оборону. Трое суток шли непрерывные, изнуряющие, кровопролитные бои. Силы были неравны, пришлось отступать...»

Андрей Михайлович Снижко

4 августа рота пулеметчиков, которой командовал Снижко, форсировала Днепр и приняла страшный бой. В этом бою его контузило и тяжело ранило в голову и ногу. Три месяца врачи возвращали Андрея Снижко в строй... В феврале 1942 года он уже воевал на Донбассе, потом в составе 346 Дебальцевской Краснознаменной стрелковой дивизии брал Сапун-гору в Севастополе. После Крыма была Прибалтика; к тому времени майор Снижко уже командовал батальоном. За ночной бой, закончившийся взятием литовского города Тельшяй, его наградили орденом Александра Невского.

Евгений Павлович Митькин

От Тулы до Берлина прошел боевыми дорогами полковник в отставке Евгений Павлович Митькин. Он участвовал во всех встречах, проходивших каждый год 12 июня в храме. Евгений Митькин родился на Тульской земле, в селе Потемкине Щекинского района в 1924 году. В тридцатые годы вместе с родителями переехал в Тулу, окончил здесь среднюю школу № 5. С началом войны работал на оборонительных сооружениях в Смоленской области, осенью сорок первого нес патрульную службу в составе истребительного батальона Центрального района нашего города, а затем уже непосредственно участвовал в боевых действиях по обороне Тулы в составе Тульского рабочего полка…

В восемнадцать лет Евгений Митькин был призван в Красную армию, окончил ускоренные курсы военно-инженерного училища и в звании младшего лейтенанта последние полтора года Великой Отечественной воевал на 1-м Белорусском фронте командиром взвода и понтонной роты. Полководческим орденом Александра Невского он был награжден за умелое руководство ротой и проявленный при этом героизм в разведке, наводке понтонной переправы и ее успешное проведение при форсировании канала Фридландерштром в Германии. После войны Евгений Павлович Митькин передавал свой опыт студентам военной кафедры Тульского политехнического института и медицинского училища, часто выступал перед молодежью, являя собой живой пример мужества и любви к Родине.

А как не сказать о кавалере пяти орденов, гвардии майоре Михаиле Павловиче Фонареве! Он родился в разгар гражданской войны, в год создания Красной Армии, и выбрал мирную профессию зоотехника, но пришлось и ему стать воином, когда в его страну пришел враг. Первую награду — медаль «За отвагу» — молодой лейтенант получил за успешный вывод своего огневого взвода из окружения… Позже был Сталинград, где в составе истребительно-противотанкового артиллерийского полка в течение двухсот дней и ночей пришлось оборонять волжскую твердыню у подножия Мамаева кургана. За героизм, проявленный в Сталинградской битве, полк был удостоен звания гвардейского, а Михаил Фонарев награжден орденом Красной Звезды. Потом была Курская дуга, новые награды и ранения.

Орден Александра Невского Михаил Фонарев получил за освобождение белорусского городка Жлобина.

Поселившись после войны в городе оружейников Туле, Михаил Павлович осуществил свою юношескую мечту и более тридцати лет

Михаил Павлович Фонарев

трудился зоотехником в подсобном хозяйстве завода «Штамп».

Всех наших ветеранов хотелось бы назвать поименно, всем поклониться за их подвиг и труд! К сожалению, с каждым годом уменьшается тульская семья кавалеров ордена Александра Невского. Многие уже ушли из жизни, кому-то трудно приходить на ежегодный наш праздник в храм. Но вместо них теперь приходят их дети и внуки. В 2007 году во дворе храма была открыта Памятная доска с их именами, а на площади перед храмом ветераны вместе с кадетами воскресной школы заложили «Аллею Памяти» и посадили деревья.

160-м по счету из известных сегодня общине храма тульских орденоносцев стал Николай Андреевич Максимов. В этом помогла его дочь Лариса Николаевна. Благодаря принесенным ею документам и фотографиям на кавалерском стенде появилось новое имя, а община получила бесценный материал в свой музейный уголок. Орден Александра Невского майор Максимов получил за боевые действия при штурме Рейхстага — как командир, проявивший воинскую доблесть и смекалку в особенно сложных условиях.

Когда мы в храме в особые поминальные дни молимся о воинах, «живот свой за веру и Отечество положивших», мы молимся и о наших славных защитниках и веруем, что Господь милосердный за их великий подвиг, за их жертвенную любовь дарует им Царство Небесное. А мы обязуемся хранить память о них и продолжать их дело, стараясь воспитывать наших ребят патриотами, беззаветно любящими свою Родину и готовыми всегда встать на ее защиту.

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО СПОСОБНЫЙ И ПРЕДАННЫЙ СВОЕМУ ДЕЛУ РАБОТНИК

Никулин Владимир Викторович, *56 лет,*
заведующий техноцентром (музеем)
ОАО «Завод имени В.А. Дегтярева»,
член Союза журналистов России,
г. Ковров Владимирской области

Такую характеристику своему ближайшему помощнику и лучшему ученику Василию Алексеевичу Дегтяреву дал в первом томе

трехтомной монографии «Оружейное дело на грани двух эпох» выдающийся ученый и конструктор, создатель первого в мире автомата Владимир Григорьевич Федоров (1874–1966 гг.). Вот что он вспоминал о начале их совместной работы в 1906 году в Ораниенбауме (с 1948 г. — город Ломоносов Ленинградской области) над созданием первой отечественной автоматической винтовки: «В мое распоряжение был назначен особый слесарь В.А. Дегтярев из рабочих Тульского оружейного завода, отбывавший воинскую повинность в Стрелковой школе и только что зачисленный оружейником по окончании службы в указанную выше мастерскую; здесь я впервые познакомился с этим выдающимся по своим способностям и талантам оружейным конструктором, бывшим в то время еще только молодым слесарем… С самого начала наших работ я нашел в В. Дегтяреве исключительно способного и при том преданного своему делу работника, живо интересующегося всеми новостями оружейного дела и, в особенности, конструкциями автоматического оружия» [1, с. 122].

Василий Алексеевич Дегтярев

И Василий Алексеевич Дегтярев (1880–1949 гг.) тоже вспоминал про 1906-й как особый, исторический год в своей жизни, когда произошло его знакомство с В.Г. Федоровым: «Будущий конструктор и ученый — отец русской оружейной автоматики — с той поры стал моим учителем и другом, определившим, по существу, всю мою последующую жизнь и конструкторскую деятельность… Он быстро угадал во мне тягу к знаниям и к изобретательству и посвящал меня в тайны оружейной автоматики» [2, с. 26–30].

Книга воспоминаний В.А. Дегтярева «Моя жизнь» увидела свет вскоре после кончины выдающегося конструктора и выдержала несколько изданий в 1949 — начале 1950-х годов в разных издательствах Москвы и Тулы. В те годы — в самом начале «холодной войны» — о многом он просто не имел права рассказать. Работы оружейников его поколения еще не одно десятилетие оставались под грифами «Секретно» и «Для служебного пользования» (под грифом «Для служебного пользования» вышел даже изданный в 1979 году сборник статей к 100-летию со дня рождения В.А. Дегтярева).

Но что касается своего детства в Туле, начала своей работы на Тульском оружейном заводе в 1891 году (в одиннадцатилетнем возрасте после трех классов церковно-приходской школы) — об этом он мог рассказать подробно. Как и о своем деде, об отце, который «гордился

своим заводом, гордился тем, что был потомственным тульским оружейником, надеялся, что и я, его сын, тоже стану работать на оружейном заводе» [2, с. 9].

Работа В.А. Дегтярева началась в тот год, когда в Туле шло освоение массового производства русской трехлинейной (калибра 7,62 мм) винтовки системы С.И. Мосина. Такой оказалась первая школа рабочего мастерства для будущего конструктора. Знания и навыки слесарного и станочного дела помогли Дегтяреву, когда в 1901 году началась его служба в армии: толкового туляка заметили и перевели в оружейную мастерскую Офицерской стрелковой школы в Ораниенбауме.

Здесь он впервые познакомился с новейшими для того времени образцами оружия — автоматическими винтовками и пулеметами зарубежного производства. Собственные работы в России в этом направлении были на самом начальном этапе. И так сложилось, что В.А. Дегтярев (сначала только как высококвалифицированный рабочий-универсал) принял в них участие, оставшись после службы в армии вольнонаемным слесарем в мастерской, постигая тайны оружейной автоматики в многолетней работе с В.Г. Федоровым в Ораниенбауме и на Сестрорецком оружейном заводе. Его руками были изготовлены детали первых в нашей стране автоматических винтовок системы В.Г. Федорова, прошедших успешные испытания еще перед Первой мировой войной, а затем и первые в мире автоматы Федорова.

В известного всей стране и всему миру конструктора слесарь-оружейник В.А. Дегтярев вырос на Ковровском пулеметном заводе, который с 1949 года носит его имя. В начале 1918 года В.Г. Федоров, получивший предписание Главного артиллерийского управления, отправился по дорогам переживавшей революционные катаклизмы России из Петрограда в уездный город Ковров Владимирской губернии.

С пулеметом ДП в бою. Западный фронт, 1942 г.

Вместе с ним ехал его надежный помощник Василий Алексеевич Дегтярев, которому суждено было работать в Коврове больше трех десятилетий, чтобы на исходе жизни сказать, что этот город стал для него родным (при этом не имея права назвать имя города).

Именно здесь В.А. Дегтярев стал Героем Социалистического Труда, лауреатом четырех Государственных премий СССР, генерал-майором инженерно-артиллерийской службы, доктором технических наук. Он работал сначала мастером, затем конструктором-изобретателем, а последнее десятилетие начальником Опытно-конструкторского бюро № 2 на заводе № 2 Народного комиссариата (после войны — министерства) вооружения СССР.

В.Г. Федоров и В.А. Дегтярев приехали в Ковров в самые драматические для рождающегося предприятия дни. Прежние хозяева — петроградские и датские предприниматели — истратив полученные из российской казны кредиты и сорвав условия контракта по выпуску пулеметов системы датского генерала Мадсена, приняли решение о закрытии завода, который еще был недостроен, недооборудован. Русским специалистам и рабочим предстояло своими силами организовать здесь производство отечественного автоматического оружия — в городе, где прежде вообще не было оборонных предприятий.

Любопытно прочитать в книге «Моя жизнь» о самых первых впечатлениях Дегтярева о Коврове — городе, в котором он раньше не бывал: «Около месяца окольными путями добирались мы до места назначения — тихого завьюженного городка. Жизнь здесь по сравнению с голодным Питером показалась нам раем. На базаре было вдоволь хлеба и мяса, а цены оказались настолько низкими, что мы сразу же воспрянули духом и могли целиком отдаться работе.

Но мастерская нас разочаровала. К тому же хозяева ее, убегая, увезли с собой всю документацию» [2, с. 43].

Ни В.А. Дегтярев, ни В.Г. Федоров, знавшие по примерам Тулы, Сестрорецка, что такое настоящий оружейный завод, не могли назвать заводом недостроенные под руководством датчан первые корпуса. По их оценке, увиденное выглядело лишь небольшой мастерской. И они же сделали всё возможное, чтобы в считанные годы на этом месте заработал в полную силу мощный завод с проектно-конструкторским бюро, который с тех пор ведет конструирование и серийный выпуск оружия для пехоты, бронетанковых войск, авиации и военно-морского флота.

В одном из первых после национализации предприятия приказов по Ковровскому пулеметному заводу от 18 октября 1919 года речь идет о работниках технического персонала, вышедших из высококвалифицированных рабочих. В списке всего 16 человек, один из них — В. Дегтярев, который здесь назван консультантом завода по производству

ружей-пулеметов Федорова: «Выдающийся специалист по изготовлению пулемета Федорова, в течение 15 лет работавший с изобретателем, и все первые образцы пулеметов Федорова деланы исключительно его руками как высококвалифицированным специалистом» [3].

Не случайно, именно Дегтяреву Владимир Григорьевич Федоров доверил в эти самые сложные дни руководство опытной (или образцовой) мастерской. Ее название определялось назначением: задачей было не серийное производство, а изготовление опытных образцов нового оружия, подготовка их к испытаниям. Образцовая мастерская, в которой в самом начале, в 1918–1919 годах, было лишь восемь станков, стала основой для создания проектно-конструкторского бюро. Таким образом, и в этом новом деле Василий Алексеевич оказался ближайшим помощником прославленного конструктора. Позднее на основе ковровского опыта стала налаживаться работа КБ и в других городах. ПКБ на родине Дегтярева, при Тульском оружейном заводе, было создано в 1927 году (современное Конструкторское бюро приборостроения, с которым завод имени В.А. Дегтярева продолжает активное сотрудничество и в XXI веке), а его основатель П.П. Третьяков работал в Коврове в 1918–1920 годах.

В.А. Дегтярев все активнее включался в конструирование оружия, под руководством В.Г. Федорова набирался опыта и недостающих ему знаний. К середине двадцатых годов он был готов к серьезной самостоятельной работе.

Непростая история первого крупного изобретения В.А. Дегтярева достаточно хорошо известна. После неудачи на испытаниях 1924 года, когда ручной пулемет Дегтярева вышел из строя, на вооружение Красной Армии в 1925 году был принят образец его главного соперника тех лет — тульского конструктора Федора Васильевича Токарева, пулемет МТ (Максим — Токарев). Однако начало серийного производства в Туле и более широкие войсковые испытания выявили серьезные недостатки этой переделочной системы. Ф.В. Токарев взялся за их устранение, но к этому времени у В.А. Дегтярева уже готов новый образец 7,62-мм ручного пулемета. Он был принят на вооружение Красной Армии в 1927 году и получил название ДП (Дегтярева пехотный). Впервые в наименовании отечественного оружия появилась буква «Д», обозначающая фамилию нового конструктора Василия Алексеевича Дегтярева. Так уже в середине и второй половине 1920-х годов началось создание и производство тех образцов, которые вошли в историю как оружие нашей Победы в Великой Отечественной войне.

Это событие имело важнейшее значение не только в личной биографии Дегтярева. Именно оно во многом определило судьбу Коврова как города оружейников. В руководстве оборонной промышленности страны были разные взгляды на будущее предприятия. В первой

половине двадцатых годов не раз ставился вопрос о его переводе на выпуск продукции только мирного, гражданского назначения. Как подчеркнули В.В. Бахирев (директор завода, а затем министр машиностроения СССР) и И.И. Кириллов в своей книге о В.А. Дегтяреве, «начало серийного выпуска ручных пулеметов системы Дегтярева явилось поворотным пунктом в истории развития Ковровского завода. Если в годы восстановления народного хозяйства профиль завода не был четко определен, то с 1927 г. он полностью специализируется на производстве металлорежущего инструмента и изготовлении пулемета ДП, а затем и его модификаций — ДА и ДТ. Завод быстро развивается и становится крупным предприятием» [4, с. 94].

Упомянутые модификации — принятые на вооружение в 1928 году ДА (Дегтярева авиационный) и в 1929-м — ДТ (Дегтярева танковый), а также спаренная установка ДА-2 (1930 г.). Все они также калибра 7,62 мм, разработаны на основе ДП. Так впервые в условиях массового производства была реализована идея В.Г. Федорова об унификации оружия. Позднее такая практика стала общепринятой, она успешно реализуется и в самых новейших разработках. А первопроходцами в новом тогда деле опять оказались В.Г. Федоров и его самый талантливый ученик В.А. Дегтярев.

Именно в эти годы начались интенсивный рост выпуска продукции и резкое усиление производственных мощностей завода, о чем красноречиво свидетельствуют цифры. Если в течение всего 1927 года была выпущена первая партия — 100 пулеметов ДП, то за IV квартал 1930 года их было выпущено 7050 штук, в 1931 году — более 28 тысяч. Одновременно разворачивалось серийное производство авиационных и танковых пулеметов, продолжались опытные работы над другими образцами.

О пулемете Дегтярева слышали, наверное, все, но при этом многие представляют лишь знаменитый пехотный ДП, который к началу Великой Отечественной войны стал одним из основных образцов вооружения Красной Армии. Наши бойцы с ручными пулеметами ДП запечатлены на многих кадрах фронтовой фото- и кинохроники. И далеко не всегда вспоминают о танковых пулеметах ДТ, а их производство непрерывно шло на заводе с 1929 года весь предвоенный и военный период. Пулеметами ДТ были вооружены почти все образцы советской бронетанковой техники 1930-х — 1940-х годов — от легких бронеавтомобилей и танкеток до знаменитых Т-34 и бронепоездов, а также кораблей и бронекатеров Военно-Морского Флота и речных военных флотилий. Поэтому когда мы видим на пьедесталах ставшие памятниками танки времен Великой Отечественной войны — это памятники не только героизму наших воинов и не только трудовому подвигу рабочих уральского Танкограда. Это и своеобразные памятники ков-

ровским оружейникам — конструкторам, технологам, рабочим завода № 2 Народного комиссариата вооружения СССР.

Работа В.А. Дегтярева в предвоенный период не ограничивалась созданием серии пулеметов калибра 7,62 мм. К началу 1930-х годов он стал на заводе признанным лидером в деле развития изобретательства. Характерна в этом отношении фотография заводского Штаба рабочей смекалки (появилась в 1931 году такая форма работы). В центре большого снимка и крупнее других помещен портрет заслуженного изобретателя В.А. Дегтярева, рядом — портреты директора завода С.В. Савельева (который, кстати, родом из Тулы и в коллективе тульских оружейников прошел путь от токаря до крупного руководителя) и технического директора В.И. Исакова. И такая роль ему отведена по праву.

Вместе с другими сотрудниками КБ Дегтярев в 1920-х годах участвовал в конкурсах на создание автоматических и самозарядных винтовок. В итоге на этом направлении больших успехов добились другой ковровский конструктор С.Г. Симонов, который создал АВС-36, а также туляк Ф.В. Токарев — на его счету СВТ.

А вот многолетняя работа в условиях острой конкуренции по созданию первого отечественного пистолета-пулемета завершилась в 1935 году победой В.А. Дегтярева — автора 7,62-мм ППД. В 1934–1940 годах было сконструировано несколько модификаций пистолета-пулемета. Правда, советское военное руководство по-настоящему оценило значение этого индивидуального стрелкового оружия ближнего боя лишь с учетом опыта войны с Финляндией зимой 1939–1940 годов. После этого и развернулись полноценные работы по его производству, а к концу предвоенного 1940 года более совершенный образец пистолета-пулемета сконструировал один из самых талантливых учеников и соратников В.Г. Федорова и В.А. Дегтярева — еще один ковровский конструктор Г.С. Шпагин.

С активным участием Г.С. Шпагина В.А. Дегтярев успешно завершил к 1939 году работу над 12,7-мм крупнокалиберным пулеметом ДШК. Он оказался одним из лучших в XX веке образцов-долгожителей. Разные модификации ДШК были на вооружении пехоты, бронетанковых войск, в качестве зенитного он применялся на кораблях Военно-Морского Флота и до сих пор находится на вооружении армий ряда стран.

Таким образом, к концу 1930-х годов, чуть больше, чем за десять лет, В.А. Дегтярев самостоятельно и вместе с другими ковровскими конструкторами создал целый комплекс автоматического стрелкового оружия разного назначения калибра от 7,62 мм до 12,7 мм для всех родов войск. Трудно найти другой подобный пример столь плодотворной работы.

И по праву его успехи получили заслуженную высокую оценку. В 1928 году, в дни празднования 10-летия Рабоче-крестьянской Крас-

ной Армии В.А. Дегтярев и его друг и учитель В.Г. Федоров были удостоены звания Героя Труда (еще до учреждения звания Героя Социалистического Труда). В начале 1930-х годов Дегтярев награжден орденами Ленина (высшая государственная награда в СССР) и Красной Звезды. За боевые подвиги на фронтах Великой Отечественной войны солдатам и офицерам было вручено около трех миллионов орденов Красной Звезды — и многие из них заслужили эту и другие награды, воюя с дегтяревским оружием в руках. А сам конструктор получил орден Красной Звезды под номером 19, в числе первых награжденных.

А когда в Советском Союзе была установлена новая высшая степень отличия за трудовые достижения, Василий Алексеевич Дегтярев 2 января 1940 года первым на заводе и в городе Коврове, первым среди советских конструкторов и вторым человеком в стране (после руководителя государства И.В. Сталина) был удостоен звания Героя Социалистического Труда. Вскоре ему была присуждена ученая степень доктора технических наук, в начале 1941 года он оказался в числе первых в стране лауреатов Сталинской (Государственной) премии.

Но даже самые высокие награды не были итогом многолетней работы выдающегося конструктора, несмотря на его возраст (2 января 1940 года В.А. Дегтяреву исполнилось 60 лет). Более того, именно в этот период возрастает его личная роль как организатора и руководителя. Приказом Народного комиссара вооружения СССР от 26 августа 1940 года № 249 на заводе № 2 было создано Конструкторское бюро № 2 (КБ-2, с 1948 года — ОКБ-2), начальником которого был назначен В.А. Дегтярев. На этом посту он оставался до конца жизни. На счету сотрудников КБ-2 немало замечательных образцов оружия Победы, созданных под руководством и при участии В.А. Дегтярева.

С началом Великой Отечественной войны конструктор несмотря на свой возраст, как и другие работники завода, перешел на непрерывный режим работы без выходных и отпусков. Первые сводки Совинформбюро еще скрывали истинные масштабы и поражений, и героизма начального этапа войны, еще не прозвучало по радио выступление И.В. Сталина 3 июля, а на первой странице газеты «Известия» 28 июня 1941 года была опубликована беседа с Героем Социалистического Труда В.А. Дегтяревым под заголовком «Мощное оружие Красной Армии»: «Сейчас, когда началась отечественная война с фашизмом, мы, конструкторы и изобретатели, будем работать не покладая рук над дальнейшим усовершенствованием оружия. Мы не останавливаемся на достигнутом… Оружия у нас хватит. И выпуск его будет все время увеличиваться с каждым днем» [5, с. 1].

И работа коллектива ковровских оружейников, как и других оборонных предприятий, показала, что за этими словами стояли реальные результаты. В своих мемуарах В.Н. Новиков, работавший

Памятная медаль «В.А. Дегтярев» из серии «Конструкторы-оружейники»

в годы войны заместителем наркома вооружения Д.Ф. Устинова, вспоминал: «Помню первую поездку с Д.Ф. Устиновым в Ковров. Дмитрий Федорович быстро схватил обстановку и состояние дел на заводе. Времени чрезвычайно мало, поэтому целый день на ногах. Побывали во всех цехах, а также познакомились с опытным производством. Завод в наркомате важнейший. В первый период войны он единственный обеспечивал армию ручными пулеметами. Этот же пулемет в специальном исполнении устанавливали и на танки. Это производство было как бы отдельным заводом... Изготовляли здесь и автоматы» [6, с. 81–82].

Ручные пулеметы — это дегтяревские ДП, танковые — ДТ, автоматы — ППД. Кстати, выпуск пистолетов-пулеметов Дегтярева для Наркомата ВМФ в Коврове в 1941 году вообще не планировался, но к концу августа моряки получили 1000 ППД. Для Главного артиллерийского управления Красной Армии было отправлено еще 5868 боевых и 756 учебных ППД, 1 крупнокалиберный пулемет ДШК на станке, 2 — без станков (и это все также вне плана). Туда же за январь — август ушло 11970 ручных пулеметов ДП вместо 8700, запланированных на этот период.

В цехах наращивалось производство, а В.А. Дегтярев с сотрудниками своего КБ в рекордно сжатые сроки в самом начале войны сконструировал 14,5-мм противотанковое ружье ПТРД. Задание было получено в начале июля 1941 года, а 29 августа ПТРД прошло все испытания и было принято на вооружение Красной Армии. Осенью 1941 года в Коврове на заводе № 2 было развернуто его серийное производство. Первые партии собранных ружей отправлялись на Западный фронт, на оборону Москвы. Его масса с сошками — 17,3 кг, бронепробиваемость — 35–40 мм на дистанции до 300 м. ПТРД выпускалось до конца 1944 года, применялось в течение всей войны для борьбы с легкими и средними танками, автотехникой, огневыми точками и низколетящими самолетами противника. После боевого крещения в битве под Москвой новое оружие оценили не только красноармейцы, но и высшее военное командование Германии. Позднее Э. Шнейдер (в годы войны — генерал-лейтенант германской армии) писал: «Еще в начале войны русские имели на вооружении противотанковое ружье калибра 14,5 мм с начальной скоростью полета пули 1000 м/сек, которое доставляло много хлопот немецким танкам и появившимся позднее легким бронетранспортерам» [7, с. 303].

Бронебойщик с ПТРД. Плакат, 1943 г.

В 1942 года за создание ПТРД В.А. Дегтярев был удостоен Сталинской премии (Государственной премии СССР). Среди поздравлений, которые он получил в те дни, была и телефонограмма из его родного города Тулы: «Дорогой Василий Алексеевич горячо приветствуем и поздравляем Вас с получением Вами Сталинской премии тчк Желаем Вам самых больших успехов в Вашей неутомимой героической работе по конструированию новых образцов вооружения для нашей любимой зпт славной Красной Армии беспощадно уничтожающей фашистских злодеев тчк Секретарь Тульского обкома ВКП(б) Жаворонков» (цитируется с сохранением орфографии оригинала) [8]. Первый секретарь Тульского обкома и горкома ВКП(б) Василий Гаврилович Жаворонков в октябре 1941 года стал председателем Тульского городского комитета обороны (по постановлению ГКО комитет обороны тогда же был сформирован и в Коврове), а его личный вклад в организацию защиты от врага будущего города-героя был оценен присвоением звания Героя Советского Союза в 1977 году. А тогда, в конце сорок первого, в оборонительной операции на подступах к Туле сражались сформированные в Коврове кавалерийские дивизии, и многие защитники города били по врагу из дегтяревского оружия.

Туляки помнили о своем земляке, и Василий Алексеевич никогда не забывал родной город, где у него оставались давние верные друзья, откуда к нему в Ораниенбаум приехала любимая девушка, ставшая его женой, Вера Васильевна, мать их троих сыновей и шести дочерей.

О своем детстве и юности, о товарищах-оружейниках, о талантливых тульских мастеровых В.А. Дегтярев не раз вспоминал, например, в статьях «Ищи, твори, дерзай!» в «Комсомольской правде» в феврале 1944 года, «Знатный русский оружейник» в газете «Труд» в ноябре того же 1944-го. Мог ли представить спецкор «Труда» М. Щелоков, рассказавший о встрече с Дегтяревым в «городе Н.» (иначе о Коврове в открытой печати написать было нельзя), насколько остро и актуально будут звучать в XXI веке его слова: «В боях за Сталинград, в Донбассе, на Днепре, в Белоруссии, на Ленинградском фронте, в Карелии — новое оружие везде блестяще выдержало все испытания» [9, с. 3]. Только единая страна с единой сильной армией и единым оборонно-промышленным комплексом могла выдержать тяжелый удар и победить фашизм.

И на всех фронтах, в Сталинграде и Донбассе, при форсировании Днепра и в партизанских отрядах Белоруссии сражались бойцы и командиры, знавшие в совершенстве не только дегтяревское оружие, но и лично встречавшиеся с Василием Алексеевичем. А ему такие встречи — в Коврове, в воинских частях, на фронте — нужны были, чтобы из первых рук получить оценку своей работы, знать главные направления усовершенствования оружия с учетом опыта боевого применения. Кроме того, шла активная переписка с фронтовиками. Многие из оценок, советов, замечаний и предложений, поступавшие с передовой, из окопов, учитывались в дальнейшей работе ковровских конструкторов. Осенью 1944 года были приняты на вооружение модернизированные пехотный пулемет ДПМ и танковый ДТМ. Дальнейшая работа привела к созданию ротного пулемета РП-46.

В крайне жесткие сроки в ходе Великой Отечественной войны под новый патрон образца 1943 года был сконструирован 7,62-мм ручной пулемет В.А. Дегтярева РПД-44 образца 1944 года — так началось создание комплекса стрелкового оружия послевоенного поколения, которое оставалось в строю и через несколько десятилетий после смерти Василия Алексеевича. В 1949 году за создание РПД-44 были удостоены Государственной премии СССР руководитель работы Василий Алексеевич Дегтярев (посмертно), инженеры Евгений Константинович Александрович, Николай Андреевич Бугров, Владимир Васильевич Дегтярев (сын Василия Алексеевича), Владимир Николаевич Иванов, Павел Ефимович Иванов.

Разумеется, как и любому конструктору, В.А. Дегтяреву не все удавалось идеально. Иным из созданных образцов не суждено было пойти в серийное производство и на вооружение — отбор всегда шел и идет в наши дни жестко, без скидок на авторитет и былые заслуги. Так, на первый этап объявленного в 1946 году конкурса на проектирование нового автомата было представлено несколько работ сотрудников КБ-2 (плюс лучшие работы тульских конструкторов). Но по итогам конкурса лучшим был признан и принят на вооружение Советской Армии другой образец, также сконструированный и изготовленный в Коврове, — автомат АК-47, созданный Михаилом Тимофеевичем Калашниковым при активном участии А.А. Зайцева и других ковровских специалистов.

В.П. Грязев на праздновании 120-летия В.А. Дегтярева. Январь 2000 г.

В конце зимы 1948 года в Коврове отметили 30-летие работы Василия Алексеевича Дегтярева в коллективе предприятия. Он получил

в те дни множество самых теплых поздравлений от товарищей-оружейников из других городов и конструкторских бюро, от руководителей министерств вооружения и обороны СССР.

Одно из ответных писем В.А. Дегтярев отправил на свою родину в Тулу коллективу орденоносного ЦКБ-14 (ныне — КБ приборостроения):

«Приношу сердечную благодарность за память и внимание, оказанные мне в день 30-летия моей работы на заводе… Дорогие туляки, от всей души благодарю вас и желаю всем наилучших успехов в труде и жизни.

Со своей стороны заверяю, что я и впредь отдам все свои силы и опыт на дело укрепления обороноспособности нашей социалистической Родины, на наше с вами общее и родное дело.

Ваш земляк В.А. Дегтярев» [8].

К сожалению, для продолжения работы ему было отведено совсем немного времени. Василий Алексеевич Дегтярев умер в Москве 16 января 1949 года, похоронен в Коврове. Сразу же после его кончины постановлением Совета Министров СССР об увековечении памяти выдающегося конструктора имя В.А. Дегтярева было присвоено заводу № 2 Министерства вооружения, на котором он работал. В дни празднования 100-летия со дня его рождения, в январе 1980 года на территории завода был открыт бюст В.А. Дегтярева, в почетном карауле тогда стояли М.Т. Калашников и ветераны завода — Герои Советского Союза, Герои Социалистического Труда, конструкторы-соратники В.А. Дегтярева по совместной работе.

Позднее на заводе был открыт мемориал с барельефными портретами самых выдающихся конструкторов-оружейников ковровской школы и тех, кто был связан с заводом имени В.А. Дегтярева многолетним сотрудничеством в послевоенные десятилетия. И сейчас в одном ряду стоят пилоны с портретами В.Г. Федорова, В.А. Дегтяре-

Открытие бюста В.А. Дегтярева на территории завода. Январь 1980 г.

ва, Г.С. Шпагина, других создателей оружия Победы и признанных лидеров Конструкторского бюро приборостроения в Туле В.П. Грязева и А.Г. Шипунова. А завершается мемориал словами, которыми в 1939 году В.Г. Федоров закончил свой трехтомный труд «Оружейное дело на грани двух эпох»: «Пока не пришло время, когда оружейники Дегтяревы могут переменить свою специальность...» [10, с. 163].

Литература и источники

1. *Федоров В.Г.* Оружейное дело на грани двух эпох. Часть I. Оружейное дело в начале XX столетия. — Л.: Издание Артиллерийской академии РККА им. Дзержинского, 1938.
2. *Дегтярев В.А.* Моя жизнь. — М.: Правда, 1949.
3. Приказ по Ковровскому пулеметному заводу № 20 от 18 октября 1919 г. — Архив ОАО «Завод имени В.А. Дегтярева», г. Ковров.
4. *Бахирев В.В., Кириллов И.И.* Конструктор В.А. Дегтярев: За строками биографии. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Воениздат, 1983.
5. Мощное оружие Красной Армии: Беседа с Героем Социалистического Труда, доктором технических наук В.А. Дегтяревым // Известия. — 1941. — 28 июня.
6. *Новиков В.Н.* Накануне и в дни испытаний: Воспоминания. — М.: Политиздат, 1988.
7. *Шнейдер Э.* Техника и развитие оружия в войне. /Типпельскирх К., Кессельринг А., Гудериан Г. и др. Итоги второй мировой войны: Выводы побежденных. — СПб. — М.: «Полигон» — АСТ, 1998.
8. Фонды музея истории ОАО «Завод имени В.А. Дегтярева», г. Ковров.
9. *Щелоков М.* Знатный русский оружейник: В гостях у В.А. Дегтярева // Труд. — 1944. — 5 ноября.
10. *Федоров В.Г.* Оружейное дело на грани двух эпох. Часть III. Оружейное дело после Октябрьской революции. — М.: Издание Артиллерийской академии РККА им. Дзержинского, 1939.

ПРОСТОТА И ГЕНИАЛЬНОСТЬ КАЛАШНИКОВА

Калашникова Елена Михайловна, *66 лет,*
Президент фонда имени М.Т. Калашникова,
г. Ижевск,
Удмуртская Республика

Мой отец конструктор стрелкового оружия Михаил Тимофеевич Калашников, создатель легендарного автомата АК-47 и других образцов стрелкового оружия, родился 10 ноября 1919 года на Алтае в селе Курья в многодетной крестьянской семье. Родители его — Тимофей

Александрович и Александра Фроловна вырастили и воспитали восьмерых детей: двух девочек и шестерых мальчиков.

Михаил Тимофеевич Калашников

Помогая родителям, дети с малых лет работали в поле и на домашнем подворье. Мишу с семи лет брали на пахотные работы — погонять лошадей, тянущих плуг или борону. Работать в поле вместе со взрослыми ему нравилось, но всё-таки больше он любил помогать старшему брату Виктору в плотницких и слесарных работах — где доску подержать, где инструмент подать. Особенно его интересовали те работы брата, которые были связаны с металлом — какая-то врожденная тяга была у маленького Миши к этому материалу.

Достигнув школьного возраста, Миша пошёл учиться. К тому времени он уже умел неплохо читать и даже пытался писать — сам научился от своих старших братьев Ивана и Андрея, которые ходили в школу. Будучи любознательным и смышленым учеником Миша не только всегда учился хорошо, но и часто бывал организатором разнообразных затей одноклассников вне школы.

Никогда в семье Калашниковых не было ни большого достатка, ни наёмных работников, но в 1930 году они попали под «раскулачивание»: с младшими детьми их выслали на север Томской области в таёжную маленькую деревню Нижняя Моховая. Поселили их семью в чей-то пустующий дом, и стали они его обживать, размещая невеликий скарб, устраивая свой быт на новом месте. Но в конце декабря их постигло ещё большее несчастье — от внезапно развившейся чахотки умер отец Михаила — Тимофей Александрович, и его мать осталась одна с пятью сыновьями, старшему из которых было 16 лет, а младшему — 4 года.

С той поры на плечи Александры Фроловны легла вся забота о семье. Старшие дети, выполняя всю мужскую работу, помогали матери по хозяйству, а младшие, в том числе и Михаил, продолжили учёбу в маленькой деревенской школе с четырёхклассным образованием. На следующий год Михаилу пришлось учиться в селе Ворониха, которое было в пятнадцати километрах от Нижней Моховой. Так как ежедневно преодолевать этот путь было невозможно, его определили на постой в чужую семью. Домой он ходил только раз в неделю — в воскресенье.

В раннем возрасте у Михаила проявились способности к сочинительству стихов и даже пьес, которые исполнялись учениками школы. Среди друзей он был признанным поэтом, известным на всё село. Но, как потом показала жизнь, он не оправдал надежд своих сверстников,

неожиданно для всех став «технарём». Хотя любовь к сочинительству он пронёс через всю жизнь, нередко удивляя друзей и коллег поэтическими экспромтами.

Второе школьное увлечение — техникой — стало для Михаила делом всей его жизни. Первые попытки самому что-либо смастерить были у него ещё в дошкольном возрасте. Он постоянно бродил по селу в поисках всяких «железок», набивал ими карманы, не всегда понимая: зачем и для чего? Правда, потом кое-что оказывалось нужным, пригождалось. Будущего оружейного конструктора буквально завораживала работа механизмов — как отдельные детали соединяются и работают согласованно, не мешая друг другу? Он разбирал и собирал всё, что было способно разбираться по деталям. Многое, конечно, портил, но кое-что и ремонтировал...

Позже, изучая в школе физику, появилась у Михаила идея сделать вечный двигатель. Учитель поддержал его в этом, всячески помогая мальчику в осуществлении его мечты. Были изготовлены опытные макеты, которые, правда, не выдержали испытаний «вечностью», но дали будущему конструктору впервые почувствовать творческий азарт. Постигшая неудача не привела его к разочарованию — очевидно, заложен был в нём иммунитет к поражениям, которых ещё будет немало на его конструкторском пути.

Летом 1936 года, после окончания 9-го класса, Михаил решил самовольно уйти из места их высылки — из Нижней Моховой. Друг, которому он рассказал об этом, захотел идти вместе с ним. Соблюдая меры предосторожности, они начали тщательно готовиться к этому нелёгкому и опасному путешествию. Стараясь не вызывать подозрений у своих близких, они постепенно приготовили всё, что может потребоваться в пути.

Ранним утром с узелками в руках два друга вышли из посёлка. По населённым пунктам, лежащим на их пути, проходить с другом было не так страшно, как одному. Они договорились заранее о том, что в посёлках будут изображать арестованного и его конвоира. Это для того, чтобы не вызывать у местных жителей каких-либо подозрений и лишних расспросов. Так они и делали.

Преодолев немалое расстояние, путники добрались до села, откуда родом был друг Михаила, и заночевали в доме его родственников. Перед тем, как им вместе отправиться в Курью, друг решил открыть ему свою тайну: покопавшись в старом хламе на чердаке дома, достал нечто, завёрнутое в тряпки. Когда он их развернул, Михаил увидел покрытый ржавчиной пистолет или «леворверт», как тогда прошептал ему друг. Откуда взялся и каким чудом сохранился — неизвестно. Но это был тот самый пистолет Браунинга, с которого и началось первое знакомство будущего конструктора с боевым оружием.

Хранить такое оружие — дело незаконное. Друг Михаила и сам не знал, что ему с этим пистолетом делать. Выбросить его было жалко, а оставлять в доме родственников — опасно. Отправляясь в Курью, друзья решили взять пистолет с собой. Поселившись у сестры Михаила, они спрятали его в погребе под домом.

Вскоре друзья устроились на работу в бухгалтерию сельской машинно-тракторной станции. Относительно спокойная жизнь в Курье продолжалась несколько месяцев, пока у друзей не начались неприятности: каким-то образом стало известно о незаконно хранящемся пистолете. Сначала в дом сестры с расспросами пришёл милиционер, а на следующий день Михаил уже был под арестом. На допросе он старался убедить милиционера, что у него не было, и нет никакого пистолета, так как, признавшись, он мог выдать не только себя, но и друга.

В канун нового 1937 года Михаила отпустили с условием, что после праздников он всё-таки принесет и сдаст пистолет. В тот же вечер, посовещавшись, друзья решили срочно покинуть родные места — уехать в Казахстан, где в железнодорожном депо на станции Матай работал старший брат друга. И снова быстрые сборы, снова дорога. Пистолет, ставший виновником их вынужденного бегства из Курьи, взяли с собой, чтобы закопать его в снег где-нибудь подальше от села. Так они и сделали…

Через несколько дней они уже работали в железнодорожном депо станции Матай: друг — бухгалтером, а Михаил — учётчиком в бухгалтерии. Эта работа дала ему возможность узнать, чем занимаются в разных мастерских депо, и познакомиться с работавшими там людьми. Видя, как добросовестно Михаил относится к своему делу, ему предложили вступить в комсомол. А несколько месяцев спустя по рекомендации комсомольской организации его перевели на работу техническим секретарём политотдела 3-го отделения Туркестано-Сибирской железной дороги.

В августе 1938 года Михаила Калашникова призвали на службу в Рабоче-крестьянскую Красную Армию и зачислили в танковые части. По прибытии к месту службы, в западно-украинский город Стрый, его определили в учебную роту, в которой готовили механиков-водителей танков. Это было большой удачей — наконец-то он получил возможность, не скрываясь, открыто изучать работу сложных механизмов имеющейся боевой техники. Причём делать это с помощью командиров, объясняющих курсантам их устройство и работу. Для будущего конструктора то время было самым хорошим, самым интересным в его армейской службе. Теоретическая учёба сочеталась с практической — вождением и стрельбой из всех видов оружия, находящегося в распоряжении экипажа. В том числе и из пистолета ТТ (Тула, Токарев), которым тогда только что вооружили танкистов.

Изучая военную технику, Калашников начал заниматься рационализаторством и изобретательством. Сначала он сделал инерционный счётчик для учёта фактического количества выстрелов из танковой пушки. Затем сконструировал прибор для фиксирования работы танкового двигателя под нагрузкой и на холостом ходу (счётчик моточасов), с которым осенью 1940 года был направлен в штаб Киевского Особого военного округа.

Командующий округом Георгий Константинович Жуков одобрил изобретение молодого красноармейца и распорядился направить его в Киевское танковое техническое училище. В мастерских училища счётчик надо было доработать, изготовить два опытных образца и тщательно их испытать.

Испытания счётчика моточасов на танкодроме Киевского Особого военного округа прошли успешно. После их завершения генерал армии Г.К. Жуков поблагодарил изобретателя-красноармейца Калашникова за работу и наградил ценным подарком — часами. После чего по распоряжению командующего округом Г.К. Жукова молодого танкиста командировали в подмосковную Кубинку — в танковую часть для сравнительных полевых испытаний разработанного им прибора.

Показав хорошие результаты и на этих испытаниях, счётчик моточасов был рекомендован к изготовлению опытной серии в Ленинграде на заводе №174 при участии автора изобретения. С весны 1941 года Калашников работал на этом заводе и в это же время он разработал там ещё один прибор — выключатель массы для танка, который был изготовлен и подвергнут лабораторным заводским испытаниям. Документ, составленный по итогам заводских испытаний, датирован 24 июня 1941 года — это был третий день Великой Отечественной войны.

Ленинградский завод №174 сразу же перевели на работу в режиме военного времени. Изготовление и испытание новых конструкторских разработок, в том числе приборов Калашникова, приостановили, а сам изобретатель-красноармеец, как военнообязанный, должен был срочно отбыть из Ленинграда в свою воинскую часть. Попрощавшись с заводчанами, он получил свои документы, собрал вещи и поспешил на вокзал.

Не зная, где точно в данное время находится его часть, Калашников решил сесть в поезд, идущий в южном направлении, а уже от Харькова добираться до неё, двигаясь на запад. Выйдя из вагона на какой-то станции перед Харьковом, он случайно встретил своих сослуживцев, сопровождавших платформу с новыми танками, и присоединился к ним. При формировании роты красноармейца Калашникова назначили командиром танка Т-34, присвоив ему звание старшего сержанта. И вскоре он уже принимал участие в боях.

Провоевав всего три месяца, в жестоких боях под Брянском старший сержант Калашников был ранен — левое плечо было насквозь прошито осколком брони, отлетевшим внутри танка после прямого попадания в него.

Попав в военный госпиталь в город Елец, бессонными ночами, среди стонов и вскрикиваний товарищей по палате Калашников думал о том, что создание надёжного скорострельного пистолета-пулемёта наверняка бы привело к скорой победе над врагом. Мысли о задуманном оружии не давали Михаилу уснуть: в голове возникали почти фантастические идеи, представлялись контуры пистолета-пулемёта, вырисовались его будущие механизмы. Утром он доставал из тумбочки карандаш, ученическую тетрадь и записывал, зарисовывал всё то, что приходило ему в голову прошедшей ночью.

К счастью, в госпитале была неплохая библиотека, и в ней Калашников нашёл несколько нужных ему книг: два тома «Эволюция стрелкового оружия» В.Г. Фёдорова, изданных Артиллерийской академией, наставления по трёхлинейной винтовке, ручному пулемёту Дегтярёва, револьверу Нагана. Он читал эти книги, анализировал, чертил…

Во многом ему помог разобраться лежащий с ним рядом лейтенант-десантник, до войны работавший в каком-то научно-исследовательском институте. От него будущий конструктор узнал множество интереснейших подробностей не только об особенностях тех или иных образцов оружия, но и о судьбах их создателей. Имена некоторых из них были уже знакомы — Фёдоров, Дегтярёв, Токарев, Шпагин. Но вот фамилию Рощепей Калашников никогда не встречал. Однажды лейтенант-десантник, лежавший в их палате, рассказал об этом удивительном оружейном конструкторе. В начале двадцатого века рядовой солдат, кузнец оружейно-ремонтной мастерской Рощепей смог сделать собственный образец автоматической винтовки. Его винтовка хоть и не была тогда принята военным руководством, но технические решения, заложенные в ней (неподвижный ствол и свободный затвор, открывающийся с замедлением), впоследствии были использованы во многих зарубежных образцах оружия. Для сержанта Калашникова творческая смелость солдата Рощепея стала хорошим примером для подражания.

Раны старшего сержанта Калашникова заживали медленно, да и рука действовала плохо. Но, наконец, после очередного осмотра доктора приняли решение: выписать его из госпиталя и отправить его для долечивания на шесть месяцев в тыл — в отпуск по ранению.

Получив отпускной билет, старший сержант Калашников собрал свои солдатские пожитки, бережно завернув в газету самое ценное — тетрадь с чертежами-эскизами будущего пистолета-пулемёта, и отбыл из госпиталя на родину, в Алтайский край. Ехал он в переполненном

вагоне, но не замечал дорожных неудобств: погруженный в свои мысли, лихорадочно искал ответ на один и тот же вопрос: что дальше делать с идеей создания пистолета-пулемёта? Где и как можно это осуществить? Хватит ли ему отпущенного времени — до ухода на фронт надо успеть не только изготовить опытный образец, но и проверить его в работе.

Под стук колёс поезда, идущего на восток, Калашникову пришло в голову одно-единственное решение: ехать в Казахстан на станцию Матай. Он вспомнил, как до призыва в Красную Армию работал в железнодорожном депо. Вспомнил, какие там были мастерские, и какие там были умельцы-мастеровые. Наверняка там могли бы сделать пистолет-пулемёт. Поэтому, надо ехать в железнодорожное депо на станции Матай, где Калашникова хорошо знают и обязательно помогут ему воплотить в металл то, что уже нарисовано в тетради. Так война определила судьбу М.Т. Калашникова — он стал конструктором оружия.

После недолгих сомнений и колебаний начальник железнодорожного депо дал своё согласие на изготовление макетного образца пистолета-пулемёта старшего сержанта Михаила Калашникова. Но с условием — предварительно составить план выполнения необходимых работ и определить тех работников, кто войдёт в создаваемую группу из трёх-пяти человек. Остальных специалистов будут привлекать строго по необходимости — в депо и для основных дел работников не хватает.

Идею проведения работ по созданию пистолета-пулемёта в железнодорожном депо поддержал и районный военком. Таким образом, на станции Матай начинающий конструктор нашёл не только добрых помощников, но и единомышленников. После этого можно было смело приступить к работе.

Через три месяца образец пистолета-пулемёта был собран, и встала проблема: где и как его испытывать? Калашникову удалось получить в местном военкомате несколько сот патронов. Испытывали пистолет-пулемёт в той же комнате, где шла сборка: поставили большой ящик с песком и по ночам проводили отладочные стрельбы. Проверили кучность одиночного и автоматического огня — результат неплохой.

После этого по рекомендации районного военкома старший сержант Калашников поехал с разработанным им образцом в Алма-Ату в областной военкомат — там наверняка знают: что делать дальше? А дальше была доводка образца пистолета-пулемёта с привлечением преподавателей и студентов Московского авиационного института, эвакуированного в начале войны в Алма-Ату. Затем — проведение испытаний нового оружия на стрельбище за городом, в горах. После того как образец пистолета-пулемёта показал неплохие результаты по работе автоматики и по кучности стрельбы, старшего сержанта Ка-

лашникова с его разработкой направили в Военный Совет Среднеазиатского военного округа в Ташкент, а затем — в Самарканд в Артиллерийскую академию имени Дзержинского к профессору Анатолию Аркадьевичу Благонравову.

8 июля 1942 года начальник Артиллерийской академии Заслуженный деятель науки и техники, профессор, доктор технических наук, генерал-майор артиллерии Благонравов принял старшего сержанта Калашникова и, ознакомившись с его образцом пистолета-пулемёта, составил и вручил ему следующий документ: *«Хотя сам образец по сложности и отступлениям от принятых тактико-технических требований не является таким, который можно было бы рекомендовать для принятия на вооружение, однако исключительная изобретательность, большая энергия и труд, вложенный в это дело, оригинальность решения ряда технических вопросов заставляют смотреть на тов. КАЛАШНИКОВА как на талантливого самоучку, которому желательно дать возможность технического образования. Несомненно, из него может выработаться хороший конструктор, если его направить по надлежащей дороге. Считал бы возможным за разработку образца премировать тов. КАЛАШНИКОВА и направить его на техническую учёбу»*.

Но командующий Среднеазиатским военным округом Курбаткин, ознакомившись с отзывом генерал-майора артиллерии Благонравова, решил, что с учёбой Калашникову пока придётся повременить: пистолет-пулемёт надо доработать и испытать на самом серьёзном уровне. С этой целью молодого конструктора с разработанным им пистолетом-пулемётом командировали в Москву в Главное артиллерийское управление (ГАУ). Но не забыл командующий округом о ходатайстве генерала Благонравова о поощрении сержанта Калашникова — перед отъездом в Москву его наградили денежной премией.

Приехав в Москву, старший сержант Калашников направился в Главное артиллерийское управление, а оттуда — в Наркомат обороны СССР к начальнику отдела изобретательства полковнику Глухову. Прочитав письмо командующего войсками Среднеазиатского военного округа Курбаткина и отзыв профессора Благонравова, он распорядился направить Калашникова в воинскую часть, дислоцирующуюся в Московском военном округе, где находился Научно-исследовательский полигон стрелкового и миномётного вооружения (НИПСМВО или просто — щуровский полигон).

По счастливой случайности его попутчиком от Москвы до полигона оказался известный конструктор Сергей Гаврилович Симонов. В дороге опытный оружейник рассказал много интересного о полигоне и его уникальном оружейном музее. Как советовал Сергей Гаврилович Симонов, едва выдавалась свободная минута, Калашников шёл в этот музей. Его коллекция оказалась действительно уникальной, по-

зволяющей наглядно, на конкретных образцах проследить все этапы эволюции оружия. Сравнивая различные образцы винтовок, карабинов, пистолетов, автоматов, пулемётов Калашников видел, насколько оригинальными могут быть конструкторские решения, непредсказуем полёт творческой мысли изобретателей и насколько схожи порой в исполнении многие наши и зарубежные образцы.

Всё стрелковое оружие, которое принималось на вооружение Красной Армии, подвергалось опытными офицерами-испытателями щуровского полигона многократным тщательным проверкам. Испытания на полигоне проходили и все новые разработки советских конструкторов. На отдельных направлениях испытывались разные типы оружия: индивидуальное, групповое, баллистическое и т.д. На специальных площадках полигона проводили испытания стрелково-пушечного и минометного вооружения, ручных гранат, различных взрывчатых веществ.

В январе-феврале 1943 года на щуровском полигоне прошли испытания пистолета-пулемёта старшего сержанта Калашникова. По результатам этих испытаний было представлено официальное заключение, что пистолет-пулемёт Калашникова «несмотря на многие подкупающие стороны (малый вес, малая длина, наличие одиночного огня, удачное совмещение переводчика и предохранителя, компактный шомпол и пр.), в настоящем виде своём промышленного интереса не представляет».

Хотя первый опытный образец стрелкового оружия — пистолет-пулемёт Калашникова — не прошёл полигонных испытаний, работа над ним дала молодому изобретателю опыт и знания для дальнейшего творчества: в 1943–1944 годах он разработал собственные конструкции ручного пулемёта и самозарядного карабина. Но и эти образцы не прошли полигонных испытаний, не принесли конструктору успеха.

И наконец, в 1945 году, работая в КБ подмосковного полигона в Щурово, Калашников включился в конкурс по созданию автомата и одержал победу на первом, можно сказать, проектном этапе.

Первые опытные образцы автомата Калашникова изготавливались в 1946-1947 годах в Коврове. Выдержав и полигонные, и войсковые испытания, автомат АК-47 был рекомендован для принятия на вооружение. Весной 1949 года двадцатидевятилетний старший сержант Калашников стал лауреатом Сталинской премии первой степени.

Опытная партия автоматов Калашникова для войсковых испытаний была изготовлена на Ижевском мотозаводе в 1948 году. В 1949 году на Ижевском машиностроительном заводе начался массовый выпуск автоматов. В том же году М.Т. Калашников уволился в запас и переехал в Ижевск, и с сентября 1949 года начал работать ведущим конструктором в отделе главного конструктора завода. Под его руководством проводились доработка и модернизация автомата, разрабатывались раз-

личные его модификации (АКМ, АКМС, АКМН, АКМСН), создавались ручные пулемёты (РПК, РПКС, РПКН, РПКСН) и пулемёты под винтовочный патрон (ПК, ПКС, ПКТ, ПКБ). В 1970-е годы разработаны автоматы и ручные пулемёты калибра 5,45-мм (АК74, АКС74, АКС74У, РПК74, РПКС74). В 1990-х годах на базе автомата АКМ создан ряд нарезного и гладкоствольного охотничьего оружия.

Молодой конструктор старший сержант Михаил Калашников, 1948 г.

Конструктор Калашников часто бывал в воинских частях, в трудовых коллективах российских городов и сел. Всемирно известный человек был одинаково прост и естественен как среди лидеров и руководителей государств, так и среди рабочих, солдат, односельчан. Начиная с 1990 года, Калашников многократно выезжал за рубеж в составе российской делегации для участия в оружейных выставках и по приглашению коллег-оружейников. Он встречался с военными, с производителями и коллекционерами оружия, и, конечно, со своими коллегами: с создателем знаменитой американской винтовки М16 Юджином Стоунером, с известным оружейником Биллом Рюгером, с автором израильского пистолета-пулемёта Узи Галом.

С 1949 года семья М.Т. Калашникова жила в Ижевске Его супруга Екатерина Викторовна занималась воспитанием их четверых детей — Виктора, Нэлли, Елены и Натальи. У Михаила Тимофеевича три внука и две внучки. В 1977 году он потерял жену, а в 1983 — младшую дочь Наталью.

М.Т. Калашников — генерал-лейтенант (1999), доктор технических наук (1971) и академик нескольких российских и зарубежных научно-технических академий. Он шесть созывов был депутатом Верховного Совета СССР — депутатом избирался в 1950, 1966, 1970, 1974, 1979, 1984 годах.

Михаилу Тимофеевичу Калашникову дважды присвоено звание Героя Социалистического Труда (1958, 1976), звание Героя Российской Федерации (2009), он — лауреат Ленинской премии (1964), Сталинской премии I степени (1949) — заменена Государственной премией СССР (1962) — и Государственных премий РФ (1998, 2007), премии Президента России (2002), а также ряда других ведомственных премий и премий общественных организаций.

Награждён орденами СССР — Ленина (1958, 1969, 1976), Октябрьской Революции (1974), «Отечественной войны» I степени (1985),

Михаил Тимофеевич с дочерьми Леной и Наташей

Трудового Красного Знамени (1957), Дружбы Народов (1982), Красной Звезды (1946), «За заслуги перед Отечеством» II степени (1994), орденами РФ — Святого апостола Андрея Первозванного (1998), «За военные заслуги» (2004), орденом Республики Беларусь — «Пашаны» (1998 — «Почёта»), орденом Республики Казахстан — «Достык» I степени (2003), ведомственными и юбилейными медалями.

М.Т. Калашников — Почётный гражданин Удмуртской Республики (1995), Почётный гражданин Алтайского края (1999), Почётный гражданин города Ижевска (1989), ему присвоено звание «Заслуженный работник промышленности СССР» (1989) и звание «Почётный профессор ИжГТУ» (1984), «Почётный доктор ТулГУ» (1998).

До конца своих дней генерал-лейтенант Калашников работал на Ижевском машиностроительном заводе, куда он в сентябре 1949 года прибыл старшим сержантом для запуска в массовое производство легендарного автомата АК-47.

10 ноября 2014 года моему отцу — известному конструктору стрелкового оружия Михаилу Тимофеевичу Калашникову исполнилось бы 95 лет. К сожалению, он не дожил до этой юбилейной даты — ушёл из жизни 23 декабря 2013 года, оставив нам возможность лишь помнить его и чтить.

* * *

Жизненный путь моего отца конструктора Калашникова пришёлся на время больших перемен в судьбе нашей Родины: от возникновения и становления нового государства СССР — до его распада и создания Российской Федерации. Будучи верным сыном своей страны, Михаил Тимофеевич очень болезненно воспринимал негативные события, которые периодически сотрясали нашу страну. При этом он всегда был настоящим патриотом и настоящим интернационалистом: «работать во благо Родины» и «никогда не делить людей по национальностям» — таковы были его истинные убеждения, его ориентиры.

Справедливости ради надо отметить, что конструктор Калашников не был исключением. Большинство его ровесников, коллег и друзей были точно такими же. В этом-то и была сила того поколения, давшая

им возможность выстоять в лихие для нашей страны годы, чтобы затем невероятными усилиями и упорным трудом вновь создавать величие страны, обеспечивая мир и благополучие её народа. Такими они были — наши славные отцы и деды!

Вспоминая, с какой всегда болью мой отец говорил о вспыхивающих в разных странах вооружённых конфликтах, во время которых, как он повторял, «бесконтрольно гуляет по рукам созданное мной оружие», сегодня я не могу представить, как бы он реагировал на события на Украине?.. Ведь, можно сказать, с украинского периода своей жизни Михаил Калашников стал формироваться как конструктор военной техники: в западно-украинском городе Стрый он служил в танковых частях Красной Армии и там начал заниматься рационализаторством и изобретательством. В штабе Киевского Особого военного округа молодого красноармейца с созданным им прибором для танка принял командующий округом Г.К. Жуков. Из Киева по приказу командующего его командировали в подмосковную Кубинку. В сохранившемся документе того времени его впервые назвали «красноармеец-изобретатель», а отметка на бланке того документа — 2 октября 1940 г., Киев...

Конечно, никогда не думали выдающиеся конструкторы-оружейники, создатели «оборонного щита нашей Родины», о таком повороте событий. Михаил Тимофеевич Калашников всегда говорил так: «В том, что применяется созданное конструкторами оружие, не они виноваты, а виноваты политики! Конструкторы создают оружие для защиты рубежей своего Отечества!» А наши рубежи, к сожалению, часто нарушались. И когда враг завоёвывал страну, доходя до столицы, — на кого надеялся наш народ? Ну, конечно же, на оружейников. Потому-то в нашей стране особо уважительное к ним отношение.

Имена многих конструкторов-оружейников широко известны. Исторически сложилось так, что образцам стрелкового оружия присваива-

М.Т. Калашников вместе с В.П. Грязевым

лось наименование, содержащее первую букву фамилии конструктора — Токарев (пистолет ТТ и винтовка СВТ), Дегтярёв (пулемёты РПД и ДП), Симонов (карабин СКС и винтовка АВС), Шпагин (пистолет-пулемёт ППШ), Судаев (пистолет-пулемёт ППС), Калашников (автомат АК, пулемёты РПК и ПК), Макаров (пистолет ПМ), Драгунов (снайперская винтовка СВД), Никонов (автомат АН) и так далее. Как же относиться к такой традиции? Может, она уже устарела? Может, пора присваивать вновь создаваемому образцу оружия условные индексы, не упоминая имени его конструктора?

Но ведь есть у этой традиции особый смысл — когда имя конструктора присваивается образцу созданного им стрелкового оружия, которое находится в руках солдата, то конструктор несёт гораздо большую ответственность за сохранение чужой жизни. Хотя бы на морально-этическом и ментально-мистическом уровнях! Ведь сколько историй о том, как наши солдаты «разговаривают» с конструкторами через своё оружие. К примеру, во многих вспоминаемых военнослужащими историях повторяются рассказы о том, что «автомат Калашникова» они называли просто — «Калашников». Потому, что они видели в нём защитника и надёжного друга, носящего имя своего создателя.

Наша отечественная оружейная история, можно сказать, включает в себя две переплетённые и одинаково важные ветви. Первая из них — специальная техническая информация о разработках конструкторов-оружейников, вторая — информация об их жизнеописаниях, биографиях. Знакомство с жизнью конструктора, с историей его творчества, с его жизненной философией даёт возможность понять истоки его творчества, масштаб его личности и оценить полученные им при жизни заслуги. Волею судьбы мне близка именно эта часть оружейной истории, поэтому я беру на себя смелость предложить читателю подобранные отрывки из жизнеописания моего отца, создателя легендарного автомата АК-47 и других образцов стрелкового оружия.

* * *

Человек, который не только выдвигал и соблюдал высокие требования к качеству сделанного им самим оружия, но и той же мерой оценивал любые бытовые вещи, любые самодельные домашние приспособления — это Калашников Михаил Тимофеевич, мой отец. В нашей семье было обычным явлением видеть его в рабочем синем халате, со слесарным инструментом в руках. Всё, что он ремонтировал, было «навечно» и «со знаком качества». Что это — черта характера, выработанная привычка или часть его таланта? Иногда даже было непонятно, для чего он тратит столько времени на простую дверную

защёлку или ремонт замка — ведь всё это можно просто купить в магазине и быстро поставить? Но со временем это понималось и оценивалось — потому что всё было сделано просто и надёжно! Любимое выражение моего отца: делать так, чтобы комар носа не подточил!

Конечно же, для меня мой отец всегда был примером того, как надо относиться к любому делу. И не только в профессиональной деятельности! В моей памяти запечатлено множество историй, связанных и с его депутатской работой — ведь приёмы избирателей в 1950-е и 1960-е годы проходили в «большой комнате» нашей двухкомнатной квартиры. Нас мама отправляла либо погулять с ребятами во дворе, либо тихо сидеть на кухне, читая книги. В это время в нашу двухкомнатную квартиру приходили со своими бедами и печалями люди, а наш отец слушал их, записывал просьбы и обещал помочь, если это будет возможно. Сейчас задаёшь себе вопрос: а знали ли они тогда о том, чем же занимается этот достаточно ещё молодой человек, кто же он такой? Ведь понятно, что в то время конструктор стрелкового оружия Калашников был совершенно «засекречен»!

Удивительно и то, что конструктор Калашников на протяжении 6-ти созывов в свободное от основной работы время занимался самыми разнообразными проблемами Удмуртской республики, города Ижевска, сельских районов и своих избирателей. Тридцать лет — сейчас это даже представить себе невозможно! А ведь в то же самое время (с 1950 по 1989 годы) он создал около 150 различных образцов. В это же время на вооружение Советской Армии были приняты практически все образцы системы Калашникова!

Понятно, что при такой «загрузке» нам, детям, только и оставалось, что взрослеть под присмотром и руководством нашей мамы и при непререкаемом авторитете нашего отца. Мне, как дочери конструктора, с ранних лет было ясно, что «папина работа» — это главное и в его жизни, и в жизни всей нашей семьи. Для нас, детей, было привычным, что отец уходил на завод ранним утром и возвращался ближе к полуночи. Его командировки на испытательные полигоны длились иногда месяцами. А когда он бывал дома, то часто получал срочные телеграммы с мест испытаний от своих соратников, или же их телефонные звонки будили всех нас среди ночи. А потом вдруг всё прекращалось — наступало время ожидания результатов испытаний.

Иногда это ожидание заканчивалось тем, что нам, детям, мама «по секрету» сообщала о том, что папу представили к награде. И вскоре в доме уже был праздник — приходили его коллеги с жёнами и детьми. Заканчивался этот праздник непонятными для нас разговорами на оружейные темы, а на столе появлялась бумага, карандаши и начиналось бурное обсуждение очередных технических проблем. Нам, детям, в то время это было совершенно неинтересно. И только через много

лет ко мне пришло понимание того, что я в то время была свидетелем очень важных событий не только в жизни моего отца и моей семьи. Эти события были частью истории развития советского стрелкового оружия, признанного в конце 20-го века самым лучшим, самым надёжным и простым.

Впервые прикоснуться к оружейной истории «вживую» мне довелось летом 1989 года в Москве, когда из США в нашу страну приехал эксперт по стрелковому оружию доктор Эдвард Изелл. Он готовил материал о создателе автомата АК-47 Михаиле Калашникове для видеоистории Смитсоновского института в Вашингтоне.

В 1990-х годах мне посчастливилось участвовать в первых зарубежных поездках отца в США, и я вновь стала свидетелем «живой оружейной истории» — интереснейших встреч всемирно известных конструкторов, многие десятилетия заочно конкурировавших друг с другом. Эти поездки дали мне реальное представление о том, насколько авторитетен и уважаем в оружейном мире русский конструктор Михаил Калашников и насколько известен и почитаем его «первенец» — легендарный АК-47. Ещё я тогда узнала, что есть немало людей, интересующихся историей создания этого оружия и жизнью его конструктора. Поэтому в 2009 году пришло решение написать и издать книгу «АК-47 — оружие-легенда», что я и осуществила.

* * *

В память о моём отце хочу сказать несколько слов о Межрегиональном общественном фонде имени М.Т. Калашникова, созданном при непосредственном участии Михаила Тимофеевича Калашникова, ставшего первым президентом Фонда. Вот как он написал об этом в своей книге «Калашников: Траектория судьбы»:

«Летом 2002 года мы создали наш, пока почти семейный, Фонд моего имени и я стал его первым президентом. Хотя, как я понимаю сейчас, это надо было делать как минимум лет десять тому назад. Но как говорят, оправдывая свое запоздалое решение: «Лучше позже, чем никогда! « Надеюсь, что Фонд имени М.Т. Калашникова сможет правильно распорядиться моим наследием, употребив его на благо тех, кто нуждается в поддержке или защите своих законных прав.

Хочу верить, что наш Фонд сможет помогать молодым, талантливым людям найти наилучшие пути для их творческой реализации. Нельзя забывать и о тех, кто всю свою жизнь трудился во славу нашего Отечества и в пожилом возрасте оказался в трудной ситуации. В сегодняшнее время можно выжить, сохранив все самое лучшее из прежних времен, и только сообща. Так, как пел наш известный поэт и бард Булат Окуджава: «Возьмемтесь за руки, друзья, возьмемтесь за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке...»

Фонд имени М.Т. Калашникова — некоммерческая общественная организация, занимающаяся популяризацией творчества как конструктора М.Т. Калашникова, так и других российских оружейников. С 2002 года Фонд работает над созданием видеолетописи «Ижевские ветераны-оружейники военных и послевоенных лет», регулярно проводит мероприятия для ветеранов оружейного производства. За счёт собственных средств Фонд осуществляет благотворительную деятельность по оказанию материальной помощи ветеранам-оружейникам и их семьям.

М.Т. Калашников на встрече с президентом В.В. Путиным 2006 г., фото Е. Аксёнова

Первое печатное издание Фонда — книга М.Т. Калашникова и Е.М. Калашниковой «Калашников: Траектория судьбы» была издана в 2004 году и переиздана в 2007 году.

В 2009-2010 годах к 90-летию конструктора Фонд реализовал несколько проектов, посвящённых юбиляру. Изданы книга «АК-47 — оружие-легенда» и юбилейный альбом «Автомат Калашникова», созданы документальный фильм «Просто Калашников» (совместно с Национальной кинокомпанией «Вся Россия», г. Москва) и видеофильмы «Биография конструктора» на русском и английском языках.

Для фотовыставок в России и за рубежом Фонд подготовил несколько экспозиций: «Траектория судьбы» — Ижевск (2007), Барнаул (2007), Санкт-Петербург (2008-2014); «Оружие солдата» — Ижевск (2009), Москва (2010), Тула (2012); «Ижевские конструкторы-оружейники: Е.Ф. Драгунов, М.Т. Калашников, Г.Н. Никонов» — Ижевск (2012); «Конструктор Драгунов» — Глазов (2013); «Конструктор Калашников» — Черногория (2013), Ковров (2014), Москва ФВМК (2014). В США на ежегодных оружейных выставках SHOT Show в Лас–Вегасе Фонд демонстрировал экспозиции: «Soldier's weapon» (2010); «Weapons designers meet» (2011).

В 2011 году книга «АК-47 — оружие-легенда» издана в форматах, доступных для людей с нарушениями зрения: звуковом и рельефно-точечном с рельефно-графическим иллюстративным пособием. Материал передан для распространения по специализированным библиотекам. В том же году в США вышла книга Kalashnikov: The Inside Story of the Designer and His Weapons (англоязычный перевод «АК-47 — оружие-легенда»).

19 сентября 2012 года впервые праздновался День Оружейника. К этой дате Фонд издал книгу Е.М. Калашниковой «Разговор

с оружейником» — интервью с известными советскими оружейниками: А.М. Афанасьевым, К.А. Барышевым, М.Т. Калашниковым, А.А. Лови, В.П. Грязевым, А.Г. Шипуновым.

В мае 2013 года по приглашению Дома Русского зарубежья им. Александра Солженицына Фонд участвовал в восьмой Международной книжной ярмарке в Черногории. На стенде Фонда были представлены: фотовыставка «Конструктор Калашников», буклеты, книги, альбомы, фильмы.

К 95-летию М.Т. Калашникова (10 ноября 2014 г.) Фондом и Национальной кинокомпанией «Вся Россия» создан документальный фильм «Создатели стрелкового оружия» (по книге «Разговор с оружейником»), премьеры которого прошли в Туле, Ижевске и Москве. А в конце 2014 года завершён первый фильм из нового многосерийного документального кинопроекта по биографическому роману «Калашников: Траектория Судьбы» (1919-1945 гг.). Премьера фильма состоялась в Ижевске в День памяти конструктора 23 декабря 2014 года.

В декабре 2014 года в Москве в МВЦ «Рабочий и колхозница» открылась выставка, посвящённая 95-летию М.Т. Калашникова, созданная Фондом при участии Союза коллекционеров России.

По инициативе ветеранов-оружейников и лично М.Т. Калашникова в 2013 году Фонд начал работу по изготовлению и установке в городе Ижевске бюста Д.Ф. Устинова. В 2015 году к 70-летию Великой Победы Фонд планирует одновременную установку и открытие двух памятников — Д.Ф. Устинову и М.Т. Калашникову.

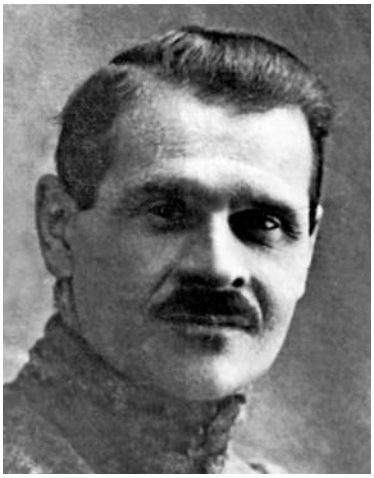
В настоящее время для России важно возрождение истинных духовных ценностей, без которых ни одно государство не может быть сильным, а значит, и уважаемым в мире. Этой цели посвящены все творческие проекты Фонда.

РОЖДЕННЫЙ ТВОРИТЬ

Кочетова Марина Евгеньевна, *50 лет,*
«SEARS Canada Inc.», товаровед,
г. Оттава,
Канада

Возвращение к теме Великой Отечественной войны в преддверии 70-летия Победы — не случайность, а закономерность. Этот день все приближали, как могли. Закономерен и вклад в приближение долгожданной победы тульских оружейников, поставлявших оружие бойцам Красной Армии. Тула веками оружие ковала… Много славных

мастеров-оружейников подарила миру тульская земля. Один из самых известных — мой дед, Дмитрий Михайлович Кочетов.



Д.М. Кочетов, оружейный конструктор

Мне не было еще 14 лет, когда Дмитрий Михайлович ушел из жизни в 1978 году. Тем не менее, яркие воспоминания о дедушке Мите (Димой его никто никогда не называл) сохранились до сегодняшнего дня.

Дмитрий Михайлович Кочетов — коренной туляк и потомственный оружейник. Пятнадцатилетнего Митю привел на ТОЗ его дед Василий Богданов (8.06.1897 –15.08.1978), сыгравший немаловажную роль в судьбе Дмитрия. По сути, дед Василий заменил Мите отца, ушедшего из жизни очень рано, когда Дмитрий был еще малышом. После смерти Василия Богданова за старшего в семье остался юный Дмитрий. В то время он не предполагал, что судьба его свела с оружейным заводом на долгие 60 лет.

Начинал слесарем замочной мастерской. Во время Первой мировой войны Дмитрий Кочетов совмещал работу на заводе с учебой в оружейно-техническом училище (позднее оно стало называться артиллерийским), по окончании которого был призван в армию и служил мастером в Кавказском стрелковом полку. После службы, вернувшись в Тулу на родной завод, был назначен заместителем заведующего оружейными мастерскими. А когда была создана мастерская по конструированию и производству охотничьего и спортивного оружия, возглавить ее доверили Дмитрию Михайловичу. Будучи человеком творческим он не только наладил производство уже существующих моделей, увеличив их выпуск, но и, недолго думая, приступил к разработке новых образцов. Делом это было новаторским и непростым, ведь, создавая новое, необходимо переосмыслить старое в отечественной практике, а также тщательно изучить иностранные системы. Результат не заставил себя долго ждать — родился первенец — охотничье ружье, которое прозвали «кочетовкой». Это стало своего рода боевым крещением Дмитрия Михайловича, повысив его статус до инженера-конструктора, и вдохновило на взятие новых высот. «Кочетовка» оказалась универсальной: ею с успехом пользовались как любители, так и промысловики-охотники.

Судьбоносным событием стала работа группы граверов под дедушкиным началом над дизайном и гравировкой приклада ружья в подарок В.И. Ленину. Природная склонность к рисованию и ювелирная

точность исполнения помогли достойно справиться со столь почетным и ответственным заданием. Тульский писатель Александр Лаврик даже книгу написал о том, как готовили тульские умельцы подарок Ильичу. И мой дедушка, естественно, упомянут в этой книге.

Лиха беда начало… Как из рога изобилия, одна за другой, стали появляться дедушкины винтовки — знаменитые ТОЗы. Когда я училась в 10 классе (1981 г.), винтовки ТОЗ-8 и ТОЗ-12 были представлены в учебниках по начальной военной подготовке. Их изучали на уроках НВП во всех советских школах. Легендарная ТОЗ-8 не снималась с производства в течение нескольких десятилетий!

Во время Великой Отечественной войны Тульский оружейный завод был эвакуирован в г. Ижевск. В эвакуации Дмитрию Михайловичу довелось работать рука об руку с Дмитрием Федоровичем Устиновым, впоследствии министром обороны СССР. Несмотря на новое назначение руководителем экспериментальных мастерских и исследовательского бюро, Дмитрий Михайлович не переставал заниматься и конструкторской деятельностью.

По возвращении в Тулу руководство оружейного завода решило в 1945 году создать особый учебно-производственный цех на заводе. Возглавить его поручили дедушке, назначив его директором вновь созданной школы оружейного мастерства. Должность руководителя не мешала ему заниматься творчеством. Изобретениям не было конца. Неугомонный Дмитрий Михайлович каждое утро с радостью отправлялся на работу как на праздник, вплоть до 1970 года. В так называемом расцвете творческих сил он продолжал оставаться всегда. Следует отметить, что не только его винтовки ставили на серийное производство. Спросом пользовались и другие изобретения неиссякаемого тульского самородка: оптические приборы, специальные наушники-глушители, приспособления для езды на велосипеде по снегу и льду. Когда человек талантлив, он талантлив во многом. Круг интересов Дмитрия Михайловича расширялся с каждым годом. А их разносторонность была прямо пропорциональна разносторонней деятельности, резонанс от которой распространился повсюду, преодолев преграды, географические и временные рамки.

Глубоко уважаемый многими Дмитрий Михайлович не только выпускал в свет охотничьи ружья, но и сам был заядлым охотником. Чудо-мастер конструировал не только ружья спортивные, но и сам участвовал в соревнованиях по спортивной стрельбе. Привлекали его и велогонки (любопытная деталь: со своей будущей супругой Минодорой, с которой суждено было вместе прожить 60 лет, воспитав троих замечательных детей, пятерых внуков, Дмитрий познакомился именно на Тульском велотреке; отец Минодоры Михаил Рогожин держал там буфет). Дмитрий был не только азартным болельщиком, но и сам принимал участие в гонках на треке, выступая под псевдонимом

Ранк. Мне по наследству достались его призы — две серебряные рюмки, на которых выгравировано «Гандикап. Дистанция 5 верст. 1 приз. 1922 год» и «Дмитрию Михайловичу Кочетову — Ранк. 1 приз. Дистанция 1 верста. 1922 год».

Позднее Дмитрий Михайлович некоторое время даже возглавлял Тульскую велосипедную федерацию и судил соревнования по велоспорту — на все время находил! А много лет спустя председателем областной федерации велоспорта стала его прославленная невестка — моя мама Любовь Кочетова, страстным болельщиком которой Дмитрий Михайлович неизменно оставался на протяжении всей ее спортивной карьеры. Они всегда ладили между собой, поддерживали друг друга, хотя оба отличались вспыльчивостью характера.

Поскольку мои родители, оба Заслуженные тренеры РСФСР, в то время разъезжали по учебно-тренировочным сборам и соревнованиям, меня частенько оставляли у бабушки с дедушкой. И я абсолютно отчетливо помню дедушкины «причуды», будто все было только вчера. Например, он не любил носить ремни на брюках, предпочитая подтяжки, признавал только брюки-галифе, ходил с палкой — не потому, что ноги болели, а для форса… Он был общительным человеком, любил и всегда тепло принимал гостей. Мы вместе с бабушкой и дедушкой часто отправлялись в Заречье, в гости к семье известного оружейника Куракова, дедушкиного коллеги; ходили к Глаголевым Михаилу Ивановичу и Марии Феликсовне, которые жили в районе Всехсвятского кладбища. Все друзья у дедушки были интересные. Дружеские отношения поддерживал Дмитрий Михайлович и с известным оружейником Березиным, а с его старшей внучкой Аней мы даже учились вместе в 1 классе.

Дедушку часто приглашали выступать перед молодежью, и он охотно откликался на это. И в мою школу он часто наведывался, с радостью рассказывая моим соученикам на классном часе о своей жизни. Любил бывать среди молодежи. Несмотря на возраст, всегда оставался молодым, не теряя физическую и интеллектуальную форму, не отдалялся от реального мира. Когда его спрашивали о секретах долголетия, он отвечал словами из песни «Главное, ребята, сердцем не стареть». Любил ходить пешком, шагая очень быстро, я едва за ним поспевала.

Я – самая младшая внучка у Кочетовых, потому и отношение ко мне было особое. Когда я была совсем маленькой, дедуля любил меня убаюкивать и пел: «Буря мглою небо кроет », а также рисовал мои портреты, предвидя какой я стану, когда вырасту. Всегда он меня изображал с длинными красивыми распущенными волосами, хотя я ходила с косичками. Теперь мне уже 50 лет, а волосы, в самом деле, длинные, красивые, распущенные — дедушка «запрограммировал»…

Дедушка любил покупать для меня краски и кисточки — самые лучшие, самые дорогие — мечтая приобщить меня к рисованию. Увы, Бог обделил меня таким талантом. Рисование не вызывало у меня ни малейшего интереса. Зато мы с удовольствием проводили время в художественном музее и на велотреке.

В 1977 году в Туле, во Дворце культуры профсоюзов проходила запись популярной на всю страну передачи «От всей души», героями которой стали моя мама Любовь Кочетова и мой дедушка Дмитрий Михайлович. И я с ними там тоже была, и нас всех показали по центральному телевидению. Ни дедушка, ни мама не любили, когда их называли ветеранами. Они всегда, как говорится, держали руку на пульсе современной жизни, быстро ориентировались, шли в ногу со временем, всегда были полны творческих идей. Жили по Николаю Заболоцкому, не позволяя «душе лениться, чтоб в ступе воду не толочь; душа обязана трудиться и день, и ночь». Молодежь к ним тянулась.

Часто в гости к Дмитрию Михайловичу заглядывал молодой тогда, очень талантливый человек, Иван Васильевич Щербино, в настоящее время всемирно известная личность. Ему интересно было общаться с Дмитрием Михайловичем. Разница в возрасте не ощущалась. Они часами могли обсуждать новые идеи, им всегда было о чем поговорить. Их объединяла страсть к творчеству.

Как сказал поэт: «Цель творчества — самоотдача». И отдаваясь творчеству, Дмитрий Михайлович Кочетов вносил свой неповторимый вклад в окружающий мир. Чем больше в жизни творчества, тем дольше сохраняются ум и интеллект. Дедушка никогда не сидел без дела — то рисовал, то лепил, то клеил, паял, выпиливал, выжигал, чеканил... Без конца что-нибудь да мастерил. Кухню он превратил в мастерскую со множеством всяческих инструментов. Их было много, но я помню тиски, потому что колола ими орехи. За вдохновением Дмитрий Михайлович отправлялся в парк и в лес. Любил ходить по грибы, любовался природой средней полосы, наслаждался пением птиц. Дома у него всегда обитали то щеглы , то попугаи. Я помню дедушкиных канареек, и аквариумные рыбки всегда были. Дмитрий Михайлович с интересом наблюдал за их поведением, с любовью о них заботился.

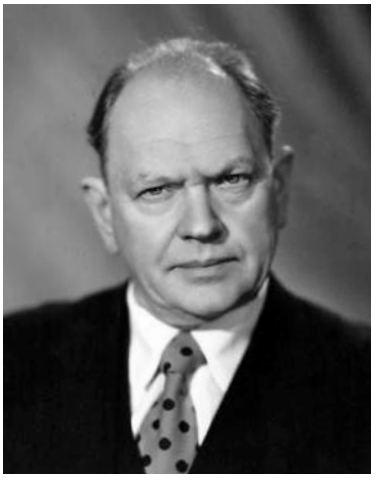
Жаль, что жизнь Дмитрия Михайловича нелепо оборвалась. В разгаре творческого процесса, одержимый очередным проектом, он измерял что-то на балконе, не удержал равновесие и упал с 3-го этажа. Произошло это через 2 месяца после его 81-го дня рождения. Так трагически и внезапно закончилась его жизнь, хотя Дмитрий Михайлович был еще очень крепок, полон задумок...

РОЖДЕННЫЙ ТВОРИТЬ будет жить всегда!

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ РОГОЖИН – ОРУЖЕЙНИК, ОРГАНИЗАТОР, ПАТРИОТ

Рогожин Александр Владимирович, *64 года,*
инженер-механик, к.т.н.,
старший научный сотрудник ГНПП «Сплав» (1973–1992)

Рогожина Нина Владимировна, *67 лет*
инженер-механик ГНПП «Сплав», пенсионерка
г. Тула



В.Н. Рогожин, 1975 г.

Всю жизнь наш отец Владимир Николаевич Рогожин посвятил укреплению обороноспособности страны и славы нашего города как оружейной столицы. Потому и снискал уважение всех тех, кто его знал, и с кем довелось работать. За широту взглядов, порядочность и любовь к Родине конструкторы НИИ-147 (впоследствии Научно-производственного объединения «Сплав»), которым он руководил, между собой называли его интеллигентом. Благодарные туляки на Аллее Славы перед тульским музеем-шлемом установили бюст знаменитому оружейнику. На сайте Тульского государственного музея оружия об отце сказано, что он — «один из основоположников создания нового направления в производстве боеприпасов к ствольной артиллерии, за что ему в 1951 году была присуждена Государственная премия.

В.Н. Рогожин как руководитель предприятия активно участвовал в разработке реактивных систем залпового огня «Град», «Град-1», «Прима», «Ураган», «Смерч», реактивных снарядов к ним и внедрение их в серийное производство с созданием высокомеханизированных и автоматизированных участков.

Владимир Николаевич — автор 150 научно-технических статей, 188 изобретений. Кандидат технических наук, доцент, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР, награжден орденом Ленина, двумя орденами Октябрьской Революции, орденом Красной Звезды и многими медалями. Почетный гражданин города Тулы» [1].

А в жизни папа был очень скромным человеком.

Родился он 22 ноября 1915 года в Туле. Родословной мы специально не интересовались, да и папа ни на чем особенном внимание не

заострял. Знаем только, что до революции дед (отец Владимира Николаевича) жил в Богородицке. Потом экстерном окончил юридический институт и в начале прошлого века стал поверенным в делах супруги Льва Николаевича Толстого. За добрую службу она подарила ему цветную фотографию писателя, выполненную профессором С.М. Прокудиным-Горским, бывшую тогда большой редкостью.

Бабушка по отцовской линии происходила из семьи служащих, работала в библиотеке, была женщиной начитанной и, по свидетельству близко знавших ее людей, считалась «академиком» домашнего хозяйства.

Владимир Николаевич с детства рос в атмосфере духовности. Любовь к печатному слову он пронес до глубокой старости, знал наизусть произведения классиков и цитировал по памяти отрывки из поэм. А когда зрение начало подводить, просил домашних почитать ему вслух.

Владимир Николаевич учился в тульской школе №6, заканчивал ее как девятилетку. В тридцатые годы не предполагалось сразу поступать в вуз. По правилам того времени прежде следовало получить рабочий стаж. Только благодаря усилиям деда Николая Николаевича папу досрочно приняли в Тульский механический институт. Окончил он его с красным дипломом по специальности «Ковочно-штамповочное производство» и сразу попал на завод «Новая Тула» (впоследствии Тульский комбайновый завод).

Квалифицированных кадров на предприятиях в те годы не хватало, а с высшим образованием — тем более. Поэтому отец быстро дорос до начальника цеха. Работы, как и ответственности, было с избытком. Частенько Владимир Николаевич даже ночевал на заводе, прямо в своем кабинете. Потому, что трамваи уже не ходили, когда заканчивалась его «смена».

Когда началась Великая Отечественная война, первое, что сделал папа — купил бутылку шампанского и поставил в погреб, чтобы выпить за нашу победу, когда война закончится. Не на минуту он не сомневался, что «Победа будет за нами».

Когда возникла необходимость эвакуации завода, принял активное участие в демонтаже оборудования и отправке его в Новосибирск. И сам последовал в эвакуацию с заводом. Молодой человек без должного жизненного опыта ничего толком и не взял с собой в дорогу. Поэтому после нескольких месяцев «путешествия» в теплушке доехал до места чуть живой.

В Новосибирске, работая начальником технологического бюро, затем начальником цеха, восстанавливал эвакуированное из Тулы производство. Благодаря внедрению сокращенного технологического цикла при его участии в кратчайший срок запустили производство гильз. Причем без потери качества. Это, конечно, был существенный вклад в победу страны в Великой Отечественной войне. За это Рогожин был награжден орденом Красной Звезды.

В 1943 году папа вернулся в Тулу и продолжил работу на своем заводе. К окончанию войны был уже начальником цеха.

В 1946 году он перешел на работу в научно-исследовательский институт № 147. Начинал простым инженером, а дослужился до генерального директора, не перепрыгнув ни одной ступени карьерной лестницы. Владимир Николаевич вызывал уважение окружающих тем, что был профессионалом и порядочным человеком. По тем временам, когда директоров снимали за малейший промах, он на должности руководителя оборонного института проработал почти четверть века.

В 1951 году начальник бюро В.Н. Рогожин вместе с группой сотрудников «Сплава» был удостоен Сталинской премии за решение проблемы обеспечения армии артиллерийскими гильзами из специальной стали вместо дорогостоящей латуни.

Рогожин возглавил НИИ в 1964 году — в тяжелейшее время, когда только разворачивался выпуск реактивных снарядов РСЗО «Град». Местом производства определили завод «Штамп». До этого предприятие изготавливало самовары, торговое оборудование и гильзы. А теперь предстояло создавать новые производства! Людям, никогда в жизни не имевшим дела с реактивными системами залпового огня, пришлось осваивать с нуля изготовление новых точных деталей для «Града». Производства такого масштаба не было ни до, ни после этого периода. С 1965 года до самой перестройки 90-х «Штамп» работал в три смены шесть дней в неделю и еще в две смены по воскресеньям.

Для широкой публики отец долгие годы оставался в тени. Но до самого выхода на пенсию, в 1985 году, под его руководством осуществлялось технологическое сопровождение производства реактивных систем залпо-

Лауреаты Государственных премий (слева направо):
первый ряд: А.Н. Ганичев, В.Н. Рогожин, М.Е. Кузнецова;
второй ряд: В.Н. Маркин, В.И. Дмитриев;
третий ряд: В.Н. Марьин, Г.А. Денежкин, П.А. Демьянов

вого огня «Град», «Град-1», «Ураган», «Смерч». Владимир Николаевич организовывал производство снарядов на заводах страны. Выпуская новые изделия, конструкторы день и ночь трудились над тем, чтобы снизить их себестоимость и повысить коэффициент использования металла. А уж о том, чтобы пропустить брак, и помыслить было нельзя. На отце лежала колоссальная ответственность, но он умел выдерживать нагрузки. Рабочий день давно заканчивался, а телефон в кабинете продолжал звонить. По разным производственным проблемам с ним консультировались заместитель министра, начальник главка и многие другие. Технологию реактивных систем залпового огня он «пропускал через себя», поэтому каким-то необъяснимым образом «чувствовал» весь процесс.

В 1976 году Владимиру Николаевичу Рогожину присвоили звание Героя Социалистического Труда, вручили орден Ленина и золотую медаль «Серп и Молот».

Вытянуть тяжелую ношу отец смог только за счет двух факторов: прочнейшего тыла, создаваемого женой, и своих увлечений рыбалкой, охотой, садом. В течение многих лет его рабочий день был по 10–11 часов, но в субботу он обязательно уезжал на природу. Владимир Николаевич был организатором даже в этом деле. Он создал из рабочих и инженеров предприятия потрясающий коллектив «высококвалифицированных» охотников и рыбаков.

Наша замечательная мама Татьяна Александровна в какой-то мере тоже разделяла груз непростой должности своего мужа. Папа познакомился с будущей супругой еще в школе, а поженились они только после войны. Наверное, детство этой женщины рано закалило ее характер, сформировало некую жизненную философию. Родилась Татьяна Александровна в революционном Петрограде, когда детям вместо молока давали на талоны семечки. Всю Гражданскую войну семья провела на Украине, которую «полировали» то белые, то красные, то банда Махно. Ей довелось видеть многое, в том числе и расстрелы людей на глазах у жителей…

Мама получила высшее образование, но по настоянию мужа посвятила себя семье. Папа никогда не ходил в столовую, на протяжении многих лет он обедал дома с газетой в руках. Не расставались родители и во время отпуска отца.

Сейчас, спустя годы, жалеем лишь об одном — что многого не спросили у него в свое время, а хотелось бы…

Скончался Владимир Николаевич Рогожин, замечательный организатор, оружейник, патриот, а для нас прежде всего — прекрасный человек и отец 6 марта 2009 года на 94-м году жизни.

Литература

1. *Рогожин Владимир Николаевич* //http://www.museum-arms.ru/about/tula-armory/detail.php?ELEMENT_ID=203

СТАЛИНСКАЯ ПРЕМИЯ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА КОШКИНА

Прейс Владимир Викторович, *67 лет,*
заведующий кафедрой ФГБОУ ВПО
«Тульский государственный университет», главный редактор
научного издания «Известия ТулГУ»,
доктор технических наук, профессор,
г. Тула

Мне посчастливилось достаточно близко знать Льва Николаевича Кошкина в течение многих лет. Вначале, будучи еще школьником, я часто слышал о нем от своего отца — Виктора Федоровича Прейса, который заведовал кафедрой в нашем институте. Уже тогда, отрывочные, но всегда восхищенные рассказы отца о Льве Николаевиче, обратили мое внимание на личность этого незаурядного человека, конструктора и ученого, создателя и руководителя Конструкторского бюро автоматических линий (КБАЛ) Министерства оборонной промышленности СССР, основателя научного и практического направления комплексной автоматизации отечественного патронного производства на базе автоматических роторных линий (АРЛ).

Став студентом Тульского политехнического института, я слушал лекции Л.Н. Кошкина, познакомился с ним лично и с его трудами. После окончания института я был распределен на работу в КБАЛ (г. Климовск, Московской обл.), где в течение 25 лет прошел путь от инженера-конструктора до начальника конструкторского отдела, защитил под научным руководством Л.Н. Кошкина кандидатскую диссертацию. Многие годы я исполнял обязанности ученого секретаря научно-технического совета КБАЛ и заместителя главного редактора отраслевого научно-технического сборника «Вопросы оборонной техники. Серия 13. Комплексная автоматизация производства и роторные линии». В 1985–1990 годах я исполнял обязанности заместителя Л.Н. Кошкина на посту заведующего кафедрой «Комплексная автоматизация производства и роторные линии» отраслевого института повышения квалификации Министерства оборонной промышленности СССР при МВТУ им. Н.Э. Баумана. Все это давало мне возможность обсуждать с Л.Н. Кошкиным не только различные аспекты его практической деятельности, как руководителя КБАЛ, но и философские, общенаучные проблемы в области комплексной автоматизации патронного и других массовых производств на основе АРЛ [1].

Слева направо: В.Ф. Прейс, Л.Н. Кошкин, С.Д. Новиков, И.А. Клусов. 50-е годы, ТМИ

Начало

Л.Н. Кошкин родился 12 октября 1912 года в г. Вязьме Смоленской области. В 1929 году окончил среднюю школу и строительные курсы в г. Орле. Трудовую деятельность начал в 1929 году бетонщиком, а позже работал токарем в железнодорожном депо станции «Орел-1».

В 1932 году поступил на вечернее отделение Московского механико-машиностроительного института им. Н.Э. Баумана (ММИ) и одновременно работал сначала токарем, мастером, а потом — конструктором на московских заводах «Калибр», «Пресс».

После окончания ММИ в 1937 году Лев Николаевич был направлен в г. Ульяновск на патронный завод № 3 (впоследствии — Ульяновский машиностроительный завод им. Володарского), который в те годы являлся одним из старейших и ведущих заводов нашей страны, выпускавших патроны для стрелкового оружия.

Как вспоминал потом сам Л.Н. Кошкин, работая на заводе над созданием специальных станков для патронного производства, он готовился к сдаче экзаменов кандидатского минимума по философии и погрузился в изучение «Капитала» К. Маркса, «Диалектики природы» Ф. Энгельса и «Философских тетрадей» В.И. Ленина. Фундаментальные положения К. Маркса о сущности, признаках и преимуществах автоматической системы машин и непрерывного поточного производства стали ключевыми для всей его последующей деятельности. Диалектический анализ исторических путей развития техники и технологии привели его к убеждению, что единственно верным направлением автоматизации патронного производства должно стать создание станков-автоматов, в которых изготовление элементов и сборка патронов производится в процессе их непрерывного транспортирования по замкнутым траекториям совместно с обрабатывающим инструментом.

Такие станки-автоматы Л.Н. Кошкин назвал роторными машинами, а автоматические линии, создаваемые на основе таких машин — роторными линиями.

В предвоенные годы Л.Н. Кошкин прошел путь от инженера-конструктора до Главного конструктора завода № 3 в 1940 году. Под его руководством были созданы отдельные роторные станки-автоматы для обработки резанием элементов и сборки патронов стрелкового оружия. Опытом проектирования этих автоматов Л.Н. Кошкин поделился на страницах журнала «Машиностроитель» (№ 7, 1940 г.) в своей первой статье «Шире дорогу конструкторскому творчеству». Был сделан первый шаг на долгом и трудном пути становления и признания новой техники.

Военные годы

На Ульяновском машиностроительном заводе, когда, по существу, формировался фундамент нового направления автоматизации патронного производства на базе роторных машин-автоматов, вместе с Л.Н. Кошкиным, который был безусловным генератором технических идей, работали такие опытные конструкторы как Г.А. Касаткин, Г.Ф. Андреев, И.Н. Николаев, В.В. Легостов. Они с энтузиазмом восприняли идеи молодого инженера и своим опытом содействовали рождению первых роторных станков-автоматов. Там же стала формироваться группа конструкторов молодого поколения: С.Н. Панков, В.М. Таныгин и др., которые посвятили всю свою жизнь развитию этого направления автоматизации.

В период становления нового направления автоматизации большое внимание и поддержку молодым специалистам оказывал директор Ульяновского завода А.С. Елян, который был известен как крупный организатор не только в патронной, но и в других отраслях промышленности. Также в проведении работ оказывали помощь нарком вооружения СССР Д.Ф. Устинов (впоследствии — Министр оборонной промышленности, Министр обороны СССР) и главный специалист наркомата С.И. Ветошкин (впоследствии руководитель Главного управления, а затем заместитель министра оборонной промышленности СССР). Это внимание было не временным, а постоянным на протяжении всего периода работы этих крупных государственных деятелей.

В грозном военном 1943 году за разработку серии специальных станков-автоматов, в том числе и роторного типа, успешное внедрение их в производство патронов для стрелкового оружия Л.Н. Кошкину была присуждена Сталинская премия, которая была передана им в фонд обороны на строительство танка для Красной Армии. Вот текст этой телеграммы:

«Москва. Кремль. Тов. Сталину И.В.

Дорогой Иосиф Виссарионович!

За создание новых типов станков я удостоен высокой чести — мне присуждена носящая Ваше имя премия в размере 100000 рублей. Это дает мне возможность помочь и своими средствами великому делу разгрома ненавистной гитлеровской Германии. Я вношу эти деньги на приобретение для Красной Армии танка, который я хотел бы, если можно, назвать — «Николай Кошкин», в память о моем отце, сражавшемся с немцами в первую мировую войну.

Желаю Вам, дорогой Иосиф Виссарионович, новых успехов и крепкого здоровья.

Главный конструктор з-да № 3
Кошкин Лев Николаевич.
Ульяновск. Заволжье».

Просьба Л.Н. Кошкина была удовлетворена, и танк с именем его отца принимал участие в жестоких танковых сражениях на Курской дуге, где был подбит.

Создание роторных станков-автоматов не было каким-то показным актом. В отличие от зарубежного оборудования периодического действия, применяемого в те годы на патронных заводах, роторные станки-автоматы ознаменовали создание качественно нового типа технологического оборудования непрерывного действия. В суровые годы Великой Отечественной войны новое оборудование прошло первые жесткие испытания. Оно с самого начала показало высокие эксплуатационные показатели при изготовлении элементов и сборке патронов для стрелкового оружия и способствовало все более нарастающему их выпуску. Несмотря на эвакуацию Луганского и Тульского патронных заводов на Урал и в Сибирь, выпуск патронов из года в год увеличивался и составил в 1944 году более 7 млрд. штук. В течение всей войны Красная Армия не знала недостатка в патронах для стрелкового оружия [2].

Успешное развитие работ по созданию нового оборудования послужило основанием того, что приказом наркома вооружения СССР Д.Ф. Устинова в июне 1944 года было создано Центральное Конструкторское бюро (ЦКБ-3).

Послевоенные годы

В 1951 году ЦКБ-3 перебазировалось на свою постоянную базу в г. Климовск (Московская область) и было переименовано в Конструкторское бюро автоматических линий (КБАЛ). Главной задачей КБАЛ стало создание АРЛ для производства патронов стрелкового оружия.

В послевоенные годы правительством СССР был поставлен вопрос о путях дальнейшего развития отечественного патронного производства.

Высказывалось мнение о целесообразности использования оборудования германских патронных заводов, оказавшихся в советской зоне оккупации. Однако для коллектива КБАЛ во главе с Л.Н. Кошкиным сомнений не было — генеральным направлением развития патронного производства должна стать комплексная автоматизация на базе только отечественного оборудования, а именно, АРЛ.

Молодой Л.Н. Кошкин

Вначале многим идея роторных машин казалась далеко не бесспорной, а аргументы и доводы Л.Н. Кошкина беспочвенными и чуть ли не технически безграмотными. Несмотря на противодействие со стороны ряда специалистов и руководителей производств, это направление автоматизации патронного производства было безоговорочно поддержано Д.Ф. Устиновым. Заведующий отделом ЦК КПСС И.Ф. Дмитриев вспоминал: «…Когда Устинов вынес обсуждение идею Кошкина в наркомат, крупнейшие специалисты, представители предприятий, ответственные работники — все до единого ее отвергли … Дмитрий Федорович отпустил всех, а Кошкина спросил, что тому нужно, чтобы сделать образец линии… Когда же линия заработала, Устинов снова собрал всех, кто был в прошлый раз. Кошкин доложил о результатах, Устинов спросил: «Ну и как теперь поступим, товарищи?» Другие разговоры пошли!…» [3, с.4].

По инициативе Д.Ф. Устинова на Климовском штамповочном заводе (КШЗ) началось создание экспериментального автоматизированного производства патронов. В 1947 году были смонтированы и в 1949 году внедрены в эксплуатацию АРЛ для снаряжения пистолетных патронов.

В течение второй половины 50-х годов коллектив КБАЛ под руководством Л.Н. Кошкина усиленно работал над созданием типовых роторных машин для различных технологических операций: штамповочных, металлорежущих, термических, химических, лакокрасочных, сборочных, контрольных, упаковочных. Л.Н. Кошкин понимал, что только наличие широкого арсенала надежных конструкций роторных машин разнообразного технологического назначения позволит эффективно решать задачи комплексной автоматизации производства на основе АРЛ в различных отраслях народного хозяйства. Накапливался практический опыт эксплуатации линий.

Несмотря на успехи в создании роторных линий, на семинарах, конференциях, в печати не затихала бурная дискуссия по поводу прогрессивности, экономической эффективности роторных машин и ли-

ний, их места в общем направлении комплексной автоматизации производства. В одной из газетных статей того времени Л.Н. Кошкин писал «Каждая эпоха развивалась и утверждалась на основе высших средств производства. Будет ли задача [комплексной автоматизации производства] решена с помощью существующих орудий и машин или для этого потребуется переход к качественно новым их формам? Чем будут характерны в дальнейшем сами рабочие орудия и машины? Ответить на эти вопросы помогает диалектический метод — ... учение о сущности явлений, о развитии, как о борьбе противоположностей. ...часть специалистов и ученых занимают позицию замалчивания ... объективных закономерностей развития технологических процессов и рабочих машин или отвергают их, избегая открытого диспута по существу вопроса. В этот затянувшийся спор пора вмешаться ... экономистам и философам» (Л.Н. Кошкин. Путь к подлинной автоматизации производства // Известия, 11 марта 1960 года).

Конец 50-х начало 60-х годов ознаменовались становлением и интенсивным развитием общетеоретических принципов комплексной автоматизации производства, теории проектирования и эксплуатации автоматических роторных машин и линий. В 1954 году Л.Н.Кошкин защищает кандидатскую диссертацию и начинает вести по совместительству научно-педагогическую работу: сначала в промышленной академии Министерства Вооружения, а затем с 1957 года в Тульском механическом институте (позднее — Тульском политехническом). В институт он был приглашен по инициативе заведующего кафедрой «Оборудование штамповочного производства» (ОШП) В.Ф. Прейса для чтения факультативного курса лекций по основам проектирования роторных машин и линий.

Кафедра ОШП (впоследствии «Оборудование и автоматизация штамповочного производства» — ОАШП) под руководством В.Ф. Прейса была создана в 1942 году в г. Ижевске на базе эвакуированного туда Тульского механического института (ТМИ) и ММИ им. Н.Э. Баумана. В годы войны выпуск молодых специалистов осуществлялся совместно с кафедрой «Технология штамповочного производства», которой руководил А.Н. Малов, бывший главный инженер Ульяновского машиностроительного завода им. Володарского, где в этот период работал Л.Н. Кошкин. Старые связи и личное знакомство и явились основой для приглашения в ТМИ Л.Н. Кошкина на преподавательскую работу.

Следует отметить, что В.Ф. Прейс (впоследствии — доктор технических наук, профессор, Заслуженный деятель науки и техники РСФСР) являлся активным сторонником и проводником идей Л.Н. Кошкина в области комплексной автоматизации патронного производства на базе АРЛ, а также инициатором и организатором подготовки инженерных и научных кадров для этого направления. Выпускники кафедры

ОАШП долгие годы составляли основной «костяк» инженерно-технических специалистов КБАЛ. На кафедре ОАШП Л.Н. Кошкин преподавал вплоть до кончины В.Ф. Прейса в 1973 году.

К началу 60-х годов XX века на действующих производствах патронов для стрелкового оружия были организованы первые автоматизированные участки, оснащенные АРЛ с производительностью 120...150 шт./мин. За эту работу коллектив специалистов КБАЛ и патронного производства во главе с Л.Н. Кошкиным в 1962 году был удостоен Ленинской премии.

В 1963 году Л.Н. Кошкину присуждается ученая степень доктора технических наук, а в 1964 году присваивается ученое звание профессора. В 1972 году Л.Н. Кошкину присваивается почетное звание «Заслуженный деятель науки и техники РСФСР».

В годы перестройки

В середине 70-х годов на базе технологических систем роторных машин с производительностью 200...250 шт./мин были созданы комплексно-автоматизированные производства (заводы-автоматы) по выпуску патронов стрелкового оружия калибра до 9 мм, что позволило полностью обеспечить потребность Вооруженных сил СССР в этом виде боеприпасов. Эта работа коллектива КБАЛ была отмечена Государственной премией СССР в области науки и техники за 1980 год.

В 1982 году Л.Н. Кошкину в день его семидесятилетия был вручен орден Ленина и Золотая звезда Героя Социалистического труда. Высокая награда была воспринята им как оценка не только его личного труда, но и вклада всего руководимого им коллектива в дело создания прогрессивной производственной техники. Заслуженным признанием этого вклада явилось награждение в 1984 году коллектива КБАЛ орденом Трудового Красного Знамени.

Нетрадиционность мышления, смелая ломка устоявшихся взглядов — вот что отличало Л.Н. Кошкина как ученого и конструктора. Журнал «Изобретатель и рационализатор» (№ 6, 1980 г.) изумительно точно нарисовал портрет Л.Н. Кошкина: «В нем удивительно сочетаются противоречивые таланты конструктора-практика и ученого-философа, приводящего в стройную систему современное машинное производство. Его труды в автоматизации технологических процессов получили всемирную известность, созданные под его руководством роторные линии служат образцом изящества конструкторской мысли». В 1983 году Л.Н. Кошкин был удостоен почетного звания «Заслуженный изобретатель СССР».

В декабре 1984 года за большой вклад в становление и развитие научных принципов комплексной автоматизации производства на базе технологических систем роторных машин Л.Н. Кошкин был избран действительным членом (академиком) Академии наук СССР.

Более чем сорокалетний практический опыт, накопленный коллективом КБАЛ в создании автоматических роторных и роторно-конвейерных линий (АРКЛ) и нашедший научное обобщение в трудах Л.Н. Кошкина, а также в трудах его сторонников и последователей, позволил говорить о направлении комплексной автоматизации производства на базе технологических систем роторных машин, как об общем и принципиальном направлении ускорения научно-технического прогресса во многих отраслях народного хозяйства страны.

С целью широкого внедрения АРЛ и АРКЛ в различных отраслях народного хозяйства в 1985 году был создан Межотраслевой научно-технический комплекс (МНТК) «Ротор», головной организацией которого стало КБАЛ, а генеральным директором МНТК был назначен Л.Н. Кошкин. В работе МНТК «Ротор» приняли участие 35 научно-исследовательских и конструкторских организаций 17 министерств.

Перед МНТК «Ротор» были поставлены следующие задачи:

- разработка прогнозов и рекомендаций по расширению области применения роторных и роторно-конвейерных линий в отраслях народного хозяйства;

- определение главных направлений конструкторских разработок и научных исследований в области развития роторных и роторно-конвейерных линий, создание на их основе комплексно-автоматизированных производств;

- разработка и внедрение в производство новых видов роторных и роторно-конвейерных линий на основе прогрессивных ресурсосберегающих технологий, уровень которых превышает передовые достижения отечественной и зарубежной науки и техники;

- координация работ по проектированию автоматических роторных и роторно-конвейерных линий в отраслях промышленности, проводимых головными отраслевыми НИИ и КБ, использующими результаты технических разработок, накапливаемых в банке наиболее прогрессивных типовых решений;

- подготовка инженерных и научных кадров, повышение квалификации работников отраслей народного хозяйства для проектирования роторных и роторно-конвейерных линий;

- организация и отработка типовых конструкторских решений в условиях действующего производства.

В 1985 году Л.Н. Кошкин выступает на совещании в Политбюро ЦК КПСС под председательством М.С. Горбачева о задачах перспективах комплексной автоматизации различных производств на базе АРЛ и АРКЛ. По итогам совещания в рамках МНТК «Ротор» была создана общесоюзная программа на 1986–1990 годы и на период до 2000 года, которая предусматривала выпуск около 5000 линий 352 типов (см. фото).

Широкие масштабы развертывания работ по созданию и внедрению в отраслях народного хозяйства АРЛ и АРКЛ потребовали и особого подхода в деле передачи опыта проектирования линий и комплексно-автоматизированных производств на их основе, ввода их в эксплуатацию. Было организована система обучения специалистов с разработкой конкретных проектов под руководством специалистов КБАЛ. С этой целью совместным решением Минобразования и Миноборонпрома СССР, в структуре Межотраслевого факультета повышения квалификации при МВТУ им.Н.Э. Баумана была организована кафедра «Комплексная автоматизация производства на основе роторных и роторно-конвейерных линий» во главе с Л.Н. Кошкиным. Было начато строительство межотраслевого научно-информационного центра с учебным конструкторским бюро, что позволило бы обеспечить не только теоретическую, но и практическую подготовку специалистов-проектировщиков.

В целом, к началу 90-х годов прошлого века в различных отраслях промышленности СССР эксплуатировалось несколько тысяч АРЛ и АРКЛ для обработки металлов давлением и резанием, термохимической обработки, сборки и упаковки штучной продукции, изготовления деталей из пластмасс методами прессования и литья под давлением и других технологических операций с производительностью от 50 до 1000 шт./мин.

На посту начальника и главного конструктора КБАЛ Л.Н. Кошкин проработал вплоть до 1990 года. После ухода с этих постов он оставался Почетным директором МНТК «Ротор» вплоть до внезапной кончины в год своего восьмидесятилетия. В настоящее время эта организация носит его имя: ОАО «Конструкторское бюро автоматических линий им. Л.Н. Кошкина».

Вместо послесловия

До последних дней Лев Николаевич Кошкин оставался неутомимым генератором и пропагандистом идей комплексной автоматизации производств на базе технологических систем роторных машин — главном детище всей его творческой жизни. В интервью корреспонденту газеты «Советская Россия» (22 марта 1985 года, № 6) Л.Н. Кошкин подчеркнул «... Пока мы будем достигать мирового уровня, наши зарубежные коллеги на месте стоять не будут. Значит, чтобы не отстать, мы должны работать с расчетом на опережение ныне известных передовых идей».

Еще в начале своего творческого пути в далекие сороковые годы XX века Л.Н. Кошкин не только сформулировал и обосновал с позиций диалектики основные положения своей теории, но и практически доказал возможность их осуществления, пронеся убежденность в исторической необходимости и экономической эффективности этого направления автоматизации производства через всю свою жизнь. Став организатором

и на многие годы бессменным руководителем Конструкторского бюро автоматических линий (КБАЛ), Л.Н. Кошкин смог воплотить свои идеи в сотнях оригинальных конструкций АРЛ и АРКЛ, во многом опережавших мировой технический уровень. Разработанные в КБАЛ линии позволили в кратчайшие сроки модернизировать отечественное производство патронов для стрелкового оружия и к началу 80-х годов XX века создать на их основе заводы-автоматы, которые полностью обеспечили потребность Вооруженных Сил СССР в этом виде боеприпасов.

Сегодня направление автоматизации производства на базе АРЛ и АРКЛ, как и все машиностроение России, переживает не лучшие времена. Но то, что было сделано академиком Л.Н. Кошкиным и коллективом, созданной им организации — КБАЛ, навсегда останется яркой страницей в истории отечественной науки и техники.

Нам, ученикам и последователям Л.Н. Кошкина, еще предстоит оценить всю философскую глубину и фундаментальность его идей в области комплексной автоматизации производства, широту и неординарность его творческого мышления.

Литература

1. *Прейс В.В.* Академик Л.Н. Кошкин — эпоха роторных технологий. Тула: Гриф и Ко. 2002. 50 с.
2. Оружие победы / И.В. Бах, И.И. Вернидуб [и др.]; Под общ. ред. В.Н. Новикова. М.: Машиностроение. 1987. 512 с.
3. Нарком Устинов // Советская Россия. 1 марта 1985 г.

ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ ОБОРУДОВАНИЯ ПАТРОННО-ГИЛЬЗОВОГО ПРОИЗВОДСТВА

Чехова Светлана Викторовна, *80 лет,*
окончила исторический факультет Ленинградского государственного университета (1958) и медицинский факультет Университета г. Брно (1964);
главный ортопед Южно-Моравской области (1983–1990),
заведующая ортопедическим отделением Городской детской поликлиники (1991–2014),
г. Брно, Чешская Республика

Когда меня попросили написать воспоминания для книги «Мы помним...» в памяти всплыли сразу же светлые образы моих дорогих родителей Виктора Федоровича и Зои Алексеевны Прейс.

Папа был незаурядной личностью. Мудрый учитель и впоследствии большой ученый. Он принадлежал к поколению людей, в судьбе которых,

на мой взгляд, как в капле воды, отразилась сложная, во многом противоречивая, великая и трагическая история нашей страны в XX веке. Мама всегда была рядом, понимая папу с полуслова и помогая ему. Поэтому, думаю, будет уместным рассказать в книге для молодежи о союзе двух любящих людей, которые явились образцом для подражания не только для меня и родившегося после войны брата Владимира, но и очень многих папиных учеников, коллег, последователей.

В.Ф. Прейс, 1970-е годы

Корни

Наш дедушка Федор Иванович Прейс родился в г. Оренбурге в многодетной семье. Его отец (наш прадед) Иван Яковлевич вместе с братьями занимался извозом с западных областей России до Урала, их семья держала в г. Оренбурге постоялый двор. После 25 лет службы в царской армии прадед вышел в отставку, женился в 1859 году на Аграфене Ивановне, крестьянке села Пономаревка Самарской губернии, и остался жить в г. Оренбурге.

Дедушка Федор Иванович после окончания начальной школы (3 года) и Высшего начального училища (4 года) работал приказчиком у купца В.Д. Моталева, влюбился в его дочь Марию Васильевну, и они тайно обвенчались в 1903 году против воли отца. Мария Васильевна по тем временам тоже была хорошо образована – закончила гимназию.

В начале 1916 года Федора Ивановича призвали в армию рядовым солдатом и направили в школу прапорщиков, по окончании которой его отправили на фронт. В боях он не участвовал, служил писарем при каких-то штабах. В октябре 1917 года был демобилизован из армии и возвратился домой.

В 1919 году Федор Иванович добровольно вступил в Красную Армию и был направлен в Туркестан, где шла борьба с басмачами. Занимал различные должности при штабах. В 1921 году был демобилизован по возрасту и с этого времени работал бухгалтером в различных учреждениях. В 1942 году, будучи уже на пенсии, работал в Управлении Областного суда г. Оренбурга.

Мария Васильевна до 1940 года была домохозяйкой и только в 55 лет пошла работать на Чкаловскую (Оренбургскую) швейную фабрику рабочей-закройщицей. Проработала на ней 20 лет и заработала трудовую пенсию.

Папа родился 31 января 1906 года. Он был вторым в семье. Старшая сестра – Анна всю жизнь прожила в г. Оренбурге, работала телегра-

фисткой на телеграфе; средний брат Владимир жил в г. Свердловске и был главным гидрогеологом Свердловской области; младшая сестра Таисия жила под г. Ленинградом, а младший брат Юрий — в г. Ярославле, был главным инженером Ярославского телецентра.

В 1923 году папа закончил Оренбургскую профтехшколу и поступил на работу в Оренбургские Главные железнодорожные мастерские Ташкентской железной дороги, вначале – слесарем, а потом через несколько лет стал помощником машиниста паровоза. В 1926 году по рекомендации комсомольской ячейки он был откомандирован на учебу в Ленинградский институт инженеров путей сообщения (ЛИИПС). После окончания института папа получил распределение на работу инженером-путейцем группы происшествий в Ртищевский эксплуатационный район Рязанско-Уральской железной дороги.

Неизвестно, как бы сложилась дальнейшая судьба отца, но в ноябре 1930 года в его жизни произошел первый крутой поворот, связавший его навсегда с г. Тулой. Папа был призван в Красную Армию и в качестве военно-производственника (в те годы была такая практика призыва лиц с высшим образованием) направлен на Тульский оружейный завод (ТОЗ) инженером производственного отделения паро-, водо-, нефтепроводных установок. После демобилизации из Красной Армии, продолжая работу на ТОЗ в качестве сменного инженера, папа начал преподавать по совместительству техническое черчение, прикладную механику и сопротивление материалов в Тульском горном техникуме, где он и встретил свою судьбу — нашу маму.

Знакомство с Зоей и женитьба

Моя мама Зоя Алексеевна была из простой, бедной семьи. Училась она в тульской школе №8 на Пушкинской улице, а семья ее — родители и она с двумя сестрами – жили в полуподвале дома по улице Ф. Энгельса. В те годы каждая школа имела свой профессиональный уклон. Школа №8 специализировалась на горном деле, и все, кто успешно выдерживал выпускные экзамены, продолжали учёбу в Тульском горном техникуме.

Маме было всего 16 лет, когда она поступила в Тульский горный техникум, где по совместительству преподавал папа.

Мама рассказывала: «Он всегда был доброжелательный и жизнерадостный, с огромным портфелем, всегда набитым бумагами. Там же лежали спортивные тапочки, трусы и майка. Поскольку очень часто Виктор Федорович приходил в техникум после ночной смены, то в его портфеле вместе с бумагами и спортивной формой был и скромный «тормозок». Очень скоро мы узнали, что Виктор Федорович окончил Ленинградский институт инженеров путей сообщения, обожал паровозы (имел квалификацию машиниста паровоза) и был заядлым спортсменом-легкоатлетом.

Его уроки у нас всегда почему-то были первыми, с семи утра, нам всем ещё спать хотелось, а тут контрольный опрос по предыдущей теме… На первом ряду, как положено, сидели отличники. Мы и подговаривали одного из них:

— Юрка, спасай, задай Виктору Федоровичу какой-нибудь вопрос о паровозах.

Тут уж Виктор Федорович так увлекался, отвечая на вопрос, что забывал об опросе, порой о звонке, а мы — про сон.

В те годы в техникуме был бригадный метод обучения – одно курсовое задание выполнялось бригадой по нескольку учащихся и сдавалось преподавателю «коллективно». Понятно, что все старались заполучить себе в бригаду отличника, но их было мало, и один раз нам с подружками такого не досталось. А задание было – спроектировать домкрат. Пришли мы к Виктору Федоровичу сдавать задание, он посмотрел наш чертеж и расчеты и говорит:

— Девочки, вы этим домкратом дома выкорчевывать собираетесь? Он же у вас высотой в шесть метров!

Похлопали мы глазами, похихикали…

Однажды у нас, как обычно, кончились занятия часов в десять утра. Девчата говорят:

— В Тулу приехала оперетта. Давайте сходим на спектакль.

А Виктор Фёдорович услышал и весело так говорит:

— Девочки, возьмите меня с собой.

Моя подружка Танюшка бедовая была, отвечает:

— Пожалуйста!

Даёт он нам три рубля, и мы побежали покупать билеты. Вечером встретились с ним в театре. После этого он стал меня приглашать на свидания. Так вспыхнула наша любовь…

Как-то он пригласил меня на концерт в Дом офицеров. Поскольку мне хотелось одеться «понаряднее», а надеть-то было нечего, то пришлось мне пойти на «преступление» — стащить потихоньку в полутьме нашего подвала юбку у старшей сестры. В антракте гуляем мы с Виктором Федоровичем в фойе. Вижу – люди на меня обращают внимание, улыбаются, я тоже улыбаюсь. Вернулась домой, стала снимать юбку и … залилась слезами — юбка была надета наизнанку…

Помню, я уезжала писать диплом в г. Скопин, когда он мне сказал: «Хочу, чтобы ты стала моей женой». Не помню, что ответила. После защиты диплома я полгода отработала в шахте, а в 1933 году мы поженились. Мне тогда в ЗАГС и надеть-то было нечего. Платье взяла у сестры, туфли – у подруги. Но мы были счастливы».

Всю жизнь между родителями было взаимопонимание и ссор не возникало, хотя разные трудные ситуации пришлось пережить.

Однажды уже после войны мама была на стажировке в г. Ленинграде, а мы с папой и Володей сделали ремонт и к ее приезду купили огромный стол, который воистину стал историческим в нашей семье. Его помнят все студенты и аспиранты Виктора Фёдоровича, которых за этим столом он собирал. Кандидатские диссертации всех тридцати его аспирантов, по сути дела, готовились, обсуждались за этим столом. Причём очень часто он приглашал одновременно и аспирантов, и студентов старших курсов.

— А студентов-то зачем приглашать на это же время? – спрашивала мама.

— Пусть смотрят, слушают, им это на будущее полезно, – отвечал Виктор Федорович.

Двери нашей квартиры не закрывались. Шли не только студенты и аспиранты, но и коллеги Виктора Фёдоровича, сотрудники его кафедры. В то время на кафедре царил какой-то особый дух дружелюбия и товарищества, основанный на творческом энтузиазме. До поздней ночи занимались наши ежедневные гости за этим столом. Этот стол, объединявший единомышленников, помнили и помнят многие папины ученики, ставшие известными учеными: доктора технических наук, профессора И.А. Клусов, Н.А. Усенко, И.С. Бляхеров и др.

Все большие и маленькие удачи учеников Виктора Фёдоровича отмечались за этим столом, в основном, чаепитием. А Зою Алексеевну называли «аспирантская мама».

Повороты судьбы

В 1933 года по распоряжению ОРУЖ-треста папа был откомандирован ТОЗом в Тульский механический институт (ТМИ) на штатную должность ассистента по сопротивлению материалов и деталям машин.

Суровым жизненным испытанием для папы стал его неожиданный арест 20 марта 1938 по ложному доносу, в котором он обвинялся в шпионаже в пользу… Японии (!). В течение 14 месяцев он содержался в местах заключения УНКВД Тульской области. Несмотря на все издевательства и побои никаких «признательных» показаний от него не смогли добиться, вины своей он не признал и после нескольких месяцев, проведенных в одиночной камере в ожидании приговора трибунала, так же неожиданно 14 июня 1939 года был освобожден из-под стражи с формулировкой: «…в связи с прекращением дела». Это была сильная личность!

Через несколько месяцев после освобождения в конце 1939 года папа был назначен заведующим кафедрой «Детали машин». Еще до своего ареста папа заинтересовался трудами видного ученого, профессора Е.Н. Тихомирова, заведовавшего кафедрой сопротивления материалов Московского механико-машиностроительного института (ММИ)

им. Н.Э. Баумана, начал работу над кандидатской диссертацией по вопросам расчета и исследования прочности и устойчивости ответственных деталей машин и механизмов. Казалось, что его научное направление и карьера были определены на годы вперед, но жизнь сделала новый крутой поворот. Началась Великая Отечественная война…

Папа, как и все молодые преподаватели института, подал заявление о вступлении добровольцем в ряды Красной Армии, но получил приказ готовиться к эвакуации на Урал в г. Ижевск вместе с институтом.

Мои детские воспоминания об этом времени весьма отрывочны. Помню, что мы уезжали в эвакуацию с бабушкой и дедушкой — родителями мамы, с её сестрами и братом, работавшем на ТОЗе. Папа с мамой провожали нас, папа принес печенье, выручившее нас в дороге. Мы эвакуировались в пос. Аркитянка. Без папы и мамы я прожила первую суровую и голодную зиму… Потом приехала мама и забрала меня в г. Оренбург к папиным родителям. В конце весны 1942 года папа неожиданно приехал (мы о нем ничего не знали с момента эвакуации из г. Тулы) и увез нас с мамой в г. Ижевск, где мы провели вторую суровую и такую же голодную зиму. Помню, как я горько плакала, потому что лишилась двух любимых кукол — маме пришлось обменять их на продукты….

Дальнейшую хронологию папиного жизненного пути восстановили мой брат Владимир совместно с учениками Виктора Федоровича, подготовившие к его 100-летнему юбилею книгу [1].

В октябре 1941 года ТМИ был эвакуирован г. Ижевск, где был объединен с ММИ им. Н.Э. Баумана, эвакуированным из г. Москвы в это же время. В связи с необходимостью подготовки инженерных кадров для организации производства патронов стрелкового оружия на эвакуированных заводах В.Ф. Прейсу было поручено чтение курса «Оборудование патронно-гильзового производства» (ОПГП). Так в военные годы началась новая страница в его творческой биографии.

В декабре 1942 года приказом Всесоюзного комитета по делам высшей школы (ВКВШ) при Совете народных комиссаров (СНК) СССР В.Ф. Прейс был утвержден временно исполняющим обязанности заведующего кафедрой «Оборудование патронно-гильзового производства» (ОПГП) ММИ им. Н.Э. Баумана в г. Ижевске. И только в 1943 году он вернулся в г. Тулу и возглавил кафедру ОПГМ здесь. В 1945 году В.Ф. Прейс был утвержден в этой должности приказом ВКВШ при СНК СССР. Известно, что в 1944 г. (26 марта) он был премирован месячным окладом приказом народного комиссара вооружения СССР Д.Ф. Устинова за успешно проведенную работу по восстановлению учебной деятельности втузов и техникумов народного комиссариата вооружения в 1943 г.

После войны

Кафедра ОПГП дважды меняла свое название: в 1952 г. она стала кафедрой «Оборудования штамповочного производства» (ОШП), в 1965 г. — «Оборудования и автоматизации штамповочного производства» (ОАШП).

В первые послевоенные годы по заданию НКВ СССР В.Ф. Прейс совместно с сотрудниками кафедры проводил масштабные научно-исследовательские работы по изучению механических бункерных загрузочных устройств для автоматической загрузки элементов патронов стрелкового оружия в прессы-автоматы и автоматические линии.

В 1948 году после успешной защиты кандидатской диссертации в МВТУ им. Н.Э. Баумана В.Ф. Прейсу была присуждена ученая степень кандидата технических наук и... у него родился сын Владимир.

По словам специалистов, кандидатская диссертация В.Ф. Прейса была на тот момент первой и единственной в мировой практике комплексной научно-исследовательской работой, в которой были разработаны теоретические основы и методика проектирования механических бункерных загрузочных устройств.

Потом была работа заместителем декана машиностроительного факультета (1950–1952) и деканом механико-машиностроительного факультета (1961–1963) по совместительству, деканом механического факультета (1963–1967), защита докторской диссертации и одновременное присвоение ученой степени доктора технических наук и ученого звания профессора (1963), присвоение звания «Заслуженный деятель науки и техники РСФСР» (1966). В последние годы жизни В.Ф. Прейс был научным руководителем Тульского филиала семинара АН СССР по основным проблемам теории механизмов и машин (1971–1973).

На машиностроительном факультете лекции В.Ф. Прейса слушали многие выдающиеся выпускники ТМИ, впоследствии — видные деятели оборонной промышленности СССР и РФ: В.П. Грязев, Герой социалистического труда, дважды лауреат Государственной премии РФ и Государственной премии СССР, доктор технических наук, заместитель генерального конструктора — начальника Конструкторского бюро приборостроения (КБП); Г.А. Денежкин, Герой социалистического труда, лауреат Ленинской премии и Государственной премии РФ, доктор технических наук, главный конструктор и Первый заместитель генерального директора «ГНПП «Сплав»; Л.С. Мочалин, лауреат Государственной премии СССР, заместитель министра оборонной промышленности СССР; А.Г. Шипунов, Герой социалистического труда, лауреат Ленинской премии, Государственных премий СССР и Государственных премий РФ, доктор технических наук, профессор, академик Российской Академии наук, генеральный конструктор и начальник КБП.

Среди выпускников кафедры ОПГП-ОШП, учеников В.Ф. Прейса: С.П. Аверин, лауреат Государственной премии СССР, директор Климовского штамповочного завода (Московская обл.); А.Н. Ганичев, Герой Социалистического труда, лауреат Государственных премий СССР, доктор технических наук, профессор, Первый заместитель генерального директора — главного конструктора «ГНПП «Сплав»; М.Д. Власов, лауреат Ленинской премии, главный инженер, а впоследствии, генеральный директор Конструкторского бюро автоматических линий (КБАЛ) (г. Климовск, Московской обл.); Е.Н. Фролович, доктор технических наук, лауреат Государственной премии СССР, заместитель генерального директора КБАЛ.

В должности заведующего кафедрой В.Ф. Прейс проработал до 1969 года и оставался профессором кафедры ОАШП вплоть до своей кончины на 68-м году жизни 18 февраля 1973 года.

Вспоминая отца

У отца был своего рода девиз — в человеке уважать умение думать, анализировать, трудиться! Он не говорил о ком-то, в том числе о своих коллегах или учениках, что тот хороший, а говорил: «Вот этот думающий и работяга», — в этом-то, по его мнению, и заключалась сущность человека. В его устах это было самой высокой оценкой!

Папа много читал, поэтому много знал и хорошо разбирался не только в науке и технике, но и в культуре, медицине, литературе.

Папа никогда не давил своим авторитетом. Всегда оставлял другим право выбора, в том числе и нам, его детям. В человеке он ценил способность думать и много трудиться...

Мама отмечала: «Порядочность была главной чертой Виктора Федоровича».

Мой брат Владимир — продолжатель дела отца. После окончания Тульского политехнического института с 1971 по 1986 год работал в КБАЛ Министерства оборонной промышленности СССР, пройдя путь от инженера-конструктора до начальника конструкторского отдела. В 1983 году ему была присуждена ученая степень кандидата технических наук, а в 1992 году присвоено ученое звание старшего научного сотрудника.

В 1997 году брат вернулся в г. Тулу и начал работать в Тульском государственном университете (ТулГУ). В 1998 году ему была присуждена ученая степень доктора технических наук. В 2004 году он был избран заведующим кафедрой (сейчас она называется «Технологические системы пищевых и перерабатывающих производств»). В 2007 году ему было присвоено ученое звание профессора. Брат дважды лауреат премии им. С.И. Мосина.

Брат говорит: «Учитель – главная черта моего отца... Для него знания, открытия без их передачи ученикам не представляли ценности.

Отец создал научную школу и оставил после себя массу учеников – вот в чем главный итог его творческой деятельности. Он считал, что наука, открытия всегда ориентированы на будущее, а будущее – это новое поколение, ученики, которые и будут реализовывать научные идеи, развивая их дальше. Для него это было самым важным!»

Для нас, семьи Прейс, большой ценностью обладают воспоминания па-пиных учеников. Среди них около 30 кандидатов наук и 5 докторов наук, видных ученых. Приведу лишь несколько высказываний об отце, опубликованных в вышеупомянутой книге, изданной моим братом.

Выпускник ТМИ первых послевоенных лет Владимир Иванович Дербичев, полковник в отставке, участник Великой Отечественной войны, награжденный многими фронтовыми орденами и медалями, в том числе двумя орденами Отечественной войны II степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За Победу над Германией», говорил: «В.Ф. Прейс остался в памяти студентов как образец преподавателя высшей школы...».

Аналогичный взгляд и у Константина Сергеевича Рудакова, кандидата технических наук, доцента, ветерана Великой Отечественной войны, награж-денного многими боевыми наградами, в том числе орденом Отечественной войны I степени. Выпускник ТМИ первых послевоенных лет признается: «...Он был для нас как доброжелательный отец, умел создавать необыкновенную творческую обстановку, окрылять...».

Игорь Александрович Клусов, доктор технических наук, профессор, Заслуженный деятель науки и техники РФ: «Он ввел большой круг своих учеников в самый центр среды ученых России и тогдашнего СССР, профессионалов высшей квалификации, познакомив нас с академиками И.И. Артоболевским, В.И. Дикушиным, Н.Г. Бруевичем и другими видными учеными...».

Со студентами на занятиях. 1950-е годы

Николай Антонович Усенко, доктор технических наук, профессор, Заслуженный деятель науки и техники РФ: «Виктор Федорович в молодые годы серьезно занимался легкой атлетикой, был хорошим спринтером, занимался прыжками в высоту и имел ряд чемпионских титулов. В 20-е годы во время учебы в Ленинградском институте инженеров путей сообщения он был неоднократным чемпионом и рекордсменом Ленинграда в этих видах легкой атлетики, а его рекорд на стометровке, установленный уже в г. Туле в середине 30-х годов, продержался около 10 лет».

Игорь Соломонович Бляхеров, доктор технических наук, профессор, заместитель начальника учебно-методического управления ТулГУ вспоминает: «В.Ф. Прейс обладал мощным умом исследователя. Авторитет его был для нас непререкаем…

…Виктор Федорович был очень доступным человеком и обладал редким даром — умением слушать.

Он приглашал всех, кто хотел с ним встретиться, к себе домой после восьми часов вечера… К нему обращались за советом очень многие, причем подчас совершенно незнакомые ему люди, или люди, наделенные более высокими полномочиями, чем он».

Так Виктор Федорович Прейс, сначала слесарь железнодорожных мастерских станции «Оренбург», машинист паровоза, затем студент Ленинградского института инженеров путей сообщения, инженер-путейщик на Рязанской железной дороге, сменный инженер энергоотдела Тульского оружейного завода оказался в стенах Тульского механического института, с которым судьба связала его на всю жизнь. Здесь в полной мере развился и нашел свое применение его талант мудрого учителя и большого ученого.

Став впоследствии Заслуженным деятелем науки и техники РСФСР, доктором технических наук, профессором, Виктор Федорович Прейс считается «одним из первых преподавателей института, которые обеспечили становление Тульского механического института в трудные 1930-е годы и заложили прочный фундамент, позволивший его ученикам в конце XX века превратить институт в один из крупнейших учебных, научных и культурно-просветительских центров современной России – Тульский государственный университет» [1, с. 3].

Литература

1. Прейс Виктор Федорович (1906–1973 гг.) — основатель Тульской научной школы автоматизации производственных процессов / Составители: Л.Д. Алтунина, И.С. Бляхеров, В.В. Прейс / Под общ. ред. В.В. Прейса. — Тула: Изд-во ТулГУ, 2006. — 96 с.

ЛЕГЕНДА ПО ИМЕНИ ЛЮБОВЬ

Кочетова Марина Евгеньевна, *50 лет,*
«SEARS Canada Inc.», товаровед,
г. Оттава,
Канада

Великая Отечественная война… Эти три слова знает и помнит каждый русский человек. Моему поколению посчастливилось родиться в мирное время, наше детство и юность выпали на 60–70-е годы. Мы гордились тем, что жили в городе-герое, считали это почетной привилегией. Сейчас накануне 70-летия Великой Победы, когда мир снова на грани войны, начинаешь по-новому ценить мирную жизнь. В эти тревожные времена еще более углубляется чувство благодарности и уважения к ветеранам войны. Происходит переоценка ценностей.

Первая советская чемпионка мира по велоспорту на треке, 8-кратная рекордсменка мира, 16-кратная чемпионка СССР, Заслуженный мастер спорта СССР, Заслуженный тренер России, Заслуженный работник физической культуры России, Почетный гражданин города-героя Тулы, член Международной ассоциации блокадников, первый президент добровольного общества «Жители блокадного Ленинграда» в Тульской области

Для жителей Тулы, имя моей мамы, Кочетовой Любови Кузьминичны, ассоциируется в первую очередь с велосипедными гонками на треке. Ее имя вписано как в историю Тульского края, так и в историю отечественного спорта. Она стала первой из советских велогонщиц чемпионкой мира, перед ее спортивным талантом преклонялся Шарль де Голь и Василий Сталин. Многие годы она отдала тренерской работе, воспитав множество велосипедистов высокого класса, вела общественную работу в Федерации велосипедного спорта: международной, всесоюзной, республиканской, областной, 25 раз подряд избиралась народным депутатом. Возглавляла областное добровольное общество «Жители блокадного Ленинграда», была членом Международной ассоциации блокадников.

Родилась мама в Белоруссии, младенцем перевезли ее в Ленинград. В июле 1941 года ей исполнилось 12 лет. Тревожное лето под грохот орудий сменилось осенью, вскоре подкрались морозы и голод. «Зажигалки» и бомбы сыпались на город и днем, и ночью. За водой ходили к Неве, к прорубям, водопроводы не работали. Когда началась война, отца призва-

ли в армию, старший брат, еще несовершеннолетний, ушел на фронт добровольцем. Другой брат и сестра были младше мамы. Жили они в коммуналке бывшего отеля «Palais Royal» на улице Пушкинской, что довольно далеко от Невы. По дороге за водой иногда встречались люди, на санках тащившие трупы умерших родственников. Их складывали в общие могилы, не до гробов было. Простыни и одеяла, в которые закутывали умерших, забирали назад домой, чтобы сжечь их в печках-буржуйках. Чтобы хоть немного согреться, топить приходилось всем: и одеждой, и обувью, и книгами, и мебелью. Хлеб выдавали по карточкам, всего-навсего 125 граммов на человека в день. Чтоб его получить, приходилось выстаивать длинную очередь. Из оставшихся довоенных припасов варили суп: несколько листиков лаврового листа, горошины черного перца, с солью и кусками старого отцовского ремня, который сначала нужно было разрубить топором.

Однажды, решив порадовать близких, мама на рынке выменяла на одежду три конфетки, надеялась, что сладкое лакомство поднимет настроение домашним. Не удержавшись от соблазна, по дороге домой решила лизнуть одну из конфеток. Вместо конфеты это оказалось… мыло! Обидно было до слез, мучало и чувство вины: соблазнившись на конфетки, лишилась последних вещей.

Соседка по коммунальной квартире работала медсестрой в госпитале. Иногда она брала с собой на работу и мою маму, развлекать раненых. Мама любила танцевать, делала это вдохновенно (до войны она посещала балетную школу при Дворце Пионеров). За свои хореографические выступления получала Люба каши-размазни или другой больничной еды, приносила это домой. Так и жили. Младший братик, к сожалению, умер. Люба же с сестренкой оказались покрепче. У обеих, как и у большинства детей блокады, тело покрылось коростой, от недостатка витаминов и недоедания началась цинга. В 1943 году после снятия блокады удалось эвакуироваться на Урал. К счастью, на Урале (станция Куеда) с питанием было лучше. Много ели меда, это, наверное, и спасло жизнь. А через месяц после долгожданной Победы семья вернулась в Ленинград, в родную коммуналку на Пушкинской. С фронта пришел брат Аркадий, позже удостоенный звания кавалера трех орденов Славы, что приравнивалось к званию Героя Советского Союза. Отец погиб на фронте. Семьей стали соседи по квартире, многие из которых тоже потеряли своих близких. Ленинградцы — люди особой породы. Они отличались и до сих пор отличаются от жителей других городов своей силой духа, доброжелательностью, особой внутренней культурой.

В послевоенном Ленинграде мама успешно окончила школу, стала студенткой театрального института. Но потом, неожиданно для себя самой, увлеклась велосипедным спортом, сменив театральный инсти-

тут на физкультурный. Начался новый этап в ее жизни: учеба, тренировки, победы на крупнейших соревнованиях. Но какой ценой?! Ценой изнурительных тренировок, серьезных травм. Суровый опыт блокадного детства способствовал раскрытию в ней огромного потенциала. Пройдя через огонь и воду блокадного Ленинграда, ей пришлось услышать и медные трубы большого спорта. Но это изменило Любу Касинцеву только в лучшую сторону. Вскоре она вышла замуж за Евгения Кочетова, поменяла фамилию.

Второй родиной для Любы Кочетовой стала Тула, куда она переехала вместе с мужем. Были предложения переехать в Москву или за границу, но она их отвергала. В Туле было не хуже: здесь пекли тульские пряники, мастерили гармони, город славился оружием, самоварами, рядом находилась Ясная Поляна. Но главное, оружейная столица была в то время столицей велосипедной. Эпицентром всеобщего внимания в те годы являлся тульский велотрек, старейший в стране. Он как волшебный магнит и притягивал к себе одаренную гонщицу. Именно на тульском треке Люба Кочетова завоевала многие титулы и награды.

Мама всегда старалась хорошо выглядеть, быть образцом женственности, хорошего вкуса и даже изысканности. Пользуясь своим «привилегированным» положением, она с радостью посещала лучшие театры мира, музеи, выставки. Возможность путешествовать обогащало ее жизнь, расширяло кругозор. Она любила и умела быть разной, непредсказуемой; умела удивлять окружающих. Это выходило у нее просто, как-то само собой. Я ее воспринимала как яркую вспышку, для меня она была загадкой. Только после ее смерти я поняла, насколько уникальным человеком она была. В маме невероятным образом уживались противоположности: и лед, и пламень.

Она была победительницей по жизни, а победителей, как говорят, не судят. Им можно простить и жесткость характера, и резкость высказываний, вспыльчивость, и чрезмерную прямолинейность. Никто не идеален. И тем не менее, маму всегда слушали, ей доверяли, для многих она была авторитетом. Она мне говорила: «Благодари судьбу за все, с кем бы она тебя не свела. Скажи спасибо врагам — они закаляют волю». Это была личность харизматическая.

Шло время, менялись режимы, менялись власти, но Любовь Кузьминична неизменно оставалась в почете, была в гуще событий, никогда не изменяя своим жестким принципам. Она обладала невероятной силой, физической и духовной. Ее энергия вдохновляла других на высокие душевные порывы, вселяла в людей веру и надежду, освещала окружающий мир ярким светом. Многие, наверное, считали, что ей просто везет. Но вода не течет под лежачий камень. Мама всегда знала — чего хочет и как этого добиться. Я никогда не видела ее испуган-

ной. Может, и одолевали ее страхи, но она умела с ними справляться. Сколько ее помню, она никогда не поддавалась унынию. Любочка, как ее называли близкие, была талантливой от природы. И талант придавал ей уверенности в жизни. А вера в добро и обостренное чувство справедливости, приводили к желаемым результатам. Мне приходят на ум строки стихов Эльдара Рязанова: «Я будоражу вражью кровь И стало быть живу не даром». Настырная Любовь Кузьминична не сдавалась никогда, глубоко веря, что «снова прорастет трава сквозь все преграды и напасти».

Последствия блокады сказались на здоровье мамы. И спортивные травмы тоже добавили проблем со здоровьем. К пенсионному возрасту у мамы сформировался целый букет заболеваний. На пенсию она, разумеется, долго не уходила, продолжая работать, вся отдаваясь любимому делу. С годами болезни только накапливались. В таких случаях говорят, что жизнь держится лишь на силе духа. Уже тяжело больной, мама не сосредотачивалась только на себе. До последних дней она была полна интереса к внешнему миру. Она всегда расстраивалась, узнавая, что кто-то тяжело болен (будто сама была совершенно здорова!). Знакомые и друзья, приходившие навестить ее, уходили морально укрепленные, все нуждались в ее энергии.

Она успела сделать многое. Сил на все хватило, потому что жизнь была прожита во имя Добра. Любые победы и достижения не имеют цены, если они не во имя Добра и Любви. Именно любовью живы люди. И как я написала в книге, опубликованной к маминому 80-летнему юбилею, она «не просто Любовь по имени, она — Любовь по сути». Книга была названа «Леди Любовь» и успела порадовать уже неизлечимо больную к тому времени Любовь Кузьминичну.

Пошел пятый год, с тех пор как мамы больше нет с нами. Но жизнь продолжается, и дух великого человека находит свое проявление в жизни тех, кто любит и помнит всеобщую любимицу Любашу, строгую и принципиальную Любовь Кузьминичну — яркого лидера, загадочную женщину. А опыт военных лет сформировал характер настоящей Леди.

Глава 2. По дорогам войны

ПИСЬМО «ПО СЛЕДАМ» КНИГИ «МЫ ПОМНИМ...»[1]

Сукачева Клавдия Васильевна
(2.01.1922–12.02.2014)

Авторам проекта, редакторам-составителям директору Центра общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова, заслуженному деятелю наук Российской Федерации Юрию Михайловичу Осипову и
доктору социологических наук, профессору Тульского филиала Российского государственного торгово-экономического университета Людмиле Ивановне Ростовцевой.

Дорогие Юрий Михайлович и Людмила Ивановна!

Выражаю Вам искреннюю, глубочайшую благодарность за прекрасную книгу «Мы помним». Когда я читала книгу, для меня переставал существовать окружающий мир. Машина времени уносит меня — «в сороковые, роковые, свинцовые, пороховые, война гуляет по России...».

1941 год, июнь, самый разгар лета. Школьники отправлены в пионерские лагеря, детские сады — на летние дачи. Выпускники средних школ сдали экзамены.

Шумели балы выпускные!
Вступить в жизнь готовились вы,
Гуляли от счастья шальные,
И в дружбе клялись, и в любви,

[1] Когда вышла книга «Мы помним...» в 2010 г., мы попросили Клавдию Васильевну высказать свое мнение о ней. Для нас это было чрезвычайно важно, так как она являлась председателем Совета ветеранов легендарной в/ч 9903, в которой воевали Зоя Космодемьянская, Вера Волошина, Елена Колесова и еще около двух тысяч бойцов. История о поисках пропавшей без вести Лизы Беневской, рассказанная ее племянницей Татьяной Михайловной Осиповой, послужила импульсом для создания этой книги и проекта «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов».

Мечтали и ставили цели,
Была жизнь стремлений полна,
Но все ваши планы, не целясь,
В упор расстреляла война.
Ворвалась, как псов диких свора,
Оскалив свирепую пасть.
И край наш зашелся от горя,
Сдержать, силясь грудью, напасть.
Земля содрогалась от взрывов
И лязга чудовищ стальных.
Шагнули, ответив на вызов
Вы в пекло — со школьной скамьи.

Надежда Ляксенкова

Все воспоминания и размышления и фронтовиков, и их детей, и внуков, и правнуков, я прочитала с большим интересом, а некоторые с душевным волнением и сердечным содроганием. Такие как:

«Подвиг матери», автор — Юлия Редькина, студентка второго курса Тульского областного медицинского училища № 1;

«И.Ф. Трусов. Судьба и время», автор — Роман Стороженко, выпуск! (МВ(С)ОУ-0(С)ОШ № 1) Пролетарского района г. Тулы;

«Я, гражданин» или воспоминания бывшего военнопленного», автор Михаил Придонов.

Девять моих однополчан прошли через муки «ада» в заточении концлагерей. Они выжили, установили связь с однополчанами, и многие годы активно работали в Совете ветеранов в/ч 9903. Это Белостоцкая (Бубнова) Екатерина, Васильева Елена, Лисицына Тамара, Марченкова (Мушникова) Людмила, Никитина Виктория, Симберг Таисия, Смирнова Нора, Харина Ирина, Хотовицкая Людмила.

Но из личного состава в/ч 9903 по данным архива 348 человек пропали без вести. Судьба большинства из них нам до сих пор неизвестна. Может быть, многие из них тоже были узниками концлагерей. Из девяти узников концлагерей в настоящее время здравствует одна Людмила Хотовицкая.

«Иван Антонович Леонов — человек-легенда, автор Яна Шувалова, ученица 7-го класса МОУ СОШ № 70 имени И.А. Леонова.

«Шаг из юности в бессмертие», автор Дарья Григорьева, ученица 10-го класса МОУ СОШ № 68 имени Н.И. Долгих, город Тула.

«Солдат всегда в строю», авторы Ежовы Мария и Анна, ученицы 9-ого класса МОУ СОШ № 1, п. Волово, Тульская область.

«Поклонимся великим тем годам», автор Владислав Слепнев, ученик 10-го класса МОУ Киреевский лицей, город Киреевск, Тульская область.

С большим вниманием, одобрением, радостью я ознакомилась с размышлениями Владислава. Это наше счастье, что есть еще мыслящая молодежь. Мне было приятно сознавать, что Владислава волнуют те же события, что и меня. Мне также неприятно и больно, как и Владиславу, слышать фальсификаторов нашей истории.

С большим волнением я читала об участниках боев на Курской Дуге и особенно о страшном танковом сражении на Прохоровском поле, в котором принимал участие мой брат — Александр.

До войны Саша работал на Московском заводе № 156 секретарем Комитета Комсомола. Комсомольская организация насчитывала более трех тысяч человек.

В первые же дни войны Саша, естественно, рвался на фронт, но партийный комитет отказал ему в этом, сказав, что сейчас он больше нужен заводу. Завод готовился к эвакуации. Эвакуировали завод в Омск. По прибытии на отведенное заводу место, сразу же начался монтаж оборудования и выпуск продукции для фронта. А впереди, как всегда, Комсомол, возглавляемый боевым, неутомимым Сашей Сукачевым. В конце года начались отчетно-выборные комсомольские конференции, Сашу избрали секретарем Омского горкома ВЛКСМ и опять его порывы на фронт. «Вчера было решение о посылке партактива на фронт, и завтра уезжаем» (письмо старшей сестре от 14 января 1942 года). По решению обкома партии Саша был направлен в Высший военно-педагогический институт.

Слушатели института в основном с высшим образованием. Саша прибыл в институт с семилеткой. Но не нытье, ни растерянность проявил он, а упорство в достижении цели. Родине надо, чтобы он стал грамотным, высококвалифицированным специалистом, и Саша все подчиняет учебе. Он отказывает себе в отдыхе, развлечениях, и в результате успешно, только с хорошими и отличными оценками заканчивает институт. В мирное время программа института была рассчитана на несколько лет, в военные — сведена до одного года.

Получив назначение в 169 танковую бригаду 2-ого танкового корпуса, 5-ой танковой армии на должность заместителя начальника политотдела по комсомолу, Саша продолжает упорно учиться. Он в совершенстве изучил все виды оружия. Так изучил танк, что мог заменить в бою любого члена экипажа.

Командование, оценив знания Саши, его упорство в достижении цели, его беззаветную любовь к Родине, в конце июня 1943 года направило его в танковую академию. Саша, положив путевку в карман (в это время готовились к бою на Прохоровском поле), продолжил готовить комсомольцев к бою, решив поехать в Академию после боя.

Его место, как заместителя начальника политотдела, было на командном пункте. А он сел в танк и рванулся в бой. Бой этот оказался для него последним. Более сорока лет я ежегодно выезжаю в село Красное Прохоровского района, где захоронен Саша, в день его рождения — 26-го августа или в день его гибели 12-го июля.

По рассказам очевидцев, во время танкового сражения не было видно ни земли, ни неба — все вокруг гудело, гремело, горело. Земля была красна от крови. Наши победили! Но победа досталась очень дорогой ценой.

За освобождение Прохоровского района от фашистской оккупации отдал свою жизнь и мой брат — Сухачев Александр Васильевич в возрасте 28 лет.

«Первый солдат Великой Отечественной войны» — автор Виктория Баринова, ученица 8-го класса МОУ Бородинская СОШ № 1.

Я, конечно, знала, что главный конструктор танка «Т-34» Михаил Ильич Кошкин (в моей комнате стоит макет танка «Т-34»), но я не знала его биографии. Правнучка Михаила Ильича — Виктория так трепетно, с большой любовью поведала нам в своем рассказе о трудном жизненном пути своего прадедушки и его величии. Перед читателем встает образ величайшего патриота нашей Родины, всю свою жизнь посвятившего укреплению могущества Отчизны и «сгоревшего» в работе во цвете лет.

«Ветераны последней войны» — автор Денис Машнин, студент Профессионального лицея №4, город Тула.

«Тула — город-герой» — автор Мария Прокофьева, студентка первого курса факультета правоведения Юридического колледжа.

И Денис Машнин, и Мария Прокофьева пишут о своем городе-герое Туле и о патриотизме своих предков с большой гордостью и любовью. А Мария свое повествование о городе-герое Туле начинает стихами:

Есть город в России...
Стоял он как воин на страже,
Дорогу к Москве
Он собою не раз прикрывал.
О стены его
Разбивались нашествия вражьи
А он, непреклонный,
Оружие грозно ковал.

Если автор этого стихотворения Мария — честь и хвала ей! Стихотворение прекрасное.

Когда я встречаюсь с молодежью, то всегда подчеркиваю огромную роль в битве за Москву города Тулы. Областной комитет ВКП (б) сумел сформировать рабочие отряды, которые мужественно сражались

на подступах к Туле и не пропустили фашистские войска в город, не открыли ему дорогу на Москву.

«Поисковое движение, или пропавшие без вести как причина сегодняшней катастрофы» — авторы Анастасия Забелина, аспирантка кафедры истории России ТГПУ имени Л.Н. Толстого, координатор Международного проекта «Наша победа» Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ и Олег Золотарев, руководитель Межрегионального поискового объединения «Наша победа». Многое в их статье стало для меня откровением.

Какую большую, нужную, полезную работу они выполняют. Побольше бы таких людей, которые «Раньше думает о Родине, а потом о себе!».

«Маршрутами памяти» — авторы Игорь Агуреев, декан факультета транспорта и транспортных технологий Тульского государственного университета, доктор технических наук, профессор и Николай Фролов, зав. кафедрой «Автомобили и автомобильное хозяйство» Тульского государственного университета, доктор технических наук, профессор. Читала с упоением их повествование об автопробегах «По дорогам Отечества» и мысленно «пробегала» вместе с ними по этим дорогам: Малоярославец, Медынь, Юхнов — я была в этих городах в годы Великой Отечественной войны. Особенно мне памятен и дорог Юхнов, где я была первым секретарем райкома комсомола в 1942 году. Участники пробега установили под городом Юхнов памятник водителям Великой Отечественной войны. На торжественном открытии памятника от Юхновского Совета ветеранов прибыли Захарова и Калибернова.

Летом 1942 года Юхновский райком комсомола направил их на фронт. С Клавдией Калиберновой после войны мы много лет переписывались. А первое ее письмо с фотографиями я получила с фронта в 1942 году.

Далее Знаменки, Желязны, Замашве. Во время войны Знаменки были центром Знаменского района. После войны центр района обосновался в поселке Угра и район стал называться Угрянский. С марта 1943 года по октябрь 1945 года я была первым секретарем РК ВКЛСМ Знаменского района. За эти почти три года работы в Знаменском районе произошло столько событий — и горестных, даже трагических, и радостных. Если описывать все подробно, то получится книга примерно такого же объема, как ваша «Мы помним». Но время ушло, у меня на это уже не хватит сил. Да и в письме. Я думаю, пора поставить точку, хотя память меня уводит все дальше и дальше…

За годы войны я прошагала (именно прошагала, а не проехала) сотни километров, повидала много сел и деревень, и стихотворение Константина Симонова «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины» проникло в мою душу, как и у участников автопробега.

Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины,
Как шли бесконечные, злые дожди,
Как кринки несли нам усталые женщины,
Прижав, как детей, от дождя их к груди.

Ты знаешь, наверное, все-таки Родина –
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти проселки, что дедами пройдены,
С простыми крестами их русских могил.

Искренне желаю вам успехов в труде, учебе, благополучия в жизни.

Нам нужно просто жить с высоко поднятой головой, не терять чести и достоинства.

6-го сентября 2010 г.

ОДЕССА — СЕВАСТОПОЛЬ — КИЕВ В СУДЬБЕ «ОДНОЙ ИЗ ТЫСЯЧ ПОДОБНЫХ»

Лучинкина Валентина Ивановна, *91 год,*
Председатель Совета ветеранов Приморской армии,
хранитель фондов Военно-исторического музея
Одесского военного округа с 1986 года,
г. Одесса,
Украина

Родилась я 15 октября 1923 года в Одессе. Незадолго до начала войны окончила школу военных фельдшеров запаса, и 5 августа 1941 года поступила на должность медсестры госпитальной роты 103-го медсанбата, который размещался на территории санатория им. Чкалова в Одессе. Я выполняла назначения врачей, подбинтовывала промокшие повязки, делала уколы. Поначалу раненых было мало, но вскоре спокойная и размеренная жизнь закончилась. С приближением линии фронта условия работы становились все тяжелее, в наш медсанбат стали поступать раненые с передовой.

Валентина Ивановна Лучинкина

Раненые средней тяжести проходили санитарную обработку в приемном отделении и направлялись в госпитальную роту.

Тяжелораненых из машины выносили к операционному блоку, где врачи определяли, кому из бойцов нужно сделать операцию в первую очередь.

Прооперированные солдаты поступали в отделение госпитальной роты. Больше чем лекарства, солдатам были нужны доброта и душевное тепло. Над госпиталем шефствовали школьники: они приходили в палаты, писали под диктовку письма родным, читали книги и просто беседовали с ранеными бойцами.

В тяжелейшие дни сражений на передних рубежах фронта под Одессой раненые шли непрерывным потоком, машины едва успевали разгружаться. И днем, и ночью непрестанно работало приемное отделение, в работу включались все: врачи, медсестры, фельдшера, санитары, военнослужащие медсанбата. В эти дни не всегда удавалась поесть, ведь необходимо было как можно быстрее разгрузить раненых не только для того, чтобы раньше оказать им помощь, но и в целях маскировки.

Несмотря на все старания разведчиков, фашисты все-таки засекли расположение медсанбата и начали бомбить его. Снаряды попадали в операционную, штаб, другие помещения. В результате погибли не только привезенные с поля боя раненые, но и врачи, медсестры, санитары…

После бомбежек стремились восстановить госпиталь в кратчайшие сроки, все выполняли любую работу, что позволяло не прекращать деятельность медсанбата ни на один день.

Линия фронта приближалась, раненых нужно было эвакуировать. Эвакуация раненых проходила в очень напряженной обстановке из-за того, что порт, когда туда приходил транспорт, непрерывно бомбили. Готовить раненых к эвакуации помогал весь медперсонал: нужно было одеть солдат, подготовить документы, уложить личные вещи, подбинтовать повязки. Сама погрузка и размещение раненых осложнялись опасностью налетов фашистской авиации.

Вместе с санитаром и шофером я сопровождала раненых (в основном, тяжелых) в порт на эвакуацию. Чтобы довезти бойцов к кораблю, стоящему у причала, нужно было переждать артобстрел и бомбежку. Машину ставили под домами на подходе к причалу порта, а когда появлялась возможность, стремительно подгоняли машину к трапу, грузили раненых и стремглав возвращались в медсанбат за новой партией. Часто эта работа проводилась под дымовой завесой. Раненых выносили на носилках, некоторым мы помогали подняться по трапу, подставив плечо. Здесь нужно было быть не только самой физически крепкой, но и быть уверенной в успешной погрузке и внушить это раненым, ведь они не могли убежать от бомб и снарядов. Наконец, все раненые оказались на борту теплохода «Армения», и пришла

очередь медперсонала. Как же тяжело было расставаться с дорогими сердцу местами, с городом, в котором я родилась, где оставались родные и близкие. Но нельзя предаваться отчаянью: на корабле сотни раненых, нуждающихся в помощи. Медсестры бесконечно снуют между койками, делают обезболивающие уколы, дают напиться, перебинтовывают раны, успокаивают…

17 октября 1941 года (через два дня после того, как мне исполнилось восемнадцать) теплоход прибыл в Севастополь.

Наш медсанбат разместился в инкерманских штольнях. Работа была невероятно тяжелой: не хватало воздуха, постоянно поступало огромное число раненых бойцов и командиров, мест было мало, раненые часто лежали на носилках, а то и просто на земле. Мы выполняли свою обычную работу, стараясь всячески поддержать и приободрить солдат.

Самое трудное началось во время штурма позиций нашей дивизии. Раненых стало поступать больше, не хватало крови для переливания. Наши девочки, в том числе и я, неоднократно сдавали кровь для прямого переливания, чтобы спасти жизнь больным. Иногда переставал работать электродвижок. В полной темноте, под сыплющимися сверху мелкими камнями и песком, мы успокаивали солдат.

В декабре 1941 года я была направлена в санчасть 136-го армейского запасного стрелкового полка на должность военфельдшера 3-го батальона. Вскоре мне присвоили звание лейтенанта медицинской службы. Наш полк дислоцировался на территории Херсонесского заповедника-монастыря. Он был карантинным. Когда приходило пополнение, солдат сначала размещали в наших батальонах. Несколько дней продолжался карантин, затем бойцы распределялись по дивизиям.

В мои обязанности входила работа по оказанию необходимой медицинской помощи, сопровождение бойцов при отправке в дивизии. Тогда я не раз попадала в переделки вместе с бойцами, побывала под бомбежками, артобстрелами. Что делать — война.

Весной 1942 года от недостатка витаминов началась цинга. Был создан 103-й санэпидотряд, сотрудники которого готовили хвойные настои и развозили их по воинским частям. Самый страшный день в обороне Севастополя — 1 июля — застал меня в лаборатории. В наш санэпидотряд стали поступать раненые из отступающих частей. Пока была возможность, мы делали перевязки. Но вскоре поступила информация о прорыве немецких автоматчиков. Последовал приказ: «Всем, кто может держать оружие, занять круговую оборону». Мне дали пистолет ТТ, несколько часов мы оборонялись, затем наступила небольшая передышка. Нас собралась небольшая группа, человек сорок, и мы решили пробиваться к 35-й береговой батарее: говорили, что оттуда будет эвакуация на катерах.

Продвигались мы под шквальным огнем фашистов, прятались в воронках из-под снарядов. Группа наша распалась, вместе со мной осталась только руководитель лаборатории доктор Сотская. Уже на подходе к Херсонесскому маяку в одной из воронок мы нашли раненого в ногу командира. Перевязав его своей рубашкой, мы вытащили его из воронки и с трудом добрались до дамбы недалеко от маяка.

Там скопилось огромное количество людей, надеющихся на эвакуацию. И вот первый катер стал подходить к берегу. Обезумевшая толпа ринулась к самому краю. Помогая раненому командиру, я тоже устремилась туда. Меня оттеснили назад, кромка крутого берега обрушилась вместе с людьми в море. Те, кого не засыпало землей, кто смог выплыть, цеплялись за канаты, сброшенные с катера. Но сколько людей мог взять этот небольшой катер?

До самой ночи 2-го июля я пыталась найти кого-нибудь из знакомых. Мне сказали, что нужно пробираться к 35-й батарее. Вскоре я попала в группу военных, из которых формировали отряд на прорыв к партизанам. Вместе со всей группой я продвигалась вперед к Херсонесскому маяку, мы отстреливались, некоторых ранило, но перевязывать было нечем.

К рассвету стали спускаться к берегу моря, прижимаясь к скалам, осторожно продвигались вперед. В небе рыскали фашистские самолеты, безжалостно расстреливающие людей, искавших убежище.

Так еще два раза мы пытались прорваться к партизанам. Однажды пошли слухи, что в море стоит эскадра, которая нас подберет. «Плыви, кто может!» — слышались крики. Сгоряча я кинулась в воду. Казалось, что плыла долго, но намокшая одежда стала тянуть меня на дно, повернула к берегу, едва не утонула, наши солдаты вытащили.

На четвертые сутки сражений у Херсонесского маяка надежда на корабли, идущие в Севастополь, была потеряна. После очередной неудачной попытки пробиться к партизанам, один из солдат предложил выдолбить в скале нишу и захоронить партийные и комсомольские билеты. Так и сделали, завернув документы в кусок плащ-палатки.

Когда надежды прорваться к своим не осталось, в полуразрушенном блиндаже собралось шесть человек: я, комсорг какой-то авиачасти, два лейтенанта, капитан и военврач — евреи по национальности. Зная о зверствах фашистов и не желая сдаваться в плен, мы решили, что каждый из нас сам застрелится. Первым решился военврач, затем другие. Остались мы с комсоргом. Он вышел из нашего убежища, казалось прошла вечность, но выстрела не было. Он вернулся: «Не могу. Иди ты».

Вот и пришла моя очередь. Взяла я свой ТТ, держу пистолет в руке, а застрелиться не могу. Вернулась, села не землю рядом с комсоргом, сидели молча оцепеневшие. Вдруг раздался шум моторов, мы выско-

чили с надеждой… и увидели фашистов. Бросились назад, но окрики и автоматная очередь вынудили нас вернуться.

Двигались мы машинально, скованные страхом и унижением. Нас погнали вперед к группе сидевших на земле наших солдат и командиров. Немец заставил меня снять сапоги и гимнастерку. К вечеру на площадку было согнано много пленных. Мы жались друг к другу, забивались в середину, боясь остаться с краю.

Наступила первая ночь в плену. Многие плакали, стонали от боли и ран. Раздавались крики о помощи, а затем выстрелы. Одолевал страх неизвестности, изнурительная жажда, унижение, мысль: «Почему я не застрелилась?». Сна не было, только туманное забытье. Солдаты помогали девушкам и женщинам. Когда немцы ходили с фонариками и искали женщин, ребята говорили, что их нет. Наши страдания в ту ночь описать невозможно.

Наступило утро. Немцы стали поднимать пленных окриками, и колонна измученных защитников Севастополя двинулась по направлению к городу. Несмотря на зверские расправы фашистов, люди старались помогать друг другу: женщин постепенно передвигали в середину колонны, поддерживали ослабевших, поднимали упавших (если немцы замечали, что кто-то упал, то расстреливали на месте).

На привалах некоторые из пленных пытались бежать: кому-то удавалось, но чаще раздавались выстрелы. Однажды фашисты разрешили женщинам принести воды в касках, которые были у солдат. Попыталась и я бежать, но неудачно. Меня избили прикладами и полуживой вернули назад.

Наша колонна постепенно продвигалась дальше, на дорогу небольшими группками стали выходить местные жители, искавшие среди пленных своих родных и близких. Рядом со мной шли старшие военные, которые сказали мне: «Валя, на тебе нет военной одежды, когда поравняемся с гражданскими — беги. Попадешь за колючую проволоку, убежать будет труднее». Они же стали перемещать меня из центра колонны к краю. И вот, когда у дороги столпилось много гражданских, меня вытолкнули из колонны, и я в несколько прыжков поравнялась с ними. К счастью, моего побега никто не заметил.

В толпе меня поспешили оттеснить подальше от колонны, там я обнаружила небольшую расщелину, где и спряталась. Сколько я там пробыла — не знаю. Пришла в себя. Тишина. Выходить боюсь, вдруг опять конвой. Решила дождаться утра, и на рассвете направилась в нашу санчасть — в Херсонесский заповедник. Оттуда немцы выгнали все гражданское население, сама санчасть оказалась разгромленной. Своих вещей я там не нашла, зато на полу обнаружила свой студенческий билет, который в дальнейшем практически спас мне жизнь.

Нужно было искать какое-то пристанище. Ночью на улице нельзя было оставаться, был введен комендантский час. Я спустилась в подвал, где находились жители Севастополя. Когда я утром оттуда уходила, то услышала, что за ночь «умерли еще трое». В этот же день я встретила свою сослуживицу Мусю Давидович, которую приютила женщина, жившая под лестницей своего разрушенного дома. Нас было уже трое, нужно было чем-то питаться. Прошли слухи, что возле железнодорожного вокзала рассыпали пшено вперемешку с песком. Мы с Мусей направились туда и насобирали немного зерна. Разведя огонь, наша спасительница приготовила на камнях нечто вроде жидкой каши. В другой раз нам досталось чуть-чуть муки, пахнущей керосином.

Неоднократно мы с Мусей попадали в облаву, и тогда немцы направляли нас на работы (чаще всего, разбирать завалы). Однажды заставили мыть котлы и посуду к комендатуре. Мы соскребли со стенок остатки и съели все до крошки.

В один из дней к нам присоединилась еще одна наша медсестра. Мы неоднократно пытались покинуть Севастополь, но выехать из города было нельзя: немцы установили карантин. Переход на северную сторону был разрешен только 1 августа 1942 года. Наш план был прост: перебраться через линию фронта, а это значило пробиться к Ростову, пройти через весь Крым.

Перебравшись на северную сторону, мы шли от села к селу. Где помогали нам люди, где приходилось питаться с садов и огородов. Как ни старались мы избегать населенных пунктов, но в облавы все-таки попадали. Тогда я доставала студенческий билет и говорила, что я была на практике и застряла в Крыму, а Муся моя сестра, причем очень больная, идем в такое-то село (название узнавали заранее). Так миновали Симферополь, где расстались с нашей однополчанкой, которая ушла к родителям, а мы с Мусей продолжали двигаться по намеченному пути. Наконец, достигли границы Крыма с Украиной. Разделяло их озеро Сиваш.

Крымский берег Сиваша охраняли татарские полицаи. Перейти мелководное озеро можно было только в предрассветный час, пока не было татарского объезда. Нужно было быть крайне осторожными, потому что всех пойманных или отправляли в концлагерь, или расстреливали на месте.

Дошли мы до ближайшего села, постучали в самую бедную хату. Старушка-хозяйка дала нам умыться, накормила. Едва мы успели расспросить ее, как идти дальше, подъехала машина с немцами. Они смеялись, заговаривали с нами, потом стали мыться и готовить еду. Старушка шепнула нам, чтобы мы уходили огородами, потому что фашисты не оставят нас в покое: «Я свое отжила, а видеть, как вас

будут терзать — не хочу. Бегите, деточки». Мы с Мусей незаметно ушли. Пробирались огородами, но все равно вышли к дороге, тут слышим звук мотора. Та же самая машина с немцами. Мы бросились к какой-то скирде, затаились, не дышим со страху. А фашисты дали несколько автоматных очередей по придорожным кустам и уехали.

Вечером вышли мы к Сивашу, а кругом минное поле. Жители близлежащих сел нам сказали, что существует разминированная дорога. Но где она? Прилегли мы на голой земле с мыслями о том, что нас ждет: или подорвемся на мине или попадем в концлагерь. С этими мыслями и уснули. А во сне привиделась мне бабушка, которая нас накормила, и говорит она мне: «Детки, перейдите через пригорок, и там будет дорожка. Вот и идите по этой дорожке». Проснулись, что делать? В село возвращаться опасно, решили довериться приснившейся старушке: обошли холм, а там, и правда, тропинка. Сон оказался вещим.

Переход через Сиваш был мучительным испытанием. Не один день мы шли босиком, разбили ноги, а вода в озере соленая, разъедает раны. А пройти нужно как можно быстрее, попадем на глаза татарскому разъезду — все, конец.

Я не выдержала этой муки и стала просить Мусю бросить меня. Она отругала меня: «Как тебе не стыдно! Мы столько прошли, осталось совсем немного!». Я собрала последние силы: шаг, еще один, еще шажок… Наконец-то украинский берег!

Теперь нужно было где-то отлежаться, чтобы восстановить силы. Мы начали стучаться в дома. В одном нас обозвали «вонючими комсомолками» и прогнали. Наконец, нам повезло. На окраине села хозяйка нас приютила, накормила, обработала раны, спрятала в сарае. Несколько дней мы отлеживались у нее, расспрашивали, как дойти до линии фронта. Родственник хозяйки сказал нам, что это невозможно, потому что проходят облавы, молодежь ловят и отправляют на работы в Германию.

Мы не поверили и решили продолжать путь, несколько раз попадали в облавы, но, к счастью, в Германию нас не отправили. Так дошли мы до Херсона. Там граница — мост через Днепр, который без документов перейти нельзя. Пошли мы в деревню к рыбаку в надежде на помощь. Напросились на работу. На рассвете он будит нас: «Работнички, собирайтесь на рыбалку». Побрели мы с ним к обрыву, оттуда спустились к реке. Посадил он нас в лодку и цыкнул: «Сидеть тихо, как мышки». Мы поняли, что он нас переправляет через Днепр, несколько раз приходилось ложиться на дно лодки, потому что полицаи освещали прожекторами поверхность воды и берег. Добрались до берега: «А теперь бегите. Попадетесь — меня не знаете».

Снова идем мы по дороге: где в кукурузе, где в подсолнухах пересидим. Села обходили, чтобы не нарваться на полицаев. И вот еще одна граница, снова нужно перейти через мост. Просим помочь, но ответ

один: «Идите в комендатуру за пропуском». А нам туда нельзя — документов нет. Наконец, повезло — взяли на баржу с овощами. Нет слов, чтобы описать эту переправу.

Идем к Одессе по проселочным дорогам, а мимо проезжают машины. Стала я Мусю уговаривать: «Давай попросимся, чтобы хоть немного подвезли». А Муся отвечает: «Сколько пешком прошли от Севастополя, а у самой Одессы «загреметь» в лагерь? Обидно!». Но я не послушалась и все же остановила машину, а за рулём часовой, который не пускал нас через мост: «Ах, вы все-таки прорвались, а где документы?». Увидев как мы побледнели, он буркнул: «Ну ладно, полезайте в кузов».

Забрались мы в кузов и до самой Одессы дрожали у каждого поста, не знали, что с нами будет. Но вот доехали до Ярмарочной площади и он нас высадил. Дошли! Дошли!! Дошли!!!

Муся жила на Ярмарочной и пошла домой. Я же отправилась дальше, на улицу Чижикова, где жили мои тетя Шура и родные сестры.

Шла я по улицам и не могла поверить, что это не сон. Меня окружала как будто мирная жизнь, которая должна была меня радовать. Но спокойно разгуливающие по улицам родного города немцы и румыны вызывали гнев. Наконец, добралась я до дома. Родные долго не верили, что это я, живая, стою перед ними.

Через несколько дней тетя Шура определила мою дальнейшую жизнь, купив мне «вид на жительство». Муж тети лежал в больнице на Слободке. Она ему рассказала, что племянница пришла из Севастополя совсем больная, непрерывно плачет. Вскоре к нам пришел профессор Шевелев, чтобы узнать о судьбе своего сына-окулиста, с которым я служила в Севастополе. Видя мое состояние, он предложил пойти к нему на работу в слободскую психбольницу лаборантом. Так в первых числах сентября 1942 года я вышла на работу.

Иногда после работы я встречалась с моими друзьями, разговор непременно заходил о борьбе с оккупантами. Мы не могли сидеть сложа руки, нужно было что-то делать.

В оккупированной Одессе после расстрелов, карательных операций встретиться с партизанами было невозможно. Старались связаться со своими сверстниками, но безрезультатно. На одной из встреч решили собрать приемник. Затея была рискованной: если бы приемник нашли, в лучшем случае — арест. Свою идею мы осуществили и теперь могли слушать сводки Совинформбюро. Всю информацию мы записывали на тетрадных листках и при случае раздавали знакомым. Затем осмелели и стали раздавать листовки чужим людям, вызывавшим доверие.

В конце 1943 года в нашу группу вошел Сергей Н. — моряк из Севастополя. Как-то незаметно он стал нами руководить, давая задания. Мы собирали определенную информацию в городе, запоминали номера машин, останавливающихся у комендатуры. По его рекомендации

я перешла на работу в Рыботдел, который давал разрешения на выход в море. Мне было поручено подкладывать на подпись разрешения для тех, чьи фамилии он указывал.

В апреле 1944 года мы отправились на Хлебозавод с заданием не дать немцам его взорвать. Там и встретила наша группа советские войска, освобождавшие Одессу.

В первые же дни после освобождения мы пришли в военкомат с просьбой направить нас в воинские части. Сережу Н. отправили в действующую армию, а мне велели прийти по определенному адресу на Водопроводную улицу. Там предложили выполнять работу по выявлению оставшейся немецкой агентуры. Когда я попросила отправить меня на медицинскую службу, мне ответили, что медиков у нас хватает, а вот в разведке надо поработать. С деятельностью нашей группы там были знакомы и вскоре меня направили в штаб Партизанского движения Украины. В Киеве меня включили в группу индивидуальной подготовки, где обучили прицельной стрельбе, работе с взрывчатыми веществами, румынскому языку. После прохождения подготовки я была заброшена в Румынию. Одновременно с разведдеятельностью я работала медсестрой станции переливания крови, инструктором воднотранспортного райкома комсомола, а затем старшей медсестрой эвакогоспиталя до конца войны.

С 1944 по 1963 годы я работала старшим библиотекарем филиала ЦАТБ Черноморского Совнархоза.

После окончания культпросветучилища в 1967 году более двадцати лет заведовала научной библиотекой, руководила группой информационного обеспечения Причерноморского филиала НИИ труда в Одессе.

С 1986 года — хранитель фондов Военно-исторического музея Одесского военного округа, член совета Одесской секции ветеранов-однополчан, председатель Совета ветеранов Приморской армии.

Я БЫЛ КУРСАНТОМ В 1941-м

Мацигор Иван Григорьевич, *92 года,*
полковник в отставке,
г. Севастополь

Родился я 4 июня 1922 года в небольшом селе Стенка, что расположено в 45 км от Полтавы. Рос в семье один. Родители безвыездно жили в этом селе, занимались сельским хозяйством.

В 18-летнем возрасте поступил в Военно-Морское училище береговой обороны имени Ленинского Коммунистического Союза Молоде-

Иван Григорьевич Мацигор

жи Украины (ВМУ БО ЛКСМУ), как того и хотел. Мама проводила меня в дорогу. Тогда мы не знали, что нам придется пережить. А вернулся я домой к родителям только через 5 лет, после войны.

Находясь на практике на одной из береговых батарей г. Севастополя, 22 июня 1941 года, ночью мы, курсанты 2-го курса, были разбужены артиллерийской канонадой зенитных орудий. Никто еще не знал, что это начало войны.

Несмотря на героическое сопротивление наших войск, враг продолжал наступление. Нас, в спешном порядке, учат бросать боевые гранаты, все чаще и чаще водят на стрельбище. Проводятся занятия по тактике пехоты: отработка наступления пехоты в составе отделения, в составе взвода, роты.

Мне, курсанту 2-го курса, присваивают звание «младший сержант» и назначают командиром отделения курсантов 1-го курса.

29 октября 1941 года в 3 часа ночи все Училище было поднято по боевой тревоге и построено на плацу перед основным зданием: был зачитан приказ Командующего Черноморским флотом, из которого мы узнали, что враг прорвал оборону наших войск на Перекопе, захватил Симферополь и вошел в Бахчисарай. Нависла угроза захвата Севастополя.

По приказу Училище преобразовано в отдельный курсантский батальон, мое отделение сразу же было названо противотанковым.

Добирались мы до назначенного рубежа пешим ходом. 35 километров прошагали с небольшими привалами, неся на плечах ящики с бутылками с горючей смесью, винтовки, гранаты, противогазы. За ночь отделение вырыло окопы, а на рассвете следующего дня мы увидели, как танки противника начали поворачивать с дороги влево под деревья. Они тут же открыли артиллерийский огонь по нашим позициям. Затем начала наступать пехота противника. Против нас была брошена примерно рота немцев (100–120 чел.). Короткими перебежками противник, ведя непрерывный огонь из автоматов, приближался к нашим позициям. Мы вели по нему прицельные одиночные и групповые выстрелы из винтовок по команде. Несмотря на потери, гитлеровцы все же продолжали наступать и приближались к нам. Силы были далеко не равные. Враг интенсивно вел автоматный огонь. В эти минуты мы пожалели, что у нас были винтовки, а не автоматы. Нами было решено: стоять, пока не будут израсходованы все патроны, гранаты. Стоять насмерть.

Наступили вечерние сумерки. Получив патроны и гранаты, мы по команде преподавателя-командира произвели 3 групповых выстрела в сторону противника, а спустя некоторое время подошла грузовая машина, забрала оставшихся в живых курсантов и повезла на Мекензиевы горы, где была наша 2-я линия обороны. Там мне в подчинение прикрепили еще несколько курсантов, и мы заняли выгодные позиции: внизу — немцы, а на верху — мы. Сколько ни пытались они наступать и выбить нас с высоты, им это не удавалось.

Курсанты ВМУ БО имени ЛКСМУ, несмотря на свои значительные жертвы, поставленную задачу выполнили: они задержали продвижение противника на своем участке обороны до прихода 1-й Приморской армии.

В Училище нам объявили Приказ Народного Комиссара Военно-морского Флота адмирала Кузнецова Н.Г. о присвоении курсантам 2-го курса, в том числе и мне, воинского звания «младший лейтенант». Переодели нас в командирскую морскую форму и последним теплоходом отправили из Севастополя в Батуми.

Теплоход уходил из южной бухты под обстрелом артиллерии. Водяные столбы от снарядов поднимались рядом с теплоходом. На корабль, кроме военных, стремились попасть и гражданские, жители Севастополя.

Печальная картина осталась в памяти моей при отходе теплохода: на трапе стояла толпа людей, стремящихся выехать из Севастополя.

По прибытии в г. Батуми меня направили в распоряжение штаба Северо-Кавказского Военного Округа (СКВО) в г. Орджоникидзе (ныне Владикавказ). Там я был назначен на должность помощника командира батареи артдивизиона 4-й воздушно-десантной бригады. За это время я прошел парашютную подготовку и практические стрельбы из 45-мм пушки. Жили мы в общежитии (в одной комнате 4 человека командного состава) дружно. Нас объединяла общая судьба быть выброшенными на парашютах в тыл противника.

В воздушно-десантных войсках я прослужил недолго. В феврале 1942 года флотское командование нашло меня и выслало предписание начальству командировать меня в г. Ленкорань Азербайджанской ССР для продолжения учебы в Военно-Морском Училище БО им. ЛКСМУ, которое после эвакуации из Севастополя уже развернуло там свою учебную базу.

Когда прибыл в Ленкорань, оказалось, что к этому времени уже все младшие лейтенанты приехали в Училище, и полным ходом шли занятия.

Училище я окончил по 2-му разряду: из восьми предметов я сдал экзамены по трем предметам на отлично, по четырем — хорошо и по одному — посредственно. Конечно же, эти оценки нисколько не повлияли на мою военную карьеру. Полгода потребовалось, чтобы дать нам дополнительно необходимые знания и направить нас на фронт на флоты в качестве командиров артиллерийских подразделений.

В июле 1942 года я был выпущен из ВМУ БО им. ЛКСМУ с присвоением звания «лейтенант» и зачислен в список для направления на Краснознаменный Балтийский Флот (КБФ).

Июль 1942 года — время, когда Советская страна переживала очень тяжелое время. Почти на всех участках фронта противник имел успех в продвижении на восток, захватывая все новые и новые города, населенные пункты, территории. Севастополь, ввиду отсутствия должного снабжения войск боеприпасами, техникой, продовольствием, пополнения живой силы по приказу Верховного главнокомандования после 250-дневной героической обороны был оставлен врагу.

Мы, лейтенанты, подготовленные для военных действий в качестве артиллеристов береговой обороны Флота, в это трудное время были направлены в основном на действующие Военно-морские флоты: Краснознаменный Балтийский, Северный, Черноморский. Часть лейтенантов моего выпуска была направлена и на Тихоокеанский Военно-Морской Флот, а мы отправились в Ленинград, в штаб КБФ.

Единственной дорогой, связывающей город Ленинград с большой землей, был водный путь по Ладожскому озеру — так называемая «дорога жизни». Только по ней можно было добраться до Ленинграда.

Вечером мы погрузились на небольшой теплоход, идущий по озеру в Ленинград. После небольших расспросов нашли штаб Балтийского флота, сдали предписания, определились с экипажем, ночлегом, сдали чемоданы и вещмешки, привели себя в порядок и тут же, не теряя времени, отправились на главную улицу Ленинграда Невский проспект.

Идя по Невскому, дошли до памятника Екатерине II, а там — драматический театр им. Пушкина. Решили зайти в театр, узнать, открыт ли, работает ли? Оказалось, театр работает. Купили билеты на дневной сеанс. Истосковавшись по театральным представлениям, и к тому же, будучи очень любознательными, мы не могли пройти мимо театра. Какую постановку мы смотрели, я уже не помню.

Ораниенбаумский плацдарм

Получив назначение в штабе Краснозаменного Балтийского Флота в Ижорский сектор береговой обороны, я прибыл на 341 артбатарею 197 артдивизиона на должность командира огневого взвода. На батарее я вошел в курс своих обязанностей по должности командира огневого взвода, познакомился с подчиненными краснофлотцами.

Противник, стремившийся захватить г. Ленинград, не смог войти в город, благодаря героической обороне наших войск. Большое мужество, самоотверженность были проявлены войсками, оборонявшими южный берег Финского залива, где была сосредоточена береговая артиллерия 12-дюймовых орудий и других крупнокалиберных орудий. Понятно, какое огромное значение имел Ораниенбаумский плацдарм в защите.

В июне 1943 года я приступил к выполнению своих обязанностей в новой должности — начальника артиллерийской разведки дивизиона. Арт. разведка заключалась в определении географических координат местоположения орудий батарей противника.

В ноябре 1943 года командующий Балтийским флотом приказал направить на курсы офицерского состава при КУБО ВМФ в г. Владивосток (куда перебазировалось мое родное училище из г. Ленкорань) 5 человек, для обучения по специальности штурман авиационных корректировщиков. В эту пятерку вошел и я.

Позднее я узнал, что от каждого Флота (СФ, КБФ, ЧФ и ТФ) приказом Народного Комиссара ВМФ СССР было выделено по 5 человек. Прибыли во Владивосток. Наши занятия большей частью проходили на аэродроме. Для обучения корректировке был оборудован самолет-штурмовик ИЛ-2. Мы стремились быстрее приобрести новую специальность и опять вернуться на свой Флот.

Приказом Народного Комиссара Военно-Морского Флота СССР № 01272 от 13 июня 1944 года мне была присвоена военная специальность штурмана авиационного корректировщика.

Получив свидетельство об окончании курсов, мы, 5 лейтенантов, отбыли поездом из Владивостока в Москву, а затем поездом из Москвы в Ленинград, в штаб Военно-Воздушных Сил КБФ.

В июле 1944 г. меня зачислили в 13-ю Отдельную корректировочную авиационную эскадрилью ВВС КБФ, которая базировалась на аэродроме Бычье поле в Кронштадте. К этому времени блокада Ленинграда была прорвана. Обстановка на фронтах была благоприятная. Наши войска на всех участках перешли в контрнаступление.

В конце 1944 года 13-я отдельная корректировочная авиаэскадрилья КБФ перелетела из Кронштадта на аэродром Таллина Эстонской ССР. В Таллине мы находились 5 суток. Там и встретили Новый 1945 год.

Аэродром Паланга

На аэродроме Паланга базировался в то время полк истребителей под командованием подполковника Романова и наша 13-я отдельная корректировочная авиаэскадрилья под командованием майора Шулика.

Войска противника в то время удерживали находящиеся в 50 км от аэродрома Либаву и Клайпеду. Командующий ВВС КБФ поставил задачу перед корректировочной авиаэскадрильей обеспечить корректировку арт-огня 180 мм береговой батареи на железнодорожной тяге по немецкому транспорту, стоящему в порту Либава. Сложность выполнения задачи заключалась в том, что порт Либава хорошо охранялся истребительной авиацией противника.

Нам было известно, что там базировались самолеты-истребители «Мессершмидты», летчики-штрафники.

Однажды командир эскадрильи отдал приказ вылететь лейтенанту Бабасьянцу А. и лейтенанту Мацигору И. Мы взлетели первыми. За нами начали подниматься самолеты-истребители.

Чтобы не расходовать зря горючее, мы не сделали круг над аэродромом, как обычно, а прямо пошли курсом на Либаву.

Я связался по рации с батареей, доложил, что связь нормальная.

К нашему самолету ИЛ-2 приблизились самолеты прикрытия Ла-5, два из них прямо к хвосту.

Как только я увидел порт Либава, доложил на батарею:

— Вижу цель.

Мне сообщили:

— Выстрел произведен. Падает.

Тут же увидел столб грязи от взрыва снаряда. Определил отклонение от цели и передал на батарею.

Второй снаряд упал с небольшим перелетом.

После 2-й корректировки, третий снаряд лег по цели. Я увидел белый дым, которым закрылся весь корабль.

С земли нам дали команду:

— Возвращаться на базу.

В воздушном бою мы потеряли два самолета. Три «Мессершмидта» мы все-таки сбили.

Саша Бабасьянц и я были награждены орденами «Красная Звезда».

Наша эскадрилья в то время именовалась так: 13-я Артиллерийская авиационная Клайпедская Краснознаменная эскадрилья ВВС КБФ.

Находясь в Паланге, мы чувствовали, что война приближается к концу.

День Победы я встретил на аэродроме Паланга Литовской ССР. Несмотря на то, что 9 мая 1945 года фашистская Германия подписала акт о безоговорочной капитуляции, остатки немецких войск, находящихся на Курляндском полуострове, все еще оказывали сопротивление советским войскам, и мы несли потери. Еще были случаи, когда на берегу моря, в воде находили погибших наших летчиков.

Послевоенное время...

После войны поступил в Ленинградскую военно-воздушную академию им. Можайского. После того, как был зачислен на 1-й курс, я уехал в г. Мамоново, чтобы к 1 сентября 1948 года прибыть в Ленинград с женой и сыном, найти частную квартиру и учиться. За годы учебы в Академии я стал капитаном, потом майором.

После ее окончания с семьей: женой Ольгой Андреевной, сыном Сережей и дочерью Наташей, — выехал из Ленинграда в Севастополь,

куда был направлен на должность Старшего офицера аэродромного отдела ВВС Краснознаменного Черноморского флота.

Но самым трудным и значительным в моей жизни был Байконур. Трудным — потому, что жизненные условия были не такие, как в Севастополе, значительно тяжелее. Значительным — потому, что там я прошел школу инженера-строителя, руководил строительством самых ответственных объектов.

Там я служил в звании подполковника в управлении инженерных работ, руководимом генерал-майором Шубниковым, потом стал главным инженером управления, возглавляемого полковником Тишиным.

На новом месте службы я окунулся в работу со свойственным мне усердием. Зная, что вся страна внимательно следит за успехами в космической области, за тем, кто же победит в конкурентной борьбе за первенство в космосе, Америка или Советский Союз, у меня возникло чувство гордости, что я нахожусь на переднем крае этой борьбы.

* * *

Как и многим офицерам, мне довелось служить во многих гарнизонах нашей необъятной Родины, которую мы отстояли в войне с фашизмом.

Всем известны планы фашистской Германии. Советский Союз спас Европу от коричневой чумы. Вот в чем велика заслуга И.В. Сталина, как руководителя государства, Верховного главнокомандующего Вооруженными силами СССР, генералиссимуса.

Не было бы Сталина, не было бы и маршалов Жукова, Василевского, Рокоссовского, Конева и многих других выдающихся полководцев и руководителей сталинского типа.

Читайте, пожалуйста, мемуары этих выдающихся полководцев, конструкторов самолетов, танков, и другого оружия, и вы убедитесь в правоте моих слов.

Напоследок хочется сказать: «Погибшим — вечная благодарная память. Оставшимся в живых — не опускать руки, а дальше бороться за жизнь».

ВСТРЕЧА В БАЛАКЛАВЕ

Наше знакомство с Раисой Степановной состоялось в Балаклаве летом 2013 года. Посетив музей 35-й береговой батареи в Севастополе, я была потрясена увиденным. После просмотра в кинозале музея фильма «О чем молчала 35-я батарея», где Раиса Степановна рассказывала о трагических событиях в Севастополе 1941-1942 годов, мне захотелось встретиться с ней и пригласить в нашу книгу «Мы помним...».

Встреча состоялась. Раиса Степановна согласилась опубликовать свои воспоминания в книге, но... Эссе закончила ее дочь Елена.

Ростовцева Людмила Ивановна, *57 лет,*
автор-составитель книги воспоминаний
и размышлений поколений «Мы помним...»

Когда мы с братом были ещё маленькими, наши родители возили нас в Голубую бухту, что в окрестностях Севастополя, возлагать цветы к обелиску. Мы знали, что наша мама во время обороны Севастополя была в этих местах и попала в плен. Каких-то подробностей она тогда не рассказывала — мы были слишком малы, или мама не хотела об этом говорить. Помню, как однажды в школе нужно было заполнить анкету, где в одном из пунктов необходимо было указать, были ли родственники в плену или в оккупации. Я спросила тогда у мамы: «Нужно ли указывать, ведь ты же была в плену?». Но мама сказала, что это не считается. Я тогда не понимала, в чем разница...

Будучи взрослой и имея уже своих детей, мы все также ездили в эти места на возложение цветов. Папы уже не было. А мои дети, особенно дочь, очень настойчиво стали просить бабушку рассказать о своей молодости, о войне. Как-то раз попросили её написать в школьной тетрадке все, что вспомнит. Хотели иметь воспоминания любимой бабушки.

Так она начала вспоминать всю свою жизнь и военное время. Потом её начали приглашать на различные мероприятия, в школы, где моя мама, Раиса Степановна Холодняк (в девичестве — Иванова) стала рассказывать на встречах о героизме защитников Севастополя, делиться своими воспоминаниями в интервью с журналистами, писателями и режиссёрами.

Вот ее воспоминания о том, как началась Великая Отечественная война, о том, как она настигла Севастополь и Балаклаву.

Захарьян Елена Александровна, *57 лет,*
инженер,
Балаклава-Москва

«По характеру я не боевая...»

Холодняк Раиса Степановна
(13.12.1923–1.07.2014)
г. Балаклава

«...Я все помню. В тот день, 21 июня 1941 года, в школе у нас шел выпускной вечер, и было мне тогда семнадцать с половиной. Веселились мы на том вечере, танцевали, не так, конечно, как сейчас

танцуют. Вальсы танцевали, фокстроты, танго. Пришли к нам гости: начальники предприятий, руководители разные. И не чувствовалось в их поведении тревоги, что завтра может начаться война. Хотя мы знали, что она будет. Тогда телевизоров не было, а, когда мы ходили в кино, перед началом сеанса в киножурналах показывали Испанию, где уже шла война, Германию, где расправлялись с коммунистами. Поэтому мы ждали войну…

Рая Холодняк, 16 лет

После выпускного вечера мальчишки с девчонками пошли на Утес к Генуэзским башням, а я — домой. Идем с папой и слышим: где-то далеко над городом — гул, какие-то всполохи, прожекторы мелькают. Но мы не обратили на это внимания.

Спать легла я в тревоге. Но не потому, что завтра война — нет, я просто боялась проспать и не встать рано утром. На следующий день мы с ребятами собирались ехать в Никитский ботанический сад. Никуда мы, конечно, не поехали.

Утром в Балаклаву приехали те, кто работал в Севастополе и кто видел, что там происходило. Приехали на первом трамвае и рассказали, что Севастополь бомбили. Эта новость мигом разнеслась среди балаклавцев. Еще по радио ничего не говорили, а мы уже все поняли: война началась…

Утром пошла в школу, узнать: что теперь делать? Собрались с ребятами возле школы, разговариваем. Потом мы с девчонками разошлись, а мальчишки в военкомат направились.

…Люди из Балаклавы начали понемногу уезжать, эвакуироваться. Военные жен и детей своих, куда смогли, отправили. А мы с подружками захотели поступать в институт. Поехали в Симферополь, сдали документы… У нас была надежда, что война закончится. Я верила, в конце концов, немца остановят. И эта вера была почти у всех. Даже когда немец в Севастополь пришел, всё равно верили: победим его! Итак, сдали мы в институт документы, ждем вызова. Но вызов так и не пришел…

В сентябре 1941 г. я устроилась на работу в школьную библиотеку. А вскоре война пришла и на Балаклавскую землю.

8 ноября, помню, рано утром вышла я во двор со своим маленьким братиком на руках, и вижу — в небе летят самолеты. Говорю я братику: «Смотри, Лёнечка, какие красивые самолетики!». Они пролетели над нами, а в Карани их обстреляли наши зенитчики. Немецкими са-

молеты оказались. В Севастополь их не пустили, они вернулись и сбросили бомбы в Балаклаве. Одна из бомб упала возле клуба ЭПРОН. Там и сейчас стоит старый довоенный дом, и на его фундаменте видны следы от осколков. Когда мимо прохожу, всегда гляжу на эти выбоины...

16 ноября первые немецкие автоматчики появились в районе хутора Китровка, нынешней улицы Богдана Хмельницкого в Балаклаве. Маленький городок оказался в осаде».

Мама нам рассказывала, как она видела на горе Спилия[1] первые бои с фашистами молодых ополченцев, а потом подразделений рубцовцев. Она запомнила приезд в Балаклаву 12 ноября 1941 года Второго секретаря Крымского обкома партии Фёдора Дмитриевича Меньшикова, который в то время был оставлен в Севастополе. По рассказам своего отца, учителя математики, перед руководством Балаклавы встал вопрос об организации в военных условиях жизни населения. Секретарем Райкома партии был Мустафа Сейдаметов, председателем Горсовета Ефстафий Ильич Михайлиди. Собрали всех оставшихся в городе членов партии, учителей, председателей Рыбколхоза «Путь к социализму», Кадыковского колхоза «Большевик» и др., где и поставили этот вопрос.

«...В Балаклаве работала пекарня, прачечная, рыбаки ловили рыбу, причем, хватало ее и балаклавцам, и нашим защитникам — так мы их тогда называли, — даже в Севастополь рыбу возили. Организовали санитарную группу из девчонок-старшеклассниц, боевую дружину из тех, кто не в армии, — если понадобится, чтоб в бой могли вступить, но в основном ребята были связными — телефона ведь между Севастополем и Балаклавой не было. Были и курсы для медсестер, где занятия проводила Мария Николаевна Щербакова — старенькая такая, в армии она не могла быть, так она учила делать перевязки. Молодежь участвовала в художественной самодеятельности, а чтобы встретиться и поговорить друг с другом, мы собирались возле клуба ЭПРОН — там было самое безопасное место. А обстреливали нас везде снайперы, мучили минометные обстрелы. Но нас научили, как безопасно вести себя. Ходить надо по-над стенкой, чтобы снайперы не достали. Особенно опасно было ходить возле завода «Металлист». Поэтому там выкопали траншею, в которой и мне приходилось пережидать обстрел. Застанет минометный огонь — лягу и лежу. Отстрелялись немцы — бегу дальше. Кстати, возле клуба ЭПРОН была и парикмахерская. Защитники спустятся туда, побреются, постригутся...

Дооборудовали убежища для населения. В одном из них на территории Балаклавского рудоуправления организовали школу, где занимались дети

[1] Спилия – гора, возвышающаяся над Балаклавой.

1–4 классов. Некоторые здесь же и жили, другие ребятишки прибегали из ближних домов. Заниматься с ними приходил учитель Иванов Степан Нилович, мой отец, не попавший на фронт, т.к. был инвалидом.

Так мы и жили.

...В конце декабря в очередной раз в Балаклаву приехал Меньшиков. Он собрал комсомольцев и сказал, что нужно готовить для защитников новогодние подарки. Что же это были за подарки? Мне, например, мама отрезала холст, я написала по нему большими буквами «Славному защитнику Севастополя» и вышила надпись красными нитками. Концы обработала и получилась вытирка.

Р.С. Холодняк на 35 ББ рядом со своим портретом

Однажды нас с родителями обстреляли... дома! Я вышиваю тот самый платок. Веня, мой брат, с чем-то на кровати возится, кажется, струны на гитаре ладит. Мама кормит Лёню — ему восемь или десять месяцев было. А папа сидит за столом и читает книгу — тогда мы по очереди «Хижину дяди Тома» читали. И в этот момент по нашему дому выстрелили. А нужно сказать, что рядом с нами располагались наши минометчики. Они, как отстреляются, часто к нам в гости приходили — на гитаре поиграть, книги попросить, в шашки сразиться. Разрешали даже Вене, брату моему, быть на их батарее, а иногда разрешали выстрелить по немцам из миномета.

Итак, обстреливают наш дом. Но мы-то жили в нижнем, цокольном этаже. Слышим — с той стороны упало, разорвалось, с этой стороны упало, разорвалось. И мы знаем: недолёт, перелёт, в конце концов, попадут в нас. Но никто свою работу не бросил, сидим, как будто ничего не происходит. Только кошка моталась — то под кровать, то под стол. Потом слышим: на дом мина все-таки упала... Когда стрельба прекратилась, к нам прибежали минометчики. Даже носилки с собой принесли. Вбегают и что видят? Мы сидим: папа книжку читает, Веня гитару настраивает, а мама Лёню кормит грудью. Мама потом борща сварила и минометчиков угостила...

...Как-то вызвали меня в Севастополь, к Меньшикову. Пришла, и Федор Дмитриевич говорит: «Хотим рекомендовать тебя секретарем райкома комсомола». В райкоме тогда никого уже не было, все на защиту ушли. «Федор Дмитриевич, я ж ничего не умею!», — говорю я. А он: «Ничего, научим!» И на следующий день назначили меня секретарем Балаклавского райкома комсомола. Я познакомилась тогда с Сашей Багрием, секретарем Севастопольского горкома комсомола,

с Надей Краёвой — она тоже в горкоме была, потом погибла где-то в районе Камышовой бухты…

Почему выбрали меня? Не знаю. Может быть, потому что школу уже закончила, среднее образование имела. А может, и потому что, если бралась за что-то, то всегда выполняла. Не знаю, до сих пор не знаю. Но одно скажу: по характеру я не боевая, это точно.

Было тогда нас в Балаклаве человек сорок комсомольцев. Мы организовывали самодеятельность, в сандружину ходили, если нужно, перевязки делали. Ходили по убежищам, читали людям газеты, сводки информбюро. Собирали бутылки, чтобы в танки с зажигательной смесью бросать. Мальчишки, как узнали, для чего бутылки, столько их насобирали — целую гору! — откуда только нашли их? Металлолом понадобился для мастерских, где ремонтировали оружие, — наволокли целую груду этого металлолома…

…Многие тогда эвакуировались, особенно те, кто с малыми детьми или с больными. Но не все хотели уезжать, потому что верили: Севастополь не сдадут. Но начали и моих родителей агитировать в эвакуацию. Мама говорит, что без меня никуда не поедет. А я не хотела уезжать из Севастополя… Знала, что молодежь нужна здесь, понимала, что молодежь должна помогать защитникам. Уже и Федор Дмитриевич говорил маме: «Уезжайте». И она согласилась.

29 мая мои родители собрали, что смогли, в дорогу. 2 июня ночью в бухту, где железнодорожный вокзал, вошел транспортный корабль. Начали грузить вещи. Вдруг налетели немцы, посыпались бомбы. Все бросились в убежище, а корабль ушел, остались мы без вещей. 3 июня, ночью подошел крейсер «Красный Крым». Начали грузиться на него и опять — самолеты. Во время бомбежки мама чуть не потеряла детей, ужасно волновалась, потом нашла их. Все-таки крейсер отошел и, как потом рассказывала мама, благополучно доставил их в Туапсе — ни одного налета, ни одной бомбы не было…

…Все это время я держалась и не плакала. Посадила родителей на крейсер — не плакала, крейсер отошел от берега — не плакала. И только когда в Балаклаву вернулась, когда в дом вошла, упала на кровать и разрыдалась… В доме пусто, кровати голые, шкаф нараспашку, всюду вещи разбросаны… Навела порядок, вещи сложила, и опять рыдать. Вволю наплакалась… Повторяю: я была вовсе не боевой девчонкой. Но, оказывается, и не трусихой, не паникершей. После этого пошла в райком — там девчонки дежурят, кое-как успокоилась с ними. Наутро приезжает Федор Дмитриевич, а у меня глаза мокрые. «А-а, — смеется он, — слезы! Ну, давай, догоняй их!» А я: «Нет, не буду!» Так и осталась в Севастополе.

…Начался третий штурм. Комсомольцев перевели на казарменное положение, чтобы они были все вместе. 3 июня 1942 года слышим:

гул, взрывы. С ребятами на горку поднялись и видим — дым, дым, дым… Немцы обстреливали нашу передовую. Старшие сказали нам, чтоб мы через Сардинакину балку пошли туда, где были убежища. Побежали мы и видим — в небе над Севастополем столько самолетов, что и не сосчитать — всё небо в самолетах! А с самолетов заметили нас и давай пикировать, бомбы на нас бросать. Мы видим: бомба отрывается — падаем на землю. Бомба разорвалась — мы подскакиваем и опять бежим. Пробегали мимо какой-то конюшни, упрятались в ней, а бомбы все падают и падают, калечат лошадей. Помню, портфелем голову прикрывала… Мы опять — бежать, а потом кричим друг другу: что это мы вместе бежим, рассредоточиться надо! Рассредоточились, поодиночке побежали. Так и добрались до укрытия…

… В последние дни июня 1942 года я работала в полевом госпитале, что в районе Георгиевского монастыря. Перевязывала раненых, кормила, поила и вместе с другими санитарками готовила их к эвакуации. И вот зовут меня как-то на помощь — мальчишка есть один, говорят, перевязать его нужно. Пришла делать перевязку, посмотрела на него, и плохо мне стало. Мальчику лет двенадцать, нет кистей рук, все лицо побито. Оказывается, немцы бросали с самолетов игрушки. Так мальчишка этот поднял одну такую игрушку, начал ее рассматривать, и она взорвалась. Перевязываю ему руки, а он кричит: «Мама! Папа! Пальчик болит!» Господи, какой там пальчик, рук у тебя совсем нет… Поэтому я ничего не прощаю немцам за эти игрушки.

30 июня рассыльный Терленди, грек из Карани, имени его не помню, принес мне записку от второго секретаря обкома партии Меньшикова: «Рая, немедленно явись на командный пункт!». А командный пункт был на улице Карла Маркса, сейчас это Большая Морская. Показываю записку старшему. «Надо, значит, надо. Иди». А Терленди говорит: «Рая, Севастополь-то уже сдали!» Что делать? Грек предложил идти в Камышовую бухту, там, по всей видимости, можно было найти Меньшикова.

Пошла я в Камышовую бухту. Голая степь, ни кустика, ни деревца. Кое-где люди попадаются — кто, как и мы, спешит к морю, кто наоборот, навстречу идет. Помню, вещи повсюду валяются, чемоданы раскрытые — никому они уже не нужны. Бои идут на окраине города, здесь же пока тихо…

По дороге встретили мою балаклавскую знакомую Арусю Баяджиеву, она работала районным зоотехником. С ней вместе и пришли к Голубой бухте. (Голубая бухта расположена совсем рядом с 35-й батареей). Стемнело. Видим, в низине сидят и лежат красноармейцы, среди них есть раненые. Какой-то командир сказал, чтобы мы помогли снести их к морю, на пирс. Корабли скоро должны подойти, объяснил он. Взялись мы носить раненых, уложили на пирс одного, другого, и тут

на берег хлынул народ — люди подошли из города. Толпа такая, что нас с Арусей зажали, ни пройти, ни сдвинуться с места. Паники не было, это я точно помню, просто оборонцы спешили на берег, где ожидалась эвакуация. Я невысокая, моря не вижу, но слышу: подошли катера, морские охотники, началась посадка. Потом пирс провалился — металлический остов его до сих пор еще виден. Людей столько, что один катер даже перевернулся. Все спешили попасть на борт — никто не хотел в плен...

...Вам трудно сейчас понять состояние тех людей, которые восемь месяцев держали оборону, а потом отступали, когда нечем стало сражаться.

...Катера, кого могли, взяли. И в этот момент загудела земля, раздался взрыв, такой сильный, что земля затряслась. Слышу, кричат: «Тридцать пятку взорвали!» (35 береговую батарею). Потом призыв: «Всем рассредоточиться, занять оборону. Сейчас солнце взойдет, самолеты налетят, и немцы из вас месиво сделают!» Мы с Арусей вышли из толпы, и пошли в сторону батареи. Стало понятно, что немец приближается — полетели снаряды, пули начали свистеть, идет бой, самолеты летят. Вдруг слышу: «Рая!». Гляжу — председатель Балаклавского горсовета Аристарх Илларионович Михайлиди, раненый лежит на земле, колено у него раздроблено. Мы с Арусей подняли Михайлиди и повели к берегу, хотели спустить к морю. Видим: лодка болтается между камней. Михайлиди заворачивает свои документы в рыболовную сеть и обвязывается ею. Пока он делал это, в лодку попал снаряд, и она ушла под воду...

...Какой-то ад был вокруг меня. Пули свистели, люди падали. Но в меня пули не попадали, пули свистели и, значит, были не мои — если бы мои, я бы не слышала их...

Мы оставили в расщелине Михайлиди и вышли наверх. В это время рядом с нами оказались Меньшиков и с ним Куликовский, Кувшинников, секретарь горкома комсомола Саша Багрий и много каких-то военных. Меньшиков увидел меня и стал извиняться. Он, оказывается, обещал моей маме, что вызволит меня, эвакуирует, а теперь сожалел, что не сдержал слова.

...2 июля. Мы в окружении. Подходит к нам военный и просит, чтобы я и Аруся съездили на Херсонесский маяк за водой. На чем же ехать? Вокруг битые машины. Бойцы разгоняли их по обрыву и сталкивали в море, чтобы немцам не достались. Мужчины нашли машину с исправным мотором, собрали по крохам бензин, дали нам бидоны, и мы поехали. Мчимся напрямик, по бездорожью, хватаемся за края разбитого кузова, бидоны придерживаем. Мимо нас снаряды летят, пули свистят, самолеты пикируют, но шофер знающий — тормозит, когда нужно, и бомбы падают впереди машины.

Примчались на маяк. Рядом — аэродром, самолетов нет, капониры стоят разбитые, кое-где люди ходят. Почему-то запомнился жеребенок: бегает по степи то в одну, то в другую сторону. Мать свою, наверно, потерял и не знает, куда бежать, мечется между взрывами… Еще запомнилась санитарная машина — вся разбитая, а на кузове бинты лежат валом. Мысль мелькнула — взять, что ли, бинты на батарею? Но некогда было, мы спешили за водой. На маяке нас остановили, забрали бидоны и сказали, чтоб мы ждали. Сидим, ждем. Рядом с нами сидит, обхватил винтовку, боец. Вдруг взрыв, осколок попадает ему в голову. А он даже не пошевелился, так и остался сидеть с винтовкой в руках…

…Привезли мы воду на батарею. Видим, Саша Багрий с военными чистят оружие и набивают патронами диски. Мы тоже стали собирать на передовой боеприпасы возле убитых для оставшихся в живых защитников. Запомнился один боец: я подползаю к нему, а он лежит на боку, нога перевязана. Говорю: «Давайте, помогу перейти в безопасное место». А он посмотрел на меня, хмыкнул так задорно: «Где ж ты нашла здесь безопасное место?» Оглядел свой окоп: «Видишь, дочка, — патроны и гранаты у меня есть, и пока они у меня есть, я никуда отсюда не уйду»…

Прошел слух, что один командир подпустил к себе немцев, себя взорвал и их взорвал. После войны, когда я туда поехала, увидела холмик на том месте, и памятник, где написано, что это Силаев и, что он на этом месте взорвал себя и немцев.

…Пока были боеприпасы, все сражались и не отступали, когда закончились патроны, начали спускаться под скалы, к морю. И так получилось, что я опять оказалась возле Михайлиди. И его опять зацепило осколком, второй раз. Меня же пули почему-то не брали. Сидим, ждем темноты. Паники, повторяю, никакой. Защитники прячутся в скалах, спокойно чистят оружие, кто-то обмывается в море, стригут друг друга, бреют. Я, находясь среди них, страха не испытывала…

3 или 4 июля немцы подошли к обрыву, «Рус, сдавайсь!», — кричат. Наши молчат, не отвечают. Тогда немцы начали стрелять и бросать гранаты под обрыв.

…Помню, была минута отчаяния, я просила Михайлиди, чтоб он застрелил меня — у него был наган. «Подожди Рая, успеешь еще…»[1]. Потом говорит: «Девчата, вы идите вдоль берега в Балаклаву, может, к партизанам проберетесь!». «А вы как же?». «Да как я пойду…». Больше я Михайлиди не видела. Может, застрелился, а, может, и немцы его убили.

Идем с Арусей вдоль берега, прячемся между камнями, возле нас трупы плавают… Проходим мимо входа в каземат. Красноармейцы кричат оттуда: «Девчата, вы куда?». «В Балаклаву идем!». «Ничего

[1] Когда мама об этом рассказывала, я думала: «А ведь это значит, что ни меня, ни моих детей, ни внуков тоже бы не было…»

у вас не получится. В Голубой бухте они уже у самого берега. Мы уже пытались...». Красноармейцы подали нам руку, и мы забрались в каземат. В подземелье тихо, где — ходят, где — сидят бойцы. Ищут, как бы выйти наверх и в темноте уйти к партизанам. Но все выходы разрушены, ничего не получалось.

Стали мы с Арусей и здесь помогать раненным. Привели к нам одного красноармейца; ему так запорошило глаза, что он не мог открыть их. Я вспомнила, что, когда была маленькая, мне тоже засыпало песком глаза, и мама вылизала песчинки языком. Говорю красноармейцу: «Давай, и я так же попробую». Он подставляет лицо: «Давай!». Вылизала я ему глаза, и он вздохнул с облегчением: «Ой, спасибо, сестричка, а то думал, что я совсем уже ослеп...»

В рубке батареи пытались связаться с Большой Землей, но нас не слышала Земля.

...Ночью сигналили в сторону моря — ждали эвакуации...

5 или 6 июля все начали подниматься и выходить наверх. Иду по казематам, вижу: кто бреется, кто одевается в чистое белье... В моей сумке лежали комсомольские документы, списки райкомовских. Я их мелко порвала и рассыпала клочки бумаги в море...

...Красноармейцы разбивали оружие — с размаху били винтовки о камни и бросали в море...

Выходим. Немцы стоят, смеются, фотографируют нас. Отбирают вещи — часы и бритвы. Никто руки не поднимал. Женщин посадили в одно место, мужчин — в другое. Подходит офицер с переводчиком, кричит: «Комиссарам, коммунистам, командирам, юдам — встать!» Все сидят, никто не поднимается. Офицер еще раз приказал, потом начал стрелять в воздух. Поднимается один, потом еще один, третий, и так — все! Я гляжу на это и думаю: «Все равно вам нас не победить...».

Всех пленных построили в колонну и повели в сторону Балаклавы. Со мной рядом шла девушка, в форме, аккуратная в красивых хромовых сапожках, мы все голодные, пить хотелось. А немцы ели абрикосы, хлеб с маслом, дразнили нас. Немец схватил эту девушку за ногу, она упала, стянул сапожки, рассматривал, а другие смеялись.

Потом нас сфотографировали, повели на допрос: кто такая, откуда, кем работала, образование? Спросили меня: комсомолка? Я сказала: да.

Я ко всему была готова. Мне сказали, что меня завтра расстреляют. Я плечами вздёрнула и молчу. А они сидят, переговариваются, смеются. Переводчик мне говорит, что немецкий офицер пошутил. Ну, я посмотрела на них безразлично: пошутил, так пошутил.

Меня должны были расстрелять, но моя подруга Арусяк Бояджиева, которую немцы из лагеря отпустили, помогла мне уйти из него (взяла за руку и мы вместе вышли, охранники на выходе фамилии тех, кого выпускали, не проверяли).

Сначала я укрылась у родных подруги Аруси в Сакском районе Крыма, но из-за угрозы угона в Германию пешком дошла до Симферополя, потом до Мелитополя, перебралась к своим родственникам на Донбасс, перешла линию фронта.

...А родители мои вместе с Веней и Лёней обосновались в Краснодарском крае. И когда наши опять отступать стали, мама с отцом остались, а Веню отправили вместе с армией. Потом рассказывали: Веню, когда он напросился на фронт, спросили: «Откуда ты?». Он сказал: «Из Севастополя». И тогда военные решили: «А-а, из Севастополя? Этого — в разведку!» Так всегда делали. Достаточно было сказать, что ты из Севастополя, и тебя сразу направляли в разведку или в диверсионную группу. Знали, чего стоят эти парни, и что на них можно положиться...».

* * *

Моя мама Раиса Степановна постоянно настаивала на том, что никогда не отличалась особой храбростью. Но, слушая ее рассказы о том, как, стремясь побыстрей попасть к своим, она во время боев за освобождение Донбасса в 1943 г. переходила линию фронта, я мысленно восхищалась этой якобы несмелой женщиной. Оказавшись на советской стороне фронта, мама восстановилась в комсомоле (так как все документы уничтожила на 35-й батарее).

На День Победы всегда с медалями

В 1944 г. вернулась в Балаклаву. К этому времени она отыскала семью, вскоре они воссоединились. В 1947 г. мама поступила на работу в Балаклавское рудоуправление им. А.М. Горького. Потекла мирная жизнь, где был постоянный упорный и добросовестный труд бухгалтера, замужество, праздники, будни, получение в 1961 г. медали «За оборону Севастополя».

В 1978 г. мама вышла на пенсию. Жители Балаклавы привыкли видеть ее практически на всех памятных мероприятиях, посвященных годовщинам начала обороны Севастополя 1941–1942 гг. Собранная, всегда с добротой в глазах. В последние годы уже начинало подводить здоровье, но Раиса Степановна всегда находила в себе силы прийти на то или иное мероприятие, делая это как всегда добросовестно. В преддверии 90-летия судьба, похоже, опять решила проверить маму на прочность, но сложный перелом никак не отразился на ее оптимизме, в это время рядом с ней были родные люди, мама была полна планов на то, что к лету снова поедет на 35-ю батарею...

Мама была очень рада воссоединению Севастополя и Крыма с Россией, участвовала в референдуме, а накануне Дня Победы ей вручили российский паспорт. Но последующие события в Одессе и на Донбассе отразились на ее здоровье. Она стала угасать…

1 июля 2014 года после непродолжительной болезни ушла из жизни Раиса Холодняк — ветеран Великой Отечественной войны, участница героической 250-дневной обороны Севастополя.

НЕБО ЗОВЕТ

Крамаренко Сергей Макарович, *91 год,*
Герой Советского Союза,
генерал-майор авиации в запасе,
награждён орденами Ленина, Красного Знамени (дважды),
Отечественной войны 1-й Степени, Красной Звезды, «За службу Родине в Вооружённых Силах СССР» 3-й степени; медалями,
г. Москва

Сергей Макарович Крамаренко

Я родился в маленьком украинском селе Калиновка Роменского района Сумской области. Когда-то здесь была окраина русской земли, здесь жили люди, охранявшие Русь от набегов кочевников дикой Степи. Не случайно из этих мест вышли многие воины, героически сражавшиеся в годы Отечественной войны, в том числе и мой будущий однополчанин, трижды Герой Советского Союза Иван Никитович Кожедуб.

Родители мои были совершенно разные люди. Отец — крестьянин, бедняк, в годы коллективизации в числе первых вступил в колхоз. Мать — дочь врача и польской дворянки, родилась в Петербургской тюрьме, куда за революционную деятельность была посажена моя бабушка. Только революция, перемешавшая все сословия, могла сделать возможным такой брак. К сожалению, несходство в происхождении, разница в образовании и воспитании привели к разрыву брака и отъезду матери с тремя детьми к своему отцу на Кавказ.

В канун 1940 года в отпуск в наше село приехал какой-то авиационный старшина. В синей гимнастерке, галифе, перепоясанный ремнями, он произвел неизгладимое впечатление на местных девушек — и не меньшее на нас, ребят. После этого многие ребята захотели поступить в авиацию.

Надо упомянуть, что во времена моего детства самолеты были большой редкостью, и первый увиденный мною самолет произвел на меня такое впечатление, что я несколько часов не отрывал от него глаз.

...Выпускные экзамены я сдал без единой ошибки, лучшим в классе, — и вот и последний звонок. На выпускном вечере мы много говорили, что отдадим все силы защите Родины. На Западе уже бушевала война, и все мы всеми своими юными сердцами чувствовали ее неизбежность и для нашей страны.

Осенью 1940 года был объявлен набор молодежи в аэроклубы. Узнав о наборе, я сразу же обратился в институтский комитет комсомола и, получив направление и положительную характеристику, сразу подал заявление в Дзержинский аэроклуб г. Москвы.

Гитлер захватывал все новые и новые государства. Об этом мы узнавали по радио и из газет, но наши дни были так заняты учебой, полетами, что нам казалось, что это происходит далеко-далеко, как бы в другом мире. Несколько успокоил нас пакт 39-го года, но после разгрома Франции стало ясно, что надежды на мирную жизнь улетучились. Такими нас и застало начало войны[1].

Наступило воскресенье 22 июня 1941 года. В этот день намечался выезд на речку. Но этому не суждено было случиться. После завтрака пошли тревожные разговоры. Все разъяснило радио: «Война!» После сообщения Молотова курсанты были собраны на митинг. На нем выступали инструктора и комиссар училища. Общий смысл речей сводился к тому, что враг будет быстро разбит. В наших головах не укладывалось, что такая небольшая по размерам страна напала на нашу огромную Родину. Мы считали, что рабочие Германии нам помогут, подняв восстание, и не сомневались, что скоро противник будет разбит. Но в ежедневных сводках стали упоминаться наши города...

Итак, мы вернулись на свой аэродром и начали изучать новый самолет. К концу зимы мы сдали экзамены по авиатехнике, инструкциям и стали ждать начала полетов.

Наконец первому из нас (насколько мне помнится, это был курсант по фамилии Московский) разрешают самостоятельный вылет. Я вылетаю седьмым и делаю два полета по кругу на «отлично»; после меня вылетает и еще один курсант — Гринько.

После окончания полетов начались поздравления. Нам объявили благодарность за отличные вылеты на новейшем типе истребителя ЛаГГ-3, и мы с радостным настроением ушли с аэродрома. Вечером, после ужина, мы долго делились друг с другом впечатлениями и легли спать довольно поздно. А ночью нас разбудили взрывы. Все кругом было залито ослепительным светом висящих на парашютах над аэродромом и близ-

[1] Подробно мой боевой путь я описал в книге «Против «мессеров» и «сейбров». В небе двух войн» [1]

лежащим железнодорожным узлом Поворино световых бомб. Завыли сирены. Боевая тревога! Вскочив с кроватей и одеваясь на ходу, мы кинулись бежать на аэродром, но пронзительный свист сбрасываемых с самолетов бомб заставлял нас бросаться на землю и ожидать конца. Почему-то казалось, что бомбы летят прямо на тебя! Каждый раз после взрыва и окончания свиста разлетающихся осколков мы вскакиваем и бежим дальше — к самолетам. Так, падая и снова вскакивая, мы добежали до самолетов и начали растаскивать их в разные стороны. Аэродром был ярко освещен. Вверху — светящиеся бомбы, а в стороне, в нескольких сотнях метров от края аэродрома, горели курятники — длинные сараи, в которых содержались куры птицеводческой фермы, куда попала одна из первых зажигательных бомб.

Немецкие летчики, видя ярко горящие здания и носящихся возле них белых несушек, видимо, посчитали, что разбомбили военные казармы или склады, и методично сбрасывали туда бомбы. Это спасло нас и наши самолеты.

Наша неподготовленность к войне сказалась в этом порядке действий по «боевой тревоге». Ведь при бомбежке разумнее было бы не бежать к аэродрому под падающими бомбами, а укрыться в бомбоубежищах или хотя бы на земле. В результате хотя никто не погиб, но несколько курсантов получили осколочные ранения.

На следующий день полеты были прекращены, и мы вновь начали готовиться к перебазированию школы за Волгу. Это был июнь 1942 года. Немцы начали свое летнее наступление на Сталинград, и Борисоглебск оказался прифронтовым городом. Школа начала эвакуацию на восток. Нас же, 8 курсантов, успевших вылететь на ЛаГГ-3, приказано было отправить в запасной авиационный полк, находившийся в г. Арзамасе. Мы оказались в странном положении: летную программу мы не выполнили, экзаменов не сдали, воинские звания сержантов нам не присвоили, но со школой мы расстались как ее выпускники. Впрочем, в то время на такие юридические тонкости внимания особого не обращали. Так мы и убыли: то ли курсанты, то ли красноармейцы, но с гордым званием летчиков-истребителей, пилотов самолетов ЛаГГ-3.

Оглядываясь сейчас на то отдаленное прошлое, я с грустью понимаю, что к боевым действиям мы были подготовлены плохо. Мы не умели самого главного — воевать. Вся наша подготовка заключалась только в умении произвести взлет и посадку и кое-как пилотировать в зоне. У меня не было ни одного учебного воздушного боя и ни одной стрельбы ни по наземным, ни по воздушным целям. Короче говоря, я представлял собой летающую воздушную мишень, и мне предстояло доучиваться уже на фронте. Теперь все зависело от того, куда я попаду и будет ли у меня там время доучиваться.

Не прошло и нескольких дней, как нас вызвал командир нашей учебной эскадрильи и объявил, что получено распоряжение отправить нас в 1-ю воздушную армию Западного фронта.

Мы получили назначение в 523-й иап 303-й иад. Этот полк стоял на аэродроме Рысня в 15 километрах от железнодорожного узла Сухиничи. Фронт проходил южнее, километрах в тридцати.

Основные бои этой зимой проходили в Сталинграде. Мы читали газеты и слушали радиосводки о стойкости и храбрости его защитников. Последовавшее затем стремительное наступление и окружение немецких войск в Сталинграде было триумфом нашей армии. Но для освобождения окруженной армии Паулюса немецкое командование стало снимать с нашего фронта части и перебрасывать их на юг. Командование Западного фронта, чтобы сорвать снятие немецких войск, решило начать наступление в районе Жиздры, юго-западнее г. Сухиничи. Наш полк получил задачу прикрыть наступающие войска от ударов с воздуха.

Вылеты производились звеньями. Первый вылет в район боев запомнился мне тем, что я почти ничего не понял. Немецкие самолеты то появлялись, то исчезали, наша группа маневрировала. Чтобы не отстать от ведущего, я старался держаться поближе к нему, за что впоследствии получил хороший нагоняй. А ведь для меня это был первый полет в боевых порядках звена!

Наш полк располагался на аэродроме возле деревни Рысня, откуда и пошло название аэродрома. Раньше это, видимо, было поле, затем его укатали и засеяли травой. С северной стороны был небольшой лесок, где между деревьев стояли наши самолеты, а за лесом и была деревня Рысня.

В эти дни мы небольшими группами прикрывали наступление наших войск. Немцы большой активности не проявляли: лишь изредка небольшие группы бомбардировщиков Ю-87 налетали на места боев, сбрасывали бомбы и уходили на свои аэродромы.

Первый бой показал мне, молодому младшему лейтенанту, что «лавочкин» не уступает «фокке-вульфам», а также то, что когда противника увидишь вовремя, то в бою всегда можно выйти из-под удара. Этот вывод оправдывался впоследствии во многих случаях.

Утром этого же дня меня вызывают в штаб, и там я узнаю, что получено приказание отправить одного лучшего летчика на аэродром Сейма для формирования особого полка.

— Командование решило направить вас, — сообщает мне адъютант эскадрильи. — Вот документы, сейчас собирайте вещи, через час прилетит самолет.

Такой аврал меня изумляет, но делать нечего, — я получаю документы, захватываю небольшой чемоданчик и на ходу прощаюсь с боевыми друзьями. Самолет По-2 уже заходит на посадку. Я быстро

влезаю в заднюю кабину самолета и прошу летчика сделать круг над аэродромом. Внизу застыли самолеты, возле них машут мне руками мои боевые друзья, я машу им сверху. Слезы навертываются на глаза. Что ждет меня и их впереди?

Самолет По-2, на котором я улетел из полка, привез меня в штаб 303-й дивизии. Там я получил предписание: убыть на станцию Сейма под г. Горький в пункт формирования особого полка «охотников», куда я и отправился уже по железной дороге.

Прибыв в полк, я был определен в 1-ю эскадрилью, которой командовал капитан Корень. Командиром звена был старший лейтенант Микиренков, а моим ведущим стал лейтенант Алексей Симонов. Командиром полка временно был назначен майор Пустовойт.

Над линией фронта происходили ожесточенные бои. Немцы подтянули свои лучшие эскадрильи и ежедневно пытались бомбить и штурмовать наши танковые части. Наши истребители дрались и с бомбардировщиками, и с прикрывавшими их истребителями. Полеты нашего полка обычно проходили вдоль линии фронта. Сделав несколько проходов в заданном районе, летчики замечали подходящие немецкие истребители. Часть наших сил вынуждена была отвлекаться для боя с истребителями. В это время подходили бомбардировщики. Наши истребители атаковывали их, те беспорядочно сбрасывали бомбы и, прикрываемые истребителями, уходили домой. Наши истребители хотя и не давали бомбардировщикам сбрасывать бомбы на наши войска, но и не имели больших побед. Сказывалось отсутствие у наших летчиков достаточного опыта ведения воздушных боев.

19 марта планировался очередной вылет на прикрытие. У моего ведущего Симонова опять не запустился двигатель (и он, немного налетав, на посадке задел дерево), и я вылетел с парой Павла Маслякова.

Над линией фронта наша группа заметила группу «юнкерсов» и 6 немецких двухмоторных истребителей Ме-110, которые штурмовали позиции наших войск. Масляков атаковал и сбил один «юнкерс» и стал атаковывать второй. В это время по нему открыл огонь один из «мессершмиттов». Я бросился отбивать атаку, открыл огонь и увидел, как моя трасса накрыла «мессершмитт». Немецкий самолет прекратил огонь, задымил и начал снижаться — и в этот момент я заметил впереди чужую трассу. Вслед за этим — резкий удар, сильная боль, и моя кабина наполнилась дымом и пламенем. Машинально я дергаю рычаг аварийного сброса фонаря кабины; пламя охватывает всю кабину, руки и лицо в огне. Пытаюсь вылезти, но не могу. Отстегиваю привязные ремни, резко отдаю ручку вперед, самолет уходит вниз, и я оказываюсь в воздухе. Нахожу вытяжное кольцо парашюта, дергаю. Меня сильно встряхивает, и далее провал... Очнулся — вишу на

парашюте. Быстро приближается земля. Я пытаюсь сгруппироваться, но поздно. Сильный удар, темнота…

Второй раз я прихожу в себя от толчка, меня переворачивают. Пытаюсь подняться, но только могу сесть. С меня снимают ремень с пистолетом. Возле себя я вижу несколько человек: на них зеленая незнакомая форма, в петлицах черепа с костями, речь незнакомая. Страшная реальность пронизывает сознание: я на немецкой территории, в плену! Падаю на землю, меня толкают, поднимают. Я пытаюсь сам подняться на ноги, но от дикой боли падаю снова — из обеих ног хлещет кровь. Мне разрезают сапоги и забинтовывают ноги. Подъезжает автомашина (что-то вроде «Виллиса»), меня снова поднимают и переносят в нее. Машина трогается, рядом сидят три немецких солдата.

Проезжаем три или четыре километра, въезжаем в село. В селе машина остановилась у большого здания, откуда выходит офицер. Он подходит к машине и спрашивает меня по-русски:

— Танкист? Какой части?

Видимо, мое обгорелое лицо и руки у него вызывает связь с танками. Отвечаю:

— Я летчик.

Офицер поворачивается и уходит, отдав команду «эршиссен» — расстрелять. Я смотрю вверх: там голубое небо, кучевые облачка. Вот и все, отлетался…

Солдат пытается завести ручкой мотор, но в этот момент из штаба выходят несколько человек, солдаты встают и вытягиваются. Один в серебряных погонах (видимо, генерал) подходит к машине и властно о чем-то спрашивает солдат. Те отвечают.

Следуют новые вопросы:

— Какая часть? Сколько самолетов? Кто командир?

Отвечаю:

— Ничего говорить не буду.

Генерал молча рассматривает меня, затем говорит солдатам:

— Найн, госпиталь, — и уходит. Охраняющие меня солдаты садятся, закуривают, чего-то ждут. Один из них говорит мне:

— Госпиталь.

Я начинаю понимать, что еще не все кончено. Минут через 20 подъезжает телега, в ней лежит немецкий офицер, по погонам вроде капитан. Меня переносят и кладут на телегу рядом с ним. Мы трогаемся. Проходит полчаса, село остается позади. Возница в немецкой военной форме с винтовкой на плече. Он курит цигарки и понукает лошадь явно украинскими словами. Видя, что он мой земляк, украинец, я начинаю «агитировать» его:

— Что ж ты, земляк, немцам служишь?

На это я получаю решительный ответ:

— Ах ты, проклятый москаль, сейчас пристрелю!

Тотчас он снимает с плеча винтовку и направляет на меня, явно собираясь выполнить свою угрозу. Но в этот момент офицер, лежащий рядом, понимает, в чем дело, вытаскивает пистолет и говорит:

— Хальт! Госпиталь!

Дальше я ничего не помню: стала сказываться потеря крови, боль утихла, и я куда-то провалился.

Сколько прошло времени, не знаю: когда я прихожу в сознание, уже вечереет. Открываю глаза. Меня тормошат, у повозки люди, они поднимают меня из телеги и кладут на носилки. Вносят в комнату, в ней яркий свет. Солдаты в нашей форме, явно тоже пленные, говорят:

— Не волнуйся, ты в лазарете, в лагере военнопленных. Мы советские, санитары, пленные. Сейчас перевяжем, все будет хорошо.

Меня снимают с носилок, кладут на стол. Лежу на столе, из ног вытаскивают осколки, промывают раны, забинтовывают. Больно! Лицо мне начинают мазать какой-то красной жидкостью. Говорят:

— Потерпи, будет очень больно, но тогда шрамов на лице не будет.

Боль страшная — будто мне снова жгут лицо. Затем мажут руки, и я начинаю стонать. Меня успокаивают:

— Потерпи немного, сейчас заснешь.

Санитар делает мне укол в руку. Боль начинает медленно отходить, и я погружаюсь во мрак.

Пробуждение нерадостное. Все тело болит, особенно ноги, руки и лицо. В памяти мелькает: огонь, парашют, земля, немцы, машина, телега, операционный стол... Смотрю вверх, надо мной сетка — второй этаж двухъярусной кровати. Озираюсь: комната, в ней 10–15 двухъярусных кроватей. Рядом со мной бородатый, худой, изможденный человек, он смотрит на меня и говорит:

— Наконец-то очнулся, почти сутки спал. Как чувствуешь себя?

— Ничего. Где я?

— В лазарете при лагере военнопленных, в городе Проскурове.

— А ты давно здесь?

— Да почти две недели. Был стрелком на бомбардировщике Пе-2. Самолет сбили, меня ранило в живот, я выбросился на парашюте. Схватили немцы, привезли сюда, сделали операцию, а здесь в лазарете — уже наши пленные врачи и санитары.

Ко мне подходят санитары, несут в перевязочную. Там молодой врач осматривает раны, успокаивает:

— Кости левой ноги целы, но мелких осколков много. Пальцы правой ноги перебиты. Перебит и палец правой руки. Но опасности нет.

Сейчас потерпи, мы смажем обгорелые лицо и руки, чтобы не было рубцов.

Конечно, в то время я не спрашивал, кто был тот врач и те санитары, которые в таких невероятно трудных, тяжелых условиях, ежедневно таскали на перевязки незнакомого летчика, заботились, чтобы на его лице не было рубцов от ожогов. Так же они заботились и о других раненых. Огромная благодарность им, этим безвестным братьям милосердия!

Мне снова мажут руки и лицо. Дикая боль пронизывает все тело. Теперь я уже прошу:

— Братцы, уколите, не могу терпеть.

Мне вводят в руку иглу шприца, боль медленно уходит, и я засыпаю. На второй или третий день приносят еду: суп из брюквы. Хлеб, как говорит мой сосед, сделан из опилок. Я отказываюсь, санитар смотрит, качает головой и приносит на блюдце манную кашу. Возникает осложнение: я не могу ничего взять в руки! Санитар пытается кормить меня сам, но рот стянуло коркой от ожога, и ложка не проходит. Он находит чайную ложку, но та тоже не проходит. Тогда он, используя ручку ложки, набирает немного каши и просовывает ее мне в рот. Дело налаживается.

Так проходит несколько дней. Мои руки покрываются черной коркой, таким же, видимо, становится и лицо. Теперь я могу поворачиваться на левый бок, в сторону моего соседа, и беседовать с ним. Он рассказывает о своей матери из Реутова, возле Москвы, я рассказываю свою историю. На соседних койках лежат другие тяжелораненые. В основном это пехотинцы с тяжелыми ранениями. Много тифозных больных. Они мечутся, выкрикивают слова, бредят.

На шестой день в лазарете начинается суматоха. Прибегает то один санитар, то другой. Нам сообщают, что город окружают наши войска, немцы уходят и лагерь военнопленных эвакуируется. Здоровых пленных уже увели, а за нами приедут телеги и увезут нас на запад. Наступает вечер, но телег за нами не присылают. В городе гремят взрывы. Немцы взрывают дома, горят здания. Мы, те, кто не может двигаться, ждем, когда начнут расправляться с нами. Бросят в дом канистры с бензином — и ничего от нас не останется. Взрывы то ближе, то дальше; лагерь и лазарет уже не охраняются, охрана разбежалась. Но к нашему лазарету взрывники не подходят. Видимо, нас спасла надпись над входом: «Тиф. Не входить».

Развязки я не дожидаюсь: слабость берет свое, и часов в 12 я засыпаю. Просыпаюсь же я от радостных голосов. Светло, у двери стоят два молодых солдата в полушубках. Они поздравляют всех с освобождением. Я пытаюсь подняться, но сил не хватает. Один из них замечает мое черное лицо и подходит.

— В танке горел?

— Нет, я летчик.

— Ничего, браток, поправишься! Выпей за освобождение. Хорошо вы нас прикрывали!

Он наливает мне кружку светлой жидкости, и я долго пью. Немного жжет. Я выпиваю почти кружку шнапса, но опьянения не наступает — слишком напряжены нервы.

Немного погодя заходит офицер в звании майора. Он тоже поздравляет нас и говорит:

— Товарищи, подождите еще немного. Завтра всех перевезем в госпиталь!

Майор видит меня, подходит:

— Танкист?

— Нет, летчик.

— Здорово обгорел, но ничего, все уже позади. Выпей за жизнь!

Мне неудобно, что такое внимание уделяется только мне, но от угощения я не отказываюсь и выпиваю еще кружку. Опьянения не чувствую, просто погружаюсь в забытье.

Просыпаюсь, сосед смотрит и спрашивает:

— Очнулся? Сутки прошли.

Я отвечаю что-то невнятное. Страшно хочется пить, я выпиваю воды и снова проваливаюсь в безмолвие. Просыпаюсь вечером, теперь возле меня сидят две женщины.

— Ой, сынок, живой, — плачут они. — Видела бы тебя мать!

Видимо, вид у меня действительно был впечатляющий... Я отвечаю:

— Ничего, родные, поправлюсь, еще летать буду.

— Ох, сынок, дай-то бог. Скажи, чего тебе хочется: покушать, попить, чайку, кофейку?

Жажда продолжает томить меня: ведь я выпил чуть ли не пол-литра шнапса, а перед этим почти ничего не ел семь дней. Отвечаю:

— Кофейку хочется...

— Сейчас, сынок, принесем!

Через полчаса я с наслаждением пью кофе. Какой прекрасной оказывается эта чашка, а еще прекраснее эти милые, добрые женщины из города Проскурова. Большое спасибо им за доставленную мне радость!

Я снова засыпаю, а когда просыпаюсь утром, вижу молодую девушку. Она пытается меня накормить. Хотя аппетита у меня нет, но я понимаю, что есть надо. Рот стянут ожогом, и ручкой чайной ложки девушка проталкивает мне в рот комочки манной каши. Вечером прибывает полевой госпиталь, и меня несут на операционный стол. Сестра разрезает бинты и отшатывается. Я приподнимаю голову и смотрю: под моими снятыми бинтами десятки, сотни вшей.

На другой день у меня начинается жар, и меня переносят в изолятор — маленькую пустую комнату с железной койкой. Ноги обтирают какой-то жидкостью, перевязывают. Лежу час, другой, третий — никого. Наступает ночь. Где я? Кричу — никакого ответа. Пытаюсь слезть, но сил не хватает. Снова кричу. Наконец-то дверь открывается, входит санитар:

— Не кричи, у тебя тиф. Завтра мы перевезем тебя в другой госпиталь.

Я снова один. Темно. И вдруг я вижу голубое небо! Я снова в воздухе. Впереди «юнкерс», я догоняю его, нажимаю на гашетки. К «юнкерсу» тянутся трассы, он вспыхивает. Кругом «мессершмитты». Уворачиваюсь от одного, потом от другого, — и вдруг мотор останавливается. Я сажусь на какую-то площадку, ко мне подходят какие-то люди. Бешметы, кинжалы... Это горцы. Они подводят быков, помогают запрячь, привязать к шасси, я в кабине самолета, и быки тащат меня на мой аэродром. Вдруг впереди замок. Стража выходит из ворот, мне помогают вылезти из кабины и пройти в замок, в богато убранную комнату. Там я вижу девушку в богатом восточном убранстве. Она приглашает меня за стол, появляются блюда с яствами. Я тороплюсь, пытаюсь объяснить, что меня ждут в полку, — с трудом убеждаю их, что уеду, но через день вернусь. И вот я снова в полку. Вылеты, бои. Проходит месяц, другой, третий. Наконец-то я снова в замке, но здесь немцы. Меня связывают и бросают в подземелье. Я лежу на железной кровати, в углу у огня стражник. Он смотрит на меня, но я закрываю глаза и притворяюсь спящим, и тогда он выходит. Думаю, как убежать. Замечаю в углу люк — значит, там подземелье. Сползаю с кровати, падаю на пол, ползу к люку, но стражник вбегает и не дает мне доползти до люка и убежать на волю. Я хватаюсь обеими руками за подвернувшуюся под руки ножку кровати. Оторвать меня невозможно. Стражник отходит и кого-то зовет. Я снова пытаюсь добежать до окна и выпрыгнуть, но ноги не держат, я снова падаю на пол и лезу под кровать, цепляюсь за ножку.

Вдруг я слышу женский голос: «Не надо, милый, все будет хорошо, успокойся, вылезай». Я слушаюсь — такой нежный голос не обманет! Меня поднимают и укладывают на кровать. Девушка уходит. Появляется палач, он подходит к раненым, они бьются, но он колет их большим шприцем, и они умирают. До окна шага четыре, я снова поднимаюсь и бросаюсь к окну. Скорее выпрыгнуть, убежать! Ноги не держат меня, я падаю, но ползу к окну. Палач хватает меня, я сопротивляюсь, но появляется второй. Меня связывают, относят на кровать, появляется шприц, укол — и я больше не сопротивляюсь. Конец...

Потом снова воздушный бой, прыжок с парашютом, подземелье. Я что-то ищу (кажется, оружие), затем убегаю, меня догоняют, связывают. Вводят яд, все расплывается.

Из забытья меня выводит чей-то голос. Приоткрываю глаза. Светло, рядом несколько человек в белом. Они поднимают мое одеяло, рубашку, спрашивают о чем-то. Меня охватывает слабость, закрываю глаза. К груди прикасаются металлическим кружком, затем поднимают руку, я чувствую укол.

Когда я снова открываю глаза, то понимаю, что чувствую себя лучше. Я лежу в палате, рядом еще 7 или 8 кроватей. У соседней кровати стоят несколько человек в белых халатах: врачи осматривают соседа. После их ухода я начинаю думать, где же я. Видимо, это госпиталь, — но когда же я попал сюда? С трудом я немного поднимаю голову, но, обессилев, припадаю к подушке.

Сосед, увидев мою попытку, спрашивает:

— Очнулся?

Отвечаю:

— Вроде.

— Как себя чувствуешь?

— Нормально.

В разговоре я узнаю, что провел в бреду чуть ли не две недели. Это меня настолько удивляет, что я говорю:

— Да я же еще вчера вел воздушный бой! — Потом замолкаю и спрашиваю, какое сейчас число. Оказывается, уже середина апреля, значит, я ранен чуть ли не месяц назад... Свой день рождения я провел в бреду.

Ночью начинается бомбежка. Все — и больные, и санитары — уходят в бомбоубежища. Меня решают оставить: переносить меня слишком трудно и небезопасно и для меня самого, и для санитаров. За окном мелькают лучи прожекторов, поднимается стрельба зениток. Нарастает свист бомб, они летят со всех сторон и, кажется, сейчас попадут в госпиталь. Взрывы, сыплется штукатурка... Здание госпиталя находится на краю аэродрома, и бомбы падают где-то совсем рядом. Только слышен звон стекол и стук падающих на крышу осколков снарядов.

Все это длится час, другой, третий. Наконец рев моторов, свист бомб и стрельба зениток затихают. Прожектора гаснут, но небо освещено пламенем пожаров, что-то горит. По лестнице шум шагов: возвращаются раненые. Все обсуждают, как и где грохнуло, как тряхануло госпиталь и их. Утром идут разговоры о бомбежке, все рассказывают друг другу о пережитом, а вечером все начинается сначала. И так целую неделю.

Через неделю я начал подниматься: сначала на кровати, потом свешиваю ноги. Наконец мне дают костыли. Я поднимаюсь и стою не-

сколько минут. Хотя во мне осталась только кожа да кости, но нагрузка кажется непосильной, и я почти падаю обратно на кровать.

На следующий день 1 Мая, все готовятся к празднику. В палату приносят патефон и ставят пластинку. Марк Бернес поет:

Любимый город другу улыбнется
Знакомый дом, любимый сад...

Слезы текут рекой, все расплывается. Соседи замечают, снимают пластинку, и я говорю им:

— Ребята, не обращайте внимания, давайте еще!

Кажется, только сейчас я почувствовал, что остался живой...

В один из дней я добираюсь до края аэродрома и подковыливаю на своих костылях к ближайшему самолету.

Не верю своим глазам: у самолета стоят летчики моей эскадрильи — Соколов, Вялов, адъютант Непомнящий. Я подхожу ближе: меня не узнают и особого внимания мне не уделяют. Тогда я робко спрашиваю:

— Ребята, не узнаете? Это я, Байда! (это прозвище дали мне по прибытию в полк и практически полностью оно заменило мою фамилию).

На меня подозрительно смотрят, окружают и рассматривают. Наконец кто-то говорит:

— Смотри-ка, правда Байда. А мы-то... — недоговаривает он.

Много позднее я узнаю, что, прилетев домой, летчики доложили, что видели, как мой самолет был подожжен и горящим упал на землю. Парашюта никто не видел... О моей гибели было доложено, домой ушла похоронка, а мои вещи разделили друзья.

Меня отводят в штаб эскадрильи, там я рассказываю свою историю, и на следующий же день меня забирают из госпиталя. Оказывается, главнокомандующий ВВС маршал Новиков, узнав от командира полка, что нашелся погибший летчик, приказал отправить меня на лечение в Москву, в Центральный авиагоспиталь.

Жизнь в госпитале, спокойная и размеренная в те дни, оживлялась салютами в честь дивизий, корпусов и армий, освобождавших наши города. Выход на государственную границу, открытие второго фронта... Фашизм явно шел к своему концу! Впереди начинала алеть заря Победы.

Литература

1. *Крамаренко С.М.* Против «мессеров» и «сейбров». В небе двух войн. — М.: Яуза, Эксмо, 2007. — 384 с. — (Окопная правда).

ПАМЯТНЫЕ ЭТАПЫ ВОЙНЫ

Черковец Виктор Никитич, *90 лет,*
Заслуженный деятель науки РСФСР,
главный научный сотрудник кафедры политической экономии
экономического факультета ФГБОУ ВПО
«МГУ им. М.В. Ломоносова»,
д.э.н, профессор,
г. Москва

От Астрахани до Курска и Тулы

Виктор Никитич Черковец

В Туле я оказался в феврале 1944 г после окончания Астраханской военно-авиационной школы механиков (АВАШМ). в звании сержанта технической службы по специальности эксплуатации самолёта-штурмовика «ИЛ-2»…

До этого буквально за 10 дней до начала Великой Отечественной войны я окончил в 1941 г. с золотым аттестатом среднюю школу в молдавском городе Бельцы, куда осенью 1940 г наша семья переехала с Украины из г. Шостка, Сумской области, к новому месту службы отца. В конце июня — в июле в связи с нападением Германии и Румынии семье удалось эвакуироваться в Сталинградскую область, а мне — поступить в Казанский университет на историко-филологический факультет. 11 июня 1942 г. я был призван в Красную Армию, направлен в военную школу в г. Астрахань, которую немцы уже начали бомбить, целясь в нефтехранилища с бакинской нефтью. Ситуация была тревожная. 1-го августа по боевой тревоге курсантов выстроили с полной выкладкой, с винтовками, противогазами и со скаткой шинели через плечо на школьном плацу. Зам. начальника школы зачитал ставший историческим приказ Сталина №227 «Ни шагу назад», и наш 2-й батальон направили на 17-ю пристань, переправили через Волгу и в темпе марш-броска всю колонну ночью повели на запад.

Около двух месяцев (август-сентябрь) в составе сводного курсантского полка астраханских училищ я находился на оборонительном рубеже в калмыцких степях западнее Волги (Юго-Восточный фронт). В твёрдой как камень засохшей от постоянной жары земле отрыли окопы полного профиля, спали на дне окопа, завернувшись в шинель,

обнимая винтовку со штыком и положив голову на противогаз, под которым утром нередко обнаруживались змеи. С котелками по очереди ходили в поиск каких-либо источников воды. Помнится курьёзный случай, когда вместо воды принесли котелки с вином из цистерны, стоявшей в нескольких километрах к югу от наших позиций на ж.д. пути, недавно проложенного из дагестанского Кизляра к Астрахани, и пробитой пулями наших ребят…

Ни артиллерии, ни пулемётов у нас не было. К счастью, у немцев, занявших столицу Калмыцкой республики Элисту, не хватало уже сил, наступая одновременно на Сталинград и на Моздок, бросить войска на захват Астрахани, хотя такой вариант отрезал бы Россию от бакинской нефти и союзнических поставок через Иран. В конце сентября курсантов, заросших и два месяца не мывшихся в бане, сняли с оборонительных позиций, вернули в городские казармы на учёбу, но бомбёжки с воздуха усиливались. Одна из крупных бомб попала в столовую во время обеда, похоронив многих курсантов. Школа срочно стала готовиться к эвакуации. Продолжал я учёбу уже в восточно-казахстанском городе Усть-Каменогорске в эвакуированной туда военной школе. На всю жизнь запомнился переезд сначала по воде на барже с учебными самолётами через устье Волги по Каспийскому морю в г. Гурьев, затем через весь Казахстан в товарном вагоне-теплушке по железной дороге Турксиб в самый дальний северо-восточный угол громадной республики. Разместили нас в бывших старых солдатских казармах (до нас, говорили, в них содержались заключённые) в знаменитой крепости «на бреге Иртыша» без центрального отопления и санузлов, со столовой в бывшей гарнизонной церкви, плацем, на который в 7 часов утра ежедневно холодной зимой в жуткий мороз до — 50 градусов мы выбегали, иногда в шинелях, на физзарядку. Её проводил лично пожилой командир нашего батальона — подполковник, бывший офицер царской армии с великолепной выправкой и выносливостью: «шаг-бег, шаг-бег». Так между собой добродушно и звали его курсанты.

Практические занятия — слесарные, столярные, медницкие, по алюминию и др. — проходили здесь же в крепости, теоретические — в городе в здании бывшей средней школы им. Ушинского, по эксплуатации самолётов — на учебном аэродроме на берегу р.Ульба (приток Иртыша). В июне 1943 г. курсантов откомандировали на двухмесячную фронтовую командировку. Нашу группу (классное отделение) во главе с инструктором техником-лейтенантом направили на Воронежский фронт, во 2-ю воздушную армию генерал-полковника Красовского. Поездом через Новосибирск, где я встретился со своей мамой, приехавшей из г. Мариинска — нового места эвакуации моих родителей, на открытых платформах с автомашинами и са-

молётами, мы доехали до Москвы, а затем с Павелецкого вокзала пассажирским поездом с пересадками добрались 30 июня до г.Инжавино, Тамбовской области, где располагался штаб 2-й воздушной армии. Там назначили нам явиться в 61-й штурмовой авиаполк, 291-й «Воронежской» (впоследствии 10-й гвардейской «Воронежско-Киевской») авиадивизии, базировавшийся на полевом аэродроме у станции Шумаково по ж.д. между Курском и ст.Обоянь на Белгородском направлении.

На попутных машинах мы с трудом добрались по дорогам, превратившихся в чернозёмное липкое месиво, до штаба полка, где нас распределили по трём эскадрильям, а там — по звеньям и поставили на довольствие. Буквально на второй день началась боевая работа: немцы начали наступление со стороны Белгорода. Разворачивалась знаменитая Курская битва. Вначале немцы потеснили наши войска, используя новые мощные танки и самоходные орудия с экзотическими именами — «тигры», «пантеры», «фердинанды», на что немцы большие любители. Невиданное по масштабам танковое сражение развернулось под Прохоровкой 12-го августа, где наши танковые армии были поддержаны с воздуха штурмовиками ИЛ-2, в т.ч. нашего полка, использовавшими впервые смертельные для танков с любой бронёй специальные 2,5 килограммовые противотанковые авиабомбы кумулятивного действия ПТАБ. Прямо из люков самолётов они сыпались как горох, прилшипая к танковой броне.

Это сражение явилось началом контрнаступления нашего фронта, освобождения г.Белгорода и изгнания немцев с территории РСФСР, взятие Харькова (окончание Курской битвы) и выхода в пространство Украины. Наш полк прошёл по боевому пути Шумаково — Долгие Буды — Грайворон — Большая Писаревка — Лебедин (Сумская область), отсюда в конце сентября мы выехали в. свою школу, которая к этому времени уже вернулась в Астрахань. Наша же боевая авиадивизия во главе с генерал-майором Героем Советского Союза А.Н. Витруком продолжала свой боевой путь на запад в составе 1, 2 и 3-го Украинских фронтов, отличилась в боях за освобождение Югославии, в спасении окруженной немцами штабной группы маршала И. Тито. Генерал Витрук похоронен на Аллее славы в Киеве.

От Тулы до Одера

С февраля 1944 г. по ноябрь 1945 г. я — авиамеханик старший сержант технической службы 904-го штурмового авиаполка (ШАП) 300-й штурмовой авиадивизии (ШАД) 16-й Воздушной армии (ВА). До мая-июня 1944 г. полк базировался в Туле, находясь в резерве Главного командования в режиме учебно-тренировочной подготовки, сначала на аэродроме «Мясное», а затем — на другом, севернее пригорода Тулы

с левой стороны Московского шоссе. Тула после героической обороны в конце 41 года в полукольце наступающих немецких армий группы «Центр» жила напряжённой, но спокойной жизнью, производя оружие для наступающей Красной армии. Неожиданно мы оказались соседями с французским полком «Нормандия» (позднее «Нормандия — Неман»), располагаясь по противоположным сторонам лётного поля: мы на северной стороне, они — на южной. Мы — со штурмовиками ИЛ-2, они — с советскими истребителями ЯК-9 и ЯК-3.

Советским был у них и весь инженерно-технический состав. Но командир полка майор П. Пуйяд, штабной и лётный состав — французские офицеры из армии «Сражающейся Франции» генерала де Голля. Для тренировочных полётов лётное поле использовали поочерёдно. Но каких-либо внеслужебных постоянных контактов между личным составом обоих полков я не помню, да они и не поощрялись, были, конечно, эпизодические встречи. Поскольку использовались самолёты разных типов, авиамеханикам не было необходимости обмениваться опытом их эксплуатации. Но и конфликтов никаких не было — ни политических, ни бытовых. Французские лётчики добровольно стали сражаться с фашистской Германией и были отважными бойцами, друзьями Советского Союза и его армии.

Почти одновременно с «Нормандией» полки нашей 300-й дивизии покинули гостеприимную Тулу: французы улетели на 3-й Белорусский фронт, наш полк в мае начал перебазирование на 1-й Белорусский фронт, которым с конца июня стал командовать Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский, в 16-ю Воздушную армию генерала С.И.Руденко. Французы отличились в боях за р. Неман и за взятие г. Кёнигсберга. Нашему 904-му полку предстояло принять участие в операции «Багратион» за освобождение Белоруссии, начавшейся 24 июня 1944 г..

Но до этого сражения ещё во время базирования в Туле мне довелось познакомиться ещё с одной иностранной армией- американской. Это случилось в украинском городе Полтава, аэродром которой (а также аэродромы в Миргороде и Пирятине Полтавской области) был предоставлен для проведения дальней авиацией США так называемых беспосадочных «челночных операций» по маршруту Италия — Полтава и обратно с промежуточной бомбёжкой румынских предприятий нефтедобычи в районе г. Плоешти, работавших на немецкую армию, и другие объекты.

В апреле 1944 г. по приказу нашего командования для каких-то не известных мне целей необходимо было перегнать на Полтавский аэродром 10 ИЛ-ов и сдать их как пополнение материальной части по акту определённому штурмовому соединению. Эту задачу обязали выполнить летчикам и техникам нашей дивизии. От нашей эскадрильи

требовалось выделить одного авиамеханика. Поскольку желающих оказалось больше, тянули жребий, который достался мне.

Я рассчитывал на возможность при возвращении в Тулу заехать хотя бы на один день в Шостку, куда из Сибири вернулись мои родители. Нам выписали каждому отдельно командировочное предписание и аттестаты на питание по лётной норме №5, что увеличивало шансы самостоятельного возвращения в свой полк. Летели из Тулы с посадкой в Харькове. Подлетая к Полтаве, летчики повели машины почти на высоте бреющего полёта, чтобы увидеть сверху поле и памятник на нём в честь исторической Полтавской битвы, где армия царя Петра I разгромила наголову вторгшиеся на Украину по призыву гетмана Мазепы непобедимые до сих пор войска шведского короля Карла XII. Величественный чёрный монумент с крестом был хорошо виден из задней кабины воздушного стрелка, в которой я находился. А потом Полтава, где нам пришлось просидеть целый месяц, ожидая приёмщиков наших «горбатых» (так прозывали в авиации ИЛ-ы).

За это время смогли увидеть, как американцы на тяжелых «Либерейторах» перебрасывали из Ирана стальные гофрированные листы и укладывали их на лётное поле, укрепляя и удлиняя взлётно-посадочную полосу для предстоящих рейдов «Летающих крепостей». Советские и американские военные жили рядом, вблизи лётного поля, но в разных домах. Удивляла чрезмерная, необычная для наших представлений об армии раскованность американцев, больше даже развязность, какая-то разухабитость. Ходила молва об их популярности у местных девчат. Но их подстерегала и опасность: немцы, знавшие, конечно, об этой базе, готовили, как показали последующие события, карательные акции.

Сначала ещё при нас каким-то образом были обнаружены в замурованных подвалах служебных и жилых зданий оставленные немцами огромные тысячекилограмовые бомбы со взрывателями, настроенными на определённую радиоволну. По боевой тревоге были произведены эвакуация всего советского и американского персонала, нейтрализация и вывоз бомб. Это был предостерегающий сигнал. А за ним последовал, возможно, после полученной немцами информации о срыве подготовленной операции, мощный ночной удар с воздуха большими силами фашистской авиации (насчитывали до 120 самолётов), в результате чего было сожжено много «летающих крепостей», вернувшихся из очередного рейда, разрушены помещения, погибло немало людей. Эта трагедия, о которой сообщалось в печати и о которой до сих пор помнят полтавчане, случилась уже без нас, уехавших в Тулу в середине мая.

Склонные к мистике немцы и здесь использовали сакральную дату. Войну с СССР они начали, подражая Наполеону, перешедшему грани-

цу с Россией 22 июня 1812 года. Именно 22 июня 1944 г. они установили дату мести Соединённым штатам и Советскому Союзу…

А мы в этом месяце на 1-м Белорусском фронте уже готовились к «шестому удару», наносимому немецкому вермахту в этом, 1944-м году. Из Тулы авиамеханики летели на «своих» машинах на месте воздушного стрелка с необходимыми инструментами. (За каждым механиком закреплялся определённый самолёт, в экипаж которого входили командир-лётчик, воздушный стрелок, младшие авиаспециалисты — моторист и мастер по вооружению).До места базирования полка на полевом аэродроме «Свиридовичи» южнее города Речица Гомельской области и в 6 километрах западнее Днепра, летели с одной посадкой в Новозыбкове. Операция «Багратион» началась 23 июня. Наш полк действовал на Бобруйском направлении, поддерживая до начала июля в составе 16 ВА войска 1-го Белорусского фронта.

Всех участников боёв за освобождение Белоруссии нынешнее руководство Республики Беларусь разыскивает по всей России и награждает их юбилейными медалями от имени президента страны. У меня их три. После Бобруйской операции вместе с другими полками 300 авиадивизии, находясь на левом фланге 1-го Белорусского фронта, наш полк был повернут на Люблинское направление через северную часть Ровенской области Западной Украины (аэродром «Чарторыйск) далее под г. Луцк (Волынская область), потом в Польшу в район г. Люблина, ставшего её временной столицей. Здесь находилось временное народно-демократическое правительство Польши в противовес эмигрантскому правительству в Лондоне.

На полевом аэродроме у г. Любартув (недалеко от Вислы, по которой установилась линия фронта) механики полка, дружно обосновавшиеся в большой землянке прямо у лётного поля рядом с ИЛ-ами, выпив по 50 граммов спирта, встретили новый, 1945-й, год, устроив ночью прямо на стоянке самолётов хоровод вокруг красивой елки, воткнутой в сугроб снега. На фронте была тишина. Лишь светящиеся хвосты время от времени пускаемых западнее от нас ракет прорезали темноту неба…

Отсюда в середине января начался и пролёг дальше маршрут нашего полка в боях за освобождение Варшавы, Лодзи, Познани, а в апреле — за взятие Берлина.

Последний этап по дороге к мрачной столице Германии — сражения за Одер, Зееловские высоты, над которыми был сбит мой ИЛ.

Последний фронтовой эпизод: «От Одера к Берлину»

В начале марта 1945 года 904-й штурмовой авиационный полк, в 3-ей эскадрилье которого я служил авиамехаником самолёта ИЛ-2, перебазировался на прифронтовой полевой аэродром у немецкого го-

родка Реппен — восточнее реки Одер. Позади осталась Варшавско-Познанская операция, начавшаяся 14 января 1945 г. и завершившаяся в феврале выходом войск I-го Белорусского фронта через бывшую польско-германскую границу к Одеру. В последнем перелёте, а это было 1-го марта, я, сидя на месте воздушного стрелка, лицом к «хвосту» двухместного ИЛ-а, с волнением, помню, старался не пропустить ту условную линию, за которой простирается загадочная немецкая земля. Земля, откуда начался мировой пожар 39-го года, охвативший затем и Советский Союз. Но как быстро меняется картина войны!

Меньше чем за три недели немецкая армия откатилась от берегов Вислы до берегов Одера — будущей новой границы послевоенной Германии, где теперь сосредотачивались войска нашего фронта, в т.ч. 300-ая штурмовая авиадивизия, в которую входил наш полк, для нанесения вместе с соседними фронтами последнего удара по вермахту.

Реппен (переименованный впоследствии поляками в г. Жепин) расположен в 18-20 км. восточнее г.Франкфурта / на Одере и в километрах сорока южнее г.Кюстрина, именем которого был назван известный в истории Отечественной войны Кюстринский плацдарм, клочок земли, захваченный с ходу советскими войсками на левом берегу реки. С него и намечалось осуществить один из главных ударов на Берлинском направлении. В составе 16-й Воздушной армии обеспечивал это наступление и наш полк.

Не верилось, что мы находимся всего в 75-80 км от столицы Германии и что на днях окончится военный кошмар последних четырёх лет...

Берлинская операция началась в ночь с 15 на 16 апреля действиями бомбардировочной авиации. Штурмовиков бросили в бой 16-го, когда на прорыв немецкой обороны поднялись общевойсковые армии. Накануне был зачитан приказ командующего фронтом маршала Жукова. Немцы, на правом фланге которых сражалась одна из дивизий армии известного Власова, оказали ожесточённое сопротивление, создав мощные оборонительные линии на Зееловских высотах — последней преграде на пути к Берлину. Только к 19-му апреля наши войска преодолели этот заслон. Огромные потери были с обеих сторон. 17-го апреля в бою был сбит, видимо, зенитным огнём «мой» самолёт (самолёт нашего экипажа). Его видели последний раз наши лётчики объятым пламенем при атаке немецких позиций. Погибли командир звена лейтенант Василий Ашихмин и воздушный стрелок сержант Пётр Мурашко — уралец и белорус...

Через аэродром в г.Фюрстенвальде полк был 30-го апреля передислоцирован на аэродром Шёнефельд, ставший потом главной воздушной гаванью ГДР. Это был уже Берлин, его юго-восточная окраина. В этот день, как позднее стало известно, расстался с жизнью Гитлер. Но в городе продолжались тяжелейшие поддерживаемые авиацией

уличные бои, завершившиеся 1-2 мая штурмом рейхстага. А в ночь с 8-го на 9-е мая, будучи в наряде начальником караула на лётном поле, я получил по телефону из штаба полка сообщение о подписании в соседнем Карлсхорсте акта о капитуляции Германии. Всё ночное небо мгновенно озарилось вдруг огненными трассами долгожданного солдатского салюта.

За участие во взятии Берлина наш полк был награждён орденом Суворова III-й степени и присвоением наименования «Берлинского». На склоне лет с особой остротой напоминает о себе минувшее: события, люди. С добрым чувством вспоминаю о «трудягах-технарях» 3-й эскадрильи: неутомимом инженере Василии Ивановиче Медведеве — строгом и вместе с тем гуманном начальнике, технике звена «светлейшем» Константине Александровиче Николаеве — выпускнике Ленинградского авиационного института и, конечно же, о моих боевых коллегах-механиках Викторе Пальчикове из Кзыл-Орды, Михаиле Розове из Великих Лук, Аркадии Савинкове из Челябинска, Валентине Тарасове из Алма-Аты, Петре Чибисове из Звенигорода, Фёдоре Новикове из Москвы, Геннадии Тихонове из г.Фрунзе, Александре Кужелеве из Ростова и др.

На берлинском аэродроме «Шёнефельд» завершился боевой путь полка, его офицеров и сержантов. С ноября 1945г. по июнь 1950 г. я — в составе 175 (830) гвардейского штурмового авиаполка 11-й гвардейской штурмовой авиадивизии 6-го гвардейского. штурмового авиакорпуса 16-й Воздушной армии Группы советских оккупационных войск в Германии. Служба тех лет связана с городами ГДР: Коттбус, Финстервальде, Ютербог, Ной-Вельцов, Эльшталь (западая окрестность Берлина).Но это уже послевоенная история.

Конечно, воспоминания о грандиозной по масштабам войне приводят к размышлениям об историческом смысле и её политических, социальных, экономических, демографических, нравственных последствиях для всего человечества и особенно для нашей страны. Но это — уже другая тема.

После войны

В 1949 г. я поступил на первый курс заочного отделения, с 1950 г. на очном обучении экономического факультета МГУ. Окончил экономический факультет с отличием в 1954 г. по специальности политическая экономия, аспирантуру в 1957 г. по кафедре политической экономии. Кандидат экономических наук (1959 г.). Доктор экономических наук (1966 г.). Доцент кафедры политической экономии с 1960г., профессор кафедры с февраля 1967, звание профессора присвоено в 1968г. С мая 1965 г. по март 1971 г. зам. декана экономического факультета по научной работе.

С февраля 1972 г. по апрель 1981 г. работал заместителем директора, одновременно зав.отделом общих проблем политической экономии социализма и зав. сектором системы экономических законов и категорий социализма. Института экономики АН СССР. Одновременно продолжал работать в МГУ.

С декабря 1980 г .декан, председатель Учёного совета , профессор кафедры политической экономии экономического факультета МГУ, член Учёного совета МГУ (1981–87 гг.). С 1987 г. по 1998 г. заведовал научно-исследовательской лабораторией совершенствования социалистических производственных отношений (впоследствии — проблем собственности) экономического факультета МГУ, председатель специализированного (диссертационного) совета по присуждению учёной степени доктора экономических наук. С 1998 г. — главный научный сотрудник кафедры политической экономии экономического факультета. Опубликовал более 400 научных работ. Трижды посещал ГДР, имея научные контакты с учёными — экономистами Берлинского и Лейпцигского университетов.

Таким образом, из 90 лет моей жизни 64 года связаны с мирным учебными, научными и административными делами на экономическом факультете Московского университета им. М.В. Ломоносова. Но 4 года войны, из них 3 года в воюющей, и 5 лет в оккупационной армии в Германии оставили не меньший след в моём личностном формировании.

ДВА КУРЬЕЗНЫХ СЛУЧАЯ

***Кульпов Николай Иванович**, 92 года,*
подполковник в отставке, военный летчик,
г. Тула

Родился я в 1923 году в деревне Погорельцы Ивановской области. В нашей семье было восемь детей. После окончания 7 классов школы рабочей и крестьянской молодежи учился в Кинешемском текстильном техникуме. В 1939 году я был на втором курсе, к нам 16-летним пацанам пришли «вербовщики» из местного отделения ОСОАВИАХИМа[1]. Спрашивают: «Кто хочет летать?». Все мальчишки с нашего курса записались в школу пилотов.

Привезли нас в военкомат 130 человек. Все вокруг — здоровые, поджарые ребята под два метра ростом. А я невысокий, хилый. В итоге всех

[1] ОСОАВИАХИМ – Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству — советская общественно-политическая оборонная организация, существовавшая в 1927–1948 гг., предшественник ДОСААФ

моих «крупногабаритных» товарищей забраковали, а я был зачислен на курсы пилотов. Мой небольшой рост даже немного помог: в кабину самолета допускались летчики ростом не более 175 см. Из ста с лишним человек медкомиссию прошли только 32.

Николай Иванович Кульпов

Нас зачислили в летную школу: мы изучали теорию, параллельно занимались практикой. После занятий на полуторке отправлялись в Америку (небольшой поселок рядом с аэродромом). В 1941 году, когда мне было 17 лет, я получил свидетельство «пилота запаса», а через 10 дней началась война.

С началом Великой Отечественной войны вместе с другими выпускниками аэроклуба написал заявление о добровольном призыве в Красную Армию. В июле 1941 года нас направили в Молотовскую военно-авиационную школу, которую я закончил в 1943 году в звании младшего лейтенанта и был направлен в запасной полк.

Нашей задачей на фронте было делать аэрофотосъемку немецких позиций и корректировать огонь артиллерии. Для того чтобы сделать снимок, штурмовик должен идти на одной высоте. Маневрировать нельзя, иначе придется снимать повторно.

На основе этих фотографий командование планировало операции по уничтожению выявленных целей. Фашисты понимали, насколько опасны для них разведчики и устраивали за нами настоящую охоту. Часто на аэродром мы возвращались в таком виде, что авиатехники, заделывая многочисленные пробоины, удивлялись, как же нам удалось дотянуть до своих. Благодаря одному разведывательному полету удавалось спасти от гибели множество объектов и жизней.

Во время одного из боевых вылетов на аэрофоторазведку наш «ИЛ» сбили в воздушном бою немецкие истребители. Я получил ранение и контузию. Но отлежавшись в медсанбате, продолжил летать.

Самым трудным для нас, летчиков-разведчиков, стало время взятия Кенигсберга. Тогда, чтобы обнаружить замаскированные фашистские танки, приходилось снижаться до нескольких метров. Даже лица немецких солдат можно было разглядеть. На таком бреющем полете летели навстречу трассам сплошного огня. Сколько было таких вылетов до падения Кенигсберга!

Первую медаль «За боевые заслуги» мне дали за 10 боевых вылетов, а на тридцатом вылете меня сбили.

Случилось это под Оршей в Белоруссии в октябре 1943 года. После фоторазведки мы стали бомбить позиции фашистов, и на высоте

50 метров у самолета прямым попаданием были пробиты оба радиатора! Масло загорелось, самолет задымил. Пришлось садиться прямо на перелесок, при посадке плоскости отлетели, но фюзеляж уцелел. Штурман разбил колено, поэтому шли мы медленно... Добирались до полка 11 дней, матерям уже послали похоронки. У летчиков такой обычай: если за три дня не вернешься, то считаешься погибшим...

Но был в моей фронтовой истории и курьезный случай, куда же без них. Возвращаюсь как-то с вылета, а у меня кончается горючее. Вижу, над посадочной полосой кружит самолет. Я довольно нагло его «подрезал» и пошел на посадку первым, а он ушел на второй круг. Я приземлился, доложил командиру эскадрильи о прибытии.

Возвращаюсь к машине, вижу, у соседнего ангара стоит тот самый самолет. Вдруг ко мне кто-то сзади подходит и дает довольно ощутимый подзатыльник. Я оборачиваюсь. Рядом стоит невысокий парнишка в летном комбинезоне без знаков отличия. На вид лет 20. Я на всякий случай руку на кобуру положил — мало ли, вдруг накинется. Он усмехнулся, пальцем погрозил и отошел в сторону. Смотрю, неподалеку собрался весь личный состав нашей эскадрильи во главе с командиром — ни живы, ни мертвы. Командир подходит ко мне, переводит дух и спрашивает: «Ты хоть знаешь, кто это был?». Оказалось, получил подзатыльник от полковника ВВС Василия Сталина, сына Верховного Главнокомандующего.

После окончания войны я остался служить в 303 авиационной истребительной дивизии в составе 18 гвардейского Витебского дважды Краснознамённого ордена Суворова второй степени штурмового авиационного полка. Этот полк известен тем, что во время Второй мировой войны с 1943 года решением советского командования в его состав вошла французская авиаэскадрилья «Нормандия». Я служил во 2 эскадрилье и был счастлив возможности летать на разных самолетах: сначала Як-3, Як-7, Як-9, а затем на реактивных Як-15, МиГ-9, МиГ-15 и других.

В 1950 году нашу авиадивизию в разгар холодной войны перевели в Приморский край на аэродром возле села Воздвиженка. В один из дней, когда я нес боевое дежурство, на аэродром приземлился самолет Ил-14. Вижу, из самолета первым выходит незнакомый мне офицер с лампасами на брюках. Я рапортую бодрым голосом: «Товарищ генерал ...». Вдруг вижу звезду на погонах... На секунду стушевался, а затем поправился: «Товарищ Маршал, звено 18-го гвардейского истребительного полка несет боевое дежурство в готовности номер один и номер два. Командир звена старший лейтенант Кульпов». Так я познакомился с маршалом Советского Союза, командующим Дальневосточным военным округом Малиновским Родионом Яковлевичем.

Я был удивлен его благожелательностью и простотой. Он никак не прокомментировал мою ошибку, наоборот, разрешил называть его не

по званию, а по имени-отчеству Родионом Яковлевичем. По-отечески с нами поговорил, расспросил о службе.

Н.И. Кульпов (3-й слева) с однополчанами после очередной победы над врагом

Через некоторое время он предложил: «Слетайте, а я погляжу». Мы моментально взлетели. Уже в воздухе связались с командным пунктом и передали, что на аэродроме «Беркут» (это был позывной маршала Малиновского). На аэродром быстро прибыло наше командование и дало нам задание: «В воздухе всем собраться и пройти над стартом в сомкнутом строю».

Когда от имени маршала нам объявили благодарность, мы поняли, что наш полет понравился.

В 1951–1952 гг. я вновь участвовал в войне — корейской. Я провел там 10 долгих месяцев и сбил 2 американских истребителя.

В 1960 году меня уволили с должности командира авиационной эскадрильи по состоянию здоровья. Тогда я со своей семьей переехал в Тулу, стал преподавать в Тульском электромеханическом техникуме (ныне — Тульский технико-экономический колледж им. А.Г. Рогова). Здесь и выросли мои сыновья, внуки и правнучки. Вместе с ними хожу на каток, катаюсь на лыжах. А летать до сих пор хочется. Даже во сне летаю.

ИЗ ПЯТНАДЦАТИ ВЕРНУЛСЯ ОДИН

Пронин Василий Гаврилович, *90 лет,*
Первый заместитель председателя Совета ветеранов войны и труда Вооруженных Сил и правоохранительных органов Юго-Восточного административного округа,
заместитель председателя Совета ветеранов 11-й гвардейской армии,
Почетный житель муниципального образования Текстильщики, г. Москва

Родился я 25 февраля 1925 г. Свое обучение начал в городе Туле в 9-й школе (где, кстати, в 1941 году располагался комитет обороны Тулы). До войны школа была знаменита кружком юных натуралистов под руководством замечательного преподавателя биологии, большо-

Василий Гаврилович Пронин

го энтузиаста Ивана Дмитриевича Попова. Я тоже занимался в этом кружке, функционирующем с 1933 года, и даже был в числе участников Всесоюзной сельскохозяйственной выставки (ВСХВ) в Москве. Наш кружок называли также кружком юных мичуринцев, так как первым нашим советчиком был Иван Владимирович Мичурин, у которого кружковцы бывали дважды и получили не только совет, но и материалы для работы — саженцы мичуринских сортов плодовых и ягодных растений. На расчищенном ребятами под руководством И.Д. Попова пустыре возле школы, где раньше была свалка мусора площадью в 0,5 га, в 1934 году зацвели мичуринские вишня, актинидия, малина Техас, зазеленели яблоньки.

У меня сохранилась вырезка из местной газеты, в которой приводятся слова представителя Главвыставкома ВСХВ Л.Н. Дроздова:

«15 октября 1938 г.

Участок при школе № 9, организованный т. Поповым И.Д., представляет большую ценность не только для школы г. Тулы, но и всей Тульской области. Богатство ассортимента плодово-ягодных мичуринских растений, их высокое качество безусловно заслуживают внимания всех посетителей. То знание и та любовь, с которой юные опытники — воспитанники т. Попова И.Д. относятся к своему делу, говорят о громадной воспитательной значимости данного участка».

Летом 1941 года, в тот момент, когда школа снова готовилась к участию в ВСХВ на Советский Союз, вероломно напала гитлеровская Германия. И многие из тех, кто так любовно занимался выращиванием растений, сменили лопаты и книги на боевое оружие.

Погибли смертью храбрых лучшие юннаты: Приятелев Женя, Гайдуков Слава, Деревенский Витя, но в школьном саду остались выведенные ими новые сорта растений.

Никто из юннатов не посрамил своего имени в боях против врага.

С 1940 г. я учился во 2 средней школе, директором которой была Нагайцева Антонина Михайловна В октябре 1941 г. фашистские войска подходили к Туле. Жители города принимали активное участие в создании оборонительных сооружений. Ребят из нашей школы послали на рытьё противотанковых рвов, траншей и окопов, установление противотанковых «ежей», сначала в районе Платоновского парка, где проходил Восточный край обороны г. Тулы, далее в районе Мясново.

Будучи десятиклассниками в январе 1943 г., помню, как мы сидели на школьных ступеньках с озадаченными лицами — зашли попрощаться с Антониной Михайловной перед отъездом на фронт. Нас ушло 16 ребят: 14 из нас погибли, а я вернулся инвалидом…

Между боями я писал письма домой родным и Антонине Михайловне. Их зачитывали в родной школе, печатали в газете «Коммунар» и передавали по Тульскому областному радио. Вместе со мной в 169-й стрелковой дивизии 680-го стрелкового полка воевал мой одноклассник Деревенский Виктор Васильевич. Дивизия входила в состав 11-й гвардейской армии, вместе с которой летом 1943 г. вела бои на Курской дуге. В страшном бою в Орловской области, в деревне Сытенке, красноармеец Деревенский Виктор был убит 10 сентября 1943 г., там же и похоронен.

Так как в том тяжелейшем бою погиб командир роты, мне как комсоргу пришлось поднимать роту в атаку. Автоматчики бросились в немецкие окопы, огнем и прикладами убили 16 фрицев. Бесстрашие и хладнокровие стали тогда моими неотъемлемыми спутниками, без которых невозможно было выжить в разведке. Помогали они мне и потом — в разведроте.

Однажды брали «языка», «засветились» и пришлось тащить на себе и раненых товарищей, и пленного фашиста, который на тот момент оказался ценным «приобретением»: с его помощью нашим войскам удалось успешно завершить ответственную операцию. За «языка» орденом Боевого Красного Знамени меня наградил председатель Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинин.

В 1944 г. при форсировании реки Десны, осколком от снаряда, я получил тяжелое ранение в 4-5-ый поясничные позвонки, бойцы вытащили меня и отправили в медсанбат. Врачи фронтового госпиталя изъяли из тела двенадцать осколков, тринадцатый, недоступный ножу хирурга, остался вечным спутником. Почти год я провел в госпиталях, и в апреле 1944 г. меня демобилизовали из армии.

Тринадцать лет передвижений в тугом корсете и на костылях — врачи прогнозировали полную неподвижность. Домой я вернулся инвалидом Отечественной войны 2-ой группы. Но я превозмог недуг, нашел новейшую методику лечения болезни. При помощи упорных тренировок я снова и снова, как это было до войны, стал кататься на лыжах. К моему глубокому удивлению, я не только не потерял своей прежней формы, но и стал лидером в любимом виде спорта.

После войны в 1944 г. я поступил в Московский институт народного хозяйства им. Г.В. Плеханова, а в апреле 1945 г. директор школы дала мне рекомендацию в члены ВКП(б), заверенную секретарем Пролетарского района Н. Грачевым. Окончив в 1948 г. институт, я устроился работать в Центральное статистическое управление страны при Совете Министров СССР, в котором проработал в течение 40 лет, из

них более 30 лет на руководящих должностях. Под моим руководством и при непосредственном участии решались организационные и технические вопросы внедрения вычислительной техники в статистическую практику, осуществлялись научные и проектные разработки, создание и ввод в эксплуатацию Автоматизированной системы государственной статистики.

Я активно участвовал в работе партийных и других общественных организаций, неоднократно избирался членом парткома ЦСУ СССР, членом райкома КПСС, избирался депутатом и членом исполкома районного Совета народных депутатов.

Шесть лет я руководил Советом ветеранов нашего района, который был признан одним из лучших в округе. С 1999 г. меня также выдвинули на должность заместителя председателя Совета ветеранов ЮВАО. Кроме того, я возглавляю движение по патриотическому воспитанию молодежи в округе: координирую 164 общеобразовательные школы, где находятся 134 музея боевой славы, и еще 10 музеев других общеобразовательных учреждений.

Сорок с лишним лет, точнее с 1975 г., являюсь членом президиума Совета ветеранов 11-й гвардейской армии, где служил в годы войны, а последние три срока избираюсь заместителем председателя Совета.

Летом 2014 г. я принял участие в праздновании 70-летия открытия Второго фронта. Президент Франции Франсуа Олланд пригласил 18 глав государств и делегации ветеранов Второй мировой войны этих государств. После радушного приветствия Ф. Олланда нам было показано замечательное театрализованное представление, символизирующее форсирование пролива Ла-Манш и высадку союзных войск во Франции.

Мой приезд на родину, в Тулу, 70 лет спустя, стал для меня большим событием: встречи в Тульском городском совете ветеранов, в Тульском Государственном Музее оружия, с кадетами при принятии присяги в Юридическом колледже. Везде меня тепло принимали, после выступления в колледже долго рукоплескали, студенты готовы были расцеловать меня — и как человека, и как чудом выжившего фронтовика.

Проходя по Тульскому Музею оружия и вглядываясь в кадры хроники, я с мальчишеской радостью узнал улицу, где находился мой родной дом. Воспоминания о годах войны нахлынули на меня огромной волной.

Я безмерно горжусь своей малой родиной, я никогда не терял связь с родной Тулой, ведь именно из этого города школьником я ушел на фронт…

ХОРОШИХ ЛЮДЕЙ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ПЛОХИХ

Придонов Михаил Придонович, *92 года,*
художник,
г. Тула

Да, были люди в наше время...
М.Ю. Лермонтов

1942 год. Январь. Трескучие морозы. Лагерь для военнопленных в Кременчуге. Колючая проволока. Проволоки немцы не жалели. Вышки с пулеметами и часовым. Собаки. Все как и положено. Все обязательные атрибуты, ставшие уже привычными, неотделимыми от лагеря военнопленных.

Иначе какой же это лагерь? А тут еще и холод и голод, а в придачу ко всему вши и сыпной тиф, от которого ребята каждодневно умирали сотнями, словно мухи на морозе.

Закоченевшие в самых невероятных позах тела преставившихся рабов божьих, то бишь солдатиков, бойцов Красной Армии, хоронили, если только это можно назвать похоронами, конечно не по первому разряду. Не на погребальных катафалках с черной бахромой и, конечно, без медноголосого оркестра с барабаном. Тела усопших просто сваливали навалом, как сухие суковатые ветки на бывшие телефонные двуколки, ныне превратившиеся в «погребальные катафалки», (нашли достойное применение). Таким вот порядком застывшие нагие тела покойных бойцов Красной Армии везли на кладбище. Это, попросту говоря, длинный ров, который возможно задуман был как противотанковый, а теперь стал братской могилой. Двуколку поднимали за оглобли и застывшие тела сваливали в ров, как мусор. Тела засыпали землей, а имена их предавались забвению. Земля-матушка все покроет. Навсегда сгинула для человечества еще одна партия безымянных солдат — защитников отечества.

Так родился прообраз могилы «неизвестного солдата». Почему, до сих пор это понятие не исчезло из лексикона русского языка? Почему не могила солдата с именем и фамилией, с датой рождения и датой гибели? Кто-нибудь когда-нибудь сможет восстановить их славные имена? Вряд ли! Восстановить для родных, для Родины, которой они отдали свои молодые жизни, для страны. Мир должен знать, кого, когда и где он потерял. Но ...

Костя в бреду пластом валялся на цементном полу, покрытом смешанной с пылью трухлявой соломой, которую вот уже несколько месяцев молотили своими телами, словно цепами на току, исхудавшие, костлявые человеческие тела, совсем недавно бывшие командирами

Красной Армии, а ныне военнопленные. Разными путями-дорожками они очутились в фашистском плену. Позорном и постыдном.

Злосчастная солома шевелилась, казалось, дышала от неисчислимого множества кровососущих насекомых-паразитов, живших в ней.

Костя тяжело дышал, не понимая, не соображая, что с ним, где он. Высокая температура, хотя измерить её было нечем да и некому, делала свое дело. Рот был полуоткрыт. Нижняя челюсть в беспамятстве отвисла. Губы пересохли, просили пить. Пи-ить. Лицо пылало жаром. Из под прикрытых век сверкали нездоровым блеском глаза. Хрипы и стоны, которые Костя издавал, перемежались громкими вскриками, бессвязными, словами, которые не всегда поддавались расшифровке. Чаще всего он звал маму. Единственную, ответственную за все. Маму, которую человек призывает на помощь, когда ему тяжко.

В затуманенном от жара сознании всплывали разноцветные эпизоды из недавних боевых будней, выплескивались в виде несвязных криков, команд.

В бреду Костя орал: «Юнкеры летят! Ложись! Воздух!!» Многоэтажным русским матом крыл «Мессера», гоняющегося за одним-единственным бойцом, а тот бежал и еще умудрялся отстреливаться.. Приказывал своему любимому взводу: «За мной! Ребятки. Вперед! Орлы! За Родину!» Забывшись на минутку, начинал монотонно вызывать, когда-то действующего корреспондента-радиста: «Кедр, кедр, я Сосна. Почему не отвечаешь? Кедр. Кедр».

Вся фронтовая лексика непроизвольно выплескивалась в словах доклада, команды, что вызывало беспокойство обитателей подсобного помещения гаража, приспособленного для содержания двух десятков командиров Красной Армии, отделенных от рядовых. Оградить рядовых от влияния господ офицеров, от их агитации, воспитания пропаганды, от призывов к сопротивлению, к саботажу.

С честью можно утверждать, что красноармейцы, отделенные от офицеров, сами знали, как им жить в плену, что делать. Сами знали что находятся у врага в плену, а враг он всегда враг. Присягу никто не отменял. Красноармейцы порой творили такое, что иному офицеру и не приснится. Такое было воспитание, такая была закалка у народа! Тем более, что в среду красноармейцев немало затесалось и офицеров, не пожелавших признаваться врагу в своем офицерстве. Немало таилось среди бойцов и политруков, вынужденных маскироваться под рядовых, но всегда помнящих свои обязанности. Солдатская смекалка! Смекалке обучал еще фельдмаршал Суворов, граф Рымникский.

В общем лагере безраздельно свирепствовал сыпной тиф и его распространители — вши. Соответственно, росло и число заболевших сыпняком и, как следствие, прогрессировал рост смертности. Только единицам удавалось выкарабкаться из того вошино-тифозного кошмара.

Так вот, в этом командирском закутке голод был на общих основаниях. Как у всех. Вши были, их били, куда от них денешься, а вот заболевших сыпняком среди них не было. Чего не было того не было. Костя оказался первым. Первой ласточкой. Обитатели закутка всерьез заволновались — ТИФ! Убрать заразу в лазарет! Вон его, чтобы не распространял заразу.

Вызвали унтера, доложили: вот, мол, заболел тут один. Изолировать его немедля! Под конвоем унтер привел врача. В закутке сразу посветлело, словно тучи развело. От врача, что ли? Врач такой же пленный, ходит меж тифозных, рискует.

Врач склонился над ним, взял его за запястье пощупать пульс и вдруг задержал взгляд на лице Кости, поздоровался с ним по-грузински и спросил: «Как дела, парень?» Видно, признал в Косте земляка.

Осмотрев больного, доктор безапелляционно заявил: «У больного воспаление легких! В госпитализации нет необходимости». Все вздохнули с облегчением, а некоторые и с сомнением. Земляк, все-таки. Не врёт ли?

Костя ничего этого не осознавал, был в отключке. Он целиком был в руках врача и судьбы, а врач прекрасно понимал, что из лазарета для Кости, практически, обратного хода не было. Он знал, что там творилось. Знал, что лазарет — это пересыльный пункт от лагеря в морг. Он только изолирует больного от остальной массы людей.

Благодаря вердикту врача-грузина Костя избежал этого экзотического путешествия.

Больше Костя так никогда и не повидал своего спасителя врача-грузина. Так и не узнал, как его зовут, откуда он. Так и не знает, кого благодарить, за кого молиться.

Но если говорить по-честному, был какой-то период в жизни, в первые послевоенные годы, когда он не вспоминал то страшное время и даже, наоборот, старался забыть. Было такое время, когда вспоминать о плене было не принято. Даже опасно. Ничего героического в плене тогда не замечалось. Жизнь засосала своими обыденными хлопотами-заботами. Отвлекла от воспоминаний прошлых лет. Все затмили собой заботы о сегодняшнем дне, в борьбе за пропитание, за жизнь. Прощения нет. Нельзя забывать, даже на время, добрые дела прошедших лет, которые помогли тебе выжить в военное лихолетье. Все это познается позднее, как говорится, задним умом силен человек. Наверное так уж устроен человек — несовершенное создание природы.

Рядом с Костей на соломенно-вшивой подстилке лежал простой парнишка с доброй душой. Так уж получилось. Судьбе так угодно было. Славка Цитко. Именно Славка, не Слава. Именно так запомнил его Костя. Это тот самый Славка, который подсказал Косте, что, мол, это врач к тебе пришел. Именно Славка ухаживал за ним как мать родная. Иначе

и не скажешь. Славка ведь и сам был голодным, как и все. Но у него хватило силы воли и порядочности сохранить Костину пайку, которую Костя сам съесть не мог. Ему бы только водички испить. И тут Славка был всегда готов. Согласитесь, что это совсем немало для тех нечеловеческих условий, в которых они пребывали. Другой вмиг бы слопал Костину пайку хлеба. И глазом бы не моргнул. Чего добру пропадать. Костя ведь ничего не мог есть сам. А добрый Славка поджаривал эту пайку на огне, а сухарики сохранял. Кипятил в баночке воду и заваривал горелым хлебом «чай». Не цейлонский правда, но в тех условиях он во много крат был дороже цейлонского. Это было единственное Костино питание. И сухарики пригодились позже, когда Костя пошел на поправку. Не пропали. Славка сам заботливо поил Костю чаем, как дитятю малую. Как нектаром животворным. В лазарете санитары такого бы себе не позволили. Вот этот-то чай и дружеская забота помогли Косте выкарабкаться, поправиться, пересилить недуг. Помощь-то была рядом!!! Внимательной и заботливой няней, добрым парнем оказался наш друг Славка. Терпеливо, заботливо, нежно приподнимал Косте голову, чтобы легче было пить. Подтыкал соломку под голову, укрывал каким-то тряпьем, что попадалось под руку. Не отходил от больного. Все время был рядом.

Дальше их пути разошлись так же просто, как прежде свели их вместе. Что сталось со Славкой дальше — ничего не известно. А может и жив Славка?

В 2013 году при помощи друзей с Украины обнаружились какие-то его следы. Уцелел, значит. И тут же снова пропал. Переехал куда-то. Мир велик. Много времени утекло.

Дай Бог здоровья, тебе Славка. Если ты жив, всего тебе доброго, мой дорогой, верный друг, а если судьба не сохранила тебе жизнь, то мир праху твоему. Вечная тебе память, Славка! Вместе с тобой низкий поклон и вечная память всем тем, которым довелось сделать в жизни добро ближнему.

Спасибо тебе, Славка и низкий поклон. Спасибо тебе, неизвестный доктор-грузин, который вовремя явился, как добрый гений, как волшебница-фея! Сделал свое доброе дело и … растворился во времени и пространстве.

…На удивление и наперекор всему Костя уцелел после всей этой молотилки. Теперь, набравшись смелости, написал эти скромные строки, этот крик души — воспоминания о хороших людях, которых очень много на белом свете. Больше, чем плохих.

Пусть эти строки будут скромным памятником всем хорошим людям, любящим ближнего, готовым в любое время оказать ему помощь, подставить свое плечо.

Тбилиси, 2006 год — Тула, 2014 год

ТАКОЕ НЕ ЗАБЫВАЕТСЯ

Янковский Леонид Абрамович, *89 лет,*
ветеран Второй мировой войны,
участник битвы под Москвой, освободитель Освенцима,
г. Беер-Шева,
Израиль

Наша семья Янковских до того, как приехала в маленький брянский городок Злынка, проживала в городе Краснополье на Могилевщине, в Белоруссии. Там у моего деда Моисея Янковского родился сын Абрам. Прошли годы, Абрам Моисеевич обзавелся своей семьей и переехал в местечко Злынка, которое в те годы относилось к владениям польского графа Паскевича. Здесь я и появился на свет 25 августа 1923 года.

Отец работал извозчиком. Возил на железнодорожную станцию Вышков продукцию для Красной Армии, изготавливаемую на деревообрабатывающей фабрике им. Блюхера. Мы очень любили нашу красавицу-лошадь. Звали её Малёк, бледно-оранжевой масти в серых яблоках, резвая и трудолюбивая. На станцию отец обычно вез фабричный груз, а обратно — пассажиров. Если не было пассажиров, отец ложился на повозку, и Малёк сам привозил его домой, оглоблями стуча в ворота — приехали.

Семья моего деда по матери Липы Шмаенак проживала тогда в большом селе Карпиловка Новозыбковского уезда. Имя-отчество моей мамы было Гита Липовна, но все ее звали русским именем Катя. Она была домохозяйкой.

У нас было большое хозяйство: лошадь, корова, телёнок, два поросёнка, разная птица, огород и небольшой сад. Большой сарай был забит сеном и соломой, погреб и подвал — картошкой, свеклой, морковкой, капустой. Для всей живности ежедневно готовилось два-три чугуна варева, а зимой подогревалась и вода. Это был колоссальный труд мамы как домохозяйки и всей семьи.

А летом мы, дети, ходили по грибы и ягоды, которых в наших краях было изобилие. Времени на футбол почти не было. Зато зимой мы отводили душу на лыжах и коньках.

Мать дружила с соседками, все взаимно уважали друг друга. У нас была обыкновенная еврейская семья. Родители помнили о вере, но не всегда была возможность соблюдать её. Синагога в Злынке была разрушена, раввина не было, но зато был резник, резавший птицу. На праздники мать готовила традиционные блюда, угощала ими соседок, а они угощали нас на русские праздники. Жили дружно и об антисемитизме слышать не приходилось.

20 июня 1941 г. я сдал последний экзамен за десятый класс. 21 июня состоялся выпускной бал. Нам вручили аттестаты зрелости. Мы мечтали о будущем, грезили завтрашним днем... А завтра была война.

Наш маленький городок Злынка приютился в глубинке Брянского леса, на границе России, Белоруссии и Украины. Железная дорога Москва — Брянск — Гомель — Киев проходила в стороне, в первые же часы войны немцы разбомбили её. По грунтовой дороге через Злынку отступали разбитые воинские части, уходили многие тысячи людей из Белоруссии, женщины с младенцами на руках, старики, еле волочившие ноги. Это было страшное зрелище: голодные, оборванные, потерявшие надежду на жизнь, бредущие один за другим, не зная, куда и что их ждет.

Не лучше было на городской площади нашего городка. Стоял ужасный стон, и слезы лились ручьем. Матери, жены, сестры, провожающие родных, призванных в армию и уходящих на фронт, не скрывали своего страшного горя, видя своих близких, может быть, в последний раз. Мы, молодые ребята, не понимали отчаяния провожающих. Нам тогда казалось, что вскоре Красная Армия остановит фашистов, даст отпор, погонит их и разобьет. Но жизнь распорядилась по-своему.

Тех, кому не было 18 лет, в армию не брали. Из допризывников и добровольцев был создан истребительный батальон. В него на четвертый день войны вступил и я. Таких добровольцев, практически безоружных, было немногим более 60 человек. Охраняли мосты, линии связи, склады, административные здания. Помогали красноармейцам вылавливать диверсантов, а милиции — тех, кто сеял панику и распространял фашистские листовки.

Утром 13 августа 1941 г. мы получили команду: взять документы, запас еды и попрощаться с родными. Нас присоединили к остаткам отходящей воинской части и в 12 часов мы покинули Злынку, родных и всю свою прежнюю жизнь.

В Злынку ворвались фашисты. На оккупированной территории гитлеровцы начали свое зверство. Тысячи беженцев становились жертвами полицаев, старост, бургомистров. Мои родные решили из Злынки уехать. За несколько дней до оккупации, когда отца отпустили из военкомата, где он занимался выбраковкой лошадей для Красной Армии, они ранним утром выехали из Злынки и вместе с беженцами отправились на восток, в сторону Стародуба и Трубчевска. День они проехали относительно спокойно, а на второй их задержали местные полицаи и потребовали возвращаться на место жительства.

В Злынке 18 августа мужчинам-коммунистам, советскому и хозяйственному руководству приказали явиться на площадь с лопатами. Их

погрузили на машины, вывезли за город, там заставили вырыть ямы, после чего полицаи всех расстреляли. Так погибли мой отец Абрам Моисеевич и брат Лёва, которому было 16 лет.

На следующий день семьи евреев согнали на окраину городка в бывшую МТС, где и создали гетто. На первых порах можно было выходить, кое-что менять на продукты. А когда дома ограбили и передали прислужникам фашистов, в гетто воцарился голод, а с наступлением осени — и холод. Узники гетто были обречены, но проявили мужество. В эту тяжелую годину они не бросали друг друга. Ребята постарше ушли в лес, где уже появились партизаны. Они присоединялись к ним и мстили фашистам за погибших.

А 18 февраля 1942 г. в Злынку приехала карательная команда из Новозыбкова. Это были потерявшие человеческий облик убийцы, накачанные водкой. Тогда стоял лютый мороз. Полуживых женщин, детей, стариков-евреев они стали выталкивать ко рву и расстреливать.

Там погибла моя одноклассница Фрида Вогман, решившая быть с матерью до конца, хотя могла уйти в лес. Погиб и наш любимый учитель Георгий Никифорович Богатко, не отказавшийся от своей еврейской семьи. Здесь погибла моя мама Гита (Катя), десятилетняя сестренка Буся и маленький братишка Фима-Хаим пяти лет. В этот день были убиты 170 евреев.

В армию меня призвали 1 октября 1941 г. в Воронежской области. Это был призыв, в котором из 100 человек выжило трое. А дальше — бои под Москвой, Ржевская операция. Служил пулемётчиком, был комсоргом лыжного батальона.

В марте 1943 г. мне было присвоено звание старшего лейтенанта, я стал комсоргом стрелкового полка. Штурмовал в составе своего полка укрепрайон Витебск–Орша в Белоруссии, принимал участие в боях за освобождение Смоленска, Ярцева, в Корсунь-Шевченковской операции на Украине, в боях на Сандомирском плацдарме в Польше. 24 января участвовал в освобождении древней столицы Польши города Кракова.

А 27 января 1945 г. я участвовал в освобождении узников лагерей смерти Освенцим (Аушвиц) и Бжезинка (Биркенау). Январь 1945 г. в юго-западной Польше выдался довольно теплым. Немцы, избегая окружения, поспешно отступали. В это время я был комсоргом 504-го стрелкового полка 107-й стрелковой дивизии. Наши войска, преодолевая глубокий снег, преследовали врага.

Выйдя из лесостепной полосы, полк оказался на равнинной местности с какими-то строениями типа бараков. Подробной информации о лагере у командования нашего полка не было. Не зная, что нас ждет впереди, полк развернулся для боя, хотя никакого сопротивления не

было. Высланная вперед разведка доложила, что никого не видно и не слышно. Войдя в лагерь, разведчики обнаружили какие-то огромные бурты и кое-где полуживых людей в арестантской одежде. Бурты оказались горами трупов, покрытых снегом. Быстро выставили охрану, наскоро стали проверять бараки, нашли говорящих по-русски. Оказалось, что это концлагерь Освенцим (Аушвиц по-немецки).

В лагерь никого не допустили, кроме медиков и офицеров штаба, в том числе и меня. Полк получил команду преследовать врага. В лагере оказалось тысяч десять полуживых людей, в том числе немного детей, которые безучастно смотрели на нас. И только единицы поняли, что пришло освобождение.

Как оказалось, среди оставшихся в живых евреев не было, так как их уничтожили сразу по прибытии. Охраны лагеря тоже не было. Немцы организованно уехали на машинах, а охранники из Прибалтики, Западной Украины и власовцы разбежались вслед за хозяевами.

Во второй половине дня приехал специальный медотряд, а вскоре и транспорт с продуктами и одеждой. Они сменили нас, и мы уже вечером догнали свой полк и приняли участие в освобождении недалеко расположенного концлагеря Биркенау…

Мне довелось дойти до Германии, освобождать Чехословакию. Потом была Корея. Трижды ранен. Награжден двумя орденами и двадцатью медалями. Пришлось получать орден даже из рук китайского лидера Мао Цзэдуна. В Израиле был удостоен звания «Борец против нацизма» и нескольких медалей.

Только в 1957 г. я, уже гвардии майор, был уволен с военной службы и поселился с семьей в городе Клинцы Брянской области, где более 20 лет проработал инженером на механическом заводе.

Горжусь тем, что по моей инициативе и при личном участии были сооружены четыре памятника погибшим воинам, в том числе и памятник на могиле жителям города Злынка, среди которых была и моя семья, расстрелянная фашистами.

После чернобыльской трагедии наша семья, как и многие другие, оказалась в зоне, пораженной радиацией. Стали прогрессировать болезни. И в декабре 1992 г. мы решили репатриироваться в Израиль.

В городе Беэр-Шеве, где я живу, стоял у истоков создания украинского и других землячеств, возглавил организацию «Чернобыль», которая немало сделала для организации медицинского контроля и помощи ликвидаторам и пострадавшим от аварии.

И сегодня, не смотря на свои почти 90, я по-прежнему в строю.

В АРТИЛЛЕРИЙСКОЙ РАЗВЕДКЕ

Швецов Алексей Андреевич, *89 лет,*
полковник в отставке, председатель Тульского городского
Совета ветеранов, председатель ревизионной комиссии
областной организации ветеранов,
член Комиссии по помилованию Тульской области;
Почётный гражданин города Тулы,
г. Тула

Алексей Андреевич Швецов

Родился я 24 марта 1926 г. в станице Удобной Краснодарского края. Из крестьянской семьи. Русский. Член ВКП(б)/КПСС с августа 1944 года. В пять лет остался без отца. В 1943 году призван в ряды Красной Армии. В течение года проходил армейскую подготовку в городе Чирчике в Средне-Азиатском военном округе.

На фронтах Великой Отечественной войны с начала 1944 года. Воевал в 395-м гаубичном артиллерийском полку резерва Верховного Главного Командования на Калининском и 2-м Прибалтийском фронтах. Принимал участие в освобождении Калининской области, городов Ржев, Великие Луки, Рига, Даугавпилс, Крустпилс, Курляндского полуострова. Воевал в должностях артиллерийского разведчика, командира отделения артиллерийской разведки в званиях рядового и сержанта.

В 1948 году окончил Ленинградское военно-политическое училище, а в 1959 году — Военно-политическую академию имени В.И. Ленина в Москве.

Проходил службу в должностях комсомольского работника, начальника политического отдела — заместителя командира по политической части полка, бригады, дивизии, училища, заместителя начальника политического отдела армии.

С 1985 года — в запасе, затем — в отставке

Неоднократно избирался в руководящие партийные и советские органы. Делегат XXIV съезда КПСС (1971).

Награждён орденами: Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды, «За службу Родине в Вооружённых Силах СССР» 3-й степени, «Дружбы», «Петра Великого» 2-й степени; медалями: «За отвагу», «За боевые заслуги», другими медалями, монгольским орденом «Полярная Звезда».

* * *

22 июня 1941 года фашистские захватчики перешли границы нашей Родины.

Для каждого человека Родина — это, прежде всего, край, где он родился, где прошло детство, место, с которым связаны лучшие годы жизни. Для кого-то — это три березы у околицы села, для другого — полянка у знакомого весёлого ручья, для третьего — неоглядная степь. Для меня ощущение Родины связано с широкими просторами Кубани и станицей Удобной, где я родился, цветущими садами, мягким и благостным климатом тех мест.

Начавшаяся война перевернула жизнь каждого человека, потребовала мобилизации всех сил народа на разгром фашизма. Первые недели и месяцы войны фашисты стремительно наступают, наши войска отступают с огромными потерями, кажется, ещё немного, и враги будут в столице.

Но вот первые поражения наконец-то сменились долгожданными победами: парад наших войск на Красной Площади; разгром немцев под Сталинградом, прорыв блокады Ленинграда. Идут крупные бои по освобождению Северного Кавказа, верхнего Дона...

Но обстановка на фронтах оставалась очень тяжелой, война требовала новых и новых резервов, снаряжения, продовольствия, уносила жизни людей. В семнадцатилетнем возрасте, 26 апреля 1943 года, мы с друзьями-одногодками были призваны в ряды Красной Армии. Нам было приказано иметь запас продуктов питания на пять дней и быть готовым к совершению двухсоткилометрового марша. Проводить нас пришла почти вся станица: родители, девушки, младшие товарищи.

Темной апрельской ночью мы пешком отправились в путь по маршруту станица Отрадная — город Армавир — город Невинномысск. После непродолжительного пребывания в 35-м запасном стрелковом полку на Кавказе значительная группа солдат с семи- и девятилетним образованием была отобрана и направлена для изучения артиллерийских специальностей в Среднюю Азию. Переправились через Каспийское море теплоходом из Баку в Красноводск, а дальше железнодорожным эшелоном в Ташкент.

Первоначальную военную подготовку мы проходили в батарее разведки в 17-м запасном артиллерийском полку Средне-Азиатского военного округа. Готовились мы как артиллерийские топографы и вычислители. Учились проводить топографическую съемку местности, делать привязку элементов боевого порядка артиллерии, готовить исходные данные для стрельбы на полной топографической основе. Были у нас занятия и по политической подготовке, по изучению оптических приборов, ведению артиллерийской разведки.

Алексей Швецов

Особо хочу рассказать о занятиях «по борьбе с танками». В июле 1943 года во всех подразделениях полка начались практические занятия по обучению способам борьбы с новым немецким танком «Тигр», впервые примененным немецко-фашистским командованием под Курском. На красочном плакате были показаны его слабые, наиболее уязвимые места и рекомендованы приемы борьбы с ним. Срочно были сделаны и макеты этого танка. Начались тренировки орудийных расчетов по поражению этих машин из орудий стрельбой прямой наводкой, а также обучение всего личного состава метанию и поражению его противотанковой гранатой. Но разве сравнишь картинку и макет с настоящим чудовищем — немецким «Тигром»!

Служба была непростой: занимались по 10–12 часов в сутки. Преимущественно это были полевые занятия, с совершением 10–15-километровых маршей, с большими физическими нагрузками. Наш полк был на конной тяге, а бывалые солдаты говорили: «Кто в армии не имел дело с лошадьми, тот не видал настоящей солдатской службы».

Все личное время было занято уходом за лошадьми, чисткой и выводкой их. Даже мыло, выдававшееся солдату для личного туалета, расходовалось на лошадей. Когда пришло время отправляться на фронт, очень тяжело было расставаться с этими умными и добрыми животными.

На фронт мы ушли в феврале 1944 года. Дорога была долгой — около двух недель. Куда едем — не знал никто. В начале марта 1944 года мы прибыли в 26-й запасной артиллерийский полк 2-го Прибалтийского фронта, где в батарее разведки проходили доподготовку и ожидали окончательно распределения по боевым частям. Здесь мы снова почувствовали, что война — это не только бои и подвиги, это, прежде всего, работа — ежечасная, тяжёлая, с кровью и потом, на пределе всех человеческих сил.

Каждый день проводились тренировки по боевой готовности, «ночные занятия», танковая «обкатка» солдат. Все подразделения по очереди проходили испытания танками. Солдаты выходили в поле и занимали окопы. И вот вдали показывались танки «врага». Они на полной скорости мчались на окопы. И даже зная, что это учебные занятия, невольно хотелось крикнуть: «Стойте, там же люди!». Грозные тридцатьчетверки не просто пролетали над окопами, а утюжили их,

стальная махина повисала над солдатами. Осыпалась земля, жаром обдавало людей, но когда танк проходил, солдаты как ни в чем не бывало поднимались и забрасывали его учебными гранатами и «бутылками с горючей жидкостью». Затем встречали шквальным огнем наступавшую «пехоту противника». Мне не раз приходилось в окопах встречать грозные танки: на учебных занятиях — свои, а потом меня утюжили и танки противника.

Ежедневно из частей действующей армии в наш полк приезжали так называемые «покупатели», т.е. офицеры, отбиравшие необходимых специалистов для боевых артиллерийских частей. В конце апреля 1944 года я и мои односельчане записались добровольцами на фронт, в артиллерийскую разведку.

На следующий день мы уже были на железнодорожной станции Андреаполь. За сутки, под неоднократными бомбежками авиации противника, мы доехали до станции Великие Луки. Дальше двое суток шли пешком в дождь, по размокшей дороге, под пронизывающим холодным весенним ветром. И вот мы в 395 артиллерийском полку.

Меня определили во взвод разведки полка разведчиком-наблюдателем. Первый для меня командный наблюдательный пункт (КНП) полка находился на высоте, вблизи деревни Горбачево Кудеверьского района на территории Калининской области.

Наблюдательный пункт обычно располагается впереди от огневых позиций, на которых стоят орудия или минометы. Отсюда ведется разведка противника и управление огнем артиллерии. Оборудуется он в таком месте, откуда возможен наибольший обзор расположения противника. Наш КНП был хорошо оборудован и надежно защищен. Снаряд малого, среднего, а иногда и большого калибра не пробивал эти сооружения. От наблюдения с воздуха наблюдательный пункт укрывался маскировочными сетями.

На полковом КНП всегда велся журнал наблюдения, схема ориентиров и схема разведки с полями невидимости и разведанными. Наблюдение велось круглосуточно, в любую погоду. От разведчика требовалось отличное знание переднего края противника и его огневой системы, свободного ориентирования на местности, умения быстро и точно засекать цели, корректировать огонь своей артиллерии. Обязанностью разведки было также тщательное наблюдение за противником не только на переднем крае, но и в глубине его обороны, за всем происходящим в его расположении.

Главной задачей артиллерийской разведки в этот период было определение местоположения артиллерийских и минометных батарей, огневых точек, пунктов управления противника, точное начертание его переднего края, предполагаемые возможные действия противника.

Вот один из случаев, когда образцово организованное наблюдение позволило не только заметить незначительные изменения в характере деятельности противника, но и правильно оценить их значение. В период оборонительных боев под Кудеверью в мае-июне 1944 года был замечен подход к переднему краю небольших групп пехоты, отдельных танков, артиллерийских орудий на конной тяге, единичных автомобилей. Все это наблюдалось днем. Ночью же был слышен гул значительного количества двигателей танков, автомашин, а нередко и возбужденные голоса солдат. Таким образом, отмечалось интенсивное движение живой силы и техники к фронту (днем) и обратно (ночью). В этот же период более активно вела огонь артиллерия противника. В июне движение транспорта противника резко сократилось, меньшими группами стали ходить солдаты, снизилась активность артиллерии, реже стали появляться самолеты в воздухе. Проанализировав данные, полученные в результате наблюдения, установили, что к фронту прибыло значительно меньше солдат, всадников на лошадях, автомобилей, танков и другой техники, чем убыло с переднего края в тыл. Был сделан вывод, что противник, по-видимому, произвел замену частей, что ушла механизированная, а прибыла пехотная часть, что фашисты на этом участке намереваются и дальше вести оборонительные бои.

В это время в войсках 2-го Прибалтийского фронта шла подготовка к наступлению. Наши войска, находясь в обороне, вели активную разведку противника, его огневых средств. В частности, проводилась разведка боем. В одном из таких боев пришлось участвовать и мне.

В начале июня 1944 года командиру взвода разведки полка девятнадцатилетнему лейтенанту Д.А. Мурашову была поставлена задача: рано утром следующего дня, примерно в 3:30–4:00, открыто демонстрируя действия перед переднем краем, в нейтральной полосе, вызвать огонь противника на себя, то есть создать условия для засечки нашими разведывательными средствами его огневых точек, артиллерийских и минометных батарей.

Столь раннее время было выбрано не случайно. К утру личный состав гитлеровцев отдыхал. В траншеях оставались только дежурные огневые средства да отдельные стрелки-наблюдатели. Малейшие наши действия должны были вызвать панику. Так впоследствии и случилось.

К операции готовились недолго, всего сутки. Мы должны были выйти на правый фланг своего переднего края и, перемещаясь короткими перебежками на юг, к левому флангу, вызвать на себя огонь противника. От успеха операции зависело и предстоящее наступление.

Для выполнения боевой задачи командир назначил шесть человек, в том числе и меня. Мы сдали комсомольские билеты, красноармейские книжки, письма, побрились, подшили подворотнички (таков

обычай перед боевой операцией), взяли необходимое количество боеприпасов. Отправились в бой.

Ночь выдалась теплой, пасмурной и темной. В утренних сумерках мы миновали свой передний край и вошли в нейтральную полосу. То перебежками, то в полный рост стремимся приблизиться к переднему краю гитлеровцев. И хотя на нас были маскировочные халаты, противник заметил группу сразу. Стал проявлять нервозность. Дежурные средства начали чаще освещать местность. В момент, когда взлетевшая в небо ракета зависала над лощиной, наша группа была видна как на ладони.

Предутренняя темнота стала чаще разрываться усиленной пулеметной стрельбой, а нередко и артиллерийской и минометной. А это нам и было нужно. В этот момент наши средства разведки вели засечки огневых точек противника, его минометных и артиллерийских батарей.

Группа часто оказывалась прижатой к земле огнем артиллерии и стрелкового оружия фашистов. Командир взвода Д.А. Мурашов несколько раз вызывал огонь своего дивизиона для создания дымовой завесы и дальнейшего выполнения боевой задачи. И так, то приближаясь к противнику, то отдаляясь от него, то прикрываясь своим артиллерийским огнем, то без огня группа в течение примерно 3–4-х часов на участке четырех километров вела неравный бой с противником, находившимся в укрепленном районе.

Конечно, четыре километра не такой уж и большой участок, но эти километры могли быть для некоторых из нас последними в жизни. Наша разведывательная группа благополучно возвратилась в свое расположение, собрав ценные данные о противнике, системе его обороны, расположении огневых средств. В результате операции было засечено две артиллерийских и три минометных батареи, десять других огневых точек.

Все с нетерпением ждали, начала наступления. И вот 11 июля 1944 года по сигналу с командного пункта дивизии стрелковые полки двинулись в атаку. Гитлеровцы оказывали яростное сопротивление. Уцелевшие огневые точки вели ураганный огонь. Но уже ничто не могло остановить нашего наступления. Удар был так силён и стремителен, что противник стал отступать. Примерно через час после начала атаки гитлеровцы побежали, бросая оружие, боеприпасы, насиженные блиндажи.

Участвовал я и в освобождении Латвии. Особенно памятен мне эпизод, связанный с форсированием реки Айвиэкстэ. Перед нашим полком стояла задача: рано утром провести артиллерийскую подготовку, уничтожить противника на переднем крае обороны, проходящем по правому берегу реки, обеспечить форсирование реки, захватить плацдарм на противоположном берегу и удерживать его до подхода глав-

ных сил дивизии. В начале сентября 1944 года, совершив тридцатикилометровый марш и заняв огневые позиции, полк рано утром начал артиллерийскую подготовку. Наш берег и сама река были под прицельным огнем фашистов. Противоположный берег крутой, заминированный, с проволочным ограждением. После мощной артподготовки началось форсирование. Основными переправочными средствами были лодка и самодельный плот. Я был в первом эшелоне вместе с командиром стрелкового батальона.

С началом движения к противоположному берегу, противник сразу же обнаружил наши намерения и начал принимать контрмеры. Он открыл ураганный артиллерийский и пулеметный огонь, непрерывно освещал местность ракетами. Казалось, вражеская артиллерия накрыла снарядами всю реку. Только и видны были разрывы снарядов, всплески воды. Люди стремились к противоположному берегу, то и дело переворачивались лодки, то там, то здесь падали в холодную воду бойцы. Когда вспышки ракет, стрельба пулеметов с треском разрезали черное небо, сидящие в лодках еще стремительнее рвались вперед, хотя грести было трудно, мешало быстрое течение. В небе над рекой сражались истребители. Саперы разрушали крутой берег взрывчаткой. В голове одна мысли: «Спастись! Спастись любой ценой».

С большим трудом, огромными потерями стрелковый полк захватил плацдарм на противоположном берегу реки Айвиэкстэ. Там шел страшный бой. Немцы с каждым часом наращивали удары по полку. Противник предпринимал бесконечные контратаки, в т.ч. с танками, пытаясь сбросить смельчаков в воду. Фашисты не жалели снарядов. Земля под нами ходила ходуном. Завывание, свист, рев, скрежет, лязг металла…

Мы ведем наблюдение, окапываемся. От нас, разведчиков, требуют новых и новых данных, измерения угловых величин, уточнения положения противника. Плацдарм, хоть и медленно, но расширялся, прибывали новые силы. Захваченный поначалу небольшой участок земли послужил для развития дальнейшего наступления наших войск по освобождению Риги.

Бой за освобождение города начался ранним осенним утром нашей артиллерийской подготовкой и переходом в наступление танков и пехоты. Гитлеровцы ответили ураганным артиллерийским огнем. Казалось, что все в мире заполнено страшным грохотом.

Советские танкисты действовали активно, напористо, несмотря на большие потери. Боевые машины, а это были американские, полученные по ленд-лизу, горели как свечи. Еще больше было подбитых и сгоревших немецких танков. Нелегко в этом бою пришлось и артиллеристам нашего полка. Они вели борьбу с танками противника

по прямой наводке. Тяжелым был этот бой. Многих боевых товарищей мы потеряли в нем. Здесь погиб и мой друг, земляк Андрей Шеболдеев.

Война шла, наши войска продвигались к Берлину. И вот наступил день, который запомнили все жители нашей страны — 9 мая 1945 года. В два часа ночи сообщили о нашей победе. После секундного оцепенения мы стали одеваться и выбегать на улицу. Ночь была лунной и тихой и вдруг со всех сторон загремело. Палили в небо и ракетами, и холостыми зарядами, и боевыми патронами из автоматов, карабинов, пистолетов. Все обнимали друг друга, целовались. На улице под звуки баяна начались танцы. Как же долго мы ждали этого момента — Победы!

На фронте, который был в 20-30-ти километрах, не стало слышно стрельбы, разрывов снарядов. Наступила необыкновенная тишина. Непривычно хорошо, даже не верится, что наступил мир, больше не нужно подниматься в атаку, штурмовать укрепления, выкуривать противника из укрытий, опасаться пуль, снарядов, мин...

Мы победили!..

Глава 3. Наши отцы воевали и деды

ТРАГЕДИЯ И БЕССМЕРТИЕ

Ларкина Лариса Павловна, *73 года,*
физик, автор книг «Война. Трагедия и бессмертие»,
«Шагнувшие в бессмертие»,
г. Днепропетровск,
Украина

Ежегодно приезжаю в Севастополь на историко-мемориальный комплекс героям обороны Севастополя «35 береговая батарея» — святое для меня место, обильно политое кровью воинов-приморцев и моряков-черноморцев. Приношу цветы к памятнику защитникам города и портрету моего отца лейтенанта Павла Петровича Ларкина.

С волнением захожу в Пантеон памяти. Звучит музыка, раздаются проникновенные слова диктора: «...Запомните нас такими, какими мы были в сорок втором. Мы хотели посмотреть вам в глаза, потомки. Мы здесь. Идите к нам. Посмотрите, как мы были молоды и красивы: как любили жизнь. Идите, люди! Ведь мы так ждали этой встречи».

И вот эта встреча. Она не оставляет равнодушными никого. Здесь плачут даже мужчины... Над панорамой разрушенного города и 35-й батареи, над дотами и дзотами на звездном небе появляются лица защитников Севастополя — молодых и пожилых, в пилотках и буденовках, фуражках и бескозырках. Они уходят. Уходят в небытие, в вечность. На их месте появляются другие. И вдруг я застываю, сердце сжимается, слезы, не останавливаясь, текут по щекам: сверху на меня внимательно смотрит отец, и я не могу отвести от него взгляд. Так состоялась моя встреча с отцом, которого я никогда не видела. Ему — 28 лет, мне — 70...

Мой отец узнал о моем рождении в дни, когда защитники Севастополя отбили тяжелейший декабрьский штурм города. Обрадованный, счастливый, она написал моей маме: «...Малютку я буду любить как никого в жизни. Сегодня, когда я получил письмо, меня весь взвод поздравил, и мы пили шампанское в честь моей дочурки, имя которой мне очень понравилось, а также всему взводу».

Через десятилетия один из фронтовых товарищей отца, М.М. Улерович, написал мне: «Когда мы отмечали в Севастополе Ваше рождение, Павел был самым счастливым человеком».

Как отец мечтал увидеть любимую жену и долгожданную дочь! Он писал: «Милая моя, если бы ты знала, мне очень хочется с тобой повидаться, поболтать и побаловаться с Лорочкой... Хоть бы скорее кончалась война, остаться в живых — другого счастья нет».

Отец безмерно радовался, когда получал письма из дома. Его фронтовой товарищ Ю.Д. Гордзей через много лет писал мне: «Ваш отец получил письмо и с радостью сообщил всем, что его дочь подрастает, жива и здорова. Бойцы, смеясь, потребовали выпивки. Гили крымскую шипучку за ваше здоровье. Все желали, чтобы девочка была красивая, — это самое главное для девочки. Чтобы была умная, стройная, веселая, как папа. Были и шуточные вопросы: «А Вы ее видели? А может вам ее подбросили?». И снова реплики — и добрые, и колкие, порою по-мужски грубоватые. И улыбки, и смех».

В минуты отдыха, когда люди сближались, становились добрее, мягче, отец рассказывал о семье, о дочери. «Кажется, он наслаждался тем, что у него дочь», — писал мне Ю.Д. Гордзей.

За две недели до третьего решающего штурма Севастополя отец написал маме письмо. Он волновался, получила ли она денежный аттестат, просил прислать фотографию и ее, и дочери: «Я буду ими любоваться, и мне будет легче». Он писал: «Дорогая, получив письмо, я его прочитываю десятки раз с большим удовольствием, ведь большей радости для меня нет и быть не может, когда я получаю письма от любимой.

Дорогая, я очень рад, что у нас растет славная маленькая проказница. По окончании войны мы будем счастливы и будем гордиться нашей малышкой, вот только жаль, что меня дома нет, я бы с мамой разделил пополам все, что ей достается от нашей виртуозницы».

Это было последнее письмо, которое мама получила из Севастополя. «По окончании войны...», — писал он. Но отец не вернулся с войны. Он пропал без вести в огненном вихре последних кровавых дней обороны Севастополя. Остались только 8 его писем и 2 почтовые открытки, в них нежность, любовь, тревога, боль, ненависть к врагу, вера в Победу.

Он верил в скорую победу. Еще в сентябре 1941 года писал маме: «Надеюсь в скором будущем встретиться, так как недалек тот час, когда настанет перелом, и мы все вернемся по своим уютным иголкам».

Долгожданная победа пришла. Мы очень ждали отца, но он не возвратился...

Прошли десятилетия... Я закончила физико-технический факультет Днепропетровского госуниверситета. Защитила диссертацию, получила ученую степень кандидата технических наук и должность старшего научного сотрудника. Работала в Институте геотехнической механики

АН Украины старшим научным сотрудником, ученым секретарем Научного совета при Академии наук Украины. И вдруг, впервые прочитав фронтовые письма отца, которые мама бережно хранила, я почувствовала, что в мою душу ворвалась война. Война, отнявшая любовь и счастье у моей мамы, отцовскую заботу, внимание и ласку у меня, принесшая разрушения, страдания и смерть людям, заполонила мои мысли и чувства.

Я решила узнать о судьбе отца. Начала обращаться в архивы Украины, России и Германии, разыскивать защитников Одессы и Севастополя, бывать на местах жестоких боев.

Я встречалась с защитниками Одессы и Севастополя, записывала их воспоминания, со многими переписывалась; более 100 их писем и открыток доныне берегу. Мне посчастливилось найти двух фронтовых товарищей отца они вместе служили в 30-й отдельной роте химзашиты 95-й стрелковой дивизии, много мне рассказывали и писали о своем командире. Я разыскала в Севастополе дом, где во время «относительного затишья» между двумя штурмами города мой отец жил со своими бойцами-химиками; приветливые женщины (тогда, в 1942 году, 12-ти и 16-летние девочки) хорошо помнили моего отца и ребят-химиков, с теплотой и благодарностью вспоминали о них.

За поисковые исследования, которыми я занималась около 10 лет, Советы ветеранов Приморской армии и 95-й стрелковой дивизии наградили меня памятными юбилейными медалями «Героическая оборона Одессы. 60», «Героическая оборона Одессы. 65», памятными знаками «50 лет обороны Севастополя», «50 лет обороны Одессы», нагрудным знаком «Ветеран 95 стрелковой дивизии». Я горжусь этими наградами. Они дороги мне.

Накопленный огромный документальный материал, а главное, взволновавшие и потрясшие меня трагические страницы обороны Севастополя — гибель Приморской армии, пленение 80 тысяч защитников города, о чем замалчивалось более полувека, — заставили меня взяться за перо, написать книгу «Война. Трагедия и бессмертие». [1].

Я писала о массовом героизме воинов Приморской армии. Как можно было выстоять 73 дня жестоких боев под Одессой, когда на фронте не хватало винтовок, пулеметов, мин и снарядов, когда танкисты шли в бой на одесских «танках», обшитых броней артиллерийских тягачах. Какое мужество имели пришедшие в Одессу донецкие шахтеры, отстоявшие 412 береговую батарею ценой своих жизней, бросившихся в бой без оружия, только с гранатами в руках. Как самоотверженно спасали раненых бойцов на поле боя юные девушки-медсестры, оказывали помощь, вытаскивали их в безопасное место, а затем возвращались за оружием бойца. Какой стойкостью обладали 360 тысяч

одесситов, оставшихся без питьевой воды; Одесса стала единственным городом, где во время войны воду выдавали по карточкам.

Положение на одесском фронте часто становилось катастрофически. О тяжести боев и огромных потерях можно догадаться, прочитав строчку из письма моего отца моей маме: «Томочка, если у нас появится дочка, то ты сама придумай имя, а если мальчик, то назови его моим именем, — если я погибну, он будет носить мое имя и никогда не забудет...»

В кровопролитнейших боях под Одессой Приморская армия выстояла. По приказу командования ее в полном составе в ночь на 16 октября 1941 года перебросили на кораблях в Крым. Была проведена смелая, дерзкая и искусная операция.

Началась 250-дневная оборона осажденного Севастополя. В ноябре и декабре 1941 года, во время первых штурмов города, шли яростные, ожесточенные кровопролитные бои. Не утихала канонада. Свистели бомбы и снаряды. Грохотали взрывы. Наползали танки. Наступали бесконечные цепи гитлеровцев. Слышались крики «ура» и «полундра». Шла смертельная схватка людей, и горячая кровь заливала землю.

В Севастополь приходила помощь с Большой земли. Прорывавшиеся боевые корабли доставляли стрелковые бригады и бригады морской пехоты, пушки, боеприпасы, обмундирование, продовольствие, медикаменты. Грохотали мощные залпы корабельных орудий, тяжелые снаряды неслись на скопления войск врага.

Выстояв в тяжелейших декабрьских боях, войска Севастопольского оборонительного района готовились к отражению 3-го штурма города. Рыли окопы, ходы сообщения и пулеметные ячейки, сооружали железобетонные доты, устанавливали мины и рельсовые ежи.

Бойцы-химики 30-й отдельной роты химзащиты, заместителем командира которой был мой отец, в химцехе на Братском кладбище тысячами заправляли самовоспламеняющейся жидкостью бутылки, доставляли их в полки 95-й дивизии. «Ваш отец, — писал мне Ю.Д. Гордзей, — хорошо относился к людям, этим завоевал уважение бойцов. Он был человеком веселого нрава и большой симпатии, никогда не унывал. Мы его не видели нахмуренным или недовольным. И это тогда, когда вокруг стрельба, падают бомбы, рвутся мины и снаряды. Солдаты его полюбили.

Отец, находившийся все время с солдатами и в химцеху и в окопах, вечерами возвращался в дом Красницких, куда бойцы-химики в 20-градусные январские морозы перешли из землянок. Замерзший, уставший, он шутками, припевками поднимал настроение окружающих. «Позднее мы поняли, — рассказывали мне сестры Н.Н. и Л.Н. Красницкие, — что все неприятности, тяжесть обороны,

гибель боевых, товарищей он, командир, скрывал под маской неунывающего человека.

Шли бои. Вражеские самолеты бомбили не только передовые позиции защитников города, но и вели поиски кораблей в море, на подходе к Севастополю, хищно набрасывались на них, топили.

В осажденном городе не хватало продовольствия. Сократился осадный паек. Мой отец видел, что большая семья Красницких, в которой было пятеро детей от 2 до 16 лет, живет впроголодь. Он распорядился привозить им каждый вечер ведро перловой каши. «Мяса в ней было мало, но какая она была вкусная», — с благодарностью вспоминали сестры Красницкие. Было ли это ведро каши лишним у бойцов или они отрывали часть пайка от себя — этого сестры не знали… .

В первые дни июня начался 3-й штурм Севастополя. Небо почернело от вражеских самолетов, сбрасывающих смертоносный груз. Тысячи бомб обрушивались на жителей города и его защитников. Пронзительный вой бомб, адский грохот разрывов не умолкал ни на минуту. От непрекращающегося грохота, заглушающего даже гул пикирующих самолетов, лопались барабанные перепонки. Раскаленный удушливый, насыщенный пороховыми газами воздух обжигал глотки. Лопались кровеносные сосуды, и кровь заливала глаза воинов, текла из ушей.

Зной, губительный огонь, танковые атаки, бессонные ночи, отсутствие воды, огромные людские потери не сломили защитников города. Они оборонялись. Оборонялась и 30-я рота химзащиты. «Смело и решительно действовал ваш отец, — писал мне Ю.Д. Гордзей. — Он всегда был во главе бойцов. Мы отчаянно сопротивлялись. В окоп попадает снаряд, несколько убитых, много раненых…»

Усилилась блокада Севастополя. Редкий корабль прорывался в осажденный город. В войсках не хватало оружия, заканчивались боеприпасы. Без снарядов умолкли зенитки, и вражеские самолеты хозяйничали в небе. Артиллеристы, не имея снарядов, подрывали орудия. Поредевшие подразделения, не выдерживая танковых атак и губительного артиллерийского огня, начали отходить.

Отходила и 30-я отдельная рота химзащиты. Проходя мимо дома Красницких, отец и несколько бойцов роты зашли к гостеприимным хозяевам попрощаться: «Останемся в живых, после войны обязательно приедем в Севастополь, разыщем вас, — пообещал отец. После войны к Красницким приедет только один боец…

Войска Севастопольского оборонительного района с тяжелыми боями отходили к Херсонесскому полуострову, к мощной 35-й береговой батарее, которая продолжала громить врага, но снаряды на батарее заканчивались.

В эти дни командование Севастопольского оборонительного района, получив из Москвы разрешение (не приказ!), на последних самолетах

и подводных лодках покинуло Севастополь, оставив десятки тысяч воинов и тысячи тяжелораненых на произвол судьбы.

Вражеские самолеты яростно бомбили район 35-й береговой батареи и Херсонесский полуостров, куда отошли войска оборонительного района. Заканчивалась бомбежка, начинался ураганный многочасовый артиллерийский обстрел. От взрывов дрожала измученная, исстрадавшаяся земля, огонь и дым поднимались к небу, закрывая солнце. Тысячи людей были тяжело ранены и убиты.

Умолкала канонада, и на защитников Херсонеса шли ганки. Навстречу им ползли отчаянные смельчаки, забрасывали стальные махины последними гранатами и бутылками с горючей смесью.

Бойцы, почти безоружные и полуживые от ранений, 40-градусной жары, жажды и голода, отбивали до десятка атак в день. Из последних сил они удерживали район, рейдового причала у 35-й батареи, уже взорванной, и причала в Казачьей бухте. Ночами ждали прихода кораблей: они помнили, как Приморскую армию эвакуировали из Одессы и надеялись на приход эскадры.

Но вместо эскадры в одну из ночей подошли небольшие быстроходные сторожевые катера. Лавина людей бросилась к причалу. Один их проемов его, не выдержав нагрузки, обрушился, и в воду вместе с бревнами и досками рухнули перенесенные на причал тяжелораненые и передние ряды ожидавших эвакуации. Раздались крики, стоны, призывы о помощи.

Сторожевые катера отошли от причала. Хорошие пловцы бросились в море к катерам. Моряки, взяв на борт по 80–100 человек, ушли, оставив в воде тысячи воинов-приморцев. Многие из них, уставшие, обессиленные, не смогли достичь берега.

И вновь шли бои. Защитники истерзанного Херсонеса — контуженные, раненые — проявляли необыкновенное мужество и храбрость, идя в бой с винтовками без патронов; они бились прикладами, штыками, ножами, обломками бревен и арматуры. «Лучше погибнуть в бою, чем попасть в плен», — считали они.

На Херсонесе — тысячи раненых. Им оказывали помощь в «лазаретах», расположившихся в пещерках над морем, но медикаменты и перевязочные материалы заканчивались, и раненых перевязывали полосами медицинских халатов, тельняшек, рубах. Кровотечения останавливали поясными ремнями и ремнями от автоматов.

Пытаясь вырваться из окружения, избежать плена, одни бойцы и командиры уходили из Севастополя на плотах, связанных из бревен, на автомобильных камерах и весельных лодках, но их гитлеровцы расстреливали с самолетов. Другие защитники Севастополя собирали штурмовые отряды, чтобы прорваться в горы к партизанам. «В ночь на 4 июля был собран штурмовой батальон с задачей прорваться в тыл

противника и уйти в горы, — прочитала я в письме артиллериста В.М. Руденко, присланном мне из Центрального музея Вооруженных Сил. В этом батальоне я услышал фамилию лейтенанта Ларкина. При штурме батальон был разбит в ту же ночь, а остатки батальона в 8 часов утра были пленены возле Херсонесского маяка».

Херсонеский полуостров оказался в руках гитлеровцев. Начался ад: расстрелы комиссаров, политруков, евреев и тяжелораненых, зверские избиения моряков. Бойцов и командиров, ослабленных от голода и жажды, в окровавленных повязках, в зной, без воды и еды гнали через Севастополь в сторону Симферополя. Многие не выдерживали изнурительной дороги. Раненых, присевших на обочину или упавших без сил, конвоиры безжалостно пристреливали. Это был «акт милосердия».

Плененных защитников Севастополя ждали лагеря временного содержания в Бахчисарае, Симферополе, Джанкое, пересыльные тюрьмы и лагеря в Днепропетровске, Умани, Славуте, Владимиро-Волынском, многочисленные шталаги и рабочие лагеря в Нюрнберге, Моосбурге, Хаммель бурге, женский концлагерь Равенсбрюк. Ждали голод, холод, болезни, непосильная работа, издевательства, побои, расстрелы. В адских условиях плена погибло 57,8 % военнослужащих…

Много лет я занималась поисками защитников Севастополя, выясняла их судьбы. К сожалению, я не смогла узнать, где погиб мой отец, — в последнем бою на Херсонесе или в плену. Но меня утешает то, что я выполнила долг и перед отцом, и перед героическими защитниками Севастополя, написав о них книги, назвав сотни фамилий, рассказав о массовом героизме, о херсонесской трагедии, о муках плененных воинов и борьбе их в неволе.

Почтить память отца я прихожу на 35-ю береговую батарею, на Херсонес. «Когда я бываю на Херсонесе, — писал в воспоминаниях, переданных мне родственниками защитника Севастополя И.Ф. Самарского, — то, простите меня, я плачу. Мужчина — и плачу. Херсонес был пределом того, что может выдержать человек, но Херсонес стал местом трагедии защитников Севастополя. Мы не дрогнули, мы не струсили, мы отдали все, что в силах человеческих. Будешь на Херсонесе, поклонись, вспомни тех, кто его защищал».

Литература

1. *Ларкина Л.П.* Война. Трагедия и бессмертие. — Днепропетровск: Днепр VAL, 2008.
2. *Ларкина Л.П.* Шагнувшие в бессмертие. — Днепропетровск: ЛИРА, 2012.

СОЛДАТ В ТЕЛЬНЯШКЕ

Ерошевич Андрей Степанович, *59 лет,*
зам. главного редактора журнала «Регентское дело»,
г. Севастополь

Степан Вонифатьевич Ерошевич

Великая Отечественная война для поколения наших отцов, дедов, а у многих уже и прадедов, — одна, но у каждого из них своя. Они победили. Все вместе. И каждый из них внёс свою лепту в общую копилку Победы. Их личные военные судьбы слились в монолит, о который сломал свой хребет нацизм.

«Делай, что должен, и будь, что будет...». И было 9 мая 1945 года. И есть сейчас мы — их потомки. Память — это душа народа, в которой он сохраняет свои честь и достоинство, чтобы сегодняшним созидать своё будущее. Они воевали и победили во имя будущего. В том числе и нашего, наших детей и наших внуков.

Память — это документы о них: рапорты, приказы, донесения, сводки, треугольники писем, наградные листы... Память — их воспоминания о войне... Кто-то из них оставил записи. Кто-то, и думается, что таких было большинство, делился виденным и пережитым устно с родными, близкими, друзьями.

Но они — уходят. Солдаты Победы. Их всё меньше и меньше... И ушедшие в вечность они уже ничего не напишут и ничего не расскажут.

Одним из десятков миллионов воевавших был и мой отец Ерошевич Степан Вонифатьевич. Прошёл всю войну от начала до конца. Вернулся с контузиями, ранениями, с тремя орденами Красного Знамени, Красной Звезды и Отечественной войны II-ой степени, четырьмя медалями: «За оборону Одессы», «За оборону Севастополя», «За оборону Кавказа», «За боевые заслуги».

Из всех наград на особом месте у отца была медаль «За оборону Севастополя». Именно здесь, в Севастополе, в составе 7-ой бригады морской пехоты он провоевал все 250 дней обороны города. «На войне везде тяжело, — вспоминал он, — но в Севастополе было тяжелее всего...».

Родился отец в 1917 году в казачьей станице на Дону, в какой именно — он не знал, ибо рано остался сиротой. Родители сгинули в хаосе Гражданской войны.

До 15 лет находился в детском доме в городе Ростове-на-Дону, из которого с деревянным чемоданом с нехитрым скарбом, парой ботинок и костюмом, отец и шагнул в 1932 году во взрослую жизнь.

В Ростове-на-Дону он поступил в театральное училище, после окончания которого, в 1936 году стал работать актёром драматического театра им. Ленинского комсомола. Но, к сожалению, актёрская карьера у отца не состоялась. В 1938 году он был призван в армию. Службу проходил на Черноморском флоте в отдельном 141-м местном стрелковом (караульном) батальоне в городе Очакове. В феврале 1938 года отцу было присвоено звание сержанта.

В 1940 году отец должен был демобилизоваться из армии. Но по приказу Наркома обороны младший начальствующий состав оставался служить еще на один год. Таким образом, демобилизация откладывалась до сентября 1941 года. В июне 1941 года отец был переведен служить на остров Первомайский под Очаковом. Там он и встретил войну.

В августе 1941 года отец был переброшен под Одессу. Участвовал в составе батальона морской пехоты в десантной операции, которая вошла в историю как Григорьевский десант. Операция стала первым крупным морским десантом в начальный период Великой Отечественной войны, в ходе которой румынские войска, осаждавшие Одессу, были отброшены на 5–8 километров на северо-восток, 13-я и 15-я румынские дивизии были разгромлены. В дальнейшем воевал на тендровском боевом участке, где вместе с другими бойцами обеспечивал оборону Одессы, защищая караваны судов, что шли по маршруту Севастополь — Одесса.

В октябре 1941 года после переброски Приморской армии в Крым отец был направлен в 7-ю бригаду морской пехоты, сформированную в Севастополе в августе 1941 года. В составе 7-й бригады он провоевал вплоть до последних дней обороны города.

А эти последние дни до сих пор вызывают массу вопросов…

Из воспоминаний отца о последних боях бригады на Сапун-горе и так называемой эвакуации войск:

«…Боеприпасы практически закончились. Особенно — снаряды у артиллеристов. Подвоза — никакого. Драться было нечем. От бригады осталась горстка людей — человек 100–150. Общая обстановка непонятная: кто слева, кто справа на флангах, где немцы, кроме тех, что перед нами?.. Немцы бомбили так, как не бомбили за всю оборону.

Душу выворачивали, хотя вроде бы и не впервой, сирены «лапотников» (Ю-87, немецкий пикирующий бомбардировщик — *прим. авт.*). Отчётливой линии обороны более не было. Со всех сторон шёл бой. Отходили в район мыса Фиолент и Херсонесского маяка, откуда, по слухам, должна была начаться эвакуация на Большую землю. В это верилось, ибо перед глазами ещё стояла удачная операция по вывозу морем войск из-под Одессы.

Оборона Одессы, 1941 год. Десант под Григорьевкой

Отходили под непрерывным обстрелом. Днём самолеты фрицев просто «ходили по головам». Толком об эвакуации никто ничего не знал. Только разговоры о том, что должны прибыть корабли с Кавказа и всех забрать. Непонятно, почему не было подвоза боеприпасов, ибо позиции можно было удерживать. Мы могли держаться.

На побережье, куда вышли, — тысячи людей. Сильная жара. Воды практически нет, еда — сухари и консервы в лучшем случае. Много раненых. Да разговоры об эвакуации, но где и когда — ничего не ясно. Старших командиров — никого.

1-го июля контратаковали немцев. Командовал какой-то армейский капитан. Были наши из 7-ой бригады, были бойцы из других частей — сборный такой состав из тех, кто ещё держался на ногах, и у кого было оружие и боеприпасы. После своих атак и отбитых контратак немцев от солнца прятались, кто как и где мог — оно просто выжигало всё вокруг.

Небольшие гроты и пещеры по обрывам береговой линии были заняты гражданскими и ранеными. Гражданских было, на удивление, большое количество, среди которых были женщины с малолетними детьми. Ночами выходили к урезу воды и ждали корабли.

В одну из таких ночей, со 2-го на 3-е июля, к берегу подошли несколько катеров. Никаких приказов о том, как действовать на погрузке, не было.

Люди — очень много, сотни, тысячи — не считал, но очень много — бросились в воду и поплыли, из тех, кто умел плавать… Наудачу, что повезёт и подберут. Хотя море было тихое — штиль, многие тонули… Мне повезло, да и на воде я держусь хорошо…

Корабль, точнее торпедный катер, подработал «самым малым» как раз в то скопление плывущих, где был и я. Чуть ли не форштевнем мне в плечо попал. Повёл рукой по борту и ухватился за один из концов («конец» — верёвка по-флотски), которые были привязаны к ле-

ерам (леер — туго натянутые тросы по краю палубы) и на которых были навязаны мусинги (мусинг — узлы или утолщения по всей длине «конца», навязанные на равном друг от друга расстоянии). Схватившись крепче уже двумя руками за мусинг, крикнул: «Тяни!..». Сверху дёрнули и потащили, а чувствую, что кто-то мне в ляжку вцепился, да так, что я подумал: «Ногу оторвёт».

Так нас двоих на палубу и втащили. А тот боец, что на ноге висел, потерял сознание. Но держался за меня так крепко, даже без сознания, что ему пальцы с трудом разгибали.

Катер небольшой, но подняли из воды многих: на палубе присесть толком негде было. На мне были трусы, тельняшка, полфляжки воды, наполовину морской, да в противогазной сумке, крепко привязанной к поясу, пистолет «ТТ» с тремя патронами и документы, туго замотанные в резину от противогаза...».

Сохранённые отцом документы очень помогли ему уже у своих на кавказском берегу. Всех быстро «отфильтровали»: с документами — в одну сторону без лишних вопросов, без — в другую на дополнительные расспросы.

Почему не была подготовлена и организована массовая эвакуация войск из Севастополя?.. Почему офицеры от майора и выше были отозваны с ещё прочно удерживаемых позиций от сражающихся частей и собраны толпой в потернах 35-ой береговой батареи на эвакуацию?! Почему не было приказа, на какие позиции отходить, где встать, где закрепиться, как будет организовано снабжение и что вообще делать?..

Эти вопросы, да и не только эти задавали себе все выжившие: и те, кому волею случая удалось уйти, и те, кто остался и попал в плен. Несомненно, задавал себе их и отец. Но только себе и про себя...

Оборона без управления войсками в один момент рухнула и превратилась в разрозненные очаги отчаянного сопротивления до последних патрона, снаряда, солдата и матроса!

В 60-е, 70-е годы, когда 9-го мая за столом у нас дома собирались его однополчане, приезжавшие в Севастополь на День Победы, но эту тему они не обсуждали. Во всяком случае, при нас, пацанах...

Такие были времена...

За время обороны отец дважды ходил в рукопашный бой. На мои вопросы отвечал коротко и без подробностей: «Мясорубка».

На мальчишеские вопросы: «Ну как немцев били?» в желании услышать про то, как «семерых одним ударом» на штык поднимали, ветераны усмехались: «Так и фриц давал нам прикурить. Вояки крепкие были...».

После Севастополя отец был отправлен на курсы усовершенствования младшего командного состава в Ленинград, по окончании которых он был откомандирован на Черноморский флот. Служил

в бригаде траления, потом на малых охотниках, войну закончил в Болгарии.

После войны, с 1945 года по 1949 год, продолжал службу на эсминце «Бойкий» и на крейсере «Ворошилов». Службу закончил на пограничном корабле «Ангара»[1], который использовался как корабль управления Черноморского флота и как представительский корабль. Для этого на корабле были специально оборудованы спецкаюты. В 1958 году отец был демобилизован. Скончался отец в 2000 году. Похоронен в Севастополе.

Позволю себе закончить стихами, написанными мною в уже далеком 1976 году, которые я посвящаю всем павшим и выжившим участникам обороны Севастополя 1941–1942 годов.

Воздух плавился здесь на отвесных обрывах,
бухты смерть заливала красной лавой огня,
на дыбы поднималась земля от разрывов
и металась над степью, сгоревшей дотла...

Грохот боя стихал знойной летнею ночью,
с моря бриз приносил запах крови и скал,
и лежал Фиолент, с грудью порванной в клочья,
в сталь гранаты вложив свой последний запал...

Фляжка горькой воды... пол-обоймы патронов...
неба звёздный шатёр... лунный след в горизонт...
только шелест волны... только раненых стоны...
Погибающий? Да... Но дерущийся фронт!

Фиолент, Фиолент... Это доблесть и воля.
Это мужество душ. Это злоба врагов.
Это вечная скорбь. Это страшное горе.
Это Слава России и наших отцов.

Снова степь, снова зной, снова те же обрывы,
на плечах не тельняшка — цивильный пиджак...
Мы вернулись сюда — ВСЕ!.. кто пали и живы,
помолчать на ветру, сжав до боли кулак.

[1] С 1940 по 1945 гг. корабль находился в составе кригсмарине как корабль штаба и управления подводных сил гросс-адмирала Карла Деница. В этот период времени на корабле побывали практически все руководители Третьего рейха – Гитлер, Геринг, Гиммлер, Борман и др. После разгрома фашистской Германии по решению Союзнической комиссии по разделу германского флота корабль «Авизо Хэла» был передан Советскому Союзу и переведен из порта Киль в порт Свинемюнде. 18.12.1945 г. корабль был принят командой ВМФ СССР. 20.01.1946 г. на корабле был поднят советский Военно-Морской флаг, и он был зачислен в состав Балтийского флота. 15.04.1946 г. кораблю было присвоено новое название «Ангара».

СЛУЖИЛ ОТЕЧЕСТВУ ДО ПОСЛЕДНЕГО ВЗДОХА

Кошкин Андрей Петрович, *57 лет,*
полковник запаса, «афганец», кавалер ордена «Красная Звезда»,
заведующий кафедрой политологии и социологии
Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова,
доктор политических наук, профессор,

Кошкина Наталия Петровна, *66 лет,*
дочь,

Кошкин Владимир Андреевич, *29 лет,*
внук,

Проскудина Владлена Дмитриевна, *42 года,*
внучка
г. Москва

«За пролитую кровь в боях с немецкими захватчиками...»

Из наградного листа

Петр Иванович Кошкин

Кошкин Петр Иванович родился двенадцатым ребенком в семье крестьянина-середняка. Это событие произошло 20 октября 1923 года в Калининской области Кимрского района Старосельского сельсовета деревне Завидово. Родители Иван Иванович и Анна Петровна до Октябрьской революции и после занимались сельским хозяйством. С 1930 года — колхозники. Трагедия для семьи случилась перед началом войны: умер глава семейства Иван Иванович. На кладбище тело отца отнесли одни сыновья.

Петр после 7 классов начально-средней школы пошел работать счетоводом на Ильинский маслозавод. Работал честно и много, за что руководство завода собиралось выдвигать его на самостоятельную должность.

Однако грянула война. Через несколько месяцев война полыхала уже рядом с его краем; он торопился на фронт, куда ушли его старшие братья Яков и Михаил, Григорий и Василий. Двое первых так и не возвратились в родительский дом. Двое вторых вернулись с тяжёлыми ранениями, Григорий явился на костылях с пустой штаниной. Это было позже, а тогда, в 1941-ом, он осаждал военкомат, просился на войну.

Военком отправил Петра в военное училище. Учёл, что у парня была за плечами оконченная семилетка, что уже проработал довольно успешно счетоводом, да и окружение отзывалось о нем, как о надёжном товарище. Окончил ускоренные курсы Рязанского пехотного училища и его как добросовестного курсанта еще на два месяца оставили проходить подготовку по программе инструкторов истребителей танков там же в городе Рязань. После освоения курса истребителей танков еще месяц пробыл в резерве 34 запасной стрелковой бригады Московского военного округа.

Свой первый бой новоиспеченный лейтенант Кошкин П.И. принял в должности заместителя командира роты противотанковых ружей (ПТР) отдельного пулеметного батальона 357 стрелковой дивизии. Ожесточенные бои шли за освобождение города Великие Луки. Великолукская операция, наступательная операция советских войск, проводилась с целью сковывания германских войск на центральном участке фронта и освобождения ряда городов; 357-я дивизия, в соответствии с замыслом командования, окружила Великие Луки и в итоге освободила его.

Именно в боях за освобождение этого города лейтенант Кошкин П.И. получил первую свою награду — медаль «За боевые заслуги». В первые минуты боя погиб командир роты, и лейтенант Кошкин П.И. взял командование на себя. Непривычно смотрелся юный командир на фоне бойцов иногда старших чуть ли не втрое. Может, потому и дрались истребители танков с особым упорством, стараясь не подвести своего безусого лейтенанта. Командир никогда не прятался за спины бойцов, был в меру строг, делал вид, что не замечает мимолётных чьих-то слабостей. И бойцы, исправив свои оплошности, более не подводили лейтенанта.

Военное ремесло медленно, но уверенно поддавалось прилежному офицеру, и за успехи в боях по прикрытию пехоты на танкоопасных направлениях Петр Иванович назначается командиром роты ПТР в своем батальоне. В дальнейшем перспективного молодого офицера заметили и отправили учиться на Курсы усовершенствования командного состава 3-й Ударной армии.

После курсов уже старший лейтенант Кошкин П.И., направляется на должность командира роты ПТР 100-й отдельной стрелковой бригады 2-го Прибалтийского фронта. Основной задачей фронта была подготовка наступления для разгрома немецкой группы армий «Север». Войска левого крыла фронта вели наступление на Витебско-Полоцком направлении. В январе — феврале фронт участвовал в Ленинградско-Новгородской операции 1944 года. Бои шли тяжелые, старший лейтенант Кошкин П.И. постоянно находился на передовой. Однажды во время смены позиций молодой офицер нашел монетку

решкой вверх. Опытные бойцы сразу промолвили: «Пить тебе компот, старлей». Компот давали только на госпитальной койке, так и получилось: 24.01.1944 года командир роты был ранен при освобождении г. Ново-Сокольники.

Более четырех месяцев находился на излечении по ранению в Эвакогоспитале № 78051 гор. Вышний Волочек. Доктора долго не решались делать операцию по извлечению пули. Пытались залечить, но самочувствие от этого только ухудшалось. На консилиуме врачей уже было принято решение ампутировать ногу, но, к счастью Петра Ивановича, в госпиталь прибыла опытная хирург, которая благополучно извлекла пулю, и старший лейтенант стал быстро поправляться. После войны Петр Иванович пытался разыскать женщину-врача, спасшую его ногу, но никаких следов не осталось. Предположительно, хирург была временно прикомандирована к госпиталю.

По завершении лечения опять в строй. В боевой жизни Петра Ивановича было много трагического, гибли товарищи. Так, в боях в Великолукской операции только за несколько месяцев погибло три его ординарца, и у каждого был продпаек на командира. Опытные солдаты посоветовали краюху хлеба всегда носить в бушлате, чтобы не голодать. Да и новенькую офицерскую форму посоветовали сменить на солдатский бушлат, чтобы немецкую снайперскую пулю не поймать, предназначенную офицеру. Так, многие однокашники выпускники военного училища закончили свой жизненный путь в красивенькой форме командира.

Были и комические моменты: в молодости не смеяться просто нельзя, даже если ты на передовой. Пришел как-то Петр Иванович на продовольственный склад для получения провизии и представился как положено по форме, что старший лейтенант Кошкин Петр Иванович прибыл для получения продовольственного пайка, а фамилия у начальника склада была Кишкин Иван Петрович. Конечно, продовольственник круто обиделся –подумал, что молодой офицер разыгрывает его фамилию. Словесная перепалка дошла до предъявления документов, ну а когда все прояснилось и оказалось, что подвоха никакого нет, тогда унес Петр Иванович со склада всяких солдатских вкусностей видимо-невидимо по меркам военного времени — целый вещмешок.

Были жизненные ситуации в бою, непонятные для гражданских лиц сегодня. Однажды возвращаясь из рейда в тыл противника, группа старшего лейтенанта Кошкина П.И. не успела до рассвета вернуться в расположение части. Офицера сразу обвинили в предательстве и переходе на сторону противника. Однако, как только рассеялся утренний туман, наблюдатели увидели нашу группу на фоне сарая

на нейтральной территории. Они не могли пересечь простреливаемый участок местности и весь день провели под перекрёстным минометным и ружейным обстрелом немцев и наших. А когда ночью добрались до своих, еще долго объяснялись с представителями соответствующих бдительных органов, почему выбились из графика боевого задания.

Отец часто рассказывал, что на передовой было такое напряжение всех человеческих сил, что солдат и офицеров никакие заболевания не брали. Зимой неделями в ватных штанах и в валенках, по колено в ледяной воде в траншеях — и никакой простуды. Только стоит попасть во второй эшелон или в медсанчасть, как начинают вылезать всякие болезни. Конечно, это относительное, субъективное суждение. Хотя однажды старший лейтенант Кошкин П.И. со своим подразделением в засаде в болоте в весенней распутице пролежал более двух недель, после чего до конца дней своих жаловался на боли в коленях.

Путь к победе оказался длинным, прошёл военными дорогами России, Белоруссии, Прибалтики, Польши. Советские командиры и бойцы уже научились воевать не числом, а уменьем. Известие о Победе в мае 1945 года застало Петра Ивановича на марше. Пехотинцы совершали многокилометровый переход по дорогам Румынии. Ликование охватило всех, и командиры объявили внеплановый привал, все обнимались и танцевали. Так и встретил победу, к упомянутой медали прибавились медаль «За победу над Германией» и два ордена Красной Звезды — все его трофеи.

Затем служба в Одесском военном округе. В последующем был направлен в Дальневосточный военный округ Начальником полковой школы. Проходил службу в отдаленной местности на Камчатке. В 1957 году был переведен в Киевский военный округ.

У Петра Ивановича и его любимой жены Лидии Георгиевны в Днепропетровске родился сын Андрей, а смогли его зарегистрировать в г. Белая Церковь. Жизнь семьи военнослужащего, как у кочевников, все время в движении. Шел сложный период реформирования Вооруженных сил СССР. Эта реформа многим запомнилась, прежде всего, масштабными сокращениями личного состава в армии, «резали как по живому». Очень много офицеров попали под сокращение. Ожидал своей участи и Петр Иванович с младенцем на руках, неработающей женой и дочерью школьницей, однако молодость и богатый боевой опыт оказались востребованы страной.

Более года преподавал на военной кафедре общевойсковых дисциплин в сельскохозяйственном институте города Белая Церковь. Только почувствовал удовлетворение от преподавательского труда как был назначен военным комиссаром Бахмачского района Чернигов-

ской области. Двенадцать лет Петр Иванович Кошкин добросовестно исполнял обязанности военкома, успешно организуя военно-мобилизационную и учётно-призывную работу в своем районе. Неоднократно отмечался военным руководством как опытный и добросовестный руководитель, активно занимающийся партийно-общественной деятельностью.

Призывников уходило тогда в армию много, возмужало послевоенное поколение. Забот хватало, немало парней связало свою судьбу с армией благодаря военкому. Это те, кто стали офицерами после общения с Петром Ивановичем. За свою многолетнюю военную службу он отмечен государством четырьмя орденами и семнадцатью медалями.

После увольнения в запас Петр Иванович Кошкин продолжал, как и прежде, военно-патриотическую работу среди молодёжи. С молодыми ребятами допризывного возраста он мог и пошутить, и дать дельный совет, и поддержать нужным словом. Он был неизменным участником многих автопробегов по местам боевой славы, которые организовывала Образцовая автошкола ДОСААФ для курсантов, не отказывался от встреч с учащейся молодёжью в школах. Он был обязательным человеком, однажды в многокилометровый марш к Путивлю Петр Иванович отправился с горстью таблеток. У него зашалило сердце, но он не отложил поездку, потому что пообещал. К нему тянулась молодёжь, особенно мальчишки и парни; Петр Иванович мог рассказывать о войне просто, но убедительно. Мог потому, что ушёл в армию ещё до своего восемнадцатилетия, на пережитое на фронте наложила свой отпечаток его юность и выстраданное им на фронте в молодые годы.

В последний миг своей жизни Петр Иванович в парадной форме полковника при орденах и медалях выступал на большой сцене перед курсантами автошколы на торжественных проводах призывников в армию. Он запнулся на слове... Через пять дней ему исполнилось бы 80. На надгробной гранитной плите по проекту его дочери Наталии была высечена надпись: «Служил отечеству до последнего вздоха». В этой фразе аккумулировалась вся жизнь, все чаяния души и сердца Защитника Отечества Кошкина Петра Ивановича.

Служить Отечеству он призывал не только чужих сыновей, Андрей и Владимир Кошкины — его сын и внук — продолжили дело отца и деда. А это значит, что профессия Родину защищать в почете и уважении в народе.

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ ЗЛОБИН (1919–2008)

Злобин Николай Васильевич, *57 лет,*
политолог, историк, публицист,
президент Center on Global Interests,
г. Вашингтон,
США

В.И. Злобин 7 мая 2007 г., в день возложения венков к Вечному огню

Я глубоко убежден, что мне очень повезло с родителями. И в человеческом, и в профессиональном плане. Мой отец Василий Иванович Злобин ушел из жизни в январе 2008 года, не дожив трех недель до своего 89-летия. Мама ушла на пять лет раньше него в возрасте 75 лет. Они оба были большими патриотами страны и переживали все, что происходило с ней. Они были образованными и широко мыслящими людьми, вокруг которых создавалась творческая интеллектуальная атмосфера, привлекавшая в свое время многих выдающихся людей. В этой атмосфере вырос я. В данном очерке речь пойдет о моем папе.

Известно, что Злобины являются одним из древних русских родов, известных с 16 века, одна из ветвей которого обосновалась в свое время в Рязанской губернии Российской империи. На протяжении веков этот род — в основном зажиточные крестьяне — жили и работали в нескольких больших селах, расположенных на рязанской земле. В 16–18 веках они, в частности, жили в деревне Мары, стоящей на реке Дубянка. В местной истории осталось немало сведений о моем прапрадеде — крепком крестьянине Прокофии Ивлиевиче Злобине и его сыне, то есть, моем прадеде Романе Прокофьевиче.

Оба они играли немаловажную роль в местной общине, пользовались уважением, избирались на крестьянских сходах в органы местного управления. В частности, Прокофий Ивлиевич Злобин избирался ходоком по крестьянским делам, слыл в округе знатоком законов и правил, был, своего рода, третейским судьей, а его сын много лет был сельским старостой. В этой же деревне в 1878 году родился мой дед Иван Романович Злобин. Однако женившись на крестьянской девушке Анне из деревни Таптыково этой же Рязанской губернии, он и перехал в эту деревню жить, построив свой дом недалеко от дома Ивана, отца Анны. Иван Ро-

манович быстро обзавелся большим и дружным семейством: трое сыновей и три дочери. В то время деревня Таптыково входила в Ухоловский уезд, а затем район этой области. После изменения административных границ она вошла в территорию Сараевского района Рязанской области.

Иван Романович Злобин был выдающийся в своем роде человек: участвовал в русско-японской и Первой мировой войнах, стал унтер-офицером и Полным Кавалером Георгиевского креста, а вернувшись домой в деревню Таптыково, вскоре превратился в знаменитого на всю округу ветеринара. Это занятие, как известно, пользовалось большим уважением в российской деревне. Рассказывают, что его вызывали к больным животным за сотни километров. Иван Злобин неоднократно участвовал во Всесоюзных и Всероссийских сельскохозяйственных выставках, где получал награды и призы, в частности, за выведение породистых лошадей. Умер он в 1945 году в Москве. Его жена Анна Ивановна, пережив мужа на более чем четверть века, тоже скончалась в Москве в глубокой старости.

Там же в деревне Таптыково 7 февраля 1919 года родился мой отец Василий Иванович Злобин. Он был младшим из трех братьев в большой и дружной семье. Василий с самого раннего детства отличался умом и смекалкой, учился с желанием и очень много читал. Перечитав все, что было в библиотеке деревенской школы, Вася постоянно заставлял отца из своих деловых поездок привозить книги. Ему также легко давалась математика. К 12-ти годам в своей деревне он был одним из самых образованных и начитанных жителей.

Кстати, для него самого это кончилось не совсем хорошо. Когда Васе исполнилось 13 лет, глава местного совета Таптыково, который сам оставался человеком малограмотным, но политически надежным, назначил его секретарем сельского Совета со всеми вытекающими обязанностями. Василию выдали местную печать — очевидное свидетельство реальной власти. Как позже вспоминал со смехом он сам, поскольку в его коротких штанишках не подразумевалось наличие карманов, то он просто привязывал печать сельсовета веревочкой к резинке трусов и так, с болтающейся печатью, проводил весь день: бегал по деревне, играл со сверстниками, лазил в чужие сады за яблоками и ягодами, купался в местной речке Паре.

Однако в его обязанности было ежедневно приходить в Сельсовет и оформлять разнообразные документы, которые требовались крестьянам: от свидетельств о рождении или смерти до справок об отработанных трудоднях и заработках. Короче говоря, в 13 лет Василий был уважаемым в своей деревне человеком, с которым здоровались, снимая кепки, взрослые мужики. Кстати, у нас дома до сих пор хранится Свидетельство о Рождении самого Василия Злобина с его собственной подписью в качестве лица, выдавшего его, а также с оттиском той са-

мой печати. Да и свой день рождения — 7 февраля — он выбрал сам наугад, его мать только сказала, что родился он в феврале, а точного числа она сама не помнила.

Отец Васи Иван Романович сначала очень гордился таким важным в деревне сыном. Можно было и по-родственному получить любую необходимую справку дома, а не ходить в Совет, открытый только в определенные часы, можно было попросить сына оформить вне очереди справку кому-то из своих приятелей и т.д. По семейным воспоминаниям, Василий крайне ответственно относился к своим секретарским обязанностям, никогда не шел на не совсем законные дружеские или родственные услуги, за что периодически, хотя, в основном, демонстративно получал по шапке от родителя.

В обязанности малолетнего секретаря Сельсовета входило, в частности, вычисление размера подоходного налога на каждый крестьянский двор. В тех условиях это был важнейший момент, определявший уровень благосостояния каждой крестьянской семьи на следующие 12 месяцев. Этот размер и определялся в Таптыково 13-летним Васей Злобиным, а печать, которую он прикладывал к каждому такому документу, делала его обязательным к исполнению. Времена были суровые — с документом с печатью спорить никто особенно не решался. Никто и ничто с этого момента не могло изменить размер налога. Без шуток, это была очень большая ответственность, на которую согласился бы, наверное, не всякий взрослый. Но Вася лихо и, как считали односельчане, справедливо определял размер ежегодного налога.

Недовольных его решениями особенно не было — ни в деревне, ни в местных органах власти, куда поступали налоговые отчисления. Конечно, изредка тот или иной крестьянин пытался возражать против суммы, определенной подростком к выплате, однако Вася показывал все свои вычисления (а что можно было скрыть в деревне от пронырливых деревенских мальчишек?) — и спорщик смирялся. Как позже признавался сам малолетний сельсоветовский секретарь, Ивану Романовичу некоторым невольно обиженным его решениями соседям приходилось иногда выставлять пару бутылок с алкоголем (казенным или самодельным), чтобы примирить с неизбежностью налога, определенного младшим Злобиным.

Однако так успешно начавшаяся было карьера государственного чиновника Василия Злобина неожиданно и навсегда прервалась, когда тому едва исполнилось 14 лет. В очередной ежегодной налоговой разнарядке он, действительно, сделал ошибку, причем, только одну, но в личном и финансовом плане довольно серьезную, катастрофическую, невольно практически удвоив налог на одно домовое хозяйство в Таптыкове. Оказалось, что это было хозяйство Ивана Романовича Злобина, к которому принадлежал и сам семиклассник местной шко-

лы, он же незадачливый секретарь Сельсовета. Отцу, конечно, пришлось выплатить почти двойной налог. Однако он не только от души выпорол младшего сына (и, надо сказать, действительно, было за что), но и отобрал у него печать, отнес ее обратно в сельсовет и заявил там, что запрещает Василию впредь исполнять секретарские обязанности. Так закончилось сближение Василия Злобина с чиновничьей работой. Его будущее отныне и навсегда оказалось связано с военной, академической и преподавательской деятельностью.

Освободившись от административных обязанностей, Василий успешно закончил школу и осенью 1938 года поступил туда, куда мечтал, — на исторический факультет Московского государственного университета. Вся семья к этому времени переехала поближе к Москве и поселилась в поселке Ново-Николаевский, который позже стал частью подмосковных Химок. Отец Василия получил очень ответственную по тем временам должность директора конюшен Сельскохозяйственной академии имени Тимирязева.

Из Химок Василий Злобин с пересадкой на трамваях каждый день добирался до центра столицы, где на Моховой улице располагался университет. Это занимало два — три часа в одну сторону. Однако считалось, что семья проживает слишком близко к Москве, и студенту Злобину общежитие не полагалось. Василий с блеском отучился первые три года, стал одним из самых заметных студентов факультета. Как он вспоминал позже, не особенно давался ему только немецкий язык. Через много десятков лет некоторые из его преподавателей рассказывали, что, хотя они уже давно забыли названия курсов, которые они читали в то время, и семинаров, которые они вели, но до сих пор помнят умного, въедливого и крайне любознательного студента Злобина. Кстати, немецкий, а потом и английский языки он выучил и много пользовался ими в работе.

Когда началась Великая Отечественная война, из студентов МГУ, находившихся в это время на каникулах, был быстро сформирован комсомольский строительный отряд, который был буквально в считанные дни отправлен на строительство оборонительных рубежей на дальних подступах к Москве, в Смоленскую область. Эта работа продолжалась до начала осени, потом студенты вернулись в Москву, чтобы продолжить учебу. Но, как известно, 15 октября 1941 годы было принято решение об эвакуации из Москвы всех учреждений и граждан. Московский университет был отправлен в Ашхабад. Все студенты, преподаватели и сотрудники МГУ получили полную бронь от призыва в армию и указание готовиться к немедленному отъезду.

Получил бронь и Василий Злобин. Однако вместо подготовки к отъезду он в тот же день приехал на сборный пункт будущей 3-й Московской коммунистической стрелковой дивизии, где написал два заявле-

ния: одно — об отказе от брони и другое — с просьбой зачислить его добровольцем в действующую армию. С этого момента и до Победы жизнь Василия Злобина была полностью посвящена защите Родины с оружием в руках.

Если коротко описать его жизнь военных лет, то она уложится в несколько небольших параграфов, типичных для многих людей его поколения. Так, известно, что 3-я Коммунистическая стрелковая дивизия была быстро сформирована и отправлена сначала на Западный, а потом на Северо-Западный фронт. Там она стала называться 130 стрелковой дивизией. Очень скоро Василий принял участие в кровопротных боях на подступах к Москве между Ленинградским и Волоколамским шоссе, рядом с дивизиями генералов Доватора и Панфилова. Был награжден первой медалью. В феврале 1942 года сильно потрепанная дивизия была переброшена на Северо-Западный фронт в район города Демьянска Новгородской области. Сразу после тяжелого 100-километрового перехода она вступила в сражение с наступающими немецкими войсками и даже успешно освободила несколько населенных пунктов. 8 марта 1942 года Василий Злобин был тяжело ранен и отправлен в госпиталь на реку Сура в Пензе, где и пробыл до лета. Из Пензы он прислал матери свою фогорафию, на обороте которой написал: «Это неверно, что нас убьют, — мы будем жить!».

После выздоровления в июне 1942 года он был направлен в 28-й дивизион 43-й Латышской дивизии, которая к тому времени героически проявила себя в боях под Наро-Фоминском и Боровском и даже получила звание «гвардейской». В составе этой дивизии Василий принял участие в ожесточенных боях на Прибалтийском фронте за освобождение Пскова, Невели, Великих Лук, а позже — за освобождение всей Латвии и ее столицы Риги. Именно тогда в августе 1943 года он вступил в ВКП (б), стал гвардии старшим сержантом. Через год в августе 1944 года Василий снова был ранен и отправлен в госпиталь в древний город Прейли, после которого опять вернулся в Латышскую гвардейскую дивизию.

Там его ждали первое офицерское звание, повышение в должности сначала до командира орудия противотанкового дивизиона, а затем — до командира огневого взвода 26-ти миллиметровой противотанковой артилерии 46 отдельного противотанкового дивизиона 43 гвардейской Латышской стрелковой дивизии, а также его самый первый орден — орден Красной Звезды. Этот орден до конца жизни был его любимым орденом. К этому времени на гимнастерке Василия уже было несколько боевых медалей.

Когда были открыты, к сожалению, уже после смерти Василия Ивановича, документы тех лет, выяснилось, что в представлении его к ордену Красной Звезды было написано следующее: «Звание: гв. мл.

Первый орден В.И. Злобина

лейтенант. В РККА с 10.1941 года Место призыва: Красно-Пресненский РВК, Московская обл., г. Москва, Красно-Пресненский р-н» и далеее: «Смелый, находчивый офицер. Неоднократно в боях подвергал себя опасности для пользы Родины, проявлял при этом разумную инициативу. Так в боях 21.9.44 в районе под сильным арт. налетом противника, прикрываясь задымлением, выдвинул свои орудия на 300 м. от противника и точным огнем уничтожил один пулемет и 2 противотанковые пушки. После чего пехота ускоренно пошла вперед. В боях 10–14 октября также по своей инициативе выдвинул орудия на 150–200 метров от противника в районе Пулкартне и открыл огонь, уничтожив при этом до 10 гитлеровцев и 1 пулемет»[1].

В середине июня 1944 года Василия Злобина направили командиром огневого взвода в 388 отдельный истребительный противотанковый дивизион 308-ой Латышской стрелковой дивизии. Под Новый год 31 декабря 1944 года в ходе очень напряженных боев против немецко-фашистских войск, сосредоточенных в Тукумском мешке, Василий был еще раз очень тяжело ранен и отправлен в госпиталь на длительное лечение. Именно в госпитале в городе Иваново он встретил День Победы и вернулся в строй только в июне 1945 года. Попал он тогда командиром взвода в 2257 гаубично-артеллерийский полк Московского военного округа. Но с Победой над Германией война для Василия Злобина отнюдь не окончилась: в конце июня в составе военного эшелона он был направлен на Дальневосточный фронт для борьбы против японских войск.

Однако, к счастью, принимать участие в боевых действиях ему особенно не пришлось: Япония капитулировала, и Василий в январе 1946 года был демобилизован и вернулся в Москву. Ему оставалось окончить еще два курса исторического факультета МГУ, который он закончил весной 1948 года. Василий Злобин был оставлен в аспирантуре факультета, которую он закончил в 1951 году, защитив кандидатскую диссертацию. Научным руководителем у него был профессор Жан Маурер. Жизнь стала, вроде бы, быстро налаживаться. После смерти своего отца Ивана Романовича, гибели на фронте осенью 1941 года старшего брата офицера, Красной Армии Федора Ивановича и неожиданной смерти от инфаркта среднего брата Павла Ивано-

[1] http://www.podvignaroda.ru/podvig-html/?#id=31107008&tab=navDetailManAward

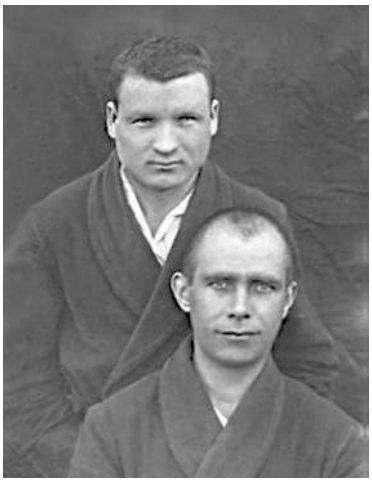
вича в 1961 году, Василий Злобин остался единственным мужчиной в своей семье и взял мать и троих младших сестер под свою опеку, помогая им материально и являясь главным советчиком и другом во всех их жизненных перипетиях. До самой его смерти многочисленные родственники — прямые и двоюродные племянники и племянницы, свояки и свояченицы, внуки и правнуки — за глаза называли его патриархом и обращались к нему с самыми различными просьбами и за советом. Его решение в семейном кругу было окончательным, а мнение никем никогда не оспаривалось.

Однако вернемся к войне, ибо военная биография Василия Злобина, как, наверное, биография любого участника войны, не сводится к формальным представлениям и записям в военном билете, а представляет собой набор замечательных реальных историй, которые невозможно придумать. Сегодня, к сожалению, такие истории быстро забываются. Как все настоящие ветераны, Василий Злобин очень не любил говорить о войне. Но его редкие рассказы были для нас, его слушателей, настоящим откровением, ибо зачастую сильно противоречили тому, что мы знали из официальных источников. Это была другая, настоящая война. Приведу лишь несколько таких его историй.

Осенью 1941 года 3-я Московская дивизия прикрывала подступы к столице на линии Ростокино — Лихоборы — Химки — Щукино. Совсем молоденьких и неопытных студентов послали с винтовками времен Первой мировой войны в самое пекло. Защищая Москву, страна не считалась с потерями. Отцовская дивизия погибла практически полностью. Он вспоминал, как много его друзей убило в первом же бою (никто из них не умел даже толком окапываться), как он полз по снегу вдоль цепочки тел и толкал каждого в бок, пока, наконец, не обнаружил, что он не единственный оставшийся в этот день в живых. Было еще несколько человек.

Еды не хватало. Его мать приезжала каждый день из Москвы на фронт в Химки на трамвае (которые ходили!) и автобусе и привозила поесть. Но трамваи вскоре пропали, с едой стало совсем плохо. Иногда ее не было по нескольку дней: добровольческие дивизии кормили в последнюю очередь, все понимали, что они все равно обречены на смерть. Отец вспоминал, что однажды с парой приятелей — тоже бывших студентов — забрел в поисках еды в ближайшую деревню, где была расквартирована какая-то регулярная часть. В открытое окно они увидели стол в пустой комнате, а на столе — котелок с гречневой кашей. Соблазн оказался выше всяких сил. Они залезли в комнату и съели кашу.

Как выяснилось, каша предназначалась командиру подразделения Красной Армии, который воспринял набег голодных солдат-студентов как мародерство. Их арестовали, быстро вывели во двор и постави-



В госпитале с другом.

ли перед стеной дома. Голодный командир заявил, что по законам военного времени он принял решение расстрелять их как мародеров. Отец вспоминал, что он не мог поверить в реальность происходящего и осознал это, когда стоящий рядом друг тут же был расстрелян. Дальнейшее было очевидно. Но вмешалась судьба: раздался свист немецкой мины и на месте, где стоял лишившийся каши офицер, все увидели вспышку. Офицера разорвало на части, живые бросились врассыпную. Так немецкий минометчик спас жизнь моего отца, которой его был уже готов лишить свой офицер за котелок гречневой каши.

Другая история. Все знают про страшные морозы зимой 1941 года. Отец вспоминал, как однажды стоял третий час весь заиндевевший на посту. Больше всего замерзло лицо, он уже перестал его ощущать. Неожиданно в темноте появился замполит батальона, посмотрел на замерзшего студента и спросил: «Боец, куришь?» Отец ответил, что нет. «Приказываю, — сказал замполит, — начать курить немедленно и выкурить подряд три самокрутки!» Комиссар достал свой табак, собственноручно скрутил три сигареты, разжег одну и вставил ее отцу в ледяные губы. «Приказываю, — продолжил замполит, — поднять руки к лицу и пускать как можно больше дыма в руки и на лицо». Дым согрел. Отец вспоминал, что видел потом немало молоденьких солдат, которые в те дни обморозились до гангрены, изуродовавшей им лица и руки. Курил он еще 60 лет, но потом, наконец, бросил. Так замполит и табак спасли моего отца.

Как я писал выше, зимой 1942 года в тяжелейших боях на Демянском плацдарме Северо-Западного фронта отец получил свое третье ранение — тяжелое, в ногу. Он вспоминал, как лежал на снегу в темноте и думал, заметит ли его медсестра, которая ползала под обстрелом по полю в поисках раненых. Но это была только половина проблемы. Вторая заключалась в том, чтобы убедить ее вытащить с поля боя именно его, а не кого-то другого. Оказывается, среди раненых была своего рода конкуренция за спасение. Вытаскивать всех у медсестер не было ни времени, ни сил, а тяжелораненых не вытаскивали вообще: пока дотащишь до полевого лазарета, он может и помереть. Какой смысл терять на них время и силы?

Я, например, никогда не задумывался о конкуренции между ранеными за внимание медсестры во время боя. Однако именно ее решение в эти моменты определяло, будешь ты жить или тебя оставят

умирать в крови на снежном поле. Некоторые солдаты заигрывали с медсестрами между боями в надежде, что в случае чего те будут искать именно их. Моему отцу повезло: медсестра его, наконец, заметила. Его вид не воодушевил ее, но она решила попытаться хотя бы немного помочь и прицепила шинель отца крючками к небольшой собачьей упряжке, которая была в ее распоряжении, а сама поползла дальше. Собаки неспешно потащили по снегу отца в лазарет. По дороге он потерял сознание, и его не положили в яму к мертвым только потому, что, когда отцепляли крючки, то задели рану и он застонал. Так собаки и крючки спасли моего отца. Замечу, что через 40 лет отец увидел и узнал на улице в Москве эту медсестру — Валентину Чистякову. Его она, конечно, не вспомнила, (много таких у нее было!), но отец успел до смерти помочь ей в целом ряде ее житейских и бытовых проблем.

Но собаки и крючки еще не были концом этой истории. Отец очнулся на операционном столе, его быстро готовили к ампутации. Никакой анестезии не было, просто давали большой стакан спирта. Отец успел сказать, что никогда еще не пил спирт и вообще он — студент МГУ. «Студент? МГУ? — задумчиво переспросил хирург с пилой в руках. — Давай, студент, тогда попробуем спасти тебе ногу!» Он отдал указание снять раненого со стола, перевязать и отправить дальше в тыл. В том госпитале, расположенном на поле боя, не лечили, а только перевязывали или ампутировали. В тыловом госпитале ногу спасли. Так звание студента МГУ сохранило моему отцу ногу, хотя еще много лет из нее постепенно выходили осколки и даже клоки ваты из армейских штанов, которая была тогда при ранении просто «вбита» в ногу.

Еще одна история. В один из его приездов в Вашингтон, я повел отца к памятнику американским военным морякам, сопровождавшим на своих кораблях транспортные суда, перевозившие из США в СССР грузы по Ленд-лизу. Как известно, это было очень опасное занятие, большое количество таких кораблей было уничтожено немецкими подводными лодками, тысячи и тысячи американских моряков погибли.

Отец положил руку на гранит памятника, в глазах у него мелькнула слеза. «Надо бесконечно уважать всех воинов против нацизма, к какой бы союзнической армии они ни относились», — сказал он. А потом добавил, что хорошо помнит, как проходил половину войны в американских военных ботинках и был одним из немногих в своем подразделении, кто в результате ни разу не обмораживал ноги. Да и свою противотанковую пушку Василий Злобин возил по фронту на Студебеккере — одной из почти полумиллиона машин, которые по программе Ленд-лиза были переправлены в СССР. А ели солдаты

их стрелковой дивизии в 1941–1942 годах, как отец всегда уточнял, в основном, американскую свиную тушенку. Практически, ежедневно. Поэтому при всем критическом отношении к политике и идеологии США, которое он сохранил на всю свою жизнь, Василий Злобин всегда отдавал дань тем, кто приложил руку к победе над фашистской Германией. В благородстве и понимании реальной истории ему было не отказать…

В этом я еще раз убедился, когда привез отца к могиле президента Гарри Трумена в маленьком городке Индепенденс, затерявшемся в бесконечных кукурузных полях штата Миссури недалеко от границы со штатом Канзас. Меня поразило, то, что отец тогда сказал, стоя у могилы Трумена: «Более чем вероятно, но этот человек, Гарри Трумен, спас мне жизнь. То есть, без него не было бы и тебя».

Я даже не сразу понял, что речь шла о ядерной бомбе, сброшенной на Японию всего за пару дней до того, как войска Красной Армии должны были вступить в широкомасштабные боевые действия против японской армии. Потом военные историки подсчитают: в этой войне должно было бы погибнуть до полумиллиона советских солдат. Я, конечно, хорошо понимаю всякие геополитические расклады вокруг этого решения президента Трумена, но такую простую связь между этим решением и жизнью своего отца, а соответственно, и своим появлением на свет, я осознал тогда впервые. Президент Гарри Трумен, можно сказать с большой долей уверенности, спас жизнь Василия Злобина и сотен тысяч других военнослужащих Красной Армии. И, как бы, дал мне шанс появиться на свет.

Можно, конечно, осуждать этот акт как бесчеловечный и неправомерный, однако для солдат, которые в те дни на Дальнем Востоке с часу на час снова ждали своего нового вступления в войну, он казался совсем иным. Тем более, что вся страна и весь мир уже вовсю праздновали Великую Победу над нацистской Германией, к которой как Василий Злобин, так и все они имели непосредственное отношение. Везде солдаты возвращались домой, к своим семьям, люди радовались миру. А многим из тех, кого отправили на Дальний Восток, еще предстояло умереть в боях. Поэтому более чем понятно, почему известие об американской ядерной бомбардировке и последовавшей за ней полной капитуляции Японии были восприняты в воинских эшелонах, стоявших в полной боевой готовности, «на ура!», с огромной радостью и облегчением. Теперь и они останутся в живых, и они могут уехать домой, к своим родным и близким.

После демобилизации в январе 1946 года Василий Злобин, как я уже писал, вернулся на исторический факультет МГУ, на котором потом и проработал до самой своей смерти. Он был связан с главным ВУЗом страны целых 70 лет, что само по себе является определенным

рекордом. Его общий трудовой стаж составил 74 года. Василий Иванович Злобин честно прошел все ступени академической лесницы. Начав студентом и аспирантом, он закончил свой трудовой и жизненный путь доктором исторических наук, заслуженным профессором МГУ им. Ломоносова. На пенсию он и в 85 лет так толком и не вышел, а продолжал до самого конца работать профессором-консультантом исторического факультета МГУ.

В 1954 году Василий Злобин женился на моей маме — Кларе Бондаренко, девушке-красавице из города Артемовска Донецкой области Украины, которая в то время училась и работала в МГУ. Она пользовалась большой популярностью у молодых людей, однако Василий после длительной и умелой осады сумел завоевать ее сердце.

Хотя, как многие пары послевоенной поры, они поженились уже в сравнительно зрелом возрасте, до золотого юбилея им не хватило дожить всего несколько месяцев. Конечно, они иногда сорились между собой, но было видно, что они жить друг без друга не могли. Если отец куда-то уезжал, то посылал маме открытки буквально ежедневно. Если он просто уходил на работу, то обязательно возвращался с цветком, конфетами или шоколадкой для нее. Они практически ежедневно делали друг другу маленькие подарки, приятные сюрпризы. Было заметно, как оживали они, когда были вместе, и как томились, поглядывая на часы, когда дома был только один из них. Они были одной любящей маленькой командой, где каждый старался незаметно сделать что-то приятное и полезное для другого и очень смущался, когда это незаметное становилось явным.

После окончания университета мама перешла на работу в Президиум Академии Наук СССР, где и проработала много лет. Последняя ее должность — ученый секретарь Отделения ядерной физики АН СССР. Напомню, что это было время, когда советская ядерная физика была «на коне». В академии работали выдающиеся советские физики, Нобелевские лауреаты, в том числе — Ю.Б. Харитон, Н.Г. Басов, М.А. Марков, Н.Д. Ландау, Б.М. Понтекорво, Г.Н. Флеров, И.М. Франк, А.Д. Сахаров, С.Н. Вернов и др., со многими из которых я знакомился у нас дома. Некоторые из них по жизни стали нашими семейными друзьями. К бешеной зависти моих друзей по школе, я был даже знаком с первыми советскими космонавтами. А их популярность в СССР сегодня трудно даже представить. При этом друзья и коллеги с отцовской стороны, которые всегда тусовались у нас дома, были, в основном, гуманитарии — историки, юристы, философы, филологи и т.д. Это странное смешение физиков, космонавтов и историков у нас дома за обеденным столом, их рассказы, постоянные споры и дискуссии создавали неповторимую интеллектуальную и творческую атмосферу, которую активно поддерживали мои роди-

тели, и в которой я рос. Единственное условие, которые мне ставилось, — не особенно трепаться об этом вне дома.

В последние десятилетия своей жизни В.И. Злобин стал широко известен как теоретик исторической науки и историографии, а также как историограф большевизма. Он разработал и читал в МГУ первый в СССР курс по историографии власти и политических партий. Отец опубликовал целый ряд работ по этой теме, получивших широкое международное признание. В круг его научных интересов входили также вопросы методологии исторической науки, проблемы истории Второй Мировой войны, истории Московского университета и т.д. Василий Иванович опубликовал много книг и исследовательских статей, которые были изданы в разных странах, в том числе в США, Франции, Германии, Китае, Мексике, Англии, Польше, Болгарии и других странах.

Мне неудобно, конечно, судить, но, как отмечает всезнающая Википедия, в своих трудах профессор Злобин значительно расширил понимание истории политики и политических партий в России. Он первым в СССР и одним из первых в мире стал развивать тему исторической ограниченности политических партий как формы политической организации и их постепенного отмирания и ухода с исторической арены, что входило тогда в острое противоречие с официальной позицией о постоянном возрастании роли КПСС. Замечу в скобках, что только самые близкие друзья знали, с какими проблемами он сталкивался из-за этой своей позиции. Кстати, именно тут на помощь приходили друзья-физики, которые, в силу своего особого положения в стране, могли позволить себе гораздо больше инакомыслия.

В своих исследовательских работах отец чуть ли не впервые поднял вопрос о пересмотре всей истории власти и политических партий в России. Он всегда считал, что Россия не является отсталой в политическом плане страной, поэтому категорически отрицал официальную точку зрения, согласно которой первые политические партии в России появились лишь в начале 20 века. Отец доказывал, что политика в ее современном смысле, как и политические партии, зародились в России еще в 17 веке. Выступал он и против общепринятого тезиса о традиционном историческом отставании политической культуры и организации России от Европы. Он всегда считал, что царская Россия в 17–19 веках имела большие и глубокие традиции политической борьбы и создания — в том числе самой властью — разного рода политических организаций, которые, хотя часто и не назывались политическими партиями, на практике играли их роль. Он с фактами в руках доказывал, что Россия до революции 1917 года была страной с развитым политическим сознанием, а не

отсталая в этом отношении, как считала вся официальная историческая наука того времени.

Василий Злобин был патриотом страны, однако всегда выступал против того, чтобы история использовалась в идеологических или политических целях для манипулирования сознанием народа. В дневнике, который он оставил, мы нашли после его смерти две такие характерные записи: «Своей историей обычно больше всех гордятся те, кто хуже всех ее знает» и «Лев Толстой первой фразой «Анны Карениной» — «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему» — сформулировал также формулу особого исторического пути. Все успешные в истории страны похожи друг на друга причинами своего успеха, все неуспешные — имеют свои уникальные, специфические источники неудач. Отсюда часто делается вывод об исключительности их исторического пути. На самом деле, как правило, в мировой истории все позитивное — похожее, общее, единое; все негативное, неудачное — национальное по своему характеру, специфическое, уникальное». Можно соглашаться с этим или нет, но, по крайней мере, это честная и открытая позиция историка-профессионала.

Есть в отцовском дневнике и такая запись: «В России всегда любили и ценили историческую драму. Все остальное воспринималось как историческая рутина. Не зря нашим принципом можно, наверное, считать слова поэта: «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые!». Минуты роковые приносят прогресс и блаженство! А, например, в Китае говорят другое: «Не дай мне Бог родиться в эпоху перемен». Там очень ценится спокойствие жизни, стабильность, эволюционность перемен. Прогресс через эволюцию. У нас — прогресс через стремительность и переломность исторического момента. Мы хотим всегда быть «свидетелями истории», зачастую вольно или невольно становясь ее главными жертвами. Кто прав и есть ли здесь правота одна для всех народов?».

В. И. Злобин с женой и сыном. 1983 г.

Но лично для него этого вопроса не было. В своей автобиографии за пару лет до смерти Василий Злобин написал: «И я могу сказать, что я был там, где должен был быть. Ибо: «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые». Он, как и все люди его поколения были настоящими «свидетелями истории». Однако, свидетелями активными, деятельными, знающими, что они хотят. Без таких «свидетелей» наша история могла бы быть совсем иной.

Василий Иванович Злобин был ярким представителем по-настоящему великого поколения идеалистов-романтиков нашей страны. К сожалению, уже безвозвратно ушедшего. А я всегда считал и продолжаю считать, что мне просто повезло с родителями.

ДОБРОВОЛЕЦ В ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ

Вобленко Сергей Владимирович, *57 лет,*
руководитель сектора научных программ
НП «Рязанской палаты недвижимости»,
член Европейского клуба экспертов местного самоуправления,
кандидат экономических наук,
г. Рязань

Мой отец Владимир Евгеньевич Вобленко родился в 1926 г. в Краснодарском крае. Детство и юность прошли в г. Геленджике. В 1942 г. в Геленджик перебазировалось Управление вспомогательных судов и гаваней Черноморского флота, где был ощутимый недокомплект экипажей. Отцу исполнилось всего пятнадцать с половиной лет, но на флот он пошёл добровольцем, и 22 июня 1942 г. его приняли на штатную должность матроса II класса на буксир СП-20, по вольному найму. На буксирных кораблях он принимал участие в боевых операциях Черноморского флота.

Владимир Евгеньевич Вобленко, ИПК при Ростовском ГУ, 1980-е

Вспомогательный флот обеспечивал доставку непосредственно к местам боевых действий вооружения, боеприпасов, продовольствия, пополнения войск и прочего. На переходах главную опасность для кораблей составляли различного рода мины (донные, магнитно-акустические, плавающие), немецкие

подводные лодки и авиация. Последняя особенно свирепствовала портах Новороссийска, Геленджика и Туапсе.

Впервые настоящее лицо войны отец увидел буквально через пару дней после начала службы. Было это 2 июля 1942 года. Буксир стоял в геленджикской бухте. Погода тихая, теплая, по небу плывут редкие облака. И вдруг в районе Новороссийска (до него не более 25 км. по прямой) послышалась сильнейшая канонада и взрывы бомб. Почти час грохотало. Ясно, что был налёт, но никто не мог вообразить его силы. Только когда буксир вызвали для проведения спасательных работ, отец увидел, что такое война: затоплено много боевых и гражданских кораблей, среди них лидер «Ташкент», эсминец «Бойкий», теплоход «Украина». Часть причалов сильно повреждена. И всюду уложенные в бесконечные ряды тела погибших: посеченные осколками, изуродованные разрывами бомб. Зрелище жуткое… Но паники все равно не было.

В военной жизни отца было всякое. В январе-феврале 1943 г. началась подготовка морского десанта в Южную Азереевку и под Новороссийск. После высадки десанта по командованием Ц.Л. Куникова образовался плацдарм, названный «Малая земля». Буксир отца обеспечивал её защитников всем необходимым для боевых действий, также вывоз раненых. Буксир СП-20 имел паровую машину и был бесшумным, поэтому он мог подходить к самому берегу. Фактически до линии фронта оставалось несколько сотен метров, даже минометы немцев доставали. Иногда останавливались недалеко от берега на рейде, а погрузку и разгрузку вели катера. Так сделали несколько рейсов, а в 20-х числах февраля 1943 года буксир должен был доставить на Малую землю два легких танка на двух буксируемых баржах.

К месту назначения пришли около полуночи. Одну баржу оставили на рейде, а другую повели борт о борт (лагом) прямо к берегу в районе рыбзавода. Оставили её там для разгрузки, а сами пошли за второй баржей. В это время немцы вели сильный минометный огонь по квадратам, запускали осветительные ракеты-«люстры» — они надолго зависали на парашюте и вокруг становится видно как днём. Вот и вторую баржу поставили рядом первой. Вокруг рвутся мины. Отдали швартовые, чтобы отойти от барж и выйти из обстреливаемой зоны. А буксир не может сдвинуться с места! Команда до утра пыталась сделать всё, чтобы спасти корабль: выкачали воду из цистерн, из угольных бункеров выбросили почти весь уголь — напрасно. К утру капитан отдал приказ готовиться сойти на берег. Но обошлось: перед самым рассветом экипаж буксира снял небольшой катер. Следующей ночью часть команды вновь пошла на оставленный буксир. И опять неудача — днём его расстреляла немецкая артиллерия.

Второй эпизод типично морской. Отца перевели на буксир СП-16. Они снова ходили на Малую землю, несколько раз пытались спасти свой

Матрос Володя Вобленко (1942 г.)

первый корабль. В марте 1943-го буксир отца пришел из Туапсе с двумя большими баржами с грузом для фронта. Непосредственно в геленджикскую бухту они зайти не могли, так как немцы заминировали её магнитно-акустическими минами, поэтому стали под разгрузку в «фальшивом Геленджике» (сейчас — Дивноморск). Гружёные баржи завели в устье реки, а в обратный рейс буксир должен был забрать две пустых, стоявших рядом. Когда выполняются такие операции, объявляется аврал, то есть работает весь экипаж. Около 2-х часов ночи буксир с пустыми баржами на буксирных канатах лёг на курс к Туапсе. Вахта отца начиналась в 4 часа утра. Поэтому он не пошёл в каюту, а одетый лег спать в теплой душевой. Вдруг громкий бой колокола — тревога. Отец побежал на свой боевой пост (он был номерным у орудия левого борта). И слышит, как капитан с мостика в мегафон кричит сопровождающему их «морскому охотнику» (тип малого военного судна такой был): «Куда вы смотрите?! По корме торпеда!».

Тогда Чёрное море было богато планктоном, и всякое движущееся тело ночью оставляло в воде фосфоресцирующий след. Моряки говорили: «Вода горит!». Вот светящийся след и заметил сигнальщик. Торпеда прошла по корме, между буксиром и ближайшей баржей. И вдруг снова крик сигнальщика: «Справа по борту две торпеды!». А надо сказать, что буксир шёл недалеко от берега, левым бортом к нему. Отец бросился к правому борту, вцепился обеими руками в планширь, и увидел, что прямо в борт буксира быстро ведут два характерных следа: впереди белые «усики», затем что-то темное длинное и светящийся бурун сзади. Казалось, сейчас торпеды вонзятся прямо под ноги! Отец так и застыл. Стоявший рядом матрос ринулся на корму, кто-то из экипажа залез на самый нос: если ударит в борт, то может выбросить в море, а это шанс на спасение. Но экипажу ещё раз повезло. При переходе из Туапсе к месту назначения вода из котлов и солярка были израсходованы полностью из носовых цистерн и частично из кормовых. Осадка корабля уменьшилась, нос приподнялся, что и сыграло решающую роль. Одна торпеда прошла впереди, другая прямо под носом корабля, настолько близко, что отец смог почувствовать вибрацию палубы от винтов торпеды. Огромный столб воды слева по борту и сильнейший взрыв, затем второй — торпеды попали в берег. Близкие взрывы сбили оцепенение. Пришло осознание пережитой опасности: ноги просто перестали держать, и отец растянулся на палубе. А «охотник»

форсировал ход и стал утюжить глубинными бомбами предполагаемый район засады вражеской подводной лодки, но, увы, не достал.

Было много других эпизодов. Отец выжил и победил. А мне запомнились совсем не военные сцены. Как-то отец обмолвился, что их буксир всё-таки торпедировали. Команда выбралась на воду. Берег не очень далеко, все одеты в спасательные жилеты, а в руках держат то, что успели схватить в последний момент. У отца — учебник по математике. Он хотел стать учёным.

После войны отец женился и у него родились два сына. Потом поступил на экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, защитил диссертацию. Стал известным в научном мире специалистом по государственно-монополистическому капитализму, много преподавал, заведовал кафедрой, в последние годы перед пенсией трудился в ИПК при Ростовском государственном университете.

«ПРОЩАЙТЕ, СКАЛИСТЫЕ ГОРЫ»

***Гусев Владимир Алексеевич**, 66 лет*
Пенсионер с 2010 г., учитель иностранных языков, переводчик,
старший мичман на Балтийском и Северном Флотах,
Почётный работник образования России,
Ветеран Вооруженных сил, Ветеран труда,
член Тульского литературного объединения православных
писателей «Родник» и Российского Союза писателей,
п. Дубна Тульской области

Мой отец Гусев Алексей Григорьевич родился в 1920 году в городе Туле. Перед войною окончил Тульское артиллерийское училище и был направлен служить на Север в г. Мурманск. Отцу был 21 год, когда началась Великая Отечественная война. Воевал отец на полуострове Рыбачий. На мой родной город Мурманск и полуострова Рыбачий и Средний в самом начале войны немецкое командование бросило огромнейшие силы: армии «Норвегия» и «Лапландия», 19 горно-стрелковый корпус, 36-ой корпус, 3-ий финский корпус (в каждом по две дивизии). Почти 200 самолётов ежедневно старались стереть с лица земли Мурманск и 23-ий укрепрайон, размещённый на полуостровах.

Алексей Григорьевич Гусев

Советский Север с суши прикрывала 14-я армия генерал-лейтенанта В.А. Фролова, а с моря — Северный Флот под командованием контр-адмирала А.Г. Головко в составе 8 эсминцев, 7 сторожевых кораблей, 15 подводных лодок и группировки из 116 самолётов. Почему фашисты так отчаянно штурмовали Мурманск, понятно — это северные ворота страны, через которые шла помощь союзников.

А вот что они забыли на пустынных полуостровах? Но и тут всё просто. Рыбачий и Средний далеко выдаются в Баренцево море. Тот, кто владеет ими, контролирует водное пространство той части Баренцева моря, которое не замерзает благодаря Нордкапскому течению.

Рыбачий — это, практически, ключ к незамерзающему порту Мурманска. Если бы немецкие войска захватили Рыбачий и Средний, Северный флот был бы заперт у берегов Кольского полуострова. Последствия были бы очень тяжёлыми. В июле 1941 года враг нанёс сокрушительный удар по Рыбачьему. Из 15000 защитников осталось в живых 22 человека. К оборонявшимся подоспело из Мурманска подкрепление. В составе подкрепления прибыл на полуостров Рыбачий и мой отец, чтобы организовать ремонт орудий и стрелкового вооружения.

Именно тогда мой отец познакомился с одним из 22-х выживших советских бойцов, героически оборонявших Рыбачий — солдатом-артиллеристом (потом журналистом и политработником) Николаем Букиным, который впоследствии написал текст знаменитой песни «Прощайте, скалистые горы».

Попытки захватить полуостров предпринимались фашистами в течение всей войны. Во время боевых действий на полуострове Рыбачий мой отец повстречался с моей мамой Седовой Валентиной Григорьевной, которая работала медсестрой в Мурманске. В 1942 году они поженились. Отцу было тогда 22 года, а маме 18 лет.

Благодаря героизму советских воинов фашистам так и не удалось захватить Рыбачий. Мои родители, в числе других, отстояли Советское Заполярье. На полуострове Рыбачьем даже сохранился столб государственной границы СССР №1 — единственный, который фашистам не удалось снести на западных рубежах нашей Родины.

Памяти моего отца и всех защитников Мурманска и полуострова Рыбачий посвящаю.

РЫБАЧИЙ

Посвящение памяти моего отца...

1.

О чём мы, вспоминая юность, плачем,
Когда в душе «сиреневый туман»?

Отец мой песни пел про свой Рыбачий, —
Он сильно тосковал, когда был пьян:

«А волны и стонут, и плачут,
И бьются о борт корабля.
Растаял в далёком тумане Рыбачий,
Родимая наша земля...»

Пел о землянке очень часто папа,
О том, как ненавидел и любил...
А после, словно задыхаясь, плакал,-
Ведь он в душе поэтом тоже был!

«Пой, гармоника, вьюге назло,
Заплутавшее счастье зови.
Мне в холодной землянке тепло
От твоей негасимой любви...»

Он о свинцовой вспоминал пороше,
Где счастье просто бесполезно звать!
О трупах штрафников в окопы вмёрзших, —
Из мёртвых рук винтовку не забрать!

Война! Так много крови, много горя,
Боль о родных и ненависть к врагу.
Его учили воевать на море,
А воевать пришлось на берегу.

У озерка останки целой роты.
«Где счастье заплутавшееся? Где?»
Его чинить учили пулемёты,
Но не учили воскрешать людей.

Он жизнь любил, любил цветы и женщин,
Всю жизнь свою прожить в любви хотел...
На страшном поле не нашлось воскресших
Среди разорванных на части тел!

«У всех, кто здесь, любимые есть тоже!
В их разных судьбах — общая беда:
Те, для кого они всего дороже,
Их не увидят больше никогда!

Война! Так много смерти, много боли!
Скажи! Откуда в людях это зло?»
Застыли маки крови в снежном поле
И трупы тех, кому не повезло.

2.

Свечи огарок, спирт горячий в кружке,-
Не очень сильный духом был отец.
В любви признался фронтовой подружке...
Ведь завтра может быть всему конец!
Она была из местных, — санитарка.
Сказала:
— До победы доживёшь!-
Шаманка. Круглолицая лопарка,-
Пойми, где правду говорит, где ложь?
— Детей растить ты будешь не со мною,
Тебе нужна я только на войне,
А с той, кого зовёшь своей женою...
Но часто будешь думать обо мне.
Тебе нужна ведь женщина иная,
А мне судьба полярная мила.
Ты будешь плакать, юность вспоминая,
Что здесь, под артобстрелами, прошла.
И не могу я не сказать об этом:
Есть доброе у каждого в судьбе.
Родится сын и станет он поэтом,
Тогда стихи напишет о тебе!

В те дни отец мой был меня моложе,
А кто в объятьях ада не грешны?
Хмельную их любовь прости им, Боже!
Ответит пусть безумие войны!

«Душою отогреться хоть немножко.
Будь проклята! Будь проклята война!
Опять сегодня в Мурманске бомбёжка.
Там в мурманских развалинах — жена».

3.

Посыпав солью собственные раны,
Оплакав тех, кому не повезло,
Тоску залив сиреневым туманом,
Пел о землянке, где всегда тепло:

«Ты теперь далеко-далеко.
Между нами поля и снега.
До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти четыре шага»...

2014 год.

МОНАХ

1.

Молилась матушка за сына,-
Она ведь набожной была,-
Для Ванечки всегда просила
Любви, здоровья и тепла.
А он ругался:
«Время наше
победно движется вперёд!
Я комсомолец, а мамаша
Всё предрассудками живёт!»
На фронт он уходил.
В сторонку
отозвала тихонько мать:
«Ванюш! Возьми с собой иконку!
Она поможет воевать».
Он на неё взглянул сердито:
«Ты всё о Господе своём?
И так фашистского бандита
За две недели разобьём!»...

Узнал он вскоре муки ада,
Когда терял друзей своих.
Когда в атаку шли ребята
С одной винтовкой на троих.
Сожженные дотла селения,
Разрушенные города.
Обида! Горечь отступления
И мысль: «Вернёмся ли сюда?»
В кровавой оказавшись гуще
И, познавая боль потерь,
Огнём переплавлялись души
И Вере открывали дверь.
Ушла на фронт его невеста.
Погибла под Головино.
Напрасно ждал от мамы вести,-
Вестей уж не было давно.

Был окружён под Сталинградом.
Изранен. Не осталось сил.
Чужая речь совсем уж рядом.
Всё для себя боец решил.

Одна последняя граната.
Зажата пальцами чека,-
Не дрогнет сердце у солдата.
Не подвела б ещё рука!

Вдруг ангел опустился рядом:
«Не торопись на Божий Суд!
Свой долг земной исполнить надо,-
Друзья твои тебя спасут!
Покуда будет сердце биться,
И не пришёл последний час,
За маму должен ты молиться,-
Её душа теперь у нас!»...

2.

Что ты, солдат, здесь в поле ищешь?
Сумеешь ты найти с трудом
На деревенском пепелище
Почти дотла сгоревший дом.

Найдёшь знакомую икону
В углу, где был иконостас,
Рванётся сердце болью стона,
И слёзы побегут из глаз.

За всех помолишься ты Богу.
Молитвой заглушив печаль,
Уйдёшь ты прочь, своей дорогой
Искать себе другой причал.

3.

Ну, вот, и догорают свечи.
Бессонная уходит ночь.
И вовсе нас не время лечит,-
Лишь Вера может нам помочь.

Грустить он стал гораздо реже.
Кого любил? Кем был любим?
Глаза давно слезой не режет
Воспоминаний горький дым.

Нет боли, ненависти, страха.
И в прошлое ушла война.
В душе у иеромонаха
Теперь любовь и тишина.

И лишь во сне он, как когда-то,-
Помилуй, Господи! Прости!-
В руке зажатая граната...
Но ангел вновь спешит спасти.

2012 год.

НАМ БЫЛО И ЕСТЬ НА КОГО РАВНЯТЬСЯ

Долгарев Анатолий Васильевич, *68 лет,*
доцент НТУ «Харьковский политехнический институт»,
ответственный секретарь Украинского отделения
Международного общественного фонда имени
полководца Г.К. Жукова,
г. Харьков,
Украина

В 2016 году исполняется 120 лет со дня рождения великого полководца Георгия Константиновича Жукова. Побывав в 1996 году на столетнем юбилее Маршала Победы, многие из нас, живущих на Украине, стали пропагандистами великого подвига народов бывшего Советского Союза, которые под руководством своих прославленных командиров уничтожили немецкий фашизм в его логове. Мы стали регулярно бывать на родине Георгия Константиновича, добились присвоения харьковской школе № 127 имени Жукова, установили на ней мемориальную доску, а школьников, добившихся лучших успехов в учебе, мы также возим в город Жуков. Города Жуков и Изюм стали городами-побратимами, ведь именно в Изюме Георгий Константинович окончил курсы унтер-офицеров и получил в 1916 году свое первое командирское звание.

Самым ценным результатом нашего сотрудничества стало то, что земляки Г.К. Жукова, приезжавшие раньше в Украину, познакомились со многими выдающимися государственными и политическими деятелями нашей страны: с П.Т. Тронько, В.Ю. Пехотой, Е.П. Кушнарёвым, В.А. Шумилкиным и многими другими. Владимир Юльевич Пехота в 1996 году возглавлял по поручению спикера Верховной Рады А.А. Мороза делегацию на праздновании 100-летия великого маршала Победы.

Для нас, студентов и преподавателей НТУ «ХПИ», имя Георгия Константиновича Жукова особенно дорого ещё и потому, что студенты Харькова, сформировавшие в корпусах ХПИ в 1941 году свой батальон, отправились сперва в Тулу, а потом на автотрассу Киев-Москва,

где защищали столицу от немецко-фашистских захватчиков под его руководством. В 2012 году мы с В.М. Авершиным и В.А. Болдыревым побывали у обелиска у села Щепотино Наро-Фоминского района, где похоронены и харьковские студенты.

Для нас, украинцев, дорого то, что, бывая в Жукове, мы встречались с такими выдающимися людьми разных стран, как Р.Н. Нишанов, со многими родственниками Георгия Константиновича, дочерью Эрой Георгиевной и Татьяной Василевской, которая является внучкой двух маршалов: Жукова и Василевского, Эллой и Марией Георгиевной, Егором Жуковым и Анатолием Пилихиным. В Жукове мы встречались с генералом армии В.И. Исаковым, маршалом Д.Т. Язовым, космонавтом В.В. Горбатко, вице-адмиралом А.И. Шевченко, водителем маршала А.Н. Бучиным, а также земляками Жукова: В.П. Семиным, В.П. Чуриным, С.А. Солодухиным, А.В. Суярко, Е.С. Деминым, В.И. Петровым, В.С. Черкесовой, выпускником нашего института И.И. Благодатским и многими другими

Событием огромной важности стало наше знакомство с очаровательной супружеской парой, прибывшей однажды на празднование Дня города Жукова, — Людмилой Ивановной и Романом Николаевичем Ростовцевыми. Людмила Ивановна увлекла нас прекрасной идеей о написании воспоминаний о Великой Отечественной войне в сборнике, который она вместе с руководителем Центра общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова Ю.М. Осиповым издает в Туле.

В 2013 году наша делегация во главе с Президентом Международного общественного фонда имени полководца Г.К. Жукова побывала на научной конференции, посвященной героической обороне Тулы и разгрому немцев под Москвой. Готовясь к конференции в Туле, я выписал себе из Центрального архива Министерства обороны России наградные листы своего отца. В 1942 году после окончания Ташкентского пехотного училища отец добровольцем отправился на Сталинградский фронт, где был награжден своим первым орденом Красной Звезды за бои в селе Петрополье Ростовской области. Открыв в интернете события в Петрополье, я натолкнулся на очень ценную для меня информацию. Наш отец всегда сетовал после войны на то, что его помощнику командира взвода не присвоили звание Героя Советского Союза за то, что тот повторил подвиг Александра Матросова, закрыв своим телом амбразуру вражеского дзота. Когда отец был жив, ещё не было интернета, и трудно было что-либо узнать о своих бывших однополчанах; теперь это стало проще.

Мне удалось найти информацию о том, что 19 августа 1943 года во время атаки опорного пункта немцев на высоте «Черный ворон» в районе села Петрополье Большекирсановского сельсовета (Матвеево-

Курганский район Ростовской области) одно из подразделений полка было остановлено огнем пулемета из дзота. Бойцы залегли, не имея возможности продвигаться вперед. Тогда старший сержант Пудовкин, умело маскируясь, подполз к огневой точке противника и забросал ее гранатами. Пулемет прекратил стрельбу, но после непродолжительной паузы продолжил ведение огня. Тогда отважный воин бросился на дзот и своим телом закрыл его амбразуру. Ценой жизни способствовал выполнению боевой задачи взводом.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 марта 1944 года за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм старшему сержанту Пудовкину Павлу Григорьевичу посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Он похоронен в селе Петрополье Ростовской области. Улица и депо станции Филоново Приволжской железной дороги названы именем Героя. На здании депо установлена мемориальная доска. Пудовкину, когда он совершил свой подвиг, уже было около сорока лет и у него было четверо детей и, тем не менее, он отдал свою жизнь, сражаясь за нашу Родину.

В солдатском «треугольнике» от 4 июля 1943 года, написанном супруге по адресу «станция Филоново Ново-Аннинского района, пер. Энгельса, д. 26», Павел Григорьевич Пудовкин утешает жену, проводившую в армию старшего сына Мишу.

«Ничего Пораня не беспокойся, — писал Павел Григорьевич Пудовкин жене Прасковье Ивановне 4 июля 1043 года. — Веди себя спокойно и я тебе [неразборчиво], чтобы ты меньше волновалась, Пораня, об нас с сыночком, так как меня с вами нет. Я всех вас целую 1000 раз. Дорогая и милая моя Пораня, очень и очень по вас соскучился. Прошу тебя, живи спокойно. Меньше думай про нас. Живы будем — увидимся. Затем, дорогая Пораня, напиши какие у вас новости. Служим пока вместе с Долгаревым. Затем до свидания. Состою жив и здоров, жду скорого ответа. До свидания и до свидания, целую и целую».

В наградном листе на звание Героя Советского Союза Пудовкина Павла Григорьевича значится:

«Тов. Пудовкин Павел Григорьевич в 905-м стрелковом полку 348-й стрелковой дивизии с сентября 1942 года прошел славный путь в боях от Астрахани до реки Миус. 19 августа 1943 года при прорыве обороны противника по реке Миус и взятии узла сопротивления населенного пункта с. Петрополье, совершил героический подвиг. Первый стрелковый батальон, преодолев водный рубеж реки Миус, встретил на западном берегу ожившую огневую точку противника, которая вела огонь из дзота. Каждый метр простреливался и не да-

вал возможности продвигаться. Тов. Пудовкин, он же парторг роты, по своей инициативе скрытно подполз к дзоту и смело стал забрасывать его гранатами, однако пулемет противника продолжал вести огонь, тогда тов. Пудовкин громко крикнул «За Родину, за Сталина!», уже, будучи раненым, прямо бросился на пулемет своим телом и закрыл амбразуру, тем самым заставил замолчать вражескую пулеметную точку. Героический подвиг старшего сержанта — коммуниста воодушевил всех бойцов на бесстрашную борьбу с немецкими захватчиками. Стрелковые роты бросились вперед и ворвались в траншеи противника, овладев его участком обороны, заняв сильно укрепленный узел сопротивления — населенный пункт Петрополье и высоту «Черный ворон». Изрешеченное пулями тело героя было снято с вражеского дзота бойцами и офицерами первого стрелкового батальона. Тов. Пудовкин, верный сын советского народа, воспитанник большевистской партии, за проявленный бесстрашный подвиг в борьбе с немецкими захватчиками достоин посмертно высшей правительственной награды и присвоения звания Героя Советского Союза».

Уроженец хутора Марчуковского с весьма распространенной в тех местах казачьей фамилией Пудовкин, в 39 лет, оставив дома мать, жену, четверых детей, бросил себя на стреляющий пулемет. С высоты нашего прагматичного времени подвиг Пудовкина не совсем поддается пониманию: закрыть собой амбразуру вражеского дзота, зная, что впереди смерть, а дома ждут семья и дети, что это — лихая казачья отвага, секундный порыв? Отвага, отчаянность больше свойственны молодости, а не 39-летнему отцу большого семейства. Заботливый муж, отец, сын, вовсе не сталинский железный человек…

Пудовкины сохранили все письма отца, в которых одно — мысли и заботы о близких. В военные и послевоенные голодные годы простая казачка Прасковья Ивановна вырастила всех четверых детей: Михаила, Таисию, Василия, Виктора. Жили в Новоаннинском, дети учились в местной железнодорожной школе № 22. Старший сын Михаил, за которого так волновались супруги Пудовкины, не попал в действующую армию. По-видимому, Павел Пудовкин своим подвигом сберег не только солдат батальона, но и сына, за которого повоевал сполна.

Никакими особенными льготами, как семья погибшего героя, Пудовкины не пользовались. Ставить на ноги детей Прасковье помогал второй супруг, вернувшийся с войны однорукий инвалид Петр Иванович Пивнев.

Похоронив в 70-е годы прошлого века мужа, Прасковья Ивановна переехала к детям Михаилу и Таисии в Волгоград. Михаил, окончив энергетический техникум, всю жизнь проработал на Волгоградской

(Сталинградской) ГЭС, вырастил двоих детей. Таисия, любимая дочка Павла Пудовкина, окончив Волгоградский мединститут, трудилась гинекологом, была талантливым врачом, о котором до сих пор с благодарностью вспоминают пациенты. Тоже поставила на ноги двоих детей. Виктор жил и работал в Волгограде. Василий до недавнего времени жил в Воркуте.

У Павла Григорьевича Пудовкина — четверо внуков и трое правнуков. Фронтовые письма деда — память, оставшаяся от героя, — хранятся у его внука Пудовкина Александра Михайловича, ныне живущего в Волгограде. Мой отец, ,который был у П.Г. Пудовкина командиром взвода, вдвое моложе своего помощника, но благодаря Пудовкину и другим бойцам, старшими по возрасту, он постепенно состоялся командиром в 905 стрелковом полку. Стать командиром отцу, по его мнению, помогало и то, что перед войной он окончил два курса Грайворонского педучилища. «Кем бы и где бы я ни работал — директором школы или председателем Почаевского колхоза, командиром пехотного батальона или простым военруком — мне всегда помогало педагогическое образование и педагогический опыт, а также советы мудрых наставников и коллег по общему делу», — говорил мне отец.

За бои под селом Петрополье отца наградили орденом Красной Звезды, за Мелитопольскую операцию в районе Акимовской машинно-опытной станции — орденом Богдана Хмельницкого, а за бои под Будапештом — орденом Отечественной войны.

Накануне 70-летия Великой Победы особенно важно потомкам героев войны сделать все возможное, чтобы сохранить в умах и сердцах память об их подвигах в трудную годину испытаний. Мы с председателем Грайворонского совета ветеранов И.К. Евсюковым пять лет назад начали добиваться увековечивания памяти грайворонцев — Героев Советского Союза. Нашу идею поддержал бывший глава администрации района А.И. Головин, а практическое воплощение в прошлом году обеспечил новый глава администрации А.В. Верзун. Я был приглашен на благотворительный концерт по сбору средств для установки бюстов в селах Грайворонского района и принял участие в открытии бюста в селе Ломное Долгареву Павлу Михайловичу.

Павел Михайлович перед войной учился с моей мамой Сопиной Анной Ивановной, а после войны дружил с моим отцом Долгаревым Василием Павловичем.

В тот же день, 20 ноября 2014 года, когда открыли бюст П.М. Долгареву, в соседнем селе Ивановская Лисица был открыт памятник Безуглому Владимиру Андреевичу, который после войны жил в городе Харькове и трудился на заводе «ХЭМЗ». Вернувшись в Харьков, об этом я рассказал его детям, проживающим со мной в одном районе.

Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, ЖИЗНЬ!

Ларчев Владимир Константинович, *55 лет,*
учитель математики МБОУ СОШ №34,
г. Тула

Кто уповает на помощь Господа,
тот будет сохранён под его покровом.
И будешь ты в безопасности.
И защитой твоей будет
ИСТИНА БОЖЬЯ!

Псалом 90

Слова охранительной молитвы всех православных христиан для меня имеют особенный смысл. В том страшном 43-м году, когда моему отцу, Ларчеву Константину Ивановичу, было всего 17 лет и он был призван на фронт, эта молитва стала его Божьей защитой на страшном поле брани. А накануне, перед уходом моего отца на фронт, в их дом пришла страшная весть: погиб его старший брат Гавриил. Провожая отца, его мама, моя бабушка, Александра Николаевна, зашила в шинель 90-й Псалом и икону Божьей Матери… «Сынок, возвращайся…», — молила она, провожая своего младшего. С этой шинелью отец не расставался никогда.

Константин Иванович Ларчев, май 1945 г.

По православной традиции, перед уходом на фронт, мой отец и моя бабушка отправились в храм за благословением Божьим. В тот день в храме было людно, крестили младенцев, а мужчин в деревне уже не осталось. Батюшка, увидев папу, сказал: «Вот, сынок, ты и будешь крёстным…». Отец не запомнил: сколько у него стало крестников…

В годы войны папа был шофёром, пригодились курсы по вождению трактора и комбайна. Старший сержант. Третий Белорусский фронт. Он доставлял боеприпасы на легендарном грузовике Студебеккере до огневой позиции. В годы Великой Отечественной войны по поставкам ленд-лиза американские союзники поставляли СССР примерно 100 тысяч автомобилей этой марки, на которых, в том числе, размещались знаменитые «Катюши».

Однажды, после тяжелых боёв, когда мой отец вместе с другими солдатами отдыхал в землянке, посыльный сообщил о срочном задании — доставить ещё одну партию снарядов на передовую. «У нас

дети, семьи, а этот, молодой, ему терять нечего, пусть он и едет», — сказал «пожилой» 30-летний солдат, кивнув на моего отца. Выполнив приказ и доставив груз к месту назначения, отец вернулся… А на том месте, где была землянка, чернела огромная воронка, образовавшаяся в результате попадания снаряда. Никто из солдат не выжил.

Откровенно говоря, отец очень мало рассказывал о войне. Эти военные эпизоды буквально собраны по крупицам.

Был случай, когда в очередной раз отец доставил снаряды на передовую. Когда приехал, увидел, что весь расчёт противотанковой пушки убит. Расчет состоял из шести человек: командир, наводчика, заряжающего, подносчика боеприпасов и водителя автомобиля. Отец заменил целый расчет и на протяжении боя, в ожидании подкрепления, один отбивал танковую атаку. За этот подвиг отец был награжден медалью «За Отвагу».

9 апреля, 1945 года… Этот день мог бы стать последним для моего отца… В тот день столица нашей Родины салютовала доблестным войскам 3-го Белорусского фронта, которые завершили разгром группы немецких войск и штурмом взяли город-крепость Кенигсберг. «24 артиллерийских залпа из 324 орудий — салют в честь Победителей!» — так описываются события того дня в хрониках.

В той беспорядочной пальбе, которая началась среди солдат, едва не погиб отец. Один из шальных осколков, пробив кабину военного автомобиля, пролетел мимо головы отца в нескольких сантиметрах… Свершились слова 90-го Псалма: «Падут слева от тебя тысячи стрел и десять тысяч стрел справа от тебя, но тебе не повредят». По милости Божьей, нить жизни моего отца не оборвалась… Но ратные подвиги Константина Ивановича на этом не завершились.

Война окончилась, а призывать на срочную службу некого, поэтому еще 5 лет он служил на Дальнем Востоке и был также участником войны с Японией. По завершению военных действий, ему предложили остаться, чтобы продолжить военную карьеру. Но отец, помня наказ матери, вернулся домой. И не один. С ним вернулась его любимая Валечка — подруга, будущая жена, моя мамочка, с которой он познакомился на Дальнем Востоке. Они вместе прожили почти полвека. На фронт забирали 17-летнего мальчишку, а вернулся Константин Иванович — так к нему обращались все: и стар, и млад.

Спустя несколько лет из своей родной Тамбовской области, из деревни Волчок, папа переехал на Тульскую землю. Здесь, в Туле, он построил дом, посадил яблоневый сад, вырастил и воспитал нас четверых детей, всем дал высшее образование. С нами жила его мама, наша бабушка.

Здесь 9 мая 1983 года — в День Победы родилась моя дочь, Настенька, одна из его любимых внучек, которая помогает мне сохранять память о нашем отце, деде, прадеде для наших потомков. Ябло-

ками из его сада каждое лето угощаемся мы — дети, внуки, а совсем недавно Белый налив и Антоновку попробовали и правнуки.

Есть у меня одна фотография — она мне очень дорога! С нее смотрит 20-летний старший сержант Ларчев Константин Иванович, мой папа. Отец, мы гордимся тобой!!!

ПОИСК ДЛИНОЮ В 71 ГОД

Аксёнов Егор Владимирович, *31 год,*
офицер Вооруженных Сил Российской Федерации,
г. Муром Владимирской области

Пожалуй, нет в России семьи, которую не затронула бы Великая Отечественная война, и в которой не было бы погибших или пропавших без вести родственников. Одиночные и братские могилы павших бойцов Красной Армии разбросаны по огромной территории: от подмосковных лесов до улиц Берлина, от Заполярья до степей Крыма. Но многие семьи, не имея никакой информации, кроме похоронок, так и не знают, где был погребен их солдат. Они десятилетиями ищут могилы своих погибших отцов и братьев, и часто безуспешно. Коснулось это и моей семьи.

Владимир Архипович Аксёнов, 26.06.1941 г.

У моего прадеда Аксёнова Архипа Матвеевича и его жены Акулины Гавриловны было четверо детей: дочь Анна и трое сыновей — Владимир, Фёдор и Николай. Старший Владимир перед войной поступил в военное училище и погиб на фронте в начале войны. Средний сын Федор был призван в армию в 1943 году, воевал до Победы, после войны окончил военное училище и продолжил службу в рядах Советской Армии. Младший сын — мой дед, Николай, на фронт не попал по возрасту, окончил среднюю школу в 1946 году и, по примеру старшего брата, также связал свою жизнь с армией.

Всю свою жизнь дед, а потом и мой отец искали могилу погибшего Владимира, но безрезультатно. История, казалось бы, обычная для многих советских семей. В память о погибшем брате мой дед назвал старшего сына, моего отца, Владимиром. На этом мой рассказ мог бы закончиться, но обо всем по порядку.

Однажды в детстве мой отец со своими родителями гостил у сестры деда Анны, которая осталась жить в родном городе. Он нашел в сарае около ее дома среди старых журналов письмо — это было напоминание о войне. Когда в начале 1942 года пришла похоронка с фронта, Анна обратилась к командованию с просьбой сообщить, где и как погиб ее родной брат Владимир. Все, что удалось тогда узнать, написано на этих двух сторонах листа.

Другой информации о смерти дедушкиного брата в семье не было. Известно о нем было немного. Сохранилось лишь несколько фотокарточек. Знали, что до войны он поступил в Тбилисское артиллерийское училище, затем молодым лейтенантом попал под Анапу, откуда и прислал свое последнее фото в ноябре 1941 г. Удалось также узнать, что Владимир участвовал в Керченском десанте 1941 г., что на передовой был ранен и умер в госпитале. Похоронен где-то в районе поселка Камыш-Бурун, возле Керчи.

Дедушка и мой отец долго искали его могилу, неоднократно ездили в Керчь, опрашивали жителей поселка про захоронения советских солдат, погибших в 1941-м, но, увы, безрезультатно. Со временем дело поиска перешло ко мне.

Однажды, будучи в командировке в г. Подольске, в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации, мне довелось попасть в фонды, где хранились учетные карточки офицеров Советской армии. К немалому удивлению, там я нашел и карточку брата своего деда. Это была первая удача. Из карточки узнал, что война для лейтенанта Аксёнова Владимира Архиповича началась в июле 1941 г., когда после ускоренного выпуска из Тбилисского артиллерийского училища он был назначен командиром огневого взвода в Северо-Кавказский военный округ. С сентября 1941 г. находился в распоряжении начальника артиллерии округа. Поперек карточки карандашом было написано одно слово: «ПРОПАЛ».

Получалось, что единственным источником информации оказалось письмо из госпиталя, найденное в детстве моим отцом. В правом углу письма стояло наименование медицинского учреждения, но написано оно было «медицинским» почерком и расшифровать его удалось не за один месяц. Как оказалось, письмо было отправлено из 119 полевого подвижного госпиталя. Изучая боевой путь госпиталя, мне удалось выяснить, что с 15 января 1942 г. по 27 февраля 1942 г. он дислоцировался в поселке Камыш-Бурун Крымской АССР. Эта была еще одна маленькая победа, но дальше неудачи шли одна за другой.

Как оказалось, Архив военно-медицинских документов, где хранятся документы всех госпиталей, и Центральный архив Минобороны России данными об Аксёнове Владимире Архиповиче не располагают.

На сайте ОБД «Мемориал», содержащем информацию о советских воинах, погибших, умерших и пропавших без вести в годы войны, данных также не нашлось.

Удача пришла неожиданно. Будучи любителем военной истории, через знакомых энтузиастов я вышел на одного из керченских поисковиков. С его помощью и при участии работников «Керченского историко-культурного заповедника», была найдена «Алфавитная книга учета захоронений на территории г. Керчи военнослужащих, погибших в боях за г. Керчь».

«...В этой книге, — писали мне сотрудники музея, — присутствует следующая информация об Аксенове Владимире Архиповиче: 1922 г.р., лейтенант, захоронен 8.06.1943 г. в Камыш-Буруне, перезахоронен в 1948 г. в братской могиле возле ТЭЦ. Сведения достаточно противоречивые, поскольку с конца мая 1942 г. по апрель 1944 г. г. Керчь — оккупированная территория, советских воинских соединений в городе не было, боевых действий не происходило до ноября 1943 г. (высадка десантов на юго-западе и северо-востоке г. Керчи)».

Получается, что ни дед, ни отец могилу в Камыш-Буруне найти не смогли, в том числе и потому, что находилась она на закрытой территории ТЭЦ. Перезахоронение в 1948 году было вызвано принятием Постановления ЦК КПСС и СНК СССР «Об упорядочении воинских захоронений периода Великой Отечественной войны», во исполнение которого одиночные захоронения советских воинов переносились в братские могилы, расположенные в местах, где они не мешали бы ведению хозяйственной деятельности восстанавливающейся после войны страны. На основе этих данных найти место захоронения было уже несложно.

Вот так и закончилась история поиска, длиною в 71 год. Моя семья нашла могилу, где похоронен молодой девятнадцатилетний лейтенант, только начинавший жизнь, брат моего дедушки, один из 26 миллионов погибших граждан Советского Союза. А сколько еще их, навечно девятнадцатилетних, остается ненайденными, похороненными в безымянных могилах, пропавшими без вести?

Весь рассказ уложился в пару листов, но за ними стоят долгие годы поиска трех поколений, обширная переписка, месяцы ожиданий, помощь многих неравнодушных людей. Хочется поблагодарить всех, кто помогал мне в этом нелегком деле: офицеров Центрального архива Минобороны России, поисковиков, работников музея и простых жителей Керчи. Главное найдена могила деда. Но вопросы еще остались. К примеру, почему погибший 20 января 1942 года дедушкин брат был похоронен лишь 8 июня 1943 г., когда Керчь была во власти немцев? Но это уже другая история...

PS. (Из письма отца автора эссе В.Н. Аксёнова к Л.И. Ростовцевой): «...Для меня, названного именем погибшего старшего брата отца — Владимиром и выросшего в военной семье, не стояло выбора, какую выбрать профессию: продолжил фамильную династию в третьем поколении. Прослужил в Вооруженных Силах 34 года. Сейчас работаю в оборонной промышленности. Так сложилось, что и супругу выбрал тоже из военной семьи. Фильм «Офицеры» в какой-то мере и про нас. Старшего сына назвали так же, как в нашем любимом фильме — Егором. Сегодня Егор представляет четвертое поколение нашей офицерской династии. Окончил Общевойсковую академию ВС РФ. Вслед за старшим сыном и младший — Алексей выбрал службу Отечеству, он офицер в органах МВД России».

О ВОЙНЕ, ОТ СЕРДЦА...

Дорогань Сергей Иванович, *55 лет,*
член Правления Тульского отделения Союза художников России,
член Союза дизайнеров России, издатель,
г. Тула

Иван Максимович Дорогань

Мне кажется, что так называемое «цивилизованное общество» все больше становится похоже на стадо диких животных, не имеющих разума, совести, памяти... Но для существования общества и самого человека важно знание и уважение прошлого, ощущение ответственности за будущее. Без понимания откуда мы, кто и что мы есть, невозможно определить куда идти и что искать.

Объективные законы развития неумолимо доказывают: только уважая свою историю и традиции, появляется возможность полноценного развития и роста, как отдельной личности, так и в целом государства. В нашем противоречивом мире есть вечные ценности — добро и зло, жестокость и милосердие, подлость и героизм. Давайте же отдадим дань тем, кто своими жизнями заплатил за наш сегодняшний мир, мир будущих поколений.

У всех есть своя вереница предков, свое «родовое дерево», в большей или меньшей степени знаемое и хранимое в семье. Мой прадед, Калина Денисенко в период столыпинских реформ вместе с сородичами и соседями-односельчанами в поисках лучшей доли рискнул «мах-

нуть» на восток из перенаселенной Полтавской губернии. Народ не боялся труда, обживал новые места, прирастали дворы вокруг. И прадед поставил большой дом, и было немалое хозяйство, и спорилась работа, и умело заправлял Калина делами. Так, в далеких сибирских лесах Алтая появилось целая деревня украинских земледельцев.

Рождались дети, росла семья; одним из ребятишек был мой дед Максим, помощник и опора отца. Но докатились революционные волны и до Алтайских краев. Не в чести у новой власти стали крепкие хозяева, умелые труженики. От греха подальше взял Максим старшую дочь и вместе с дедом Калиной снялись с насиженных мест. А жену с младенцем Иваном на руках родня не пустила в неизвестность. Так сызмальства разошлись дороги моего отца и деда.

...После окончания Великой Отечественной войны пришло папе письмо от сестры с рассказом о том, что воевали мужики с фашистами, и Максим Калинович погиб где-то под Сталинградом. Уже, к сожалению, после ухода папы, мы с помощью интернета узнали о месте гибели и захоронении в братской могиле на волжских берегах Максима Калиновича Денисенко.

А сам Иван Максимович, 17-летним парнишкой в 1944 году правдами и неправдами прорвался на фронт и бил врага в составе минометного расчета. Был награжден самой почитаемой солдатской медалью «За отвагу!», вручаемой за проявленное мужество на поле боя. Это был эпизод со снятием немецкого пулеметчика с высокой колокольни, положившего много наших солдат. Уже в 1945 году папа был ранен в руку в нескольких местах и попал в госпиталь. До конца дней носил он осколки той войны в себе. И, как многие настоящие ветераны, не любил рассказывать о тех, теперь далеких годах. В редкие минуты откровений отец с большим волнением говорил об испытаниях, через которые прошли и зрелые, и юные защитники Отечества.

Дед Алексей с бабушкой, дядей Борей, мамой и тетей

Второй мой дед Алексей, коренной питерец, во время обороны Ленинграда был ранен при бомбежке прямо в цехе завода, на рабочем месте. Ранение было тяжелым, и он не выжил. Старший брат мамы дядя Боря, совсем юный, был в составе подразделения морских курсантов, которое бросили на ликвидацию очередного прорыва фашистов. Он пропал без вести в этой страшной «мясорубке» героической защиты города на Неве. Скорбный мемориал Пискаревского кладбища знаком нашей семье не понаслышке. Как и многим пи-

терцам, нам остается только это священное место, для того чтобы принести цветы в память о погибших родных.

Можно еще в подробностях рассказывать, как в эвакуации в дальнем селе Вологодской области бабушка кормила маленьких маму и тетю оладьями из картофельных очисток. Как спасала их от голодной смерти кружка козьего молока председателя того колхоза... Я никогда не забуду и не перестану повторять своим детям и внукам, как до своего последнего дня бабушка бережно смахивала крошки со стола и съедала их. Это происходило машинально, как естественный рефлекс, к которому в нашей семье привыкли. И помню, как мама, уже в 70-е годы, просыпаясь посреди ночи, шла на кухню, отрезала кусочек черного хлеба, мазала его маслом и съедала это нехитрое лакомство послевоенных лет.

В один из давних Дней Победы, когда вся наша семья собиралась за общим столом, мама тихо произнесла: «Для нас это не праздник, а печальный день памяти наших погибших родных...».

Вот такие совсем простые, но очень близкие и дорогие истории о военном лихолетье, как и у многих наших соотечественников, связаны с нашей семьей. Было ясное и искреннее отношение людей к войне, к ее героям, к живым и павшим, к врагам и союзникам. Говорят, большое видится на расстоянии. Думаю, что наша Победа в 45-м — это слишком большое событие, оценка которого до сих пор подвергается обсуждению и искажению. Тем более важным и значительным представляется мне увековечение памяти об этом великом подвиге народа, его роль в воспитании грядущих поколений, как бы пафосно это не звучало.

Как художник-плакатист, к очередному юбилею я подготовил ряд листов о войне «Наша ПОБЕДА». Один из них посвящен отцу: «Медаль отца», другой — деду «Убит...». В нем силуэтный портрет Максима Калиновича расположен на фоне разворота журнала списков убитых бойцов.

О ТЕХ, КТО УЖЕ НЕ ПРИДЕТ НИКОГДА...

Ермилова Людмила Ивановна, *51 год,*
учитель русского языка и литературы
МОУ «Грибоедовская СОШ»,
Куркинский район Тульской области

Мы, родившиеся в 1960-е годы, ещё хорошо помним участников Великой Отечественной войны. Мы проводили с ними встречи, показывали концерты, помогали по хозяйству. Сейчас же в нашем посёлке и близле-

Дмитрий Иванович Елистратов (1897–1944 гг.)

жащих сёлах уже давно нет ни одного фронтовика. И вот теперь тем более надо воспитывать у молодого поколения гордость за своих прадедов, которые победили фашизм и дали нам возможность свободно жить и учиться.

Что для меня Великая Отечественная война? Это — боль утраты. Я могла бы вспомнить деда Дмитрия, у меня было бы ещё два дяди, двоюродные братья и сёстры. Но их нет. Никого нет. Я скорблю и горжусь тем, что мои самые близкие родственники защитили Родину, они были солдатами Советской армии.

В деревне Горки Куркинского района Тульской области, недалеко от Куликова поля, жила семья моей мамы: родители и семь человек детей. Они занимали половину дома, было тесно. Хотели построить новый, просторный дом, ждали ещё пополнения в семье. Но война всё решила по-своему. В октябре 1941 года призвали на фронт главу семьи Елистратова Дмитрия Ивановича.

Как выживали, одному Богу известно! 7 февраля 1942 года родилась девочка, которую зарегистрировали лишь в апреле, думали, что не будет жить. Мои тёти и дяди, которым уже было 12 лет, бросили школу, и пошли работать в колхоз. Чтобы прокормиться, всей семьёй собирали мороженый картофель, пекли из него лепёшки-«ерофейки», заготавливали навозные брикетики — дров не было, топили кизяком.

Бабушка была рада, если дети подолгу спали и не просили есть. От голодной смерти спасала корова, в огороде сажали капусту, картофель, в саду росли яблони. И всё-таки голод был сильнее. Тогда детей клали в больницу, и они оттуда ходили в школу, благо она была рядом.

25 августа 1942 года на фронт ушёл Михаил, которому в январе исполнилось всего 18 лет. «Миша-учёный» — так звали его друзья, потому что много знал. Хотел учиться дальше, но помешала война. По статистике, юношей 1923 года рождения осталось в живых лишь 3%. Михаил разделил судьбу большинства. Рядового Елистратова М.Д. не стало в июле 1943 года под Прохоровкой на Орловско-Курской дуге. Никто не знает, что с ним случилось, домой пришло скупое сообщение: «Пропал без вести». Убитая горем мать слегла.

А когда через год прислали «похоронку» на отца, дети долго скрывали её от мамы, пока она не нашла её сама. Сапёр Елистратов Д.И. погиб 16 июня 1944 года в селе Кириечи и захоронен в Молдавии: Дубоссарский район, село Дороцкое.

Так они остались одни. Голодали, мёрзли, но выжили. Александр, 1930 года рождения, хотел поступить в Суворовское училище, но на семейном совете решили: будем все вместе. Потерявший отца и брата Николай заявил учителю немецкого языка А.А. Хамину: «Не буду учить фашистский язык!» Как ни разъяснял ему Александр Александрович, что это разные вещи, мальчик так и не посетил ни одного урока. Но учитель в конце года его всё-таки аттестовал.

Уже в 1970-х годах в Горки пришло письмо из Молдавии. Пионеры-следопыты из Дубоссарской школы разыскивали родных погибших воинов, похороненных в братской могиле. Дважды довелось Анне Дмитриевне побывать на могиле отца на День Победы.

Все выросли, стали уважаемыми людьми. До сих пор (в свои 72 года!) работает кассиром на одном из предприятий Москвы Зинаида Дмитриевна, которая даже и не видела отца. Моя мама 39 лет отработала бухгалтером в совхозе «Победа», Александр Дмитриевич, тракторист-свекловод, кроме многочисленных медалей награждён орденом Трудового Красного Знамени. Все Елистратовы — великие труженики — получили звание Ветерана труда!

Отец мой не был участником войны, он родился в 1930 году, а деда не призвали на службу из-за возраста. Всю войну он без выходных работал в кузнице. Из 12 детей в семье Шугаевых остались в живых только два сына и дочь. Остальные умерли во время голода в 1920–1930-х годах.

Двадцатиоднолетний дядя Василий Фёдорович работал на военном заводе. У него была «бронь», его предприятие эвакуировали в Новосибирск, но Василий по-мальчишечьи посчитал, что нечестно сидеть в тылу, когда другие воюют. Он пошёл добровольцем на фронт. Рядовой 1400 ТДБ, в/ч 8060 в июне 1943 года погиб и захоронен в Волгограде, на Мамаевом кургане. Сохранилось последнее письмо, которое я помню дословно: «Пишу письмо на коленке и выступаю в бой. Здесь такое творится, и письмо не дойдёт, и меня не будет!!!» Письмо дошло. После извещения. Его мама, моя бабушка Поля, мечтала о том, чтобы ей привезли землю с Мамаева кургана. И только в 2003 году смогла я прикопать на её могиле мешочек с землёй, в которой перемешаны еловые иголки. Частичка сына находится теперь рядом с родителями.

Погибли мои близкие родственники. За что отдали они свои жизни? За Родину, за родную деревню, за жизнь и счастье родных и близких, за то, чтобы я родилась и жила, за моих детей и внуков, за мир! И это не высокие слова. Почти семь десятилетий прошло со дня Победы СССР в Великой Отечественной войне, и стал моложе меня мой погибший дед, а родные дяди стали по возрасту младшими братьями моих детей.

В нашем поселке Грибоедово есть обелиск, на котором высечены фамилии 143 земляков, не вернувшихся с войны; среди них родные

имена: Елистратов Д.И., Елистратов М.Д., Шугаев В.Ф. Вот они и собрались все вместе на одной табличке.

А на плечи тех, кто вернулся с войны, легли тяжёлые годы восстановления страны. Среди них — и моя свекровь Ермилова (Логинова) Зинаида Даниловна. Она родилась 18 апреля 1924 года. В августе 1942-го восемнадцатилетняя комсомолка Зина ушла добровольцем на фронт. Освобождала Украину, Белоруссию. Войну закончила в Кёнигсберге, а домой вернулась только в сентябре 1945 года. 57 лет была начальником отделения связи.

Как-то один участник войны, заплакав, сказал мне: «Не верь, дочка, что нам не было страшно. Страшно, да ещё как! Это тот так говорит, кто на фронте не был!» А каково приходилось совсем молодой деревенской девушке-связистке!

Мы познакомились с Зинаидой Даниловной в 1980 году, и она в то время уже спокойно, иногда даже с юмором вспоминала свою военную юность: «Закончился тяжёлый бой, в котором полегло много наших; оставшиеся — в подавленном состоянии, а тут командир приказывает строиться и идти к полевой кухне, что находится километрах в трёх отсюда. Взвод построился: «Шагом марш! Песню за-пе-вай!». Но никому не поётся, перед глазами ещё стоит картина боя, убитые однополчане. «На месте стой! Кругом! Шагом марш! Песню за-пе-вай!». И так до тех пор, пока не запели: «Вставай, страна огромная!» Слово командира — закон!»

Дело было весной 1945 года в Прибалтике. Девушки везде одинаковые: и на фронте, и в тылу. Всем хочется быть красивыми. Зина решила сделать шестимесячную завивку — перманент. Сделала, но отстала от части, ждать её никто не собирался, докладывать, куда дальше пойдут, тоже. Она испугалась, что не найдёт своих, ведь по суровым военным законам отставший самовольно считался дезертиром. Но смогла догнать, испуганная и кудрявая, вовремя прибыла в расположение части.

Всю войну Зинаиду оберегал Ангел-хранитель: ни разу её не ранило, не контузило. Это потом жизнь будет наносить удар за ударом: умрёт трёхлетняя дочь, в 18 лет утонет старший сын. И только младший сын и две внучки будут приносить ей радость.

Участница войны Зинаида Даниловна Ермилова умерла 20 июня 2000 года.

Пусть завещанием останутся нам слова Р. Рождественского:

Помните! Через века, через года, — помните!
О тех, кто уже не придёт никогда, — помните!
Не плачьте! В горле сдержите стоны, горькие стоны.
Памяти павших будьте достойны! Вечно достойны!

Три фотографии

Три солдата

Михаил Дмитриевич Елистратов (1924–1943 гг.)

Василий Федорович Шугаев (1920–1942 гг.)

Три фотографии лежат передо мной,
На них без слёз смотреть я не могу.

Вот дед мой, слева; он меня моложе, и живой
Стоит с друзьями на Днепровском берегу.
Он думает: в далёкой стороне,
Там, где Мамай давно был побеждён,
Живётся трудно многочисленной семье.
Туда живым вернуться должен он.
Забрали старшего на страшную войну,
Жена и семь детей живут в деревне Горки .
На печке спят и земляном полу,
Грызут давно засушенные корки.
Вернётся он — построит новый дом,
Увидит младшую, что без него родилась.
И заживут они с женой вдвоём
Так счастливо, что никому не снилось.
Не удалось... И не сбылись мечты...
Он похоронен где-то в Дубоссарах.
Пусть не вернулся дед живым с войны,
Но память светлая о нём в душе осталась.
Он не узнает, как все выживали,
Работать начали в двенадцать лет.
Детей зимой в больницу клали,
Там что-то из еды есть, дома — нет.
Худые, слабые, не сломленные духом,
Они ведь тоже приближали День Победы.
И пусть отныне и навеки будет пухом
Земля, покоятся в которой наши деды!

Мой дядя Михаил, ему здесь девятнадцать,
Красивый, молодой, он в форме ФЗУ.
Хотела бы я в жизни на него равняться,
С ним говорить, встречаться... Не могу.
Кто он — солдат иль мирный житель?
И что плохого людям сделал он?
Учился лишь на «5» и мухи не обидел.
Пропал он без вести, нигде не погребён.
На Курскую дугу попал он в сорок третьем,
В июле. И в тот же месяц Михаил погиб.
Победное «Ура !» на Прохоровском поле он не
встретил,

Совсем молоденький мальчишка-фронтовик.
К нему я не приду (к нему никто и никогда не приходил)
И не склоню в поклоне головы.
Покойся с миром, дядя Михаил.
Пока жива я, будешь жить и ты.
Они живут, погибшие герои,
В наших сердцах и в памяти о них.
И слёзы мы свои о них не скроем.
Не скроем, чтобы больше не было войны.

Ещё хочу я о Василии сказать,
Он дядя мне с отцовской стороны.
Его на фронт и не хотели брать:
Он «бронь» имел, отправлен был в тылы.
Завод военный, где работал Вася,
Снаряды выпускал, курки, затворы.
Но только над страной беда стряслася,
Он посчитал не защищать её позором.
Пошёл на фронт и слал родителям приветы.
Весёлый был, лишь о хорошем думал.
Погиб под Сталинградом в двадцать лет он,
И не успел отцом стать, дедом, кумом.
В моей семье погибли только трое,
Но каждого оплакивала мать.
Семьдесят лет минуло с того горя.
Века пройдут — войну не смейте забывать!

Автор — Л.И. Ермилова,
учитель МОУ «Грибоедовская СОШ»,
октябрь 2014 г.

Литература

1. Электронная версия Тульской областной Книги Памяти ППП CDS/ISIS, версия 3.08 (система безвозмездно разработана АО «Репроникс Лтд.» совместно с Редакционной коллегией Тульской областной Книги Памяти и НИИ репрографии, г. Тула к 55-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-45 гг.).
2. Книга Памяти, 1941-1945: Российская Федерация, Тульская область: [в 17 т.] / издатель: Администрация Тульской области. — Тула, 1994-2002.
3. Книга Памяти. 1941–1945. Тульская обл. Российской Федерации. В 12-ти тт. Т. 12 / Худ. А.Н.Гришенков, Н.К.Захаров.— Тула: АО «Репроникс Лтд.» Администрация Тул. обл., 1997.— 888 с., ил.
4. КП ТУЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ http://tounb.tula.net/book/centr_a.pdf

МЫ НЕ ДОПЕЛИ, НЕ ДОГОВОРИЛИ...

Молодой летчик Владимир Жаров

Жаров Юрий Владимирович, *61 год, предприниматель, г. Тула*

Как объяснить тому, кто с нами не был,
Какая здесь стояла тишина,
Как с грохотом на нас упало небо,
В которое нас бросила война?
Я помню всех, кого сегодня нету,
Кто рядом шёл, наперекор судьбе.
Они ушли однажды в это небо,
И небо их оставило себе...

Андрей Лукьянов

Шёл 35-й год после окончания Великой Отечественной войны.

Молодой лётчик, заместитель командира лётного отряда Тульского аэропорта Владимир Сергеевич Алёшин уже задолго до 9-го мая 1980 года начал подготовку ко Дню Победы, этому великому торжеству и любимому народному Празднику. Еще живы были участники страшной войны — лётчики, работающие на их авиационном предприятии, одним из которых был мой отец, истребитель Жаров Владимир Никифорович, работающий в то время в должности начальника штаба их лётного отряда. Судьбе было угодно, чтобы Жаров стал одним из прототипов известного в то время фильма «В бой идут одни старики».

В.С. Алешин задумал отпраздновать этот День Победы необычно, хотел всё организовать так, как у Валентины Леонтьевой, — в то время известной телеведущей одной из самых любимых в Советском Союзе телепрограмм «От всей души». Он стал посещать военкоматы города Тулы, изучать документы офицеров запаса — участников войны, работающих вместе с ним в Тульском аэропорту. И его старания не пропали даром — он собрал захватывающие материалы; информация о лётчике-истребителе Владимире Никифоровиче Жарове особенно поразила его. Из уже пожелтевших военкоматовских листков он узнал подробно обо всех боевых вылетах этого лётчика, о том, как он сбивал самолёты фашистских стервятников и как сбивали его, как он выжил. С волнением Владимир Алёшин рассказывал мне, как держал в своих руках наградные листы многочисленных боевых наград моего отца.

Наступил 35-й День Победы. Актовый зал Тульского аэропорта был переполнен. Затаив дыхание, все слушали рассказ Владимира Алёшина о воздушных схватках в небе советского лётчика-истребителя Вла-

димира Никифоровича Жарова с немецкими асами. А когда на сцену был приглашён сам герой, то все в зале встали и долго аплодировали мужественному лётчику.

Прошли годы, Жаров уволился с работы по состоянию здоровья. Его торжественно провожал весь многочисленный коллектив Тульского аэропорта, заполнив большой актовый зал ДК оружейников на ул. Володарского. На сцене снова Владимир Сергеевич Алёшин и любимый всеми Владимир Никифорович Жаров. Трудно было представить в уже пожилом и скромном человеке, стоящем на сцене, героического военного лётчика.

А потом его не стало. После похорон, на поминках, В.С. Алёшин передал мне свою тетрадь с записями о военной жизни моего отца на фронтах Великой Отечественной войны и выразил надежду, что я когда-нибудь напишу книгу.

Вот и наступило это время. Я пишу о своём отце. Пишу с уважением, гордостью и любовью.

* * *

Отец мой Жаров Владимир Никифорович родился в Москве 6 июля 1922 года. Его мать и моя бабушка Ульяна Антоновна, в девичестве Мазурова, родом из глухой деревни Смоленской губернии, отец Никифор Жаров — москвич, корни которого в подмосковной Кашире. Ульяна Антоновна (бабушка Уля) приехала в Москву ещё до революции 1917 года, устроилась горничной к домовладельцу Киселёву, имевшему двухэтажный дом в Хавском переулке.

В 1937 г. отец пошёл учиться на слесаря в ФЗУ при заводе «Красный пролетарий». Особенную тягу имел к математике, физике и другим точным наукам. После завершения учебы отец поступил слесарем на завод «13-ой годовщины Октября».

В то время политическое руководство страны приняло решение о резком увеличении военно-воздушных сил («Стране нужны сто тысяч лётчиков»), и отец по Сталинскому призыву поступил в ноябре 1940 года в Пролетарский аэроклуб, который окончил в марте следующего года и был направлен в Цнорис-Цхальскую военную школу пилотов, в Грузию. Окончив её в ноябре 1941 г., освоил полёты на легендарном И-16. «Ишаки», как называли их пилоты, были хороши «на горизонталях», могли облететь вокруг телеграфного столба, а «на вертикалях» значительно уступали в скорости «мессерам» и поэтому часто проигрывали воздушные бои. Это стало ясно уже в Испании.

С ноября 1941-го по июнь 1942 года отец переучивался летать уже на более современных ЛАГГ-ах в Руставской военной школе пилотов, после окончания которой был направлен в Учебно-тренировочный авиаполк при воздушной армии на аэродром «Насосная» в Азербайд-

жане. В учебном полку пробыл по сентябрь 1942 года, и затем направлен в истребительный авиаполк в действующую армию. При перелёте из учебного полка на фронт из девяти самолётов (а полёт проходил ночью через горы Кавказа) три не долетели: врезались в гору. Курсанты летели без сапог в одних обмотках: в «учебке» сапог не хватало, надеялись, что на фронте выдадут новые… тем, кто долетит.

Настоящая война началась для отца на Закавказском фронте с сентября 1942 года. И уже на третьем своём боевом вылете он был сбит немецким «мессершмиттом». Горящий самолёт не бросил, решил дотянуть до своих, но не смог, упал в лес. При падении его выбросило из самолёта, он получил контузию.

За всю войну отца сбивали восемь раз. Много? Да, много. Но если разделить 646 боевых вылетов на 8, то получится, что его сбивали в среднем лишь один раз за 81 боевой вылет. Сам же лично он сбил девять вражеских самолётов. И вот как-то к очередному Дню авиации Тульская областная газета «Молодой коммунар» написала статью об отце, где было сказано, что Жаров Владимир Никифорович шутит, что не принёс за всю войну почти никакой пользы: его сбили восемь раз, а он сбил девять самолётов врага…

Небо любило отца, и он любил небо. Восемь раз горел он в своём самолёте, но ранен был только однажды: 2 октября 1944 года осколками снаряда в голову и ногу. Вот как об этом рассказывал его близкий друг, майор в отставке Лебедев Александр Георгиевич (я его называл дядя Саша).

— Шестёрка истребителей ЛАГГ-3, ведомая Жаровым В.Н., возвращалась из очередного разведывательного полёта со стороны Крыма на свой аэродром под Таманью. При пересечении береговой линии немцы открыли сильный зенитный огонь по нашим самолётам. Один снаряд попал в хвостовую часть истребителя Жарова. Самолет резко стал падать. Прыгать с парашютом было крайне опасно: море штормило, время было холодное — март месяц. Жаров по рации передал своё решение попробовать посадить машину на воду. Шансов остаться в живых было мало, на всякий случай, попросил передать матери, как погиб её сын.

— Мы видели, — продолжал Лебедев, — как Жаров дотянул самолёт до середины пролива и упал в воду. До нашего берега ему оставалось километра два. Время шло к вечеру, темнело. Наша пятёрка самолётов выстроилась в круг, два раза облетела место падения, но следов упавшего самолёта не обнаружила. Мы попрощались с Володей покачиванием крыльев и вернулись на свой берег. Уже после нам стало известно, что наблюдатель береговой батареи обнаружил его в море державшимся за фрагмент крыла самолёта. Послали ему на помощь катер, но немцы, заметив наших, открыли сильный пуле-

мётный и артиллерийский огонь. Они решили взять в плен лётчика. Это продолжалось около двух часов, пока совсем не стемнело. Уже в полной темноте к летчику подплыл на лодке местный рыбак, багром зацепили его за кожаную куртку и окоченевшего доставил на наш военный катер, где ему начали оказывать необходимую помощь. Растёрли спиртом, дали выпить граммов двести чистого спирта и уложили спать. Через сутки живым и здоровым он уже стоял с докладом перед командиром полка. Закончил доклад словами: «Разрешите получить новый самолёт и приступить к полётам».

Весной 1944-го наши начали освобождать от немцев Крым. Полк, в котором служили и воевали отец и дядя Саша Лебедев, был особенный. Полное его название — 163 гвардейский орденов Красного Знамени и Суворова Феодосийский истребительный авиаполк. В его составе было более десятка лётчиков-аэрофоторазведчиков. У моей мамы Капитолины Николаевны сохранился фотоколлаж, на котором помещены маленькие фотографии всех аэрофоторазведчиков полка. Над фотографиями погибших, рукой отца, поставлены крестики. Таких большинство.

Зимой и ранней весной 1944-го года наша аэрофоторазведка Крыма работала на полную мощь. Лётчики на разведывательный вылет, как правило, летели шестёркой на самолётах ЛАГГ-3, оборудованных фотоаппаратурой. Обнаружив противника, они сообщали по рации в штаб дивизии, возвращались навстречу тут же поднятым в воздух штурмовикам ИЛ-2, сопровождали их до места обнаружения противника, прикрывая с воздуха. И в 1943-м отец получил свой первый орден Боевого Красного Знамени.

В районе Керчь — Феодосия на одной из железнодорожных станций было обнаружено скопление немецких воинских эшелонов с техникой. Эшелонов было больше двадцати. Сообщив об этом и встретив для сопровождения наших штурмовиков, авиагруппа полностью разгромила железнодорожный узел с немецкими эшелонами. Перед началом наступления наших войск это было особенно важно.

И уже возвращаясь на свой аэродром, лётчики по рации услышали о награждении всех шестерых орденами Красного Знамени. Прямо на лётном поле после приземления ордена вручил представитель ставки, в то время находящийся в штабе дивизии, маршал Ворошилов Климент Ефремович. А за освобождение Севастополя отец вскоре получил и второй свой орден Боевого Красного Знамени, сбив в районе Сапун-горы два немецких самолёта: «юнкерса» и «мессершмитта».

Как я уже сказал, отец совершил 646 успешных боевых самолёто-вылетов. Из них на разведку войск противника — 478, на сопровождение штурмовиков и бомбардировщиков — 83, на прикрытие

наземных войск — 67, на перехват бомбардировщиков — 18, на штурмовку войск противника — 10. Участвовал в 63 воздушных боях.

И вот 2 января 1945 года вышел Указ о награждении Жарова Владимира Никифоровича высокой наградой — орденом Александра Невского.

Отец утверждал, что сам лично он сбил девять самолётов и два самолёта сбил в групповых боях (это когда по немецкому самолёту стреляли несколько наших). Однако, в наградном листе (который, по неизвестным причинам, так и не был реализован) на звание Героя Советского Союза по поводу сбитых самолётов имеется более скромная запись: семь лично сбил и один подбил.

Дело в том, что в наградном листе (тем более на такое высокое звание) указывались только те факты, которые были документально подтверждены. Подтверждением выступало либо засвидетельствование «соседей» — лётчиков других лётных полков, либо фотография реально лежащего на земле немецкого самолёта, который ты сбил, и это к тому же подтверждали свои лётчики, участвовавшие в данном бою. А воевал отец два года на Кавказе, в небе над горной и лесистой местностью, а также над морями Чёрным и Азовским, где увидеть сбитый самолёт противника было иногда невозможно. Отсюда это досадное расхождение в цифрах. Впрочем, какая разница! Сам-то он хорошо знал свои сбитые. А для его матери Ульяны Антоновны важнее было, что её сын остался жив.

Вот ещё несколько эпизодов, героем которых был мой отец. Их описание я без изменений приведу из наградного листа на звание Героя.

«5 августа 1943 года, выполняя боевое задание по разведке войск противника, в районе Теменюк-Варенниковская обнаружил немецкую автоколонну в количестве до 200 автомашин, сопровождавших боеприпасы к фронту, о чём своевременно доложил с борта самолёта по радио на КП полка, а сам начал штурмовать автоколонну. Лично сам уничтожил две машины.

Спустя четыре дня, выполняя боевое задание по разведке войск противника, в районе Теменюк–Молодованская–Варениковская обнаружил автоколонну противника с военным грузом и пехотой до 150 единиц, о чём своевременно доложил командованию по радио. По данным разведчика на штурмовку автоколонны были высланы штурмовики, которые нанесли удар по технике врага. На обратном пути наша группа встретилась с четырьмя МЕ-109Ф и вступила в воздушный бой. В результате тов. Жаров сбил один самолёт МЕ-109Ф».

А ниже приведу один эпизод, из которого становится ясно, что жизнь своих боевых товарищей, лётчиков для отца была гораздо важнее сбитых им лично самолётов.

«28.05.43 г. при сопровождении штурмовиков ИЛ-2 на штурмовку войск противника в районе Киевская (станица) группа в составе трёх ЛАГГ-3 при подходе к цели встретилась с восемью МЕ-109Ф, которые пытались атаковать наших штурмовиков и истребителей. Разгадав манёвр противника, тов. Жаров своими смелыми атаками выбил из-под хвоста штурмовика ИЛ-2 самолёт противника. Вторая пара самолётов противника атаковала ведущего ИЛ-2. Заметив это, тов. Жаров резким разворотом на 180 градусов отбил атаку самолёта противника, чем спас жизнь лётчика штурмовика и обеспечил выполнение боевого задания».

С большой долей вероятности, спасённый лётчик-штурмовик ИЛ-2, судя по всему, ведущий группы, был не кто иной, как впоследствии Главком ВВС, главный маршал авиации Ефимов Александр Васильевич, дважды Герой Советского Союза. Помню, в 70-е годы смотрим с отцом программу «Время», в конце которой передают, что новым Главкомом ВВС решением ЦК КПСС и Совета министров СССР назначен маршал авиации Ефимов Александр Васильевич. Отец отреагировал с радостным спокойствием: «О, Сашка Ефимов уже Главком!». На мои вопросы отец ответил, что полк штурмовиков ИЛ-2, в котором командиром эскадрильи воевал Александр Ефимов, был в составе их дивизии, и базировались они совсем рядом. И, как правило, на прикрытие эскадрильи Ефимова вылетала эскадрилья Харламова.

Приведу ещё несколько эпизодов из офицерского личного дела моего отца. 3 октября 1943 года при выполнении боевого задания по прикрытию наших войск в районе озера Солёное группа истребителей встретилась с четырьмя «мессерами», и завязался воздушный бой. Являясь ведущим пары ЛАГГ-3, Жаров заметил, что его ведомого атакуют два «мессершмитта», развернул свой самолёт и пошёл на выручку товарищу. Смелыми атаками с дистанции сто метров в упор расстрелял один МЕ-109, который упал вместе с экипажем в районе на восемь километров юго-западнее Тамани.

12 ноября 43-го года, выполняя боевое задание по прикрытию своих войск в районе Керчи, группа из 12 немецких бомбардировщиков Ю-87 («юнкерсов») под прикрытием МЕ-109 пытались бомбардировать наш передний край обороны. Решив сорвать выполнение поставленной задачи противника, Жаров, возглавляя группу нашей шестёрки истребителей, вступил в бой. Самолёты противника были вынуждены нарушить боевой строй, беспорядочно сбросили бомбы и пустились наутёк. В этом бою Жаров лично сбил один Ю-87.

30 июня 44-го года в северном районе участка 2-го Белорусского фронта нашими войсками была окружена дивизия противника, которая пыталась с боями прорваться на запад. Нужно было установить местонахождение немецкой дивизии и дать цель боевой авиации. Не-

смотря на огонь зенитной артиллерии и плохую погоду, Владимир Жаров снизился до бреющего полёта и точно определил местонахождение окружённых войск врага. Тотчас же туда была выслана штурмовая и бомбардировочная авиация.

Далее в офицерском личном деле сказано: «В воздушных боях ведёт себя смело, навязывает противнику бой и всегда выходит победителем. В полку заслуженно считается лучшим разведчиком. Выполняя боевые задания по разведке войск противника, доставляет командованию ценные данные о противнике.

Выполняя боевые задания по разведке войск противника на Втором Белорусском фронте, доставлял командованию ценные данные о противнике, что дало возможность войскам фронта вести стремительные наступления по освобождению Белоруссии и Польши, взятию Берлина».

Мне известно, что во время Отечественной войны за 100 штурмовых вылетов (на ИЛ-2) присваивали звание Героя и за 100 разведывательных вылетов также присваивали звание Героя! За 300 успешных боевых вылетов истребителей также награждали Звездой Героя. А отец совершил 478 разведывательных вылетов! И 646 успешных боевых вылетов!

Сразу после войны командующий 4-й воздушной армией (впоследствии главком ВВС) генерал Вершинин дал поручение командиру дивизии, где служил отец, послать на парад Победы от дивизии шестерых особо отличившихся лётчиков. От 163 полка были выбраны на Парад победы двое «замкомэсок»: Масягин и мой отец Жаров.

24 июня 1945 года мой отец Жаров Владимир Никифорович вместе с шестью боевыми друзьями в составе войск Действующей армии, Военно-морского флота и Московского гарнизона принял участие в Параде Победы Москве на Красной площади.

В назначенное время вместе с боем кремлевских курантов на Красную площадь выехал заместитель Главнокомандующего, командующий 1-м Белорусским фронтом, маршал Советского Союза Г.К. Жуков.

Грянули торжественные звуки мелодии Глинки, после чего раздались четкие слова командующего парадом маршала К.К. Рокоссовского. Рокоссовский, отдав рапорт принимающему парад Жукову, вместе с ним совершил объезд войск. А над Красной площадью раздались величественные звуки гимна Советского Союза, прозвучало 50 залпов артиллерийского салюта.

С перезвоном кремлевских курантов ровно в одиннадцать часов на площадь вступили сводные полки-колонны военнослужащих. В этих колоннах среди почти 15 тысяч участников Парада Победы шёл и мой отец — лётчик Владимир Никифорович Жаров.

ВСПОМИНАЯ О РОДИТЕЛЯХ

Жигунов Виктор Владимирович, *68 лет,*
профессор кафедры физики
ФГБОУ ВПО «Тульский государственный университет»,
доктор технических наук,
г. Тула

Моя мама Жигунова Мария Гавриловна родилась 3 ноября 1926 года в Брянской области. Летом 1943 года в неполные семнадцать лет ушла добровольцем на фронт. За образцовое выполнение заданий командования награждена орденом Отечественной войны и пятью боевыми медалями. В 1945 году после Победы родители поженились и вместе прожили всю жизнь.

Командир авиаэскадрильи 140-го штурмового полка гвардии капитан В.Р. Жигунов, 1950 г.

Отец Жигунов Владимир Романович родился 9 апреля 1920 года в Могилёвской области. Он начал службу в Красной Армии в 1941 году, поступив в мае этого года в Одесскую военную авиационную школу пилотов, которую окончил в 1942 году как лётчик-истребитель. В связи с большими потерями в личном составе штурмовой авиации он был направлен в запасной штурмовой авиационный полк, где прошёл курс обучения для полётов на самолёте Ил-2.

Самолёт Ил-2 имел тяжёлое вооружение: две 37 мм пушки, реактивные снаряды и бомбы. Для поражения танков использовались специальные противотанковые бомбы. Само название типа самолётов — штурмовик — говорило о том, что основное его предназначение состояло в уничтожении живой силы и техники противника. Эффективность их боевого применения подтверждается хотя бы тем, что в фашистской Германии была учреждена специальная медаль за сбитый штурмовик.

На фронтах Великой Отечественной войны отец был с июля 1943 года. С первых дней пребывания на фронте он участвовал в боях на Курской дуге. Воюя в составе Степного и 1-го Украинского фронтов, освобождал Харьков, Полтаву, Кировоград, Кривой Рог, Львов, содействовал войскам в успешном форсировании рек Днепр, Днестр, Прут, обеспечивал прорыв обороны противника на Сандомирском плацдарме в Польше.

Вместе с другими лётчиками 1-го гвардейского штурмового авиационного корпуса он участвовал в Корсунь-Шевченковской и Яссо-Кишинёвской операциях, в боях за Берлин.

К январю 1945 года отец, являясь командиром звена 140-го гвардейского Киевского Краснознамённого ордена Богдана Хмельницкого штурмового авиационного полка, совершил 109 боевых вылетов на штурмовку железнодорожных эшелонов, аэродромов, скоплений войск противника и был представлен к званию Героя Советского Союза. В представлении написано, что на его личном боевом счету было 9 уничтоженных танков, три артиллерийские батареи, 28 автомашин с войсками и грузами, два взорванных склада с боеприпасами и один с горюче-смазочными материалами, один уничтоженный железнодорожный эшелон, один подожжённый пакгауз, два сбитых самолёта и до двух взводов уничтоженной пехоты противника.

Последний из 194 боевых вылетов был совершен отцом 10 мая 1945 г. на штурмовку немецко-фашистских войск в окрестностях Праги. За успешный ракетно-бомбовый удар по живой силе и технике противника он был награждён Чехословацким Военным крестом.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 июня 1945 года за образцовое выполнение заданий командования и проявленные при этом мужество и героизм, гвардии лейтенанту Жигунову Владимиру Романовичу присвоено звание Героя Советского Союза с вручением медали «Золотая Звезда». Он также был награждён орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степеней, орденом Красной Звезды и медалями.

Кроме боевых наград, отец удостоился 13 благодарностей Верховного Главнокомандующего маршала И.В. Сталина и трёх благодарностей командующего 1-м Украинским фронтом маршала И.С. Конева.

После войны отец продолжал службу в армии. Летал на самолётах Ил-10 и Миг-15. В 1955 году окончил Краснознамённую Военно-воздушную академию и командовал истребительно — бомбардировочным авиационным полком.

9 мая 2000 года отец последний, одиннадцатый раз принял участие в военном параде на Красной площади в строю ветеранов 1-го Украинского фронта.

В феврале 2015 года приказом главкома ВВС России генерала Бондарева В.Н. имя гвардии полковника Жигунова В.Р. присвоено самолёту-штурмовику СУ-25 Липецкого авиационного центра. Он навечно зачислен в список штурмовой авиаэскадрильи и снова в небе со своими молодыми друзьями.

Самолет «Владимир Жигунов»

СЕМЕНКОВ ВЛАДИМИР НИКАНОРОВИЧ

Карамова Ольга Владимировна, *58 лет,*
доцент кафедры «Экономическая теория»
Финансового университета при Правительстве Российской
Федерации, доктор экономических наук
г. Москва

Папа мне в детстве много рассказывал о том, как он воевал. Его воспоминания настолько живые, с житейскими подробностями, благодаря которым драматические события войны встают перед глазами как живые.

Владимир Никанорович Семенков

Сразу, как началась война, папа пошел в военное Саратовское училище. Их учили не просто воевать на танках, а в условиях химической войны. Молодым ребятам хотелось быстрее вступить в бой, война громыхала на всех фронтах, а их все не бросали на фронт.

Шел 1944 год. Танковый полк загружают на железнодорожные платформы. Танки маскируют под тракторы. Танкисты едут рядом со своими боевыми машинами. Папа воевал на американском танке «Шерман», был командиром взвода и зам. командира первой роты 3 танкового полка 37 механизированной бригады, которая входила в состав Первого мотомеханизированного корпуса, возглавляемого генерал-лейтенантом Кривошеиным. Танк был маневренный, внутри относительно благоустроенный для четырех танкистов.

Эшелоны шли в Белоруссию. Папа воевал в так называемом Белорусском прорыве. Их бригаду бросили прорываться в тыл врага. Живыми оттуда почти никто не вернулся, поэтому папа никогда не ходил на встречу с однополчанами. Встречаться было не с кем.

В те героические дни 1944 года их танковая бригада должна была пройти через болота в тыл к немецким захватчикам. Для танков делали из деревьев настил, по которому они медленно, не останавливаясь, двигались. Папа рассказывал, как это было трудно. Главное условие было — ни в коем случае не вставать, иначе болото сразу засасывало тяжелую машину. Дергать танк и быстро двигаться тоже было нельзя. Сзади на машинах были звездочки, которые светились на разном расстоянии. Если нужна была самая большая дистанция между танками, то должна быть видна только одна звезда. При самом малом расстоя-

нии — все три. По рациям танкисты так и говорили: «Идем на одной звезде» или «На две звезды».

По пути бригада проходила через деревеньки и поселки. Один раз они заночевали в деревне. В доме хозяйками остались мать и дочь, мужчины были на фронте. Папа отдал им свой паек, в который входила тушенка, шоколад и еще какие-то продукты. Судьба распорядилась так, что когда раненый, истекая кровью, он выбирался к своим, то попал опять в этот дом к этим сердечным женщинам. Они уговаривали папу остаться у них, хотели выходить его. Но он шел к своим войскам.

В ту роковую ночь 1 июля 1944 года перед танковым полком поставили задачу прорваться в жилой пункт и занять его. Они выполнили задание и взяли вражеские укрепления. Но потом, рота наткнулась на силы, превосходящие их. Папа рассказывал, что увидел перед глазами огненный шар, а потом было темно. Когда он очнулся, в танке все погибли, а левая рука по локоть была вся разбита и болталась. Хлестала кровь. Каким-то чудом ему удалось открыть люк и выбраться из танка.

После этого воспоминания обрывочные. Папа, прижав израненную руку к груди, шел к своим. Когда появились военные части, всех раненых погрузили в машину. Очнулся папа в темном большом сарае, кругом лежали израненные и мертвые солдаты. Вдруг открылась дверь, в сарай ворвался луч света, в двери возник силуэт девушки санитарки. Папа застонал, она от испуга вскрикнула и убежала. Вскоре пришли санитары с носилками и перенесли папу в медицинский шатер к живым. Врач-хирург, женщина средних лет, спросила: «Ну, что, паренек, будем делать с рукой?» И папа ей ответил: «Поступайте так, как Вы бы сделали своему сыну». И она ампутировала левую руку по локоть и тем самым спасла папе жизнь. Так в 21 год мой папа стал инвалидом Великой Отечественной войны. Но это не помешало ему прожить яркую, трудовую и счастливую жизнь. У меня с детства не было никаких вопросов и сомнений в том, что мой папа самый лучший, умелый и может с одной рукой делать все, включая строительство домика на дачном участке.

За героический бой папу наградили орденом «Красной Звезды» в августе 1944 года. Когда держу в руках орден — тяжелую рубиновую пятиконечную звезду — перед глазами всплывают лица людей, огонь, бой, как будто сама участвовала в этой освободительной войне.

И еще один фронтовой случай. Когда раненого папу начали переводить из одного госпиталя в другой, его положили в палату, а бойца с койки, что стояла рядом, забрали на операцию. Утром сосед, обращаясь к папе, называет его по фамилии и просит дать воды: «Семенков, налей стакан воды!» Папа, конечно, удивился, откуда незнакомый человек знает его фамилию. Оказалось, что на этой кровати до

него лежал папин брат Юрий Семенков!!! Вот так война свела братьев, но не дала им встретиться.

С фронта вернулись все три брата — Николай, Юрий и Владимир. Это была неописуемая радость для семьи. Все братья, старшая сестра Люба и младшие Миша и Наташа, очень дружили и поддерживали друг друга всегда.

НАША ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА

Кашицын Виктор Валентинович, *60 лет,*
профессор, начальник кафедры
экономической теории и мировой экономики
Государственного морского университета им. адм. Ф.Ф. Ушакова,
кандидат экономических наук,
г. Новороссийск

Приближается великая дата — 70-летие Победы. Невольно вспоминаешь знаковые события нашей Великой битвы света с тьмой, битвы, в которой участвовал весь народ, все поколения, в том числе и моя семья.

Мой отец Кашицын Валентин Сергеевич родился 12 мая 1925 г. в селе Пречистая Гора Юрьев-Польского района Владимирской области в семье Героя Первой мировой войны, офицера, потерявшего в ожесточенной кавалерийской атаке ногу в 1916 г. Но это деду не помешало вырастить пятерых сыновей-офицеров и двух дочерей. Все братья, за исключением младшего, стали участниками войны. Трое были ранены, один — Александр Сергеевич Кашицын — погиб в 1941-м под Псковом. Место захоронения удалось найти только спустя 50 лет. Младший из братьев, Геннадий Сергеевич, после долгих поисков все-таки нашел место захоронения.

Отец Валентин Сергеевич, обучаясь в 1943 г. в лесотехническом техникуме и пройдя ускоренные офицерские курсы, попал на фронт летом в 1943-м в преддверии наступления на Киев. Участвовал в форсировании Днепра и взятии Киева, где был тяжело ранен в ногу. После длительного лечения был зачислен в состав формирующихся частей погранвойск, восстанавливающих западную границу между Украиной и Польшей (г. Сокаль Львовской области), где и прослужил до 1952 г. Затем погранзастава в 50-ти км от Батуми на границе с Турцией, где я в 1954 г. и родился. Потом служба в штабе округа в Тбилиси и затем — в погранотряде г. Новороссийска. Одним словом, верность профессии «защищать Родину», унаследовав с братьями от деда, мой

отец сохранил в течение всей своей жизни. Дед, георгиевский кавалер, встречая сыновей-офицеров, награжденных многочисленными боевыми наградами, очень гордился ими, так как воинская традиция поддерживалась в их роду, по рассказам деда, с X века.

И мне пришлось в многочисленных разговорах с дедом долго отстаивать право поступать в МГУ им. М.В. Ломоносова, так как воинская традиция практически прерывалась. Убедила деда, в конце концов, аргументация по поводу нарастающей значимости фронта экономического. Благословил, сказав напоследок, что экономический Змей Горыныч еще долго будет терзать русскую землю. И, как говорится, как в воду глядел: для нас действительно экономика всегда была войной, а война — экономикой. А здесь побед, по его утверждению, явно не хватает.

Проработав всю жизнь лесничим и размышляя над перипетиями двух мировых войн и готовящейся третьей, дед хорошо понимал, каких сил и какого напряжения будет стоить в будущем непрерывная подготовка к войне как главный фактор независимости, свободы и суверенитета. И вне зависимости от того, как он относился к той или иной системе и к тому или иному лидеру страны, критерием оценки всегда был вклад в потенциал обороны, в формирование воинского духа. Все остальное вторично. Поэтому беспокоили деда в его размышлениях о судьбах страны, прежде всего, три супертемы: обороноспособность, рождаемость (семья) и предательство в широком смысле!

Вообще в разговорах с дедом, отцом, с родственниками и знакомыми ветеранами войны часто чувствовалось стойкое нежелание говорить о войне и, особенно, о своем личном в ней участии. В лучшем случае, всегда мы и никогда я. Очевидно, страдания и жертвенность воспитывают в человеке скромность и мудрость.

Вглядываясь в глаза ветерана войны, ощущаешь часто стыд и угрызения совести за все несовершенство, несправедливость и непотребство нашей жизни. Велик русский человек в своих страданиях, своём стоическом терпении, в своём самоотречении, в своей думе о справедливости и неумолимом стремлении к ней. Эти глаза одновременно и приговор современному человеку, и великий побудительный мотив к возвращению к жизни, развитию, солидаризму и Победе!

Ну а пока приходится констатировать, что несмотря на определенно наметившийся и уже происходящий поворот страны к своим истокам, истории, к своим ценностям, к проблематике развития, разрыв между последними двумя (как минимум) поколениями и всеми остальными продолжает оставаться существенным. Характерным в этом смысле является один из немногих в современной России человеческих фильмов «Мы из будущего», где четверо современных молодых людей («черные копатели») попадают неожиданно для себя в самое пекло

Великой Отечественной войны. Фильм более чем знаковый, цельный и полезный в плане преодоления обозначенного выше разрыва. И самое главное, фильм определенно взывает к возможно будущему фильму «Мы из прошлого», где четверо молодых воинов Великой Отечественной войны из пекла сражений 1942–1943 гг. попали бы в наше время. Думается, такой сюжет не остался бы без внимания.

Такие вот мысли приходят накануне 70-летия Великой Победы.

Да будут святы погибшие, почившие и живущие Победители!

Да здравствует Победа и победа прежде всего над самими собой!

P.S. Не можем не сказать доброго слова и об авторах-составителях-учредителях данного конкурса-проекта и его оргкомитете. Уверены, что в наше сложное время задумать и реализовать данный проект могут только замечательные и светлые люди! Низкий поклон.

ОНИ ЗАЩИЩАЛИ СВОЕ ОТЕЧЕСТВО

Курьяков Иван Андреевич, *78 лет,*
Омский филиал ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»,
канд. экон. наук, доцент
профессор Академии Военных Наук,
Действующий член (академик) Международной Академии
Наук Экологии и Безопасности жизнедеятельности,
г. Омск

Великая Отечественная война 1941–1945 годов явилась серьезным испытанием не только для всего общества и мировой цивилизации, но и каждого гражданина Советского Союза, поднявшегося на защиту своей Родины от полчищ фашистской Германии.

Мой папа Курьяков Андрей Степанович родился в 1912 году, работал трактористом в колхозе имени С.М. Кирова Пресновского района Северо-Казахстанской области Казахской ССР. Призван на войну был в самом ее начале. Принимал участие в боях под Ленинградом. Водил машину, которая подвозила снаряды. Был ранен, но с поля боя не сходил, и снова, как он об этом писал в письмах, уходил в бой на защиту Родины. В 1942 году он погиб смертью храброго воина страны в день моего рождения 15 февраля в возрасте 30 лет. Мама Курьякова Анна Степановна, 1910 года рождения, всю свою жизнь проработала в том же колхозе, награждена медалями за ратный труд в тылу. Дожила почти до 90 лет.

Мне было всего шесть лет, когда погиб мой папа. Я его помню смутно. Но в памяти остался случай, как перед войной я самостоятельно

пошел к нему в стан, где он находился с другими трактористами. Пока я нашел его, то немного поблуждал по полю среди лесов. Но папа меня не поругал, а внушение сделал и накормил какой-то вкусной кашей.

Неизгладимый след в памяти оставил эпизод, когда почтальон принес к нам в старенький домик похоронку о смерти папы. Перед моими глазами до сих пор стоит моя дорогая мама, которая очень сильно плакала и потеряла сознание. И как не плакать?! В 30 лет она потеряла мужа и осталась вдовой с тремя детьми и свекровью. Царство им небесное. Они были и остались для всех нас самыми замечательными людьми.

Как жаль, что папы давно нет —
Погиб в начале мировой.
Всего в неполных тридцать лет
На той передней, огневой...

С этого же села были призваны на войну еще два старших родных брата моего папы: Курьяков Матвей Степанович и Курьяков Фрол Степанович, а также два сына Матвея Степановича: Курьяков Матвей Матвеевич и Курьяков Петр Матвеевич.

Все они, к счастью, вернулись с войны живыми, но все получили ранения разной степени тяжести. Очень тяжелое ранение получил старший лейтенант Матвей Матвеевич, участвуя в боях под Москвой. Вопрос стоял об ампутации ноги, но врачи военные сделали все возможное, и молодому лейтенанту сохранили ногу. Сначала он ходил на костылях, а потом уже и без их помощи, хотя нога была намного короче другой. Но он по-прежнему оставался веселым, задорным и привлекательным мужчиной. Женился на прекрасной девушке из своего же села Марии Тихоновне, которая всю свою жизнь проработала в животноводстве и желанно родила ему двух сыновей и дочь.

Мой двоюродный брат Курьяков Петр Матвеевич закончил войну в Берлине. Как и старший брат Матвей Матвеевич, он принимал самое активное участие в жизни своего трудового коллектива. Их обоих уже нет в живых. Мне их так сейчас не хватает! Они были очень честными и порядочными людьми. После возвращения с войны Матвей Матвеевич работал главным бухгалтером в своем колхозе, а после ухода на пенсию — продавцом. Был уважаемым человеком на селе за доброту, честность и уважительность. Остался в памяти как примерный семьянин. Кроме того, он очень хорошо владел казахским языком. А знание языков всегда и во все времена людьми ценилось. Он был заядлым охотником и рыболовом, умным шутником и юмористом.

Петр Матвеевич после окончания войны недолго задержался в колхозе им. Кирова и уехал в город Омск, где прошел курсы по подготов-

ке машиниста паровоза, а позже освоил и электровоз, который успешно водил до ухода на пенсию.

Нельзя не отдать должное моему двоюродному брату Синенко Николаю Григорьевичу. Он с 1925 года рождения, служил парашютистом в воздушно-десантных войсках. Всю сознательную жизнь после окончания Великой Отечественной войны проработал с полной отдачей сил и знаний на ответственных должностях советской, партийной, хозяйственной и профсоюзной работы. Награжден многими орденами и медалями. Сейчас ему уже за 85 лет. Но он продолжает трудиться по хозяйству, занимается огородничеством, регулярно встречается с молодежью, рассказывая о подробностях военных сражений и трудностях мирного строительства, подчеркивая неслыханный патриотизм советского народа во время Великой Отечественной войны и личную ответственность каждого в труде за восстановление нормальной жизни и деятельности своей любимой Родины. И ему есть, что рассказать людям любого возраста не только о себе, подвигах друзей и товарищей, но и вспомнить свое горе: его отец Синенко Григорий Сергеевич и родной брат Синенко Иван Григорьевич также не вернулись с поля боя, положив щедро свою жизнь на алтарь Отечества. Пусть будет пухом им земля.

Замечу лишь, что грудь каждого из них украшена орденами и медалями не только военных лет, но и мирного времени — за созидательный труд по восстановлению разрушенного хозяйства и укреплению экономической мощи страны.

История — это всегда часть «нашей с тобой биографии», как поется в песне. Она живет в нас через судьбы наших родных, близких, знакомых, через память и свершения в надежде на лучшее и прекрасное будущее.

Пусть всегда будет чистое и ясное небо для всех и каждого!

С Днем Великой Победы над фашистскими полчищами и верой в лучшее будущее нашего народа и Великой непобедимой России!

СМЫСЛ ПРОЖИТОГО — В ПАМЯТИ О ПРОШЛОМ

Мангазеев Игорь Александрович, *61 год,*
член Союза журналистов,
г. Тверь

Удивительно, но генеалогические древа всех Мангазеевых, о которых я когда-либо слышал, коренятся у Сибирского тракта, и особенно густо между Томском и Мариинском. Видимо, у них был общий предок по имени Гордей, сошедший в Сибирь с Северной Двины. Его

внуки — конные казаки Якушко и Афонко, первостроители Томска, воздвигнутого в 1604 году.

Мангазеей издавна именовалась земля между низовьями Оби и Енисея. Так по-русски звучит энецкое слово «монгкаси» («люди края земли»), самоназвание княжеского рода самодийского народа энцы. А на рубеже XVI — XVII веков Мангазеей назвали заполярный русский форпост на реке Таз — столицу обширного Мангазейского уезда. В златокипящей Мангазее жил первомученик Сибири, и «Сказание о Василии Мангазейском» — первое, по всей видимости, литературное произведение Сибири…

Из рода землепроходцев

Мой дед Степан Васильевич Мангазеев родился 28 июля 1887 года в волостном селе Колыон Томской губернии, основанном в XVIII веке и в котором был «полуэтап» каторжного Сибирского тракта. Деду довелось повоевать против кайзеровской Германии, дошёл до Польши, дослужился до фельдфебеля. Вспоминал, как рядом с ним солдату оторвало голову, а тот всё не падал… Участвовал дед и в Гражданской войне, а до 1923 года находился на оперативной работе в милиции. Наконец, попрощался с оружием и переехал в волостное село Троицкое, где женился на вдове Прасковье Павловне Струковой (урождённой Свиридовой), женщине «сильной, прекрасной и строгой, любившей, чтоб человек работал, чтоб в избе был порядок». В 1934 году дед вступил в колхоз имени Горького. Его неоднократно избирали членом ревизионной комиссии, а в январе 1949 года «районка» сообщила о его избрании заседателем районного нарсуда. Умер он в январе 1971 года.

Мою прабабушку Татьяну, мать Прасковьи, привезли в Троицкое с Тамбовщины в возрасте 13-ти лет, а умерла она около 1929 года, когда ей было лет 80. Похоронили её возле церкви, потом сгоревшей. Её задиристого мужа Павла Свиридова, моего прадеда, убили, говорят, в революцию. Овдовевшая прабабушка и все её дети батрачили. Детей числом не менее шести. При этом дочери, «здоровые как лошади», тоже нарожали по пять-шесть детей. У Прасковьи в новом браке родилось ещё три сына: мой отец Александр, Виктор и Михаил.

А Василий, старший сын бабы Прасковьи, комсомольцем ездил на Кузнецкстрой, воспетый Маяковским: «Таскали на спине по пять-шесть кирпичей. Спали на нарах в бараках. Стелили телогрейки, домашние зипуны». С августа 1940-го по июль 1946 года дядь Вася служил на Дальнем Востоке в 487-м и 433-м гаубичных полках. Шоферил. В 1998 году рассказал: «Немало было изменников. Однажды трое ушли в лес с автоматами Дегтярева и продуктами. Хватились их, стали искать. Те на японскую границу не пошли, начали путать, ранили командира военной школы. Нашли, прокурор объявил, и —

«Пли!» Расстреляли перед строем, и правильно. Дисциплина была страшная. Солдат японку изнасиловал. СМЕРШ туда-сюда!.. Выстроили, расстреляли. «Напра-во, нале-во! Разойдись!» Почтарь за границу сбежал, утащил форму, карту боевых точек. Меняли точки. Я тогда получил увечье. Мы, человек восемь, несли бревно. Ведущий, Ваня Барабанов, упал, бревно — на меня!..»

Приказом Верховного № 372 от 23 августа Василию Капитоновичу Струкову объявлена благодарность за «отличные действия в боях с японцами за освобождение Южного Сахалина». На памятном мемориале в Троицком начертаны фамилии погибших фронтовиков, в их числе девять Свиридовых и семеро Струковых.

Воздушный рабочий войны

Мой отец Александр Степанович Мангазеев родился в Троицком 27 августа 1925 года (в некоторых документах приписано два года). Ушёл из жизни 13 февраля 1959 года. Похоронен на Усятском кладбище в Прокопьевске.

Он стал курсантом Кемеровского военного пехотного училища ещё до того, как в 1943 году получил аттестат об окончании Троицкой средней школы. В том году весь набор курсантов направили в действующую армию на солдатские должности: в феврале — 2097 курсантов, позже воевавших на Курской дуге, и в августе. С августа по сентябрь мой отец — командир отделения в пульбате 12-го запасного стрелкового полка на станции Каинск, затем — помкомвзвода 51-го гвардейского полка 18-й гвардейской стрелковой дивизии. А в его личном деле, хранящемся в Подольске в Центральном архиве Минобороны, записано также, что отец командовал отделением 634-го стрелкового полка 119-й дивизии. Участие отца в боях подтверждают данные о нём в архивных фондах 22-й школы воздушных стрелков-радистов (22 ШВСР, гор. Уральск), 15-го отдельного разведывательного запасного авиаполка, 9-й военной авиационной школы пилотов первоначального обучения, 1-го Чкаловского военного авиационного училища лётчиков.

С октября 1943 года 18-я гвардейская участвовала в Невельско-Городокской наступательной операции на западе Калининской области и на Витебском направлении. Наши войска вбили клин между 16-й и 9-й полевыми армиями вермахта. Отец был ранен и полтора месяца находился на излечении, об этом есть запись в деле №1052 ОК УФСБ по Кемеровской области. Со слов родственников, отца вместе с боевыми товарищами схватили фашисты. Они резали советских воинов ножами, пытали огнём, потом собрались утопить в реке, но выручили наши. А после возвращения в строй отца контузило, и он лечился ещё несколько месяцев.

После окончания ШВСР в ноябре 44-го отец служил в разведывательном полку пикировщиков Пе-2. Родные помнили, что отец летал в Англию. Определение «стрелок-радист» не совсем удачное — это универсальный воздушный боец: вёл огонь из крупнокалиберного пулемёта, из пушки, умел этот арсенал снаряжать. Работал на рации. Если надо, он укладчик парашютов и фотограф.

15 мая 1945 года отца зачислили в школу пилотов в Бугуруслане. А вскоре после победы над Японией военный пилот 4-го класса сержант А.С. Мангазеев направлен в училище лётчиков в Чкалов (Оренбург). Но в 1947–1950 годах ЦК ВКП(б) инициировал перевооружение и сокращение ВВС. Врачи, видимо, учли ранение и контузию отца. Полгода он прослужил начальником стартовой радиостанции, еще полгода — экспедитором секретной части училища, а в феврале 48-го его демобилизовали.

Отец вернулся в родное село, и через полтора года его направили на службу в органах госбезопасности. Пока длилась спецпроверка, отец трудился литературным работником в издательстве районной газеты «Звезда», избирался членом райкома комсомола. С 10 августа 1949 года по 24 апреля 1951 года отец служил в Сталинском и Гурьевском горотделах МГБ. Его приняли в ВКП(б) и 18 апреля 1950 года присвоили звание младшего лейтенанта. Посылали в Закарпатье на уничтожение банды. Но карьеры в органах он не сделал и вообще нарушал «партчекистскую» дисциплину. Его понизили в должности до помощника оперуполномоченного, а потом и вовсе уволили «за невозможностью дальнейшего использования». Однако из партии не исключили. С год отец работал директором семилетки, а в мае 1952 года женился на моей маме Анастасии Никифоровне, учителе русского и литературы в Троицкой средней школе. Я родился в день смерти Ленина и в год смерти Сталина (21 января 1953 г). Друзья шутят: «И взошло красное солнышко!»

В 1953 году отец работал инструктором Троицкого райкома КПСС, с 10 мая проходил офицерские трёхмесячные сборы. В июле район упразднили, влив в Ижморский, и к осени молодая семья переехала в Прокопьевск — «чёрную жемчужину» Кузбасса. Отец поступил в горный техникум, его назначили старостой группы. К слову, характеристику в военкомат ему подписал будущий член ЦК КПСС Василий Иванович Ситников. Потом отец работал на угольной шахте «Красногорская», построенной с участием пленных. Тех уже вернули на родину, а на шахте использовался труд власовцев и националистов. Городская газета «Шахтёрская правда» упоминала трудовые успехи отца. Это было целинное время, год запуска первого космического спутника. А в феврале 1959 года отца не стало. Дед Степан, в прошлом — оперативник, считал, что с отцом расправились.

Награжден отец двумя медалями: «За Победу над Германией» и «65 год вызвалення Рэспублікі Беларусь ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў» (посмертно). Возможно, отца наградили орденом Красной Звезды, но документов обнаружить пока не удалось.

Тоболяки и сербы

Мама родилась 7 октября 1927 года на Алтае в селе Усть-Чарыш Усть-Пристанского района. Три выпускницы, включая маму, стали первыми из этого района учительницами с высшим образованием.

Фамилия моего деда Никифора Ивановича Кутькина (1900–23 марта 1942) — на обелиске братской могилы в деревне Железница Нелидовского района Тверской области (в документах военкомата — Куткин). Парнем был мобилизован в армию Колчака, а в 1920-е годы со старшим братом Игнатом, председателем сельсовета, сбивал кресты с церкви, переделанной в школу. Игнат привез с Германской войны три медали, наган и три ручных гранаты, потом Игнатова жена Дарья обменяла оружие на нетель.

В голодном 1933 году дружки подпоили колхозного бригадира Никифора Кутькина и увели шесть лошадей. Никифор отсидел в СибЛАГе около пяти лет. Вернулся уже с другими песнями. А осенью 41-го ушёл добровольцем на войну. Сказал только: «Фрося, что б ни случилось, не сдавай дочек в детдом — Настю, Катю и Алю». Деда зачислили в 380-ю дивизию, формирующуюся в Славгороде. Служил ездовым в хозвзводе 1-го батальона 1262-го стрелкового полка, и погиб 23 марта 1942 года в ходе Ржевско-Вяземской операции. Однополчане потом передали, что когда дед вёз полевую кухню на передовую, его убило «снарядом с воздуха».

Прадедушка Иван Егорович Кутькин — «царёв солдат», из тоболяков, как и его супруга Наталья Егоровна. Их старший сын Денис погиб в Первую мировую. Игната убили в стычке с мужиками. Сын Фёдор работал паромщиком, погиб в Великую Отечественную. Сын Павел — красный партизан в годы Гражданской, умер в 1972 году, оставив много детей.

Моя бабушка Ефросинья Николаевна родилась 26 сентября 1903 года по старому стилю в селе Коробейникове, знаменитом своей чудотворной иконой Казанской Божией Матери. Её отец Николай Илларионович Милованов, 1880 г.р., прислал фотокарточку из Иркутска, где в 1916 году находился на «действующей службе» унтер-офицером. Его раскулачили, и он умер от голода 29 сентября 1932 года в Нарымской ссылке. Его жена Дарья Семёновна, урождённая Наводкина, умерла от голода в Нарыме ещё раньше, 9 мая 1932 года. Семьи Миловановых и Наводкиных серьёзно пострадали от политических репрессий, но не озлобились. Один из внуков Николая и Дарьи — Виктор Иванович

(1944 — 4 января 2003) с помощью моей мамы поступил в Томский инженерно-строительный институт. Потом окончил военно-строительную академию. В Звёздном Городке участвовал в строительстве самой большой в мире центрифуги (проект ASIA) и гидробассейна для имитации невесомости. Полковник Милованов трагически погиб в зарубежной командировке.

Наводкины приехали в Сибирь из Воронежской губернии, а Миловановы с Тамбовщины. Прапрадед Илларион Назарович Милованов служил в Амурской флотилии. Миловановы — сербская фамилия. Когда в 1740 году Австрия вернула Сербию Турции, много сербов перебралось в Россию.

Сильные люди жили в Сибири. Растили по многу детей, не боясь трудностей. Прадеды были отважными первопроходцами и смелыми воинами. Мир их праху.

СУДЬБА СОЛДАТА

Подлесная Ольга Викторовна, *34 года,*
советник генерального директора по работе с общественностью
и СМИ ОАО «Газпром газораспределение Тула»,
г. Тула

Мой дедушка Песня Николай Васильевич прошел всю войну от первого до последнего дня и встретил Победу в Праге. Он был настоящим патриотом, беззаветно любящим свою Родину, сильным, честным, порядочным человеком.

Николай Песня с женой Антониной

А ведь были в его судьбе очень тяжелые, трагические моменты, которые могли его сломать. Могли, но не сломали: свою жизнь он прожил очень достойно, только оказалась она короткой из-за перенесенных лишений и тяжелых ранений.

Своей жизнью мой дед доказал, как нужно любить свое Отечество. Любить беззаветно и безоговорочно, как бы ни сложились обстоятельства и как бы они ни были жестоки по отношению к тебе.

Вот что я знаю о своем дедушке, о семье, в которой он вырос, о его военной и послевоенной жизни.

…Отец моего дедушки Василий Евдокимович Песня был талантливым строителем. Он с бригадой ездил по Брянской области и ставил

дома. Работал прадед не покладая рук: надо было кормить большую семью — шестерых детей. Когда удалось накопить денег, дед решил купить мельницу. Мельницу-то он купил, да вот хлеб смолоть только один раз и успел…

К Василию Песне односельчане относились хорошо. И когда началась борьба с кулаками, к прадеду пришел председатель только что образовавшегося колхоза и предупредил: «Знаешь, Василий, ты в списке. Завтра вас в Сибирь угонят. Готовься…» Это предупреждение спасло семью прадеда. Домашние успели подготовиться — впереди была целая ночь…Было страшно. Как бросить дом?! Как спасти детей?! Но Василий и его жена Феодора собрались с духом — надо было многое успеть сделать. По опыту своих «предшественников» семья приблизительно знала, сколько вещей и багажа им разрешат взять с собой. Отбирали самое необходимое — то, что спасет в долгом пути и далекой холодной Сибири. Зарезали свинью, засолили сало и плотно-плотно, кусок к куску, уложили его в небольшой сундук. Именно сало, говорил потом дедушка, спасло их семью от голода.

Когда люди прибыли в Сибирь, их оставили в чистом поле. Не было подготовлено даже бараков. Рыли землянки. Многие погибли от холода и голода… У старшей взрослой сестры деда Ксении там навсегда остались муж и двое новорожденных близнецов…

Поселение ссыльных почти не охранялось, и в начале лета Василий Песня вместе со своей семьей сумел уйти из лагеря. Вернулись в родную деревню, надеясь, что больше их не тронут. И действительно, целый год не трогали. Но на следующую осень за отцом семейства вернулись. «Черный воронок» увез его одного и навсегда… Василий Песня был посмертно реабилитирован через 52 года.

Сегодня трудно даже представить, сколько горя пришлось пережить семье, оставшейся без кормильца, как растить детей в семье «кулака», сгинувшего в недрах ГУЛАГа. Феодора отдавала все силы, чтобы поднять их на ноги.

Как им было больно, как страшно, как невыносимо тяжело жить… Не дали учиться в летном училище старшему сыну Василия Павлу, хотя он так мечтал быть летчиком! Николаю с трудом удалось поступить в сельхозтехникум.

…Началась Великая Отечественная война, сыновья раскулаченного Василия Евдокимовича Песни рвались на фронт. Отправился воевать старший брат Павел. Младший Александр был совсем молод, партизанил в брянских лесах. Николай добровольцем ушел в действующую армию. Он стал сапером. Николай Песня был хорошим солдатом, об этом говорят его награды и тот факт, что из саперов деда взяли во фронтовую разведку.

Однажды на фронт прибыли высокие военные чины. Объезжали многие части, в том числе и ту, где служил дед уже разведчиком. Энергичный и говорливый политрук произнес речь, говорил о стойкости и смелости, о том, что от состояния духа, от веры в победу зависит исход боя. «А какое у вас настроение?» — допытывался он у солдат. «У нас все в полном порядке, — ответил командир разведгруппы, — мы в каждую разведку идем с Песней...» Он имел в виду, конечно, моего дедушку, и все в части это поняли, а вот слегка опешившему политруку пришлось объяснять...

...Тысячи километров фронтовых дорог прошел наш дед. Был трижды тяжело ранен. Один раз в рукопашной: штыком в правое легкое. Тогда захлебывающегося кровью Николая бойцы занесли после боя в дом на окраине деревни и попросили хозяйку выходить их товарища, ведь рядом не было ни госпиталей, ни медсанбата. Спасла женщина нашего дедушку...

И снова фронтовые дороги... «Пол-Европы прошагал» Николай Песня и закончил войну в Праге. Живым вернулся с фронта и брат Павел. Успел повоевать даже младший Александр. Но в годы войны умерли от тифа сестра Женя и еще один брат. Сестру Ксению во время оккупации деревни Малышевки жестоко избили фашисты за связь братьев с партизанами и их службу в Красной Армии. Ксения долго болела, умерла молодой...

А дед после войны работал как одержимый: может, чувствовал, что отпущена ему всего лишь половина человеческого века?

Руками Николая Песни и под его руководством — он работал агрономом, управляющим отделением — посажены сотни гектаров садов в Орловской и Тульской областях. А сколько выращено хлеба — не сосчитать!

Он работал всюду, где требовались его знания, руки, опыт; куда его только не «бросали». «Ездила за ним, как за военным», — вспоминает бабушка. Успешно закончил сельхозакадемию, умный человек, толковый специалист — его нельзя было не заметить.

Организовал новый совхоз в Чернском районе Тульской области, который назвал «Свободным». Совхоз очень быстро стал одним из лучших в области. Возведены были огромные молочно-товарные фермы и свинарники, оснащенные кормораздатчиками, электропоилками и механизмами для уборки помещений. В совхозе построили новые дома, школу, Дом культуры, детский сад, столовую, баню.

Николай был очень добр к людям. А детей своих воспитывал в беспрекословной, не терпящей никаких сомнений любви к Родине.

Николая Васильевича Песню до сих пор вспоминают только добрым словом. А его нет уже тридцать пять лет...

Говорят, история все со временем расставит по своим местам. И в данном случае историческая справедливость восторжествовала: отец Николая Васильевича был реабилитирован в 1989 году. Только дедушка об этом уже не узнал.

Память о дедушке свято хранится в нашей семье.

НЕ ДАДИМ УКРАСТЬ ПОБЕДУ!

Савостьянов Валерий Николаевич, *66 лет,*
поэт, лауреат международных
и российских литературных премий,
г. Тула

Более чем полвека назад я жил в деревне Нижние Присады, учился в начальной школе. Своих книг у нас дома, как почти и у всех в деревне, не было. Зато в школе была небольшая библиотека. Именно из этой библиотеки я брал свои первые книги, одна из которых «Это было под Ровно» стала моей любимой. Я восхищался подвигами смелого разведчика Николая Кузнецова и в конце книги горько оплакивал его смерть от рук врага. И никто тогда не рассказал, не объяснил мне, что врагом этим, убившим героя-разведчика, были не фашисты, а украинские националисты, бандеровцы.

А в 10 лет я вместе с моей семьёй переехал в рабочий посёлок Криволучье, который вскоре стал частью Тулы, и с четвёртого класса уже учился в тульской средней школе № 51. Учился хорошо, любил олимпиады: по математике, физике, русскому языку и литературе. Почти всегда либо побеждал, либо становился призёром. Ну а призами тогда были книги. И сегодня в моей библиотеке сохранились книги того времени с надписями на них, удостоверяющими мои победы. Но сохранились, увы, далеко не все книги. До сих пор помню, как одну из этих книг: про генерала Ватутина и освобождение Киева, я дал почитать своему товарищу, и тот её благополучно «зачитал». Почему вспомнил об этом сегодня? Потому что сегодня ещё раз посмотрел фильм 1985-го года выпуска о главнокомандующем 1-м Украинским фронтом генерале армии Ватутине Н.Ф. «Контрудар». Хороший фильм, познавательный. Но и в нём, как собственно и в той моей призовой «зачитанной» соседом книге — вновь ни слова о том, что не фашисты смертельно ранили генерала 29 февраля 1944 года, устроив ему засаду на военной дороге, а опять же украинские бандеровцы. А каким великим полководцем стал бы Николай Фёдорович Ватутин, останься он жить хотя бы до Победы: сколько жизней солдатских

сохранил бы ещё стране его талант, скольких сыновей матерям! Не зря же, наверное, и не просто так самый опытный и удачливый полководец фашистов фельдмаршал Манштейн называл его своим «злым гением»!..

Но вот вопрос: почему же скрывали от меня и от нашего, тогда советского, народа эти факты, эти преступления украинского национализма? Боялись, что не так поймём, дружить перестанем? Примирить хотели? С чем примирить? И зачем?

Вот что написано об этом в Википедии: «В литературе, рассчитанной на массового читателя, обстоятельства ранения Н.Ф. Ватутина не всегда уточнялись (так, в биографии полководца, написанной М.Г. Брагиным и изданной в 1954 году, говорится лишь, что он «был ранен вражеской пулей», но имя врага не конкретизировано). В серьёзной исторической литературе конкретика имелась: например, в X томе «Всемирной истории» (1965) говорится: «29 февраля украинскими националистами был смертельно ранен командующий 1-м Украинским фронтом генерал армии Н.Ф. Ватутин» [1, с. 326]. Однако позже определённое хождение получила также версия, что никакой засады, устроенной УПА, не было, а автомобиль Ватутина был обстрелян немцами, прорывавшимися из окружения; именно так показано ранение Ватутина в киноэпопее Ю.Н. Озерова «Освобождение» (фильм «Направление главного удара», 1971)...»

И сегодня, видя то, что происходит на Украине, я думаю, а не потому ли сохранился украинский национализм и, теперь вот обретя новую почву, пророс и расцвёл махровым цветом, что власти бывшего Союза старались не замечать его? А если, может быть, и замечали, то старались скрыть это, как болезнь, о которой не принято говорить вслух. Старались скрыть, замолчать, а не вести с ним беспощадную борьбу...

И вот сегодня он, этот хищный национализм, уже уничтожает не только людей, не только города и селения — ему этого уже мало. Он осмелился покуситься на святое — на нашу Победу! Невозможно представить, что чувствуют сегодня фронтовики-победители в современной Украине, на официальном уровне воспевающей их врагов — тех, что вчера ещё устраивали им засады на военных дорогах и стреляли им в спину!

Таковы вот реалии дня сегодняшнего. А ведь всего лишь 10 лет назад даже я, написавший предисловие к подборке своих стихов, в котором напоминал о существовании некоторой части молодёжи, не помнящей своих корней, равнодушной к прошлым победам своего народа — не мог представить, как далеко может завести молодёжь это равнодушие. Статья называлась «Последние фронтовики», и я привожу её здесь полностью, ибо и сегодня считаю весьма важной:

не случайно же она стала лауреатом международного литературного конкурса «За далью — даль» имени А.Т. Твардовского, состоявшегося недавно в Калининграде.

В 2007 году статья эта, с небольшим добавлением в конце её, вошла как предисловие уже в мою поэтическую книгу «Последние фронтовики». И книга эта, — наверное, единственная в современной тульской поэзии, посвящённая именно фронтовикам, весьма важная и актуальная тогда, в год её выхода к читателю, — сегодня, как мне кажется, стала лишь ещё актуальнее! Если кто-то захочет её прочитать, то она есть в наших тульских библиотеках: областной и городской.

И ещё, как всегда в конце статьи — подборка стихотворений. Стихи о моём деде-фронтовике и в его лице о фронтовиках вообще, о связи поколений, о нашей, общей для всех поколений, драгоценной Победе. Победе, за которую предстоит сражаться, отстаивая её святость и правду, теперь уже нам, внукам фронтовиков. А потом — если это будет нужно, конечно — ещё и нашим сыновьям, нашим внукам: правнукам, праправнукам фронтовиков. И стихи в этих сражениях — тоже оружие! Не дадим же никому украсть нашу Великую Победу!

11 марта 2015 года.

Последние фронтовики

К теме самой страшной и кровопролитной войны XX-го века, к теме патриотизма и героизма наших отцов и дедов, а теперь уже для некоторых, очевидно, и прадедов с прапрадедами, к теме нашей памяти и благодарности им, выстоявшим тогда, в Великую Отечественную, я, кажется, обращался всегда, и подтверждением тому являются мои даже самые первые стихи, а также и последующие, одно из которых так и называется «В тридцать пять». Но обращался редко напрямую, ибо сам, конечно, не воевал, поэтому чаще всего обращался опосредованно, от лица внука прошедшего всю войну деда-фронтовика.

Я готовлю эту подборку с особым душевным трепетом, с чувством искреннего уважения и даже, если хотите, благоговения перед простыми и великими героями — фронтовиками. Фронтовик — это тот, кто был на фронте и сам, лично, воевал, а, значит, мог быть убит, это человек непременно, даже просто находясь там, на переднем крае борьбы с нацизмом, рисковавший своей жизнью ради Победы. И я думаю, что этот риск, ежедневно давящий на подсознание, эта возможность в любой момент быть убитым, делали этих людей мудрее, чище и благороднее.

«...Здесь ничего не покупают
И ничего не продают» –

так написал о войне мой Учитель и Наставник, русский поэт-фронтовик Николай Старшинов, и он знал, о чем он говорит. Боже мой, как же это актуально сегодня, в наше проклятое время наживы любой ценой, когда некоторым кажется, что самая наиглавнейшая власть — это власть вещей и удовольствий, и всё можно купить, всё имеет свою цену, свой долларовый эквивалент. И что даже сам человек сегодня — это уже не человек, а некая «у.е.», условная единица.

Как жаль, что вместе с ушедшим веком ушло от нас большинство благородных бывалых людей, настоящих фронтовиков, понимающих, что всё, кроме жизни, кроме самого человека — ничего по большому счёту не значит и не стоит! А на тех, кто ещё, к счастью, остался, кто ещё живёт среди нас, как на последних из могикан, молодёжь смотрит, удивляясь, но не слушая, ибо, похоже, считает, что их мораль устарела и не годится теперь к употреблению.

А я вот горжусь, что в моей жизни были и есть настоящие фронтовики! Это мои поэтические наставники: упоминаемый мною Николай Константинович Старшинов, а также поэт-фронтовик Александр Маркович Николаев, это и наши тульские писатели Николай Павлович Акулиничев, Николай Антонович Любин, Виктор Никитович Трапезников. Это и живая легенда нашей Тульской писательской организации Николай Константинович Дружинин, выпустивший книгу «Тульский рубеж», открывшую читательской публике ранее малоизвестные страницы обороны нашей Тулы. И, конечно, это и мой дед Кострюков Николай Алексеевич, так много и так честно рассказавший мне о той Войне.

А сейчас я, внук фронтовика и благодарный ученик моих Учителей и Наставников, хочу просто сказать: «Спасибо вам, фронтовики! Спасибо, что вы были в моей судьбе, и что вы есть, и что теперь уже навсегда будете в ней! Я постараюсь быть достойным вас, постараюсь, насколько это будет в моих силах, держать завещанный вами фронт...».

P.S. Эта статья была опубликована в тульских газетах как вступительная к стихотворениям, связанным с Великой Отечественной войной [2], однако, она показалась мне актуальной и для моей новой книги. Но книга есть книга, и в ней не только о Великой войне, но прежде всего о судьбе России, а значит, о всех близких мне людях. И понятие «последних фронтовиков», озвученное в газетной статье, мне кажется, в моей новой книге стало гораздо шире: это не только сами фронтовики, но и их вдовы, их жёны и невесты, дождавшиеся своих любимых с Войны, это их дети, довоенные, военные и послевоенные, их внуки и правнуки, их близкие. Это сегодня все мы, благодарные за Великую Победу. И, может быть, сегодня вся наша Россия — это «последний фронтовик» в борьбе за идеалы любви, добра, православия. Да поможет ей Господь, даруя Победу и бессмертие!

ТРИДЦАТЬ ВОСЕМЬ ТЫСЯЧ С ПОЛОВИНОЙ

В боях за честь, свободу
и независимость нашей Родины
на Тульской земле погибло 38,5 тыс.
воинов Советской Армии и партизан

Над землёй родною,
Над равнинной,
Тридцать восемь тысяч с половиной
Душ солдатских — белых облаков.
Тихо — можно к матери, к невесте,
Ветрено — и вновь они на месте
Павших командиров и стрелков.

Над землёй родною,
Соловьиной,
Тридцать восемь тысяч с половиной
Гнёзд не свито — плачут соловьи.
Песням их теперь слезами вытечь:
Тридцать восемь с половиной тысяч
В рощах их не скажут о любви.

Над землёй родною,
Тополиной,
Тридцать восемь тысяч с половиной
Новых рощ не встанет средь полей:
Не сажать — откуда же им взяться? –
В честь детей своих, что не родятся,
Здесь отцам убитым
Тополей.

Над землёй родною,
Над невинной
В тридцати восьми да с половиной
Тысячах оборванных «Люблю!» –
Тридцать восемь с половиной тысяч
Звёзд зажечь
И обелисков высечь!
Не успею — сыновьям велю...

Над землёй родною,
Над былинной,
Тридцать восемь тысяч с половиной
Муромцев, Поповичей, Добрынь –

Вместе с нами
Русское раздолье
Сторожат от горя и раздора.
И попробуй нас расположинь!..

* * *

Гнёзда ласточек-береговушек
Не враги расстреляли из пушек,
По траншеям паля, блиндажам,
По высоким речным рубежам.

Не обрушило их половодье.
Века злого «его благородье»
Берег, политый кровью, купил,
Спуск пологий взрывчаткой пробил.

Там, где дачи элитные встали,
Долго бедные птицы летали,
Но никак им с родных берегов
Не прогнать беспощадных врагов.

Никакой у них нету защиты:
Их друзья фронтовые зарыты
В сорок первом в траншеях. И вот
Экскаватор их кости гребёт...

ЩЕПОТЬ СОЛИ

Я был рождён во времена,
Когда закончилась война
Победою!
О них шпана
Теперь кричит как о суровых,
Где правил злобный вурдалак.
Не знаю: врут иль было так –
Я помню гордость, а не страх,
И хлеб,
Бесплатный хлеб в столовых.

Уроки кончены, и вот
Туда, где свой, родной народ,
Серёжка в очередь встаёт,
А мы, пока он достоится–
За стол!

И солюшки щепоть
Посыплешь щедро на ломоть:
Как радуются дух и плоть –
Ах, видели б вы наши лица!..

В краю пятнадцати столиц
Таких сегодня нету лиц!
Не зря рекламный русский фриц
Мне предлагает всё и сразу:
Лишь только бы молчал я впредь
О гордости победной, –
Ведь
Я — хлеб, какому не черстветь,
Я — соль та, равная алмазу!..

Литература

1. Всемирная история. Т.X / Отв. ред. В. В. Курасов. — М.: Мысль, 1965.
2. См. газеты «Тульский литератор», №2(8), май 2004 г. и «Тула», 26 мая 2005 г.

Я ГОРЖУСЬ СВОИМ ОТЦОМ

Саркетова Ирина Утаровна, *70 лет,*
педагог дополнительного образования Дома детского творчества,
учитель русского языка и литературы, учитель немецкого языка,
Отличник народного просвещения, ветеран труда
г. Донской Тульской области

Утар Саркетов

...А время шло. Меняли реки русла
И жили мы, не тратя лишних слов,
Чтоб к вам прийти лишь в пересказах устных
Да в серой прозе наших дневников».

Н. Майоров

Когда появилась песня «С чего начинается Родина?», мы нашли в ней куплет про буденовку и нашего папы. Этот головной убор, давно устаревший, хранился в дальнем углу гардероба и доставался очень редко. Это была наша семейная реликвия. При многочисленных переездах она затерялась и исчезла. Но зато есть в семейном фото-

архиве две фотокарточки, где папа в той самой буденовке. Кто еще может похвастаться, что его отец носил буденовку в армии? Я могу!

«С чего начинается Родина?
С окошек, горящих вдали,
Со старой отцовской буденовки,
Что где-то в шкафу мы нашли.
А может она начинается
Со стука вагонных колес.
И с клятвы, которую в юности
Ты ей в своем сердце принес?»

15 мая 2010 года наш отец Саркетов Утар Туманович отметил бы свой 100 день рождения. Это сейчас можно отыскать любую открытку ко Дню рождения с любыми цифрами и любыми пожеланиями. Мы помним, как однажды папа прислал нам «прикольную» открытку о своем дне рождения — он отмечал его вдали от дома по службе. Это была поздравительная открытка с 1 Мая. А папа приписал к единице пятерку и получилось 15 мая. С тех пор мы, поздравляя его, часто использовали его шутку.

Зато всерьез должны были быть всегда начищены и надраены до блеска пуговицы на кителе и сапоги. В нашей семье обувь у всех должна была сиять и сияла (до сих пор у меня нечищеная обувь вызывает неприятные ощущения). Зато душа взлетала так высоко, как только можно, когда папа приходил со службы и начинал катать на ноге, как на качелях, младшего брата. Юрка визжал от удовольствия и от страха, сидя на сапоге, а у нас с братом Вовой душа заходилась так, будто это мы взлетали вверх. Вот такой был вечерний ритуал.

Наш отец родился в Оренбургской области, в селе Буранное Соль-Илецкого района на Урале. «Ты самое желанное село мое Буранное...» — писал в своем стихотворении его брат Саша. Там в детстве папа батрачил на кулака. Родители были бедняки. А их сын стал первым комсомольцем, получил путевку на рабфак, потом стал инструктором райкома комсомола. Сегодня в сельской школе-новостройке о нем помнят. Им гордятся. Всегда, когда он приезжал на родину, в школу заходил обязательно. Чем мог, помогал.

Встречался со школьниками, учителями, заходил в сельсовет. Дружил с председателем колхоза.

В школьном музее можно узнать, что его солдатская служба начиналась в Москве в 1932 году, затем он был курсантом железнодорожного полка, потом командиром отделения железнодорожных войск. В его петлицах красовались тогда 3 кубаря. Перед войной и в ее начале находился в Резерве Главнокомандующего (РГК) в г. Коломне Московской области.

Здесь он стал парторгом артиллерийского полка. А его боевой путь проходил через Белоруссию с её непроходимыми болотами, через которые надо было доставить орудия. Валили лес, и пушки послушно продвигались вперед. Дошли до Польши. Был месяц март. Орудия тонули, шли под лёд, но ни одно не бросили. Солдаты доставали их из подо льда. Впереди была Германия. По приказу их артиллерийский полк сделал первый мощный залп по Берлину — по Александрплатц. На старом фото вот уже шестьдесят пять лет запечатлена та самая пушка, которая сделала исторический первый залп по логову врага.

Тогда же старший лейтенант стал капитаном. О том, что войне конец услышали в Карлхорсте — радости не было предела — стреляли вверх из пистолетов, автоматов и, конечно же, из орудий. Можно себе представить этот первый победный салют, если в полку было 5 батарей, и все стреляло! В г. Ростоке командир полка Бондаренко собрал всех, чтобы торжественно отметить Победу в красивом здании со стеклянным куполом и потолком. От радости комбат Козловский залез на крышу и начал плясать. От его неуемной энергии крыша провалилась, а израненный осколками стекол командир батареи совершил «удачную посадку» прямо в центре зала под смех и аплодисменты присутствующих.

«Майскими короткими ночами,
Отгремев закончились бои...»

Теперь нужно было орудия охранять. Это было в Потсдаме. Путь в Россию домой был долгим. Он пролег через Прибалтику в Приморский край. Здесь отец стал майором. Потом был Китай с городами Дальним и Порт-Артуром, затем Владивосток, порт Находка и, наконец, г. Коломна. Все послевоенное время его сопровождала наша семья. Я родилась в Коломне, средний брат — в Германии, в г. Шверине, а младший — в Приморском крае. В послужном списке отца есть должность заместителя начальника милиции города Донского, куда он был назначен из Москвы. Потом работа в исправительно-трудовых учреждениях г. Донского Тульской области, военруком ПТУ №22, начальником военно-спортивного лагеря. Долгое время занимался наставничеством молодежи.

Его часто приглашали в школы, профессионально-технические училища на многочисленные встречи. Ему нравилось работать с молодежью. На все хватало времени и сил. Сколько помнится, он всегда делал по утрам зарядку, зимой обязательно катался на лыжах. Даже в 98 лет отжимался, хотя и был уже слаб.

А как он готовил свое национальное блюдо беш бармак! Закупит сам отборную баранину, приготовит муку, лук, картошку, перец и прочее... Из кухни всех попросит удалиться и начинается таинство приготовления. Замешивается специальное тесто, варится баранина, скалка бегает туда-сюда по тесту, дробится перец, щиплет глаза лук,

ароматы расползаются по квартире, аж слюнки текут! Наконец, готово! Все к столу! Сам разливает бульон, заворачивает мясо и картошечку в специальные блинчики, каждому вручает. Красота! И никаких ложек-вилок — только руками! А как вкусно жарил обычную картошку с луком — ни у кого до сих пор так не получается!

Когда-то давно папа привез с родины казахский национальный инструмент бандуру. Нет-нет да и поиграет на ней и песню споет по-казахски. А музыку он любил. Артиллерийская стрельба испортила его слух. Транзисторный приемничек — его спутник в последнее время. Положит его на подушку к уху, и слушает музыку самую разную! Раньше, когда был здоров, любил ходить в театры, на музыкальные спектакли. Когда бывал в Риге, обязательно посещал Домский собор — наслаждался органной музыкой. Спеть со всеми вместе или одному — тоже с удовольствием! Его любимые песни: «Огонёк», «Прощай, любимый город», «Где же вы, очи карие», «В далекий край товарищ улетает», «Темная ночь», «Какая ж песня без баяна?» и др. Эти песни пелись в нашей семье всегда. Мы, дети, давно выросли, а вот любую песню споем и сегодня. И про папины пушки тоже:

«Артиллеристы, Сталин дал приказ.
Артиллеристы, зовет Отчизна нас.
Из сотен тысяч батарей
За слезы наших матерей,
За нашу Родину —
Огонь! Огонь!

Такие песни редко сейчас звучат, к сожаленью. А ведь эти «старые песни» были действительно «о главном»: о любви к Родине, к человеку, к природе, о героизме. Они воспитывали лучшие качества в людях. В нашем отце надо отметить особо трудолюбие, патриотизм, готовность прийти на помощь человеку в трудные моменты жизни, честность, скромность, простоту и порядочность.

На каждый День Победы надевал отец свой мундир. Он очень тяжелый от наград, особое место среди которых занимают фронтовые: Орден Красной Звезды и два ордена Отечественной войны 2 степени, медали За боевые заслуги, За освобождение Варшавы, За взятие Берлина, за Победу над фашистской Германией. Есть среди многочисленных наград (их 27) и редкие — китайская медаль, медаль, которую он получил первый в Тульской области как ветеран уголовно-исправительной системы, серебряная медаль За доблесть, которую он получил в 95 лет. Вспоминаю, как идет по городу в военной форме, а медали устраивают праздничный перезвон. Мальчишки, да и молодые люди часто останавливают его, смотрят на нпграды, расспрашивают, поздравляют с праздником, «что со слезами на глазах...» Он терпеливо всем отвечает.

В альбоме, который я оформила в мае 2010 года к 100-летнему юбилею отца, есть запись: «Недавно приезжали к нам в Донской две славные женщины из Германии — мама и дочка. Они здесь не в первый раз. Их работа связана с Детским фондом, но и любовь к русскому языку, литературе, культуре, нашим обычаям и традициям сблизила и познакомила их с моими друзьями-дончанами и, конечно, с папой. Мона и Сандра разговаривали с ним и по-русски, и по-немецки. Папа еще кое-что помнил по Германии. Он рассказал им про свою службу, про города, в которых мы жили. Нашлось много общих мест, событий, дел. Расставались — плакали. Звонят очень часто и каждый раз вопрос: «Как там наш дедушка?» Нас объединяет большой пласт истории и чисто человеческие отношения».

Папа не дожил до своего юбилея всего-то 1 год, 8 месяцев, 15 дней. А когда при жизни ему желали, чтобы он обязательно отметил свое 100-летие, он говорил: «Постараюсь. Президент всем велел быть на 65-летии Победы на Параде!».

Свой рассказ закончу строчками друга нашей семьи, к сожалению, рано ушедшей из жизни В.Г. Пьяниковой, которая посвятила их отцу:

Наш давний друг!
Мы Вас поздравить рады:
Все доброе и светлое — все Вам!
Знакомство с Вами — это ведь награда,
Что в испытаниях поможет нам.
Наш мудрый друг!
Давно и всем известно,
Что возраст не помеха для друзей.
Да, в Ваши годы прошлое прелестно,
Но в настоящем Вы для нас нужней!

МЕШОК СУХАРЕЙ

***Шеверев Геннадий Михайлович**, 64 года,*
солист Тульской филармонии,
Заслуженный артист России,
лауреат международных и российских фестивалей,
г. Тула

Наш дед (мой тесть) прожил разнообразную жизнь. Но о войне рассказывал он не специально, а к случаю… Дед очень любил два праздника — День Победы и Октябрьской революции. Застолья в эти дни были

особенно богатыми. За столом дед становился словоохотливым, сильно возбуждался, начинал громко разговаривать и размахивать руками. Тогда теща, оценив ситуацию, говорила: «Ой-ой-ой, ну чего руками замахал? Иди, Гришунчик, иди лучше покури. Иди, милый!». Дед сконфуженно замолкал, вставал и шел в свою комнату. Именно тут, под редкие, но жадные затяжки папирос, он вспоминал самые интересные случаи из своей жизни. Дым скоро заволакивал лампочку под потолком и висящую на стене политическую карту СССР. Я присаживался у края стола. Курил он всегда «Беломор», со временем, правда, перешел на более легкую «Приму», запасы которой регулярно пополнял, принося пачки в неизменной авоське. Дед продолжал свой монолог, а я часто отвлекался, механически поддакивая, думал о своем... И как теперь жалею об этом! А надо было не только слушать, но и записывать!

Идем на дачу. Он рядом — маленький, седой — шагает, покуривая, чуть подволакивая ногу, и звучным тенорком непрерывно рассказывает о войне, о жизни довоенной деревни, о людях, с которыми сводила его судьба. В памяти у меня осталось, что теща его почему-то не любила Сталина, называла его «черт рябой». Деда изумляло: откуда неграмотная старуха знала, что Сталин действительно был рябой, ведь его фото в газетах и книгах всегда ретушировались?

Помню и рассказ его о земляке, который работал в 20-х годах в Москве в каких-то высоких партийных структурах, был депутатом. Приехав в родную деревню, он всегда собирал мужиков и заводил с ними разговоры на различные темы: о налогах, о севе, о строительстве коровника или нового клуба, но иногда мог поговорить о Боге — о том, можно ли доказать, что он существует? Услышав от присутствующих, что Бога нет, он как бы возмущался и начинал доказывать обратное — и так ловко, что робкие аргументы мужиков были совершенно разбиты, и они, почесывая затылки, расходились по домам, если и не вполне верующими, но уже и не атеистами. Мой дед весело хохотал, рассказывая это. Он искренне поражался такой изворотливости ума. Ведь на другой день земляк-хитрован столь же блистательно доказывал, что никакого Бога нет, что всё это — поповские байки, а вчера он их специально дурачил. Учил, так сказать, уму-разуму: идейно их вооружал, чтобы они легко могли побить точными атеистическими аргументами своих верующих домочадцев!

Родился дед в деревне Стрелица Тепло-Огаревского района. В семье, кроме него, было две сестры. Он был младше всех, но с детства привык о них заботиться, покрикивал, если нужно, учил жизни. Они не обижались. Мужик, он и есть мужик. Правда, был он маленького роста, но держался всегда прямо и намеков на свой рост не любил. Был силен и ловок. В семье его все любили, баловали...

В армию пошел он перед войной, служил в Москве в Главном штабе Красной Армии писарем (почерк до старости имел каллиграфический!),

видел маршалов С.М. Буденного, С.К. Тимошенко; как отслужил, ему предложили остаться на кадровой службе, но он просился домой, в свою Стрелицу, мол, родители пожилые, в семье кроме него мужчин нет. Опустили. Со временем стал в Теплом районным военкомом.

А тут война. Его, конечно, сразу призвали. В Плавске — сбор, ночевали несколько дней в той церкви, что и сейчас стоит и даже действует. Мать узнала, где они, и пришла пешком из Тепло-Огаревского района с жареным гусем, пришла и плачет: «Кушайте, родненькие...»

Прошло несколько месяцев. Под Рязанью формировалась Польская армия. Советское правительство командировало в эту армию значительное число наших офицеров и солдат. Отбирали туда ребят, хоть чуть похожих на поляков. Попросили сдать паспорта и партбилеты. Взяли с каждого подписку о неразглашении. Он и после войны не говорил, где служил. А на войне был шофером, возил снаряды. Рассказывал, что однажды попал под бомбёжку, только скорость спасла, останавливаться было нельзя; молился, чтоб мотор не заглох, и чтоб не было прямого попадания. Тогда — хана! Рассказывал и удивлялся как ребенок, переживая бывшее с ним, как чудо: как же, мол, такое могло быть, как же он сумел выжить, проскочить между пулями в этой четырехлетней свинцовой метели?

1945 год, Победа! Едет он по Берлину. Кругом разбитые, обгорелые дома, кучи щебёнки, выбитые окна, закопчённые стены... Он вышел из машины и поразился: его «Студебеккер» весь красный! Красная кирпичная пыль висела в Берлине...

В Польской армии, когда уже вошли в Европу, даже в солдатской столовой появились официантки; можно было в обед «пропустить пивка», кровати в казармах были не в два, а в один ярус, постельное белье регулярно менялось. Он выучился хорошо говорить по-польски. Знакомые поляки, сидя за рюмочкой, перед концом войны говорили ему умильно:

— Пан Гжегож, оставайся в Польше, ну, зачем тебе в Россию? Документы мы тебе тут сделаем, панёнку найдём...

А у него, между прочим, и так уже был роман с вольнонаёмной официанткой. Она уважительно говорила ему «пан учитель»: он не был учителем, но вызывал уважение. Хоть был он небольшого роста, но держался солидно, был хорош собой и очень обстоятельный в разговоре. Аккуратный такой мужичок! В общем, пан. И девушка у него была красивая. Ему нравилось, что она в белом кружевном переднич-ке. Официантка! Алисия, Алиса... А все ж таки страна-то чужая... Было о чем подумать. Думал-думал наш «Гжегож» да и надумал: простился со всеми, обменялся с невестой адресами и вернулся домой, в свою деревушку — мать уж очень сильно любил да и сестер тоже было жалко. Как они там без него?

Приехал. Нищета, разруха, голод, грязь. Мужиков почти нет, а баб море… Выбор безбрежный! Ну, и женился он вскоре на чернобровой красавице Нине из соседней Хомутовки, она была младше его на 13 лет. Мать его сильно обрадовалась, когда он жену привёл: рабочие руки в доме не лишние, да и внуков хотелось от единственного сына. И скоро пошли дети: сначала мальчик, через пять лет родилась девочка — будущая мама моего сына.

О его семье. Просто интересный штрих. Сам он был партийный, но дома висели иконы. Матушка его возмущалась, когда он чертыхался, говорила с досадой: «Гриш, лучше б ты матом выругался!». Не любила покойница чертей. Называла она его чертыханья «черными словами».

Три года служил в армии, четыре был на войне — всего семь. Между армией и войной промежуток совсем маленький. Позже его служба в Польской армии помешала ему стать ветераном ВОВ. Несправедливость эту исправили только через несколько лет.

— Нех жие Войско Польско и дух жолнерский![1] — в хорошем настроении говорил он, поднимая рюмку с водкой и залихватски опуская содержимое в рот.

У меня в руках листок бумажки чуть больше спичечного коробка. Края листка загнулись и местами надорваны. На одной стороне женской рукой карандашом по-польски написан адрес его польской невесты: «Alicja Rembielinska, Lubartow, ul. Stodolna, 11». На другой стороне рукой Григория Сергеевича написано по-русски: «Гор. Любартов, ул. Стодольная, дом 11, Алиция Рембилинская».

Жгучее чувство я испытываю. Этот лоскуток держали в годы войны двое влюбленных, дороги которых расходились навсегда… Потом этот листок десятки лет лежал среди бумаг, и вот сейчас я разглядываю его, подсматриваю в чужую тайну… Когда же это написано? Я думаю, в 45-м или 46-м году… Вероятно, она написала ему свой адрес, а он потом, может быть, через годы перебирал старые письма, наткнулся и записал адрес по-русски… Может, так, а, скорее всего, он сразу переписал адрес, как только она его написала… Кто это теперь скажет…

Когда я иногда вижу хронику военных лет, особенно кадры, когда мимо Бранденбургских ворот стремительно, друг за другом, дугообразно заворачивая, мчится колонна наших полуторок и «Студебеккеров», а посреди улицы стоит бойкая девушка-регулировщица и машет флажками — я всегда вспоминаю нашего деда. Я думаю: а вдруг и он тоже едет в одной из этих машин?

И вот с трепетом приступаю я к удивительному рассказу, который слышал от деда. Удивительному по степени доброты и человечности, которые вдруг прорастали в русском человеке в годину самых тяжелых испытаний.

---

[1] Да здравствует Войско Польское и дух солдатский!

У деда был приятель, он погиб на фронте. Война кончилась, но дед мой ещё был в армии, дослуживал, а точнее — переслуживал. Жена приятеля однажды написала моему деду письмо — мол, так и так, голодаем, помощи никакой, сын болеет, от мужа вестей до сих пор нет — может, ты, Гриша, что о нем слыхал? Дед, конечно, о своем приятеле ничего не слыхал, но то, что написала ему жена приятеля, заставило его крепко задуматься. И вот что он придумал. Его родители жили уже под Тулой, в Суходоле, и он знал, что у его отца сохраняются сухари. Что это за сухари? Отец деда был человеком запасливым и никогда в жизни корки хлеба не выбросил — всё сушил — и в мешок. И таких мешков накопилось в доме немало. Благодаря им и войну пережили, да и сейчас не голодали… И вот пишет дед письмо своему отцу: так, мол, и так, у друга семья голодает, помоги, отвези им сухарей, сколько можешь.

Отец нисколько не удивляется такой просьбе, берет мешок сухарей — и приезжает в Тулу. Находит улицу, дом, квартиру, а для сельского жителя и это непросто, долго стучит в дверь. Ему никто не отворяет. Он уходит, потом снова приходит. На этот раз ему открывают, но с опаской, с удивлением смотрят на незнакомого человека с мешком, недоумевают, начинают его расспрашивать — и, наконец, всё выясняется. Уж как женщина плакала, благодарила, приглашала в квартиру — отдохнуть, чаю морковного выпить! Но дедушка Сергей ей ответил, что времени у него совсем нет, надо еще успеть на поезд — и, мол, будьте здоровы, и всего вам хорошего с сыночком… И откланивается. Больше они не встречались. А сынок той женщины, как говорят, выжил, вырос, стал видным ученым, профессором.

В их семье всегда жила, сохранялась легенда, что эти сухари спасли им жизнь. Такое забыть было невозможно.

МОЯ СЕМЬЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Тикунова Елена Евгеньевна, *35 лет,*
учитель русского языка и литературы МБОУ СОШ № 39
имени Героя Советского Союза Алексея Арсентьевича Рогожина,
г. Тула

В 1941 году моей бабушке Колпаковой Марии Васильевне было всего 16 лет. Жила она в большой крестьянской семье в деревне Болтёнки Белёвского района Тульской области. С первых дней войны все женщины, дети и подростки ходили копать окопы вокруг города Белёва. Не была исключением и моя бабушка. Каждый день в центре деревни

На рытье окопов

собирались жители и, держа в руках лопаты, отправлялись в город. Путь был неблизкий, 6 километров, но никто не оставался в стороне.

В конце октября наступили самые трудные дни. Гитлеровцы подошли вплотную к городу, бои шли ожесточённые. Трое братьев моей бабушки ушли на фронт. Из детей, которые помогали матери, Мария была старшей. И вот утром холодного осеннего дня 24 октября 1941 года раздался страшный крик: «Немцы!» Они ехали совсем рядом на мотоциклах, холёные, сытые и очень довольные. Что происходило в душе моей бабушки, совсем девчонки? Она и потом, спустя десятилетия, рассказывала со слезами на глазах: страх и боль, а ещё вопрос: «Что дальше? Как быть?»

Но немцы неожиданно остановились и стали выбирать молодых парней и девчонок. В первую шеренгу попала и моя прабабушка, длинная коса которой привлекла внимание одного из немцев. Он долго её разглядывал, а потом намотал косу на руку, сел на мотоцикл и не спеша поехал. Несколько метров стали для Марии самыми страшными в её жизни. Когда закончились дома, и началась берёзовая роща, девушка уже ни на что не надеялась, потому что рядом не было никого. И вдруг из-за последней берёзы показались несколько парней; в руках только лопаты, которыми они копали окопы, но и они стали настоящим оружием! Марию освободили, убежали в дальний лес. Первый парень, который зарубил немца, был самым старшим и самым храбрым. Именно он помог девушке. Его звали Николай. Это был мой дедушка. Вместе они пережили страшные дни боёв за деревню Береговая, которая всего в одном километре от родного дома. А в январе 1942 года, после освобождения города Белёва от немцев, Николай ушёл в регулярную армию, Мария вернулась домой и стала ждать его. Николай пришёл через год. Взрывом снаряда ему оторвало руку. В деревне, несмотря на молодость, все его называли уважительно — Николай Тихонович, а на первом сходе избрали бригадиром.

Моя бабушка умерла всего год назад, а дедушку я, к сожалению, не видела никогда, он умер в 1968 году. Но история их встречи, участие в обороне родного края — это тот эпизод, которым гордится вся моя семья.

ИСТОРИЯ СЕМЬИ — ИСТОРИЯ СТРАНЫ

Флерко Анна Николаевна, *39 лет,*
учитель русского языка и литературы МБОУ «СОШ № 13»,
г. Донской Тульской области

Родина! Что может быть дороже нее. Нет ничего милее твоих необъятных полей, неиссякаемых и полноводных рек, широких степей, многолюдных и многочисленных городов, просторных синих далей. Как щедрая мать с любвеобильным сердцем, Родина каждого из нас вскормила, открыла перед нами широкие горизонты, ввела нас в мир знаний, науки, в мир новых свершений и открытий.

Николай Яковлевич Хламов, 1939 г., Бессарабия

Множество войн перенесла наша Родина: от ордынского ига до Великой Отечественной войны — самой кровопролитной и жестокой.

Порой, мы, новое поколение, забываем о подвиге наших дедов и прадедов, не знаем о том, кто живет рядом с нами.

Мне хочется рассказать о своей семье, потому что в Великой Победе есть вклад двух моих дядей и бабушки.

В 1937 году, в связи с набором рабочих для шахт Московского бассейна, семья, состоящая из шести человек, приехала на шахту № 13. Первоначально жили в коммунальной квартире на две семьи, соседствовали с начальником шахты. Глава семьи Хламовых Яков Романович, мой дедушка, работал на шахте, его супруга Мария Петровна, моя бабушка, занималась воспитанием детей.

Завершилось строительство поселка шахты № 17, и вся семья переехала в новое жилье. В семье, где четверо сыновей, рождается девочка Роза. Только начав обустраиваться, семья переживает большое горе — погибает на шахте муж и отец Яков Романович: после завала в шахте остался жив, но в течение недели умирает. Осталась Мария Петровна

с пятью детьми. Надо продолжать жить, воспитывать и растить детей. И еще одна беда пришла в дом: упав с лошади, сын Яша получает травму позвоночника, от которой скоропостижно умирает в 1940 году.

Старший из сыновей Николай (28.11.1919 г.р.) служит в армии в Бессарабии.

Федор (1921 г.р.) оканчивает школу № 3 имени А.С. Пушкина (ныне школа № 6 пос. шахта 17).

Михаил (13.11.1929 г. р.) учится в этой же школе, Роза (07.03.1938 г. р.).

...1941 год. Наступила лихая година для всего нашего народа и каждый житель грудью встал на защиту своей Родины. Гитлеровцы рассчитывали легко и без особых потерь захватить нашу страну, но их расчеты провалились. Почти четыре года непрерывной кровопролитной войны завершились полным разгромом фашистской Германии. Наш народ отстоял свободу и независимость своей Родины и сбросил оковы фашизма. И в этом заслуга каждого жителя нашей страны.

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. Объявлено о всеобщей мобилизации на фронт. Мария Петровна узнает, что Николай уже на войне.

Вот-вот должны забрать на фронт Федора.

23 июня с сыном Михаилом отправляется в лес по ягоды, чтобы Федору в дорогу наварить варенья, а сам Федя от школы работает в Дубовом на заготовке сена. Именно в поле и вручили выпускникам повестки на фронт.

Бегом они прибежали домой, переоделись, взяли необходимое и скорее в военкомат г. Донского. Так и не попрощавшись с матерью, лишь крепко обнял младшую сестренку да выпил кружку холодной колодезной воды.

ДОНСКОЙ

ИЗВЕЩЕНИЕ

Ваш сын старший лейтенант
(муж, сын, брат, военное звание)
Хламов Федор Яковлевич
(фамилия, имя и отчество)
уроженец дер. Морозовка Красногорского р-на Брянс.
село, район, город, область)
12 июля 55 г.
12755 в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге,
проявив геройство и мужество погиб „10" марта 1944 г.
Похоронен с отданием воинских почестей
(точный адрес и место погребения)
Донской Райгорвоенком
(Фамилия)
8724-40

Дубликат извещения о гибели

Мария Петровна с Мишей уже шли из леса, когда дорогу им переползла шипящая змея. Дрогнуло сердце матери: «Что-то случилось». Опрометью кинулись они домой. Прибежали, а Федора уже проводили соседи. Замертво упала мать: «Не обняла она напоследок сына, не благословила». Холодной водой отливали женщину, чтобы привести в чувство. Надо жить, жить и ждать, поднимая Михаила и Розу.

Пришел начальник участка шахты Кудин Иван, сообщил, что звонил Федор, он уже в Узловой, их грузят в эшелоны и отправляют на фронт.

Письма-треугольники, редкие телеграммы, фотографии, наградные документы и боль, всепоглощающая боль за детей, страну…

Глубокая ненависть к фашистским изуверам переполняла сердца каждого жителя страны.

Наступает ещё более страшное время. В город приходят фашисты. Тульская оборонительная операция была проведена в период с 24 октября по 5 декабря 1941 года и являлась частью битвы под Москвой 1941–1942 годов.

А страшным это время можно по праву называть. Как ни прискорбно, но были в небольшом посёлке люди, которые с хлебом-солью встречали оккупантов. Помимо мародёрства агрессоров, простая женщина Мария Петровна столкнулась с доносительством. Прибежала к ней соседка и сообщила, что в списка на расстрел вся оставшаяся семья Хламовых — сама Мария и двое малолетних детей. «Беги, Маша», — увещевала соседка. Что было делать отчаявшейся женщине? На дворе стоит холод, убежишь, так от холода сгибнет семья… «Что расстреляют, что замёрзну — всё одно», — решила Мария Петровна. Немцы забирали любой скарб у жителей, не гнушались ничем. И в дом Хламовых пришли фашисты. Роза, несмотря на малый возраст, отчётливо помнит, как откормленный немец со своим денщиком, приставив дуло автомата к груди мамы, требовал «яйки» и грозил убийством. В страхе за детей Михаила и Розу жила, как во сне Мария Петровна. Период с 24 октября по 5 декабря 1941 года тянулся бесконечно. Холод, голод, двое детей, постоянный страх за их жизни.

Николай Яковлевич Хламов, 1995 год

9 декабря пришли в дом к Хламовым обозлённые оккупанты, много кричали и плевались, били Марию Петровну. Михаил попытался заступиться за маму, а его отшвырнули прикладом автомата в другой угол комнаты. Злой толстый немец пошел по соседям в поисках чего-то непонятного.

Мария избитому Мише успела прошептать: «Бери Розу и прячьтесь, только не плачьте, меня пришли убивать». Вернулся жирный немец с мешочком гречки, рассыпал её в углу комнаты и поставил женщину на колени. Пока фашист зверствовал, Миша с Розой спрятались в подполе, о котором никто не знал. Как потом он рассказывал, самым тяжёлым были мысли о маме и о том, как сделать так, чтобы сестрёнка не плакала, и чтобы её никто не услышал. Так и простояла Мария целые сутки на гречке, а дети от голода и бессилия уснули в подполе. 10 декабря стали слышны выстрелы. Прибежал к Хламовым из соседнего дома парнишка — Мишин друг, еле смог поднять с колен Марию Петровну. Женщина не могла ходить: затекли ноги, спина. Мария звала сына. Грохот орудий, видимо, разбудил детей. Обессиленная семья воссоединилась. Самое главное — все живы! Днем Задонье загорелось. Больше половины домов сгорело, а тут уже разгорался бой все сильней и сильней. А затем полыхали кругом пожары, шёл бой, и гремели выстрелы, люди глохли от взрывов снарядов. Ночью бой затих, люди вышли утром, не поверили: ни одного немца, тихо. Все поняли, что освобождены от фашиста.

И тут случилось чудо. Входит в дом к Марии Петровне мужчина в полушубке, лицо у него всё серое, покрыто копотью, и спрашивает о том, где дети. Испугалась мать за ребятишек, а мужчина улыбнулся, обнял её, расплакался: «Живы, мамка, вы все живы». Николай Хламов в составе танковой бригады освобождал свой город, свою семью.

Великая Отечественная война стала трагедией всего человечества, труднейшим испытанием для народа, которое он достойно вынес.

На фронтах Великой Отечественной войны два брата встретились 10 марта 1944 года. Николай был командиром танка, Федор — командиром батареи. Увидели друг друга в бою, выкрикнув имена друг друга.

Горела земля, дымились камни, плавился металл, рушился бетон. Все корежилось, изгибалось, двигалось в огне, вздымаемом разрывами снарядов. Били в упор, почти вонзая друг в друга стволы орудий. Бушевали вихревые разрывы «Катюш». Сцепившись во встречном таране, пылали танки. Все было смято, раздавлено, разбито. Каждый метр земли был истерзан пронесшимся железным ураганом. Был приказ: драться в любом положении до последнего патрона. И они дрались и умирали!

По окончании боя Николай искал брата, но время было ограничено, необходимо было двигаться дальше. Федора он так и не нашел. Как впоследствии выяснилось, этот бой стал последним для Хламова Федора Яковлевича.

Похоронка. Перед этим Мария Петровна увидела сон:

«Старичок пришел к ним в дом в белой рубахе и холщовых белых штанах, сказал: «Я могу сохранить тебе лишь одного сына. Кого?».

Во сне женщина стала звать: «Коля, Коля!» Внутренне испугавшись, Мария проснулась от собственного крика. Поседела вся в это утро мать. Дума о том, что с одним из сыновей произойдет что-то ужасное, преследовала ее.

«10 марта 1944 года Ваш сын старший лейтенант Хламов Федор Яковлевич, уроженец деревни Морозовка Красногорского района Брянской области в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество погиб».

Имя, произнесенное во сне, стало именем спасенного сына.

Хламов Федор Яковлевич — старший лейтенант, 10 марта 1944 года погиб и захоронен: Калининская область, деревня Погоды, могила 49.

Награждён медалью «За боевые заслуги» и орденом Красной Звезды.

9 мая 1945 года. Победа! Не было более светлой и радостной новости для жителей нашей страны. Преградив фашистам дорогу к столице нашей Родины Москве, выстояли против озверелого натиска гитлеровцев, прогнали их, дошли до Берлина.

Сколько мужества и несгибаемой воли проявил в это время наш народ.

У меня нет слов, чтобы выразить признательность героическим защитникам Родины, всем тем, кто не позволил топтать нашу священную землю грязными сапогами фашистов. Низкий поклон тем, кто, защищая нас и нашу Родину, не вернулся домой, не дожил до Победы. Вечным, нерукотворным памятником им будет светлая память живых.

Победа проложила себе дорогу через трагедию народа.

Хламов Николай Яковлевич — подполковник, прошел всю войну с первого дня до последнего (участвовал в освобождении и родного города Донского, поселков), награжден множеством медалей и орденов. Умер в 1998 году, проживая в г. Ташкенте.

Узнав историю своей семьи, я полностью осознала трагедию нашего народа в Великой Отечественной войне и поняла, что наш долг — сохранить эту память и мир на Земле.

Хламов Михаил Яковлевич — полковник, окончил две академии, стал профессиональным военным, имеет множество наград. Умер в 1994 году в городе Москве.

Корогодина (Хламова) Роза Яковлевна — моя мама — учитель, отличник народного образования, 53 года проработала в родной школе № 6 п. Задонье (ш. 17, бывшая школа № 3), преподаватель немецкого языка (язык выучила, мечтая стать разведчицей) и русского языка и литературы.

Я горжусь своей семьей!
Я горжусь своей Родиной!

ПАПИНЫ НАГРАДЫ

Шамардина Альбина Николаевна, *60 лет,*
начальник отдела антимонопольного контроля и рекламы
Управления Федеральной антимонопольной службы
по Тульской области,
г. Тула

Жизнь неспешно наматывает годы на колесо истории…

Повзрослели дети, подрастают внуки. Недавно я искала какие-то бумаги и увидела отдельно лежащие награды моего отца. Сразу в памяти всплыло его лицо — молодое, открытое, улыбающееся.

Если вдуматься, то жизнь его была быстрой и яркой, как полет кометы. И большую роль в ней сыграла война. Он прожил всего 45 лет.

Мой папа родился 18 декабря 1920 года в селе Болохня Усть-Кутского района Иркутской области в крестьянской семье Василия Михайловича и Анны Игнатьевны Таюрских. У него был брат Василий и сестры Дуся и Лида.

Успешно закончил школу-десятилетку, поступил в Якутский автотранспортный техникум. После окончания 3 курса был призван Якутским горвоенкоматом, как положено, в ряды рабоче-крестьянской Красной Армии. Он не успел демобилизоваться, потому что началась война…

Всю войну, вплоть до самой победы папа участвовал в боевых действиях по защите нашей Родины в составе Донского, Сталинградского, Юго-западного фронтов, а также Украинского и Белорусского. В декабре 1942 года был ранен, по выздоровлении снова встал в строй. Служил командиром топографического отделения Управления 1-го дивизиона 82 гвардейской дивизии 185 гвардейского артиллерийского полка сначала в звании «гвардии сержант», а потом — «гвардии старшина».

Общий срок службы в рядах Советской армии составил 6 лет и 5 месяцев, вехами на этом пути для нас являются боевые награды отца. Я раньше никогда не задумывалась, за что папа был удостоен этих орденов и медалей, а он сам никогда не рассказывал, потому что мы были тогда маленькими, а рассказы про войну глазами очевидца — очень страшные; мне удалось это выяснить много позже благодаря Интернету.

Вот медаль «За боевые заслуги». В выписке из наградного листа значится: «В боях 16.07.43 года в районе Юго-Восточного Изюма под артиллерийским обстрелом Таюрский Н.В. произвел засечку огневых точек противника. Подготовил данные для стрельбы, дивизион точным огнем подавил обнаруженные и засеченные 12 целей противника» [1].

Представить значение этого подвига помогла историческая справка:

«Юго-Западный фронт должен был нанести удар главными силами из района Изюм, Богородичное в общем направлении Барвенково, Павлоград, Орехов и, выйдя в район Запорожье, Орехов, отрезать пути отхода донбасской группировке противника на запад. Тяжелые оборонительные бои велись южнее города в марте 1943 года. В апреле не увенчалась победой попытка немцев прорвать оборону советских войск на севере района, а летом советское командование на Изюмском плацдарме активными действиями удерживало крупные соединения врага, не давая возможности перебросить их в район Курской дуги» [2].

Значит, мои внуки Никита, Тимофей и Дарья могут гордиться тем, что их прадед был участником Курской битвы! Когда они подрастут, на уроке истории это грандиозное сражение представят себе иначе — не со стороны, извне, а изнутри, видя в рядах бойцов своего родного прадеда и его вклад в победу.

Оперативные сводки от Совинформбюро за июль 1943 года сообщали:

«Немцы бросили в наступление против наших войск свои главные силы, сосредоточенные в районах Орёл и Белгород. На Орловско-Курском направлении немецкое командование ввело в бой: 2, 9, 12, 18, 20 и 23 танковые дивизии, 36 мотодивизию, 6, 7, 78, 86, 216, 258 и 383 пехотные дивизии. На Белгородском направлении наступают 3, 6, 7, 11 и 19 танковые дивизии, а также танковые дивизии СС: «Адольф Гитлер», «Великая Германия», «Райх» и «Мёртвая голова», 106, 167, 163, 256, 320, 162 и 332 пехотные дивизии. Таким образом, с немецкой стороны в наступлении уже участвуют 15 танковых дивизий, 1 мотодивизия и 14 пехотных дивизий.

...наши войска, преодолевая упорное сопротивление и контратаки противника, продолжали наступление, продвигаясь вперёд, занимая населённые пункты...

На юге, в Донбассе, в районе ЮЖНЕЕ ИЗЮМА и ЮГО-ЗАПАДНЕЕ ВОРОШИЛОВГРАДА (выделено мною. — *А.Ш.*), наши войска продолжали вести бои местного значения, велись усиленные поиски разведчиков» [3].

Исторические справки раскрывают в полной мере те тяжелые условия, в которых жили и сражались за победу советские солдаты. Вот и папа со своим отрядом, под шквальным минометным и пулеметным огнем пробирался в тыл врага, чтобы, оставаясь незамеченными, засечь огневые позиции противника, а потом по рации передать эти сведения своим командирам. Да еще, при возможности, прихватить с собой «языка» (немецкого солдата или офицера, который при допросе расскажет необходимые для успешного ведения боя сведения).

Беру в руки орден «Отечественной войны II степени». Он был получен незадолго до Победы. Выписка из наградного листа гласит:

«14 и 15.04.45 года в период подготовки прорыва обороны противника на реке Одере тов. Таюрский Н.В. со своим отделением под сильным артиллерийским и минометным огнем противника привязал боевой порядок первого дивизиона и организовал пункты СНД, с которых засек 3 минометных батареи, две артиллерийских батареи 75м/м, 5 пулеметов, 2 зенитных батареи, 6 блиндажей, 3 орудия ПТО и подготовил исходные топографические данные. В результате точной работы все цели были уничтожены и подавлены нашей артиллерией».

Историческая справка: *«...река Одер представляла собой мощное водное препятствие, преодоление которого требовало большой подготовки войск. Открытая и низменная местность значительно затрудняла действия наших войск.*

Войскам фронта противостояли разбитые соединения и части 9-й немецкой армии, действовавшие против центра и левого крыла фронта. Эти войска постепенно отходили на запад, сплошного фронта не имели и оказывали сопротивление лишь на заранее подготовленных оборонительных рубежах, на речных преградах и в крупных населенных пунктах. Их действия сводились к тому, чтобы выиграть время для организации обороны по р. Одер. В Восточной Померании враг продолжал оказывать упорное сопротивление, имея задачу измотать соединения фронта в оборонительных боях, а затем нанести фланговый удар по нашим войскам, наступавшим на берлинском направлении. Для этой цели в Померанию в первых числах февраля была переброшена 11-я немецкая армия, имевшая в своем составе два танковых корпуса, один армейский корпус и корпус СС. Кроме того, в район Штеттина было переброшено управление 3-й танковой армии. В состав этой армии вошли один танковый, один армейский корпуса и один корпус СС.

Советскому командованию известно также, что немцы, подготавливая большое наступление, перебросили в район Орла и Белгорода большое количество танков для восполнения потерь танковых дивизий в ходе наступления.

В марте, после разгрома восточно-померанской группировки противника, войска 1-го Белорусского фронта получили возможность начать активные действия на левом берегу Одера. Командующий фронтом поставил перед командующими армиями задачу овладеть пригородами Кюстрина, Нейштадт, Киц, что и было выполнено в период с 6 по 13 марта. Враг оказывал организованное огневое сопротивление из домов, приспособленных к обороне, и из заранее подготовленных дзотов. Бои шли и днем и ночью. Большую помощь штурмовым группам оказывали орудия сопровождения и самоходные установки. К исходу 8 марта — третьего дня боев — штурмующим Киц подразделениям удалось захватить ст. Кюстрин и выйти в центр го-

рода. За эти три дня гарнизон Киц потерял только убитыми более 1300 солдат и офицеров. Артиллерийским огнем было уничтожено 23 орудия, 90 пулеметов, 8 дзотов и разрушено 52 приспособленных к обороне здания. Несмотря на то, что падение Киц было уже неизбежно, враг продолжал оказывать упорное сопротивление, все более и более нараставшее по мере уменьшения территории, остававшейся в его распоряжении. Борьба за овладение остававшейся в руках неприятеля северо-восточной частью города потребовала еще трех дней упорных и кровопролитных боев. Город был полностью очищен от противника лишь к исходу 11 марта, причем за эти три дня враг вновь потерял убитыми более 1000 солдат и офицеров. За шесть дней боев сдалось в плен 98 человек, а потери убитыми у противника превысили 2300 человек. В конце марта была успешно осуществлена задача объединения обоих плацдармов, в результате чего 1-й Белорусский фронт располагал к началу апреля крупным плацдармом, общим протяжением по фронту до 44 км и глубиной от 4 до 10 км, находящимся в 60 км от Берлина» [4].

Есть у папы и орден Красной Звезды, которым он награжден «за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте в борьбе с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество». Из наградного листа: «13.01.45 года под хутором Генрыкув обнаружил и засек минометную батарею, три станковых пулемета и П.Т.О. которые во время артподготовки были уничтожены. 14.01.45 года в районе хутора Геленув под сильным пулеметным и минометным огнем обнаружил минометную батарею, два станковых пулемета, которые были уничтожены нашей артиллерией. 15.01.45 года под сильным минометно-артиллерийским огнем произвел привязку боевого порядка первого дивизиона».

За сухими строчками служебного документа — сотни спасенных жизней советских солдат.

На Берлинском направлении наши войска вели ожесточенные бои с упорно сопротивляющимся противником. Немецкое командование, стремясь преградить путь советским войскам, бросило в бой все имеющиеся силы. Берлинские военные школы прекратили занятия, а курсанты школ и обслуживающий персонал были посланы на фронт. Гитлеровцы объявили в Берлине поголовную мобилизацию мужчин от 15 до 65 лет включительно. Все зенитные орудия противовоздушной обороны германской столицы также используются в качестве противотанковой артиллерии. Наши войска, преодолевая все препятствия, наносят противнику один удар за другим. Советские пехотинцы выбивают гитлеровцев из укрепленных зданий и артиллерийским огнем разрушают узлы сопротивления, а также баррикады из камня и кирпича, построенные на улицах пригородов Берлина.

Наши танки и пехота, наступающие с северо-востока, заняли пригороды Бланкенбург, Мальхов и ворвались в пригород Вейсензее. Весь день шли ожесточенные бои. Советские штурмовые группы, усиленные орудиями, очищали квартал за кварталом, подавляя вражеские узлы сопротивления. Заняты фабрика «Ределер», трамвайный парк, электростанция и ряд промышленных предприятий, превращенных немцами в опорные пункты обороны. К исходу дня наши войска полностью заняли пригород Вейсензее и ведут бои в районе окружной железной дороги. Наши войска, наступающие с востока, мощным ударом прорвали долговременную оборону немцев в полосе озер и заняли пригороды Мальсдорф, Фихтенау и Вильгельмсхаген. Ожесточенные бои произошли также за город Фюрстенвальде — мощный опорный пункт обороны немцев юго-восточнее Берлина. Сильными ударами советские части выбили гитлеровцев из северной части города. К исходу дня вражеский гарнизон был полностью разгромлен и в беспорядке отступил. Противник несет огромные потери. По неполным данным, за день уничтожено до 8 тысяч немецких солдат и офицеров, 47 танков и самоходных орудий, более 150 полевых орудий и минометов. Бои на Берлинском направлении продолжались днем и ночью, не стихая ни на час [5].

Медали «За отвагу», «За оборону Сталинграда» (Указ Президиума Верховного Совета от 22.12.42 г.), «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией» также были получены в ходе боевых операций. Пока не знаю, за какие подвиги он был представлен к этим наградам, но, надеюсь, что мои дети и внуки уже будут заниматься поиском информации об этом.

После войны папа жил и работал в Красноярске, женился на моей маме — Аксаментовой Анне Филипповне, у них родилось трое детей: дочери Полина и я, Альбина, и сын Валерий.

В 1953 году наша семья переехала в город Ангарск Иркутской области, тогда это была большая комсомольская стройка. Жили впятером в комнате с подселением, потом получили квартиру. Здесь папа устроился на Ангарский нефтехимический комбинат (АНХК) старшим оператором, где проработал до 1965 года. Проявил себя грамотным, ответственным работником, был отмечен благодарностями и поощрениями, почетными грамотами. За достигнутые успехи в соцсоревновании занесен в Книгу почета, за высокие показатели в работе — на доску почета АНХК.

В 1965 году был избран депутатом 10 созыва Ангарского городского Совета Депутатов трудящихся, но… внезапная смерть. Отголоски войны… Мне было 11 лет, сестре — 18, брату — 17. Осиротели трое детей. Старшая сестра, мечтавшая стать юристом, вместо института вынуждена была пойти работать на тот же комбинат, где раньше тру-

дился папа. Брат, сразу став единственным мужчиной в семье, тоже пошел работать. А мечты… их пришлось отложить с учетом новых обстоятельств на более позднее время.

Жизнь, как могучая река, течет вперед, о войне вспоминают только в праздник 9 Мая. Однако, не зря говорят, что люди живы, пока о них помнят. Мы, наши дети и внуки помним и бережно храним память об отце, деде и прадеде Таюрском Николае Васильевиче, о его подвигах, совершенных ради нас, во имя нашей жизни и любви.

Литература

1. http://www.obd-memorial.ru/html/
2. http://www.izyum.info
3. http://www.soldat.ru/doc/sovinfburo/1943/1943.html
4. http://militera.lib.ru
5. http://korkino.ru/gorodskaja-zhizn/22-aprelja-1945-g-ot-sovetskogo-informbyuro.html

ПОЛИТРУК ТУЛЬСКОГО РАБОЧЕГО ПОЛКА

Авдеева Ирина Геннадьевна, *55 лет,*
экономист,
г. Щекино Тульской области

Мой дед Марухин Фома Сергеевич, 1902 г.р., политрук второй роты Тульского рабочего полка, погиб 15.01.1942 года в Смоленской (ныне Калужской) обл., дер. Маляевка (Моляевка, Малеевка по сведениям ОБД «Мемориал», похоронен там же., мирная профессия мастер на заводе «Новая Тула» (ныне «Комбайновый завод»). Доброволец с октября 1941 года.

Когда я решила разыскать могилы своих дедов и родных, первое моё обращение на этот сайт. Далее два года поисков по картам и поездки по Калужской области в поисках этого населённого пункта. Но выяснилось, что деревня эта была сожжена фашистами и не восстанавливалась. Но всё же поиски не прошли даром, по карте 1937 года нашла эту деревню. Доезжаем до дер. Буланцево (или то, что неё осталось). Был май месяц и дачники уже приехали на свои участки. Мне повезло: приехал в свой родной дом и очевидец боев тульского рабочего полка с фашистами, с 13 по 19 января 1942года. На то время ему исполнилось 12 лет. Много солдат погибло за стоящие рядом деревни: Рындино — Маляевка — Феники. В этом бою был смертельно ранен и умер и мой дед. «Знали и любили его многие. За его смерть здорово поплатились фашисты» — именно так напишет в письме своей жене

Вахтанов А.А. командир 2-ой роты. Гусев Николай Александрович, очевидец тех событий, рассказал как все жители помогали хоронить погибших и показал места их захоронения.

Я два года ездила туда, но сердце не успокаивалось. И опять я решила посмотреть материалы по Тульскому рабочему полку. Нашла издание — сборник документов и материалов «Тульский край в Великой Отечественной войне 1941–1945гг». Читаю донесение комиссара Тульского рабочего полка И.Я. Богомолова № 9 (не позднее 19.01.42 г.) и глазам своим не верю — мой дед убит и тело перевезено в г. Тулу для похорон, как знатного оружейника… «18 января тело убитого политрука 2-й роты т.Ф.С. Марухина направлено в Тулу для похорон как знатного оружейника, верного сына своей родины, погибшего в бою с фашистами за дело Ленина — Сталина» [1]. Почва из под ног выбилась, все надежды, что место захоронения найдено — рухнули! Стресс подстегнул и не дал опустить руки! Теперь надо искать истинное место захоронения. Родителей, бабушки и родных, кто бы мог что-то подсказать уже давно нет. Стала вспоминать, что когда-то я видела странные фото: одну с похорон, другую — фотопортрет. Они лежали всегда отдельно завёрнутые в газету! Нашла, когда развернула, они у меня на руках рассыпались, будто только и ждали этого момента — появления на свет!

На обратной стороне фото с похорон написано: «Г. Тула, кинотеатр им. Степанова» 21 (или 24) января 1942 года, Пролетарский р-он». Рассмотрела под лупой, нашла на части траурной ленты Ф.С. Но далее ещё предстояло почти три года поисков. Запросы в военкоматы, архивы, администрацию города, Общество «Тульский Некрополь» и т.д. Помогали тульские поисковики, спасибо им за поддержку и советы.

Последней инстанцией был «Музей военной истории». Директор Авдюшкина Ирина Николаевна, человек не безразличный и деятельный, познакомила с Новиковым Валерием Владимировичем, связалась с научным сотрудником Чулковского кладбища Червяковой Ириной Александровной. По нашим молитвам нам даются люди в помощь и события собираются воедино! Это был подарок Всевышнего! Через сутки я узнала о могиле моего деда на Чулковском кладбище, её нашли по мраморной табличке, где вписано: «Политрук 2-ой роты Тульского рабочего полка Марухин Ф.С. 1942 год» За этой могилой более двух лет ухаживали волонтеры и искали родственников. Вот всё и связалось!

Но пока нет его имени в Книге Памяти г. Тулы и Тульской области, хотя я обратилась в военкомат с предоставлением всех документов и фотографий, надеюсь, что это можно поправить. Надеюсь увековечить его имя в вашей книге.

Мне очень жаль, что так поздно я начала осознавать, кому я обязана за свою мирную жизнь, и как мало им, ушедшим, сейчас надо от нас … просто чтобы помнили!

Как могла кратко всё написала.

С уважением, Авдеева И.Г.

Литература

1. ГАУ ТО «Государственный архив». Ф. П-177. Оп. 8. Д. 53. Л. 91–92. Подлинник. Машинопись.

ДЛЯ НАС ОТЕЦ И ДЕД — ГЕРОЙ

Григоров Эдуард Анатольевич, *43 года,*
начальник отдела Управления Министерства юстиции
по Тульской области,
г. Тула

Наш отец Кузенков Иван Никонорович родился 3 июня 1923 года в деревне Космачево Людиновского района (Орловской) ныне Калужской области. В небогатой крестьянской семье кроме него было еще два старших брата Максим и Николай, а также сестра Анна.

Сразу после объявления о нападении на нашу страну захватчиков на войну ушли старшие братья, которые с нее так и не вернулись. Максим погиб, Николай пропал без вести. 10 сентября 1941 года в ряды защитников Отечества был призван Иван. В военном билете записано:

«В Великой Отечественной с ноября 1941 года в составе 42 артиллерийского полка, командир отделения, сержант».

Всего-то короткие 40 дней находился 18-летний паренек на подготовительных курсах перед первым своим боем. Но его характер, целеустремленность и искреннее желание быть защитником своего народа, своей страны сделали из него настоящего воина.

Награжден отец орденами Красной Звезды, Отечественной войны I степени, боевыми медалями, среди которых есть «За отвагу», «Георгий Жуков»; хранится в семье и медаль «Ветеран труда».

Хочу процитировать краткую запись в военном билете Кузенкова Ивана Никоноровича:

«В Великой Отечественной войне тяжело ранен — ампутация правой кисти, осколочное ранение левой кисти 16.08.1943 года».

Эти числа, точная дата, когда за порог госпиталя вышел молодой солдат всего с одной и то изуродованной рукой, на которой было всего два действующих пальца, с еще не совсем зажившими многочислен-

ными ранами на теле. Но он очень хотел жить и поставил себе цель — быть в первых рядах и в дальнейшей своей жизни.

Сражения на Волховском фронте, бои под Ленинградом закалили характер солдата. Когда отец вспоминал войну, много говорил о боевых товарищах и друзьях по оружию, о взаимовыручке, преданности и стойкости.

Очень хорошо отзывался о госпитале № 3135 в Свердловской области на станции Яйва, в которой находился на излечении. Был очень благодарен людям, которые помогли выжить солдату-инвалиду в послевоенные годы.

Я не случайно рядом с боевыми наградами указал медаль «Ветеран труда». Всю жизнь отец трудился. Начинал с нуля: научился снова писать. Это стоило ему тяжкого труда, усердия, упорства. Отец вырабатывал красивый почерк, заново овладел навыками плотницкого дела, научился лечить животных, много знал и умел. В марте 1945 года женился на хорошей девушке, которая родила ему двух дочерей.

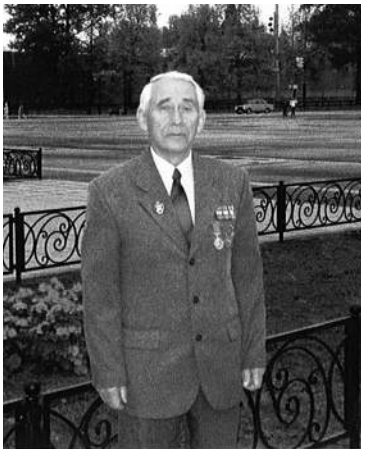
Отец много сил и времени отдавал нашему воспитанию, очень любил внуков. Наши родители дожили до появления правнука и также участвовали в его воспитании. Всю их жизнь мы считаем не просто примером, а подвигом.

А своего отца, деда и прадеда Кузенкова Ивана Никоноровича мы, его дети, внуки и правнуки, и все, кто знал его по жизни — считаем Героем! Героем в Великой Отечественной войне и Героем по жизни длиною в 77 лет.

Глава 4. Военное детство и юность

«МЫ, МАЛЕНЬКИЕ БЫЛИ НУЖНЫ СТРАНЕ»

Шеин Николай Григорьевич, *81 год,*
председатель правления
Тульской областной организации «Знание» России,
Заслуженный работник культуры РФ,
г. Тула



Николай Григорьевич Шеин

Так сложилась судьба, что у меня умерла мама, когда мне было 4 месяца. Первые восемь лет я жил вместе с отцом, Григорием Вавиловичем. Звал его «папака». Невысокого роста, всегда загорелый, черные с сединой волосы и усы — таким мне запомнился отец. Ходил он в пиджаке, который как-то солидно и тяжело висел на нем, и в сапогах.

Отец работал в колхозе заведующим молочно-товарной фермой, какое-то время — бригадиром полеводческой бригады, молотобойцем (так назывался помощник кузнеца) и на других колхозных работах.

После смерти мамы тифом заболели мои братья, Вася и Ваня. Надо представить себе, как бабушка работала тогда, выхаживала больных и меня, такого маленького. И отец решил жениться, найти мать для детей, которых было четверо. Вот тогда и привез он себе другую жену, Москаленко Марину Степановну с дочкой Настей.

1941-й год. Мне семь лет. В этом году мне предстояло пойти в первый класс. Все говорили, что вот-вот начнется война. Первый в моей жизни кинофильм, который я увидел, по-моему, назывался «Боевые подруги» — про финскую войну. И вот во время сеанса в колхозном клубе кто-то крикнул, что «в небе видно войну». Все бросились на улицу. Я сидел на подоконнике, мне сводная сестра Настя приказала сидеть и не слезать, поэтому я не видел, что было на небе, а Настя потом рассказала, что на западе, где садилось солнце, был виден кровавый крест. Все говорили, что это к войне.

22 июня 1941 года — не знаю во сколько, так как часов у нас не было — я подошел к правлению колхоза, зайти постеснялся, все-таки еще маленький, сел у открытого окна послушать радиоприёмник и вдруг услышал то самое известное выступление Вячеслава Михайловича Молотова о том, что началась война. Какова была реакция семилетнего мальчика? Подсознанием я чувствовал, что началось что-то страшное — такова была интонация выступающего. С этой минуты мы стали детьми войны на всю жизнь…

Почти все мужчины ушли на фронт, многие добровольно. Остались одни женщины и дети. Боже мой, как работали женщины! Это невозможно рассказать, работали свыше нормальных человеческих сил и представлений. Помню трактористку Маруську Суслову. Маленькая, ее в деревне прозвали «Кнопкой»; у нее не хватало сил повернуть заводную рукоятку трактора. На рассвете, чуть забрезжит заря, трактор заводил бригадир тракторной бригады (единственный мужчина в деревне — раненый), и Маруська садилась и пахала, Она сидела на открытом металлическом сиденье, согнувшись от холода так, что ее и не было видно.

Я не помню, чтобы кто-то из женщин, несмотря на неслыханные моральные и физические трудности, клял правительство или жаловался на судьбу. Если и ругали, то за что-то конкретное, например, бригадира или председателя колхоза за нераспорядительность или несправедливость. Сплоченность людей была неслыханная, трудности сближали всех, Черновка жила единой семьей. Мы, дети, работали наравне с взрослыми женщинами, и они нас любовно называли: «Наши мужчины».

Радио не было, газеты привозили только в правление колхоза, но все новости, особенно фронтовые, распространялись молниеносно как по волшебному телеграфу.

Если приходило извещение с фронта о гибели кого-то, то это была трагедия всей Черновки. Если возвращался раненый с фронта, сбегалась вся Черновка посмотреть на него, узнать хоть что-то обнадеживающее.

Перед войной отец начал строить новый дом из глиняных саманных кирпичей какого-то светло-красного цвета. Он успел с помощью односельчан поставить стены, сделать потолок и стропилы, а потом началась война, и работа приостановилась. Отцу пришла повестка, но на фронт его не взяли, так как он был контужен в Первую мировую войну и возраст уже был 47 лет. Ему дали отсрочку, он спешил нас поселить в новый дом. Но не успел. Отца призвали в трудовую армию и увезли в село Домбаровку Оренбургской (тогда Чкаловской) области, где началась разработка залежей каменного угля. А мы уже без отца перешли жить в недостроенный новый дом с потолком, но без крыши,

только со стропилами, с глиняным полом на кухне и в так называемых сенцах (коридоре). Отец же в 48 лет стал шахтером в невыносимо тяжелых условиях. Один из земляков, Самарский по фамилии, говорил, что отца придавило в шахте землей. Другой говорил, что он сильно простудился, работая под землей, где была война. Может быть, и то и другое сказалось на здоровье. 3 октября 1943 года отец умер. О его смерти мы узнали не сразу, а он не узнал, какое большое горе постигло семью.

В сентябре 1943 года черновская почтальонша принесла нам извещение на имя отца, в котором было записано:

«Ваш сын, заместитель командира стрелкового батальона гвардии капитан Шеин Михаил Григорьевич, уроженец Чкаловской области Переволоцкого района дер. Черновка, в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, был убит 27 августа 1943 года. Похоронен в деревне Речица Карачевского района Орловской области».

Вот так окончилась жизнь брата Миши, которого любила вся семья, а я особенно. Он звал меня Колюша. Это надо понять: ведь я рос без матери и ни одного ласкового слова никогда в свой адрес не слышал, поэтому при обращении «Колюша» у меня на глазах выступали слезы. Каким был Миша?

В отличие от всех нас, братьев, он был самый веселый, целеустремленный; умел петь, плясать, играть на балалайке, гитаре, скрипке, был заводилой всех игр: в Чапаева, Пархоменко и др. Мечтал стать красным командиром. И он им стал. В Великую Отечественную.

Летом 1939 года Миша уехал в военное училище в Ташкент. С первого дня войны и до самой смерти Миша был на фронте. Два раза ему приходилось быть в окружении. 11 декабря 1941 года Миша был тяжело ранен, лежал в госпитале в городе Спасск-Рязанском (под Рязанью), затем снова вернулся в действующую армию. В должностях командира стрелкового взвода, командира роты автоматчиков, заместителя командира стрелкового батальона Миша воевал, по рассказам брата Ивана, в Прибалтике, под Ленинградом, затем под Калининым и погиб на Курской дуге.

Я помню, какие бодрые письма присылал он с фронта, обращался и лично ко мне. Письма были написаны карандашом и сложены треугольником. Как жаль, что ни одного не сохранилось. Я долго берег одно из последних писем Миши, где в конце, как приписка, были такие слова: «Мне присвоено воинское звание капитан». В одном из писем Миша, обращаясь к отцу, отметил, что помнит его рассказы про Первую мировую войну и надеется рассказать отцу и Колюше про Вторую мировую. Как жаль, что не удалось услышать его рассказы.

Все детство я старался быть похожим на Мишу. Видимо, поэтому и поступил потом в военное училище. И сына своего тоже назвал Мишей.

Из всех однополчан Миши, о которых я узнал после войны, откликнулся на мои поиски Гончаров Аркадий Васильевич. Вот что он написал: «Михаила я знал очень хорошо. Это был волевой, бесстрашный, солдатами и офицерами батальона и полка уважаемый боевой командир. Погиб Михаил в большой деревне Речица, которая простиралась вдоль лощины. Когда мы с полком вошли в нее, там оставалось не больше десяти домиков — все было сожжено немцами. Наш батальон был штурмовым.

Случай трагичный произошел в августе 1943 года, числа, конечно, я не помню, но хорошо помню, что это было повсеместное наступление. Наш батальон занял эту деревню, немцы отступали. Михаил с 6–7 бойцами-автоматчиками должен был выдвинуться из Лощины вперед, в подразделения батальона, и при выходе из Лощины был убит прямым попаданием снаряда. Вместе с ним погибли 3 или 4 солдата, точно не помню.

Останки тела были похоронены в тот же день взводом автоматчиков и минометчиков. При всем этом присутствовал и я как начальник штаба батальона и его друг. Погиб Михаил геройски, да и вообще был бесстрашный командир, земля пухом ему. Вы можете гордиться им. С уважением гвардии капитан в отставке Арк. Вас. Гончаров».

Война прошла сквозь наше детство своим тяжелым колесом. Все четыре года войны детские сердца и мысли были на фронте. Мы были уверены, что нужны Родине в тяжелую пору. И бабушка, и приемная мать меня, конечно, жалели, старались не загружать работой. Но ее было столько, что управиться им одним было невозможно. У нас была корова, две или три овцы, теленок, поросенок, гуси, куры — за всеми этими животными требовался постоянный уход. Огород был большой: общая площадь с постройками 0,6 га. Весной вскопать землю лопатами, посадить картошку и овощи, все лето ухаживать за огородом, а осенью убрать урожай было нелегко. После школы я носил с огорода в мешке картошку и тыквы. Тыквы большие, их было много, это была основная еда наряду с картошкой и молоком от коровы. Хотя на молоко особенно рассчитывать не приходилось, так как ежегодно сдавали государству по 400 литров молока, сдавали также яйца, шерсть, мясо и т.д. Я работал в меру своих мальчишеских сил. Это не было очень трудно, скорее даже радовало меня тем, что я чувствовал себя нужным.

В войну особенного голода я не ощущал. И вот почему. Правление колхоза располагалось в нашем доме. За трудодни, в том числе

и мои, мальчишеские, получали продукты в колхозе. Тетя Лиза Улитина, замечательная женщина, работала сторожем колхозных амбаров с зерном и зимой по ночам грелась в правлении колхоза, то есть у нас в доме. У нее было шестеро детей, один другого меньше, а она одна на всю семью. Муж погиб в первые дни войны. Как прокормить шесть маленьких? Вот и назначили тетю Лизу ночным сторожем колхозных амбаров с зерном, заранее зная, что она будет зерно брать, иначе ей не выжить с детьми. Тетя Лиза делилась зерном с моими бабушкой и матерью. Все в колхозе об этом знали и молчали. Но когда украл зерно Шурка Гриднев, его избили в кровь и отдали под суд. Он был негоден для службы в армии, но в колхозе работать мог. Едва Шурка успел жениться, как увезли его за воровство в тюрьму на восемь лет.

Никогда не забыть мне День Победы 9 мая 1945 года. Я учился в 4 классе. Учительница Александра Дмитриевна только начала урок, как вдруг в дверь постучали. Она вышла и через минуту, резко распахнув дверь, вбежала в класс. На глазах ее были слезы, она сдавленным голосом еле выговорила:

— Ребятки… родные вы мои… война… кончилась!

Вместо того чтобы обрадованно зашуметь, как это положено детям, мы, наоборот, притихли. И только когда учительница сказала, что занятий не будет, а будет митинг в школе для всех колхозников, тут мы зашумели, стали поспешно собираться и побежали домой. После обеда прошел весенний дождь. Мы весело бегали прямо по лужам — нам теперь все нипочем, ведь война кончилась! На митинг собрались всем колхозом — и стар и млад — в вестибюле школы. Выступали фронтовики. Вижу их как сейчас, всех израненных, в выцветших гимнастерках, так горячо говорящих о Победе. Начиналась мирная жизнь. Но она оказалась для нас не легче, чем в войну.

Нас ожидали голодные 1946-1947 годы. Засуха была такая, что дышать было нечем. И саранча летала тучей над полями, уничтожая все на своем пути. Эти годы оказались самые голодные. Поели всех сусликов, одуванчики, конский щавель. Из толченой просянки пекли черный, как земля, хлеб. Жмых, соевый и подсолнечный, стал лакомством для детей.

Каким облегчением после этого для нас стал 1948 год. Урожай был отменный. Картошки уродилось столько, что мы не знали, куда ее девать. Я ее носил в мешке с огорода, наверное, целый месяц.

В 1949 году в колхозе «Ударник» (объединенные деревни Черновка и Поповка) жили и работали 67 семей. В каждой из них, я уверен, основой семьи была женщина — мать, жена. В годы Великой Отечественной войны эти семьи вынесли на своих плечах все невзгоды, постигшие родную землю. Они вышли победителями.

Они — рядовые герои военного лихолетья. Рядовой — это тот, кто в первом ряду сражается или работает. Вечная им слава и уважение потомков!

В память о военном времени я написал следующее стихотворение, которое назвал «Дети войны».

Дети войны

Никакие мы и не герои,
Просто дети времени войны.
Иногда, я этого не скрою,
Плакали тихонько мы.

Без отца, без матери, без ласки,
А кругом разруха и война,
Жили без советов, без подсказки,
Верили — не бросит нас страна.

И она, конечно, нас не бросила,
Маленьких, с обугленной душой,
Занималась нашими вопросами
Наравне со стройкою большой.

Выросли, такие непохожие,
Ни в отца, ни в мать.
Иногда щетинимся, как ёжики —
Нелегко всё это вспоминать.

Выросли все с честною душою,
Пред страной своей в долгу,
Ну и пусть мы не герои —
А гордиться каждым я могу!

ПАПИНЫ ПИСЬМА ИЗ ОСАЖДЕННОГО СЕВАСТОПОЛЯ

Парикова Наталья Борисовна, *84 года,*
кандидат филологических наук, доцент,
г. Тула

Цивилизация продолжает развиваться. Но она не изживает войну как способ решения острых вопросов человеческого бытия. Войной добываются уже готовые богатства других народов. В постин-

дустриальную эпоху на фоне соревнования национальных экономик и культур опасность войн не уходит — она только маскируется под прогрессивную вуаль «защиты» более слабых стран. Это усиливает необходимость понимания того, что такое войны и что несут они. К сожалению, у народов России трудная история. Войн было много: больших и малых. Их опыт и последствия необходимо знать и анализировать живущим. Биографии людей — важный инструмент такого анализа.

Я родилась 25 августа 1930 года в Москве и живу так, как меня учили мои родители. Хотя отец был с нами до моих неполных 11-ти лет. Когда началась война, его воспитание осуществлялось через письма из осажденного Севастополя, которые я храню всю жизнь.

И папа, и мама были из многодетных семей. Он из Вологды, она — из Воронежа; встретились в общежитии Московского молокозавода в конце 1920-х годов.

Папа Париков Борис Дмитриевич родился 9 ноября 1903 года. До 1917 года учился в реальном училище, в 1921 году окончил Вологодскую школу №21 и в этом же году был призван в ряды Красной Армии, где приобрел специальность связиста. Службу проходил в Омске, затем в Ашхабаде. После демобилизации из армии в 1924 году переехал в Москву. Работал управдомом, учился в строительном институте. А мама Александра Григорьевна Гольцман приехала в Москву учиться после окончания в Воронеже 8 классов гимназии и работы в детском доме. Она хотела поступить в Московский городской народный университет имени А.Л. Шанявского[1]. Но он в конце 1918 года закрылся, и мама стала работать в московских библиотеках, в том числе передвижных отделениях: Московского университета, Московского маслоцентра.

Из раннего детства, счастливого и безмятежного, помнится немногое. Помню, совсем маленькая лечу под потолок, заливаясь хохотом, под веселый, но боязливый крик мамы: «Боря! Не надо!», а в ответ па-

[1] Основан по инициативе либеральной интеллигенции Москвы на средства генерал-майора в отставке А.Л. Шанявского в 1908 г. Занятия проводились только вечерние для лиц не моложе 16 лет. Университет имел два отделения: научно-популярное (4 года обучения по программам общего среднего образования) и академическое (3 года по университетским программам естественно-исторического, общественно-юридического и историко-филологического профилей). Документы об образовании не требовались. Допускалось самостоятельное комплектование учебного курса предметами по выбору. Среди слушателей университета были служащие, учителя, ремесленники, рабочие. При университете работали курсы (от 2 недель до 1 года) по кооперации, библиотечному делу, местному самоуправлению, педагогике и дошкольному воспитанию и др. В 1918 г. академическое отделение слилось с Московским университетом, научно-популярное — с рабфаком Коммунистического университета имени Я.М. Свердлова.

Семья Париковых перед войной

пины радостные слова: «Аркашка, чертенок!» (папа ждал мальчика, а родилась я). Одно плохо: горло болит, нельзя гулять, все реже мама покупает круглое в вафельках мороженое. Редко играю во дворике с тремя дочками дворника. Реву, когда меня дразнят: «Наташка-ордяшка!» (это из-за родинки на подбородке). Мама пытается разобраться с детьми, а папа запрещает разборки и мне говорит: «На всю жизнь запомни — никогда не жалуйся, если обижают, дай сдачу!»

Во дворе нашем рано-рано начинает скрести метлой дворник. И слышится чей-то зычный голос оттуда: «Утюги, сковороды, кастрюли починяя-я-я-ть...». Часто падаю, однажды разбиваю бровь о водосточную трубу — крику было... из-за йода...

Достаточно много и ясно помню из московской жизни лет с 4–5. Мои игры на полу, на медвежьей шкуре с махонькими куклами, тряпочками, нитками. Позднее начала что-то шить (и шью с удовольствием до сих пор). В 5 лет мама научила меня расстегивать туфли, шнуровать самостоятельно ботинки. Мама постоянно тихонько пела мне разные песенки, декламировала стихи, особенно воронежских поэтов, всегда что-то читала. В 6 лет я, узнав все буквы, стала писать и немного читать. У меня были лучшие книги для детей, настольные игры, кубики, мозаика. Играя под репродуктором, я постоянно слушала арии из опер и потому всю жизнь люблю «Чио-Чио-Сан» и «Риголетто». До войны училась в музыкальной школе.

Запомнился поход в театр на «Синюю птицу» с папиной сестрой, приехавшей в Москву к нам в гости, балет в Большом театре «Конек-горбунок» и выход с мамой в цирк на Цветном бульваре, где выступал со своей собачкой Кляксой Михаил Румянцев. Это был удивительный артист.

С 1933 г. папа на службе в Московском военном округе в войсках противовоздушной обороны. Приезжая домой, он был очень серьезен, но, переступив порог, быстро преображался — вновь становился добрым, веселым, начинал шутить и играть со мной. Папа был многосторонне развитым человеком: прекрасно играл на гитаре, пел романсы, арии из оперетт, народные песни, хорошо рисовал. Был хороший кулинар. Шутник, балагур, заводила и всеобщий любимец всех своих восьми сестер и братьев и их семей, особенно детей.

С 1936 г. папа служил в Кингисепском районе Ленинградской области, строил ангары для Военно-Морского Флота. Мы с мамой дважды летом бывали у него на побережье Финского залива. В 1937 году он написал рапорт и был переведен в Севастополь. Мои инфекционные болезни, частые ангины и угроза туберкулеза, прогнали нас всех на юг. В апреле 1938 г., обменяв комнату на Петровке в Москве на квартиру в Севастополе (ул.Фрунзе д.33. кв.2), он вызвал нас с мамой.

Когда началась Великая Отечественная война, он работал на Севастопольском морском заводе имени Серго Орджоникидзе. С первых же дней создавал отряд народного ополчения, будучи начальником штаба на заводе. 28 октября 1941 года был мобилизован в армию. Воевал в составе 1-го Севастопольского полка морской пехоты, в дальнейшем в составе 8-й бригады морской пехоты.

Мы узнали о начале войны вечером 24 июня 1941 года, когда из города привезли хлеб в наш пионерский лагерь, где я отдыхала, а мама работала счетоводом. Потом из репродуктора прозвучал призыв: «Вставай страна огромная! Вставай на смертный бой! С фашистской силой темною с проклятою ордой!». Появился плакат с фигурой женщины в красной косынке, вопрошающей «Что ты сделал для фронта?». Это осталось в сознании на всю жизнь. Вывезли из лагеря в Севастополь нас 28 июня.

Папа все время проводил на заводе, ночевать оставался там же. Помню, «заскочил» домой 8-го августа, просил подготовиться к эвакуации и собрать минимум вещей, чтобы мы сами могли их нести.

22-го августа приехал за нами, чтобы отвезти на вокзал, посадил в «теплушку» с двухэтажными нарами из свежевыструганных досок. И мы отбыли назначением в Астрахань. Ехали ровно месяц.

Отрывок из папиного письма от 30.08.1941 г.:

«Мои дорогие Саненочка и Наташенька! Крепко, крепко целую Вас обеих. Давно, давно мы попрощались на вокзале. От 22/VIII прошло всего восемь дней, но эти дни будут памятны мне на всю жизнь. За эти дни я пережил столько разнообразных, новых чувств, которые оказались способными заставить подумать о том, как велика жизнь...

Когда отошел поезд, и я увидел, как вы удаляетесь и удаляетесь от меня, несмотря на глаза твои Саня, наполненные слезами, и машущую ручонку дочуни, я еще не испытал того, что почувствовал, когда пришел домой — почувствовал себя совершенно одиноким. Ни прощание, ни чувство одиночества для меня не новы. Новым оказалось чувство, которое должен испытать человек, который своей волей, только своим решением отправил самых родных, самых дорогих, близких людей в неизвестность. Эта неизвестность, страшная тем, что в ней можно предполагать все, что угодно: от надежд на благополучный исход до самых ужасных картин при прохождении вашего поезда через опасные места, возможность бомбардировок и всего, что из них может выйти...».

И, действительно, мытарств у нас было в эвакуации очень много. Выживали за счет хлебных карточек... 400 г. хлеба. Однажды у мамы в очереди украли «заветные» карточки. Позднее она призналась мне, что была в отчаянии и даже хотела отравить меня, а потом себя. Доброта людей спасла нас. Женщина на улице посоветовала обратиться к председателю горисполкома Попову. Мама рассказала о нашем безвыходном положении, обе рыдали... Нам выдали новые карточки на хлеб. Местные жители не дали пропасть, помогали, чем могли — приносили лук, просо, полузалом (жирную астраханскую сельдь). А после Астрахани был Армавир, пеший переход до Грозного с погонщиками скота, когда нас обогнали две «Катюши», не позволившие немцам пройти к Эльбрусу... Мы оказались свидетелями той страшной канонады. Затем Баку, Андижан... Лишь в 1944 году удалось добраться до Рязани, где жил дядя.

Отрывок из письма от 1.03.1942 г.:

«...Что со здоровьем дочуни? Как крошка себя чувствует?

...О, как я мечтал иметь хоть только одно слово от Вас, что Вы здоровы, уже не рассчитывал на прочие благополучия. С тем, что трудно сейчас, надо мириться и мириться безропотно. Сейчас всем тяжело, но это необходимо до того, пока ни победим врага окончательно. Ну, все хорошо, что хорошо кончается. Сегодня у меня праздник на душе, сегодня я снова живу огромной верой во все благополучия. Ведь от твоего и дочуриного письма теперь меня отделяет только один месяц...

...Моя славная, родная, любимая Наташенька. Если б ты знала, какую огромную радость ты доставила мне своим письмом. Ты пишешь совсем как большая. Самое главное меня радует, что ты здорова, а то, что не учишься — не печалься. Все это можно нагнать потом. Историю с географией и портфелем при возможности я постараюсь выслать...

Привет тебе от Димы и Юры и от ребят. Тебя интересует, кем я назначен? Командиром в связи. Постараемся изо всех сил побороть и поборем врага для счастья ребят, для твоего счастья. Люби мамочку, помогай ей, а я буду всегда крепко-крепко любить Вас обеих.

Будьте здоровы, пишите чаще, остальное все будет в порядке. Не жалуйтесь на неудобства — этого сейчас делать нельзя.

Крепко любящий Борис».

Пришла весна. От папы регулярно получали по-настоящему теплые строки в письмах. От нежных слов становилось легче на душе.

«21.03.42. Дорогие Саня и Наташенька! Вторую открыточку собираюсь бросить после письма 19.02.42 г. Крепко-накрепко, конечно, целую Вас обеих и обнимаю мысленно.

...Одно только несомненно для меня, что единственной моей тревогой являетесь Вы, что мне больно сознавать, представлять себе Вас в тяжелых условиях, но надо терпеть, надо стиснув зубы переносить все боли. Эти боли для многих и у многих куда больней, страшней. Любимые мои, за меня нечего тревожиться. Вы должны думать (продолжать думать) только о том, что скоро покончим с врагом. Я чувствую себя прекрасно только потому, что сознаю необходимость и нашей разлуки, а может быть и Ваших бед. Верю, что вы мужественно без жалоб будете переносить тяготы. Если бы Вы поняли меня хоть на минутку, как хочется мне побыть с Вами, хочется прижать к своей груди тебя, дочурочку. Спасибо Наташа, что пишешь мне. Твои строки так дороги для меня и мне очень нужны.

...Еще раз целую, желаю здоровья, бодрости, сил для того, чтоб все пережить, чтоб снова встретиться.

Крепко любящий Борис.

В каждом письме папа ласково называет меня «дочуней», интересуется нашей с мамой жизнью до мельчайших подробностей, успокаивает и дает надежду на скорую победу над врагом. Но и предчувствие гибели все-таки тоже проскальзывает. Оно в словах из следующего письма, что «дочуня» вырастет хорошим человеком, но «может быть, ей придется расцветать без меня»:

«24.03.42.

Мои дорогие и любимые Саня и Наташенька! Крепко-крепко, как только можно после семимесячной разлуки с самыми любимыми, целую Вас обеих и обнимаю.

...Все мои соображения, чувства направлены лишь к тому, чтоб Вам было хорошо. Кроме того, что я высылаю деньги, я ничем помочь не могу.

...Я вполне разделяю и твои, и дочунины мысли насчет скорейшей победы над заклятым врагом, но это не так просто, это потребует еще большего напряжения. Все наши мысли, умения, воля — все направляется в эту сторону. Без жертв не может быть войны и мы должны жертвовать для нашей священной родины. Боязнь за меня — это одно из ваших чувств, понятных для каждого, и оно — это чувство — и нужно, и не нужно. Нужно для того, чтоб уметь переносить все тяжбы и стремиться максимально быть полезным, а не нужно — потому что кроме лишних минуток страданий, ведь ничего не может оно дать.

Дочунькины строки вызывают во мне невыразимые чувства и умиления и горести.

Мне кажется, что дочунька здорово выросла, что когда мы встретимся, она уже будет чуть не девушкой, а может быть ей придется расцветать без меня, но я уверен, что она будет прекрасным человеком. Грустные мысли не свойственно переживать мне подолгу; они овладевают мною, но я борюсь с ними и мне удается. А поэтому обычно нужно представлять меня жизнерадостным, верящим во все самое лучшее, в частности, в то, что мы снова встретимся, что встреча эта будет для всех безумной радостью, что все неутоленные чувства, которые таятся в нас, — выльются как новые, красивые, неудержимые и что снова наша жизнь потечет со всеми необходимыми поправками.

...Целую крепко-крепко и обнимаю Вас обеих дорогих, любимых, милых, славных. Крепко любящий Борис».

Папа очень мало писал о своем существовании на фронте. И нельзя было, и самое главное — тем самым он оберегал нас от ужасов войны, пытался отогнать волнение и страх.

«30.04.1942

Мои дорогие, любимые Саня и Наташенька!

...Ты просишь меня больше писать о нашей фронтовой жизни? Я сознательно ничего не пишу о ней, т.к. ведь многих деталей этой жизни я не могу рассказать тебе, а так я писал неоднократно, что жизнь наша протекает неплохо. В части обеспеченности все обстоит хорошо. Питаемся мы на славу, многим опасностям в условиях моей работы не подвергаюсь. Был в операциях, когда испытал мощь огня, который теперь дается на фронте, но массовые разрывы снарядов, мин не в состоянии оказались воздействовать на меня так, чтоб я хоть на миг забыл долг, сознание необходимости выполнения той или иной задачи — выше всех прочих чувств, а потому я переживаю эти моменты легко.

Довольно долго засиделись мы на месте, хотелось бы скорей гнать врага, но, по-видимому, еще не наступил тот час, надеюсь, что ско-

ро наступит. Зоя Константиновна тебя, по-видимому, несколько ввела в заблуждение в отношении нашего движения. Пока сидим друг против друга, верней против врага и стараемся уничтожать их как можно больше. Я уже писал, что я воюю своим оружием, средствами связи, которые если непосредственно не уничтожают, то обеспечивают верное уничтожение врага, его пушек, минометов и других орудий. Народ, что со мной, очень хороший, мои местные командиры и краснофлотцы любят меня, а я их. Они молоды, жизнерадостны, и с ними я тоже сам становлюсь молодым. В целом у нас житуха неплохая и довольно веселая. Никакой обреченности, наоборот, все горим желанием дать как можно больше для победы и верим в то, что она наступит скоро. Очень рад за ребят, за Наташу, Талочку и Лечку, что они здоровы и что относительно их не так крепко бьет война. Насчет подготовки дочуни — не вредно, не столь важно, что пропадет год, сколь важно, чтоб она не чувствовала себя без дела и этим не подчеркивалась бы для нее лишний раз особенность обстановки войны. Нина Васильевна пишет, что она взрослеет, стала подростком? Ах, как это интересно, такой важный период в ее жизни, а я не могу его наблюдать вместе с тобой.

Целую много-много раз и люблю, Борис».

В своих последних письмах и открытках, написанных карандашом, он сообщает, что идут ожесточенные бои, но все равно сохраняется надежда на победу. Все с нетерпением ждут открытия второго фронта.

«13.06.1942

...враг жал, да правда, продолжает жать, неся огромные потери. Мы все уверены, что несмотря ни на что, не пропустим гадину, захлебнется он в своей черной крови.

...Рад за дочуньку нашу, что она здорова и помогает тебе. Прошу не тревожиться за меня. Живу вашими надеждами. Ждем открытия второго фронта. Самое главное, будьте здоровы и бодры, воспитывай в Наташе чувство сопротивления к невзгодам.

Чувствую себя хорошо, несмотря на обстановку, которая далеко не из легких. Целуй крепко-крепко дочуньку. Как хотелось бы скорей увидеть Вас».

«15.06.1942

Сегодня снова спешу известить Вас коротенькой весточкой о полном благополучии у меня и у нас вообще. Крепко целую тебя и дочуньку. Желаю бодрости, здоровья и сил для того, чтобы пережить тот небольшой остаток тяжелых дней, которые у нас наступили.

Читая регулярно газеты, ты, конечно, знаешь о союзе с Великобританией, договоре с США, об окончательных решениях организации второго фронта в 1942 году. Это будет играть огромное значение для ускорения приближения конца затеянной немцами бойни. У нас здесь враг получает очень крепко. Сталин ставит в пример героизм...[несколько слов зачеркнуто цензурой] всей Красной Армии и Советскому Народу. Мы горды этой похвалой и еще больше воодушевились!»

«17.06.1942

...Я знаю, что Вам хотелось бы не только каждый день, а каждый час иметь свежие новости, а поэтому черкаю почти каждый день, пропустил, кажется, только 2 или 3 дня от начала жестоких боев у нас. Враг продолжает рваться, он напрягает все силы, пока очень дорого ему это все обходится, а успеха не имеет. Мы уверены, что он не пройдет. Ждем нетерпеливо открытия второго фронта, когда объединенными силами можно было бы нанести врагу сокрушительный, смертельный удар...»

Второй фронт так и не был открыт. 10 месяцев длилась переписка с папой до 3 июля 1942, когда поступил приказ о прекращении вооруженного сопротивления, то есть о сдаче Севастополя войскам гитлеровского фашиста, командующего 11-ой немецкой армией Эрих фон Манштейна. В литературе есть информация, что русская армия не сдавалась до последнего. Манштейн писал: «Для размещения боеприпасов и резервов Советы устроили в отвесных скалах глубокие штольни с бронированными воротами, которые были оборудованы для обороны. Их гарнизоны... не думали о сдаче... Когда наши саперы приблизились к входу в первую из этих пещер, внутри каземата произошел взрыв. Обрушился значительный участок скалистого берега, погребая противника, бывшего в каземате, а также группу наших саперов» [1, с. 138].

* * *

У каждого человека свой путь в жизни. Каждый по-своему его проходит. Великая Отечественная война внесла свои коррективы. На фронте воевали два папиных зятя и два племянника, двое из них погибли. Из четырех воевавших маминых братьев лишь один вернулся жив-здоров, другой пришел с войны инвалидом — без пальцев на ногах из-за обморожения, двое погибли.

Как ни парадоксально, но наше поколение людей, переживших войну, отличается особым восприятием жизни. Мы знаем ее цену, особый ее вкус. Война научила видеть в жизни главное, скрытое не

только в глобальных для человечества событиях, но и в простых радостях жизни. Жизнь не бывает легкой. Но она прекрасна! Только надо найти это свое чудо. Чудо жизни.

Я всегда училась и никогда не боялась учиться. Меня учила не только жизнь, мои дорогие родители, но и мои замечательные наставники. Никогда не забыть любимых учительниц начальных классов 1-й севастопольской школы Нину Николаевну и Ксению Степановну, а также великолепных учителей рязанской 1-й женской школы и преподавателей Рязанского пединститута: Александру Семеновну Бочкареву, диалектолога, преподавателя старославянского языка, Василия Ильича Лыткина, профессора-языковеда, Николая Максимовича Шанского, впоследствии профессора МГУ, Петра Павловича Кирьянова, директора пединститута. И конечно, Рубена Ивановича Аванесова — моего научного руководителя в аспирантуре. Благодаря ему сложилась моя судьба ученого в области истории языка и диалектологии. В дальнейшем было мое преподавание в Германии и 38-летний этап служения в Тульском государственном педагогическом университете им. Л.Н. Толстого.

Никогда не знаешь, что будет впереди. И я не знала, что приготовила мне судьба.

Наверно, моя жизнь сложилась бы иначе, если бы был жив мой отец. Но даже за неполные 12 лет, папа сумел привить мне главные человеческие качества, благодаря которым у меня была не простая, но такая интересная и насыщенная жизнь.

Литература

1. *Веникеев Е.В.* Севастопольские маршруты: Путеводитель. — Симферополь: Таврия, 1988.

РАСПРАВА НАД «ПАРТИЗАНСКОЙ ДЕРЕВНЕЙ»

Титова Анна Григорьевна, *81 год,*
пенсионерка, осмотрщик вагонов,
бригадир авто-контрольного пункта
по опробованию тормозов, старший инженер-экономист
Кемского отделения железной дороги (1956–1988)
г. Кемь, Республика Карелия

В войну я была ещё ребёнком, но те страшные годы хорошо помню. Моя деревня «Большая Горушка» Псковской области, Дновского района, Юрковского сельсовета находится в 25 км от станции Дно

и граничит с Новгородской областью, Солецким и Порховским районами. По нашей деревне течет маленькая речка Люта, а за деревней река Шелонь, в которую впадает наша Люта. Около Шелони на другой стороне проходит автодорога Новгород — Сольцы — Порхов — Псков. Вот там-то в лесах за Шелонью был основан партизанский край; о тех местах и партизанских делах много написано. В частности, в книге П.Р. Шевердалкина «Героическая борьба Ленинградских партизан» есть небольшое упоминание о событиях, происходивших в нашей деревне [1]. И я, прежде чем рассказать о той страшной ночи 4 января 1944 года, хочу проанализировать причины, которые так разозлили гитлеровцев.

Нас оккупировали в первый месяц войны. Но война для жителей деревни началась много раньше. Не успели проводить на войну первых призванных (второй набор сделать уже не успели), как немцы в район нашей деревни забросили десант парашютистов. Этих непрошенных гостей случайно встретили жители деревни. И вот они-то совместно с милицией и руководителями колхоза и сельсовета участвовали в ликвидации этого десанта. Когда нас оккупировали (в начале июля) немцы выкопали останки этих десантников и увезли.

В нашей деревне немцы не жили, так как она со всех сторон окружена лесами и, возможно, они боялись, а может, и потому, что она очень удалена от станции Дно. Но гитлеровцы приезжали, наводили свои порядки, избрали старосту, поделили колхозные земли, постройки, оставшихся лошадей. Время от времени приезжали за хлебом, сеном, забирали скот, птицу. А так как вокруг нашей деревни лес, к нам стали стекаться отставшие от фронта или попавшие в окружение солдаты нашей армии, которые вскоре стали собираться в партизанские отряды. Вначале это были отдельные группы, а потом они выросли в большие отряды и бригады. Они постоянно поддерживали связь и получали помощь от жителей нашей деревни. Все это было строжайшей тайной. Я не знаю подробностей, но хорошо помню, как арестовали и увезли живущего на краю деревни дядю Ефима, который так и не вернулся домой. Арестовали и отправили в Германию наших учителей: Петрову Александру Петровну, Иванову Анну Ивановну, Вересову Зинаиду Ивановну. Передавала сведения партизанам и Бабахина Нина Яковлевна. Эти женщины остались живы. Жители деревни, чем только могли, помогали партизанам: кормили, давали одежду, обувь, собирали домотканые белые полотенца на маскхалаты. Партизаны по ночам собирали жителей и учили копать в лесу окопы и в случае необходимости уходить в лес.

Но совершались и ошибки — партизаны взорвали в деревне мост через речку, который совсем никакого стратегического значения не

имел. Мост повис на один бок и по нему продолжали ездить немецкие машины. А во время наступления Советских войск, наша машина, тяжелая с оружием, свалилась под мост на лед и водитель получил тяжелую травму.

Потом в нашу деревню немцы стали высылать жителей из-под Старой Руссы, Демьянска, Дно. И в каждую избу поселилась ещё одна семья. Среди этих людей встречались такие, которые были рады приходу фашистов. К нам поселили семью из трех человек из-под Демьянска: отец Ваня, мать (имя не помню) и дочь (приемная) Галя. Как-то к нам ночью пришли партизаны. Мама дала им хлеба и молока. Подселенцы были очень удивлены, что заходят партизаны, а мы их не выдаем. Ванька безбородый (его так стали звать в деревне) пошел в Дно к немцам, а обратно уже приехал на немецких больших лошадях и телеге. Погрузил все имущество и уехал работать к немцам. Дальнейшая их судьба мне не известна.

Немцы стали нашу деревню называть «Горушка — партизанская деревня». В начале зимы, а может и осенью 1944 года, ночью, с песнями партизаны вступили в нашу деревню, расквартировались по избам и сказали, что теперь они немцев не пустят. Установили свои порядки. К нам поселились четыре партизана. Помню, что одного звали Коля Аскирка. Другой носил военную форму и говорил, что он из армии Власова. Днем они отдыхали, а ночью ходили на задание в те деревни, где жили немцы: в Горки Солецкого района, в Нинково Дновского района, на диверсию к железной дороге. Приносили немецкие трофеи, оружие, приводили лошадей. Посреди деревни, у взорванного моста, был расположен партизанский штаб в доме Милаковой Ольги. У моего дедушки Скобочкина Ивана была хозяйственная часть. Партизаны приносили много вреда фашистам. И немцы на нашу деревню и другие окрестные, в которых тоже жили партизаны, направили карательный отряд.

Это началось 4 января 1944 года. Утром среди партизан началось какое-то оживление. Потом мы увидели пожары в отдаленных деревнях. Затем низко над деревней появились немецкие истребители. Люди заволновались, хотели бежать в лес. Но партизаны не разрешили. Велели сесть в окопы, вырытые в деревне (у кого на огороде, у кого на берегу реки). Сказали, что немцев в деревню не пустят. Мы так и сделали. Залезли в один маленький окоп человек 20 женщин с детьми. Через некоторое время соседка, которая тоже с нами была в окопе, тетя Паша Кокина, говорит: «Может, люди в лес пошли? Надо посмотреть». Они с мамой вышли из окопа и видят, что некоторые семьи подались в лес, который начинался прямо за огородом. Тогда и мы выскочили из окопа и тоже побежали туда. Только добежали до опушки, как появился самолет и стал строчить по нам из пулемета.

По другой лесной дороге из деревни Строкино немцы уже подходили к нашей деревне и прочесывали лес из автоматов. Перепуганные женщины с детьми, не взирая на летящие пули, бежали в лес. К счастью, по дороге никто не погиб. Мы прибежали в свою холодную, не оборудованную землянку (не было ни печки, ни дверей; просто яма, а сверху накат). И просидели всю ночь до утра, боясь, что придут немцы и нас расстреляют. Стояли рождественские морозы. Моему брату было 2 годика. Мы слышали, как кричали люди, как полыхало пламя — горела вся деревня.

Немцы вошли в деревню с трех сторон. А партизаны ушли за Шелонь, оставив небольшое прикрытие. Видимо, все погибли или попали в плен. Очевидцы рассказывали, что раненые партизаны, впряженные в сани, возили по деревне раненых немцев. А некоторых находили сброшенными в колодцы.

Непонятно, почему партизаны прямо с утра не отправили в лес всех жителей деревни?

Немцы поделили деревню на две части, стали вытаскивать людей из окопов и сгонять в две кучи. Одну толпу людей они загнали в крайнюю избу дяди Ефима, а другую большую толпу хотели загнать в другую избу за мостом, но люди упирались. Тогда всех погнали через мост, к дому, где был партизанский штаб. Поставили три пулемета и расстреляли всех женщин, детей, стариков. Потом каратели принесли солому, накрыли эту кучу трупов и подожгли. Кровь текла в речку ручьем. Из более 150 человек, живых осталось человек 20. Когда немцы ушли за соломой, люди, оставшиеся в живых, и раненые, которые могли идти, побежали на берег, и по реке переправились в лес. Там спрятались. А некоторые попали в партизанские отряды и были отосланы в тыл на лечение.

Так, раненая в голову Беляева Евдокия случайно уцелела и попала в госпиталь. Сумели спрятаться за постройки и остаться в живых ее старшая Мария с подругой. А четырех младших дочек фашисты расстреляли. Один мальчик — Володя Осипов 13 лет, раненый в живот, вытащил из-под убитой бабушки девочку Нину 7 лет без валенок. Взял её на руки и, спрятавшись под мостик над ручейком, просидел до утра. Утром они первыми пришли в лес и рассказали о случившейся беде.

Кроме того, фашисты ещё в разных местах деревни убили и сожгли много людей. Так расстреляли ещё 27 человек, которых выгнали из большого окопа. В другом конце деревни мою бабушку с 5-летним внуком и ещё одну старушку из выселенцев вытащили из окопа и расстреляли тут же на огороде. Они там и похоронены. Моего дедушку, прабабушку и ещё одного старика сожгли вместе с домом. В один окоп, где сидела Александрова Евдокия, мать с тремя дочками, немцы бро-

сили гранату. Погибла мать и средняя дочь. Я видела эту обгоревшую кучу трупов; некоторые из них лежали чуть поодаль в разных позах. Было страшно смотреть на это. Через несколько дней похоронили всех в общую братскую могилу здесь же на месте расстрела. Где-то в конце 60 годов поставили обелиск, но надпись была сделана не правильно. Там захоронено намного больше жертв, чем написано на памятнике.

Тех людей, что загнали в крайнюю избу, тоже хотели сжечь. Но они выбили стекла и все вылезли через окна. Их погнали пешком на железнодорожную станцию, а оттуда увезли — кого в Германию, кого в Латвию.

Мне очень обидно, что такие злодеяния нигде и ни кем не описаны. Тем более, что люди, которые были непосредственными свидетелями тех событий, уходят из жизни и вместе с ними может уйти и быть забыта та страшная ночь 4 января 1944 года.

Литература

1. *Шевердалкин П.Р.* Героическая борьба ленинградских партизан. — Л.: Лениздат, 1959.

ДЕТСТВО, ОКРАШЕННОЕ ВОЙНОЙ

Здриковский Виктор Александрович, *79 лет,*
преподпватель Омского филиала ФГБОУ ВПО
«РЭУ имени Г.В. Плеханова»,
канд. юрид. наук, доцент,
г. Омск

Преддверие 70-летия Великой Победы! На волне памяти вновь всплывают два знаменательных дня для моего родного Омска: праздничный, «со слезами на глазах» — 9 Мая 1945 года и горестный, отмеченный вероломным нападением фашистской Германии на Советский Союз, — 22 июня 1941 года. Хочется рассказать о них в той мере, в какой эти дни отложились в моей детской памяти. О возникшей также в годы войны и поныне продолжающейся дружбе между омичами и москвичами на примере нашей семьи (как говорят, «океан отражается в капле»). Поведаю и о том, каким причудливым завитком увязалась моя трудовая биография с любимым Омским институтом (филиалом) Российского экономического университета имени Георгия Валентиновича Плеханова, в котором продолжаю трудиться. Но по порядку.

Двадцать второе июня 1941-го… В Омске этот день начинался солнечным утром, тихой погодой. Мои отец, мать, большая группа род-

ственников и я отдыхали в центральном городском Парке культуры и отдыха. Вокруг на траве, под молодыми и старыми могучими берёзами дружными, плотными кругами расположились веселящиеся омичи. На скатертях принесённая из дома снедь, купленное в павильонах и ларьках редкостное в те времена пиво. Гармони, баяны, песни... У аттракционов — очереди, около затейников — толпы. Царит приветливое, радостное настроение. И вдруг, словно повеяло холодом, сделалось как-то неуютно, страшно. В детском восприятии, а мне от роду шесть лет, всё было воспринято так, будто пролетел огромный невидимый змей из детских сказок. Отовсюду стали доноситься слова и крики: «Война, война». Люди бросились на площадь к высокому столбу, на котором висел радиорупор. Огромная, плотно сбившаяся толпа тревожно притихла. Мужской голос из рупора: «Германия вероломно, вопреки договору, напала на Советский Союз». Люди помрачнели, лица посуровели. Немало женщин плакали. Большинство отдыхавших заторопились домой, начав собирать свои вещи. Реакция, однако, не была однозначной, — кое-кто кричал, что, мол, мы немцев били и сейчас побьём. Возле магазина кто-то плясал под гармошку и кричал: «Шапками закидаем!».

Начались военные будни. Молодые, призывного возраста родственники один за другим уходили на фронт. Примерно через год призвали моего отца, 1913 года рождения. На правом холмистом пустынном в те годы берегу Иртыша, за территорией основанного путиловцами в 1918 г. Сибзавода, чуть ли не круглые сутки шла подготовка солдат. «Эй, комроты, даёшь пулемёты, даёшь батареи, чтоб жилось веселее», — пел мой отец вместе с другими. Мать старалась каждый день видеться с ним, чтобы суметь попрощаться. Командование о точном времени отправки никогда не сообщало. Наоборот, называлась ближайшая — завтра или послезавтра — якобы конкретная дата, а ночью новобранцев грузили в эшелон и... Кто-то не успевал и до фронта доехать. Младший брат моего отца, обладавший несомненными задатками талантливого актёра, любимый нами, пацанами, побывав в военкомате, с горячностью молодости заявил «Грудь в крестах или голова в кустах». Трагическое «увы»: эшелон разбомбили на подходе к передовой. Любимый мною дядя Лёня погиб.

Немцы рвались к Москве. Началась перевозка заводов, эвакуация населения на восток страны. В Омск, прибыли, как я тогда знал, два завода: один № 29 самолётостроительный — из Москвы; другой № 166 моторостроительный — из Запорожья. Разместили их в чистом поле, перемежаемом берёзовыми колками, юго-восточнее Омска. Заводчане работали у станков, стоявших поначалу под открытым небом. «Всё для фронта, всё для победы!» — под таким лозунгом-призывом трудились омичи и десятки тысяч работников эвакуированных заво-

дов. Прибывшие вместе с заводами семьи работников размещали по школам, клубам, кинотеатрам, по частным домам, уплотняя омичей. Дело прошлое, но москвичей предпочитали запорожцам. Нам повезло: поставили на квартиру молодую семью Ушаковых из Москвы. Началось однако наше знакомство с небольшого скандала. Дядя Жора Ушаков с товарищами, стараясь втиснуть тяжелый сундук в малую комнату, отворотил угол русской печки. В конечном счёте всё образовалось. Зажили вместе в тесноватом насыпном доме: семья омичей и семья москвичей. Зажили мирно, благополучно, насколько это возможно, когда идёт война и отец на передовой. В апреле 1942 года семейство Ушаковых пополнилось: родилась дочь Лида. Мне довелось быть её первой нянькой. Года через два молодое семейство получило сравнительно просторную, но с промерзающей торцевой стеной комнату в одном из бараков, построенных заводом на окраине старинного Казачьего кладбища.

Мы по-прежнему тепло относились друг к другу, помогали, чем могли. Наши дружеские отношения, пожалуй, больше походили на родственные. Продолжаются они и сейчас. Лида неоднократно одна и с сыном Жорой (назван в честь деда Георгия) приезжала к нам, на свою малую родину. Я и мои сыновья, бывая в столице, всегда желанные гости в семействе Ушаковых-младших. Сказанное, думаю, заставит меня написать, наконец, в давнюю радиопередачу «Встреча с песней» о нашей дружбе, возникшей в годы военного лихолетья и поныне продолжающейся.

За годы войны в Омск и Омскую область из прифронтовой полосы было эвакуировано около ста промышленных предприятий металлообрабатывающей, пищевой, кожевенной, химической и других отраслей. Число работников на каждом из них составляло примерно от трёх до пяти тысяч человек. Если учесть членов семей, то количество эвакуированных составит огромную цифру. И всем им Омск и область в трудную годину оказали сочувствие и братскую помощь. Недаром любимец народа Леонид Осипович Утёсов, давая концерты в Омске, в известной песне о москвичах неизменно менял слова и вместо «дорогие мои москвичи» прочувственно пел: «Дорогие мои омичи».

Вернусь к фронтовым будням. Моего отца, Здриковского Александра Аркадьевича, призвали на фронт вместе с его не первой свежести «полуторкой». Поначалу подвозил на ней снаряды к передовой. Под Смоленском их часть попала в окружение немцев. Спасались от бомбёжек и наземного обстрела в снегу под деревьями. Случилось так, что из продуктов была только солёная селёдка, которой и питались, заедая снегом. От этого у отца после окончания войны образовалась язва двенадцатипёрстной кишки. Из окружения ценой многих потерь удалось вырваться. К слову сказать, отец сдержан-

но, неохотно рассказывал о военных действиях, хотя за боевые заслуги был награждён медалями, имел благодарности от Верховного Главнокомандующего. Позднее воевал на территории Польши, где из-за фамилии нередко задавали вопрос о его происхождении. Вместо оставленной при выходе из окружения полуторки командование предоставило бывалому шофёру американский студебеккер. Около него он и сфотографирован в лихой позе (любимой песней отца была «Всю-то я Вселенную объехал...»). Напарником, другом отца был москвич Прокопович Константин, семья которого проживала в Москве на Малой Грузинской, дом 4, где мне довелось бывать в гостях в конце сороковых годов.

С фронта отец вернулся 13 сентября 1945 года. Этот день мы с тех пор и до кончины отца отмечали не только как День Возвращения, но и как его день рождения. Дело в том, что его мама, неграмотная деревенская женщина, воспитывавшая пятерых детей одна, без мужа (был убит белыми), не помнила точно дня рождения своего четвёртого сына Александра.

Хочу также поведать о причудливом завитке моей биографии, связанном одновременно и с моим военным детством, и с институтом, в котором начал работать более десяти лет назад и где тружусь в настоящее время. Омский филиал Российского экономического университета имени Георгия Валентиновича Плеханова расположен на улице 10 лет Октября рядом с радиозаводом имени А.С Попова. Это большое четырёхэтажное, хорошо оборудованное здание. Территория, занимаемая нашим институтом и заводом, в довоенные и военные годы являла собой карьер, из которого все омичи, проживавшие на левом берегу реки Оми, брали глину для кладки печей, постройки саманных домов. Летом карьер выглядел весьма своеобразно: замысловатое сочетание холмов, разработанных глинобитных ям и могучей растительности — кустарников и различных трав. Особенно много было черного паслёна. Мы, «линейские» мальчишки (в Омске, как и в Санкт-Петербурге, часть улиц носит название «Линии»), «паслись» в этом паслёновом заповеднике. И это заменяло нам сахар, конфеты, прочие сладости, о которых в военное время мы только мечтали. Судьбе было угодно распорядиться так, что мой любимый институт, в котором заканчивается моя трудовая биография, расположен на месте, где прошло моё босоногое детство.

Далёкий от фронта, но кровно с ним связанный, город четыре года жил на пределе возможного. Люди с нетерпением ждали с фронта весточку от родного человека, и порой, увы, нередко получали черную весть — похоронку. И вот долгожданное, страстно желаемое: война окончилась. Совершенно незнакомые люди на улицах Омска в пять утра стучали в закрытые ставни окон и кричали одно слово: «Победа! Победа!» Омичи, эвакуированные москвичи, запорожцы, ленинград-

цы потянулись к центру города. Стихийно образовался митинг. Слёзы, рыдания… Кто-то плакал от радости, у кого-то радость мешалась с горечью утраты родного, близкого человека — сына, отца, мужа — на которого «пришла похоронка».

Долгие годы после окончания войны любое семейное торжество, любые добрые пожелания заканчивались словами: «Только б не было войны». Сейчас чаще всего желают здоровья, добавляя: «Остальное приложится». Приложится, если каждый из нас, осознавая ответственность за свою страну, за Россию, в преддверии 70-летия Великой Победы будет трудиться с полной отдачей сил. Сегодня это особенно актуально из-за разгула националистических сил на братской Украине и антироссийских санкций со стороны США и их приспешников. Мне, зрелому по годам человеку, хочется пожелать моим соотечественникам, всем россиянам, болеющим за Отечество, здоровья, мира и успехов. Слава и Вечная Память воинам, отстоявшим Родину на полях Великой Отечественной.

ДЕТСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Журавлева Галина Петровна, *76 лет,*
Заслуженный деятель науки РФ,
Заслуженный деятель науки Бурятии,
ветеран труда, доктор экономических наук,
руководитель научной школы «Экономическая теория»
в РЭУ им. Г.В. Плеханова.

Специально для книги воспоминаний и размышлений поколений «Мы помним..» мы попросили ответить на наши вопросы Журавлеву Галину Петровну, которая была свидетелем реальных событий Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Мы уверены, что ее воспоминания и оценка того времени будут интересны нашим читателям.

Галина Петровна, расскажите, пожалуйста, о том времени, когда началась Великая Отечественная война?

Я мало, что помню реального об этом времени, потому что мне было 3 года, старшей сестре Валентине — 8 полных лет, а младшей сестренке — Людмиле — только 2 года. Многое я знаю по рассказам родителей и близких людей, с которыми моя семья тогда жила. Но отдельные впечатления я хорошо запомнила на всю жизнь. Например, сигнал воздушной тревоги, тот страх, когда мы с мамой почти бежали в бомбоубежище. Младшую она несла на руках, а старшие, держась

за руку или за подол платья мамы, пытались от нее не отставать. Мне до сих пор «не по себе», когда я слышу этот сигнал в кинотеатрах при просмотре фильмов о войне. Помню и запах манной каши, которую в бомбоубежище варили «отчаянные» мамаши для своих грудных детей, чтобы они не плакали. Вероятно, мне тогда очень хотелось этой каши. Я люблю ее до сих пор.

Как пережила это страшное время Ваша семья? Воевал ли кто-либо из вашей семьи?

Да, конечно. Все мужчины — родственники и папы, и мамы участвовали в войне. Многие из них погибли. В первые дни войны папа — Гвоздиков Петр Георгиевич (1907 г. рождения) — ушел на фронт. Мама — Шапалова Елизавета Осиповна (1911 г. рождения) потом рассказывала, что, уходя он ей наказывал: «Постарайся найти работу, где есть еда, чтобы не умереть с голоду». Он, 33-летний мужчина, говорил: «Ничего не жалей, только останьтесь живыми. Я приду, и мы все наживем снова». Вот о чем думали тогда солдаты! Какая забота, ответственность и любовь к семье!

Правительство Москвы настоятельно рекомендовало эвакуировать детей из города. Мама отвезла нас к своим родным сестрам в деревню Тульской области. Но так как у родных было своих детей много (5-7 человек), то нас разделили. Младших — меня и Людмилу — взяла на время бомбежек в Москве старшая мамина сестра — Варвара Осиповна. Она жила в селе Березовка и считалась особо «ученой», потому что читала Библию и рассказывала односельчанам, что там написано. Тогда не было ни одной семьи, у которой кто-либо не находился на фронте. Все за них молились. В этом было единство.

Старшую мою сестру — Валентину — взяла в свою семью другая мамина сестра — Зоя Осиповна, добрейшей души человек. Она жила в соседней деревне — Кащеевка, в 7 км от Березовки. После окончания войны (начиная с 1949 по 1955 гг.) наши родители ежегодно отправляли нас всех к ней на лето, пока мы учились в школе. Это тоже были тяжелые, «не очень сытные» годы. Хлеб тогда пекли в домашних печах и, в основном, из картошки. Но мы и этому были рады. Детей было много. Главное — дружно и весело… Здесь же в деревне мамина Мама — моя бабушка — Вера Дмитриевна. К сожалению, не дожила до Победы.

Как только немцев прогнали от Москвы и из Тульской области, мама приехала за нами, и мы снова стали жить вместе в Москве.

Мне, как уроженке Тульского края, очень приятно отметить, что мы с Вами почти земляки. Место, где Вы жили в годы войны, представляет особую ценность для истории нашего края и страны в целом.

Да, места — живописнейшие, хлебные поля, луга, леса, речки Дон и Непрядва близ Куликова Поля, места ратной славы русского народа. Не могу забыть, как моя полуграмотная тетушка рассказывала о битве на Куликовом поле, как там «в одну ночь» выросли кусты, чтобы помочь нашим воинам, как целые недели вода в реке Непрядвы была красной, наполненной кровью погибших ратников. Значит, память в народе о великих подвигах живет веками. Разве это не чудо?!

Я родилась в Москве (кстати, в больнице, где служил отец великого русского писателя Ф. Достоевского, и где жила вся его семья), но в душе я все же сохранила особую нежность к тем местам в Тульском крае, где мне пришлось провести детство.

Была ли Ваша деревня оккупирована немцами? Поделитесь своими воспоминаниями об этом?

Да, Тульская область была оккупирована немцами. Но не могу не заметить, что они в разных деревнях, по рассказам моих теперь уже умерших тетушек, были разные.

Так, в селе Березовка, немцы зверствовали, особенно, когда отступали. Они поджигали все дома, выгнав жителей на улицу. И если кто-то из жителей пытался приблизиться к своему жилищу — вывести скотину или затушить пожар — фашисты расстреливали их на месте. Я помню, как мы в ужасе сидели в землянке поодаль, а красное зарево разливалось по небу, как горящие головешки отлетали от нашего дома… Смотреть на это страшное зрелище было тяжело: как полыхало добро, нажитое тяжелейшим крестьянским трудом, деревянные постройки, как падали люди, скошенные автоматными очередями, ревела скотина, плакали и взрослые, и дети.

А в соседней деревне — Кащеевке — обстановка была другая. Как рассказывала тетушка Зоя, немцы не были «злые». Ей запомнился, в частности один эпизод. Многочисленная семья сварила картошки и села обедать. Вдруг заходят двое немцев. Все затаились в страхе. Через несколько минут тетушка, увидев, что они дружелюбно улыбаются, приглашает жестом, хотя и непрошенных, «гостей» за стол. Но те отказываются, показывая на детей, что их и так много. Остановив взгляд на моей сестре Валентине, один спросил: «Чей это ребенок?». Тетя ответила, что это ее дочь. Он недоверчиво улыбнулся, вероятно, догадался, что она из города, по одежде. После этого Валю срочно переодели в деревенскую одежду. Улыбнулся он, и глядя на старшую дочь тетушки Марию, которой тогда было уже 16 лет. Чтобы немцы ее не забрали, тетя Зоя измазала ее сажей. Он, вероятно, догадался и об этом. Так что, волнений и страхов, конечно, было много. Но ушли оккупанты из Кащеевки тихо и мирно. Наш народ очень терпеливый.

Давайте вернемся к разговору о Вашем отце. Расскажите, где он воевал? Сохранились ли письма с фронта или какие-либо документы?

Петр Георгиевич Гвоздиков

Мой папа был шофер. Поэтому он воевал в Ленинграде, на так называемой «Дороге жизни». Эта дорога через Ладожское озеро. Главная задача — вывести из блокадного Ленинграда жителей, стариков и детей, а также доставлять в город хлеб, продовольствие. Все это не без налетов вражеских самолетов и бесконечных бомбежек. Много нам он не рассказал, не любил вспоминать это время, слишком тяжело было. Помню отельные моменты, курьезные и страшные. Вот один из них. Мороз 30–40 градусов, озеро покрыто льдом, в машинах специально открыты все двери и выбиты стекла во всех окнах, с тем, чтобы при очередном налете или попадании в полынью, люди могли быстро выбраться из машины, огромная скорость. Безумно холодно. И вдруг налет самолетов. Не единожды папа видел, как на полном ходу весь автобус с людьми уходил под лед — туда, где только что упала бомба. Страшно. Он вернулся с фронта поседевшим.

Никаких писем, документов не сохранилось. Я помню, было много медалей и какие-то ордена, но в связи с неоднократными переездами по обмену квартир, они утеряны.

Что для Вас значил отец в детстве и в зрелые годы?

Мне очень повезло. Отец у меня был мудрейший человек. Я помню множество его житейских наставлений. Он был красавец, любимец женщин. Трудолюбив. В семье он делал все: ремонт квартир, обуви, стругал, красил, с нуля один перестроил дачу. Очень любил землю. Любил песни, пляски. Помню, как вечерами, когда не было телевизора, мы все усаживались на диване и мама с папой пели грустные и веселые песни, а мы слушали. Он был очень строг, но, когда смеялся, в семье было счастье. Нас, дочек, он любил больше всего на свете.

И все-таки главная его черта — это бесконечный интерес и стремление познать все больше, чему он научил и меня. Не любил давать нам деньги на ленточки. конфетки, но на покупку книг (сколько бы она ни стоила), он всегда находил средства.

Мама моя — скромная, очень приветливая, добрая, чистоплотная, любила порядок в доме, очень вкусно готовила. У нее было много

подруг и всегда дом полон гостей. Она хорошо пела, зажигательно плясала. Ее очень уважали на работе, постоянно выдвигали на руководящие должности, но она всегда отказывалась. Для меня она была и мамой, и подружкой, и главным советчиком по жизни.

Спасибо моим родителям. Всему, что я умею, научили меня, прежде всего, они — мои любящие при жизни и любимые по сей день мамочка и папочка.

Волкова Виктория Александровна, *29 лет*
социолог, студентка 1 курса заочного отделения
Тульского филиала ФГБОУ ВПО «РЭУ им Г.В. Плеханова»

ПИСЬМО ИЗ КАЗАХСТАНА

Мельниченко Раиса Аполлоновна, *79 лет,*
пенсионерка, зоотехник,
село Покровка Мамлютского района
Северо-Казахстанской области,
Республика Казахстан

Людмила Ивановна, здравствуйте!

Хотя мы лично и незнакомы, но благодаря Татьяне Александровне, с которой мы разговорились в электричке, теперь будем знать друг друга. Она просила Вам черкнуть про наше житье-бытье во время войны и после.

Нас у родителей было семеро детей. Когда началась война, старшей Гале было 15 лет, Вере — 13, Любе — 9, мне — 7, Михаилу — 5, Геннадию — 1 год и Надечке — 1 месяц. Помню, как провожали папу на войну 20 августа 1941 года; я готовилась идти в школу, в 1-й класс. В конце села стояла машина-трехтонка, в которую сели 5 отцов и матерей и поехали в райцентр, в военкомат за 15 км. В Акмалинске (ныне Астана) наших демобилизованных отцов обучали 3 месяца и в конце 1941 года отправили на передовую. Еще несколько писем от папы мы получили с фронта, а 29 января 1942 года он погиб.

После окончания 7 класса Галю забрали в трудовую армию, где она подорвала свое здоровье и рано, в 31 год ушла из жизни. Умерла и Надечка в конце 1941 года. Вторая, Вера, уехала в город Петропавловск (вернее, ее увезли тети — папины сестры) учиться в медицинский техникум. Люба же закончила только четыре класса, так как дальше не было возможности учиться: мама заболела и сестру привезли из города Караганды, из трудармии, неходячую. Вот

и пришлось ей ухаживать за больными и вести самой хозяйство. Я же окончила сельскохозяйственный техникум и проработала зоотехником всю свою рабочую жизнь. Вера дарила благо людям, оказывая медицинскую помощь, Михаил стал шофером, Геннадий — строителем.

Мама — спасибо ей большое и царствие небесное! — всю войну трудилась на двух работах, чтобы прокормить нас и вырастить достойными людьми. По ночам охраняла стог сена, чтобы не растаскивали, и урожай на току, ведь, был голод, неурожаи, а зерно отправляли на элеватор для фронта. Голодные люди шли на все: однажды маму чуть не убили на току ночью, приставив нож к горлу, и она вынуждена была разрешить им взять ведро пшеницы. В амбарах было пусто, пшеницу оставляли только на семена, а людям на трудодни давали зерновые отходы.

Я окончила 1-й класс в 1942 году и сразу же летом пошла в колхоз на прополку пшеницы. Сорняк был выше нашего роста. Младшего братика Михаила приходилось брать с собой, чтобы в обед покушать затирку ржаную, а вечером получить 100 граммов ржаного хлеба и 200 граммов творога, которые мы несли домой маленькому братишке, да сестре Любе и маме. И так, все 4 года войны мы бедствовали в голоде и в холоде. Мы, все дети, очень благодарны своей мамочке, она старалась всю жизнь для нас. Держали долго небольшое хозяйство: корову, 3 овцы, гусей, курочек. Из шерсти мама нам вязала шали, юбки, носки, варежки, а ведь еще и налоги страшно большие были: молоко сдай, яйца, шерсть. Однако, как ни тяжело было, а с государством расплачивались; знали, что надо помочь фронту.

В 3-х км от нас располагалось заросшее камышом озеро. Здесь летом мама заготавливала камыш на корм коровке (но этого было недостаточно), зимой им топили. В этом озере ловили рыбу. Снасти остались в наследство от папы, он был хороший рыбак и охотник (ружье мама продала уже после войны — все ждала отца и берегла его). С вечера ставили сети, а ранним утром шли вытаскивать рыбу, чтобы никто ее не забрал, не опередил нас. Утром вода холодная, подходит до груди, а то и до шеи. Я кричу, что утону, а мама подбадривает нас, и мы ей верим, что это не случится, в любую минуту мама окажет помощь. Да она и знала — где какая глубина озера, потому что с папой ходила за такой добычей. Эту рыбу сушили на зиму. Много сажали картошки — 10 соток в поле и возле дома столько же, чтобы хватило на всех нас. Так всю войну и просуществовали: Галя в трудармии, Вера в техникуме, а мы, четверо, с мамой.

Хоть и держали корову, но молочка мы почти не видели, а обрат[1] был наш. Пропустим молоко на сепараторе, и на базар мама несет продавать масло или сливки, а оттуда принесет что-нибудь из одежки или буханочку ржаного хлеба, и мы очень рады были этому кусочку. Как на грех были неурожаи, засуха из года в год. Это и подкосило людей, очень многие умерли с голоду.

В начале войны к нам в село приехали с Поволжья немцы. Мы с детьми быстро сдружились, помогали, чем только могли, ведь у нас свои огороды были и живность, а их почти раздетых осенью к нам привезли, по домам расквартировали. У нас жил Михель со своей мамой, мы дружны были. Да еще с Кавказа чечены приехали, тех мы боялись. А потом и с ними подружились, как свои стали, и когда после войны они уезжали на свою родину, мы даже плакали.

Помню март 1942 года, когда нам принесли вечером извещение, что наш папа пропал без вести. 387 дивизия, 1275 полк, а где именно погиб — неизвестно. Мы все, четверо детей и мама с нами, сидели на русской печке при каптюшечке. Мы все плакали навзрыд, а мамочка как будто окаменела, видимо, сдерживалась, боялась нас напугать своими рыданиями…

В 1949 году после окончания школы я поехала учиться в техникум. Поступила, окончила, стала работать, вышла замуж. Имею 3 сыновей, 7 внуков и 5 правнуков. Мужа уже 20 лет нет в живых, тоже работал агрономом. Старший сын окончил два института: Омский и Алма-Атинский железнодорожный, работает в г. Петропавловске. Второй сын и третий — строители.

Хоть и трудно было после войны, но уже в 1951 году был богатый урожай, тут уже люди ожили по-настоящему.

Но меня всегда не покидала мысль: как же так, везде ведут раскопки, перезахоронения, а мы даже не знаем, где воевал наш папа? Одни поговаривали, что под Смоленском, другие — под Старой Церковью, а когда стали создавать книги Памяти о погибших солдатах, то нашего отца записали как погибшего в Сталинградской битве.

И вот однажды, сидя у телевизора, я смотрела передачу, в которой Маша Шукшина рассказывала, как она составляла родословное древо, а дедушка (отец матери Лидии Федосеевой–Шукшиной) без вести пропал. И она говорит: «Я поехала в Подольский центральный архив, изучила где дедушка воевал». Мы же с моей старшей сестрой Верой не раз обращались в г. Москву по поводу розыска нашего без вести пропавшего отца, но ответа никакого не было: ни да, ни нет.

---

[1] Обрат — снятое молоко, получающееся из-под сепаратора, почти лишенное жира. В сельскохозяйственной науке считается, что уступая по общей питательности цельному молоку, обрат по содержанию перевариваемого белка стоит даже несколько выше и потому ценен для поросят и телят. – *Прим.ред.*

Тут же после передачи я написала запрос в Подольский центральный архив. Если б мы знали, что таковой есть, конечно, я еще будучи молодой разыскала бы то место, где воевал и где погиб мой папа. Но... никто и никогда нам не подсказал, что есть такой архив, где можно узнать все.

Узнала индекс на почте, послала письмо. Это было в начале 2011 года, указала полк и дивизию. Ровно через год пришел ответ. Я чуть ли дар речи не потеряла там же на почте, да и чуть не упала, мне быстро стул дали сесть. Зав. почтой вскрыла конверт и прочла письмо. Сообщалось, что наш папа воевал в Тульской области, в Чернском районе. Под селом Тшлыково проходили ожесточенные бои, и там 387 дивизия воевала, и очень много погибло солдат, среди которых мой отец Мельниченко Аполлон Ефимович, а ему отроду был 41 год. Даже указали в письме имя мамы и где она проживала. Как я поняла, архив делал запрос в райвоенкомат Красноармейского района Кокчетавской области, который подтвердил, что действительно он из этих мест был взят на войну. Поэтому через год я и получила ответ.

Вы не представляете, каково было мне сидеть на стуле: всю трясло, я плакала от радости и не могла в себя придти. Потом я написала в Тульский военный Комиссариат и мне ответили тут же. Уже из Чернского военкомата написали, что «Братская Могила» находится в селе Троицкое — Бачурино, где перезахоронено около 500 погибших солдат, в том числе и наш отец. Я созвонилась с Чернским военкоматом, и на 9 мая 2013 г. мы с сыном Сергеем отправились в путь.

5 мая 2013 г. был праздник Пасхи, мы выехали поездом на Москву, там пересели в электричку до города Серпухов, оттуда в г. Пущино, где проживает моя двоюродная сестра Инна с дочерями. Ей идет 90-й год, но она в здравом уме, четко помнит, когда папу привезли из Акмолинска в г. Петропавловск, то их часть еще два дня там формировали. Вместе со своей мамой (сестрой моего папы) они встретились, и папа жаловался, что сапоги ему жмут. Он носил обувь 45 размера, и тетя Маруся купила ему ботинки по ноге, в которых он и отправился на войну. Инночка все это мне рассказала.

Свои 79 лет я отметила у сестры 7 мая 2013 г., а 8 мая мы с сыном поехали автобусом до Тулы и далее до Чернского р-на, до с. Троицкое — Бачурино. Там нас тепло встретил глава администрации Белорусов Сергей Иванович. Мы возложили венок и цветы на братскую могилу. Очень большое впечатление произвел на меня весь мемориал, где 8 досок мемориальных и скульптура солдата, держащего в левой руке каску, низко голову склонив. Цветы, венки, закат солнца и мы стоим с сыном Сергеем у братской могилы отца.

Далее, Людмила Ивановна, хочу Вам сообщить про отца моего мужа Ивана Михайловича Хрипункова. Он тоже на войну был взят в 1941 г. В марте 1943 воевал в Орловской области. Ожесточенные бои были на Курской дуге. Там их 120 североказахстанцев послали на боевое задание — взорвать железнодорожный мост. Итак, в белых полушубках они проходили по озеру вблизи села Алешино, ну а предатели везде были и их предали. Налетели немецкие самолеты, и их начали бомбить. Вместе со льдом все пошли ко дну.

Рядом было село, и 10-летний мальчик все это видел с чердака своего дома. А когда начались везде раскопки и перезахоронения, то жители этого села подняли вопрос: «Почему везде ищут, а в нашем озере, на дне лежит столько солдат и никому дела до них нет?». Через Москву добились своего.

В 1989 г. к нам в Северо-Казахстанскую область приезжал корреспондент и показывал фото, как с помощью техники доставали со дна мощи в белых полушубках. Они не потеряли свой цвет и качество, а у каждого на шее был медальончик, где указано кто он, откуда, где проживает жена. И вот сельчане сделали 120 гробов и захоронили останки погибших солдат всех вместе с полушубками в общей могиле с почестями.

9 мая нас с сыном глава администрации с. Троицкое-Бачурино с женой возили на поле боя, где сражались около 20 дивизий, в том числе и наша 387-я, где воевал наш папа. У подножья деревянный крест и памятник погибшим солдатам, а посреди поля боя — железный восьмиметровый крест. На нем мемориальная доска, где указаны дивизии. Рядом посажены цветы и ёлочки. А по полю ямочки-луночки. Я спросила: «А что это за луночки одна возле другой?», а мне ответила Мария Ивановна, что это окопы, их за 71 год затянуло, заросли травой и ягодником.

После этого мы поездом уехали в Тулу. Вечером, подъезжая к городу, видели салют, очень красиво было смотреть. Все в вагоне наблюдали этот фейерверк, никогда этого не забыть. А из Тулы до Москвы мы поехали на электричке, где и познакомились с Татьяной Александровной.

До сих пор я под впечатлением от всего увиденного. Это незабываемо. По приезде домой мне так легко стало, как будто 100 пудов сбросила с себя. И сын рад, что я его взяла с собой. Брат и сестра очень благодарны мне, что я все-таки разыскала, где папа воевал, и побывала в тех местах.

До свидания. Удачи в Вашей работе.

12 августа 2013 года.

ВОЕННОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Мурашова Татьяна Николаевна, *53 года,*
учитель русского языка и литературы
МБОУ Мучкапской СОШ,
руководитель школьного музея

Всё начинается с детства. Сегодня дети войны — это особое поколение россиян. Через несколько лет они будут последними свидетелями тех трагических дней. Семья в России всегда была основой, на которую опиралось государство. Семья — колыбель духовного рождения человека. Именно семья служила людям поддержкой в самые трудные моменты нашей истории.

В школьном музее МБОУ Мучкапской СОШ Тамбовской области хранятся воспоминания выпускников школы и жителей района о том, как началась Великая Отечественная война, как жилось им в годы войны. Приведу примеры.

«День, когда мы узнали о нападении фашистов на нашу страну, был хорошим, солнечным. Мама пришла с базара и принесла печальную весть: началась война. Я к тому времени закончила 7 классов. Через две недели нас собрали и сказали, что комсомольцам предстоит ехать рыть окопы под Смоленск. Мы взяли лопаты, провизию в дорогу и отправились в путь. В 25-ти километрах от Смоленска находилась станция, до которой нам нужно было ехать, но она оказалась разбомбленной. Смоленск горел вовсю. Нас выгрузили, и мы полем через рожь пошли пешком. Тут началась бомбёжка: фашист с воздуха лупит! Грохот, гарь, дым… Бежали мы через поле, лес. Я потеряла лопату и очень боялась, что дома за её потерю будут ругать.

В 1943 году меня призвали в армию, где прослужила до декабря 1945 года в войсках НКВД. Вместе с другими девушками мы охраняли особо важные объекты в городе Москве». (М.Ф. Беляева, ветеран Великой Отечественной войны, вела большую патриотическую работу среди молодёжи. Умерла в сентябре 2012 года).

«Когда началась война, я закончила третий класс. Время было трудное. В деревнях остались женщины, дети и старики. С пятого класса мы работали в поле наравне со взрослыми. Помню, как председатель колхоза, фронтовик, имеющий ранение, подъехал к дому и сказал маме: «Пусть ваша девочка берёт косу и идёт в поле». Косами мы срезали макушки осота, чтобы пшеница увидела солнце. Из детей собрали бригаду, а бригадиром у нас была молоденькая женщина. Мы пололи просо, собирали колоски, возили на быках зерно на ток. Всех лошадей забрали на фронт. И так целое лето мы работали в поле, не зная ни дня отдыха.

Занятия в школе нам казались праздником после непосильной работы в поле. А после уроков до самых морозов ходили в поле: носили снопы и складывали в скирды, копали картошку. Зимними вечерами при свете коптюшки писали братьям и отцам письма на фронт, вязали носки и варежки, шили и вышивали кисеты для отправки на фронт. Помню два лозунга, которые были повсюду: «Всё для фронта, всё для победы!» и «Смерть фашистским оккупантам!». Никогда не забуду День Победы. Люди плакали от радости, обнимались, с надеждой ждали пропавших без вести». (А.Д.Ломова живёт в настоящее время в д. Владимировке Мучкапского района).

«В июне 1941 года появились первые беженцы в Мучкапе. Их с поезда разместили в парке возле народного дома, а потом стали определять к жителям в дома на постой. Годы войны жгли, словно перцы. Метки ставила жизнь на висках и на сердце.

1 сентября 1941 года я пошла в 5-ый класс в двухэтажную деревянную школу на Базарной площади. В день отправки моего отца на фронт, мы писали сочинение по стихотворению Некрасова «Плакала Саша, как лес вырубали», и учительница Зоя Георгиевна Каруна не отпустила меня домой. Я так плакала. Мой отец Сатин Алексей Иванович работал до войны в райсберкассе. Воевал он в звании старшего сержанта на Воронежском фронте, погиб при форсировании реки Дон.

В 1942 году школой провожали выпускников-десятиклассников на фронт. В октябре 1941 года стали поступать раненые и основное здание нашей Мучкапской средней школы отдали под госпиталь. К нам на квартиру поставили начальника госпиталя — майора медслужбы, пожилого мужчину. Сам он из Гомеля и всё беспокоился о своей семье, — там были немцы.

Новая школа ещё не была построена и всех учеников 5–7 классов перевели в здание Кировской семилетней школы — «Большую школу». Там мы и проучились до 1944 года. Хлеб выдавали по карточкам. Он был чёрного цвета, сыроватый, липкий, со жмыхом, поэтому тяжёлый. На человека приходился ломтик, толщиной в палец. Остальные продукты покупали на базаре, а чаще меняли на вещи. Огорода у нас не было, жили мы очень голодно. Работали на ферме, кормили овечек. В поле убирали хлеб, свёклу, подсолнечник, таскали снопы.

Нелёгкое детство у нас прошло в сороковые,
Быстро взрослели в труде.
В бессонные ночи о мирных днях мечтали,
И что вкуснее нет картошки наивно мы считали.

В 1944 году с октября пошли учиться в новую школу. Она была только оштукатурена, а белили и красили ученики. Было холодно,

сыро. Заготавливали дрова старшеклассники вместе с учителями. А после уроков мальчишки дрова пилили и кололи, а девочки носили в классы к печкам, ведь отопление было печное.

9 мая 1945 года в 6 часов утра к нам домой прибежала одноклассница Коростелёва Нина, крича: «Победа!» Мы по цепочке оповестили всех учащихся, собрались в школе, построились в колонну и строевым шагом со знамёнами отправились на площадь перед нардомом. Здесь стояла деревянная трибуна. Был митинг. Люди смеялись и плакали. На улице были лужи от прошедшего дождя, так дети плясали и прыгали в этих лужах, и никто на них не ругался. Такую щемящую радость и боль испытывали как взрослые, так и мы — дети!» (Г.А. Сатина-Исаева родилась 29 марта 1929 года. Уехала в 1947 году с мамой из Мучкапа, окончила пединститут, работала учителем и директором школы в г. Перми Свердловской области. В 2005 году прислала в школу письмо с просьбой найти её одноклассников и рассказать об их судьбе. Несколько лет длилась наша переписка. Её письма и фотографии хранятся в школьном музее. Умерла Г.А. Сатина в 2007 году).

«Я родилась в 1937 году в Мучкапе 10-м ребёнком в семье. Отец работал на колхозной мельнице, мама по дому управляла, получала за меня большое пособие. Тогда был такой закон о поддержке многодетных семей. Жизнь налаживалась.

А тут — война. Отца и двух старших братьев взяли на фронт. Отец сразу же пропал без вести под Сталинградом. Невозможно описать горе мамы. Сразу жизнь в нашей семье изменилась. Мама работала с раннего утра до темна в колхозе, был дан клич «Всё для фронта. Всё для Победы».

На наши детские плечи легли непосильные дела. Мы должны были делать кизяки, носить дрова, но главное — это сено для коровы. За день мы должны были накосить несколько мешков сена на зиму для коровы. Корова — кормилица, без неё наша большая семья просто не выжила бы. Мы пололи огород, убирали урожай. Огород был 50 соток. Практически мы, дети, его обрабатывали. Брат окончил 4 класса и больше не ходил в школу, сестра ходила. Когда пришло время идти в школу, меня не пустили, так как одежды и обуви не было. Это был 1944 год. Следующий год был недород, неурожай, я снова не пошла в школу. Плакала, так мне хотелось учиться. Только в 11 лет, уже после войны я пошла в школу». (А.А. Мишина).

А.А. Мишина, 2010 г.

Жизнь и судьба человека — часть большой истории, событий мирового масштаба. Через судьбу конкретного человека легче понять и прочувствовать исторические события. Александра Андреевна Мишина — человек в районе известный, уважаемый. Она стояла у истоков создания клуба пенсионеров «Ещё не вечер…», пишет замечательные стихи (в июне 2014 года вышла книга её стихов). Она всегда желанный гость в школе на торжественных мероприятиях, поэтому мне хочется рассказать о ее судьбе подробнее.

1. Корни

Из рассказа А.А. Мишиной:

«Корни мои идут от двух крепких родов, многочисленных по составу, умных и работящих. Моя мама, Татьяна Васильевна, родилась в 1895 году в многодетной семье Василия Савельича и Агриппины Парамоновны Любавиных. Василий Савельич и его два брата жили вместе с жёнами и детьми у родителей в одном доме — всего 22 человека. По тем временам это была очень зажиточная семья, так как имели много земли.

Все три брата были знатные плотники и столяры. Благодаря своему труду, крепко стояли на ногах. Летом они работали на полях, водили скот, имели много всего: были рысаки, выездные лошади, рабочие лошади, были тарантасы, телеги, брички, быстраки, держали по нескольку коров, а также свиней, овец и прочую живность. Причем, дед мой был любителем держать птицу разной породы. Яйца ходили собирать ребятишки с кошёлочками. Но уж если куры были украшением двора, то что говорить о лошадях и коровах. Братья все вместе ходили на базар, и если понравилась им лошадь или корова, посоветуются и начинают торги. Братья умели себе сделать выгоду и хозяина этой скотины не обидеть.

Жили все в одном большом доме, а по краям стояли еще два новых дома. В одном ягнят отирали, в другом шили шубы и другую одежду портные (наемные). Двор был огромный с хлевами, овчарнями, конюшнями. А за дворами были рыги, где хранились снопы, которые обмолачивались зимой. Для этого дела нанимали поденщиков со стороны.

Работы хватало всем, для женщин по дому дел было «по горло». Стряпали по очереди: одна стряпчая, другая подстряпчая, а третья — помыть, пошить, за детьми последить. Сами пряли, сами ткали; пряли шерсть, лен, коноплю; ткали тонкое полотно и погрубее, плели веревки, шили и вышивали. Девочек в десять лет сажали за самопряху, прясть учили. А девочки постарше готовили себе приданое, вышивали, вязали кружева к полотенцам и прошевы к скатертям. То-

пили печь смолой и кизяками с добавлением навоза для вольного духа в печи. А на ночь для тепла топили голландку дровами. Дети спали на полу, на соломе. Сверху соломы стелили теплые вещи: шубы, тулупы, а ребятишек укрывали вотолами (это большие шерстяные покрывала). Утром солому сжигали, пол хорошо подметали и стелили другую вотолу для игры детей.

Вот в такой большой и дружной семье родилась и жила моя мама.

Мой дедушка, Василий Савельевич, после смерти своего отца стал главой семьи. У деда было пятеро детей. Бабушка моя, Агриппина Парамоновна, была очень красивая женщина: небольшого роста, с голубыми глазами, носик маленький, пухленькая. А дед мой не очень лицом вышел, но умом был не обделен. Но так как семья их была зажиточной, таким женихам не отказывали в сватовстве.

Выросла мама красавицей: высокого роста, блондинка, с голубыми глазами, умная и работящая, все она умела. Уже в 18 лет она укладывала скирды, пряла, вязала, вышивала. У нее появился парень, с которым они только переглядывались глазами на пятачках и на игрищах. В душе любили друг друга.

Но Любавины приглядели другого жениха для Татьяны — Андрея — по совету дальней родственницы, которая жила недалеко от его дома. Очень его хвалила: работящий он был, голосистый и семья была у них крепкая, да дом полная чаша. Андрей был среднего роста, смуглый, кучерявый, глаза серые, приветливые, но на одном глазу было небольшое бельмо (маленьким стерег гусей, побежал за ними, и ветка ударила в глаз, глаз болел, а потом появилось пятнышко). Пришли сваты, а Татьяна спряталась в хлеву, но ее нашли, привели на показ и просватали. Свадьбу назначили на осень, после уборки урожая. Не раз во время лета приходил жених к невесте, приносил ей жамки (конфеты-подушечки). На выгоне вместе с молодежью пели и плясали, но невеста убегала от него с вечеринки. Уходил Андрей огорченный. Татьяна его не любила.

Все было готово к свадьбе: собрали урожай, управились с делами, только невеста была не готова, не хотела она идти под венец, не мил ей был жених, позднее — мой отец. Свадьба была на Покров. Маму одели в черную шерстяную тонкого полотна юбку до пят, в белую батистовую кофточку, на голове пышная фата с восковыми цветами, обута она была в жимы с хлястиком (туфли). Но когда от невесты отвлеклись, она обула новые неглубокие калоши — это был протест. Хотела она, чтобы увидел её Андрей в калошах и отказался. Подружки, которые её наряжали, доложили матери, мать заругалась и её переобула. Мать и отец поставили дочь на колени перед иконой и благословили. Невеста плакала, кидалась к иконе, просила о помощи, но её уговорили, и сказала она себе: «Судьба».

Тут зашел жених. Одет он был красиво, по-модному: белая атласная рубашка-косоворотка, вышитая на груди и по подолу белым крученым шелком, одета на выпуск, повязанная красным шелковым пояском с кисточками, брюки черные, в хромовых сапогах, пиджак черный, рубашка из-под пиджака торчала, картуз был в руках. На голове красовались пышные черные кудри (впоследствии он почти всех своих детей наградил кудрями). Под венец повезли на тройке лошадей, а сзади них ехало еще тринадцать бричек и козырков. Родня жениха не хотела отстать от богатых Любавиных. Венчались в Кресто-Воздвиженской церкви. Невеста стояла бледная. Это, наверное, о моей маме сложили песню: «У церкви стояла карета...».

В то время было много таких невест, которых отдавали замуж, не спрашивая согласия. Это был 1913 год. Свекровь невзлюбила её и звала в порыве гнева «дьявол». Не прошел и год после свадьбы, началась война с Германией в 1914 году. Андрея взяли на фронт. Но война для него была недолгой, вскоре он вернулся домой.

7 января 1915 года у них родился сын, назвали его Иваном. Роженица лежала на лавке (не было кроватей) в горнице, ей видна была печурка, где лежал младенец. Она наблюдала, смотрят ли за её ребенком. К нему то и дело подходила бабушка Евдокия, но больше всех подходил Андрей (отец). И тихонечко откроет печурочку, смотрит, что-то говорит ласково своему сынку, что-то поправит на нем с такой любовью. У мамы появилось чувство радости и любви к мужу. И сказала она сама себе: «Ах сколько я издевалась над ним, а он такой хороший, так любит нашего сынка и меня». С этого дня как будто подменили её: «Будто во мне что-то перевернулось». Она не могла наглядеться на Андрея.

Началась Гражданская, Андрея взяли на войну. Вернулся он в 1920 году раненый с советскими наградами, а тут вскоре и война кончилась. Началась трудовая жизнь, но жизнь оказалась нелегкой. В 1921 году была страшная засуха и семья сильно страдала от этого, но Андрей и Татьяна много трудились. Жизнь успокоилась, земля была, скот водили, было чем кормить детей, которые рождались один за другим. К 1929 году детей было уже восемь — шесть мальчиков и две девочки, но три мальчика умерли. В том же году родители переложили старый дом, построили чуть меньше, но добротный.

Большую власть в семье имела мать отца моя бабушка Евдокия. Это была удивительно крепкая женщина, хотя ей в то время было 86 лет. Был у них круг земли в Мучкапе, но отец мой брал еще землю в аренду у Воейковых. Это так называлось имение; сам хозяин жил в Петербурге, а землю сдавал в аренду. Певун был мой отец, он брал высоким голосом любую песню. Впоследствии все его дети пели. Но такого голоса, как у него, не было ни у кого из нас.

В 1930 году родителей раскулачили. Бригада комбеда забрала все: хлеб, скот, плуги, сохи, телеги. Силой загоняли в колхоз, но отец не пошел в него, и за это его сослали в ссылку на Урал. А мама вступила в колхоз, хорошо работала, просила принять Андрея заочно в колхоз, брала справки, что у него много детей. Выручила она мужа. Вернулся отец, надо подниматься, годы непростые, тяжелые. В 1936 году в июле родилась у них девочка — сестра моя Надя. А через 10 месяцев родилась я, Шура. По счету была десятым ребенком. Все меня нянчили, любили, особенно отец, а Надю увез наш старший брат, он жил в Иркутске с женой, детей у них не было».

2. Военное детство

Спокойное детство Шурочки оборвалось в четыре года — началась Великая Отечественная война. Два старших брата ушли на фронт. Отец Андрей Филиппович Коростелёв был уже не молод, не здоров. Взяли на фронт в ноябре 1942 года, ему было 49 лет. Именно такие солдаты, воины с опытом были нужны. Андрей Филиппович воевал с немцами в Первую мировую войну в 1914 году, прошёл всю Гражданскую от начала и до конца.

Позже Андрей Филиппович пришлёт письмо из госпиталя, мать будет часто перечитывать его и пересказывать детям. Этот рассказ отложился в памяти девочки: «Сразу, как только погрузили солдат в эшелоны, поезд помчался, грохоча на стыках рельсов, разрывая пелену снежной метели. Неясно было, на какой участок фронта уходил эшелон. Бойцы сгрудились на полу около горящей буржуйки, курили, изредка перебрасывались словами. Мелькали станции и полустанки, разъезды, а поезд всё набирал скорость. Миновали Кирсанов, Балашов, Ртищево, Филоново. Глубокой ночью эшелон остановился на станции Иловая. Перед бойцами была поставлена задача: форсированным маршем продвигаться к ближайшему участку фронта. Стало ясно: они шли на помощь сталинградцам. Казалось, дороге не будет конца, шли в кромешной темноте. Ночью нигде ни огонька, никто не зажигал костров, это было категорически запрещено. Высоко в небе слышался рокот моторов немецких бомбардировщиков. Мороз сковывал движения, клонило ко сну. Глубокой ночью остановились на каком-то хуторе. Не успели бойцы отдохнуть, как вдруг воздух сотрясли взрывы, раздались пулемётные и автоматные очереди, заплясали огни разрывов первых снарядов. Сквозь отблески пламени было видно, как у крайних изб метались тени гитлеровцев. Не сразу бойцы поняли, что произошло, но тут услышали: «Наши пошли!».

Думаю, что цензура такое письмо не пропустила бы. Скорее всего, что-то и правда было написано в этом письме, что-то было додумано позже; к сожалению, письмо не сохранилось.

Из воспоминаний А.А. Мишиной:

«Отец был ранен в том бою. За ним пришли санитары, положили на носилки, отправили в госпиталь г. Ртищево для лечения. Из госпиталя он прислал одно единственное письмо, где была подробно описана его фронтовая дорога. Сам он был неграмотный, письмо писал кто-то из бойцов или медсестёр. В письме было написано, что Андрей Филиппович лежит в госпитале, ранение его легкое, скоро выпишут и направят на фронт. А в июле 1943 года в дом пришло страшное известие: «...Доводим до Вашего сведения, что красноармеец Коростелёв Андрей Филиппович пропал без вести в боях под Сталинградом». Мама упала в обморок, ведь у неё ещё два сына Иван и Анатолий сражались на фронтах войны. Иван был машинистом: перевозил живую силу, снаряды, продукты к линии фронта, а оттуда доставлял раненых в госпиталь. Судьба пощадила его: он был легко ранен, но вернулся с фронта живым. Анатолий воевал в самом пекле войны, был командиром пулемётного расчёта. Три расчёта погибли, а Анатолий оставался живым и невредимым. Но однажды пуля нашла и его: тяжело раненный был отправлен в госпиталь г. Ртищево. Врачи боролись за его жизнь, Анатолий долго был в бессознательном состоянии. Получив известие о сыне, мама поехала повидаться с тяжелораненым сыном. Добиралась на товарняках или крыше поезда, но ни с какими трудностями не посчиталась, лишь бы повидать «свою кровиночку». Анатолий выжил, был демобилизован.

В списке безвозвратных потерь мой отец Андрей Филиппович Коростелёв так и значится пропавшим без вести. В Книге Памяти Тамбовской области в томе 5 на странице 414 есть такая запись: «Коростелёв Андрей Филиппович, род 1893, р. п. Мучкапский, рядовой. Пропал без вести в июле 1943 года».

Однажды на улице Октябрьская р.п. Мучкапский нашли в земле немецкую каску. Откуда? Ведь здесь был глубокий тыл. Оказалось, что в период Сталинградской битвы сюда прибывали на отдых солдаты. Они разбили палаточный городок, помогали женщинам близлежащих домов по хозяйству. Каска, скорее всего, была трофеем и сейчас хранится в школьном музее. А.А. Мишина вспоминает, что дети и взрослые часто ходили к солдатам, расспрашивали о войне. Один солдат всегда старался погладить её по голове, дать кусочек сахара, вспоминая при этом свою жену и дочку-ровесницу, которые остались в Белоруссии.

Всю жизнь Александра Андреевна горюет о своём отце и посвятила ему много стихов.

Пять лет мне тогда всего было.

Но помню январский тот день,
Когда на тебя принесли похоронку
А мама от горя свалилась, как тень.
Упала на стол, причитала...

Из воспоминаний А.А. Мишиной:

«Вместе с матерью мы ревели, нас было трое. А потом мама сказала: «А может, он жив, ведь не указано, что погиб». Надежда все же была. Только он не вернулся. А я его ждала. Когда война кончилась и стали возвращаться солдаты, каждый день ходила на вокзал, встречала поезд. Сколько калек возвращалось с войны! Я забегала наперед ко всем солдатам — и хромым, и безруким, и одноглазым, — думала, что это мой отец.

Помню день, когда война закончилась. Эта весть мгновенно облетела всех. Люди выходили из домов, радовались и плакали. Все шли на нашу Мучкапскую площадь, где уже стояла деревянная трибуна. С утра было солнце, потом пошел мелкий дождь, люди в фуфайках, в теплых платках. Стали мы с мамой недалеко от трибуны. Многие выступали, поздравляли с Победой. И вдруг моя мама поднимается на трибуну и просит разрешение сказать. Поздравила она всех с Победой и давай читать стихи. Читала она о войне, о Гитлере.

Он хотел взять Уральские горы,
Мы Мучкап и тот не дадим!
Мы сказали: «За нами победа!
Обязательно победим!»
Победили мы Гитлера лихо,
А на сердце печально и тихо.

Стихи А.А. Мишиной (орфография и пунктуация авторская):

Детство

Где же ты, детство моё босоногое?
За какой ты ушло поворот?
Мне тебя не найти, ты растаяло
И оставило лишь горизонт
Горизонт, бесконечная линия
Так и память о детстве живёт
Хоть и было оно у нас трудное
Но всегда оно снится, зовёт
Холод, голод нас сделали взрослыми
Очень рано познали мы труд

В восемь лет надрывались вязанками
И для нас даже сделали плуг
Плуг, чтоб просо рядочками сеяли
Чтоб удобнее было полоть
Целое лето пололи да маялись
Чтоб зимою хоть что-то смолоть
А зима была долгая — долгая
В доме холод, спасала нас печь,
Где уроки учили, вязали и шили
Вчетвером мы могли на ней лечь.
Соль мололи, потом продавали
(Жернова выручали всегда!)
На базаре весь день замерзали,
Чтобы хлеба купить иногда
Я тот хлеб никогда не забуду
Я сосала его, чтоб подольше он был
Мама мне от себя отделяла,
А за это всё брат меня бил.
Помню маму мою всегда старой
В чёрной юбке и чёрном платке
Было ей лишь за 40 с немногим
Но от горя поникла в тоске.
Нас от смерти спасала корова
Лебеду ели мы с молоком
Жёлтый жмых молоком запивали.
Страшно вспомнить о детстве таком.

Май 1985 г.

МОИ ВОЕННЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Пинаев Олег Иванович, *76 лет,*
инженер, ветеран труда, работающий пенсионер,
г. Москва

К началу войны мне уже исполнилось 4 года, и многое из увиденного сохранилось в памяти. Я жил тогда в Туле на ул. Коммунаров (сейчас это проспект Ленина), в доме 84-а, называемым «Профкорпусом» механического института. Посещал детский сад, он был в том же доме, в четвертом подъезде. За домом были деревянные сараи и около них прогулочный дворик. «Профкорпус» находился на самой южной окраине города. Южнее располагался только большой жилой дом ору-

жейного завода, да Оружейно-техническое училище напротив него. Из окна нашего дома на 4 этаже хорошо было видно, как курсанты минируют поля южнее и восточнее от нашего дома. После войны мы туда не ходили — боялись. За школой № 20 горожане рыли противотанковый ров вокруг рощи, стадиона, Красного Перекопа. Немцев ожидали с юга.

Перед нашим домом стоял высокий столб с вращающейся верхней частью, к которой были привязаны веревки. Ухватившись за веревку, взрослые и дети бегали и летали по кругу. Эта забава называлась «гигантские шаги». С приближением к Туле фашистов этот столб спилили — опасались, что немцы могут использовать его как виселицу. Сзади нашего дома за сараями на огородах вырыли щели для защиты от бомбежек. Сначала мы при объявлении воздушной тревоги бегали прятаться в них. Потом там сделали блиндажи с перекрытиями и сидениями. Первое время при объявлении воздушной тревоги все бегали туда, но через некоторое время ребята постарше сообразили, что если самолеты летят высоко, то бомбить не будут — летят на Москву. В таких случаях мы обращали внимание на то, как светят прожекторы, бьют зенитки. Нам было интересно. Когда бомба упала в поле около дома оружейного завода, мы побежали смотреть воронку. Не знаю, какого размера она была, но я, четырехлетний, в ней скрывался с вытянутыми вверх ручками.

Иногда приходилось видеть воздушные бои над Тулой. Много людей стояло, задрав головы. Бои были на большой высоте и невозможно было понять, где чей самолет и кого сбили. Однажды ночью прожекторы осветили вражеский самолет, и зенитки его сбили. Мы видели, как он падал. Днем бегали искать его и нашли. Дома на случай воздушной тревоги у нас были приготовлены узелки с вещами, которые брали с собой в убежище.

На крыше одного из корпусов механического института была башенка, где сидел наблюдатель, вероятно, из сотрудников института. В случае появления вражеских самолетов он крутил ручку сирены. Раздавался предупреждающий душераздирающий, протяжный рев. Мы, дети, бывали на этой башенке. Каждому хотелось покрутить ручку, но понимали, что нам это не по силам. В то время в городе было мало высоких домов, и из башенки открывался хороший обзор — вдалеке виднелись поля, деревни, перелески... На чердаке нашего дома всегда стояли бочки с водой и песком, рядом с ними — клещи для зажигательных бомб. Я помню, как однажды «зажигалка» лежала на земле и ярко горела, а все стояли поодаль, в том числе взрослые, и молча смотрели, насторожившись.

Однажды во время налета мы увидели, что на крыше нашего четырехэтажного дома в слуховом окне мигает фонарик. Мы побежа-

ли в штаб, который был в соседнем здании, чтобы сообщить об этом и видели потом, как солдаты вели человека со связанными руками. С приближением немцев в городе ввели светомаскировку. Для этого на окна навешивали шторы из плотной черной бумаги. Патрули контролировали. Мы с ними с удовольствием ходили. Тогда ярких ламп в квартирах не было. А когда не было электричества– это было часто — зажигали керосиновую лампу.

Во время войны такого надзора за детьми, как сейчас, не было. Со старшими братьями и друзьями мы, малышня, ходили по всему городу и были в гуще событий. Знали все: где какие пушки, куда упала бомба, где подбитый танк. Как-то в конце лета 1941 года мы с ровесником Димой Смирновым рассматривали ЗИС-101 около институтского корпуса. Пассажир в штатском (мы подумали, что директор института) велел водителю ехать на Косую гору. Мы повисли на заднем багажнике и решили прокатиться. По территории института машина шла медленно, так как дорога была булыжной. Пока ехали, сообразили, что Косая гора далеко и где-то там немцы. Спрыгнули, упали, ободрались. Чтобы нас никто не видел, пошли к «профкорпусу» мимо бензоколонки, где были заросли крапивы. Наши ссадины так обстрекало крапивой, что все тело горело. Мой отец отвел нас в медпункт института, где нас обильно помазали йодом. Наверно, это была одна из последних детских шалостей.

Тулу бомбили мало. Фашисты, видимо, хотели захватить жилой фонд и заводы, чтобы использовать их в своих интересах, как использовали промышленный потенциал всей Европы. Им нужен был плацдарм для захвата Москвы. Туляки были уверены, что фашистскую орду скоро погонят назад и Тулу не сдадут. Мои дяди, работники оружейного завода, эвакуировались с семьями в Златоуст и Ижевск, но тульские заводы работали и продолжали выпускать военную продукцию.

При приближении немцев наша семья переехала к бабушке в центр города на улицу Свободы. Во дворе этого дома тоже была щель, чтобы прятаться от бомбежек, но часто мы бегали в подвал многоэтажного дома на соседней улице Пушкинской. Однажды бомба взорвалась во дворе этого дома, дверь нашего бомбоубежища открылась. Подросток хотел закрыть ее, но взрывной волной от второй бомбы разбило стекло и осколками посекло ему лицо. Кровь, крик… Такое не забывается.

Мы имели талоны на питание на фабрике-кухне на пл. Челюскинцев. Однажды зимой мы вышли из этой столовой: мама с грудной Ириной на руках, я, закутанный шалью с муфтой на руках и сестра Галина, школьница десяти лет. Авианалет заставил нас спрятаться в бомбоубежище. Потом узнали, что бомба попала в фабрику-кухню. Другая бомба взорвалась во дворе нашего дома на ул. Свободы и сквозь окна, засыпанные золой, осколки залетели в дом.

У меня было два двоюродных брата — Лев 14 лет и Владимир 5 лет (Лев после окончания оружейно-технического училища стал бравым офицером, а Владимир умер в 17-летнем возрасте от туберкулеза). С ними и другими ребятами я ходил по всему городу. Часто мы бывали на Всехсвятском кладбище. В толстых кирпичных кладбищенских стенах были сделаны амбразуры, и ребята постарше нам показывали, какой из них обзор. Тогда на юг от кладбища домов не было. Виднелось заминированное поле, небольшой лес за стадионом и противотанковый ров. Видно было далеко. С западной стороны тоже была амбразура, вероятно, для круговой обороны. Кстати, с южной стороны в стене нашего дома, где нет окон, тоже была пробита амбразура в сторону шоссе на Орел.

Туляки были уверены, что немцев скоро прогонят. Поэтому, когда мы переехали в центр города к бабушке, теплую зимнюю одежду для сестры Ирины (она родилась в августе 1941), меня и десятилетней Галины не взяли. Зима была ранняя, наш «профкорпус» был на окраине города, где проходила линия обороны. Теплая одежда осталась в нем. Моя мать, хорошая спортсменка, решила сбегать за одеждой домой. Она знала, что в недостроенном втором корпусе механического института сидит немецкий снайпер, а в нашем доме — наши солдаты. Но она решила, что снайпер не может стрелять чаще, чем через 3 секунды, а в подвижную цель труднее попасть. Поэтому она побежала от трамвайного кольца на Толстовской заставе, прячась за столбы и деревья. Когда она вернулась домой на ул. Свободы, то рюкзак с вещами оказался пробит пулей.

В музее «Тульский некрополь» в экспозиции, посвященной нашим предкам — купцам и промышленникам Тепловым, некоторые из которых похоронены на Чулковском кладбище, — среди различных вещей из дома Тепловых экспонировался стул. Его в нашей квартире на 4 этаже на ул. Коммунаров пробило осколком мины осенью 1941 года. Потом в 1970-х годах стул был отремонтирован и реставрирован потомком Тепловых.

Осенью 1941 года детский сад не работал, а заработал с лета 1942 года, когда минула фашистская угроза, и было восстановлено отопление. Детский сад мне запомнился щами из крапивы и финиками, а также концертами, которые мы давали в 20-й школе, где был госпиталь. Запомнилась одна из частушек, которую пели девочки:

И на кофте кружева,
И на юбке кружева.
Неужели я не буду
Офицерова жена?

Раненые нас угощали сахаром.

Однажды наш детский сад не попал на концерт, так как не мог перейти через дорогу — было очень много снега, сугробы выше нас, а по дороге нескончаемым потоком шли солдаты в полушубках, валенках, с оружием.

Как-то темным вечером я вышел во двор дома на ул. Свободы. Раздался ужасный вой, скрежет, на небе стали вспыхивать огненные сполохи. В страхе я побежал в дом и… провалился в погреб, упал на козу. Она не пострадала, зато я испугался и ушибся. Потом мне объяснили, что это стреляли «Катюши». На другой день мы с братьями ходили смотреть на них, но не нашли ничего, кроме обгоревшей земли.

В Туле было много пленных немцев. Жили они в лагере в районе нынешней ул. Болдина. Они часто сидели около нашего дома, наверно, в ожидании работы. Конвоиров не помню. В детский сад я ходил мимо них в соседний подъезд. Пленные показывали нам фокусы, ножички, свистульки, угощали конфетами. В течение всей войны выдавали карточки на еду, мы отоваривали их в институтской столовой. Всегда была большая очередь. Было обидно, когда подходил упитанный пленный, брал много хлеба, маргарина, почему-то без очереди, вероятно, на всю свою братию.

Отец моей будущей жены до войны работал на оружейном заводе пристрельщиком серийных винтовок. В 1940 году его с группой рабочих арестовали по подозрению в том, что они научились стрелять, якобы с целью поехать в Москву и на Красной площади убить тов. Сталина. После года следствия в Бутырской тюрьме в Москве всех оправдали и отпустили. Они вернулись в Тулу, а завод уже эвакуировался, и они оказались без работы. Возможно, поэтому у него не было карточек на питание и семья голодала. В армию его не брали как инвалида по слуху. Его жена, тоже инвалид, не работала. Они свою дочь 4-х летнего возраста отвезли в деревню Изрог в Тульской области к бабушке. Потом другая бабушка на трехтонке перевезла ее к себе в село Иевлево; немцы заняли эту деревню осенью 1941 года. Девочка была черноволосой и немцы дразнили ее «Юди». Бабушка лупила их за это полотенцем под общий хохот и говорила: «Это моя внучка!». Однажды они сказали, что придет СС и велели девочку спрятать. В другой раз сказали, что будет бой, и всех прогнали из деревни. Но боя не было.

Кстати, когда пару лет назад мне потребовалось обменять свидетельство о рождении из-за ветхости, то в тульском загсе на ул. Ленина буквально через минуту принесли толстый гроссбух и на странице 1937 года нашли запись о моем рождении. Я попросил посмотреть чуть ниже, там оказалась записана моя будущая жена. Значит, мы были с ней в одном роддоме на площади Челюскинцев. Познакомились мы через 20 лет в институте. Меня из роддома везли в 1937 году в «профкорпус» на Эмке. Младшую сестру Ирину в августе 1941 года — на

трамвае, а старшую сестру Галину в 1931 году везли домой на Бундуринскую улицу на пролетке.

Мама имела швейную машинку и всю войну шила из байки трехпалые рукавицы и подшлемники. Имея троих детей, она училась в Московском педагогическом институте, на факультете иностранных языков и окончила его в 1945 году. В это же время она преподавала французский язык в Оружейно-техническом училище. После войны преподавала фонетику французского языка в Тульском педагогическом институте и стала в 1959 году первым и единственным в Туле кандидатом филологических наук.

Зимой мы катались на санках и лыжах в противотанковом рву за 20-й школой. Я боялся, а ребята постарше — нет. В Платоновском лесу, там, где сейчас кольцо троллейбуса, на юге города, я видел появившиеся из-под снега трупы немцев. Летом мы ходили туда же купаться в пруду, а отогревались среди штабелей остывающих кирпичей в кирпичном заводе по соседству. Во время прогулок мы часто находили оружие, порох, патроны. Оружие сдавали на военную кафедру, а порох и патроны жгли в кострах. Ребята постарше перебрасывали дымовые гранаты через «профкорпус». Однажды младший из нас, Губанов, неосторожно бросил в костер порох, обжег себе лицо, опалил брови и ресницы. Он жил в том же подъезде в «профкорпусе», где был детский сад (отец Губанова преподавал в институте физкультуру). До того, как возобновилось строительство второго корпуса института, мы постоянно играли в этом здании. Места было достаточно: ходили по недостроенным стенам, лазали по подвалам, со стен бросали кирпичи, собирали гильзы.

В 1944 году я пошел в 1 класс в мужскую начальную школу № 17 далеко от дома. Ближняя, 20-я мужская школа, была занята госпиталем. Школа находилась на ул. Гоголевской около ул. С. Перовской. Учились в три смены, часто добирались до школы на трамвае от кольца вокруг водонапорной башни на Толстовской заставе до Гоголевской. Иногда часами ждали вагон с мягкими сидениями, так как хотели прокатиться с комфортом. В то время в Туле был единственный трамвайный вагон с мягкими сидениями.

Помню, зимой в Туле улицы были завалены снегом. По трамвайным путям часто ходили грузовые вагоны, а иногда шел вагон с бульдозером-отвалом, чистил пути от снега. По бокам путей образовывался ледяной вал, через который было нелегко перебраться и выйти из вагона или войти. Однажды был такой случай: старшеклассник, выходя из вагона, поскользнулся и стал сползать под колеса. Вагон ехал медленно. Мальчик руками и ногами пытался оттолкнуться от вагона, но опять сползал. И в результате задним колесом прицепа ему переехало ногу.

Иногда ходили в школу через парк им. П.П. Белоусова, в то время совсем небольшой. Поле с юга от парка засадили деревьями уже

после войны. На этом поле долгое время были воронки от бомб. Дорога в школу шла через позиции зениток. Зенитчицы нас приглашали зайти в гости, угощали, беседовали, провожали домой. Конечно, в школу опаздывали очень часто. У нас в классе было много детдомовцев. Многие из них не учились во время войны и на фоне нас, семилетних, в свои 10–11 лет казались взрослыми. Детдомовцы иногда нам давали лизнуть «лакомство» — смесь маргарина и мармелада в баночке из-под гуталина. В школе нас кормили горячими пончиками с сахарной пудрой. В те годы в мужских школах мальчиков стригли «под ноль» ручными машинками дома или в парикмахерских. Кто победнее, стриг своих сыновей ножницами, после этого на голове оставались заметные полосы. За школой на площади Александра Невского был рынок, где мы покупали перья, карандаши (поштучно), тетради для чистописания. Чаще всего тетради нам делали родители из разнообразной бумаги и разлиновывали в клетку или в косую линейку.

В начальной школе № 17 у нас была военная подготовка. Руководил ею офицер, инвалид войны. Мы маршировали, целились лежа, но многие ребята не могли поднять винтовку, только могли поставить к ноге, так были ослаблены. В нашей квартире в «профкорпусе» всегда было много деревянных и учебных винтовок. Отец их использовал для обучения новобранцев. Он говорил, что эти винтовки участвовали в боях, а мы ими играли.

Зимой мы катались по утоптанным дорожкам на одном коньке. Он привязывался веревками к валенку. Второй конек мало у кого был. Заливные катки появились в центральном парке и на стадионе «Зенит» в Кремле через несколько лет после войны. На катках играли духовые оркестры, в раздевалке жарко топилась печь, можно было отогреваться чаем. На стадионе «Зенит» каток заливали водой из большого самовара. Потом стали использовать бак. Самовар и бак возила лошадь на санях, воду брали в бане.

Легковых машин в то время было мало, грузовые ходили медленно. Ребята крюками цеплялись за борт грузовика и ехали на коньках в одну сторону, потом — в другую. А если на улице Коммунаров — под горку ехали сами.

Недалеко от общежития института за гаражом был погреб. Его зимой заполняли льдом и там хранили продукты для студенческой столовой. Погреб был накрыт высокой земляной насыпью. Мы зимой с нее катались до упаду. Домой мы ползли буквально на четвереньках. Иногда нас угощали из погреба морковкой.

Механический институт возобновил работу в 1942–1943 учебном году. Мой родственник из Орла, инвалид войны, в это время поступил туда и потом работал в промышленности этого города.

Во время войны лампы накаливания было невозможно купить. Работники механического института организовали ремонт лампочек: мы приносили перегоревшие, а взамен получали отремонтированные. Умельцы заменяли спираль, откачивали воздух и заваривали. На колбе лампочки оставался острый хвостик, если он отламывался — лампочка сразу перегорала. Пользовались керосинками, потом появился керогаз. Он был значительно лучше керосинки и безопасней примуса. В Туле было много керосиновых лавок, где керосин наливали в металлические бидоны литровым черпаком. Всё вокруг пахло керосином.

Иногда чай кипятили самодельным кипятильником, с ним же и картошку варили. Это было опасно, но удобнее, чем на керосинке. Кипятильник делали из консервных банок: две трубки, размером с палец, одна в другой.

Уже в 1941 году у нас было два огорода для картошки: один в Чулково, в пойме реки Упа (урожай возили на тележке), другой там, где сейчас новый Белоусовский парк. Картошку хранили в чулане (зимний запас), а весной вскрывали яму с картошкой. Когда отпала угроза бомбежек и засыпали бомбоубежище, на этом месте на глине выросла самая лучшая картошка.

Однажды, вскоре после войны, я увидел на ул. Коммунаров группу зевак. Над ними мелькала шашка. Оказывается, это мой брат Лев, идя на дежурство в арсенал, который был на ул. Ф. Энгельса около парка, демонстрировал знание военных артикулов. Он был курсантом оружейно-технического училища.

В 1948 году я перешел в 5 класс мужской средней школы недалеко от дома около ликероводочного завода. В это время госпиталя там уже не было. В эту школу во время войны мы ходили с концертами из детского сада. Во дворе школы было захоронение умерших от ран, ближе к лесу — огород, на котором мы работали. Школа работала в 2–3 смены.

Я когда-то сделал из открытки маленький бумеранг, родители были очень огорчены и они сказали, что это было последнее письмо умершего от ран и захороненного во дворе школы хорошего знакомого по фамилии Нейман.

Классным руководителем у нас была Ольга Сергеевна Сюзева. За одной партой со мной учился мой друг Слава, круглый отличник. Сейчас он — Вячеслав Викторович Давыдов, доцент политехнического университета. Мы с ним жили в одном доме и с детства занимались фотографией. В продаже пленки не было, использовали обрезки аэрофотопленки. Фотолаборатория была под столом, завешанным одеялом. Увеличитель делали сами. С его отцом Виктором Ивановичем Давыдовым мы ходили купаться на Упу, учились плавать. В результате, один из вступительных экзаменов в институт я сдавал по плаванию.

На Упе около моста на Криволучье были водный стадион и лодочная станция. По Упе вверх по течению ходил бронекатер до металлургического комбината. Я тогда занимался в военно-морском кружке во дворце пионеров и нас катали на катере, но стрелять из пушки не разрешали.

Учась в школе, я занимался в разных кружках и секциях, занимался лыжным, велосипедным и конькобежным спортом. Нас бесплатно обеспечивали инвентарем, давали форму и в некоторых случаях обеспечивали усиленное питание на фабрике-кухне.

Наверное, в шестилетнем возрасте я ездил в пионерский лагерь. С Московского вокзала поехали ночью до Хомяково, под дождем шли через овраг, плакали от страха, падали. В лагере было скучно, кормили плохо, голодно. Многие наедались черемухи и с запорами их увозили в больницу.

В памяти остались печные трубы от сгоревших изб вдоль Орловского шоссе до Косой горы. Запомнились победные праздничные салюты, мы смотрели, как на стадион «Пищевик» (где трек) свозили пушки, потом стреляли, а мы кричали от радости. Когда объявили о конце войны, в городе были сплошные танцы, музыка, ликование.

Как я теперь понимаю, глядя на моих шестерых детей (трое из которых взрослые и подарили мне внуков), мое детство кончилось летом 1941 года. Может быть, поэтому у меня особая любовь к детям: и своим, и чужим.

Все мои многочисленные родственники по линии матери и отца получили хорошее образование, достойно работали и работают. После окончания механического института я был направлен в Москву, где работаю с 1959 года. Последние 30 лет работал на опытных заводах директором и главным инженером. После выхода на пенсию уже 8 лет работаю в детском саду.

ВОЕННОЕ ДЕТСТВО НА ЛУГАНЩИНЕ

Плешаков Иван Давыдович, *79 лет,*
полковник в отставке,
г. Тула

Я родился 9 октября 1935 года в селе Нижняя Ольховая Станично-Луганского района Луганской области. Мои первые детские воспоминания относятся ещё к довоенному времени: помню, как мой отец Плешаков Давыд Афанасьевич водил меня и мою младшую сестру Тоню в колхозный детский сад. Там работала воспитательницей моя

двоюродная сестра Плешакова Мария Даниловна. Это было лето 1940 года. А в январе 1941-го нас постигло большое горе — умер мой отец. Полина Матвеевна, моя мать, в 25 лет стала вдовой с двумя малолетними детьми.

Ей на помощь пришли её родители — Зенцевы Матвей Никодимович и Анна Максимовна, они забрали её к себе, а меня решил усыновить мой крестный отец Плешаков Василий Афанасьевич — родной брат моего отца. Они с женой были бездетными, жили на станции Ольховой в своем доме. Крестный работал в Луганске на заводе, имел высокую рабочую квалификацию, прилично зарабатывал. В новой семье изменилась и моя жизнь. Мне купили новый костюм, курточку-матроску, у меня появились игрушки. Впервые я побывал в городе, там мы сфотографировались. Конечно, и питание стало значительно лучше. Но эта благодать длилась недолго — через четыре месяца началась война. Крестный пошел на медицинскую комиссию, а меня мать забрала домой. И хотя его признали не годным для службы — обнаружили язву желудка — но мать меня к ним больше не отпустила. Она сказала, что в народе говорят: «Не та мать, что родила, а та, что воспитала». Испугалась, что я её не буду помнить. С этого момента и началось мое военное детство.

Помню это всеобщее горе, слезы, проводы родных и близких на фронт. Мне шел только шестой год, но о войне я уже кое-что слышал. Ещё в 1939 году, когда немцы напали на Польшу, к нам приходили деревенские мужики и обсуждали с отцом военные новости. Уже тогда они опасались войны, предсказывали нападение и на нашу страну. Тогда наше село радиофицировали, и у нас появилась черная «тарелка», из которой постоянно передавали разные новости. Тогда же нам впервые показали документальный киножурнал о боевых действиях в Европе: вечером пригласили всех жителей к дому Никифора Шевцова и прямо на стене показали фильм. Это было настоящим чудом! Тогда я впервые увидел и немцев и боевые действия.

На фронт призвали всех наших близких родственников: один за другим уходили мои родные дяди Зенцевы Иван, Алексей и Яков, двоюродные братья Зенцев Ефим Михайлович и Калинин Леонид Дмитриевич, другие родственники, соседи и знакомые. Ушел на фронт и мой отчим Черепахин Николай Вакхович. Здесь следует кое-что пояснить. Когда я жил у моего крестного, мою мать её родители выдали замуж за ещё неженатого парня, её ровесника Черепахина Николая Вакховича. Он вырос без родителей, с 16 лет работал на паровозостроительном заводе в Луганске, отслужил действительную воинскую службу на Дальнем Востоке и вновь возвратился на свой завод. В мае 1941 года они с моей матерью поженились. Уже на второй день войны его призвали на фронт. Когда я вернулся домой от крестного, то уже не застал отчима.

С началом войны изменилась и жизнь в нашей деревне. Все жители привлекались к обязательной работе в колхозе, труд был ненормированным от зари до зари. Моя мать работала и в полевой бригаде, и в огородной, и на ферме, и в конторе. Она по тем временам была человеком грамотным, имела 4-х классное образование, потому часто привлекалась к работе учетчиком и бухгалтером. А мы целыми днями находились у дедушки и бабушки, детсад уже не работал.

Между тем, фронт всё ближе и ближе приближался к Восточной Украине, где находилось наше село. Стали приходить извещения о гибели наших односельчан, все чаще слышны были крики со слезами о погибших. Пришло и нам извещение о том, что Черепахин Николай Вакхович пропал без вести. Как впоследствии мы узнали, он попал в плен. Побывал в плену и муж моей родной тётушки Марии Афанасьевны Шевцов Андрей Семенович. Пали смертью храбрых наш ближайший сосед и дальний родственник Плешаков Михаил Иванович и его брат Плешаков Стефан Иванович. Появились в селе беженцы, эвакуированные из западных и центральных областей Украины. К нам на временное жительство приехала семья родного брата моего дедушки Зенцева Алексея Никодимовича, которая до этого жила в Черкасской области, а потом ещё мы приняли одну семью украинца Дениса. Сами же мы в полном составе перешли жить к дедушке.

Летом 1942 года фронт подошел к нашему селу. В один из дней мы увидели, что по садам и огородам небольшими группами бегут наши солдаты на восток. Они на ходу бросали свои противогазы, вещмешки, а некоторые и оружие и уходили в сторону Деркула — реки, по которой проходит и сейчас граница между Украиной и Россией. С небольшой возвышенности у нашего дома мы видели, как в районе станции Ольховой, что в 7 км от нас, пикируют самолеты и сбрасывают бомбы, были слышны отдаленные глухие взрывы. Потом послышалась усиленная стрельба и в нашем селе. Мать быстро загнала нас в дом, мы залезли под кровать, обложились периной и подушками. Послышались пулеметные очереди: это на возвышенности у нашего дома немцы установили пулемет и обстреливали ближайшие сады и огороды, по которым совсем недавно бежали наши солдаты. Потом мы с ребятами собирали пустые гильзы и даже целые патроны на этой высотке.

Стрельба затихла, мы вылезли из своего укрытия и стали осматриваться. Видим: из нашего сада по тропинке через наш двор идут двое немцев и едят яблоки с нашей яблони. Мы стояли у дома втроем: мама, я и сестра. Они подошли к нам, дали нам с сестрой по яблоку и вышли на улицу. Одна из немецких частей расположилась на лугу в палатках недалеко от нас. Немецкие солдаты сразу же побежали по дворам наших соседей и стали стрелять кур. У нас тоже перестреляли птицу, за исключением одной, которая от страха спряталась в соломе, и мы её

уже потом обнаружили. Немцы потом не раз приходили и требовали: «Матка, млеко, яйка!» Стоило нам только пригнать корову с поля, как солдаты бежали с котелками за молоком, а после того как всё молоко уже забрали, некоторые сами пытались доить корову, но наша Зорька была норовистая и никого кроме матери к себе не подпускала. Она так боднула одного из солдат, что он отлетел на несколько метров, схватил автомат и чуть не застрелил нашу Зорьку, хорошо заступились другие немцы. У многих соседей постреляли не только кур, но и поросят, телят, баранов. Вслед за немцами пришли итальянцы. Они запомнились тем, что выловили всех лягушек в ближайшем болоте.

С приходом немцев в селе стали устанавливаться новые порядки. Был назначен староста, некто Кузюбердин, появились и полицаи. Один из них, Григорий Чаков, жил недалеко от нас. На фронт его не призвали по болезни (туберкулёз легких). Новые власти стали преследовать жен коммунистов. Была арестована и отправлена в район, в станицу Луганскую, жена председателя колхоза Гнутова Серафима Андреевна. Там её избивали, пытали, хотели узнать, где находится её муж Григорий Андреевич, ведь он до последнего дня был в селе, отправлял на восток колхозный скот и другое имущество, а в последний вечер на лучшем скакуне уехал за Деркул и там присоединился к частям Красной Армии.

Но не все назначенные немцами русские полицаи зверствовали. Тот же Чаков, наоборот, стремился сохранить колхозную собственность. Я помню такой случай. Глава проживавшей в нашем доме семьи беженцев с Украины Денис пошел вечером на территорию хозяйства бригады № 3 и украл в сарае балку на дрова, а рано утром Чаков это обнаружил, пришел к нам и стал его ругать: «Ты здесь временный, скоро уедешь отсюда, а наши придут, нам придется всё вновь восстанавливать».

Когда пришли наши, Чакова не тронули, а другие получили по заслугам. Старосту Кузюбердина уже после войны нашли на одной из шахт Донбасса, привезли к нам в станицу и судили. Страшный и показательный случай произошел с полицаем Коночкиным. При отступлении немцев он собирался уехать с ними. Примчался на коне к дому проститься с матерью, вышел уже во двор к своему коню, но тот вдруг лягнул его задним копытом. Удар пришелся в висок и оказался смертельным.

Всего немцы хозяйничали в нашем селе около полугода. И вот наступил январь 1943 года. Под Сталинградом завершалась грандиозная битва. Мы это почувствовали по бегству оттуда остатков румынских частей. В каком ужасном виде были эти солдаты просто не описать: грязные, оборванные, обросшие. Они остановились на ночлег в помещении 3-й бригады, а это всего в 100 метрах от нашего дома, и сразу же разбежались по ближайшим дворам в поисках пищи. А жителям села к тому

времени и самим нечего было есть. Моя мать где-то наскребла горсть кукурузы, мы её перемололи на ручной крупорушке и сварили мамалыгу. Всё содержимое чугунка выложили на стол и стали делить его суровой ниткой на кусочки. Вдруг вламывается в дверь румынский вояка: черный, грязный, руки все в язвах, весь трясется и сразу же бросается к столу и загребает руками к себе в рот совсем ещё горячую мамалыгу. У нас в доме в тот момент была моя тётушка Мария; видя всё это, она пыталась оттолкнуть румына, выхватила у него винтовку и бросила её в угол, но спасти нашу мамалыгу не удалось. Быстро проглотив еду, он ушел, но вскоре вернулся со своими земляками. Обыскав весь дом, они ушли ни с чем. Мы тоже в этот вечер остались голодными.

Учитывая тревожную обстановку, мы вновь перебрались к дедушке — там и встретили передовые части наших войск. Ранним утром, когда было ещё совсем темно, кто-то постучал в окно. Это были наши разведчики. Они расспросили, есть ли в селе немецкие части. Немцы ещё накануне уехали в сторону станицы, отступили за Северский Донец и там закрепились на его крутых берегах. Разведчики уехали, а с рассветом в село вошли части Красной Армии. Все жители села их встречали с огромной радостью, со слезами на глазах, расспрашивали о своих близких, кто воевал на фронте. Однажды к дому подъехала армейская грузовая машина. Водитель забежал к нам в дом и спросил: «Зенцевы здесь живут?» Оказалось, что это был муж дедушкиной племянницы, которая в это время жила не у дедушки, а в нашем доме. Я побежал с этим солдатом, чтобы показать наш дом (это было в двух километрах). Машина осталась у двора дедушки. Семилетний мальчишка, я не успевал бежать за ним и, расспросив дорогу, он побежал сам. Встреча была минутной: обняв и поцеловав жену, детей, он уехал. В суровое военное время его могли привлечь к строгой ответственности за задержку машины.

Непосредственно в нашем селе боевых действий не было, но на его южной окраине были установлены дальнобойные орудия, и они вели огонь по позициям немцев за Донцом (это в 12 км от нас). Войска в селе стояли довольно долго. Фронт стабилизировался, немцы упорно сопротивлялись на выгодных позициях за рекой. В нашем доме стояли на постое два офицера. Тогда-то мы попробовали американскую тушенку, сгущенное молоко и другие продукты, которыми нас угощали наши солдаты. А мне один из офицеров подарил шерстяную гимнастерку, которую мать перешила, и я носил её очень долго.

В том же 1943 году 1 сентября я пошел в школу. Мне в то время было почти 8 лет. В 7 лет мать не отдала меня в школу, так как в селе были немцы и занятия проводились по немецким программам. Она занималась со мной дома, учила читать и писать. Тетрадей не было, и я писал на каких-то конторских книгах. Школа находилась в трех километрах от нас. Её к этому дню отремонтировали, сделали новое кры-

лечко. Всего в школе было 4 классные комнаты и канцелярия для учителей; а школа была семилетней, поэтому занятия проводились в две смены. Меня представили учительнице Анне Филипповне Родионовой. Она посадила меня за первую парту напротив доски. Моим соседом по парте стал Лёнька Голоднов. Он был немного выше меня ростом и более плотного телосложения. Забегая вперед, скажу, что только мы с Леонидом из всего нашего первого класса (а было нас человек сорок) окончили десятилетку, да ещё Михаил Сапельников и Валентин Белинский получили среднее образование в спецшколе ВВС в Луганске.

Первый школьный день окончился тем, что дома дедушка Матвей Никодимович задал мне вопрос: «Сколько будет полтора да полтора?». Я, конечно, понятия не имел сколько это будет, даже не знал, что значит полтора. А ещё он спросил: «А как звать вашу учительницу?» И снова я сконфузился, так как имя Анна я запомнил, а отчество Филипповна забыл. Кстати, учила нас Анна Филипповна только одну четверть, а потом её арестовали за то, что при немцах она била учеников линейкой по рукам. Дальнейшая её судьба мне не известна, но цепкая детская память сохранила ее образ на всю жизнь.

Война наложила отпечаток не только на условия нашей учебы, но и на наши детские игры. И были они далеко небезопасны. Во всей округе много было всякого оружия, патронов и других боеприпасов. Самым безобидным занятием было изготовление «танцующих» патронов. Мы извлекали пулю из патрона, гильзу с порохом закрывали, а потом бросали в костер и отходили на безопасное расстояние. Вскоре гильзы начинали «танцевать» в костре и разлетаться в разные стороны. Ребята постарше часто пытались извлекать порох из снарядных гильз и выплавлять тротил из самих снарядов. Одна такая попытка окончилась трагически: четыре человека погибли при взрыве мины, пытаясь извлечь взрыватель из мины, чтобы потом использовать её начинку.

Мой одноклассник Николай Шопин погиб от взрыва мины по пути из школы домой. Он жил в хуторе Нижняя Лощина, и путь домой проходил вдоль кустарников. Стоило ему на пару метров отойти в сторону от тропинки, и прогремел взрыв. А сколько было покалеченных среди моих сверстников! Володя Несмиянов потерял кисть правой руки, Борис Заикин лишился правой руки и сильно пострадали его глаза. Был Борис очень талантлив: успешно окончил среднюю школу, прекрасно пел. Я до сих пор вспоминаю, как он исполнял песню «Помнишь, мама моя».

Ещё одним опасным нашим увлечением была стрельба. Ребята изготавливали обрезы из трофейных винтовок, почти у каждого из нас были самопалы, и мы уходили в бугры (это большие песчаные барханы, частично заросшие кустарниками) и там устраивали маленькие «войнушки» со стрельбой. Они тоже были далеко не безопасны. У кого-то

оторвало пальцы, кому-то раздробило руку и т. п. Конечно, взрослые решительно запрещали нам такие развлечения, но всё же они продолжались. Война и военные игры наложили отпечаток и на нашу дальнейшую жизнь. Многие мои сверстники избрали своей профессией службу в армии. Так, из нашего 7-го класса трое из пяти ребят стали офицерами.

Весь 1944-й год и до мая 1945-го вместе с новостями об успехах нашей армии приходили и похоронки. Так, пришла похоронка на моего родного дядю Зенцева Ивана Матвеевича. Он был сапером и погиб при наведении переправы через реку Северский Донец. Плешаков Иван Григорьевич погиб в бою 22 февраля 1943 года и похоронен в деревне Котовка Курской области; Плешаков Василий Иванович гвардии капитан, умер от ран 2 февраля 1945 года и похоронен в Германии. Нам пришло письмо от моего отчима Черепахина Николая Вакховича, что он освобожден из плена и находится в действующей армии на фронте. С боями он прошел Чехословакию и Венгрию. А мой дядя Яков Матвеевич приехал домой на излечение после тяжелого ранения и несколько месяцев был дома, одновременно работал военруком у нас в школе. После выздоровления он снова ушел на фронт и воевал до Победы. Дядя Алексей Матвеевич был старшиной и в составе десантно-штурмовой группы участвовал во взятии крепости Кенигсберг, был награжден боевыми орденами и медалями.

Самым ярким событием тех лет, конечно, стал День Победы 9 мая 1945 года. Я узнал об этом уже в конце дня, когда мы вышли на выгон встречать своих коров из стада. Подошел кто-то из взрослых и сообщил, что война окончена — победа! Все взрослые и дети обнимались и плакали, радовались, все надеялись на возвращение родных с фронта. Стали возвращаться наши односельчане. Каждого из них все родные и близкие, просто соседи встречали с радостью, расспрашивали: где воевал, не видел ли кого из общих знакомых? Прибыли домой мои дяди Алексей и Яков, двоюродные братья Леонид Калинин и Ефим Зенцев, а нашего отчима всё не было. Вернулся он значительно позже других, так как после плена его ещё проверяли наши органы. За участие в боях на завершающем этапе войны был награжден медалью «За победу над Германией». Сразу после возвращения с войны отчим пошел работать на свой паровозостроительный завод в Луганске. Нам жить стало полегче. Он имел высокую рабочую квалификацию, хорошо зарабатывал и к нам, детям, относился по-отечески.

Хотелось бы рассказать ещё о трудовой стороне нашей детской жизни. Мы, сельские мальчишки, с самого раннего детства были приучены к труду: сначала по дому, на приусадебном участке, а потом в колхозе. Я, как старший в семье, готовил еду, ведь мать весь день на работе. На мне была заготовка дров: принести в дом, нарубить. Часто ходили мы в бугры за мелким сухостоем, приносили вязаночки. Огород нужно было поливать: грунт у нас песчаный, и постоянно требовалась вода.

Летом на каникулах нас привлекали и к некоторым колхозным работам. Так одно лето я возил молоко от нашей фермы в соседнее село на молокозавод. Запрягал в телегу старого трофейного мерина, грузили на телегу бидонов 7–8 — и пять километров на молокозавод. Трудным делом была обработка зерна на току. Деревянными лопатами перебрасывали вороха зерна к веялке, грузили его на телеги, а потом на машины и везли на элеватор. Всей школой ходили на уборку арбузов: эта работа нам нравилась, отъедались там вволю. Собирали колоски, тоже всей школой выходили в поле.

После 5-го или 6-го класса стала поручать мне мать поездки в город на базар. Везли мы с другом на базар обычно по ведерку картошки и бидончик (литров 5) молока. Для нас и это было трудно: до станции Ольховая идти 7 км по песку, потом час поездом до города, а там ещё минут 30 до рынка. Все вырученные деньги надо было привезти домой. А в городе постоянный соблазн — мороженое и конфеты. И мы находили выход: собирали за околицей ежевику и возили её на базар. Доход не большой, но на мороженое и конфеты хватало. Так мы и выживали и в войну, и в послевоенные годы.

И еще немного о себе. После окончания Сумского артиллерийского училища я 35 лет служил в артиллерийских и ракетных войсках, осваивал и вводил в строй новые ракетные комплексы, принимал участие в формировании ракетных частей и обучении личного состава современной боевой технике. После окончания военной академии продолжил службу в войсках, потом в Тульском высшем артиллерийском инженерном институте, передавал свой войсковой опыт будущим офицерам. За образцовую и безупречную службу в Вооруженных Силах награжден орденом «За службу Родине» 3-й степени и многими медалями.

ПИЛАТОВКА В ОККУПАЦИИ

Войнова Клавдия Павловна, *78 лет,*
пенсионерка, преподаватель кафедры начертательной геометрии и инженерной графики
Тульского государственного университета (1968–1996),
г. Тула

Война пришла в мою деревню Пилатовка, что на 10 км южнее города Орла, в начале октября 1941 года. Мне было 5 лет. Рев моторов разорвал тишину. Въехали СС-овцы, все в черном, на мотоциклах. Сразу по деревне разнеслось хрюканье свиней, кудахтанье кур — началось мародерство. Чувство ужаса охватило деревню, все затихло.

Моя семья: отец Бухвостов Павел Сергеевич, мать Бухвостова Ксения Яковлевна, сестра Мария и брат Александр — собирали последний урожай с огорода. Я помню, как отец сказал, чтобы мы не обращали внимания на немцев, а занимались своим делом.

А еще он говорил, что немцы не продержатся долго на нашей земле. Но нам пришлось почти два года прожить в оккупации. Орел освободили только 5 августа 1943 года.

Большую комнату в нашем доме немцы разгородили досчатой стенкой. Нам оставили закуток с русской печкой. Зима 42-ого года была очень суровой. Немцы отнимали у жителей валенки, шали. Ходили укатанные в женские вещи, в них они были не похожи на солдат. На ногах у них была плетеная обувь поверх сапог. В неотапливаемой комнате, ее мы называли горницей, немцы разместили своих лошадей.

Немцы часто выгоняли жителей чистить дорогу от заносов. Если кто позволял ослушаться, то его били резиновыми дубинками. Моей маме тоже досталось от немца, которого прозвали Иисусом, т.к. он бил дубинкой по спине крест на крест. Моего брата Александра, в его неполные 16 лет, угнали в плен, в Германию. Вернулся он только через 8 лет. Ему с товарищем удалось бежать из лагеря, они долго блуждали в лесу и вышли случайно на Американскую зону. В американском госпитале их подлечили, накормили и передали Советской армии, где брат служил еще несколько лет.

У моего отца был непризывной возраст, потому на войну его не взяли. Он не стал жить с немцами в одном доме и ушел к родственникам в Орел. К нам он приходил очень редко по ночам и прятался в копне сена. Внутри копны была пустота, позже немцы стали протыкать копну штыками. Отец временно перестал приходить к нам. В деревне находился немецкий склад оружия, который наши партизаны однажды взорвали. Свист снарядов и пожары не прекращались несколько дней. Начались обыски и облавы. Накануне отец приходил к нам. Сама я его не видела, а мать сказала, что в этот раз отец закопал под грушей пистолет и патроны. Мы до сих пор не знаем откуда они у него были. После ухода немцев, мы перекопали всю землю вокруг груши, но ничего не нашли. Скорее всего, отец наведывался еще раз — это был последний приход отца. В дом, где он проживал в Орле, попала бомба — отец погиб. В это время матери дома не было, она уходила в глухие деревни, чтобы выменять на что-то продукты (иногда она отсутствовала по две недели). Моя сестра Мария, ей было около 17 лет, одна поехала на лошади в Орел и привезла мертвого отца (лошадь она попросила у немцев — не отказали). Похоронили.

Деревня страдала от постоянных бомбежек и пожаров, т.к. находилась вблизи немецкого аэродрома (примерно 1 км.) Железная дорога

находилась еще ближе (примерно 500 м). Бомбили русские летчики. На ногах постоянно что-то горело от зажигательных бомб. Жили в основном в землянке, которую сами и вырыли. Постоянно хотелось есть и согреться. В доме из-за постоянных бомбежек, не было стекол. Окна были закрыты каким-то трепьем. В доме не было не одной деревянной вещи. Все сжигали для того, чтобы согреться. На земляном полу лежал снег.

Немцы сильно боялись наших самолетов. Помню, как они разбегались по траншеям при первых звуках самолетов. Иногда немцы отмечали свои религиозные праздники. Тогда они обивали стены в своей комнате белыми простынями и зажигали много свечей. Молились на коленях. Напивались часто шнапса и позволяли себе все. Нашу соседку, тетю Полю, запрягали в сани и заставляли их везти. Если не двигалась с места, то били. После поджога немецкого склада, немцы подвесили высоко на дереве незнакомого мужчину. И долго не снимали. Сгоняли всех жителей деревни, чтобы все видели, как они расправляются с партизанами. Между домами они устроили склад убитых замерзших немцев. Эти штабеля немецких тел пополнялись быстро. Видимо привозили с фронта.

Однажды немцы сбили над аэродромом русский самолет. Летчики (двое молодых ребят) попросились спрятаться ночью у местного жителя. А тот их выдал, так как служил немцам. Летчики вели себя очень храбро; когда их везли на лошади в Орловское гестапо, отличавшееся особой жестокостью, все взрослые и дети выбегали, чтобы их проводить.

Осталось также в памяти, как гнали наших пленных через деревню. Они были в рваной одежде, плохо обуты. Морозы тогда были трескучие. А как они были голодны! Но мы, дети, ухитрялись бросить им что-нибудь поесть. Это была, в основном, мерзлая картошка. Они так бросались за едой, что их не останавливали ни овчарки, ни приклады. Детей немцы разгоняли овчарками, а взрослых могли сразу расстрелять.

Помню, как некоторые жители, чтобы отдохнуть от принудительной работы по очистке дорог, хитрили — вывешивали на своих дверях объявления «В доме заразная болезнь». Немцы очень этого боялись и обходили дом стороной.

Когда приходила весна, то люди ходили выкапывать замерзшую картошку из земли. Я тоже приносила эту добычу домой. Мать готовила эту картошку на сухой сковороде, так как жира не было. Мы это невкусную еду прозвали «тошнотиками». Ели лошадиный щавель, просто отваренный в воде. Иногда, когда немцев не было дома, мать собирала из-под лошадей овес, промывала его и варила в воде. Это тоже была невкусная, да еще и вонючая, еда. Однажды мне так захо-

телось есть, что я украла кусок черного хлеба со стола (немцев дома не было, но вечером они выговорили матери). Мать строго сказала, чтобы моей ноги там больше не было.

Среди немцев были и такие, которые сочувствовали нам. Когда я заболела корью с осложнением на глаза (полгода я не видела света совсем), то двое немцев подкармливали меня молочными макаронами из своего котелка. Они говорили, что у них в Германии тоже есть дети, и они очень по ним скучают. Звали немцев Вольт и Мутций.

От постоянных бомбежек и голодной жизни жители уходили подальше, в глухие отдаленные деревни. Моя мать, сестра и я однажды ушли тоже. Но по пути я окоченела в своих санках, поскольку был сильный мороз. Мама рассказывала, что у меня наступила смерть и что она собиралась уже похоронить меня в ближайшей деревне.

Зашли в первый попавшийся дом, там было полно народу. Все сидели и лежали на полу. Дедушка, хозяин дома, раздел меня и положил в снег. Долго растирал мое тело снегом и вернул мне жизнь. Я хорошо запомнила этого худенького старичка с длинной седой бородой.

Вскоре тяжело заболела и сама мама. У нее отказали ноги. Она их обморозила. Кто-то из жителей прикрепил 4 колеса к доске, на ней мама и передвигалась. После этого все легло на плечи моей сестры, ей не было и 17, а мне 6. Помогала нам жить моя тетя Даша. Хотя она так же одна несла все тяготы жизни со своей маленькой дочкой Ниной.

Запомнила я на всю жизнь лето 1943 года. Немцы отступали панически. При этом они минировали все свои вещи (игрушки, авторучки), блиндажи. От чего гибли или оставались инвалидами дети. Мои родственники, всей семьей, нашли свою смерть в заминированном немецком блиндаже.

Пришли к нам русские солдаты в мокрых от пота гимнастерках. Стояла июльская жара. Мы их поили холодной водой из колодца. Солдаты брали нас, детей, на руки и целовали. И, не задерживаясь, гнали немцев дальше. Громкое «УРА!» и крепкие русские слова были слышны повсюду. Орел освободили 5 августа 1943 года.

Жители бежали по Орлу навстречу русским солдатам. Один немец сидел на высокой колокольне и бросал гранаты в толпу. Много людей погибло и покалечило. Моей родственнице, ей было 15 лет, осколками раздробило бедро. Спустя много лет, когда я уже работала в Туле, на кафедре начертательной геометрии и инженерной графики, я узнала человека, который в 1941–1943 годах участвовал в боях на Орловско-Курском направлении, бомбил те места, где мы жили. Это был бывший летчик Тошкинов Николай Георгиевич. Сейчас его уже нет с нами.

ТРУДНОЕ ДЕТСТВО

Береснева Ксения Сергеевна, *18 лет,*
студентка 1 курса Смоленского филиала
ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»
научный руководитель — Ананьева Оксана Алексеевна,
к.и.н., ст. преподаватель,
г. Смоленск

Двадцать второго июня 1941 началась Великая Отечественная война. Мою семью она не обошла стороной.

В данном эссе я расскажу о детстве моей бабушки. Она не воевала — была совсем маленьким ребенком. Но, на мой взгляд, просто выжить в то страшное время, остаться при этом доброй и человечной, — это тоже подвиг. Подвиг, который совершил весь наш советский народ.

Моя бабушка родилась в 1938 году. Войну она помнит из рассказов старшей сестры. Её отец, Клюев Григорий Малахович, ушел на фронт и оставил свою жену с четырьмя маленькими детьми в родной деревне Силиба Духовщинского района Смоленской области. В июле 1941 года мой прадед и еще один житель деревни сражались за Соловьеву переправу, после того как наши войска попали в окружение, односельчанин Григория Малаховича предложил моему прадеду дезертировать с фронта, но прадедушка не согласился и остался со своими однополчанами пробираться из окружения. А сосед все-таки дезертировал. И когда немцы пришли в деревню, где жила моя бабушка, то этот сосед стал старостой, он люто возненавидел семью моего прадеда, и поэтому моей прабабушке, еще не успевшей оправиться от родов четвертого ребенка, с малыми детьми пришлось скрываться в лесу. Новорожденный братик бабушки, не вынес тяжелых условий и умер. После того как немцы отступили, бабушкина семья из леса вернулась обратно, но их дома уже не было. Немцы сожгли всю деревню. Осталось всего две хаты. Люди, чьи дома сожжены, разместились в этих хатах. Затем снова немцы оккупировали деревню, бабушкину и ещё несколько семей погнали в сторону Смоленска. На станции Гусино посадили в товарный вагон и очень долго везли. По дороге моя прабабушка, Клюева Алена, умерла. Их осталось трое маленьких детей без родителей, без крова над головой, без еды. Остановили товарняк на Украине в Черниговской области. Разместили семьи в колхозной конторе. Спали все на полу, на соломе. Бабушка вместе со старшей сестрой и братом ходили просить, кто, чем накормит и кто что подаст. Люди были разные. Хорошие накормят и дадут ещё с собой еды. А плохие натравливали собак, у бабушки ещё до сих пор видны следы укусов. В конце войны мою бабушку и ее брата определили в детский

дом, а сестру приютили добрые люди. В 1947 году мой прадед вернулся с войны, так как после Великой Отечественной войны он еще попал на войну с Японией, и разыскал своих детей. Все вместе они вернулись на родину и построили новый дом.

В 1983 году, уже после смерти моего прадеда, его нашел орден, который вручили сестре моей бабушки.

Бабушка не любит вспоминать, то лютое время. Она когда рассказывает, то плачет, потому что очень много горя принесли фашисты в нашу семью.

Большинство людей были добрые и дружные, помогали друг другу, поэтому они выстояли в Великой Отечественной войне и победили. Я горжусь подвигами своих предков.

МЫ — ДЕТИ СУРОВОЙ ЭПОХИ МОГУЧЕЙ СТРАНЫ

Болдин Виктор Антонович, *74 года,*
ветеран труда, пенсионер, радиоинженер,
г. Тула

Какое чудо, что вдруг однажды Вам захочется искренне и честно рассказать людям о себе, поделиться о чем не говорил даже с близкими. У меня такое состояние появилось после прочтения статьи Алены Сивковой «К 70-летию Победы детям войны напишут закон», помещенной в газете «Известия» № 174 за среду 17 сентября 2014 года и бесед с людьми, проявившими интерес к затронутой теме, а также проявленной настойчивости в этом уважаемой Людмилы Ивановны Ростовцевой. Итак, дорогой читатель, я решился поделиться с Вами следующим.

Родился я 13 марта 1940 года на Дальнем Востоке в городе Куйбышевка-Восточная Амурской области, Хабаровского края. Родители мои — отец Антон Егорович и мать Мария Васильевна Болдины — появились в этих краях в августе 1938 года. Отца направили для прохождения службы в должности командира взвода в войсковую часть 4138 (212-ая Воздушно-десантная бригада), которая размещалась в Куйбышевке-Восточной, недалеко от границы с Монгольской Народной Республикой (МНР).

Семью по прибытии в г. Куйбышевка-Восточная разместили в частном секторе в полуразрушенном доме у одинокой женщины, единственным богатством, которой была дойная коза, уход за которой лег на плечи мамы на довольно продолжительное время, т.е. до момента

отбытия нас с Дальнего Востока в 1942 году. А пока мама готовилась к родам дочери Светы. Жить Светлане было дано очень мало из-за плохой бытовой обустроенности, а также отсутствия должного медицинского обслуживания детей, кроме того, назревали боевые действия в соседней Монгольской Народной Республике в районе реки Халхин-Гол, куда в составе 212-ой Воздушно-десантной бригады 28 июля 1939 года отбыл отец.

В период с 28 июля по 16 сентября 1939 года отец в должности командира взвода участвовал в боях при разгроме японских интервентов на реке Халхин-Гол. Все жены военнослужащих в Куйбышевке-Восточной остались с детьми (у мамы была на руках дочь Светлана и я, уже запроектированный тремя месяцами ранее) и престарелыми людьми, у которых квартировались. Все хозяйственные дела по дому и в расположении войсковой части легли на плечи молодых женщин. Приходилось много трудиться, несмотря на беременность, болезни, плохое питание. Это было, со слов мамы, очень тяжелое и трагическое время, так как в войсковую часть стали приходить похоронки. Погибших хоронили на местах боевых действий. Каждый прилет самолета с почтой от военнослужащих, участвующих в боевых действиях, встречали обезумевшие женщины, все страшно боялись похоронок. В этой суровой обстановке спасали крепкая человеческая взаимопомощь, дружба, сплоченность. Женщины держались вместе, помогали друг другу, выживали, молились.

Закончились боевые действия на реке Халхин-Гол, бригада вернулась в Куйбышевку-Восточную. Наступило время упорной повседневной боевой подготовки личного состава бригады, учебы, освоения новой техники, вооружения, парашютов (на Халхин-Голе бригада воевала в пехотном варианте, парашютов не было), должных средств доставки десанта также не было. Время надвигалось чрезвычайно опасное. В феврале 1941 года отца назначают инструктором парашютной подготовки батальона 212-ой бригады, а это значит, что отец стал отвечать за то, чтобы каждый военнослужащий батальона освоил десантную технику и науку.

Дни и ночи уходили в работу с личным составом. Для семьи не хватало времени, жены это понимали, ведь война с фашистской Германией на пороге.

И вот она пришла в наш дом. В июле 1941 года 212-ая бригада покидает Дальний Восток и входит в состав Юго-Западного фронта. Оставшиеся в Куйбышевке-Восточной, в том числе моя мать и я, сразу осиротели. Все повторяется, как в дни боевых действий на Халхин-Голе, но уже на более неопределенный период времени, намного суровей: война забирает все и у взрослых и у детей. Исчезает все необходимое для жизни, люди начинают истощаться, болеть, входить в депрессию,

терять веру в свои силы, умирать с голода. Умирает моя старшая сестра Светлана, мать в критическом состоянии, осталась жива только, видимо, из-за меня: надо было сохранить меня в живых любой ценой.

С июля по октябрь 1941 года отец назначается командиром роты 212-ой бригады, участвует в боевых действиях под городом Киевом. Ну какие в это время могут приходить письма с фронта на Дальний Восток? Остается уповать на Бога, что и делали жены военнослужащих Куйбышевки-Восточной.

29 августа 1941 года в СССР утверждается должность Командующего Воздушно-десантными войсками Красной Армии. Первым командующим ВДВ назначается генерал-майор Глазунов Василий Афанасьевич (01.01.1896–26.06.1967). Приказом от 9 октября 1941 года назначается старшим адъютантом первого Командующего ВДВ КА. Адъютант обязан постоянно находиться при Командующем, помогать ему в повседневной работе, но главнейшая задача адъютанта — не допустить гибель Командующего в любой ситуации, закрывать его своим телом, рискуя своей жизнью. Такое во время войны происходило не один раз. При возвращении нас с мамой и семьи Глазуновых из Куйбышевки-Восточной в полете наш самолет был обстрелян, а мать, увидев как два адъютанта закрывали собой Командующего, упала в обморок. В результате налета фашистского самолета погиб второй адъютант, все остальные, в том числе и я, спящий в оцинкованном корыте и укутанный в пуховую перину (приданое бабушки, у которой воспитывалась мама), остались живы и невредимы. Видимо молитвы жен дошли до Всевышнего! Дружба наших семей зародившаяся еще в Куйбышевке-Восточной когда мама помогала им топить печь, носила дрова и воду для купания девочек, ходила за продуктами, они часто оставались сидеть со мной, когда мама уходила на работу, чистить зимой снег на взлетной полосе полевого аэродрома или когда она уходила по другим делам — за дровами, в баню, в магазин за продуктами, продолжилась и в Москве. Глазунов В.А. очень любил свою семью и старался скорее переправить семью в Москву. Мы стали жить на одной лестничной площадке в четырехэтажном доме. Девочки Глазуновы часто брали меня к себе поиграть, читали книжки, делали подарки, чем-нибудь угощали, были прекрасными друзьями и добрыми нянями. Мама устроилась на работу в авиационный институт, со мной приезжала сидеть мамина тетя Нюша (так ее звали все родственники).

В июне 1943 года по состоянию здоровья (пропадная язва желудка, еле успели сделать операции, увозили с работы в госпиталь) Глазунова В.А. освободили от должности Командующего ВДВ КА, но в армии он служил до 1954 года. Ушел в отставку по болезни в звании генерал-лейтенанта. На родине установлен бронзовый памятник.

Отец воевал на фронтах — Юго-Западном, 3-м Украинском, участвовал в освобождении Австрии, Болгарии, Венгрии, Югославии.

В Югославии десантировался в составе бригады из 700 десантников для оказания помощи национально-освободительной армии Югославии во главе с И.Б. Тито. Немецкая разведка, узнав о готовящейся операции, оборудовала ложные площадки приземления (большие костры, размещенные в форме буквы «Т»). Десантирование бригады было осуществлено ночью на ложные площадки, и бригада была встречена с земли пулеметным и автоматным огнем; живыми остались около 70-ти десантников.

Спасла ночь, гористая местность, лес. Десантники собирались в небольшие группы и пробивались на соединение с Югославской национально-освободительной армией. Группе, в которой находился отец, удалось с небольшими потерями соединиться с югославскими друзьями и разделить с ними радость встречи и Победу над фашистской Германией.

Домой окончательно с войны отец вернулся 12 ноября 1945 года и был зачислен слушателем курсов усовершенствования офицерского состава ВДВ КА в Нахабино Московского военного округа. Радость была великая: в нашей семье уже появился мой братик Сережа, мама работала, я ходил в детский сад, с Сережей половину дня сидела тетя Нюша. Хорошо помню, какие подарки отец привез в дом с войны: трехрядная губная гармошка мне, материал на платье маме, высоченную сантиметров 30 квадратную 10 х 10 см в основании американскую банку (металлическую) консервированной свиной тушенки — чудо по вкусу. Мы долго растягивали тушенку, но все-таки, как нам казалось, она быстро кончалась. Это было счастливое время проживания в г. Москве, но оно прекратилось 11.07.1946 года назначением отца в должности начальника парашютно-десантной службы полка для прохождения дальнейшей службы в 322 Гвардейском парашютно-десантном полку 103-й Гвардейской воздушно-десантной дивизии. Наша семья отбыла на жительство в Барауху–3. Это населенный пункт, размещенный в болотистых сосново-еловых лесах Белорусии в 7-ми километрах западнее от города Полоцка. Кончилось военное детство, началось послевоенное, насыщенное не менее опасными событиями, трагическими случаями, волнениями, переживаниями, о котором надо писать отдельно. Семья по долгу службы отца затем меняла место жительства сильно разрушенном в Витебске (тоже Белоруссия), Щербакове на реке Волге и, наконец, в Туле.

В Тулу семья прибыла 8 октября 1952 года. Началось время осознанной юности, учебы в школе, первой любви, учебы в институте, работы по специальности после распределения, образования молодой семьи, воспитания детей, ощущения трудностей и счастья бытия, о чем можно тоже много писать и вспоминать.

Но наступает время для законного отдыха — пенсия. И это тоже замечательное время, я вам скажу, если к нему бережно относиться.

ДЕТИ ВОЙНЫ — ПОСЛЕДНИЕ СВИДЕТЕЛИ

Афонин Виктор Петрович, *75 лет,*
член общественной организации «Дети Второй мировой войны из бывшего Советского Союза» ,
г. Нью-Йорк,
США

Миллионы советских детей, родившихся перед войной, прошли через невероятные жизненные испытания. Горькое сиротство, разрушенные дома, вражеские лагеря, угон в германское рабство, бесправное голодное существование на оккупированных территориях — вот что стало их уделом. Они по праву говорят о себе: «Мы родом не из детства — из ВОЙНЫ».

У детей войны разные судьбы, но всех их объединяет общая трагедия, невосполнимая потеря мира детства. Война стала их общей биографией. Не в срок повзрослевшие, не по годам мудрые и невероятно стойкие маленькие герои противостояли войне.

Дети войны по возрасту не могли принимать участие в боевых действиях против фашистских захватчиков (хотя были и такие), но они хорошо знают, что такое война. Подростки 11–13 лет в прифронтовой полосе принимали участие в строительстве оборонительных сооружений и противовоздушной обороне, а в тылу, наравне со взрослыми, работали на заводах, убирали урожай, пасли скот, помогали в госпиталях. Голодные ребята учились в школе, не имея ни учебников, ни тетрадей. Они внесли посильный вклад в дело Победы, заменив своих отцов и старших братьев, ушедших на фронт.

Нелегкой оказалась судьба и самых маленьких. Они пережили эвакуацию, бомбежки, голод, холод и другие лишения. Ужасна судьба еврейских детей, оставшихся на оккупированной территории. В гетто и лагерях смерти выжили единицы. Многие лишились родителей.

Труд и быт детей в годы войны незаслуженно уходят в забвение. События тех лет не исследованы и не обобщены учеными-историками. О детях войны мало пишут в средствах массовой информации, о них не снимают кинофильмы. Люди XXI века не могут поверить в то, что пережили дети войны.

…Когда в нашу деревню Бойтичи (Жирятинский район Брянской области) вошли немцы (2 октября 1941 года), мне был уже шестой год. Долгих два года шло наше ускоренное взросление в условиях оккупации, когда мы были полностью отрезаны от мира и информации о том, что творится на белом свете: где наши, где немцы? Почта с Большой земли к нам не доходила, что такое радио и электричество мы тогда не знали. Наши отцы и старшие братья ушли на фронт, и ни

одна семья не знала, где они, что с ними, увидимся ли когда-нибудь вообще…

Последнее оказалось роковой реальностью: из более чем 80 мужчин и молодых парней в село вернулись девять. Большая часть пропала без вести. Но даже в Книге Памяти Брянской области поименованы лишь чуть больше половины из них. А ведь Книга эта вышла в свет уже в 1994 году, через 50 лет после освобождения села!

Некоторым моим односельчанам, как тогда казалось, повезло: около десятка наших мужиков поздней осенью 1941 года после тотальных окружений и пленения, без компасов и географических карт, с Новгородчины, из-под Пскова, со Смоленщины, неведомыми тропками, через леса и болота, сумели пробраться в окрестные кустистые лощины и оттуда глубокой ночью через задние дворы и огороды — в свои дома и хатёнки. Но уже в мае 1942 года почти все они попали под зачистку карательным отрядом нашего села и окрестных деревень и были расстреляны в урочище «Выбойня» (Бойтичи) в числе 18 других жертв из соседних селений. Все это происходило на глазах их жен, родителей, соседей и нас, детей, наблюдавших за этой расправой с пригорка на расстоянии нескольких сотен метров. Ещё и сегодня на Брянщине живут дети наших бойтичан из этого списка погибших, которые исправно приезжают на наше кладбище и ухаживают за могилами не только своих отцов, но и их товарищей, погибших в тот трагический день в Бойтичах. Это наши дети войны.

Я помню, как мы прятались от вражеской бомбёжки в погребе, как под самолётным обстрелом перебегали в другой погреб, замирая от ужаса и прощаясь с жизнью. На нашу долю пришлись и другие эпизоды военного лихолетья, когда гибли наши сверстники или ребята постарше в связи с «неосторожным обращением с оружием», которого было повсюду больше, чем грибов на полянке. Я помню также, как нас, жителей Большого хутора, перед самым освобождением в сентябре 1943 года в спешке собрали всех вместе, подожгли 14 хат, а нас под дулами автоматов повели к конопляному полю на расстрел… Только случай спас тогда нас от судьбы наших отцов в урочище «Выбойня». То был последний день оккупации наших Бойтич…

Разными путями и в разное время в послевоенные годы мы, дети войны, не знавшие ни отцовской ласки, ни строгой отцовской руки с ремешком, оказались рассыпанными по всем регионам тогдашнего Советского Союза. В 1954 году я окончил брянскую школу №14 (ныне №5). «Золотой ключик» (медаль) помог мне открыть двери Ленинградского Электротехнического института им. В.И. Ульянова (Ленина).

В 1970-х-нач. 80-х годов мне часто приходилось приезжать в Брянск из Киева, где я работал в СКБ завода «Генератор» в должности начальника лаборатории. В то время в Бойтичах жил ещё мой дядька,

и мы всей семьей несколько раз наведывались к нему погостить. Узнавал, что в разное время и в разные годы приезжают и другие наши ребята из той же когорты детей войны. Но друг друга мы не видим и не знаем. И тогда у меня рождается мысль: а почему бы не приехать всем в один и тот же день?! И я принялся за разработку этой темы.

Оставим за кадром организационную сторону встречи. Напомню только, что она пришлась ещё на то время, когда без ведома соответствующих органов не разрешалось собираться больше, чем «на троих». А тут ещё эти самые органы перехватили в почтовой переписке пригласительные билеты с подписью «Оргкомитет». Как бы чего не вышло! И мне пришлось объясняться в 1-м отделе моего родного завода и чуть позже в Брянском райкоме КПСС. И тем не менее…

17 сентября 1983 года, в день 40-летия освобождения Брянщины от фашистов, в уже умиравшую, безвестную деревушку Бойтичи Жирятинского района Брянской области съехались дети войны, покинувшие свою малую Родину в годы послевоенной разрухи. И приехали они не только из ближайших мест Брянщины, но и из Караганды, с Урала, Украины, Краснодарского края…

Опять же опустим эмоции уже солидных дядей и тетей (детей войны), многим из которых тогда уже перевалило за 50, и у них уже были свои дети и внуки. Программа встречи предусматривала много мероприятий, в том числе и посещение печально известного урочища «Выбойня».

Эта первая встреча детей войны так растрогала наши души и в то же время так воодушевила нас, что с большим энтузиазмом было принято решение сделать эти встречи регулярными.

И через полтора года, на 40-летие Победы, 9 мая 1985 года в Бойтичах состоялась встреча уже всех поколений земляков. Население деревни в одночасье увеличилось в несколько раз. Более сотни человек едва поместились за гигантским импровизированным столом на Горке Торжеств на месте бывшей церкви, закрытой в 1935 году. Были речи, были песни под гармошку со слезами на глазах, были удивительные встречи…

За этим столом сидели рядом едва узнавшие друг друга, разменявшие уже тогда восьмой десяток Столяров В.Н. (Днепропетровск) и Толкачев В.Д. (Смоленск), расставшиеся еще в 1939 году в Жирятинском военкомате. Но, конечно же, превалировало на этой встрече наше поколение, поколение детей войны. И именно тогда в своем выступлении я впервые озвучил мысль о том, что деревне нашей осталось жить 10-15 лет, а потому необходимо уже сейчас подумать о том, чтобы записать воспоминания о ней её жителей, которые стали бы основой для книги об истории села.

А потом наступили перестроечные времена, за ними «лихие девяностые», когда было не до встреч и воспоминаний, нужно было про-

сто выживать. В 1988 году во время очередной поездки в Бойтичи я узнаю, что в нашей церкви в середине XIX века служил священником дед талантливейшего русского писателя М.А. Булгакова Иван Аврамьевич, и в Бойтичах у него родился сын Афанасий, который впоследствии станет виднейшим деятелем православия, профессором Киевской Духовной Академии. И я понял тогда, что Бойтичами надо заняться всерьез и надолго.

Так оно и сталось. И хотя следов Михаила Афанасьевича в Бойтичах обнаружено не было, я понял другое: о нем и о Булгаковых в целом написано и будет ещё написано множество книг и монографий. А вот о нашем селе и его безвестных жителях писать надо. Но только через 20 лет и уже в другой стране представилась мне возможность осуществить эту задумку.

И 23 августа 2008 года в Жирятинском Доме культуры состоялась презентация двухтомника «От Бойтич до самого Нью-Йорка», на которую пришли и приехали из самых отдаленных мест мои бойтичские земляки и их потомки, и среди них немало тех, кто был участником первых встреч детей войны и всех поколений в 1980-х годах.

Прошло еще 4 года. И я вновь пригласил моих земляков и всех читателей книги в Жирятино на презентацию теперь уже 3-го тома нашей «Бойтичской Энциклопедии», которая прошла 8 сентября 2012 года в том же Доме Культуры. Как и в 2008 году, на второй день праздника прошла очередная встреча детей войны и их потомков в Бойтичах на той же Горке Торжеств, где осенью 2011 года на средства В.В. Глушенкова и стараниями его и его двоюродных братьев и сестёр построена часовенка в память о церкви, опустевшем селе и его жителях.

Остаётся добавить, что в Нью-Йорке, где я живу уже долгие годы, 22 ноября 2010 года была создана общественная некоммерческая Ассоциация «Дети Второй мировой войны из бывшего Советского Союза» («CHILDREN OF WORLD WAR II FROM THE FORMER SOVIET UNION»). Президентом стал ветеран войны, доктор наук Зиновий Гинзбург, председателем правления — профессор Анатолий Тарнопольский (к сожалению, недавно ушедший из жизни).

Организация объединяет людей, детство которых опалено Великой Отечественной войной 1941–1945 гг. Согласно Уставу, членом организации «Дети войны» может быть любой человек, родившийся на территории бывшего Советского Союза, которому во время окончания Второй мировой войны (2 сентября 1945 г.) было не более 17 лет.

Опаленные войной дети, уже ставшие бабушками и дедушками, прошли тяжелую жизненную школу. Эти люди осознают общие интересы в защите законных прав детей войны, в исследовании исторического вклада подростков в дело Победы над фашистскими захватчиками, в сохранении исторической памяти о войне глазами детей,

воевавших в Красной Армии и партизанских отрядах, переживших Холокост, ужас эвакуации, бомбежки и другие лишения.

Наше поколение пережило эти страшные годы, и теперь мы обязаны передать нашу память будущим поколениям. Организация «Дети войны» учредила свой журнал с одноимённым названием, в русскоязычной американской газете «Вечерний Нью-Йорк» у нас есть своя страничка. Недавно в издательстве «Либерти» вышла в свет книга воспоминаний детей войны «Оборванное детство» (автор-составитель Михаил Злобин). Организуются различные тематические вечера, конференции, круглые столы, встречи с молодёжью. Таким образом, наша организация осуществляет связь между ветеранами, участниками Великой Отечественной войны и молодыми людьми, сохраняет преемственность поколений.

«ТОЛЬКО БЫ НЕ БЫЛО ВОЙНЫ...»

Волынкина Татьяна Станиславовна, *17 лет,*
учащаяся 11 класса МОУСШ № 8;
руководитель — Рогова Ирина Витальевна,
г. Богородицк Тульской области

Самыми яркими и правдивыми в моей памяти на всю жизнь останутся рассказы моего дедушки о войне и его военном детстве, о фашистах. К сожалению, сейчас его нет в живых, на эти истории я запомню навсегда.

Мой дедушка Бугрин Алексей Андреевич родился 17 марта 1928 года в селе Михайловское Куркинского района Тульской области. Когда пришло известие о войне, моему дедушке исполнилось 13 лет. «Пришло время, — рассказывал дедушка, — когда учиться стало сложно, а выходить на улицу стало страшно. Кушать было нечего». Жил он с отцом, матерью, двумя братьями и сестрой. Отца дедушки Бугрина Андрея Александровича сразу же отправили на фронт. Самое ужасное было, когда приходили похоронки с фронта. Вот и семью Бугриных не обошло стороной это несчастье. Отец погиб, сражаясь за народ, за свою страну. Каждый раз, видя почтальона, люди с комом в горле боялись, что и к ним придет эта страшная бумага.

Все заботы и испытания легли на хрупкую и беззащитную маму Бугрину Акулину Афанасьевну. Днем, мать ходила на полевые работы, а к вечеру на ней были хозяйские дела. В то время дети всеми силами старались помогать своей маме: кто-то доил корову, ходил за водой и чистил двор от завалов, кто-то присматривал за самой маленькой в их семье сестренкой Танечкой, а дедушка, как самый старший, де-

лал все мужские дела. На его долю приходилось рубить дрова и топить печь. Жили впроголодь. Спасала скотина, которую держала семья.

Зимой, когда становилось совсем холодно и не было еды, мама подрабатывала швеей. Она могла из старой вещи сделать более-менее новую, аккуратную. Но и это не могла спасти от неминуемой голодной смерти, когда в деревню вошли фашисты. Дед хорошо помнил то время, но не любил говорить об этом. Он всегда плакал, когда рассказывал о тех ужасных днях.

Брат дедушки Николай, тогда ему было 10 лет, рассказывал, что немцы были жестоки, издевались даже над самыми маленькими детьми. Заходя в натопленные дома, жителей дома выгоняли в сарай или вовсе на страшный холод. Грабили и убивали невинных людей.

Дедушка видел собственными глазами, как наполненные до отказа эшелоны детей и женщин увозили в неизвестном направлении. Тех, кто пытался сбежать, убивали.

Самое страшное случилось, когда в дом дедушки вошли немцы: «Это были два молодых солдатика, которые бормотали что-то на своем языке. Без особой грубости и ненависти они осмотрели дом и съели последний картофель. После осмотра они выгнали всех жителей дома на улицу, а сами подожгли маленький каменный дом. Неожиданно один из немцев сказал маме, чтобы она поила нас молоком от нашей коровы. «Скотину не тронем», — сказал громко и невнятно один из солдат.

Страшно было представить, что тогда чувствовала семья, глядя на свой полыхающий в огне дом. А сколько боли было у доброй, опечаленной горем женщины, потерявшей кормильца семьи, своего любимого мужа и отца своих детей.

Надо отметить, что были и человечные немцы (наверное, как и в любой нации). Через несколько дней после пожара к ним в дом пришел немецкий солдат. У него были светло-голубые глаза, добрая улыбка на губах и русые волосы. В кармане он принес детям сахар и кусочек черного, немного черствого хлеба.

С грустью в глазах и с болью в сердце мой любимый дедушка рассказывал о тех днях и месяцах, которые пришлось пережить маленьким деткам. Дедуля прожил 83 года. Каждый праздник Победы не проходил для него бесследно: он всегда посещал Курган бессмертия, возлагая цветы к Вечному огню. Дедушка был награжден медалью «Труженик тыла».

Я помню дедушкины слова: «Только бы не было войны!». На душе становится больно и грустно от того, что люди не вечны, что так труден и короток их жизненный пусть. Нужно ценить каждый момент своей жизни и помнить о тех, кого уже нет с нами. Я горжусь своим дедушкой! Хочу, чтобы мои дети знали свою родословную и гордились, что у них такие корни!

ДЕТСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ ТЕТИ

Гончарова Наталия Николаевна, *53 года,*
кандидат филологических наук, доцент
Тульского государственного университета,
г. Тула

Эти воспоминания записаны со слов моей тёти, Надежды Павловны Гончаровой, обычного человека, детство которого совпало с тяжёлыми и героическими годами Великой Отечественной войны. В них — довоенные и военные будни маленького человека, каких миллионы. В них много детски наивного, радостного и трагического, ярких картинок, пронесённых памятью через всю жизнь. Это только фрагменты частной жизни. Однако и благодаря таким, незначительным на первый взгляд, наблюдениям и воспоминаниям в нашем сознании складывается большое историческое полотно, на котором видно, как великие события творятся судьбами простых людей.

Жизнь Надежды Павловны сложилась типично для людей её поколения. После окончания школы — учёба в Тульском коммунально-строительном техникуме, работа по распределению в Латвии в качестве дорожного мастера, затем в Новомосковске, в Москве. Она говорила, что всю жизнь строила дороги, и считала это своим главным делом.

До войны

Я родилась в посёлке Дубна Тульской области 16 июля 1933 года.

Отец, Гончаров Павел Фёдорович, 1902 года рождения, работал редактором районной газеты «Сталинец». Мать, Гончарова (в девичестве Лебедева) Клавдия Григорьевна, была домохозяйкой. Был еще брат Юрий.

Жили мы в центре Дубны на улице Культуры на казённой квартире. Квартира в одноэтажном деревянном доме: комната и кухня, печка, вода в колодце, туалет общий во дворе, маленькое крылечко.

Чуть правее, напротив дома — театр. Высокие пороги, на постаменте — большие каменные белые шары. Это здание было построено именно как театр: несколько входов-выходов. Поднимаешься по порогам — большой зал, там кассы, в углу стоит большой, до потолка, настоящий медведь на задних лапах, в передних держит палку. В зрительном зале была оркестровая яма, наклонный пол, балконы и ложа.

Помню, как-то ходили в театр отец с матерью, брали меня с собой, я спала на руках у матери. Сидели все в ложе как семья партработника.

В театре бывали концерты, иногда заводской самодеятельности, иногда приезжали артисты из Тулы. Показывали все современные

фильмы: «Волга-Волга», «Весёлые ребята». Люди выходили после кино окрылённые, пели новые песни из этих фильмов.

Дубна до войны была совсем другой, культурной, люди там жили интеллектуальные, а сама жизнь была духовно богатой.

Один день из детства

Летний денёк. Солнышко. Мы с подружкой Лидкой играем, прыгаем в классики. Мать зовёт: «Иди за папой. Скажи, чтобы шёл обедать!»

Иду по полянке к редакции. Тут цветочки. Вот редакция — деревянный дом. Порожки. Кабинет отца: кожаный чёрный диван, напротив — большой письменный стол с зелёным сукном, пресс-папье, чернильница. За столом отец пишет. Перо скрипит. Говорю, что мама зовёт обедать. Надо подождать. Сижу на диване. Отец дописывает, встаёт, и мы за ручку идём домой.

За обедом отец обычно ел щи, несколько кусочков ветчинки с хлебом. Вообще ел мало.

Вечером отец заходит домой и говорит, что с Васькой Юдиным, тоже работником редакции, выпьют по кружке пива. Мать надевает мне новое платье, носочки, и папа берёт меня с собой. Идём в парк.

Огромный вечерний пруд. К нему ведёт дорожка. Справа от дорожки — небольшой буфет. На воде, на плотике — столики. Отец с товарищем покупают себе по кружке пива, а мне — кулёчек конфет, подушечек или раковых шеек. Сидят за столиком, потом берут лодку. Я – рядом с папой. Солнце садится. Плывём по широкой воде. Всплески от вёсел. Мужчины иногда нагибаются и рвут мне кувшинки. Отец с товарищем поют романсы: «Гори, гори, моя звезда...», «Мой костёр в тумане светит...», «Ночь темна. В вышине тихо светит луна...» Я засыпаю. Отец на руках приносит меня домой. Такая была жизнь...

Арест и смерть дедушки Гриши

Перед глазами дедушка Гриша. Вид у него всегда такой: длинноватые белые волосы, глаза темные, быстрые. Спокойно на меня смотрит. Сам шустрый. Видела его всего один раз, маленькая была. Его посадили в тридцать восьмом. Мне было пять лет. Один раз приехал на базар в Дубну, быстро взял вещи, которые у нас оставлял, и убежал.

Дедушка Гриша (Лебедев Григорий Иванович) был молчаливым, очень работящим, всё делал сам: построил дом, двор для скотины. Везде порядок — чистенько, под метёлочку. Перед домом посадил сад — необыкновенные крупные красные сладкие сливы и сортовые яблоки, ими в войну спасались. Никогда не сидел без дела: зимой вечерами плёл лапти, чистил, готовил сбрую для лошади.

Восемь детей. Все помогали, работали. Клаша (Клавдия Григорьевна), самая старшая, больше помогала отцу: умела управляться с ло-

шадью, ездила с отцом пахать, косить, копнили сено вместе — она на копне, а отец подаёт сено вилами, зимой ездили в лес за дровами.

Нюра (Анна Григорьевна), вторая дочь, больше была с матерью, рукодельничала, была удивительной мастерицей вязать кружева. Бывало, увидит необычный узор на оконном стекле — и скорей его вывязывать.

Благодаря постоянному труду, семья (10 человек) жила в относительном достатке. Когда началась коллективизация, одними из первых вступили в колхоз.

В 1930 году дедушку Гришу объявили кулаком (дом был покрыт железом, в саду — сливы) и арестовали, отправили в тюрьму. Потом в деревне собрали сход, написали письмо «народному заступнику» М.И. Калинину, и Григория Ивановича оправдали, отпустили. Он пришёл домой издалека, едва живой.

В 1937 году дедушку Гришу арестовали снова. Сначала недолго держали в Дубне в милиции. Там было много таких мужиков, согнали, как скот, набили в сарай. Мать (она была беременна Женькой) побежала в милицию, увидела его только издалека.

Потом дедушку Гришу отправили в тюрьму в Лихвин. Мать собрала ему передачку и поехала тайком. Увидела своего отца через зарешеченное окно. Он весь зарос бородой, стал тёмный. Спросила только: «За что?» Он понял и покачал головой — не знаю.

Вернулась мать домой в слезах. Всю ночь строчила на машинке — и плакала.

К матери в то время приходила из Курского дома интеллигентная приезжая женщина, у той тоже кто-то был арестован: то ли сын, то ли муж. Она называла его Сашкой. С матерью вдвоём они горевали, плакали.

Потом к дедушке Грише поехала бабушка Таня (Татьяна Владимировна Лебедева, его жена). У неё не взяли передачку. Она уехала не солоно хлебавши. Оказалось, что как раз в этот день и умер дедушка Гриша, а бабушке ничего не сказали. Так дедушка Гриша и сгинул в Лихвине, неизвестно, где его закопали. А бабушка потом всю жизнь плакала, глядя на сливы.

Как появился Женька

Утро конца января 1938 года. У нас в это время жила тётя Нюра, ей было 27 лет. Мне было пять с половиной. Зима. Солнце. Снег блестит. Мы вдвоём с тётей Нюрой. Она говорит: «Сейчас тебе привезут брата». Достала из сундука мне новое платье. Нарядила меня, повязала сиреневый бантик. Из кухни я ушла в комнату ждать брата у окна — там всё было хорошо видно.

Вот наконец приближается конь, запряженный в маленькие санки. Вылезает отец, берёт у матери «брата» в красном одеяле. Мать вылезает сама.

Вошли в дом. Брата положили на кровать в комнате. И мать рядом сидит, слабая. Думаем, как назвать. Мать промурлыкала: «Женя». Пришёл из школы Юрка, говорит, надо назвать Валерий, так как в это время полетел Валерий Чкалов. Откуда ни возьмись, появилась бабушка Таня. Она утвердила, что надо назвать Женя. Когда отец пришёл с работы, согласился: «Житкин — это хорошо». Так появился Женька.

Война. Первый день

Накануне войны все чувствовали, что война будет. Даже бабы поговаривали, что Гитлер на нас нападёт.

22 июня 1941 года в воскресенье погода была скорее пасмурная, серенький такой денёк. Отец с утра на велосипеде, закрепив брюки специальными прижимками, поехал в Гурьевку к егерю (леснику) насчёт лугов — получить разрешение косить луг для коровы.

Мы с Лидкой прыгали перед домом в классики. Радио не работало. Тётя Настя Подписнова, жена военкома, ещё с утра сказала, что война началась. Бабы шли с полдён и выли: уже все знали, что война. Я чувствовала непонятное возбуждение — не знала, плакать или радоваться. Пошла домой, а там мать вся из себя — волнуется: война, сейчас придут из военкомата за отцом, а его нет — сочтут дезертиром и врагом народа.

Потом отец приехал и пошёл в военкомат, ему дали повестку — призвали в армию. Правда, сено он успел покосить.

Направили его как политработника на учёбу в Тесницкие лагеря. Вместе с ним из Дубны был и Алёшин Иван Константинович. Мать собрала отцу поесть (лепёшки, пшённую кашу) и с другими женщинами, мужья которых тоже были в Тесницких лагерях, поехала в Тулу, а оттуда до места шли пешком. Когда пришли, оказалось, что мужья тех женщин ещё были там, а отца уже отправили на фронт. Записку от отца передал матери Иван Константинович Алёшин. Так и вернулась она не солоно хлебавши, уставшая, измотанная, не повидав отца. А ведь она была беременна Колькой.

В первые дни войны в театре собирали из окрестных деревень колхозников, рядовых солдат, для отправки на фронт. Они были разные, молодые парни от земли, не очень грамотные. Сначала всех собирали в зале, проводили беседу, потом строили отрядами перед театром, и так отрядами шли к железнодорожной станции вниз по дороге. По пыльной дороге и пели: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой!» Их гнали под пули, на передовую, а они пели и не знали, что их там ждёт… Я всегда провожала их до поворота, а потом смотрела им вслед… Эта картина и сейчас так и стоит перед глазами… Такая была трагедия… Такой был высокий дух…

Ясеновое. Перед приходом немцев

Осень. Отец на фронте. Мать с пузом, не знает, что делать. В кирпичном доме жили поляки, бежавшие от фашистов. Одна полька сказала матери (я слышала), что ничего не надо делать, может быть, этот ребёнок — её спаситель.

Заранее нам всем купили зимние пальто в Надеждине, потому что в Дубне уже ничего не было.

В начале ноября собрали мешки с вещами и сухарями, заперли квартиру и все: мать, Юра, я, Женя, — отправились на железнодорожную станцию ехать в Ясеновое, к бабушке Тане. Поезд шёл ночью. Темнота, грязь, шли по шпалам мимо завода. Ничего не видно. Мать только мне: «Держи Женьку!». Дошли до станции. На весь зал — одна керосиновая лампа. Народу набилось полно — и тихо. Только вошли, слышим характерный голос бабушки Даши: «Ду-ду-ду! Ду-ду-ду!». Она тоже ехала с внуками, Робкой и Юнькой, в Ясеновое. Вместе влезли в вагон и поехали.

Вот Ясеновое. Вышли из вагона. Тьма — глаз коли. Грязь. Идём: «чвик, чвик...». Недалеко от бабушки Тани жила Ленушка, она тоже ехала в поезде. Та пошла быстрее и предупредила бабушку, что к ней едет много людей. Бабушка пошла нам навстречу. Мы дошли до речки. А она полна воды — не перейти. Слышим — бабушка зовёт: «Сюда! Сюда!». Она показала нам переход, а бабушка Даша перешла речку прямо в валенках.

Народу спасаться у бабушки Тани собралось много. Ребята: Юнька, Робка, Юра, дядя Коля (ему было 15 лет) — 4 человека. Дети: Надя, Женя, Валька, Манька — 4 человека, А ещё бабушка Даша, бабушка Таня и беременная мать. Итого — 11 человек. Юра (он тогда учился в пятом классе) говорил, не страшно, если нас убьют, только бы всех сразу.

Бабушка Таня задыхалась — не знала, что делать: кого где класть спать, чем нас кормить и т.д. Она повязалась платком, надела жакетку, а поверх — длинный фартук и так проходила до конца оккупации. Никто не видел, когда она спала и что ела, только иногда пила чай.

Я всегда была около бабушки, когда происходило что-то важное. Она меня не очень любила, но не прогоняла. Никого из ребят в такие моменты больше не было. А я, самая молчаливая и насупленная, всегда оказывалась там, где совершалась история. И всё помню... Почему?

Бабушка Таня — Лебедева (Чечёткина) Татьяна Владимировна — была строгой, но справедливой, у неё всегда был порядок и дисциплина железная. Не все её любили, а некоторые даже боялись. Но она была сильна духом, многое выдержала в своей жизни и других спасала. Так было и в войну. Она взяла на себя всю тяжесть ответственности за родных в оккупации.

Был голод. Ребят бабушка Таня посылала на убранные колхозные поля выкапывать оставшуюся замёрзшую картошку, свёклу. Свёклу варили, а картошку чистили, тёрли, сливали жидкость, сушили и потом из этого крахмала пекли блины — кавардашки.

Бабушка Даша привезла мешок черных сухарей. Наверное, в том же мешке лежало и мыло, потому что сухари пахли мылом.

Мать, после того как привезла нас в Ясеновое, вернулась в Дубну, так как там у нас оставалась корова. Пришлось её зарубить и засолить. Мать еле-еле упросила райкомовского конюха дать ей лошадь, чтобы отвезти мясо в Ясеновое. Тот дал старую немощную клячу. Лошадей ведь не было: все для армии. Когда мать везла солонину, дорога была разбита (начало ноября), и лошадь завязла и сдохла. Неизвестно, как матери всё-таки удалось привезти мясо. Кажется, она пешком пришла в деревню и кто-то из соседей поехал на своей лошади и привёз мясо. А мать была на восьмом месяце.

У бабушки Тани в чулане оставался мешок ржи, бабушка хотела её смолоть и начала сушить на печке. Но перед приходом немцев мельница остановилась. Мы с Валькой сидели почти всегда в переборке на кровати около печки, брали горсти ржи с печки и ели.

Немцы

Перед приходом немцев бабушка Таня отняла у всех ребят пионерские галстуки и спрятала их — засунула между поленьями. Тогда ребята сделали себе крестики из спичек и носили на шее на нитках.

Пришли немцы. Первым появился в доме офицер с тросточкой в белых перчатках. Он, по-видимому, определял солдат на постой. Бабушка увидела его раньше, дала Юрке учебник немецкого языка, чтобы тот читал. Немец входит — Юрка сидит за столом, учебник читает. Немец тросточкой повернул обложку, сказал: «Гуд хлопец!».

Потом пришли немцы ночевать. Это были простые люди. Бабушка ставила им самовар, а они показывали ей фотографии своих детей. Помню, на одной такой фотографии малыш голенький, ручки-ножки в разные стороны. Потом они легли спать на полу на соломе. Так они ночевали несколько раз.

Приходили и другие немцы. Один в свитере бежит с широким жестяным ведром: «Матка, малько, яйки!». Бабушка всегда говорила: «Нет!» — и показывала на кучу маленьких ребят. Однажды немец нашёл в чулане махотку с молоком, разозлился и замахнулся на бабушку.

Другой раз пришёл немец с веревкой за сеном. Бабушка выхватила у него веревку, показала на ребят и направила его жестами в колхозный сарай за сеном: «Иди, вон, в коллектив!»

Бабушка Таня боялась, что немцы заберут корову и заперла её в сарай.

Вот немцы отходят. В деревне тишина. Бабушка и я с ней вышли с крыльца на улицу. Видим: немец, небольшого роста, связной солдат, который ухаживал за лошадьми, ведёт под уздцы большую лошадь с широкой спиной и не знает, куда её деть. Идёт — почти плачет, и лошадь белая тоже. Дядя Коля (ему было 15 лет) приложил руку к груди, попросил: «Пан, дай!» — и показал на лошадь. Немец отдал повод дяде Коле. Потом эту лошадь отдали в колхоз.

В это время в Дубне тоже были немцы. Там оставалась тётя Нюра, она работала в больнице санитаркой и охраняла нашу квартиру, так как её могли занять. Но жила она у Герасимовых, потому что одной тогда было очень страшно. Почти каждый день она приходила топить и проверять квартиру. Однажды пришёл немец с тросточкой. Зашёл, постучал тросточкой по радио (оно было большое, круглое, чёрное) и ушёл.

Другой раз приходил предатель, работавший на немцев, хотел сбить замок, чтобы занять квартиру, но тётя Нюра не дала. Кстати, сено, которое накосил отец перед тем, как пойти на фронт, у нас всё-таки растащили соседи. В Дубне составили списки семей коммунистов на повешение, нас тоже всех туда записали.

Приход отца из окружения. Наши

В деревне междопутье: мы не знали, ушли ли немцы, пришли ли наши. Сумерки. Слышу: стукнула калитка. Бабушка Таня пошла смотреть. Я вышла из-за перегородки и стою у книжного столика под иконами. Вдруг входят бабушка Таня и отец. Увидела отца — в глазах потемнело, слабость, обморок. Отец обросший, с большой чёрной бородой, в чёрной шапке, в незнакомом бушлате.

Отец вышел из окружения. Как шёл, никогда не рассказывал. Только промолвил однажды: «Открывали...». Голодный, в мороз, по сугробам — бездорожью, он шёл пешком из-под Великих Лук, где за месяц до этого разбили его дивизию, многих взяли в плен. Они умирали в плену по дороге. До этого отец прислал письмо: «Стоим в болотах. Едим калину...»

Перед деревней отец закопал в снегу свой партбилет, поскольку не знал, наши ли в деревне, немцы ли... Дома бабушка Таня его переодела, он как-то побрился, сел к столу. Лампа керосиновая висит. Взял Женьку на колени и долго его держал. Я крутилась около отца, мне тоже хотелось поговорить с ним, и я некстати попросила: «Пап, расскажи сказку!». Мать в это время лежала за перегородкой: вот-вот рожать.

Ночевал отец в сарае на отлёте, бабушка его хорошо одела. А утром бабушка Таня послала отца на мельницу в Любень смолоть рожь, которую сушила на печке. Он поехал на лошади, отданной немцем дяде

Коле. Мельница не работала, наших всё ещё не было. Отец ездил целый день: уехал утром и приехал только в пять часов. Ему всё-таки удалось упросить мельника запустить мельницу и смолоть этот мешок ржи. Потом из неё бабушка Таня готовила соломату: как-то поджаривала её на сковороде и чем-то заливала.

В эту ночь у матери начались роды. Перед этим бабушка Таня девок и баб отправила на печку, а ребят и отца — в сарай. А сама принимала роды. Отец ночью ходил к фельдшерице Софье Васильевне, стучал-стучал — ему не открыли, все боялись. Колька родился ночью. Он совсем не кричал.

Утром отец пришёл из сарая. Мать лежала на кровати в комнате. Бабушка Таня подает мне замотанного в беленькие тряпочки тоненького человечка с длинными чёрными волосиками и говорит: «Подержи братика!». Я подставила руки и подержала. А бабушка говорит отцу: «Ей (матери) тут холодно, давай отнесём её за переборку». И они вдвоём на дерюжке перенесли её. А я видела кровавое пятно на дерюжке.

Колька потом маленький всегда говорил: «А я с нашими пришёл!».

Бабушка Таня попросила отца сделать топорище и насадить топор. Он как раз насаживал топор, тут страшный грохот в дверь — наши пришли. Бабушка:

— Кто там?

— Открывай! Что, немцев ждёшь?

— Плохо защищал! Зачем пустил немцев сюда?!

Входят в дом, спрашивают отца:

— А ты здесь откуда?

— Из окружения.

— А теперь куда пойдёшь?

— А теперь пойду я с вами.

Отец сразу оделся и пошёл с ними. Его посадили в подвал к Барановым. Там было ещё три человека, в том числе Иван Морозов, староста. Их допрашивали.

Примерно через день мимо бабушкиного дома вели на расстрел Ивана Морозова под пистолетом, тот поднял руки вверх, его конвоировал солдат. Мы с бабушкой это видели. А она перекрестилась и сказала: «Господь оглянулся!», потому что этот Морозов сдал дедушку Гришу как кулака.

Отцу велели принести партбилет, он нашёл то место, где его закопал, и предъявил документ. Через два дня отца оправдали, его вновь отправили на фронт. Домой в тот раз он больше не приходил. Адрес был такой: «Полевая почта, 62966–Ю, Гончарову П.Ф.». Он писал: «Гоним немцев от Москвы...» Армия двигалась в сторону Кенигсберга. Мы все были рады, что отец на фронте.

Дядю Колю наши гоняли на трудовой фронт чистить дороги для военной техники. В тот год было много снегу. Подростки и бабы расчистили дороги до Гурьевки, они были ровные, накатанные, снежные откосы тоже ровные, метра два в высоту.

Возвращение в Дубну

За тульскими, за Робкой и за Юнькой, приехал дядя Андрюша. Они уехали раньше нас, в междопутье, когда в деревне не было ни наших, ни немцев. Дядя Андрюша пришёл потихоньку, говорит: «Одевайтесь. Может, доедем, на товарном или как...». И пошли на станцию.

Бабушка Даша в Тулу уехала в январе, в страшный мороз, в кабине грузовика «Урал ЗИС» с нашим солдатом. Она надела своё ватное серое пальто, серые валенки. Бабушка Таня одела её ещё старой шубой, укутала ноги. В марте бабушка Даша умерла в Туле. Её похоронили на Всехсвятском кладбище. Где — неизвестно. Был такой мороз, говорили, что не смогли откопать мерзлоту и похоронили неглубоко, почти в сугробе.

Мы же стали перебираться в Дубну в феврале. Сначала мать с Юркой и с Колькой. В Дубне жила тётя Нюра. Мать говорила: «Поеду, может, карточки хлебные дадут». Не сразу, но дали. При райкоме в Дубне создали женотдел для снабжения семей фронтовиков (офицерский состав). Руководила женотделом Воронкова из Гурьевки. Мать говорила: «Пойду к Ворончихе, может быть, что дадут». Давали то 300 грамм конфет, то валеночки Кольке дали.

Потом приехала я из Ясенового на лошади в санях с какой-то женщиной. Та ехала в Дубну по делам. Бабушка Таня завернула меня в тулуп, но я всё равно сильно замёрзла и, когда приехала домой, сразу залезла на печку греться.

В марте приехал Женька, тоже на лошади с кем-то из ясеновских. Он был разговорчив, сказал: «Хорошо ехали, дорогой!», потому что дорога была необычная, расчищенная, с высокими снежными откосами.

Военные годы в Дубне

Женьку определили в заводской детский сад. Мать с трудом выхлопотала место: отец ведь в заводе не работал, а детский сад был около парка, рядом с домом. Детский сад был спасением, потому что там кормили. Даже если ребёнок не приходил в сад по болезни, можно было брать завтрак, обед и ужин.

Мать работать не могла: грудной ребёнок и ещё трое детей. Жрать нечего, холод, снег в углах. Брали в день по пол-литра молока у Назаровых на деньги по аттестату отца. Мать каждый день ходила добывать продукты, брала какую-нибудь вещь в сундуке, обычно отцов-

скую, и шла в какую-нибудь деревню, чтобы обменять на продукты. Меняли неохотно, у самих продуктов было мало.

Мать была всегда голодная, как волчица, кормить Кольку было нечем. Колька тяжело болел, воспаление лёгких. Лекарств никаких тоже не было. Он всю ночь дышал с хрипом, а я почти не спала, прислушивалась, дышит ли. Мимо нашего дома часто носили под мышкой на погост маленькие гробики с детьми, родившимися до или сразу после начала войны.

1942 год. Март. Ходим в школу. Кругом на снегу гильзы, гильзы, гильзы... Ребята собирали их и делали поджигные. А девки и бабы, что посерьёзнее, говорили, что в Ленинграде голод и людоеды.

В 1943 году, летом, приезжал на побывку отец. Мать с Колькой была в Ясеновом. А мы с тётей Нюрой в Дубне. Отец взял в райкоме лошадь, посадил меня, и мы поехали в Ясеновое. Отец был в хорошей шинели, с погонами, капитан. Мы все были рады. Он пробыл один день, потом пошёл на Крушму, на Западный фронт. Мать проводила его до окопа.

В 1943 году Женька ходил в детский сад. В то время дети должны были работать. Женька умел читать, в 4 года его научила бабушка Таня. Женьку воспитатели сажали читать книжки всей группе. Летом 1943 года у Дубны стояли войска. Военные нарыли землянок в лесах, потолки — берёзовые накаты. Потом их разбирали на дрова.

Эти войска отправляли на Курскую дугу, на гибель. Ночью им идти на ширококолейку, на Крушму, оттуда — под Курск. Военком попросил поселковое руководство как-то поднять дух армии перед сражением. Но в посёлке не было самодеятельности в то время. Тогда призвали выступить детский сад, детей.

Вот приехала к детскому саду из Просека (так назывался лес, где стояли войска) фура с кучером за детьми в четыре часа дня. К нам домой пришла воспитательница и попросила мать отпустить Женека из младшей группы выступить в концерте. Мать сказала, что он ещё мал, но потом согласилась отпустить его с Надей, со мной. Мы поехали. Воспитательница, Мария Сергеевна Рожкова, волнуется, боится опоздать, то и дело повторяет, обращаясь к вознице: «Товарищ солдат, товарищ солдат, быстрее!»

Приехали в Просек. Концерт проходил на опушке леса, под уклончик. Дети становились на травяную кочку, пели, читали стихи. Вела концерт воспитательница. Солдаты сидели и лежали на земле. Помню, один солдат лежит, слушает и жуёт травинку, грустный такой, может, думает о своих детях...

Потом Мария Сергеевна сказала, что обратно никого, кроме детей, не повезут, так как мало места. Я побежала домой из Просека, уже было поздно, темнело. Я прибежала к дому и в это же время привезли детей к театру, и они пошли по домам.

Уже из Германии отец присылал открытки, на одной из них написал: «Кольчику моему, дорогому сынухе. Расти, мой милый, большой, догоняй нашего славного Женю!». Колька, никогда не видевший отца, довольный, повторял: «Сынуха, сынуха».

Конец войны. Победа

Бабы в Дубне были шустрые, они давно предполагали, что война скоро кончится. 8 мая 1945 года ничего по радио не объявляли. Радио молчит. Ночь проходит. Молчит. Тут что-то не то. Мать не спит. Мы не спим. И вот раннее утро. Примерно в шесть часов Женька уже оделся в пальто.

Нашими соседями были Подписновы. Сам был военком, а тётя Настя — его жена. У нас были общие сенцы, разделенные перегородкой, а окно в сени общее. И вот тётя Настя забарабанила в нашу часть окна и сказала: «Война кончилась!»

Женька как будто ждал и уже в пальто полетел объявлять соседям, что война кончилась. Так мы узнали о конце войны заранее.

Объявили о Победе только днём. Тут все возрадовались. В клубе напротив нашего дома заиграл оркестр. В центре Дубны, около райкома, радиоузла, редакции была Советская площадь, на ней установлен громкоговоритель. В этот день орал на всю катушку, были песни, пришли люди, слушали, танцевали, с гармошкой.

Возвращение отца

Отец воевал до Победы в Кенигсберге. Он был капитан, его все уважали. Готовились ехать домой. А тут скомандовали не домой, а в Японию, опять на войну. Там отец воевал ещё год.

Вернулся только следующей весной, в апреле 1946. Отец приехал на поезде. Его встречал Юрка. Наверно, по письмам знали, когда приедет. В школу мы в тот день не пошли. Отец вернулся — праздник. Так было принято.

Когда отец с Юркой пришли, дома были все свои. Отец такой усталый, ехал долго, с Дальнего Востока. Денег выдали мало, на дорогу не хватило, осталось 3 юани. В дороге не было денег на еду, ехали голодными. Приехал и лежал от слабости. Его старались кормить. Юрка в то время кроликов разводил — одного сварили в тот день.

Отец пришёл с войны — жрать нечего, ноль. Юрка — ведро, лопатка, пошёл в поле по кавардашки, невыкопанные картошки. Мать — у печки, придумывает, что сварить. Кавардашки у матери хорошие получались — белые, вкусные, потому что она их тщательно промывала. А у других кавардашки были серые, грубые, невкусные. Слава богу, бабушка Таня начала тут нам молоко присылать. Как кто едет в Дубну, она ему бутылку с молоком — нам передать.

Надо было одевать отца. Почти все его вещи в войну мать выменяла по деревням на продукты. Отец привёз из Китая брезентовые сапоги Юрке. В то время Юрка хлопотал, все дела делал. Вставал чуть свет — и пошёл: корове траву косить, дрова, огород загородить, кроликов кормить и т.д.

Потом отец пошёл работать уже не в редакцию, а на завод.

После войны

Да, в той кошмарной жизни мы все жили с песнями.

Юрка после коммунально-строительного техникума по распределению в Москве работал, учился в институте заочно и ходил в самодеятельность: пел песни и читал стихи. Дядя Коля Лебедев, когда пришел с фронта, работал на бурлыжке — в бурразведке. Жил у нас на Красноармейской.

Тут лето. Собрались дядя Коля, рядом с ним Юрка, бабушка Таня, отец, мать, я. Была у Юрки привычка петь, когда все собирались, а дядя Коля только из армии вернулся, и Юрка ему поёт:

Вернулся я на родину,
Шумят берёзы встречные...
Хоть плакать при свидании
Солдату не положено,
А я любуюсь родиной –
И не скрываю слёз...

Такая трогательная песня, и к месту. Бабушка Таня плакала, утирала слёзы. А сейчас люди как мёртвые, автоматы.

ГОДЫ ВОЕННОГО ДЕТСТВА

Лялина Галина Николаевна, *64 года,*
медсестра, пенсионерка,
член Академии Российской литературы,
лауреат и дипломант международных
и всероссийских литературных конкурсов,
г. Донской Тульской области

Война. Это слово заставляет леденеть сердца тех, кто прошёл через её огненное горнило, кто видел её воочию и испытал на себе все ужасы и лишения военных огненных лет. Великая Отечественная война 1941–1945 годов стала самой жестокой и кровопролитной для человечества. В ней приняли участие и погибли на полях сражений миллионы наших воинов, защитников Отечества. Память о них светла.

Дань памяти мы отдаём и участникам трудового фронта, которые помогали своим, воистину, героическим трудом приближать и завоёвывать победу. Патриотический дух присутствовал во всех и каждом, даже в детях и подростках, и тому немало примеров. Я же хочу рассказать об участнице трудового фронта Галине Николаевне Родиной, проживающей недалеко от меня в микрорайоне Руднев города Донского Тульской области.

Галина Николаевна — человек нелёгкой судьбы. На её долю выпало немало испытаний с самых ранних лет. Родилась она в селе Кирьяновском, на Вологодчине, в 1928 году. В их бедной семье было не семеро по лавкам, а побольше — 8 девочек и один мальчик. Галя была старшей и вся работа по дому и по хозяйству лежала на её хрупких, ещё детских плечах. В это трудно поверить, но её, 6-летнюю (!) девчушку отдали в чужой дом работать нянькой. Об учёбе думать не приходилось. Ей удалось закончить всего два класса. Вот и все её «университеты». Жизнь была её учителем, и учила сурово и строго, не давая поблажек. Горькое выпало ей детство, ещё более горьким и суровым оказалось отрочество.

Когда началась Великая Отечественная война, Гале исполнилось 13 лет. С той поры и начался её трудовой фронт. В их селе открыли производственный цех по изготовлению валенок, которые большими партиями отправляли на фронт. Цех работал круглосуточно, и девочка-подросток работала с раннего утра до позднего вечера. Была подручным у мастера, но быстро наловчилась и начала самостоятельно выполнять все операции по валке валенок. Операции заключались в том, что овечью шерсть отбивали вручную валками, затем обильно смачивали и закладывали на полку, на мокрую тряпку, после чего формовали валенок и держали определённое время в бочке с раствором борной кислоты. Потом опять отбивали, насаживали на колодку и отправляли в печь на просушку. Вот такой был производственный процесс. Галя со всем этим очень хорошо справлялась и, когда ей исполнилось 16 лет, ее назначили старшей смены. Она уже могла обучать своему мастерству. Но это не значило, что она стала просто контролировать процесс. Вовсе нет, она продолжала валять валенки, как и все в цеху. Конечно, она сильно уставала, конечно, не досыпала и не ела досыта, но не жаловалась. Своим, ещё детским умом, понимала, что идёт война, что всем тяжело и что жаловаться некому. Отец был на фронте, мать дома с голодной оравой ребятишек.

Кроме своей основной работы в цеху, Галя помогала матери по хозяйству, исполняя, казалось бы, непосильную для её лет работу: ходила в поле за плугом, сеяла лён и пшеницу, сажала горох, косила траву для коровы и овец. К этому нелёгкому труду она была приучена с 13 лет. Теперь, вспоминая годы тяжёлого военного детства, Галина Николаевна не может сдержать слёз.

— Они сами по себе льются, — говорит она и продолжает вспоминать:

— Отец писал домой с фронта, интересовался, как нам живётся без мужика в доме. Мама ему тогда отвечала горькой и суровой шуткой военных лет, что у них есть мужик — дочь Галя. А «мужику» этому не было и 14 лет.

До самого окончания войны была эта девочка и швец, и жнец, и на дуде игрец.

— С семи лет я доила корову, когда ещё в няньках была, — вновь возвращается к воспоминаниям Галина Николаевна и вытирает непрошенные слёзы.

Да ведь и было отчего плакать. Всю жизнь она работала так, как не каждый мужик бы смог. После войны, в 1947 году Галина с сестрой приехала в город Донской и устроилась работать откатчицей вагонеток на 29-ю шахту. Работа очень тяжёлая — вагонетки вручную двигать и разворачивать. После закрытия этой шахты её перевели на 40-ю, и тоже откатчицей. Вскоре Галина вышла замуж и стала работать на 30-й шахте мотористкой, а позже — машинистом электровоза (все профессии — то мужские). Позднее работала сторожем во вневедомственной охране вплоть до ухода на пенсию. И везде её отмечали как исполнительную и трудолюбивую работницу. Более полувека составляет трудовой стаж этой стойкой, много видевшей трудностей и лишений женщины. Её труд был отмечен несколькими почётными грамотами. А за самоотверженный труд в суровые военные годы Галине Николаевне Родиной вручено Удостоверение ветерана Великой Отечественной войны. Сохранились и некоторые юбилейные медали в честь Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов.

Галина Николаевна воспитала достойного сына, который много лет проработал врачом в Донской городской больнице, а сейчас находится на заслуженном отдыхе. После трагической смерти дочери, она воспитывала внучку, с которой в данный момент и проживает.

Глава 5. Герои рядом

МОЙ ДРУГ И УЧИТЕЛЬ

Чурин Василий Прокопьевич, *63 года,*
президент Международного общественного фонда
имени полководца Г.К. Жукова,
глава администрации Жуковского района
Калужской области (1991–2000 гг.),
лауреат Государственной премии имени Г.К .Жукова,
г. Жуков Калужской области

Боевой путь

Вячеслав Павлович Сёмин

Военная служба Вячеслава Павловича Семина началась в августе 1941 года и закончилась 8 мая 1945 года в городе Нойруппине. До апреля 1943 года она проходила в учебных частях Приволжского военного округа (города Бугульна, Ульяновска, Барыш).

В.П. Семин рассказывал: «Курсантом я познавал основы военной радиосвязи и работы на радиостанциях, овладел в совершенстве языком азбуки Морзе. В апреле 1943 года я был направлен в действующую армию. В составе 12-й гвардейской стрелковой дивизии связистом прошел с ее частями боевой путь до Берлина, закончив войну старшиной роты связи. Боевое крещение получил во время тяжелейших боев во время наступления на Болхов, под Орлом. Наши потери были огромные. Но это было только началом моих испытаний…Есть такой городок Любеч, где когда-то русские князья собирались на совет и решали как объединить разрозненные земли Руси. Так вот, при освобождении этого города много наших полегло. А при форсировании Днепра думал, что не останусь в живых…

Наш батальон к реке подошел одним из первых. Моросил дождь, видимость неважная, а фриц лупил без передышки. И хотя стреляли без прицела, казалось, что вот-вот настигнет шальная пуля… На

рассвете подплыли к берегу. Начали было рыть окопы, да, увы, песок не позволил. Враг почему-то с наступлением не спешил. Это дало возможность нам наспех сколотить переправу. А потом пошли вражеские танки. Кричу по связи командиру полка: «Товарищ одиннадцатый! К нам приближаются три танка и бронетранспортер!» А в ответ слышу: «Вижу в бинокль. Передай мой приказ: ни шагу назад!». Мы растерялись — у комбата пистолет, у меня и у радиста по автомату, у разведчиков других бригад — такая же ситуация. Короче — вшивота, а не смертоносное оружие... На счастье, полк наш уже подошел...»

Как воевал старшина Семин, вспоминает командир 12-й гвардейской стрелковой дивизии, Герой Советского Союза генерал-лейтенант Д.К. Мальков: «Ветеран дивизии Семин отличился во многих боях. Он в числе первых форсировал Днепр, Мухавец, Днепровско-Бугский канал; рядом с пехотинцами отражал яростные контратаки врага в Прибалтике, на границе Германии и при овладении Альтдамом, не раз бывал с разведчиками в тылу врага...»

12-я гвардейская Пинская Краснознаменная ордена Суворова стрелковая дивизия прошла с тяжелыми боями путь от Подмосковья до Эльбы, защищала Брянск, Карачев, Белев, Одоев, Тулу и освобождала Калугу, Сухиничи, Болхов, Калинковичи, Мозырь, Пинск, Кобрин, Брест, Ригу, форсировала Днепр, Припять, Одер, громили врага под Берлином.

О действиях дивизии в годы войны неоднократно писали газеты «Правда», «Известия», «Красная Звезда». В ней-то, в «Красной Звезде», за июнь 1944 года помещена фотография гвардии старшины Сёмина с участниками вылазки в тыл врага с подписью: «Начальник рации гвардии старшина Сёмин в числе первых форсировал Днепр, а затем трижды передавал по радио ценные сведения о противнике».

Более десяти фронтовых благодарностей. Одна из них гласит: «Приказом Верховного Главнокомандующего, маршала Советского Союза товарища Сталина от 28 июля 1944 года. Вам объявлена благодарность за отличные боевые действия при овладении областным центром советской Белоруссии — городом Брест...»

В.П. Семин о параде Победы: «Под Берлином стоял наш полк. Война закончилась. У меня, старшины, уже было пять боевых наград. К тому же, был я тогда и членом комитета комсомола полка и... футболистом. Может, потому-то за всё это и вошёл в тройку фронтовиков, отправленных на парад Победы.

Не знаю, наверное, судьба. Полное впечатление от парада Победы не передать. Самое главное волнение — когда пойдет руководство партии и правительства. Нас предупредили: на «мысках» не подниматься. Стояли по команде «вольно». Но впереди, как только Иосиф Виссарионович поднялся (заметно его стало на этих ступеньках мавзолея

с правой стороны) — впереди нас каски сразу вот так и сели, а мы, естественно, поднялись вперед. А дальше не помню, кто поднимался на трибуну. Но четко помню (мы пришли на парад заранее): я воочию представил лица своих друзей и одноклассников, погибших на фронтах войны. Стою на параде, их вспоминаю, а сам думаю: я не только живой, но еще и на Красной площади, на таком торжестве. И вижу Сталина, Жукова, Буденного.

Наверное, это был Троицын день. Потому что к нам, участникам парада, из Елоховского храма высыпал народ. У кого ветки березы, дуба, у кого — цветочки. Нас целуют, обнимают, плачут. И, конечно, спрашивают: «Такого-то не видели, такого-то не знали?...»

Вячеслав Павлович — солдат-победитель. Участник Парада Победы 24 июня 1945 года и последующих пяти юбилейных парадов Победы. Именно трудом таких людей, как Вячеслав Павлович, одержана победа в Великой Отечественной войне. Низкий поклон Вам, Победители!

Музей Г.К. Жукова

Сразу скажу прямо, если бы не Семин, то вряд ли было бы построено в 90-е годы новое здание Государственного музея Г.К. Жукова, которое сегодня по праву является нашей гордостью и одновременно памятью человеку, сыгравшему решающее значение в разгроме фашистской Германии.

С В.П. Сёминым я близко познакомился в 1986 году, работая заместителем председателя Жуковского райисполкома Калужской области. По прошествии стольких лет не могу вспомнить тонкости и подробности первой встречи, но отчетливо помню какой он — участник Великой Отечественной войны, земляк, а впоследствии и друг Г.К. Жукова. Он оставил в моей памяти глубокий след.

На личный прием приходило много ветеранов войны, поднимавших вопрос о необходимости строительства нового здания музея Г.К. Жукова, поскольку существующее здание хирело, в нем была повышенная влажность, поражение грибком, и все экспонаты были обречены. Но так поставить вопрос ребром о строительстве нового помещения музея, что именно в данный момент нужно решать этот вопрос, иначе будет поздно, сумел только В.П. Сёмин. Как я понимал, основной задачей было успеть увековечить память Маршала Победы, пока еще много живых участников войны, пока не рухнул государственный строй, который защищал Г.К. Жуков со многими миллионами жителей СССР.

Ради справедливости надо сказать, что ранее руководителями Жуковского района (А.П. Демичев, В.А. Игнатов) и области (Г.И. Уланов, Н.И. Алмазов) многое делалось для увековечивания памяти Г.К. Жукова: была сделана пристройка к музею, обустроен сквер в с. Жуково

с шикарной каскадной лестницей. Но особенно грандиозно — это, безусловно, создание архитектурно-скульптурной композиции непосредственно на малой родине Г.К. Жукова в д. Стрелковка рядом с его отчим домом, где установлен великолепный, из цельного гранита, более 4-х метров памятник национальному герою (автор В.Х. Думанян).

А вот до строительства нового здания музея по разным причинам руки не доходили. Конечно, после рокового для СССР года, надежды на новое здание музея Г.К. Жукова у нас, земляков, поубавилось. Но не за горами 50-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне. И внутренний голос говорил, вернее шептал: сейчас или никогда.

И вот 1 декабря 1992 года во время митинга в честь очередной годовщины со дня рождения Г.К. Жукова в с. Жуково Калужской области главой администрации Жуковского района (автором этих строк) было впервые объявлено, что к 50-летию Великой Победы будет построено новое здание Государственного музея Г.К. Жукова. В начале 1993 года был создан оргкомитет по строительству нового музея и сбору средств.

Сейчас трудно представить то время — думается, что после войны было легче, чем в те лихие девяностые. И вод 9 мая 1993 года закладывается первый фундаментный блок. В августе того же года началось строительство. Генподрядчиком выступило СМУ «Спецрадиострой», начальник — заслуженный строитель РФ Цапенко А.Н. Собралась команда единомышленников для решения одной единственной задачи — к 9 мая 1995 года построить и пустить в строй новый музей Г.К. Жукова.

Энтузиазма у членов оргкомитета хоть отбавляй, каждый имел свой участок работы и тянул его с полной отдачей. К сожалению, был единственный случай, когда пришлось одного члена оргкомитета поменять из-за непонимания важности дела, за которое он взялся.

Всего хватало, не было главного — денежных средств. Было подготовлено обращение к руководителям регионов, больших и малых предприятий и разослано более чем 800 адресатам.

В скором времени был открыт расчетный счет в отделении «Россельхозбанка» (Синицына Н.Г.), стали приходить первые деньги. Мы воспряли духом — создание музея будет всенародной стройкой! В итоге так оно и получилось.

Все денежные средства, которые перечислялись на строительство здания музея, учтены в Книге Благодарной памяти. Каждый, перечисливший хотя бы рубль или копейку, найдет в ней свою фамилию. Эта Книга в настоящее время находится в музее на втором этаже.

Великолепное здание было построено за 428 дней и ночей с нуля до стадии «под ключ». Хочу сказать большое спасибо всем, кто принял

участие в финансировании этой всенародной, патриотической акции. Низкий Вам поклон. Особая, отдельная благодарность архитектору, автору здания музея Е.И. Кирееву — члену-корреспонденту Российской Академии архитектуры и СН, главному архитектору Калужской области.

И вот именно в этот период роль В.П. Сёмина трудно переоценить. Он развернул мощную кампанию по сбору средств в г. Москве. Под его напором открывались многие двери служебных кабинетов Правительства Москвы, Министерства обороны, различных периодических изданий, не говоря уже о Московском городском комитете памяти Г.К. Жукова, который был организован по инициативе Вячеслава Павловича и который он бессменно возглавлял до последних дней своей жизни.

Каждую неделю по средам В.П. Сёмин приезжал из Москвы на электричке с потертым портфелем, полным денег — пожертвований от организаций, предприятий, от ветеранов и других частных лиц. Он принимал самое активное участие в обсуждении проекта нового здания музея, вносил толковые предложения по его улучшению. Именно во время строительства музея с августа 1993 года по 5 мая 1995 года я намного глубже понял Сёмина В.П. как человека.

С тех пор прошло более 20 лет, и я уже вышел на пенсию. И уже с других позиций сужу о мыслях, поступках, да пожалуй, о всей жизнедеятельности этого удивительного человека. Сколько надо было иметь энергии, целеустремленности, здоровья, а ведь он был уже не молодой, чтобы двадцать четыре часа в сутки на протяжении не одного года, а десятилетий, воплощать в жизнь свою главную мечту — увековечить честь и имя своего земляка и друга Г.К. Жукова!

Вячеслав Павлович вел огромную общественную работу: являлся организатором Совета ветеранов 12-ой гвардейской Пинской Краснознаменной ордена Суворова стрелковой дивизии, председателем Совета ветеранов Пролетарского района г. Москвы, членом Московского Совета ветеранов войны, членом Межрегионального общественного объединения «Комитет памяти Маршала Советского Союза Г.К. Жукова». Он стал активным участником создания мемориального комплекса Г.К. Жукова, сооружения памятника Маршалу Победы на Манежной площади в Москве, образования города Жуков на родине великого полководца, организатором и бессменным председателем Московского комитета памяти Г.К. Жукова.

После развала Советского Союза и закрытия пионерской организации он вместе с сестрой Просвирниной М.П. с нуля организовали в Жуковском районе движение «Юных жуковцев», которое действует и по сей день. Он всячески поддерживал создание кадетского класса имени Жукова в его родной школе — Жуковской средней шко-

ле № 1 имени С.Ф. Романова. А многочисленные встречи с учащимися школ, институтов, организация посещений музея Г.К. Жукова работниками Московских предприятий, участие с докладами в научно-практических конференциях о роли Г.К. Жукова в Великой Отечественной войне…

Накануне 55-летия Победы В.П. Сёмин отправил и лично подписал с поздравлениями 464 открытки своим однополчанам!

Вячеслав Павлович был очень скромным человеком. Приведу лишь один пример. Когда мемориальный комплекс Г.К. Жукова был выдвинут на соискание Государственной премии имени Жукова Г.К., Вячеслав Павлович Сёмин был в списке на звание лауреата, но он решительно и не задумываясь вычеркнул свою фамилию… Сказал, что он просто честно работал, воплощал в жизнь свою главную жизненную послевоенную мечту. И добавил: «Я благодарен моим землякам, которые удостоили меня в 1998 году звания «Почетный гражданин г. Жукова». Это самая высокая для меня награда. Быть почетным гражданином почетно, а быть им в районе, городе, который носит имя выдающегося Полководца — великое счастье».

Больше никто не вычеркнул свою фамилию из этого исторического списка, в том числе и автор этих строк…

Выступая на митинге при открытии этого великолепного здания музея Г.К. Жукова 5 мая 1995 года, В.П. Сёмин сказал: «Это знак памяти не только Великому Полководцу, но и всем участникам Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Я от имени участников войны поздравляю земляков с 50-летием Победы и этим замечательным событием и благодарю всех, кто принимал участие в этой стройке. Этим я выполнил свой долг перед Маршалом и своими не вернувшимися с войны однополчанами и угодчанами».

Был ли счастлив Вячеслав Павлович? На мой взгляд — безусловно. Сегодня я понимаю, откуда столько энергии у В.П. Сёмина — любимое дело, его лебединая песня в конце жизни давала огромные силы и энергию. В.П. Семин — настоящий русский человек: трудолюбивый, добрый, скромный, смелый, всегда помогал нуждающимся. Он — патриот своей РОДИНЫ.

Слова Жукова, высеченные на граните мемориала «Для меня главным было служение Родине, своему народу. И с чистой совестью могу сказать: Я сделал все, чтобы выполнить этот свой долг», в полной мере относятся и к моему учителю и другу Вячеславу Павловичу Сёмину.

Сегодня наша общая задача — продолжать дело старших поколений. Своим шестерым внукам я часто рассказываю об их замечательных земляках Г.К. Жукове и В.П. Сёмине.

ОТЕЦ И СЫН ТЕПЛОВЫ

Теплова Яна Анатольевна, *85 лет,*
научный сотрудник Научно-исследовательского института
ядерной физики имени Д.В. Скобельцына
Московского государственного университета имени
М.В. Ломоносова (НИИЯФ МГУ),
г. Москва

Два замечательных человека

Я хочу рассказать о двух замечательных, дорогих мне людях, с которыми посчастливилось быть рядом долгие годы. Они — гордость не только нашей семьи и известного в России рода Тепловых, но и достойные представители своей страны, способствующие своей деятельностью ее укреплению и развитию. В преддверии 70-летия Великой Победы хочется вспомнить об их вкладе в общее дело защиты Родины, жизнедеятельности в годы войны. Мой свекор Борис Михайлович Теплов — известный психолог с мировым именем, занимавший руководящие должности в научных учреждениях Красной Армии и в Психологическом институте. Его труды переведены на 14 языков мира. Его сын (мой муж) Игорь Борисович Теплов — талантливый физик, возглавлявший НИИЯФ МГУ с 1982 по 1991 гг.

Я благодарна судьбе, которая свела меня с Тепловыми. Борис Михайлович был мне как родной отец. Это был интеллигентный человек, энциклопедически образованный, для нас он служил примером влюбленности в науку и умения работать, не теряя ни одной минуты. В семье он был гарантом согласия, в период отдыха очень общительным, остроумным, мудрым. Он вызывал доверие у людей, даже молодых, и желание с ним посоветоваться.

Много теплых слов оставили коллеги и друзья о Борисе Михайловиче.

Академик АПН А.А. Смирнов, бывший директор Психологического института, хорошо знавший Бориса Михайловича, отмечал: «Успешная научная работа, незаурядные организаторские способности, общая высокая культура послужили основой присвоения Борису Михайловичу высокого воинского звания командира бригады (комбрига) и сделали его одним из ведущих создателей маскировочного дела в Красной Армии».

Академик А.В. Запорожец писал: «Слава ученого, богато одаренная натура, глубокий ум уже сами по себе вызывают почтенье и восхищение. При твердости своих убеждений и установок, он обладал способностью глубоко понимать другого человека».

Академик Б.Г. Ананьев характеризовал Б.М. Теплова как «гордость Советской психологической науки, одного из талантливейших пси-

хологов современности». Он вспоминал: «...осенью 1941 г., когда по заданию штаба МПВО Ленинграда, в условиях немецко-фашистской блокады, нужно было срочно провести работу по маскировке постоянных сооружений Ленинграда, использовали комплекс исследований Б.М. Теплова и его сотрудников по пространственному видению — капитальный вклад в науку» [1, с.7–31].

Борис Михайлович Теплов: военнослужащий, ученый, патриот

Борис Михайлович Теплов

Интересное совпадение: прошедший 2014 год и наступивший 2015 год оказались по-своему юбилейными — столетие начала Первой мировой войны (28 июля 1914 г.) и семидесятилетие окончания Великой Отечественной (9 мая 1945 г.). Борису Михайловичу довелось участвовать в обеих войнах. Однако его отношение к ним различалось: в первом случае он только дисциплинированно выполнял приказы командования, во втором, несмотря на плохое здоровье, старался сделать все возможное для спасения своей Родины. Бориса Михайловича частично коснулась и Гражданская война, таким образом, можно считать, что он участвовал в трех войнах. Еще один юбилей — «печальный» — 28 сентября 2015 года исполнится 50 лет как Бориса Михайловича нет с нами.

Родился Борис Михайлович в г. Туле 21 октября (по новому стилю) 1896 года в семье инженера-предпринимателя Теплова Михаила Владимировича. Хорошо известен в городе и за его пределами был его дедушка — Владимир Семенович, который владел большим по тем временам производственным предприятием по изготовлению скобяных изделий, имевших широкое распространение по всей России. Владимир Семенович, почетный потомственный гражданин Тулы, совладелец Александринского Тульского банка, был избран гласным городской думы, получил дворянское звание. Он пользовался уважением в городе, был весьма демократичен: на свои средства учредил для рабочих ремесленное училище [2, с.223].

Владимир Семенович имел большую семью — 13 детей, всем мальчикам он обеспечил возможность получить высшее образование. Михаил Владимирович (отец будущего психолога) окончил Рижский Политехнический институт, женился, воспитывал четверых детей. Борис был единственным мальчиком. Он успешно окончил дворянскую класси-

ческую гимназию (с золотой медалью) и музыкальную школу в Туле, после чего решил продолжить учебу в Московском университете. Отец отнесся к этому решению доброжелательно, однако предупредил, что сможет давать деньги только на оплату жилья и еду, сверх этого сын должен заработать сам. С этого времени началась самостоятельная жизнь.

Итак, в 1914 году Борис Михайлович поступил в Московский императорский университет (нынешний МГУ) на историко-филологический факультет. Музыкальные занятия в классе профессора К.Н. Игумного в консерватории студент должен был оплачивать сам, пришлось заняться репетиторством. Россия в это время уже вступила в мировую войну, но принимали участие в ней только войсковые соединения, гражданские люди жили относительно спокойно: работали, учились. Два года Борис Михайлович слушал лекции известных профессоров, писал рефераты (некоторые сохранились), сдавал экзамены на знание древнегреческого и латинского языков и был переведен на третий курс.

Однако военные действия продолжались, приобретая постепенно затяжной характер. В феврале 1916 года Борис Михайлович участвовал в выпуске сборника «Студенчество жертвам войны» (доход от его продажи был передан солдатским организациям), а 22 июня 1916 года был призван в действующую армию. Вместе с группой студентов он должен был отправиться в 3-ю Тифлисскую студенческую (юнкерскую) школу прапорщиков в Тифлис (Тбилиси), после окончания которой присваивалось звание «прапорщик» (младший офицер). Однако мобилизация и организация отъезда осуществлялись неспешно, студентов временно распустили с условием следить за приказами командования, что позволило съездить в Тулу и выполнить часть университетских заданий.

Сохранились документы, по которым можно частично восстановить последовательность событий в военной жизни Бориса Михайловича [3]. 23 декабря 1916 года он был в Тбилиси и получил «увольнительную», будучи уже полноценным юнкером 2 роты (личный знак № 269). Известно, что во время учебы в школе Бориса Михайловича угнетало изобилие бессмысленных строевых занятий в ущерб ознакомлению с материальной частью артиллерийских орудий. После окончания юнкерской школы в январе 1917 года Борис Михайлович получил звание «прапорщик» и был назначен в 213 полк, а 7 февраля получил направление в запасной пехотный полк в город Лебедянь. 5 июня 1917 г. он был направлен с группой солдат для проверки пассажирских поездов Лебедянь–Елец, а 10 июня попал на фронт в 265 Вышневолоцкий полк. 3 августа 1917 года младший офицер Теплов оказался уже на Западном фронте, в районе озера Нарочь,

в 15 роте Вышневолоцкого полка, где проводил ревизию окопов и оружия. Последний приказ, который получил Борис Михайлович, относится к декабрю 1917 года: отправляться в штаб Духовицкого полка для выяснения границ участка. Как известно, в это время на Западном фронте велась позиционная война, геройство проявить было невозможно, солдаты сидели в окопах, невзирая на погоду, часто по пояс в воде. Борис Михайлович впоследствии удивлялся: в мирной жизни он часто простужался, а на фронте, в окопах, ничем не болел.

После февральских событий, когда весь старый штаб полка был арестован, Б.М. Теплова сначала назначили заведующим полковой разведкой, а затем — полковым адъютантом (июнь — июль 1917 г.). В это время прапорщики оказались востребованными из-за отсутствия офицеров более высокого звания. Солдаты относились к своему командиру с уважением и четко выполняли его приказы, однако армия, в целом, была деморализована.

Вскоре Бориса Михайловича, в числе других младших офицеров, демобилизовали, ему пришлось уехать в Москву и искать временную работу. Так он стал помощником секретаря в Тверском районном суде Москвы. Эта должность, конечно, не соответствовала его потенциалу и званию, но надо было что-то делать.

В феврале 1919 года Борис Михайлович вступил в ряды бойцов Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА). К этому времени он уже был молодым военным специалистом, и его определили на службу в Высшую стрелковую школу «Выстрел» на должность артиллерийского каптенармуса. В июне 1919 года он был командирован в Высшую школу военной маскировки (ВШВМ).

Отсутствие специалистов по маскировке в царской армии было признанным недостатком, поэтому такую службу нужно было создавать, а для этого понадобились специалисты. Этот недостаток должна была исправить с помощью выпускников создаваемая ВШВМ, получившая права Высшего учебного заведения. Курсанты в школе слушали (с июня 1919 года по октябрь 1921 года) серьезные курсы математики и других технических дисциплин, которые читались крупными специалистами.

Борис Михайлович с 1920 года был председателем учебного комитета школы, организовывал обсуждение разных спорных вопросов, в том числе сроков обучения. В этом же году он восстановил свою учебу в Московском университете (МГУ) и, в результате, закончил одновременно и МГУ, и ВШВМ; после окончания последней получил диплом инженера военной маскировки с указанием на значительные успехи. Документ был подписан председателем педагогического Совета Дибенко.

Запомнился рассказанный Борисом Михайловичем случай, связанный с организацией «Выстрел». В какой-то момент власти решили, что там «зреет» заговор (что было на самом деле, для него так и осталось неизвестным). Когда он шел однажды по делам ВШВМ в «Выстрел», его арестовали. Видимо, помещение, в котором располагалась эта организация, превратили в «ловушку» и брали всех входящих в здание. Арестованных отвезли на Лубянку, а затем — в Бутырскую тюрьму; поместили в небольшую, переполненную камеру, спать в которой можно было, сидя на полу, еды практически не было. Борис Михайлович вскоре заболел и его перевели в тюремную больницу, а через некоторое время освободили за отсутствием состава преступления. Этот маленький нелепый эпизод запомнился на всю жизнь.

После окончания ВШВМ Бориса Михайловича назначили начальником опытных станций и поручили разрабатывать основы службы маскировки в армии. Сначала он посчитал это скучной работой, но через некоторое время понял, что в этом сугубо практическом деле требуются разнообразные научные знания, а решение вопросов находится на стыке нескольких наук (оптики, физиологии, химии и многих других) и, чтобы превратить маскировку в самостоятельное направление исследований, необходимы хорошие специалисты. Удалось собрать работоспособную группу, провести много полезных экспериментов, сформулировать и оформить правила поведения для военных. Кстати, после начала Мировой войны пропали публикации по маскировке в иностранной литературе, и пришлось все делать самостоятельно.

Особенно активно Борис Михайлович изучал вопросы зрительного восприятия и «цветоведения». Он обнаружил, что много полезных для маскировки исследований выполнил известный ученый, лауреат Нобелевской премии Н. Освальд, лекции которого слушал когда-то отец Бориса Михайловича в Рижском политехническом институте. Некоторые предложения Освальда Борис Михайлович смог использовать в своих экспериментах. Впоследствии он разрабатывал похожие научные направления в гражданской жизни, они пригодились в архитектуре, офтальмологии и даже оформлении театральных постановок. Результаты работ публиковались в журналах (около 50 публикаций), в том числе военных, а в 2006 году некоторые из них были переизданы в виде сборника и обсуждались на конференции в 2010 году. [4, с.6–162; 5, с.23]

До 1933 года Б.М. Теплов работал в военном ведомстве, занимая разные должности и выполняя отдельные поручения. Последняя должность — член научно-технического комитета Военно-Технического управления (ВТУ) РККА, а затем Борис Михайлович был переведен в резерв Красной Армии; полностью освобожден от военной службы в 1943 году по состоянию здоровья.

В душе Борис Михайлович был сугубо штатским человеком, склонным к гуманитарным наукам. В гимназическом аттестате, кроме отличных отметок по всем предметам, указаны особые успехи в словесности и истории. Он с удовольствием занимался музыкой, очень любил и знал театр — как музыкальный, так и драматический. Однако жизнь сложилась так, что в армии прослужил 15 лет.

Параллельно с военной службой Борис Михайлович начал работать в Психологическом институте. Психология как наука вызывала у него огромный интерес и удовлетворение. С 1933 года он уже официально получил должность заведующего лабораторией и до конца жизни оставался сотрудником института, занимая разные должности. В 1934 году ему присвоили степень кандидата биологических наук, а в 1940 г. он защитил докторскую диссертацию на тему «Музыкальные способности». К этому времени относятся и публикации по вопросам «зрительных восприятий» и «цветоведения». [6,7,8] Пришлось заниматься и административной работой, дважды за определенный период времени его назначали заместителем директора по научной работе, но административную работу он не любил и старался от нее избавиться, хотя считал обязательной нагрузкой, необходимой и полезной для коллектива.

22 июня 1941 года немецкие войска без объявления войны перешли границы СССР, началась война. Многие ученые выступили с осуждением этого акта. Борис Михайлович опубликовал статью «Бунт звериного инстинкта против человеческого разума». Сначала немцы угрожали Москве с воздуха, совершая налеты на город и сбрасывая бомбы, в том числе зажигательные. Институт Психологии административно присоединили к МГУ, из студентов и преподавателей сформировали отряды для ликвидации последствий бомбардировок. Б.М. Теплов вместе с сыном нес дежурство во время наиболее сильных бомбардировок, оставался на посту и в момент падения фугасной бомбы на МГУ. В книге, посвященной участникам войны, написано о Борисе Михайловиче: «Не покинул пост, когда тот был оставлен профессиональными пожарными». [9]

В июле 1941 года Б.М. Теплов вместе с группой профессоров вступил в Народное ополчение, и вскоре из штаба «1 Стрелкового полка 8 Краснопресненского района дивизии» поступил приказ: бойцам полка Смирнову А.А. и Теплову Б.М. следовать по железной дороге до станции Павшино»[1]. Борис Михайлович оказался очень полезен среди штатских, в большинстве своем людей — обучал товарищей как военный специалист. 22 августа отряд должен был дислоцировать-

[1] По состоянию на 15.11.1941 г. в Институте числилось лишь 38 научных сотрудников, из них в Народном ополчении находилось 12 человек.

ся в западном направлении. Часть отряда переправилась через реку, другая — не успела. В это время из штаба полка приехал нарочный с приказом отозвать несколько человек из отряда и вернуть их в Москву, среди них оказался и Борис Михайлович. Большая часть переправившейся группы погибла, среди них были и сотрудники Психологического института.

В Москве тем временем продолжались интенсивные бомбардировки, и отряды дежурных тушили пожары. Известно, что в столице активно использовались методы маскировки разных важных объектов, разработанные в военном институте (где на руководящих должностях служил Борис Михайлович до войны), поэтому катастрофических разрушений не было. Но в октябре 1941 года Москва оказалась практически на осадном положении, жители уходили из города, а Психологический институт, Музыкальный театр имени Станиславского и Немировича-Данченко и ряд других организаций продолжали работать. Планы работ Психологического института были скорректированы в соответствии с военными нуждами. В декабре 1941 года немецкие войска были отброшены от города, однако по решению правительства сотрудников МГУ (в том числе и часть сотрудников Психологического института) эвакуировали вглубь страны. 11 декабря 1941 года они выехали из Москвы, 21 декабря прибыли в Ташкент, а 29 декабря — в Ашхабад.

В Ашхабаде ни о каких экспериментах не могло быть и речи, климат (неимоверная жара) и отсутствие условий для работы не способствовали активной деятельности. Однако в городе была хорошая библиотека, и Борис Михайлович на основе исторических материалов написал одну из своих лучших книг «Ум и воля военачальника» (в некоторых изданиях — «Ум полководца»)[1]. Книга оказалась очень своевременной, руководство страны ее одобрило, и в сокращенном виде, как статью, ее напечатали в центральном военно-теоретическом журнале СССР «Военная мысль» под тем же названием (1944 г.). В дальнейшем книга несколько раз переиздавалась в России и за рубежом, последний раз в 2003 году [11, с. 283–351].

---

[1] Рассматривая вопрос о разнице между «теоретическим» и «практическим» мышлением, Б.М. Теплов доказывает, что практическое мышление требует даже большего интеллекта, чем теоретическое. В качестве доказательства он использует фактические материалы о мыслях, планах и действиях ряда великих полководцев: Суворова, Наполеона, Кутузова и ряда других. Он раскрывает такие черты, как «схватывание» целого при одновременном внимании к деталям, умение находить быстрое решение, способность к предвидению и др. «Ум полководца является одной из конкретных форм «практического ума» в аристотелевском смысле этого термина. Его нельзя понимать как чистый интеллект. Он есть единство интеллектуальных и волевых моментов» [10, с. 233].

15 июля всю группу эвакуированных отправили в г. Свердловск. Ехали 12 суток, но были счастливы, так как избавились от несносной жары в Ашхабаде. Условия для работы были более приемлемыми, появилась возможность учить студентов, а у молодежи — учиться. Борис Михайлович и его жена сдавали кровь. Осталось письменное подтверждение того, что Б.М. Теплов был донором с 12 сентября 1942 года по 7 мая 1943 года и при этом положенный отпуск не использовал. 17 января 1943 года всех вернули в Москву, и началась нормальная жизнь. В 1944 году Борис Михайлович Теплов был награжден медалью «За оборону Москвы», которую высоко ценил. В 1946 году вышел в свет его учебник для средней школы «Психология», который выдержал 7 переизданий и был переведен на несколько иностранных языков.

Работая в Психологическом институте, Борис Михайлович собрал коллектив единомышленников и вместе с ними и своими учениками создал новое направление в психологии — дифференциальную психофизиологию. У него много научных работ, среди которых несколько монографий. Сам он больше всего ценил свои последние труды [12, 13]. Он являлся действительным членом Академии Педагогических Наук, имел звание «Заслуженный деятель науки РСФСР». Кроме основной работы выполнял множество общественных поручений (например, был депутатом райсовета), активно участвовал в преподавательской работе в нескольких вузах, занимался популяризацией науки, был награжден орденом и медалями. В 2000 году (посмертно) вместе с группой психологов был отмечен Премией Президента за разработку проекта «Теоретико-экспериментальная модель общих и специальных способностей человека и их задатков для учебных заведений высшего и профессионального образования».

Игорь Борисович Теплов (1928–1991)

С первых дней Великой Отечественной войны Игорь Теплов (к тому времени шестиклассник) вместе с отцом находился в составе бригады МГУ по тушению зажигательных бомб и ликвидации разрушений после попадания на территорию МГУ фугасной бомбы. Его трудовая жизнь началась в эвакуации, где Игорь стал работать старшим препаратором на кафедре физического факультета МГУ у профессора С.Г. Калашникова.

После возвращения в Москву в 1943 году он продолжал трудиться рабочим мастерских, одновременно учась в вечерней школе рабочей молодежи. Этот самоотверженный труд школьника был оценен государством. В 1944 году И.Б. Теплов был награжден медалью «За обо-

рону Москвы» (ему было 16 лет). В представлении к награждению было написано «по собственной инициативе пришел работать в Институт Психологии по восстановлению здания. Работал с исключительной энергией и уменьем, значительно превышая предложенные ему задания, своим трудовым энтузиазмом заражал взрослых работников — сотрудников института» [14, с 126–127].

Игорь Борисович Теплов

После окончания средней школы рабочей молодежи Игорь Борисович (он одновременно учился в энергетическом техникуме) поступил в МГУ на физический факультет (1946 г.), после окончания которого (1951 г.) был распределен в аспирантуру. Это стало началом его творческой научной деятельности. На протяжении дальнейшей жизни его научные интересы касались изучения механизма ядерных реакций при средней энергии альфа-частиц и нейтронов, установлению характеристик возбужденных и основных уровней ядер и др. Для выполнения экспериментальных измерений были созданы оригинальные методики, в том числе метод угловых корреляций, в то время «пионерский». Теоретическая группа под его руководством с помощью различных моделей объясняла полученные экспериментальные факты. В 1955 г. И.Б. Теплов защитил кандидатскую, а в 1971 г. докторскую диссертации по физике на тему «Ядерные реакции с альфа-частицами на легких ядрах».

С 1955 года И.Б. Теплов работал в НИИЯФ МГУ, занимая разные научные и административные должности, в том числе с 1982 по 1991 годы –должность директора НИИЯФ МГУ и заведующего отделением ядерной физики физфака МГУ; одновременно являлся членом Ученого Совета МГУ.

И.Б. Теплов — автор свыше 200 научных работ, в том числе 3 монографий, подготовил 10 кандидатов, 2 докторов наук, много студентов; один из создателей экспериментальной базы для работ по космическому материаловедению и моделированию воздействия космических лучей на космические аппараты. И.Б. Теплов — Лауреат Государственной премии СССР за работы в области космических исследований (1979 г.).

Как и отец, Игорь Борисович вел активную общественную деятельность: был член Президиума Научного совета РАН по физике ядра (1983–91 гг.), председатель секции ядерной физики НТС Минвуза СССР (1982–85 гг.), председатель Экспертного Совета по ядерной фи-

зике и астрономии Госкомитета народного образования СССР (1985–91 гг.), заместитель председателя совета «Канопус» (1969–91 гг.), член Пленума ВАК (1989–91 гг.), член оргкомитетов научных конференций по ядерной физике, член редколлегии журнала «Вестник МГУ», сборников «Модель космоса». Награжден орденом Трудового Красного Знамени, 7 медалями, в том числе «За оборону Москвы» и «Ветеран труда».

Литература

1. Способности: Сборник /Под ред. Э.А. Голубевой.— Дубна: Феникс, 1997.
2. Тульский биографический словарь. Т.2. — Тула:Пересвет,1996 .
3. Приказы по армейскому подразделению, рукоп. //Из семейного архива.
4. *Теплов Б.М.* Психологические исследования в области военно-маскировочного дела (1923–27 гг.).— М.: Твердислов, 2006.
5. *Козлов В.И.* Психологические проблемы военной маскировки. Альманах Психологического института, Челпановские чтения, вып. 4. — М., 2010.
6. *Алексеев С.С., Теплов Б.М., Шеварев П.А.* Цвет в архитектуре.— М.: Госиздат,1934.
7. *Теплов Б.М.* Зрительные ощущения и восприятия.— М.: СОЦЭКГИЗ, 1935.
8. *Теплов Б.М.* Индуктивные изменения абсолютной и различительной чувствительности глаза // Вестник офтальмологии. 1937. Т.11.
9. Психологический институт в Москве. — М.:Нестор-История,2012.
10. *Теплов Б.М.* Ум полководца // Теплов Б.М. Избранные труды. Т. 1. М.: Педагогика, 1985.
11. *Теплов Б.М.* Психология музыкальных способностей. Раздел «К вопросу о практическом мышлении».— М.:Наука, 2003.
12. *Умрихин В.В.* Развитие Советской школы дифференциальной психофизиологии.— М.:Наука, 1987.
13. *Теплов Б.М.* Проблемы индивидуальных различий. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1961.
14. *Теплов Б.М.* Типологические особенности высшей нервной деятельности человека. Т.1-5.— М.,1956-1967.
15. Психологический институт в Москве: российский центр психологической науки, культуры и образования. Документальная летопись к 100-летию со дня основания.— М.; СПб.: Нестор-История, 2012.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ АНАТОЛИЯ ЧЕРЕДНИЧЕНКО

Чередниченко Наталья Григорьевна, *61 год,*
преподаватель химии лицея № 1,
г. Павловский Посад Московской области

Анатолий Михайлович Чередниченко

В архиве семьи Чередниченко хранится похоронка: Чередниченко Феклу Ивановну извещают, что ее муж Чередниченко Анатолий Михайлович погиб 12 октября 1944 года в бою «за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявляя геройство и мужество». На самом деле эта похоронка извещала о смерти не мужа, а 20-летнего сына Феклы Ивановны.

Анатолий Михайлович Чередниченко — младший брат моего отца. Двадцатилетний, неженатый, не оставивший потомства, навсегда оставшийся в Югославии, неведомый нам в течение долгого времени.

Уникальная, неповторимая жизнь молодого советского солдата, участника освобождения Европы от фашизма, положенная на алтарь Отечества в период решающих побед нашей армии над коричневой чумой!

Рядовой Анатолий Чередниченко был призван Криворожским райвоенкоматом в действующую армию в марте 1944 года и ко времени наступательной операции за освобождение Белграда имел полугодовой опыт войны в составе 40-й гвардейской Енакиевской Краснознаменной дивизии. Казалось бы, самое страшное — позади. Впереди — только Победа.

Осень 1944 года… Ожесточенные бои Красной Армии за освобождение Центральной и Юго-Восточной Европы от германского фашизма шли на территории Югославии. К началу Белградской наступательной операции (28 сентября — 20 октября) войска 3-го Украинского фронта вышли на болгарско-югославскую границу в районе Видина. Все важнейшие югославские города, основные железнодорожные и автомобильные дороги оставались в руках противника.

Противник… Привычно считать, что это были отступающие части вермахта. Но служили в частях вермахта не только немецкие граждане. Там, под Белградом, ожесточенно сопротивлялись неизбежному поражению венгерские фашисты (озверелые хортисты, салашисты). Их особая жестокость вошла в историю Холокоста по рьяному «отлову» и зверским расправам с венгерскими евреями в самом конце

войны на фоне неминуемого поражения Третьего рейха и отставки Гитлером самого Хорти.

12 октября 1944 года. Югославский городок Суботица занят противником. Части Красной Армии готовятся к штурму. Боевая обстановка непредсказуемо меняется с каждым часом. Гвардии рядовой Чередниченко Анатолий Михайлович с группой отправлен в разведку с целью установить расположение огневых средств противника, состав живой силы и наличие артиллерии. В самом городе разведгруппу внезапно окружает группировка противника, состоявшая из тех самых венгерских частей вермахта, сражавшихся с ожесточенностью загнанного зверя. Реакция Анатолия была мгновенной: огонь по врагу уложил четверых наступающих. Вынужденный отступать Анатолий Чередниченко отстреливался до последнего патрона.

События развивались катастрофически: сам разведчик оказался ранен и был взят в плен. Обезумевшие, обреченные на неизбежное поражение, без пяти минут разбитые гитлеровские приспешники, как шакалы, набросились на раненого бойца. Выбивая оперативную информацию, парня буквально рвали на части: били до смерти, сломали обе руки. Анатолий Чередниченко скончался в страшных муках, «верный воинской присяге, проявляя геройство и мужество».

Из Наградного листа: «Гвардии рядовой Чередниченко Анатолий Михайлович — разведчик 111 гвардейского стрелкового Краснознаменного полка, 40-ой гвардейской Енакиевской Краснознаменной дивизии представляется к ордену «Отечественная война первой степени». /Посмертно/».

В 1968 году на запрос семьи было получено письмо от имени бойцов Национально-освободительной войны СФР Югославии, в котором сообщалось, что Анатолий Михайлович Чередниченко в 1944 году был похоронен со всеми воинскими почестями в центре города. В 1960 году останки всех бойцов Советской Армии перенесены и похоронены в братской могиле города Суботица.

МАЭСТРО БОРИС БЕЛЯЕВ

Шеверев Геннадий Михайлович, *64 года,*
солист Тульской филармонии,
Заслуженный артист России,
лауреат международных и российских фестивалей
г. Тула

Интеллигент — это человек, который никому не может отказать. Возможно, это не главная черта, но она у интеллигентов точно присутствует. Говоря это, я вижу перед глазами конкретного человека.

Это музыкант, пианист Борис Николаевич Беляев. Так случилось, что мы жили в соседних домах и в течение ряда лет тесно общались. Он жил один, и приходы гостей чрезвычайно приветствовал. Сразу предлагалось пообедать или поужинать; откупоривалась бутылочка, а за едой он любил поговорить, повспоминать… Учился играть он на рояле в училище при Московской консерватории, а педагогом его был пианист (забыл его имя), который учился у самого

А.Б. Гольденвейзера, — так, что прославленный пианист приходился Беляеву как бы музыкальным дедушкой, о чем он иногда с удовольствием сообщал. У него дома стояло черное старинное пианино с инкрустацией и медными канделябрами. Было оно всегда слегка расстроено — Беляев морщился, но настройщиков не приглашал. Звук у Беляева был легкий, бисерный –«родословная от Гольденвейзера», очевидно, сказывалась именно в этом. Перед тем, как что-то сыграть он, бывало, раз десять извинится, скажет, что и руки у него не гнутся, и глаза не видят и не играл-то он давно… Но заиграет — и пальцы по клавишам бегают, и все ноты выигрываются, и аккорды берутся верные. Те, кто знал его, помнят, как на просьбу сыграть песню или романс Беляев всегда в ужасе восклицал:

— Нет, нет, нет! Что вы? У меня же глаукома, я ничего не вижу!

— Ну, Борис Николаевич, дорогой, — уговаривали его, — пожалуйста, мы вас просим… Да вы сыграете, мы уверены…Да вот и ноты!

— Ноты, ноты, — ворчал он, садясь к инструменту и глядя в ноты несколько вбок, — я же не вижу, у меня на одном глазу глаукома, а на другом катаракта, а вы никак понять не можете…

Посмотрев в ноты — для этого он близко приникал к ним, словно обнюхивал — он начинал играть, и начиналось чудо. Часто бледная партитура автора раскрашивалась фантазией исполнителя, и было понятно, что Б.Н. ноты вообще не нужны — они только мешают. Когда потом все говорили ему:

— Браво, маэстро! Замечательно играли! — он обеими руками вытирал слезящиеся глаза и отвечал, посмеиваясь:

— Это я, видно, от отчаяния…

Замечательно скромный был человек! Зато, когда ему нужно было сыграть соло, он уже ничего не говорил про глаукому, а просто играл музыку: чаще всего свою любимую «Лунную сонату», иногда «Грезы» Шумана. Сидел он при этом прямо, лицо немного приподнимал, а глаза были не нужны — он их просто закрывал.

Когда на филармонических застольях, которые нередко возникали стихийно (причиной могло быть что угодно: зарплата, день рождения, сильный мороз, отмененный концерт и т. д.), ему обычно предлагали:

— Боря, ты как? Выпьешь?

Он сразу же с негодованием отказывался:

— Нет, нет, мне нельзя! Глаукома… глаза… сами знаете!

—Да знаем, знаем, — артисты посмеивались, а сами уже открывали, нарезали, разливали, закусывали, потом начинали весело и шумно разговаривать. Проходило 15 минут — уже было выпито по две, а то и по три рюмки — и Борис Николаевич, махнув рукой, говорил: «Ну, характер показал — а теперь наливай!» – и все смеялись потому, что эта беляевская китайская церемония была им хорошо знакома: она повторялась всякий раз и уже стала байкой.

А еще Борис Николаевич любил рассказывать о своих обширных знакомствах в высших сферах власти… Например, он в Тульском Доме офицеров прямо на центральной лестнице целовался с самим Буденным («усы у него как из чугуна отлиты!»), а в Москве на Красной площади однажды встретил с приятелем гуляющего там Молотова — тот давно уже был в отставке — и тоже с ним расцеловался. «Это я от больших чувств-с», — говорил мне, посмеиваясь, Беляев. Был он однажды и на даче у А.Н. Косыгина, сидел за общим столом, обедали, и премьер вдруг спросил его: «А вот вы, молодой человек, как считаете — нужны сейчас суворовские училища?» — на что Беляев честно ответил:

— Нужны, Алексей Николаевич! Ведь я там работаю! — все за столом рассмеялись, а неулыбчивый Косыгин заметил:

— Причина серьезная! — и суворовские училища не закрыли.

Когда он всё это рассказывал, я хохотал и спрашивал: «А как же это вы попали на дачу?» «О, это длинная история! Одной бутылки, наверно, не хватит», — и я, как человек понимающий, вставал и шел в магазин…

— Я, уважаемый Геннадий Михайлович, — рассказывал он через полчаса, — перед войной жил в Москве у дяди с тетей в коммуналке, места совсем не было, спал я под столом. А тут война. Дядя — на войну, а остальные отправились в эвакуацию. Остался я один, хотел в Тулу уехать, но тут нас стали гонять рыть окопы. А самое плохое — карточки продовольственной у меня-то не было, я ж был непрописанный… Ну, там какие продукты оставались, я доел, а потом всё — зубы на полку… И решил я, была не была, написать письмо товарищу Калинину Михаилу Ивановичу, т.е. в его приемную… Написал, что вот, мол, я, такой-сякой Борис Беляев, мне 16 лет, учился в Москве играть на рояле, сейчас хожу на земляные работы, а карточки у меня нет, и родственники все мои уехали… Помогите. Отправил письмо и жду. Жду и не надеюсь. Кому до меня дело, когда такая война? Так, не поверите, на второй день мне звонят из приемной и просят прийти по известному адресу! Я бегу в приемную, мне вручают конверт, а там письмо на бланке, подписанное Калининым: дать! изыскать! Ну, пошел я, карточки, конечно, мне выдали — я отоварился, наелся…

Он рассказывает — и я слышу в его голосе гордость, почти ликование:

— Вот, смотрите, вроде бы, война, хаос, потери страшные, отступаем, а почта, между прочим, работала, и разные там канцелярии работали, как часы! Потому что порядок раньше, ого, как держали, это не то, что теперь: всё расползлось, все воруют миллионами, а виновного не найдут, хотя вот он рядом ходит! — и он брезгливо морщится…

— А вот, Геннадий Михайлович, — говорит он мне ещё через полчаса, — вы не поверите: я ведь с Жуковым стоял вот как с Вами, я даже пострадал от него!

— Ого! Ещё и Жуков? Расскажите, Борис Николаевич!

— Расскажу. Вы наливайте… Ну, как это «сколько»?.. Помните, как в том фильме мужик говорил: ты что, краёв не видишь? Стоп! И себе тоже!.. Не-не-не, всё поровну!

Выпили, закусили и он продолжил:

— Я после войны еще дослуживал, а Жукова перевели как раз в это время в Одесский военный округ. И вот раз назначают меня дневальным, стою в казарме, службу несу… Да. А было уже известно, что к нам должен прибыть Жуков с инспекцией, и поэтому несколько дней мы всё выскрёбывали, чистили и мыли, чтоб, значит, получше перед маршалом выглядеть. И вот сижу я, пишу письмо матери в Тулу (времени прошло уже много, никакой инспекции, вроде, нет, я расслабился, сел, вынул карандаш, бумагу) и думаю: если будут идти, так я по шуму сориентируюсь и всё приберу… Начальство-то тихо не ходит! Ну, сижу, пишу, слова не склеиваются… скомкал я лист, бросил под койку… Еще, помню, подумал: надо бы поднять. Но я так хорошо бросил, что и сам его не вижу… Оторвал я новый лист и пишу…Вдруг — топот многих ног, резкие голоса. Инспекция! Твою… дивизию! Я вскакиваю, моментально всё убираю, гимнастерку одергиваю и становлюсь по стойке смирно. Заходят штук десять генералов, за ними полковники, а впереди — Жуков! Он сапогами хромовыми стучит клац-клац, останавливается, осматривается, лицо такое у него суровое; потом идет прямо на меня… я растерялся, не знаю, что делать! Не получил точных инструкций… Ах, да, надо же сперва доложиться! Выкатил глаза и почти кричу:

— Товарищ Маршал Советского Союза! В казарме всё спокойно! Дневальный рядовой Беляев! — выпалил и стою, ем его глазами. Он сморщился и грозно так не говорит, а вопрошает по слогам:

— Дне-валь-ный, па-че-му грязь? — и куда-то рукой показывает. Смотрю в указанном направлении, а там — японский городовой! — под кроватью комок белеет, скомканный листок мой лежит… Я помертвел: ну, думаю, всё, конец тебе, Беляев!

— Трое суток гауптвахты! — говорит Жуков и разворачивается от меня. Командир наш смотрит на меня злобно и губами энергично так шевелит — матом, вижу, втихомолку меня кроет — и глаза при этом у него страшно выразительные. Ну, думаю, терять мне нечего, и я как заору:

— Да здравствует маршал Жуков — величайший полководец современности!!!

Все останавливаются и смотрят на меня, как на чудо какое-то. Стоят и молчат. Потом Жуков как захохочет, а за ним и все — на разные голоса! Один только я стою ни жив, ни мертв по стойке смирно, как аршин проглотил…

— Где командир? — спрашивает Жуков. Генерал наш вылезает вперед.

— Генерал, как думаешь: суток с него хватит?

— Так точно, товарищ маршал, хватит!

— Ну, быть по сему! Вольно, боец! — и через 3 секунды — фьють! — уже в казарме никого нет! Только запах дорогого одеколона остался! Потоптавшись у двери, пошли генералы из казармы за Жуковым, пошли по коридору, только подковочки клацают, и разговор вдали затихает…

Фу-у-у… Ноги у меня ослабели, я не выдержал, и не сел — а прямо упал на табурет! Сел и сижу, думаю: кого мне теперь бояться? Отбоялся уже!..

Борис Николаевич последние два года войны воевал: был сапером, строил понтонные мосты… И бомбили их часто, и самому пострелять пришлось — немного, но пришлось. Правда, в подпитии любил он намекнуть, что, мол, воевал он скучно: уничтожил в разведке всего-то 16 немцев… Но сам при этом улыбался лукаво, орденов-медалей в подтверждение тезиса не выкладывал, так что слушатели всегда оставались в некотором сомнении относительно его кровожадных заявлений. Однако, когда по телевизору в каком-нибудь интервью или фильме слышалась немецкая речь, он вставал и молча выключал телевизор.

МОЙ РОДНОЙ ДЯДЯ ВАСИЛИЙ МИЛЯЕВ

Новиков Валерий Владимирович, *61 год,*
директор ООО «Предприятие Монтажспецконструкция»,
член Тульского городского Совета ветеранов
г. Тула

Вспомним всех поименно,
Горем вспомним своим…
Это нужно не мертвым,
это нужно живым.

Р. Рождественский

В июле 1941-го года в городе Загорске под Москвой была сформирована 249-я стрелковая дивизия, ставшая впоследствии 16 гвардейской

Карачевской, прошедшей героический путь до Пилау. В составе дивизии воевали многие наши земляки. Один из них — мой родной дядя гвардии старшина командного расчета 120 мм минометов 49 стрелкового полка Василий Миляев, погибший в Восточной Пруссии за несколько дней до Победы. Ему был 21 год.

Василий Михайлович Миляев

Несколько лет назад я освоил интернет, и впервые в своей жизни нашел архивный документ, от которого защемило сердце. В списках награжденных воинов значилось имя моего родного дяди Василия Михайловича Миляева, родившегося в 1924 году в деревне Медвенка Киреевского района Тульской области. Из наградного листа я узнал, что 22.08.1942 года он был ранен в боях за Полунино, под Ржевом, а 27.07.1943 года отличился в боях за деревни Дудино, Жилково и Холмищи Орловской области, за что был удостоен ордена «Красная Звезда». С тех пор я увлекся историей боевого пути 16 гвардейской стрелковой дивизии, поиском воевавших в ней в 1941-1945 гг. наших земляков, призванных из Тульской области, а также сведений обо всех бойцах и командирах, сражавшихся вместе с моим дядей. И, конечно же, я заинтересовался судьбой всех наших родственников, воевавших в годы Великой Отечественной войны: Миляевых, Салтыковых, Новиковых, — составил родословное древо.

Правда, с самого детства у меня было трепетное отношение к семейным реликвиям: сохранившейся фотографии погибшего на фронте дяди Василия и его наградам. Я помню, как бабушка давала мне, четырехлетнему малышу, «подержать» ордена Василия — они были огромные, тяжелые, не вмещавшиеся на маленькой ладошке — а потом бережно заворачивала в платок. А фотографию, как рассказывает моя тетя Люда, я нежно гладил ручкой и порывался «украсить», обводя карандашом контуры орденов. Папа потом сделал рамку для этой фотографии, и она висела на стене, т.к. бабушка Наташа в старости жила с нами. В этой рамке единственное фото и перешло мне по наследству. Главное — я его сохранил.

Прекрасная пора — детство! Помню, в деревне Медвенка в доме у бабушки земляные полы, печку и полати (это лежанка, устроенная между стеной избы и русской печью, летом на полатях хранили овощи). Как же было весело, когда все собирались вместе! Сначала все помогали бабушке, у каждого было свое дело, а потом мы, дети (мне 7 лет, Михаилу — 6, Сергею –4, Любе — 11, Ирине — 9, Людмиле — 2 годика) вечером забирались на печку, на которой лежала овчина,

и с нее наблюдали, как родители играют в карты, в «Девятку». А как я любил, когда приходили гости — это был праздник! Запах избы, дыма, вкус варенья, которым угощала бабушка — все это «впиталось» в сознание и осталось на всю жизнь…

Бабушка Наташа — Наталья Никифоровна Миляева (в девичестве Салтыкова), 1900 года рождения — уроженка деревни Розсоха (Рассошка) Киреевского района Тульской области, работала учительницей в деревенской школе. Замуж вышла в соседнюю деревню Медвенка за Михаила Спиридоновича Миляева, 1899 года рождения. Семья образовалась большая — 9 детей (двое умерли в младенчестве).

Род Миляевых — древний, ведет свою историю с XVI века от сторожевого казака Миляева Федка, обосновавшегося в Дедилово. Многое поменялось в жизни людей: кто-то считает себя родней, кто-то — однофамильцем. Но все мужчины Миляевы из деревни Медвенка, когда началась Великая Отечественная война, ушли на фронт, а женщины трудились, не покладая рук. Сестра Михаила Спиридоновича Анисья была председателем колхоза имени Кагановича. Она говорила: «Хлеб выращивать смогут и женщины, а Родину защищать должны мужики». Эта хрупкая, небольшого росточка, горбатенькая женщина осталась в памяти людской как волевая, строгая и справедливая руководитель колхоза. Ранним утром идет в сельсовет, во все избы постучит, на работу поднимет. В деревне ее прозвали «Председатель» или «Маманя».

Когда пришли в деревню Медвенка немцы, ее прятали, т.к. она была коммунисткой. Анисья Спиридоновна воспитывала племянника Николая, сына ее брата Дмитрия, жена которого умерла при родах. Фашисты зверствовали во время оккупации — собрали детишек и бросили в колодец. Колю удалось Анисье вытащить, т.к он оказался сверху других. Ему был годик. Николай вырос замечательным человеком, всю жизнь проработал водителем. Он был крестником моей мамы. А отец его Дмитрий Спиридонович с войны так и не вернулся — погиб смертью храбрых.

Война предъявила свой счет и другим Миляевым: в плен попал Василий Трофимович, 1911 года рождения, погибли Алексей Трофимович (1924–1944) и Василий Михайлович (1924–1945).

Мой родной дядя Василий Миляев сложил свою голову в Восточной Пруссии в последний день боев для 16 гвардейской стрелковой дивизии. Первой о его гибели узнала Анисья Спиридоновна. Она побежала к бабушке Наталье, а та месит тесто и видит, как перед ней спускается паук, затем в окне появляется бегущая Анисья… Бабушка сразу поняла, что с Василием что-то случилось… Это был страшный удар для нее, она долго болела, частично потеряла слух, зрение. На руках маленькие дети. Было очень тяжело, во всем помогала моя мама, старшая после Василия Таиса.

О том, как погиб Василий, рассказал после войны его однополчанин, единственный из 15 призванных из Дедилова, оставшийся в живых: «Был обстрел. Один снаряд сначала разорвался неподалеку от расчета гвардии старшины Миляева. Василий и его подчиненный успели спрыгнуть в воронку; вжались в землю. Еще взрыв рядом с воронкой… Василий лежал сверху, прикрывая товарища своим телом, и все осколки принял на себя… Были последние слова …для мамы. Эти слова спасенный боец и передал через однополчанина-земляка, который привез маме все ордена погибшего сына и статью о нем «Коммунисты-минометчики» из газеты.

Много лет мечтал я найти того солдата, который приезжал к бабушке Наташе: писал в газеты, архивы, встречался со многими людьми. И нашел! Им оказался Поляков Василий Иванович — все сошлось. В декабре 2014 года произошла моя встреча, но, к сожалению, уже не с ним, а с его дочерью Надеждой Васильевной. Ее отец В.И. Поляков умер в 1995 году.

Не один год составлял я нижеприведенную таблицу, из которой видно, что лишь Василий Иванович мог рассказать нам о гибели дяди Василия и передать реликвии. Особые слова благодарности — руководителю музея Боевой славы 16 гвардейской стрелковой дивизии школы №8 города Сергиев Посад Журенковой Елене Даниловне.

Бойцы, призванные Дедиловским РВК, воевавшие в 16-ой гвардейской стрелковой дивизии

№	Фамилия Имя Отчество	Год рожд.	Откуда призван	Судьба	Похоронен
1	Приходько Григорий Арсентьевич	1918	Дедиловский РВК	погиб 04.02.1942	д. Бабыничя Витебская обл.
2	Гончаренко Владимир Калинович	1906	Киреевский рудник, ул. Набережная 7	погиб 25.02.1942	д. Тиванцы Калининской обл.
3	Савельев Михаил Петрович	1924	Дедиловский РВК д. Ключовка	погиб 16.03.1943	д. Кресты Смоленской обл.
4	Ананьев Василий Николаевич	1924	Дедиловский РВК д.Серная Грязь,36	погиб 19.03.1943	д. Верховье Смоленской обл.
5	Урыпов Василий Дмитриевич	1924	Дедиловский РВК д. Орловка	погиб 30.03.1943	д. Верховье Смоленской обл.
6	Тришин Дмитрий Ефимович	1924	Дедиловский РВК д.Телятино	погиб 31.03.1943	д. Верховье Смоленской обл.
7	Аненков Иван Ильич	1924	Дедиловский РВК д. Ананково	погиб 11.07.1943	д. Восты Орловской обл.
8	Шишов Александр Михайлович	1924	Дедиловский РВК колх. Новая Москва	погиб 12.07.1943	д. Полянка Орловской обл.

№	Фамилия Имя Отчество	Год рожд.	Откуда призван	Судьба	Похоронен
9	Зорин Дмитрий Николаевич	1924	Дедиловский РВК д. Орловка	погиб 12.07.1943	д. Восты Орловской обл.
10	Серегин Николай Захарович	1924	Дедиловский РВК д. Кобылево	погиб 07.08.1943	д. Ильинское Орловской обл.
11	Шишов Александр Михайлович	1924	Дедиловский РВК колх. Новая Москва	погиб 12.07.1943	д. Полошково Орловской обл.
12	Леонов Василий Алексеевич	1924	Дедиловский РВК д. Кузнецовка	погиб 10.11.1943	д. Бутытино Калининской обл.
13	Илюхин Иван Яковлевич	1925	Дедиловский РВК д. Кочан	погиб 15.12.1943	д. Зезюлино Витебской обл.
14	Фролов Алексей Матвеевич	1924	Дедиловский РВК д. Милеево	погиб 12.01.1944	д. Забарево Витебской обл.
15	Ельтищев Павел Павлович	1924	Дедиловский РВК с. Дедилово	погиб 17.01.1944	д. Матрасы Витебской обл.
16	Зотов Серафим Васильевич	1915	Дедиловский РВК д. Новоселки	погиб 22.10.1944	д. Вирбельн Гумбиненский Восточная Пруссия
17	Поляков Василий Иванович	1924	Дедиловский РВК	Вернулся живым	-
18	Миляев Василий Михайлович	1924	Дедиловский РВК д. Медвенка	погиб 25.04.1945	п. Фишхаузен Восточная Пруссия

* * *

Той жестокой войны никогда не забыть нам.
Вдоль дорог обелиски красиво стоят.
Много братских могил с именами погибших
Молодых и красивых советских ребят...

Вот и дядя родной мой Василий Миляев
В сорок пятом победном, в последнем бою,
Своим телом солдата собой прикрывая,
Жизнь геройски отдал за Отчизну свою.

Ему жить бы да жить, на войне он был смелым
Минометным расчетом врага он косил.
В «мясорубке» два танка подбил подо Ржевом.
И медаль «За отвагу» достойно носил.

Через год бы исполнилось все девяносто,
В сорок пятом пал в возрасте двадцать один.
Как же в жизни людской все порою непросто.
Я слезу вытираю, не стесняясь седин.

«СИБИРЯКИ ИДУТ!..»

Алтунина Людмила Дмитриевна, *62 года,*
член Союза журналистов РФ,
член Российской Академии литературы, ветеран труда,
г. Тула

Е.И. Мордвинова
с учениками в музее

Минувшим летом, будучи на своей малой родине, в Горном Алтае, я познакомилась с удивительным человеком, подвижником, энтузиастом, Евдокией Ивановной Мордвиновой, почётным гражданином города Горно-Алтайска — столицы Республики Алтай, опытным педагогом — воспитателем. Более сорока лет назад, в 1974 году, она создала при Республиканском доме-интернате № 1, где трудится уже более полувека, музей и зал Боевой Славы, которому было присвоено имя выдающегося военачальника, маршала Г.К. Жукова за активную военно-патриотическую работу со школьниками.

Музей посвящен легендарной Сумско-Киевской Алтайской орденов Ленина, Красного Знамени, Александра Суворова, Богдана Хмельницкого 232 стрелковой дивизии. По приглашению Е.И. Мордвиновой, почётного ветерана этой дивизии, я побывала в их музее, познакомилась с педагогами и воспитанниками интерната, вот уже не в одном поколении занимающимися серьёзной поисковой деятельностью, собирая материал о героическом боевом пути этой дивизии, её бойцах и командирах. Юные поисковики («Поиск — 232»), большей частью кадеты этого интерната, познакомили меня с богатейшим музейным материалом, провели по залам и экспозициям.

В свою очередь, и я не осталась в долгу: рассказала ребятам о нашем тульском герое Великой Отечественной войны полковнике С.Ф. Кутепове, командире 388 стрелкового полка 172 Тульской стрелковой дивизии, героически оборонявшей 26 дней белорусский город Могилёв в июле 1941 года. Воины 388 стрелкового полка под командованием С.Ф. Кутепова впервые с начала войны в один день, 14 июля сорок первого, подбили 39 фашистских танков, развеяв миф о непобедимости фашистских полчищ. Мужественный комполка Кутепов послужил прототипом генерала Серпилина в трилогии о войне писателя-фронтовика Константина Симонова «Живые и мёртвые». Познакомила их

и со своей книгой «Солдат войны полковник Кутепов», повествующей о Семене Федоровиче Кутепове.

Рассказала моим юным землякам и о героической битве за Москву в декабре 1941 года. С большим интересом и вниманием слушали меня учащиеся, рассматривали мои книги, написанные о Великой Отечественной войне. Повышенный интерес у нас был друг к другу обоюдный. И не только потому что, как говорится, мы смотрим в одну сторону: воспитанники школы-интерната много лет занимаются поисковой работой, разыскивая своих земляков-фронтовиков, и в моём творчестве военно-патриотическая тема, как и тема малой родины, занимают особое место. Горячий мой интерес к 232 Алтайской стрелковой дивизии был вызван ещё и вот чем: как я обнаружила, сопоставив факты, один из четырёх родных моих дядей-сибиряков, не вернувшихся с фронта, Павел Леонтьев, воевал в этой стрелковой дивизии. В информации ЦАМО, выложенной в Интернете, в «Мемориале», к 65-летию Победы, о Павле говорится следующее: «Леонтьев Павел Григорьевич, род. 1923, Алтайский край, Ойротская ОА. Русский. Место призыва — Онгудайский РВК, Ойротская АО. Последнее место службы — 232 с.д. Воинское звание — сержант. Причина выбытия — умер от ран. Дата выбытия 07.04.1943». Ему было всего двадцать лет. Он был самым младшим из трёх погибших маминых братьев Леонтьевых. Накануне войны женился. Жена Зоя осталась беременной. Родившегося сына он так и не увидел. Самому старшему, Сидору, было тридцать пять; среднему, Дмитрию, — двадцать шесть. Они, как и брат моего отца, Василий Егуеков, которому было двадцать четыре года, считаются без вести пропавшими. В общей сложности у них безотцовщиной осталось десять малолетних детей, а их жёны — на всю жизнь верными солдатскими вдовами, так больше и не выходившими замуж.

О своих близких родственниках-сибиряках я писала в предыдущем выпуске двухтомника «Мы помним...», повествуя больше об их семьях, о нашем роде. Продолжая тот разговор, но уже в иной плоскости, расскажу о 232 Алтайской стрелковой дивизии, в которой, как документально зафиксировано, служил один из моих дядей, о чём сказала выше.

Согласно той же скупой информации, выложенной ЦАМО в интернетовском «Мемориале», даты гибели остальных троих моих дядей — март, август и сентябрь 1942 года — все в один год и почти в одно время. К сожалению, не указано, в каких дивизиях они служили и где конкретно пропали без вести. Побывав в Горно-Алтайске, в музее Боевой Славы, посвященном 232 стрелковой дивизии, узнав о её боевом пути, о том, как геройски сражались сибиряки на всех фронтах, участвуя во всех решающих битвах, могу предположить, что

и они участвовали в важнейших военных операциях и погибли где-то в Центральной России, но это всего лишь моё предположение, не имеющее, к сожалению, документальных подтверждений. Однако в эти сроки театр военных действий разворачивался на весьма обширной территории бывшего СССР, и везде в кровавых ожесточённых битвах с врагом геройски сражались и сибиряки.

С жестоких сражений на воронежской земле, где 232 Алтайская стрелковая дивизия приняла своё боевое крещение 25 января 1942 года, наступая на село Кочетовку, — этот день считается Днём дивизии, — начался её славный героический боевой путь.

И что хотелось бы особо отметить, в 1942 году было второе её формирование после огромных потерь в 1941 году, но боевое знамя было спасено. И дивизию сформировали вновь. Она не случайно называлась Алтайской, потому что формировалась в 1942 году, в городе Бийске из жителей горных и предгорных районов Алтая, включая мобилизованных и добровольцев, которых было очень много, из отдалённых горных селений — русских, алтайцев и представителей других национальностей. Сибиряки, жившие, в основном, охотничьим промыслом — меткие стрелки: белку в глаз бьют (наверное, в том числе и по этой причине, они, большей частью, и входили в состав стрелковых полков и дивизий). Смелы и ловки — на медведя с рогатиной ходят; привычны к лютым сибирским морозам, к неустроенности быта. Жизнь их никогда не баловала. Вот такие, таёжные охотники, скотоводы плечом к плечу с новобранцами разных других профессий и национальностей со всего бывшего СССР, с крестьянскими парнями и рабочими становились на фронте бесстрашными и умелыми воинами, беспощадно громившими врага наравне с кадровыми военными.

Вот и трое моих дядей Леонтьевых были призваны на фронт из высокогорного алтайского села Инегень, Онгудайского района. Кстати, уникальное природное место, где ныне создан единственный в России музей снежного барса. И все трое были отличными охотниками, меткими стрелками, на войну ушли в один день. Только брат отца В. Егуеков был призван из Горно-Алтайска, где жил с семьёй и где ныне его имя увековечено на обелиске у Вечного огня, в Парке Победы. На фронте он тоже был стрелком, уверена, метким стрелком, ведь родился и вырос тоже в горном селе Чепош и уже с детства ходил со взрослыми в тайгу и горы на охоту.

Легендарная 232-я

Сумско-Киевская Алтайская орденов Ленина, Красного Знамени, Александра Суворова, Богдана Хмельницкого 232 стрелковая дивизия — одна из тех героических сибирских дивизий, воины которой дрались с врагами, как бесстрашные львы. «Это была свежая сибир-

ская дивизия. Многие её бойцы и командиры — восемнадцати — девятнадцатилетние юноши, не имеющие боевого опыта, но воинская дисциплина, моральное состояние крепкие. 232 стрелковая дивизия первая остановила врага, спешившего ворваться в Воронеж», — писал впоследствии маршал Советского Союза Ф.И. Голиков, командующий Воронежским фронтом.

Обратите внимание — ключевые слова: «Сумско-Киевская… Алтайская…»! Да, эта алтайская дивизия героически сражалась и за Украину, и ей было присвоено почётное наименование освобождённых украинских городов — Сумы и Киев. Она прошла с кровопролитными боями славный, героический фронтовой путь, длинною в 3800 километров, — от Воронежа через Украину, Киев, другие украинские города, которые она защищала и освобождала, Румынию, Венгрию до Чехословакии, где и встретила Победу. Вернее сказать, вместе с другими советскими воинами потом и кровью, ценою тысяч жизней сибиряков-алтайцев добыла её.

Дивизия форсировала крупнейшие реки нашей страны и других стран: Дон, Днепр, Буг, Прут, Серет, Тисса, Морава; дважды совершила беспримерный переход через Карпаты; участвуя в кровопролитных боях.

В летописи героических дел, совершенных частями и соединениями Советской Армии в годы Великой Отечественной войны, 232 Алтайская стрелковая дивизия занимает достойное место. «…Она первой приняла на себя удар во много раз превосходящих сил противника под Воронежем и выстояла в этом сражении, сыгравшем исключительную роль в оборонительных операциях летом 1942 года (к битве за Воронеж ещё вернёмся — авт.). Затем — бои на Курской дуге, битва за Днепр, освобождение Киева, Украины, Молдавии, штурм Карпат. Выход с боями на территорию Румынии и затем Венгрии, Чехословакии, где и встретила Победу…

И где бы ни была 232 стрелковая дивизия, всюду её личный состав показывал высокие примеры мужества, отваги, героизма во имя свободы нашей Родины», — отмечает в своей книге «Дорогой славы земляков» Е.И. Мордвинова.

Получив боевое крещение и неоценимый опыт в жестоких сражениях на воронежской земле, дивизия мужественно дралась, проявляя беспримерный героизм, за многие украинские города. Она освобождала Киев, Сумы, Фастов, Белую Церковь, Умань; отважно сражалась на южном плацдарме Курской дуги. С февраля по август 1943 года линия фронта, где оборону держала 232 стрелковая дивизия, проходила через украинские города Краснополье, Глыбное, Железняк и являлась частью Курско-Орловской битвы.

…Развивая наступление, 2 сентября 1943 года дивизия освободила город Сумы. В этот же день приказом Верховного Главнокомандующего

И.В. Сталина 232 стрелковой дивизии, как особо отличившейся при освобождении этого города, было присвоено почётное звание — Сумской.

В Сумской области, в селе Самотоевка, есть братская могила воинов-сибиряков, в которой захоронено 378 человек. Там побывали вместе с Е.И. Мордвиновой поисковики — школьники из интерната. Они встречались с ветеранами 232 стрелковой дивизии, которые на месте былых сражений сами и рассказали, как всё было на самом деле в те грозные дни.

За освобождение 6 ноября 1943 года Киева, где ожесточённые бои шли за каждый дом, в том числе и на знаменитом Крещатике — Киевской. Именно 6 ноября 1943 года над горисполкомом украинской столицы взвилось красное знамя. Сталину доложили, что Киев взят. Под Киевом многонациональные советские войска 38-й армии, входившей в состав Первого Украинского фронта, под командованием генерала П.С. Рыбалко разгромили 12 танковых дивизий, взяли в плен 41 тысячу фашистов. Уничтожили 1200 орудий, 126 самолётов, 600 танков. Это была грандиозная победа наших сил, достойную лепту в которую внесли и сибиряки-алтайцы. За войну дивизия уничтожила 76930 фашистов, 27622 тысячи взяла в плен.

За освобождение от фашистов в ходе трёхдневных кровопролитных боёв (с 31 декабря 1943 года по 4 января 1944 года), хорошо укрепленного противником города Белая Церковь, — второго по величине, после Киева, украинского города, оккупированного фашистами 16 декабря 1941 года, — куда 232 стрелковая дивизия вошла первой, она была удостоена одной из высших воинских наград — ордена Красного Знамени. Первым с ночными боями ворвался в этот старинный город, основанный Ярославом Мудрым, батальон комбата Г.К. Козлова. Комбат, кстати, впоследствии встречался с алтайскими поисковиками, рассказывал о тех незабываемых днях, о том, как радушно встречали освободителей-сибиряков жители Белой Церкви, — хлебом-солью. Несмотря на то, что была глубокая ночь, люди не спали, а вышли на улицы города, радостно приветствуя алтайских воинов (кстати, к вопросу о нынешнем отношении к советским воинам-освободителям).

Всю войну 232 Алтайскую стрелковую дивизию бросали на самые тяжёлые участки. После войны дивизию расформировали. Её боевые знамена передали в Центральный музей Советской Армии.

За проявленный массовый героизм в боях с фашистскими захватчиками, в том числе и на Украине, дивизия была награждена четырьмя орденами: Ленина, Красного Знамени, Александра Суворова, Богдана Хмельницкого.

И где бы ни сражались её воины — представители разных национальностей, всюду проявляли высокие образцы отваги и мужества, не щадили своей жизни во имя свободы Родины.

За годы войны только в одной этой дивизии высшего воинского звания — Героя Советского Союза были удостоены 33 воина — рядовые и командиры! Многим это высокое звание было присвоено посмертно.

Сёла Краснополье, Думовка и Самотоевка Сумской области — крайний южный рубеж Курской дуги. При взятии безымянной высотки под номером 199, за которую сибирские воины самоотверженно сражались два дня, выбивая с неё врага, чтобы обеспечить продвижение наших сил, восемнадцатилетний старший сержант Алексей Калинин повторил подвиг Александра Матросова, а юный украинец Ваня Вдовытченко бросился под фашистский танк со связками гранат. Алексей закрыл грудью амбразуру вражеского пулемёта, что обеспечило наступление головного 498 стрелкового полка под командованием И.М. Огнева, которому впоследствии было присвоено звание Героя Советского Союза. Одиннадцать атак предпринимал неприятель, чтобы вернуть высотку, но сибиряки геройски отбили их, потеряв более тысячи своих однополчан. На её вершине установлен монумент Славы 498 стрелковому полку, сражавшемуся за неё. А.Н. Калинин и И.Г. Вдовытченко удостоены звания Героя Советского Союза (посмертно).

В Республиканской школе-интернате № 1 им. Г.К. Жукова, отряды борются за право носить имя того или иного Героя Советского Союза из 232 стрелковой дивизии. Носят они имена и этих двух юных героев.

Многие воины дивизии были награждены боевыми орденами и медалями: орденами Отечественной войны всех степеней, Красного Знамени, Красной Звезды; медалями «За боевые заслуги», «За отвагу», «За Победу над Германией» и другими; Почётными грамотами Главнокомандующего И.В. Сталина.

На всём протяжении боевого пути 232 Алтайской стрелковой дивизии в память о героизме её воинов установлены монументы и памятники; обелиски на братских могилах: в Воронеже, на Курско-Орловской дуге, на украинской земле (на Полтавщине, в городе Сумы — монумент Вечной Славы), на границе с Румынией. К великому сожалению, ныне многие памятники оскверняются и даже уничтожаются. Коротка же память у некоторых, похожих на рабов-манкуртов, не помнящих своего прошлого, такого недавнего.

Битва за Воронеж

Золотыми буквами вписана в историю фронтового пути 232 Алтайской стрелковой дивизии героическая битва за город на Дону — Воронеж. Жесточайшая битва за него, начавшаяся в июле 1942 года и длившаяся 212 дней и ночей; по своей напряженности, значимости и длительности сродни Сталинградской, положившей перелом всего

хода Великой Отечественной войны. Двенадцать тысяч сибирских воинов только с Горного Алтая, геройски сражаясь за Воронеж, сложили здесь свои головы. Их имена увековечены в обелисках и мемориальных плитах на братских могилах, но многие из них до сих пор считаются без вести пропавшими.

Дивизия отважно встала на главном направлении удара отборной 4-й танковой армии рвавшегося к Москве и Сталинграду неприятеля. Воронеж фашисты хотели взять сходу. Против во много раз превосходящей в живой силе и техническом вооружении, хорошо обученной, имеющей большой опыт военных действий фашистской армии геройски сражались совсем юные 18–19-летние алтайские юноши и девушки, наспех обученные, не опытные, без огневого и артиллерийского прикрытия, но полные решимости и отваги защищать Родину до последней капли крови, не щадя своей жизни.

Как выше уже говорилось, под Воронежем дивизия первой приняла на себя удар во много раз превосходящих сил противника и мужественно выстояла в этом сражении, сыгравшем исключительную роль в оборонительных операциях летом 1942 года.

232 стрелковая дивизия одна! Вступила в смертельную схватку с семью! Немецкими дивизиями, намного превосходящими в живой силе и военной технике (три танковые и четыре механизированные фашистские дивизии, усиленные авиацией и артиллерией). «Необстрелянная, недостаточно обученная, без огневого и артиллерийского прикрытия дивизия оказалась на главном направлении удара 4-й танковой армии противника, но сдержала врага до подхода основных сил.

Противник поставил перед собой задачу одним ударом сломить на этом направлении сопротивление советских войск, форсировать Дон, занять Воронеж и, повернув на юг, создать угрозу окружения войск юго-западного фронта. Немцы рвались к Сталинграду, к Волге. Битва за Воронеж — это правое плечо Сталинградской битвы. С захватом Воронежа немцы обеспечили бы себе тыл. И чтобы затруднить им дорогу на восток, солдаты, командиры 232 стрелковой дивизии насмерть стояли на берегу Дона, у стен Воронежа и с честью выдержали боевое крещение. Бойцы 232 стрелковой дивизии с танками воевали противотанковыми ружьями и бутылками с зажигательной жидкостью. Если где через наши позиции проходили танки, там не было уже в живых ни бойцов, ни командиров. В таких сложных условиях перед дивизией стояла задача — остановить врага и перейти в контрнаступление. 2 июля 1942 года бойцы 232 стрелковой дивизии поклялись, что не отступят, не сдадут ни одной пяди земли...» — пишет в своей книге Е.И. Мордвинова. И клятву сдержали!

В битве за Воронеж только за пять дней сражений дивизией было уничтожено 63 танка, 120 бронемашин неприятеля, 13 тысяч гитле-

ровцев. Воины сражались под командованием таких отважных военачальников, как командир дивизии генерал-майор И.И. Улитин, приобретший боевой опыт в войне с белофиннами, прошедший во главе дивизии от Бийска до украинского города Фастова, где был тяжело ранен, лечился в московском госпитале, после вернулся на военную службу; комиссар дивизии полковник Ф.Я. Никифоров; командиры полков, Герои Советского Союза И.М. Огнев, А.И. Панков, Г.С. Васильев, П.А. Зворыгин, Д.А. Штельмах.

Дивизия держала оборону вместо положенных по военному времени двенадцати километров — восемьдесят!, геройски отбивая непрерывные атаки фашистских полчищ. «Земля горела, вода в Дону, смешанная с кровью и грязью, кипела, бурлила, а эти безусые мальчишки, почти безоружные, дрались и ещё наводили ужас на гитлеровцев. «Сибиряки идут!» — произносили шёпотом… Одно слово «сибиряки» на немцев наводило ужас». Только за три самых тяжёлых дня боёв, с 3 по 7 июля 1942 года, погибло 5500 алтайских воинов.

Ежедневно полчища вражеских самолётов вылетали бомбить город. От их количества в небе становилось темно. Город был почти полностью разрушен — на 97 процентов. Беспримерно дрались сибиряки за каждую пядь воронежской земли. Сёла на подступах к Воронежу за сутки переходили из рук в руки по 8–10 раз! Кромешный ад!, но сибиряки стойко держались до последнего, не щадя своей жизни, и одолели врага. Не только в самом Воронеже, но и во многих сёлах Воронежской области, за которые отважно сражались алтайцы, установлены им памятники. Почти в каждом селе — братские могилы.

В ожесточённой битве 498 стрелкового полка за село Малышево геройски погиб комбат П.И. Зайцев, гранатой остановивший надвигающийся на его пулемёт вражеский танк, — посмертно награждён орденом Красного Знамени. У села Губарево, где сибирякам приходилось в жестоких схватках с неприятелем отбивать по 5–9 атак, смертью храбрых пал меткий стрелок — алтаец Яков Торбогошев, в одиночку до последнего патрона сражавшийся с наступающим противником.

Окоп с останками Якова и его солдатским медальоном много лет спустя нашли красные следопыты Губаревской школы. Захоронены останки Якова Ядышевича Торбогошева в общей могиле с его павшими однополчанами. Имя его увековечено на гранитной плите. За памятниками и братскими могилами сельчане бережно ухаживают, приносят живые цветы и добрым словом поминают защитников-сибиряков.

В дивизии было 590 девушек, более девяноста из них — с Горного Алтая. Многие пошли воевать добровольно. Только под Воронежем они оказали помощь 50-ти тысячам рядовых красноармейцев и офицеров, рискуя собственной жизнью. «Сестрички» вернули в строй пят-

надцать тысяч воинов. Нередко они и сами с оружием в руках вступали в бой с неприятелем, как например, доброволец из горного села Теньга Агния Хворова. В бою за Воронеж, ей вмиг пришлось сменить санитарную сумку на пулемёт, отбить обступивших врагов и спасти раненых советских воинов. Агния проявила беспримерную храбрость и на чужой земле, подняв в атаку роту вместо убитого командира. Агния Александровна была награждена многими боевыми наградами. После войны она жила в г. Барнауле, вела большую героико-патриотическую работу в школе № 80.

Алтайская поисковая группа «Поиск–232» побывала в гостях у А.А. Хворовой. Записаны её фронтовые воспоминания, которые сегодня активно используются в военно-патриотической работе музея Боевой Славы при Республиканской школе-интернате № 1 им. Г.К. Жукова.

Подобных примеров героизма можно привести множество, не случайно ветераны особо подчёркивают тот факт, что его проявление воинами их дивизии, солдатами и офицерами, носило массовый характер.

Сибиряки стояли насмерть

О фронтовиках мною написано немало: не только очерки, интервью, подготовка спецвыпусков газет ко Дню Победы, но и книги. И что интересно, почти все мои собеседники-фронтовики, вспоминая о тяжёлых днях войны, особенно в первый её период, говорили о том, что особым мужеством, смелостью и стойкостью отличались сибиряки: «Эти воины, казалось, не знали ни страха, ни усталости, самоотверженно бросаясь первыми в бой. Стояли насмерть». Не случайно фашистов охватывал ужас, когда они слышали: «Сибиряки идут!». Сибирские дивизии геройски дрались на всех фронтах Второй мировой. Об одной, 232 Алтайской стрелковой дивизии, я вкратце рассказала. Сибиряки отличились и при обороне Москвы осенью-зимой 1941 года. Как тут не вспомнить шукшинские строки, характеризующие одного из его литературных героев: «…очень надежный, крепкий сибирячок, каких запомнила Москва 1941 года, когда такие вот, ясноглазые, в белых полушубках, день и ночь шли и шли по улицам, одним своим видом успокаивая…» Вот такие сибирячки и сыграли огромную роль в том, что столицу советские воины не только отстояли, но и погнали от её стен врага прочь.

Сибиряки стояли насмерть и на 41-м километре — главном рубеже обороны Москвы в 1941 году, — на пути фашистских полчищ, отлично моторизованных, во много раз превосходящих наши силы в военно-техническом оснащении и людских ресурсах, рвавшихся к столице с северо-запада, с Волоколамского направления, надеясь малой кровью и в короткие сроки взять её, но им это, как известно, не удалось. Героический подвиг, мужество и стойкость воинов Красной Армии,

Мемориальный комплекс «Рубеж Славы». Монумент Воинам-сибирякам, Ленино-Снегирёвский военно-исторический музей. Московская область

грудью вставших на пути врага, замечательно отобразил в своём романе «Волоколамское шоссе» писатель-фронтовик Александр Бек.

...Под Москвой, на Волоколамском направлении, между посёлками Ленино и Снегири, Истринского района, под открытым небом раскинулся Мемориальный комплекс «Рубеж Славы», собравший боевую технику, непосредственно участвовавшую в сражениях на фронтах Великой Отечественной — и советскую, и немецкую. На ней даже вмятины и пробоины от снарядов видны. Открывает эту огромную уличную музейную экспозицию, рядом с Вечным огнём, скульптурный ансамбль — монумент «Воинам-сибирякам»: три воина, — двое в полушубках, один в шинели, — с оружием в руках, застывшие в бронзе, в броске, в момент смертельной схватки с врагом. На постаменте аршинными золотыми буквами надпись: «Сибирякам».

Рядом с музеем под открытым небом располагается и сам замечательный Ленино-Снегирёвский Военно-исторический музей, который может многое поведать современникам о Великой Отечественной войне, о героических днях обороны Москвы. Отрадно было видеть, что даже глубокой осенью, в холодный пасмурный день, столичные, и не только столичные, педагоги привозят сюда, в эти военные музеи, своих учеников, рассказывают им о войне, о героизме фронтовиков. Школьники слушают с большим вниманием и интересом, фотографируются у памятника сибирякам.

В посёлке Рождествено, тесно соседствующем с п. Снегири, где также шли жестокие оборонительные бои на подступах к Москве, рядом со старинным храмом во имя Рождества Христова, который ещё русские цари посещали, есть братская могила с нескончаемой чередой фамилий — золотом на чёрном мраморе. Жадно пробегаю глазами фамилии, как всякий раз у любой братской могилы, бывая в разных уголках Центральной России, с замиранием сердца ожидая найти родные — Леонтьев, Егуеков..., но, увы, не нахожу. Однако, и в этой братской могиле могут быть сибиряки — и, может, даже алтайцы. И, наверное, кто-то до сих пор надеется хоть что-то узнать о своих погибших родственниках, по сей день считающихся без вести пропавшими. И кто-то, где-то так же останавливается перед братской могилой, не только, чтобы отдать дань памяти, уважения и благодарности тем, кто погиб, защищая нашу Родину, но и с неистребимой надеждой увидеть родные имена...

Видно, одному Господу ведомо, где покоится прах стольких, безвестно сгинувших в пекле войны русских солдат и офицеров, в том числе и сибиряков — уроженцев Горного Алтая, вместе со всеми советскими воинами прошедших всеми фронтовыми путями-дорогами до самого Берлина.

«Это нужно не мертвым.
Это нужно живым!»

Под руководством Е.И. Мордвиновой воспитанники школы-интерната, прежде всего, кадеты, ведут поисковую работу, изучая историю боевого пути дивизии, разыскивают её бойцов, рассказывают о их славных подвигах. Цель поиска — восстановить в народной памяти имена защитников Родины и их бессмертные подвиги.

Кстати, отец Евдокии Ивановны, Иван Алексеевич Бабушкин, тоже воевал в составе этой дивизии, был рядовым ПТРовцем (ПТР — противотанковое ружьё) 498 легендарного стрелкового полка; прошёл боевой путь от Воронежа до Киева, в битве за который был тяжело ранен.

Книга Е.И. Мордвиновой «Дорогой славы земляков», рассказывающая о героическом фронтовом пути дивизии и её воинах, также хранится в школьном музее и доступна учащейся молодёжи.

— Не одно поколение детей нашей школы-интерната воспиталось на примерах бойцов прославленной Алтайской дивизии. Военно-патриотическое воспитание даёт возможность ярче показать мужество и отвагу защитников Родины в годы войны, их беспримерную преданность Отечеству», — сказала автору этих строк Е.И. Мордвинова.

Время неумолимо. Всё меньше и меньше остаётся фронтовиков Второй мировой. Тем ценнее всё, что передали они — непосредственные участники тех кровопролитных боёв в своих воспоминаниях о войне. Тем ценнее вот такая поисковая работа, проводимая следопытами в разных уголках России, в том числе и в Республике Алтай. На воронежской земле юные поисковики тоже много лет собирают материал о 232 Алтайской стрелковой дивизии, героически сражавшейся на их земле. Они поддерживают тесные многолетние связи с алтайскими поисковиками, которые бывали у воронежцев в гостях. Во главе с Е.И. Мордвиновой отряд «Поиск–232» прошёл по боевому пути дивизии от Бийска до самой границы с Румынией. Юные поисковики встречались со многими ветеранами дивизии, которые на местах былых боёв рассказывали, какой ценой они добывали в жестоких кровопролитных сражениях победу.

Как ценны сейчас, когда фронтовая история самой кровопролитной за всё время существования человечества войны искажается и переписывается в угоду чьим-то амбициозным политическим интересам, эти фронтовые воспоминания самих участников сражений, сохранённые и донесенныё до нас в записях благодаря энтузиастам-поискови-

кам. И, слава Богу, сегодня на российской земле таких людей немало. Поисковики во всех регионах нашей страны возвращают из небытия имена безымянных солдат, записывают фронтовые воспоминания тех участников боёв, кто ещё остался в живых, чтобы время не стёрло в памяти потомков те тяжёлые и героические дни, чтобы ангажированные историки не внесли в них свои выдуманные тенденциозные правки, переписывая военную историю заново, под себя, на свой взгляд и лад, как происходит это ныне в Киеве. Кто бы мог подумать, что такое может случиться на Украине, в том же Киеве, за освобождение которого от фашистских оккупантов погибло столько советских воинов, в том числе и с алтайской земли! Разве мог хотя бы на миг предположить кто-то из тех павших, кто не щадя своей жизни, отбивал бесчисленные атаки превосходящего по силе противника, кто бросался со связками под гусеницы немецких танков или закрывал своей грудью амбразуру вражеского пулемёта, что такое вообще может произойти! Что будут осквернены и снесены памятники воинам-победителям, которых вместо освободителей называть станут оккупантами и вообще запретят сам праздник Великой Победы?! А национальным героем провозгласят Бандеру, на чьей совести тысячи замученных и невинно убиенных, в том числе женщин, стариков и детей, а по улицам города-героя Киева, стоявшего у истоков российского государства — Киевской Руси, станут маршировать молодчики с фашистской свастикой, с человеконенавистническими идеями и планами в мозгах, считающих Россию своим заклятым врагом?!

Вот почему так важно сегодня, чтобы девиз «Никто не забыт! Ничто не забыто!» стал поистине действенным, воплощаемым в жизни, в деле патриотического воспитания молодёжи, способствуя выработке у неё верных нравственных ориентиров, как делается это на базе вышеупомянутого Республиканского музея Боевой Славы им. Г.К. Жукова в школе-интернате № 1, в Горно-Алтайске.

На всю жизнь оставили славный след в сердцах юных поисковиков встречи с ветеранами дивизии, в том числе и с Героями Советского Союза, которые многое им рассказали и показали, как бы оживили беспримерный подвиг земляков. Он приобрёл зримые, реальные черты, что не могло эмоционально не подействовать на ребят. Впечатления буквально их потрясли и навсегда запечатлелись в памяти. «За годы учёбы в школе-интернате мы многое сделали по розыску воинов 232 стрелковой дивизии. Уходя из школы, мы хотим, чтобы эта работа продолжалась, чтобы продолжали искать новые имена, узнавать новые подвиги бойцов 232 стрелковой дивизии при защите нашей священной Родины… Это нужно для того, чтобы дети учились любить и защищать Родину, как защищали и любили её наши деды и отцы, чтобы помнил мир спасённый их имена, имена героев — защитников Родины».

«Самый главный результат нашего поиска в том, что у нас растёт чувство гордости за свой край, люди которого высоко подняли честь не только своей алтайской земли, но и всей нашей страны, отстояли светлое будущее людей на земле. Мы хотим видеть свой Зал Боевой Славы 232 стрелковой дивизии, как центр героико-патриотической работы с детьми, работающими под девизом «Никто не забыт! Ничто не забыто!», — пишут бывшие воспитанники школы-интерната в музейных альбомах и на страницах мордвиновской книги.

...Я благодарна поисковикам, которые помогли и мне узнать хотя бы об одном из четверых моих погибших дядей. Пусть не конкретно о нём, но о дивизии, в которой он служил, о его однополчанах, а это многого стоит. Ведь всё моё детство, вместе со всеми взрослыми, прошло в надежде хоть что-то узнать о наших сгинувших фронтовиках, в ожидании их возвращения, так и не состоявшегося...

РЕПОРТАЖИ ИЗ МУЗЕЯ ШКОЛЫ-ИНТЕРНАТА

Какышев Евгений Андреевич, *15 лет,*
кадет 9-б класса Республиканской школы-интерната
№ 1 им. Г.К. Жукова,
г. Горно-Алтайск,
Республика Алтай

Я с шестого класса являюсь членом совета музея Боевой Славы 232-й Алтайской стрелковой дивизии, уже сорок лет существующего при нашей школе-интернате. Здесь каждый может соприкоснуться с военной историей, с подвигом земляков в годы Великой Отечественной войны. Мы должны знать и помнить наших героев и равняться на них — это верный жизненный ориентир.

На меня произвёл большое впечатление подвиг, совершённый юным воином Алексеем Калининым. Он повторил подвиг Александра Матросова, закрыв собой амбразуру фашистского пулемёта. На том месте, где геройски погиб Алексей, установлен обелиск, на котором написано: «Товарищ, остановись, поклонись этому священному месту... Здесь в августе 1943 года повторил подвиг Александра Матросова старший сержант 232-й стрелковой дивизии Калинин Алексей Николаевич. Ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза».

Школа, в которой он учился, в селе Новозыряновка Сростинского района Алтайского края, носит его имя. Здесь поставлен ему памятник. Один из наших школьных отрядов носит его имя. Я горжусь подвигом моего земляка-героя и хотел бы быть на него похожим.

Когда я провожу экскурсии, рассказываю об Алексее Калинине, вижу, никто не остаётся равнодушным. И вообще, всеми полученными в музее знаниями, я охотно делюсь с другими: рассказываю всем, кто приходит в наш музей, о дивизии, о её отважных воинах, об их геройских поступках на фронте. И мне радостно сознавать, что они — мои земляки, родом, как и я, с Горного Алтая. С гордостью говорю об этом.

Мужество моих отважных земляков поддерживает и меня: когда мне впервые доверили провести экскурсию в музее, очень волновался. Но тут я подумал о тех отважных воинах, что в годы войны не щадили своей жизни во имя других, и сказал себе: «Ты справишься. Ты должен хорошо, чётко и интересно рассказать о том героизме, какой твои земляки проявляли на войне. Они же смотрят на тебя с фотографий на стендах, а ты — один из тех, кто рассказывает о них, чтобы другие знали, какими они были мужественными, смелыми, и помнили о них. Это придало мне смелости, и я чётко и правильно всё рассказал, не сбился, не забыл ничего, а потом уже не боялся. Теперь самостоятельно с радостью и удовольствием рассказываю гостям обо всём, что знаю о 232-й стрелковой дивизии, о её рядовых красноармейцах и командирах, о Героях Советского Союза, показываю музейные экспонаты, фотографии фронтовиков. Я очень горжусь нашим музеем и не скрываю этого, когда провожу экскурсии, потому что считаю за честь то, что нам, школьникам, доверяют проводить их.

Конечно же, мы, учащиеся мирного времени, не хотим войны, но вот эти стихотворные строки для меня, российского кадета, — не пустые слова:

Не лгать, не трусить,
Верным быть народу.
Любить родную землю-мать,
Чтоб за неё — в огонь и в воду.
И, если надо, то и жизнь отдать.

Я уже принимал присягу перед своими товарищами, перед кадетским знаменем своей роты, перед Родиной. Я убеждён, что, если вдруг нужно будет защищать нашу землю, мы, российские кадеты, сделаем это также самоотверженно, как и наши земляки из 232 стрелковой дивизии.

К сожалению, уходят из жизни солдаты Великой Отечественной войны. И никто лучше, правдивее, чем они сами — участники тех кровопролитных сражений, не расскажет о ней. Что мы будем делать, когда последний ветеран покинет этот мир? К счастью, останется память. Останутся их воспоминания, очень бережно, подробно, очень вовремя записанные такими людьми, как Евдокия Ивановна Мордви-

нова, и переданные нам — представителям нового поколения. И мы должны передать их следующему поколению. Эта эстафета памяти никогда не должна оборваться.

А главный вывод всей нашей работы очень прост: есть единственное вечное на земле — это память и любовь к Родине. И пока мы помним и чтим героев Великой Отечественной войны, которые отстояли ценой своей жизни свободу для нас, наша страна непобедима!

* * *

Бедарева Алиса Андреевна, *15 лет,*
ученица 9-а класса Республиканской школы-интерната
№ 1 им. Г.К. Жукова,
г. Горно-Алтайск
Республика Алтай

Беспримерен подвиг восемнадцатилетней алтайской девушки Шуры Сакыловой, родом из небольшого в то время горного села Чепош, стоящего на берегу Катуни. Шура с тяжело ранеными бойцами была окружена немцами. На их крики: «Сдавайся!», — она ответила: «Красноармейцы не сдаются!» и, схватив автомат, начала отстреливаться. «Когда бойцы освободили это местечко, Шура лежала с пробитой грудью. Кровь выступила на полушубке, — пишет Е.И. Мордвинова в своей книге «Дорогой славы земляков». — Рядом лежали 5 фашистских солдат и офицеров. Видимо, Шуру хотели взять живой. Но эта скромная девушка имела сердце настоящего воина…» О подробностях этого подвига Евдокии Ивановне рассказали бывшие однополчане Шуры, видевшие всё это собственными глазами.

Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Шуры Сакыловой (посмертно) орденом Отечественной войны II степени был напечатан в красноармейской газете «Отважный боец» (№ 5, 1943 г.). Орден вручили матери Шуры.

После гибели Шуры её фронтовые подруги посвятили отважной девушке такие стихи:

Ты была, как юность, молода.
Только злая пуля прилетела,
Оборвала твою песню навсегда.
Ты погибла, как жила, — сражаясь,
Не спиной, а грудью встав к врагу.
Алыми цветами растекалась
Кровь твоя на голубом снегу.
Капли крови, молодой, горячей,
Пусть стучат набатом нам в сердцах

Не могла ты, Шура, жить иначе –
Только так, — сражаясь до конца.
И вспоминаем все мы
Девушку с Катунских берегов,
В трудный час она в бою сумела
Заслонить Отчизну от врагов!

* * *

Килин Константин Сергеевич, *15 лет,*
кадет 9-б класса Республиканской школы-интерната
№ 1 им. Г.К. Жукова,
г. Горно-Алтайск
Республика Алтай

Я уже четвёртый год работаю в музее Боевой Славы, который посвящён Сумско-Киевской орденов Ленина, Красного Знамени, Александра Суворова, Богдана Хмельницкого 232-й Алтайской стрелковой дивизии. В нашем музее много подлинных экспонатов времён Великой Отечественной войны: осколок мины, настоящий немецкий кожаный плащ, русские и немецкие каски, офицерская форма и другие. Бесценны записанные фронтовые воспоминания ветеранов этой дивизии, их фотографии и информация о них. Всё это открыло для меня трагическую и героическую страницу нашей военной истории, которая как бы ожила на моих глазах.

В музее я узнал о героическом фронтовом пути 232-й стрелковой дивизии, пролегшем от Воронежа, у стен которого она летом 1942 года приняла боевое крещение, до Чехословакии, где и встретила Победу; форсировала крупнейшие реки нашей страны, Румынии, Венгрии; совершила беспримерный переход через Карпаты, за что была награждена орденом Ленина. Меня до глубины души потрясли подвиги воинов этой дивизии.

Беспримерен, например, подвиг, который совершил доброволец Николай Клименко. В бою вместе со своим взводом он успешно отбивал атаки противника, ряды бойцов редели. Лейтенант остался со связным, которого потом отправил в штаб с донесением. Немцы начали окружать Клименко, чтобы взять его живым. Подождав, пока большая группа немцев подойдёт близко, бросил гранату себе под ноги. Николай погиб, но вместе с ним погибло и много врагов.

Я подумал: «А я бы смог так поступить?» Думаю, если бы надо было спасти многих своих товарищей и Родину, смог бы. Да и каждый из нас, сегодняшних кадетов, думаю, смог бы.

И ещё я понял важное — что, а вернее, кто стоит за такими высокими четырьмя наградами, которых была удостоена дивизия

за годы войны, — орденов Ленина, Красного Знамени, Александра Суворова, Богдана Хмельницкого. И теперь, когда я беру в музее в руки солдатскую каску, найденную на полях былых сражений, мысленно представляю алтайского воина, бесстрашно бросающегося в бой. Мы должны быть достойны героев войны и память о них пронести через всю жизнь. И наш музей помог нам это сделать, потому что всё, что мы здесь узнали и увидели, забыть уже невозможно никогда.

БРАТЬЯ ИЗ КРАСНОПОЛЬЯ

Салихов Вячеслав Александрович, *60 лет,*
полковник в отставке, председатель Совета ветеранов
УФСБ по Тульской области,
г. Тула

Мои детство и юность прошли в селе Краснополье, где до войны проживало порядка тысячи человек. В конце XIX века жила в этом селе семья Климовых — Яков и его сестра Татьяна. У Якова было двое сыновей — Николай и Александр. И у Татьяны двое — Александр и Аким. О них, детях своего нелегкого времени, с порой трагической судьбой мне и хотелось бы рассказать. Это им, всем четверым, выпала доля защищать Родину в самые суровые годы Первой мировой и Великой Отечественной войн. Двое из них — Николай Яковлевич Климов и Аким Петрович Салихов — были участниками Сталинградской битвы, дошли до Берлина. Итак, по старшинству…

Александр Яковлевич Салихов

Тульский биографический словарь указывает: «Салихов Александр Яковлевич (1895 год), уроженец Епифанского уезда Тульской губернии. Герой Социалистического труда (1949). Родился в бедной крестьянской семье. 1909–1913 год — сельский плотник. 1913–1919 — рабочий фабрики парфюмерных товаров в городе Москве. В 1919–1921 годах проходил службу в Красной Армии». К этой справке необходимы некоторые уточнения. Александр Яковлевич работал до революции на парфюмерной фабрике. Освоил профессию мыловара и добился в ней немало успехов, став мастером. На воинском учете он состоял в городе Епифани и был вызван весной 1917 года на комиссию для призыва.

Позднее А.Я. Салихов вспоминал: «Комиссию в Епифани надо было проходить несколько дней. Пассажирские перевозки на железнодорожном транспорте были отменены, осуществлялись только военные

перевозки. Не успел добраться до Епифани, как получил телеграмму: «Просим немедленно вернуться, так как из-за вашего отсутствия мы не можем выполнить в полном объеме заказы для передового отряда Великой княжны Елизаветы Федоровны». К ней прилагался вкладыш на беспрепятственный проезд по железной дороге до Москвы. Комиссия дала мне отсрочку от воинской службы на три месяца».

В дни февральской революции А.Я. Салихов, пользуясь доверием рабочих и служащих, был избран председателем фабрично-заводского комитета и рабочего контроля парфюмерной фабрики. Александр Яковлевич, рано познавший труд, будучи человеком неравнодушным и справедливым, поддерживал революцию. Он видел, как безжалостно эксплуатируются рабочие, которые при полном отсутствии нормальных условий обеспечиваются лишь минимальным медицинским обслуживанием. Рабочие, как правило, проживали одни или с семьями в бараках, на съемных квартирах без каких-либо удобств, в антисанитарных условиях. На обращения и жалобы хозяин обычно отвечал: «Не устраивает работа — уходите. На ваше место у меня есть 20–25 человек».

В июне 1917 года А.Я. Салихов был призван на службу и находился на Украине, в Каменец-Подольской губернии. Входил в состав полкового комитета. Позднее по делам комитета был командирован в Москву, где и встретил Октябрьскую революцию. Поступив на службу уже в Красную Армию, был направлен в 76 запасной полк в город Тулу, а оттуда, в составе первой огнеметной роты 119-го пехотного батальона, в город Епифань.

В то время, кроме врага в лице белогвардейцев, был еще враг пострашнее — тиф. Вот и было поручено Александру Яковлевичу, как специалисту, варить мыло — главное оружие против сыпного тифа и инфекционных болезней. Правда, уберечься самому ему не удалось — он тоже переболел тифом. Гражданская война закончилась, а он продолжил заниматься своим обычным делом уже в качестве служащего уездного отдела здравоохранения. Варил мыло до 1923 года. Затем была работа председателем потребительского общества, заведующим механической мельницей в селе Краснополье, председателем колхоза «Новый путь», организованном им же в 1929 году.

Началась Великая Отечественная война. Враг занял огромную территорию нашей страны, подошел к Москве. Под реальной угрозой оккупации оказался и Кимовский район. Александр Яковлевич провел огромную работу, чтобы эвакуировать на восток материальные ценности колхоза и, прежде всего, скот — лошадей, коров. Когда же враг потерпел сокрушительное поражение, надо было восстанавливать разрушенное хозяйство и заниматься производством сельхозпродукции для нужд фронта.

С первых дней войны колхоз сдал в отряд обороны 3 грузовых автомобиля, 64 лошади и повозки на полном ходу, пожарную мотопомпу, запряженную двумя лошадьми. Позднее колхоз отправил на фронт еще семьдесят лошадей. Всего за годы войны колхоз «Новый путь» передал 157 лошадей, а, кроме того, переработал и сдал 2 тысячи тонн гречневой крупы высокого качества для Брянского фронта. Ежегодно, по сводкам тех лет, колхоз, который возглавлял А.Я. Салихов, сдавал в фонд обороны 8–10 тысяч пудов зерна, 10 тысяч пудов картофеля и овощей, оплатил покупку 250 саней для гужевого транспорта районов Тульской и Смоленской областей, пострадавших от оккупации. Государство оценило трудовой вклад Александра Яковлевича в Победу над смертельным врагом, наградив его медалями «За оборону Москвы» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне в 1941–1945 гг.».

А теперь о детях. Старший сын А.Я. Салихова — младший лейтенант Сергей Александрович Салихов — пропал без вести в боях под Москвой. Перед тем, как уйти на фронт, он работал библиотекарем первой в районе библиотеки, пользовался большим уважением односельчан. Второй сын — Николай Александрович Салихов, сержант пулеметного расчета — погиб 23 февраля 1944 года в боях на Корсунь-Шевченковском направлении, и похоронен в братской могиле в Звенигородском районе.

Николай Яковлевич Климов

Рядовой Климов — участник Первой мировой и Великой Отечественной войн. Немного было тех, кому довелось воевать в двух мировых войнах, да еще рядовым пехотинцем, а уж кому повезло остаться живыми — и вовсе единицы. Николай Яковлевич родился в бедной крестьянской семье, совсем юным отправился на заработки в Москву, какое-то время работал со своим двоюродным братом Александром Яковлевичем на парфюмерной фабрике. Когда в 1914 году началась Первая мировая война, был призван на фронт. Служил на передовой. После Октябрьской социалистической революции в числе других крестьян был демобилизован и занялся сельским хозяйством.

Когда началась Великая Отечественная война, ему было 48 лет, и он вновь был призван на военную службу, на этот раз — нестроевую. Занимался перевозкой грузов для нужд Красной Армии на конной тяге. Однажды, находясь в обозе в Мордовии, встретил случайно своего двоюродного брата Акима Петровича Салихова, который находился в действующей армии и занимал высокий командирский пост. При встрече хорошо угостил, дал ему на дорогу продуктов, так как в обозе с этим было очень трудно, проще говоря, обозчики недоедали… А, вернувшись в обоз, решил разыскать брата, чтобы отправиться на

службу в его часть. Аким Петрович ему тогда сказал: «Николай, нас готовят к переброске на очень ответственный участок фронта, так что я тебе не советую переходить служить в нашу часть. Хотя я могу этот вопрос решить». На что Николай Яковлевич заявил брату: «Аким, я лучше от пули умру, чем от голода. Возьми меня к себе, прошу...» Кстати, скоро всех обозчиков отпустили по домам, работать в тылу на нужды Красной Армии. Так он и оказался под Сталинградом.

Вспоминая о тех событиях, Николай Яковлевич отмечал, что иногда после атак от роты оставалось всего несколько человек. А сколько было таких атак! А потом изнурительный, опасный путь от Сталинграда до Берлина — пешком или ползком. Проходил военную службу Н.Я. Климов в 15-й Харьковской ордена Ленина и Красного Знамени стрелковой дивизии. Указом Президиума Верховного Совета СССР 28 октября 1943 года был награжден медалью «За оборону Сталинграда». И что удивительно, ни разу не был ранен. Возвращался Николай Яковлевич с войны с «трофеем». В основном это был слесарный и столярный инструмент. И это не случайно — до войны он работал мельником, и этот инструмент ему пригодился. Кто-то из земляков подтрунивал и посмеивался над ним, ведь можно было привезти и другие нужные в семье вещи, а семья была многодетной, но Николай Яковлевич был профессионалом в своем деле и по-другому поступить не мог, хотя и тяжело было везти из Германии всякие «железки».

На мельнице в селе Краснополье он проработал 35 лет. Трудился по 12–14 часов в день, но мука у него всегда выходила отличного качества. И если сам Николай Яковлевич с войны вернулся, то вот его сын, рядовой Сергей Николаевич Климов, участвуя в ожесточенных боях за город Смоленск, пропал без вести. Там же пропал без вести и его брат Александр Яковлевич Климов. В настоящее время в Краснополье проживает сын Николая Яковлевича — ветеран Великой Отечественной войны Юрий Николаевич Климов, посвятивший себя работе в учреждениях культуры колхоза «Новый путь». Он и по сей день активно участвует в работе по патриотическому воспитанию молодежи, пользуется большим доверием и авторитетом у своих земляков.

Александр Яковлевич Климов

О нем односельчане всегда говорили с большим уважением, любовью и благодарностью. Это был человек, которому, как и многим его сверстникам, дорогу в будущее открыла Советская власть. Дала возможность развить лучшие качества. В той новой жизни Александр Яковлевич посвятил себя воинской службе и до последнего часа беззаветно был предан своему Отечеству, оставаясь верным присяге. А.Я. Климов родился в 1904 году в селе Краснополье. Отец Яков Ива-

нович Климов, как и многие его земляки, чтобы прокормить семью, был вынужден искать дополнительные заработки в Москве. Самому Александру Яковлевичу рано пришлось познать крестьянский труд. Пас скот, а когда из Москвы вернулся его отец, потерявший зрение и вынужденный просить милостыню, был его поводырем. Талантливый юноша в 1923 году вступил в комсомол, активно строил новую жизнь, отличался большим трудолюбием и был для своего времени весьма грамотным человеком. В 1924 году, когда ему едва исполнилось 20 лет, краснопольцы избрали его председателем исполкома сельского Совета, к которому относилась целая «волость», то есть несколько соседних деревень. Работал Александр Яковлевич с большим трудолюбием, самозабвенно. Еще бы! Ему приходилось строить новую жизнь! А обстановка в стране в то время была очень сложной и тяжелой: только что закончилась гражданская война, кругом неразбериха и разруха. Не хватало для жизни самого необходимого. Напряженной была и политическая ситуация — кто бы что ни говорил, но классовую борьбу никто не отменял. В некоторых случаях молодому председателю приходилось рисковать даже собственной жизнью. Его работа в этой должности была отмечена по тем временам очень высоко: в 1926 году он был принят в ряды коммунистической партии. Вскоре был призван на срочную военную службу и направлен в училище Центрального Исполнительного Комитета СССР, а затем переведен на обучение в школу среднего начальствующего состава Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА).

По ее окончании в 1930 году, А.Я. Климов был направлен на службу в Среднюю Азию, в пограничные войска, где проявил себя как волевой и бесстрашный воин, умелый командир. Одной из главных задач в то время была борьба с басмачеством. Иногда Климов так увлекался в бою, что со своим эскадроном загонял басмачей в Кабул, за сотни километров от границы. О его подвигах в 80-е годы прошлого столетия рассказывал журнал «Советский пограничник». В музее одного из пограничных округов ему даже был посвящен специальный раздел. В семье А.Я. Климова остались документы, которые также свидетельствуют о его успешной службе. В частности, выписка из протокола № 23 заседания Президиума Центрального исполнительного комитета советов Таджикской ССР от 8 февраля 1936 года, согласно которой командира подразделения Краснознаменного таджикского пограничного отряда Климова наградили радиоприемником. За хорошие и отличные показатели в боевой и политической подготовке он был также награжден грамотой начальника и военкома 48-го погранотряда города Кировограда.

В апреле 1941 года как перспективный командир Александр Яковлевич был направлен на курсы при Академии Генерального штаба

имени М.В. Фрунзе в Москву. Но началась Великая Отечественная война, и 8 июля 1941 года по поданному им рапорту добровольно Климов был направлен на фронт, а уже 25 июля награждён за героизм, проявленный в боях с немецко-фашистскими захватчиками, орденом Красной Звезды. О чем написала газета «Правда» — как известно, в первые дни войны награждённых было мало.

Перед выездом на фронт он послал жене Тамаре Константиновне Климовой телеграмму следующего содержания: «Выехал на фронт. Всех целую. Шура». Он был хорошим сыном и отцом. Знал, что нелегко приходится и семье, а потому писал впоследствии: «Здравствуйте, мои дорогие Тамара, Светлана, Рита! Крепко, крепко целую. Прости, дорогая, долго не сообщал о себе. После той телеграммы, которую написал за один час до выезда на фронт, я сообщить о себе не мог — то есть условий не было. Я пока жив, здоров. Но какие условия и обстановка, писать не буду. Сама должна понимать. Условия фронта — действующей армии в полном смысле... Срочно сообщи о себе, как здоровье твое и детей. Из моей зарплаты в 800 рублей, если будет возможность, периодически по 100 рублей высылай матери... По возможности буду еще писать. Желаю всего хорошего. Ваш папа Шура».

Это было его последнее письмо с фронта Смоленского направления. В сентябре 1941 года он пропал без вести. Какие обстоятельства сопутствовали этому, неизвестно. Но есть твердое убеждение, что он сражался до последнего, достойно завершил свой жизненный путь, сражаясь за Отечество. Краеведы Кимовского Дома пионеров в 1989 году делали запрос в отдел кадров Министерства обороны СССР в отношении Климова и получили ответ следующего содержания: «Сложная обстановка на фронтах Великой Отечественной войны в 1941 году не позволила установить судьбу некоторых военнослужащих. Поэтому они были учтены как пропавшие без вести». Там же в районе Смоленска несколько позже, также сражаясь за Родину, как истинный воин, пропал без вести и его племянник — рядовой Сергей Николаевич Климов.

В извещениях, которые приходили в адрес близких со словами «ваш сын, муж пропал без вести», была и надежда на возвращение и горечь от осознания того, что не дано узнать, где нашел свое последнее пристанище родной человек. За пропавших без вести некоторое время даже не полагалось никакого пособия для семьи. Может быть, в то непростое время это было оправданно, но вряд ли справедливо. Уже много позже все было расставлено по своим местам, и в книгах Памяти о Великой Отечественной войне наравне с именами погибших встали и те, кто пропал без вести...

Аким Петрович Салихов

Аким Петрович родился в 1906 году в селе Краснополье и был родным братом Александра Яковлевича Салихова по матери. С раннего возраста трудился в сельском хозяйстве. В 1923 году возглавил комсомольскую ячейку в селе Краснополье. Прошел срочную службу в Красной армии, впоследствии став кадровым военным. В 1939 году ему было присвоено воинское звание старшего политрука. С первых дней войны находился в составе Донского фронта, участник Сталинградской битвы. В декабре 1943 года воевал на Первом Украинском фронте. Звание гвардейца ему было присвоено в 19-м гвардейском артиллерийском пушечном полку в 1943 году. В составе 101-й Гвардейской стрелковой дивизии Второй ударной армии брал Берлин, будучи уже в звании майора. Награжден орденом Красной Звезды, двумя орденами Отечественной Войны второй степени, медалью «За оборону Сталинграда». Был уволен в запас 3 мая 1947 года и вернулся к семье в Кимовский район. Работал на различных должностях в Кимовском райкоме партии и Новопутьской машинно-тракторной станции в селе Карачево. Отличался твердым характером, кристальной честностью, заботливым отношением к окружающим его людям, оставил о себе добрую память. Его сын Виталий Акимович Салихов стал летчиком, служил на Украине и в Монголии. Уволился в запас в звании майора.

Вот такая семейная история. Заканчивая свое повествование о четырех братьях, участниках войны, об их близких, хочется сказать, что людей с похожей судьбой в нашем Отечестве очень много. Благодаря им, их мужеству, горячей любви к своей Родине, патриотизму, наш народ одержал Великую Победу в 1945 году. Пусть как можно дольше сохранится о них память. А их боевой жертвенный подвиг будет достойным примером для всех нас, и, прежде всего, молодежи, которая придет нам на смену.

ВЫПУСКНИК ЕЛЕЦКОГО РАБФАКА

Пищулин Владимир Иванович, *77 лет,*
доцент ФГБОУ ВПО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина», член Союза писателей «Воинское содружество»;

Пищулин Олег Владимирович, *42 года,*
инженер отдела технических средств обучения ФГБОУ ВПО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина», г. Елец Липецкой области

Василий Михайлович Старых родился 22 декабря 1914 г. в деревне Сахаровка Орловской области. Его отец Старых Михаил Николаевич

Василий Михайлович Старых

погиб во время Первой мировой войны, когда маленькому Васе было всего шесть месяцев от роду. Его воспитывала мать Варвара Яковлевна. В 9 лет он пошёл учиться в сельскую школу и в 1927 году закончил 4 класса на «отлично». В связи с тяжёлым материальным положением он с 12 лет начал батрачить, и одновременно продолжал учиться в той же школе с 5 по 7 класс.

В возрасте 15-ти лет он стал чернорабочим на Елецком известковом заводе. В 1930 году Василий получил специальность каменщика и начал работать на кожевенном заводе г. Ельца сначала рабочим, а затем бригадиром по строительству. При этом он продолжал учиться на вечернем отделении рабфака, который окончил с отличием в 1933 году. Поскольку время было очень тяжёлое, голодное, Василий, чтобы помочь своей матери, пошёл работать в колхоз. Его послали в школу трактористов и автомехаников, окончив которую он стал работать трактористом, а затем бригадиром, и позднее автомехаником.

27 марта 1936 г. он начал службу в Красной Армии. В 1922 г. он был зачислен курсантом в школу 100-й авиационной штурмовой бригады Ленинградского военного округа г. Пушкино по специальности радист. В декабре 1936 г. Василию было присвоено звание «младший командир». С января 1937 г. он был помощником командира взвода, а с августа 1938 г. — командиром радиовзвода. При этом он вел активную массово-политическую работу, вступил в члены ВЛКСМ, был редактором стенгазеты, членом бюро ВЛКСМ, заместителем секретаря и секретарем комсомольского бюро части. В октябре 1938 г. его приняли в члены ВКП(б) и избрали в состав партбюро первичной организации. В декабре 1938 г. Василий был командирован в Военно-политическое училище им. Ф. Энгельса в Ленинграде, которое закончил в 1939 г. с отличием и был направлен в политотдел 201-й Воздушно-десантной бригады им. С.М. Кирова в Пушкино.

С ноября 1939-го по март 1940-го в составе 201 Воздушно-десантной бригады В.М. Старых находился на фронте, на Финской войне (Петрозаводское направление 15-й армии), где получил опыт как боевой, так и партийно-политической работы в условиях боевых действий. В июне 1940 г. он участвовал в освобождении Бессарабии. Выброска происходила на парашютах в районе города Измаил. За успешное выполнение поставленной боевой задачи он получил благодарность Командующего Киевским Военным округом. С января 1940 г. по июнь 1941 г. Василий был комиссаром отдельной парашютной роты 201-й Воздушно-десант-

ной бригады, которая дислоцировалась в городе Старая Русса Ленинградского военного округа, а с мая 1941 г. — в городе Двинске (Латвия) Прибалтийского военного округа. Приказом Наркома Обороны № 0383 от 31.01.1940 г. ему было присвоено воинское звание «политрук».

22 июня 1941 г. армии Германии и её союзников напали на СССР.

С июня 1941 г. по август 1942 г. он был комиссаром парашютно-десантного батальона. Бригада вела тяжелейшие оборонительные бои против превосходящих сил противника на Северо-западном фронте 11 армии. 16 августа 1941 г. Василий Старых в бою с. Малиновка (Латвия) получил первое ранение в ногу, но из строя не вышел. 3-го октября после боя в районе Тейково Ивановской области бригада была спешно на самолётах переброшена под г. Орёл, где также вела оборонительные бои до ноября 1941 г. Тогда же Василию Михайловичу было присвоено звание «старший политрук».

В дни, когда над Москвой нависла смертельная угроза, 201-ая бригада в составе 5-го воздушно-десантного корпуса была переброшена под Москву в составе 43-ей армии Западного фронта (Малоярославское направление), где вела изнурительные оборонительные бои. В газетной статье «Так было под Москвой» корреспондента С. Беляевой эти бои описывались так: «Между Подольском и Малоярославцем есть местечко с наивным мирным названием «Воробьи». У этих-то Воробьёв и разгорелось жестокое сражение в октябре 1941 г.

Бой шёл непрерывно в течение трёх суток с 17 по 20 октября. Немцы имели преимущество в танках, и нашим бойцам приходилось отражать по десять-двенадцать атак в день. Снарядов было мало, бить приходилось наверняка. В ход шли и бутылки с зажигательной смесью. Горел лес. Дым и пламя застилали всё вокруг. Казалось, ни одна живая душа не выдержит этого ада. Но выдержали. Ни один боец не дрогнул, не отступил. А 18-го октября немцы решили прорваться по шоссе к Подольску. Они перешли в наступление силою до 30-ти танков. Две противотанковые батареи 76-мм пушек получили приказ преградить дорогу врагу.

Бой длился более трёх часов. Два наших орудия были уничтожены, у третьего почти полностью погиб расчёт. В эти критические минуты к орудию встал старший политрук Старых. Прямо на пушку двигались три немецких танка. Кто не пережил этого, тот не поймёт того состояния неотвратимости гибели, которое испытываешь, глядя на тёмное чудовище, неумолимо двигающееся на тебя, способное подмять и уничтожить и тебя, и твоё орудие. Но, оказывается, и танки уязвимы, если человек не теряет самообладания в трудную минуту, а собирает в кулак всю свою волю и мужество. И вот уже подбит один танк, за ним другой, а третий повернул обратно. В этом бою немцы потеряли до 12-ти машин, но не продвинулись ни на метр».

Успешные боевые действия батальона в котором воевал В.М. Старых неоднократно освещались на страницах фронтовой газеты «Красноармейская правда», дивизионной газете «Советский воин» и в «Правде». И сам Старых также писал статьи о тех боях в фронтовые газеты «Как мы подогрели немцев», «Из немецкой пушки — по немцам» (декабрь 1941 г.). За отличные боевые действия и проявленные при этом мужество и доблесть приказом Командующего Западным фронтом В.М. Старых был награжден орденом Красного Знамени и через год орденом Красной Звезды. Именно в боях под Москвой Василий Михайлович получил опыт командования батальоном в тяжелых оборонительных и наступательных боях в зимних условиях.

1 апреля 1942 г. ему было присвоено воинское звание «батальонный комиссар». С апреля по август 1942 г. батальон, в котором служил Старых, находился на переформировании в г. Раменское Московской области. К середине 1942 г. стало очевидно, что Германии и её союзникам не удалось осуществить свои первоначальные военные планы. Таким образом, исход всей войны зависел, главным образом, от событий в Европе, на советско-германском фронте.

Летом 1942 г. немецкие армии предприняли крупное наступление на Южном направлении, подошли к Сталинграду и вышли к предгорьям Кавказа. Бои за Сталинград длились более двух месяцев. Город обороняли 62-я и 64-я армии. В составе 62-й армии под командованием В.И. Чуйкова старший политрук В.М. Старых командовал 43-м отдельным Гвардейским истребительно-противотанковым дивизионом 39-й Гвардейской стрелковой дивизии, отражавшим массированные танковые атаки врага. В боях под Сталинградом он получил тяжелое ранение в бок и в руку и был эвакуирован на лечение в госпиталь № 2948 (станция Отдых под Москвой). После выписки он был помощником начальника оперотдела штаба 5-го ВДК г. Раменское Московского Военного округа.

Справа налево: помощник командира взвода В.М. Старых, И.М. Покореев, И.П. Худяков. 24.03.1938 г.

В декабре 1942 г. 5-й ВДК был переименован в 7-ю Гвардейскую Воздушно-десантную дивизию, а Старых В.М. был назначен командиром 8-го Отдельного Гвардейского истребительно-противотанкового дивизиона. С января по апрель 1943 г. участвовал в боях под Старой Руссой в составе 68-й армии Северо-Западного фронта. Это были наступательные бои в лесисто-болотистой местности в период весенней распутицы с форсированием реки Ловать, где он был ранен осколком в челюсть (в госпиталь по-

ехать отказался). С мая по август 1943 г. В.М. Старых воевал в районе г. Усмань под Воронежем. С июля по октябрь 1943 г. он был командиром 1-го батальона 18-го Воздушно-десантного полка 7-й Гвардейской ВДД в составе 4-й Гвардейской армии (Воронежский фронт). Вот что писал он в те дни жене: «В боях за город Кательва получил ранение и был эвакуирован в госпиталь. После выздоровления надеюсь вернуться в свою часть». Так и произошло: в декабре 1943 г. он вернулся в свою часть на 2-й Украинский фронт, где был назначен заместителем командира 29-го Гвардейского Воздушно-десантного полка.

Приказом Верховного Главнокомандующего Маршала Советского союза тов. И.В. Сталина от 14 декабря 1943 г. В.М. Старых была объявлена благодарность за освобождение г. Черкассы. С декабря 1943 г. по декабрь 1944 г. В.М. Старых участвовал в крупных операциях: Корсунь-Шевченковской, Умань-Хрестиновской, Ясско-Кишиневской, Будапештской, в форсировании рек Днестр, Западная Двина, Южный Буг, Дунай. 3 февраля 1944 г. он получил вторую благодарность И.В. Сталина за прорыв обороны и окружение войск противника в районе Звенигородка, Шпола. В Корсунь-Шевченковской (февраль–март 1944 г.) и Ясско-Кишиневской (август-октябрь) операциях Василий Михайлович командовал полком вместо убывшего по ранению комполка. За отличные боевые действия в Корсунь-Шевченковской операции он был награжден вторым орденом Красного Знамени и получил очередную благодарность Сталина от 18.02.1944 г. За боевые действия в Ясско-Кишиневской операции офицер был награжден орденом Александра Невского. В этих операциях старший политрук получил боевой опыт командования полком в наступательных операциях на окружение и уничтожение противника и форсировании водных преград с хода, за что был награжден третьим орденом Красного Знамени, а дивизия получила орден Богдана Хмельницкого.

Кроме вышеперечисленных наград Приказами Верховного Главнокомандующего Василию Михайловичу были объявлены благодарности:

— за разгром Уманьско-Христиановской группировки немцев (приказ от 10.03.1944 г.);

— за форсирование р. Днестр, овладение гор. Бельцы и выход на государственную границу (приказ от 26.03.1944 г.);

— за освобождение г. Кишинев (приказ от 10.03.1944 г.);

— за взятие городов Сексард, Капошвар, Пакш, Боньхад и Домбовар (приказ от 24.12.1944 г.);

— за прорыв обороны противника и овладение городами Секешфехервар и Бичке (приказ от 24.12.1944 г.);

— за взятие г. Будапешт (приказ от 13.02. 1945 г.);

— за овладение г. Шопрон (приказ от 1.04.1945 г.);

— за взятие г. Вена (приказ от 13.04.1945 г.);

— за разгром группы немецких войск, пытавшихся отступить на север от г. Вены, и овладение при этом городами Корнейбург и Флоридсдорф (приказ от 15.04.1945 г.).

В течение всего времени службы в 29-м Гвардейском Воздушно-десантном полку В.М. Старых активно участвовал в партийно-политической работе, являясь членом партбюро полка. Он до конца своих дней был убежденным коммунистом, из рядов КПСС под влиянием изменившегося времени не вышел, не мог предать идеалов своей молодости.

На страницах многих газет неоднократно освещался боевой и политический опыт фронтовика. В декабре 1944 г. В.М. Старых решением Военного Совета 3-го Украинского фронта направляется в Военную академию им. М.В. Фрунзе, где в июне 1945 г. оканчивает ускоренный курс и поступает на полный трехгодичный курс основного факультета. В Москве в звании майора он и встретил День Победы 9 мая 1945. В ночь с 8 на 9 мая 1945 г. в пригороде Берлина Карлсхорсте генерал-фельдмаршал В. Кейтель в присутствии представителей Верховного командования СССР, США, Великобритании, Франции подписал Акт о безоговорочной капитуляции Германии. Фашистская Германия была разбита. Ликованию советских людей не было предела. Величие и героизм советского народа признал весь мир. Эту победу ковали все советские люди от мала до велика. Василий Михайлович бил врага на передовой, его супруга Евдокия Петровна трудилась в тылу. Она также имеет награды за доблестный труд в годы войны. Ветеран, кроме упомянутых орденов за успешные боевые действия в Великой Отечественной войне был также награжден медалями: «За оборону Сталинграда» (1944), «За взятие Будапешта» (1945), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945).

12 ноября 1948 г. В.М. Старых оканчивает Краснознаменную Ордена Ленина и Ордена Суворова 1-й степени Военную академию им. М.В. Фрунзе по специальности общевойскового офицера с высшим военным образованием. По окончании академии был направлен в распоряжение Командующего Воздушно-десантных войск. С 1948 по 1952 гг. В.М. Старых является начальником оперативного отдела — зам. начальника штаба дивизии Киевского военного округа. С 1952 по 1954 гг. — начальник оперативного отдела — зам. Начальника штаба корпуса Ленинградского военного округа. В октябре 1954 г. В.М. Старых поступает в Высшую Военную академию Генерального Штаба им. К.Е. Ворошилова и в декабре 1956 г. успешно оканчивает ее. После ее окончания его направляют на службу в Польскую Народную Республику в составе Северной группы войск. В течение шести лет службы в Польше (с 1956 по 1962 гг.) он занимает должности начальника штаба танковой дивизии, заместителя командира дивизии, командира дивизии. По возвращении в Советский Союз становится старшим преподавателем кафедры оперативного искусства Военной академии им. М.В. Фрунзе. В 1969 г. направляется Гене-

ральным штабом ВС СССР с Правительственным заданием в Сирийскую Арабскую республику сроком на один год. В марте 1971 г. В.М. Старых увольняется в запас по возрасту, прослужив в Советской армии 38 календарных лет! За эти годы он прошел путь от красноармейца до полковника, командира дивизии. Участвовал в трех войнах, был семь раз ранен.

Василий Михайлович профессиональным кадровым военным, служил в разных родах войск. На его счету свыше 350-ти прыжков с парашютом с самолета и аэростата. Он имеет звание «Инструктор парашютно-десантной службы». Во время войны был артиллеристом-истребителем танков. В послевоенное время боевой офицер командовал танковой дивизией, при этом изучил устройство танка, освоил вождение и получил звание «механика-водителя 1 класса». Всю жизнь он стремился учиться, получать новые знания в самых разных областях, не только военных. После увольнения в запас с 1971 по 1972 г. работал заместителем проректора Центрального института усовершенствования врачей Минздрава СССР, а с 1972 по 1990 г. в Министерстве связи СССР. За время службы написал 34 научных труда. Все они посвящены военной тематике и основаны на богатом личном опыте автора.

Всего офицер В.М. Старых отмечен 25-ю Правительственными наградами, в числе которых 7 боевых орденов и 18 медалей. Свою последнюю свою награду — медаль Жукова Василий Михайлович получил накануне своей смерти. В ночь на 20 марта 1997 г. его не стало. Василий Михайлович прожил трудную, честную и героическую жизнь и достоин того, чтобы о нём помнили.

РУССКИЙ ХАРАКТЕР

Дульзон Елена Александровна, *41 год,*
преподаватель русского языка
и литературы ГОУ СПО ТО
«Новомосковское училище олимпийского резерва»,
г. Новомосковск Тульской области

Я вернусь еще к тебе, Россия,
Чтоб услышать шум твоих лесов,
Чтоб увидеть реки голубые,
Чтоб идти тропой моих отцов

Неизвестный поэт
из лагеря Заксенхаузен [1, с. 178]

Это понятие обозначил в своем рассказе А.Н. Толстой, где выведена, на мой взгляд, главная мораль: «Кажется, просто человек, а при-

дет суровая беда, и поднимается в нем великая сила — человеческая красота» [2, с. 630]. Именно такие мысли родились у меня при встрече с ветераном Великой Отечественной войны, награжденным Орденом Отечественной войны 1степени, медалью «За боевые заслуги», медалью «За отвагу». Отличником физической культуры, Почетным гражданином города Новомосковска Сапицыным Владимиром Николаевичем (род. 25.05.1924). Будучи в преклонно-мудром возрасте (дай Бог, доброго здоровья не на один десяток лет еще), Владимир Николаевич часто бывает гостем на городских и школьных мероприятиях, являя собой пример невероятного оптимизма и спортивной выправки.

Взгляд добрых лучистых глаз полон интереса к современной, насыщенной жизни, потому что предан Владимир Николаевич своей профессии. На протяжении 40 лет он был учителем физкультуры, до сих пор любит спорт и, конечно, детей, своих многочисленных учеников. «Движение, общение, оптимизм — до ста годов доживешь», — любимое изречение Владимира Николаевича. В годы педагогической деятельности Владимир Николаевич много раз водил ребят в походы, увлекая рассказами об истории страны. Акробатика и футбол — любимые виды спорта, интерес к которым у подмосковного мальчугана, родившегося в Орехово-Зуеве Московской области, возник еще в безоблачном советском детстве в секции акробатики.

«Когда я учился в 4 классе, команду пригласили на соревнования в Москву, где мы заняли 1-е место. Приз — торт в виде Кремля — вручил сам Михаил Иванович Калинин», — вспоминает Владимир Николаевич. Затем был этап выступлений в передвижной цирковой труппе. Трюк заключался в следующем: парень делал стойку на вершине шеста, который стоял на лбу циркового артиста. Вот когда тренировались воля, стойкость, сила мышечная и моральная — стержень, ядро русского характера, который пришлось проявить в суровое время.

В светлые, полные надежд 17 лет Владимиру Николаевичу пришлось поступать не в техникум физической культуры, а отправиться добровольцем на фронт. В душу запала речь В.М. Молотова о начале войны, прозвучавшая 22 июня 1941 года. Обращение заканчивалось словами, ставшими лозунгом всех советских людей: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!».

Рушились все планы на жизнь. На фронт провожали дорогих и близких людей. От каждого человека в тот период требовалось проявление высокого морального духа, поэтому на фронт отправлялись не только военнообязанные, а и многие тысячи юных необученных добровольцев.

2 июля 1941 года Военный Совет Московского военного округа принимает постановление о добровольной мобилизации жителей Москвы и области в народное ополчение, которое предписывалось формиро-

вать людьми в возрасте от 17 лет до 55. Перед тем как отправиться на фронт, добровольцы проходили краткосрочный курс обучения, но в условиях военных действий это людям практически не помогало: очень многие гибли в первых же сражениях, против советских добровольцев были выдвинуты 2 миллиона солдат немецкой группы «Центр».

Попал на фронт добровольцем и Сапицын Владимир Николаевич в 33-ю Армию (которая была сформирована 16 июля 1941 года в Московском военном округе), в Московскую пролетарскую дивизию имени В.И. Ленина. Боевой путь начался с того, что приходилось рыть противотанковые окопы под Москвой. Затем участвовал в Смоленском сражении, в защите подходов к Москве (в начале октября началась битва под Москвой — одна из крупнейших во второй мировой войне), Туле. Были в его судьбе и пешие марш-броски на расстояние 100 километров.

Невероятно тяжелые первые месяцы войны оставили трагические воспоминания в душе Владимира Николаевича, о которых он говорит со слезами на глазах. Нелегко было советским людям пережить неудачи на фронте. Условия, в которых Вооруженные Силы СССР вступили в войну, оказались такими сложными, а последствия первых массированных ударов вермахта настолько тяжелыми, что ни мужественное сопротивление, ни отдельные успешные контрудары советских войск не могли в то время изменить общий ход военных действий.

Ветеран вспоминает, что при выполнении задания (нужно было взять в плен немца), когда оказались на территории врага, от увиденного стало очень страшно: вокруг трупы советских солдат, а река, через которую пришлось переправляться, была багрового цвета. «Много, очень много видал смертей за это время — проживи до ста лет, столько не увидишь... Много пришлось видеть на передовой помирающих от ран ребят». Задание удалось выполнить, но из этого похода вернулись живыми только трое из десятерых, в том числе Владимир Николаевич.

Он мне напомнил главного героя повести «Сашка» писателя В. Кондратьева, тоже фронтовика, воевавшего под Ржевом. В образе главного героя этой повести воплощены лучшие качества русского солдата: сообразительность, ловкость (тоже участвовал в захвате «языка»), мужество, выносливость. А еще юный Сашка понимал, что «не научились еще воевать как следует что командиры, что рядовые. Понимал и ворчал, как и другие, но не обезверил и делал свое солдатское дело, как умел, хотя особых геройств не совершал» [2, с. 34].

Потом были госпиталь в Могилеве, концлагерь в городе Эссен. Вот где проявили себя физическая закалка и воля. Самых крепких из пленных фашисты отбирали на каторжные работы: в товарном вагоне

в числе многих, кого постигла та же участь, был угнан В.Н. Сапицын в Бельгию, в город Льеж, для работ в угольных шахтах.

Еще до войны в Льеже были построены бараки для поляков-гастарбайтеров, куда как раз и привозили советских военнопленных. Условия жизни в таких лагерях и работы в шахтах были тяжелыми, рабскими: при 12-ти часовой работе 370-граммовая пайка хлеба да черпак бурды. Шахтеры все время «ходили под Богом». Владимир Николаевич рассказывает, как ему чудом удалось избежать обвала в шахте — берегла какая-то неведомая сила. Некоторым военнопленным, впрочем, удавалось бежать и присоединяться к отрядам бельгийского Сопротивления. Так, забравшись в вагонетку, Владимир Николаевич с земляком из Орехово-Зуева и двумя туляками смог сбежать из лагеря.

Как своих родных, приютили бельгийцы из деревни Сприло беглецов, дали гражданскую одежду и даже немного денег. Общая борьба с фашизмом сблизила людей, говоривших на разных языках. А затем путь сбежавших направился в сторону Арденнских гор (на границе Бельгии, Люксембурга, Германии), где они были приняты в один из партизанских отрядов. Таких отрядов в Бельгии было много. По инициативе компартии Бельгии, с 1940 года начали создаваться партизанские отряды, бойцы которых совершали диверсии на железных дорогах, промышленных предприятиях, военных объектах. Заговорило грозным и неотвратимым языком возмездие за унижение человеческого достоинства, за зверство в лагерях. Всего в Бельгии в вооруженных партизанских отрядах состояло 23000 человек, из которых около 800 были советские граждане, бежавшие из германского плена. Активную антифашистскую политику в Бельгии занимала церковь.

Льеж был оккупирован войсками Германии с мая 1940 по сентябрь 1944. В годы второй мировой войны на стороне бельгийских партизан против фашистов сражались сотни советских военнопленных, угнанных немцами с оккупированных земель. В Льеже работали подпольщики-антифашисты, которые помогали заключенным бежать из шахт и организовывать партизанские отряды. В.Н. Сапицын сражался в одном из таких отрядов с 1943 по 1945 гг. и был награжден бельгийским орденом.

Поистине удивителен и неповторим русский характер! Его лишают родины — он находит возможность воевать против фашистов в Бельгии.

Победу встречали в Париже! От ощущения счастья и свободы кружилась голова, вернулось ощущение молодости. Тем более, что перед юношей открылся вид Парижа с высоты Эйфелевой башни. Энергия, оптимизм рвались наружу: Владимир Николаевич выполнил стойку на руках на знаменитой башне. Вот оно счастье победителя! Стойку на голове повторит Владимир Николаевич еще и в 87 лет для журналистов

газеты «Слобода». История рядового Сапицына Владимира Николаевича — это, говоря словами К.Симонова, «история человека, оказавшегося в самое трудное время, в самом трудном месте, на самом трудной должности — солдатской». Затем через Германию, Польшу, Киев было возвращение домой. «Прямо диво случилось, и не верится, наяву ли? Думал ли, гадал, что живым останется и что Москву увидит?» [3, с.141]

Из Москвы Владимир Николаевич попал в Новомосковск в проверочно-фильтрационный лагерь № 283. Когда «компетентные органы» удостоверились в его благонадежности, он стал работать инструктором физкультуры на ГРЭС. С 1947 по 1987 гг. — учитель физкультуры в средней школе № 12, затем — в средней школе № 15 и химическом техникуме нашего города. Сколько энергии, любви, профессионального мастерства передано детям активным сторонником физкультуры и спорта, пропагандистом здорового образа жизни Владимиром Николаевичем Сапицыным. Вот такие люди живут среди нас.

Литература

1. Лирика военных лет. — М: Изд-во Московского университета, 1985.
2. *Толстой А.Н.* Избранное. В двух томах. Том 1. — Ленинград: Художественная литература, 1979.
3. *Кондратьев В.* Сашка. — М.: РАГС, 2002.

ОНИ ПРИБЛИЖАЛИ ПОБЕДУ

Шалонина Оксана Алексеевна, *16 лет,*
учащаяся 10 класса МОБУ «Рождественская СОШ»;
учитель — Мирошниченко Ольга Николаевна,
Ленинский район Тульской области

Более семидесяти лет назад наши прадеды, которых мы совсем не знаем, молодые, полные сил и энергии, вступили в неравную схватку с коварным и жестоким врагом. Фашисты рвались к Москве.

Третьего октября 1941 года немецкие танки ворвались в Орел, двенадцатого октября враг захватил Калугу, над Тулой, южным форпостом столицы, нависла непосредственная угроза. Мне кажется, что еще со времен монголо-татарского нашествия в генах русского человека заложена недопустимость пребывания врага на своей земле. Поэтому в резолюции партийного актива Тулы говорилось: «Тула, красная кузница, город славных оружейников, город металлистов, не будет в грязных лапах немецко-фашистских бандитов!».

Золотыми буквами вписаны в историю Тульского края имена В.Г. Жаворонкова, секретаря областного и городского комитета Ком-

мунистической партии, А.Н. Ермакова, В.С. Попова, Г.А. Агеева, комиссара Тульского рабочего полка, удостоенного посмертно звания Героя Советского Союза, комиссара эскадрона Садовникова, командиров взводов Комарова и Гудкова, героя-партизана А. Чекалина, чье имя носила пионерская дружина нашей школы.

Мать Чекалина, Надежда Самуиловна, неоднократно бывала в Рождественской школе, рассказывала о подвиге своего сына. Об этом мне говорил мой дедушка Шалонин Геннадий Семенович.

«Александр Чекалин в партизанском отряде ходил в разведку, в лесах в районе города Лихвина ему была известна каждая тропа, так как до войны он очень любил охотиться, однажды напали на него десять фрицев, шестерых он взорвал гранатой, троих уложил из винтовки, десятый убежал», — рассказывала Надежда Самуиловна Чекалина.

Когда Сашу вели на казнь, фашисты кололи ему ноги штыком, но он шел твердо. А перед виселицей громким голосом крикнул:

— Эх, гады! Всех нас не перевешаете! Нас много!

Петля была у него на шее, а он пел «Интернационал». Пионеры нашей школы, в том числе и мой дедушка, неоднократно ходили в поход на родину А. Чекалина.

В своем сочинении хочу рассказать о моих земляках, незаметных тружениках войны, внесших свою лепту в оборону Тулы и Москвы.

Сальков Макар Данилович,1914 года рождения, вспоминал о том, как участвовал в укреплении обороны города Тулы, как ему пришлось рыть противотанковые рвы на подступах к городу.

Ларин Александр Игнатьевич, 1910 года рождения, воевал под Тулой, Калугой, Москвой, Ленинградом, участвовал в параде на Красной Площади.

Абдалин Алексей Кузьмич, 1923 года рождения, пошел на фронт добровольцем 18 октября 1941 года. Воевал в 49 армии, оборонявшей Тулу. Первое боевое крещение получил под Белевом в стрелковом полку.

Яковлев Николай Васильевич, 1909 года рождения. Учащиеся нашей школы неоднократно бывали в гостях у Николая Васильевича, поздравляли его с праздниками. Он рассказывал о своей нелегкой жизни. Его воспоминания, записанные учениками школы под руководством О.Н. Мирошниченко, я прочитала в школьной «Книге Памяти».

Восемнадцатого августа 1941 года Н.В. Яковлева забрали на фронт. По мнению Николая Васильевича, ни Сталин, ни правительство не думали о войне. Винтовки были 1915 года, пулемет «Максим» — вот и все оружие. Воевали голыми руками. Николая Васильевича после призыва в армию сразу направили в Москву в зенитную часть, где

он был наводчиком. Все четыре года воевал вокруг Москвы. Тушинский аэродром, канал «Москва — Волга», шесть месяцев был на Поклонной горе. Бойцы рыли ямы и ставили там пушки. Последние годы жизни Николай Васильевич много вспоминал о войне, своей молодости и мечтал попасть на Поклонную гору, чтобы увидеть, как она изменилась, какой монумент славы воздвигнут в честь героев тех лет. Он внимательно рассматривал фотографии наших учеников с видами Поклонной горы и говорил о том, что сам помнит на ней только ямы. Николай Васильевич с теплом вспоминал своего командира — поляка Макась, командира батареи Лопату, который принимал их в Серпухове, куда бойцов направили из Тулы. Офицеры хорошо относились к солдатам, свой паек иногда отдавали больным. По двое суток бойцы простаивали на боевом дежурстве. Одних гильз от стрельбы по немецким самолетам набиралось столько, что идти было невозможно.

С первого дня войны, вспоминал Николай Васильевич, солдаты были уверены, что победа будет на нашей стороне. Ему довелось видеть полеты Покрышкина, Кожедуба и слышать, как немцы по-русски кричали: «Покрышкин! Покрышкин!»

Николаю Васильевичу довелось побывать в деревне, где казнили Зою Космодемьянскую, видел виселицу. Он помнит, как бомбили Серпуховской мост, их расчет стоял под этим мостом.

Прошлом много лет, а Николай Васильевич помнил, как трудно на войне было женщинам, как бойцов мучила малярия, ведь из землянки иногда доводилось не выходить по неделе.

Я представляю, как Николай Васильевич ждал учеников нашей школы накануне дня Защитника Отечества и праздника Победы, готовился к встрече. Горько, что мы никогда не встретимся с этим замечательным человеком.

Прочитав его воспоминания, я поняла, почему у него на глазах появлялись слезы, когда к нему приходили школьники. Ведь он искренне радовался, что о нем не забывают.

Наше поколение, поколение наших родителей и даже бабушка с дедушкой знают о Великой Отечественной войне только из книг, кинофильмов. Но мы не должны забывать о тех, кто ковал победу под Тулой и Москвой, Курском и Сталинградом. С замиранием сердца я возлагаю цветы у обелиска в день Победы и каждый год замечаю, как все меньше и меньше остается тех людей, кто приближал праздник Победы, этот праздник «со слезами на глазах». А ведь Победа в 1945 году начиналась с героической обороны Тулы и Москвы, которую защищали и наши земляки.

ГЕРОЙ ВОЙНЫ

Гавашели Давид Георгиевич, *18 лет,*
курсант 1 курса Государственного морского университета
имени адмирала Ф.Ф. Ушакова;
научный руководитель — Денисов Вадим Вячеславович,
кандидат исторических наук, доцент,
г. Новороссийск

22 июня 1941 года в 3 часа 40 минут фашистская Германия перешла советскую границу. Началась Великая Отечественная война. На нашу землю ступил сильный и опасный враг. Но советские люди самоотверженно встали на защиту своей Родины и победили врага, хотя на это потребовались годы и миллионы жизней.

Огромный вклад в победу над фашизмом внесли кубанцы: более тысячи жителей станицы Успенской ушли на фронт защищать родную землю. Многие из них не вернулись с войны, покоятся они далеко от родного дома. Всего погибло 466 человек из станицы Успенской. Имена всех погибших занесены в Книгу Памяти и высечены на гранитных плитах на мемориале, который находится в центре нашей станицы (мемориал построен в 1974 г.)

Не обошла стороной война и наши родные места. В июле 1942 года вражеские войска захватили Краснодарский край. Они полагали, что им удастся без особого труда колонизировать богатую природными ресурсами Кубань, но надежды врага не оправдались. В 1943 году наши войска очистили от фашистов Краснодарский край, 25 января освободили Белую Глину, 26 февраля освободили ст. Успенскую.

70 лет минуло с того знаменательного победного майского дня. Проходит время, но годы не властны над нашей памятью. В ней будут вечно звучать имена живых и павших солдат Отчизны. Да, не все они вернулись в родной дом, не все познали счастье Победы, но подвиг их бессмертен. Те, кто внёс наибольший вклад в борьбу с врагами нашей Родины, кто проявил особое мужество и стойкость, были отмечены (в том числе и посмертно) высшей наградой — звания Героя Советского Союза. В числе Героев Советского Союза (их более 12 тысяч) 289 уроженцев Кубани. Один из них наш земляк, уроженец ст. Успенской Литвинов Владимир Иванович. Родился он в 25 мая 1911 года в семье крестьянина. В 1922 году окончил начальную школу в родной станице. Ему не пришлось долго учиться, но зато он получил самое что ни на есть высшее образование «от земли».

С 1929 года, со дня создания колхозов (их было шесть), Владимир Иванович работал в одном из них. Сначала рядовым колхозником на разных участках, затем окончил курсы трактористов и работал по

специальности, ведь это считалось вершиной доблести юношей и мужчин, затем стал бригадиром тракторной бригады. Был призван в ряды Красной Армии в первый же день Великой Отечественной войны, 22 июня 1941 года. Начал свою службу Владимир Иванович в 17 стрелковой дивизии, в 1372 стрелковом полку. Здесь же в качестве командира отделения был на фронте с июня 1941 года по февраль 1944 года.

С февраля 1944 года по декабрь 1945 года Литвинов был на фронте в составе 7 кавалерийского полка командиром кавалерийского отделения кавказского корпуса 1-го Украинского фронта.

В апреле 1945 года советские войска вошли на территорию Германии. 7-й кавалерийский гвардейский полк подошёл к реке Эльба. В один из апрельских дней 1945 года рано утром, когда над Эльбой стоял густой туман, Литвинов вместе с пятью солдатами и сержантом Александром Никулиным, получил задание обеспечить переправу батальону через Эльбу. На противоположном берегу окопались фашисты и не давали возможности для переправы нашим войскам.

Доплыв до середины реки, Владимир Иванович и его товарищи были замечены немцами, и враги обрушили на горстку храбрецов шквал свинцового огня. При обстреле солдаты были убиты, а Литвинов и сержант Никулин, оставшись в живых, продолжали переправу. Никулин вёл лодку, а Литвинов из ручного пулемёта стрелял по немцам. Достигнув берега, Литвинов и Никулин взяли запас гранат и пулемет, тайком добрались до зданий, где засели немцы. Затем открыли ураганный огонь по фашистам.

Немцы не ожидали такого натиска и стали отступать. Своим огнём храбрецам удалось уничтожить часть немцев, остальные бежали со своих позиций.

В это время стал рассеиваться туман. Поднялась в воздух сигнальная ракета, которая оповестила о свободной переправе. Путь для наших войск был открыт. Герои обеспечили наступление на этом участке и другим подразделениям Красной Армии.

Во время обстрела лодки, на которой плыли Литвинов и его команда, Владимир Иванович был ранен в ногу. После этого был отправлен в госпиталь, где и узнал о присвоении ему и сержанту Никулину звания Героя Советского Союза за подвиг, совершённый ими при переправе через реку Эльбу. Это великое звание нашему земляку было присвоено 27 июня 1945 года.

После госпиталя Владимир Иванович возвратился в свою часть, которая была уже в Будапеште, где он и встретил конец войны. В декабре 1945 года наш станичник был демобилизован из рядов Советской Армии. А 6 марта 1946 года был приглашён в Москву, в Кремль. И судьба снова свела его с Никулиным. В Кремле им были вручены ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» Героя Советского Союза.

После войны — снова любимый крестьянский труд. Долгое время наш станичник работал в колхозе мотористом, бригадиром тракторной бригады, шофёром. Владимир Иванович — прекрасный семьянин. Он вместе со своей женой Литвиновой Надеждой Гавриловной воспитал пятерых дочерей. Наш герой был и остаётся очень уважаемым человеком в станице, так как всегда был готов помочь советом и делом.

В.И. Литвинов награждён медалью «За отвагу», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне», медалью «20 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «30 лет Победы в Великой Отечественной войне», «50 лет Вооружённых сил СССР», «60 лет Вооружённых сил СССР», орденом Ленина, орденом Отечественной войны 1 степени, Орденом Славы 3 степени, юбилейной медалью «За доблестный труд» в ознаменование столетия со дня рождения В.И Ленина, медалью «Ветеран труда».

Умер герой 11 августа 1999 г., похоронен на станичном кладбище.

Он — гордость нашей станицы. Светлая память о нём до сих пор живет в наших сердцах, его подвиг бессмертен. Мы всегда будем его помнить и чтить!

Давно отгремели залпы войны, 70 лет наш народ живёт под мирным небом, растит хлеб, воспитывает детей. Видимых ран войны почти не осталось, но в сердцах людей они сохранились и всё ещё кровоточат. Мы всегда должны помнить, какую цену пришлось заплатить нашему народу за Победу. Ничто и никогда не должно затмить подвига советских воинов в Великой Отечественной войне. Земной поклон им от всех живущих ныне поколений.

ПОМНЮ И ГОРЖУСЬ

Пушкарев Владимир Андреевич, *14 лет,*
учащийся 8 класса МОБУ «Алешинская СОШ»;
учитель — Герасимова Степанида Степановна,
Ленинский район Тульской области

...Они прикрыли жизнь собою,
Жить начинавшие едва,
Чтоб было небо голубое,
Была зеленая трава.

Р. Казакова

Что знает нынешнее поколение о войне? Ну да, читаем книги, смотрим фильмы, изучаем историю. А ведь война коснулась каждой семьи, никого не обошла стороной. Где-то в заветном уголке в любой

семье нашей страны есть то, что священно, дорого, потому что о близких и дорогих людях.

Моя бабушка однажды сказала мне, когда мы приехали в Тверь к её дяде, что мы идём в гости к герою. Я был тогда четвероклассником и не совсем понимал значение этих слов.

— А почему он герой? — спросил я её.

— Потому что он прошёл всю войну, вернулся живым, работал шахтёром, восстанавливая страну после военной разрухи.

Внешне дед Илья мало напоминал героя. Высокий худощавый старик, уже за восемьдесят, а спина прямая, глаза улыбчивые и добрые. Всё время хлопочет во дворе, стучит молотком, строгает рубанком доски, складывает их в ровные штабеля и всё время посмеивается надо мной. День пролетел быстро, и поговорить про войну мне с дедом не довелось. Когда собирались на вокзал, Илья Матвеевич отворил шкаф и среди прочей одежды я увидел пиджак весь в орденах и медалях. Вечером он проводил нас на электричку до Москвы, и в дороге бабушка рассказала мне историю его жизни.

— Илья Матвеевич был самый старший в семье, и война застала его в армии. Служил во флоте во Владивостоке. В середине 1942 года бригаду переправили под Сталинград. Участвовал в Сталинградской битве, потом с боями дошёл со своей дивизией до Ростова-на-Дону. Освобождал город, а потом с боями на Донбасс. Всякое бывало. Однажды в окружение попали.

В ходе наступления танки оторвались от пехоты и попали в окружение. В окружение попал и 91-й полк дивизии, которым командовал Герой Советского Союза подполковник Ипанчин. Вместе с ними в районе деревни Круглики попала в кольцо и их дивизия.

Был, правда, обратный проход через заснеженную сопку, которую войска обходили, двигаясь вперед. Теперь ее надо было преодолеть в ночных условиях. Пришлось тяжело, но они ее преодолели. Однако на этом беды не закончились. Утром, уже почти выйдя из окружения, они попали под жестокую бомбежку. Были, к сожалению, и жертвы. Ну а после выхода из окружения дивизию отвели на переформирование.

Через некоторое время, уже весной, он попал еще под одну довольно сильную бомбардировку. Она застала его в тот момент, когда нужно было срочно дать связь к переднему краю. Большая группа вражеских бомбардировщиков буквально засыпала их разнокалиберными бомбами. Мощный взрыв одной из них сбросил его в траншею. На него упали и придавили два незнакомых солдата. На дне растекалась грязная жижа. Когда фашистские самолеты ушли дальше, он с трудом и весь в грязи выбрался из траншеи. Подбежали ребята из отделения. Что-то говорят, а он ничего не слышит… Вокруг воронки

от взрывов бомб глубиной 1,5–2 метра. Друзья на телеге вывезли его в медсанбат. Контузия была тяжелой. Так и остался бы глухим, если бы врач не пожалел 23-летнего парня и не решился испытать на нем какое-то народное средство. Он сам приготовил незнакомое зелье и, налив его в большую миску, сказал:

— Выпьешь за день, может быть, и будешь слышать.

Пить было противно, тошнило, голова гудела, но постепенно, через несколько дней начал кое-что слышать. Спасибо доктору-спасителю. В конце концов возвратился в свою роту. Но и по сей день со слухом у него остались проблемы, а сзади на затылке осколок. Вынимать нельзя, может какой-то нерв там повредить, так и живет с ним.

— А что потом?

— А потом Южный фронт переименовали в 4-й Украинский, и в апреле — мае 1944 года, как и в гражданскую войну, пришлось через Сиваш идти на Крым.

Здесь они тоже неоднократно попадали под сильные атаки с воздуха. Он рассказывал о таком случае, который произошёл сразу после того, как переправились на крымскую территорию. Фашистские бомбардировщики применили против них кассетные бомбы. Кассеты раскрывались в воздухе, и из них разлетались сотни мин или небольших бомбочек, которые разрывались над землей, увеличивая зону поражения. Понесли большие потери, а ему удивительно повезло: один осколок поцарапал орден Красной Звезды, второй попал в пряжку ремня.

За участие в освобождении Севастополя дивизия стала называться 33-й гвардейской Севастопольской стрелковой дивизией. Так дошли до самого Черного моря, но до конца войны было еще далеко. Неожиданно в условиях большой секретности всех погрузили в эшелоны и по железной дороге почти без остановок повезли в северном направлении. В конце концов дивизия прибыла на 3-й Белорусский фронт — для освобождения Прибалтики. Здесь пришел в его отделение неутомимый помощник Николай Дубина, среднего роста, широкоплечий молодой солдатик, уже успевший повидать «прелести» фашистской оккупации. После войны он нашел его, и они с ним долго переписывались.

Закончил войну взятием Кенигсберга. И на всем боевом пути, начиная от Сталинграда, 33-ю гвардейскую Севастопольскую стрелковую дивизию непрерывной и надежной связью обеспечивала 45-я отдельная рота связи, где он был связистом. Кроме всего прочего, его несколько раз брали радистом в разведку, где было очень тяжело. Однажды пришлось вдвоём с раненым товарищем тащить на себе рацию и здорового фашиста-языка, да ещё прикрывать собой, чтоб «языка» не убили. За это он награждён медалью «За боевые заслуги».

На историческом Параде Победы ему довелось шагать в составе сводного батальона 3-го Белорусского фронта. Это незабываемое событие

в его жизни. После парада дали отпуск на 40 суток с выездом на родину, в Мангут. Там торжественно встретила семья, земляки- сибиряки.

А демобилизовался только через год, уже из Советской армии. Этот последний год довелось служить во Ржеве.

— Сейчас, к сожалению, деда Ильи уже нет в живых. Он не дожил до своего столетия всего один год. Всем своим детям, племянникам, внукам он повторял: «Не приведи, Господи, чтобы вы пережили то, что досталось нам. Берегите мир. Трудитесь честно. Растите детей и внуков. Любите жизнь и живите за тех, кто остался там, на полях этой ужасной войны».

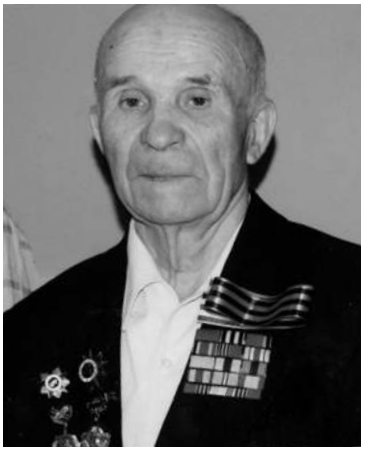
Вот такой трудный, но славный жизненный путь прошёл мой прадед Сулавко Илья Матвеевич. Я помню его и горжусь.

МОЙ СОСЕД АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ ЗАЛЮБОВИН

Куликова Юлия Андреевна, *16 лет,*
учащаяся 11 класса МБОУ СОШ № 11;
учитель — Саватеева Тамара Владимировна,
г. Донской Тульской области

Народ всегда с пренебрежением относился к Иванам, не помнящим родства. Но знать и любить свое Отечество, помнить и чтить род своих героев — значит, и быть народом, в самом глубоком смысле этого слова.

А герои порой живут рядом с нами…



Алексей Петрович Залюбовин, 9 мая 2014 год

Есть в Комсомольском микрорайоне города Донского дом, на калитке которого прибита красная звезда. Это дом, в котором живёт ветеран Великой Отечественной войны Залюбовин Алексей Петрович. О нём я и хочу рассказать.

Родился Алексей Петрович 2 ноября 1926 года в деревне Кулишки Епифанского района Тульской области в семье колхозников. Тяжело жилось без отца большой семье. Отец умер, когда Алексею было полгода. Остались на руках матери четверо детей. Мать со старшими детьми работала в колхозе, а Алексей учился в школе.

Но 22 июня 1941 года в жизнь нашей страны ворвалось война. Заглянула она и в дом Алексея. Старшие братья ушли на фронт. Один он из мужчин в семье остался. Пришлось ему бросить школу и идти

работать в колхоз, чтобы помочь маме. Но подошла и его очередь идти защищать родину. Это был уже 1943 год.

Попал он в Орехово-Зуевский учебный полк, где проходил курс молодого бойца. После трёх месяцев ускоренного обучения в составе 357-го стрелкового полка отправили на фронт. Его ждала Венгрия: там на Будапештском направлении шли тяжёлые бои.

В одном из боёв Алексей Петрович был ранен и направлен в госпиталь. Лечение было долгим, ранение тяжёлое: одна пуля попала в руку, а другая в бедро. Одну из пуль не смогли удалить, она до сих пор напоминает о себе. Наступил май 1945 года, в госпиталь пришла весть о том, что Германия капитулировала. Радости раненых не было предела. После почти шестилетней вооруженной борьбы в Европе воцарился мир.

Однако на Дальнем Востоке ещё продолжалась война. Не закончилась она и для Алексея Петровича. После выздоровления он был зачислен в 30-ю механизированную бригаду. Эта бригада в составе танковой армии входила в Забайкальский фронт, который наносил удар по японской армии с территории Монгольской Народной Республики. На пути лежали горы Большой Хинган. Географические и климатические условия, в которых проходили боевые действия, были сложными. Приходилось преодолевать глубокие и бурные реки, безводные пустыни, труднопроходимые леса.

При переправе одной из рек с товарищем Алексея Петровича случилась беда: он вместе с конём и снаряжением попал в водоворот. Вода бурлила, закручивалась спиралью, могло произойти непоправимое. Алексей не растерялся, бросился на помощь другу и вытащил его из воды. Он хорошо плавал, все детство его прошло рядом с рекой. А ещё вера в Бога помогала... Звали того друга Михаил Нещадимов. Он был благодарен Алексею всю жизнь. После войны они долго поддерживали связь, переписывались... В памяти Алексея Петровича иногда оживали те дни, когда друзья были вместе.

Наконец, и война на Дальнем Востоке подошла к своему завершению. 2 сентября 1945 года Япония подписала безоговорочную капитуляцию.

Алексей Петрович продолжал служить в армии в качестве наводчика орудия знаменитой «Катюши». Но пришёл и его день демобилизации. Боевые подвиги сменились трудовыми буднями. Необходимо было восстанавливать разрушенное войной. Алексей Петрович сменил автомат на молоток и лопату. Он вернулся домой и продолжил свой трудовой путь на восстановлении шахт Подмосковного угольного бассейна. Работал на шахте № 40 проходчиком до самой пенсии.

За свои подвиги в годы войны Алексей Петрович награждён орденом Отечественной войны, медалями «За победу над Германией», «За

освобождение Праги», «За взятие Вены», «За победу над Японией», «За освобождение Будапешта». Имеется у него также медаль «За трудовую доблесть» и знак «Трудовая Слава».

В школьном музее есть стенд, посвящённый нашим землякам — участникам войны. Там можно узнать о боевом пути Залюбовина Алексея Петровича. Мы гордимся тем, что живём рядом с ним. Когда он приходит к нам в школу и рассказывает о военных трудных дорогах, о своих товарищах, то в его глазах мы замечаем слёзы. Видимо, в его памяти оживают образы тех ребят, которые воевали вместе с ним и не дожили до Победы.

70 лет отделяют нас от грозных событий Великой войны. Но мы не должны забывать ее, не имеем такого права. Не вправе забывать тех, кто подарил нам мирное небо, отстоял нашу свободу. Мы должны не только помнить, а быть достойными их подвига, не допустить повторения уже современной войны.

ОПАЛЕННАЯ ЮНОСТЬ

Толмачева Екатерина Владимировна, *14 лет,*
учащаяся 8 класса МОУ СШ № 4;
учитель — Шмулян Оксана Викторовна,
г. Богородицк Тульской области

На рубеже 50–60-х годов XX века в литературе появились произведения о войне, своеобразие которых заключалось в том, что в них война была показана глазами непосредственных участников, как правило, молодых. Предметом раздумий авторов стало истинное лицо войны, суть «трудной работы» солдат, цена потерь. Не случайно повесть, сосредоточенная на внутреннем мире отдельной личности, стала основным жанром этих произведений.

Имя Булата Окуджавы не нуждается в особом представлении. Вряд ли можно найти человека, который не читал бы его стихотворений, не слышал бы его песен. Тема войны занимает особое место в его творчестве.

Я не случайно обратилась к творчеству Булата Окуджавы. Мой прадед Абрам Меирович Шнейвайс восемнадцатилетним юношей со студенческой скамьи ушел на фронт. Служил связистом. В 1942 году в боях под Сталинградом был тяжело ранен. После госпиталя, работал в тылу, закончил Загорский учительский институт. В 50-е годы работал учителем в селе Шамордино Калужской области. Там он познакомился с Булатом Шалвовичем Окуджавой, который преподавал русский язык и литературу. Дружбой с ним прадедушка дорожил всю жизнь. Оба они принадлежали к поколению, чью молодость опалила война.

В 1961 году Окуджава дебютировал как прозаик: в альманахе «Тарусские страницы» была опубликована его автобиографическая повесть «Будь здоров, школяр». Автор хотел рассказать о пережитом им и его сверстниками, воссоздать подлинную картину событий, которую видели только фронтовики.

Главной фигурой войны всегда был и остается солдат. Герой повести — молодой солдат, семнадцатилетний мальчишка — словно ведет постоянный диалог с войной: «Я познакомился с тобой, война. У меня на ладонях большие ссадины. В голове моей — шум. Спать хочется. Ты желаешь отучить меня от всего, к чему я привык? Ты хочешь научить меня подчиняться тебе беспрекословно?» Герой задает вопросы и сам же на них отвечает: «Я многому уже научился. Как будто я не голоден. Как будто мне не холодно. Как будто мне никого не жалко».

Меняет война людей, калечит их и физически, и духовно. «Что случилось: всех подняло, понесло, перепутало?.. Ползают школьники по окопам, умирают от ран, безрукими, безногими домой возвращаются...»

А еще война срывает маски и обнажает правду, показывает истинные лица людей. Герой вспоминает соседа Петьку Любимова, говорившего о самопожертвовании, о Родине и о долге каждого патриота, а потом принесшего «бронь» в военкомат и объяснившего свою трусость одной фразой: «Умирать кому охота?» Так неужели хотелось умирать им, школярам, которые на последнем комсомольском собрании клялись погибнуть за Родину? Тогда война казалась герою чем-то загадочным и очень интересным. И он был счастлив, что теперь носит гордое звание — «солдат», что уезжает на войну. Только столкнувшись лицом к лицу со всеми ужасами войны, он начал осознавать ценность жизни: «Я не хочу умирать. Я ведь пригожусь для жизни. Ведь, это даже смешно — убивать человека, который ничего не успел совершить».

Из арбатского двора, не доучившись в школе, 17-летний Окуджава ушел на фронт. Он вспоминал: «Как и многие мои сверстники, я отчаянно рвался на фронт. Пошел не из жажды приключений, а воевать с фашизмом. Был патриотически-настроенным мальчиком, но романтизм мой буквально через несколько дней улетучился. Оказалось, война — это тяжелая, кровавая работа».

И в этом смысле трагичны и пророчески слова Жени: «Мне жаль вас, мальчики. Вы думаете так просто воевать? Войне нужны молчаливые, хмурые солдаты. И ты, — она кивнула на меня, — ты ничего не умеешь, кроме чтения книг. А там — смерть...»

Когда повесть появилась в печати, критики обрушились на писателя, обвиняя его в пацифизме, отсутствии героического пафоса. Дей-

ствительно, без всякого пафоса говорит Булат Окуджава о войне. Ведь война — не повод для проявления лихости. Война — это убийство.

У Юлии Друниной есть такие строки:

Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.

Трагедия войны — ни с чем не сравнимое потрясение. Кровь остается кровью, смерть — смертью. Этим мальчишкам тоже было страшно: «Пусть никто не знает, что мне страшно. Но себе-то самому я могу сказать правду? Я сам себе судья. Я имею на это право». И не думали они о таких высоких понятиях, как подвиг, героизм. Они вспоминали оставшуюся в прошлом мирную жизнь: первый поцелуй, дом, маму.

На войне даже время течет иначе, чем в мирной жизни. Где война, там за один год десять можно посчитать. И остается только солдатам вести диалоги с теми, кого они любили и любят, с теми, кто их любит и любил: «А я не плачу. Я лучше пою. Так дышать легче. Прости меня, Нина. Тоненькая, маленькая, вся странная... неизвестная... прости меня».

Жестокое время не только диктует жестокие правила, но и открывает глаза на истинные ценности, учит довольствоваться малым. Даже желания на войне маленькие: для полного счастья нужны сапоги и ложка: «Потерял я ложку. Есть нечем. Суп пью прямо из котелка. А если каша... Я даже дощечку приспособил. Щепочку». Но как бы сильно он ни нуждался в ложке, а немецкие не тронул.

Небольшое ранение спасло героя повести от неминуемой гибели. Боевые товарищи погибли. Никого не осталось. В медсанбате в кармане с документами он находит ложку: «Откуда у меня ложка?.. Алюминиевая сточенная ложка, а на черенке ножом выцарапано «Шонгин»... Вот и память о тебе. Ничего не осталось, только ложка. Я упрячу эту ложку поглубже. Буду всегда с собой носить... прости меня, старый солдат...»

Последние слова повести настолько проникнуты болью и печалью, что их трудно читать:

«И мне хочется плакать. Плачь, плачь... У тебя неопасная рана, школяр. Тебе еще многое пройти нужно. Ты еще поживешь, дружок...»

Как на фронте порой в одно мгновение умещается вся жизнь, так в одной фронтовой судьбе героя повести «Будь здоров, школяр» вместились черты целого поколения. Судьба парней, рожденных в 20-е годы, оказалась особенно жестокой. По данным статистики, их уцелело очень немного. До краев испили они горькую чашу войны. Эти молодые солдаты не думали о подвиге — они его совершали.

Булату Окуджаве повезло. Он остался жить, чтобы рассказать о войне. Потому что, как говорил писатель-фронтовик Григорий Бакланов, в тех, кто пишет о войне, живет необходимость рассказать все, пока жив. Свою повесть Окуджава посвятил сыновьям, а значит — всем будущим поколениям. Чтобы помнили.

Литература

1. *Окуджава Б.Ш.* Будь здоров, школяр./ Б.Ш. Окуджава. — М.: Современник, 1989.

ПУСТЬ ВОЙНА НЕ ВОЗВРАЩАЕТСЯ СНОВА

Голиков Никита Сергеевич, *14 лет,*
учащийся 7 класса МКОУ «Киреевская СОШ № 7»;
учитель — Колосова Наталья Вениаминовна,
г. Киреевск Тульской области

Да, каждый был ранен, контужен,
А каждый четвертый — убит.
И лично Отечеству нужен,
И лично не будет забыт.

Борис Слуцкий

Я хочу рассказать о дедушке моей крёстной — участнике сразу двух войн: советско-финской и Великой Отечественной.

Дьячков Николай Иванович родился в 1913 году в городе Верхняя Пышма под Екатеринбургом.

Настоящий ужас войны он увидел, когда в 1941 году на подступах к Москве в бою на Волоколамском шоссе его танк загорелся. Николая Ивановича контузило. С тяжёлыми ранениям он очень долго лечился в госпитале. Но после не демобилизовался, а пошёл обучать танкистов при заводе «Уралмаш».

Закончилась война, но Николай Иванович о ней не забывал: когда в 1947 году в семье родилась дочь (моя крёстная), он её назвал именем Неля в честь медсестры, которая выхаживала его в госпитале. Интересное совпадение: имя Неля пришло к нам из греческого языка и переводится на русский как «молодая», «новая» [1].

9 мая 1955 года наша страна отмечала десятилетие Великой Победы над фашизмом. Эта дата особо врезалась в память Неле. Николай Иванович с ней (ей тогда было всего 8 лет) поехал на Донбасс к полковому другу. Неля представляла, что увидит богатыря-солдата в орденах и медалях. Но на перроне их встретила женщина с инвалидной коляской, в которой сидел безногий друг Николая Ивановича дядя Вася. Именно этот эпизод той встречи крёстная помнит до сих пор. Она рассказывала: «Мы тогда ездили в Ровеньки. Видели захоронения участников «Молодой гвардии» Ульяны Громовой, Олега Кошевого — все они там. Стоят обелиски, и повсюду свежие, пышные кустики цветущей герани! А ещё следы от пуль в стенах кинотеатра». Такие на-

поминания о той войне, как говорят, «родом из детства» у крёстной. Она делится этими воспоминаниями и с нами, и со своими внуками.

Но вот война возвращается снова. Она пришла в тот край, где жил однополчанин Николая Ивановича — в Донбасс… Взорванные дома, смерти детей и беспомощных стариков, в том числе и ветеранов Великой Отечественной войны, которых и так на свете осталось совсем мало. Государство после Великой Отечественной войны постоянно заботилось о своих защитниках, об их семьях. А сейчас там, где ещё совсем недавно незыблемо стояли обелиски, памятники, пышно цвела герань, горел Вечный огонь, разжигается огонь братоубийственной войны…

Если бы у меня была возможность увидеть солдат-участников Великой Отечественной войны, я поблагодарил бы их за то, что они воевали за мирное будущее!

Я пока ещё мал, чтобы меня услышали те, кто сейчас разжигает войны. Но если бы у меня была возможность увидеть их, я обратился бы к ним не своими словами, а со словами изречений великих людей: «Самый несправедливый мир я предпочел бы самой справедливой войне» (Цицерон) «Быть созданным, чтобы творить, любить и побеждать, — значит быть созданным, чтобы жить в мире. Но война учит все проигрывать и становиться тем, чем мы не были» (Камю А.) «Война превращает в диких зверей людей, рожденных, чтобы жить братьями» (Вольтер) [2].

Литература

1. Значение имени Нелли http://astroscope.ru/imena/nelli.html
2. Афоризмы великих людей про войну http: //www.wisdoms.ru/17_5.html

СОЛДАТ. УЧИТЕЛЬ. ДИРЕКТОР

Колосова Анастасия Александровна, *15 лет,*
учащаяся 10 класса МОБУ «Ленинская СОШ № 1 им. Борисова П.С.»;
учитель — Никонова Валентина Викторовна,
г. Тула

Тот самый длинный день в году
С его безоблачной погодой
Нам выдал общую беду
На всех на все четыре года.

Она такой вдавила след
И столько наземь положила,

Что двадцать лет и тридцать лет
Живым не верится, что живы...

К. Симонов

Время беспощадно. Оно не жалеет никого, не щадит ничего... И есть только одно, перед чем оно бессильно — это живая человеческая память о Великой Отечественной войне. Это ужас и страх людей, боль и слёзы матерей, потери близких, смерть солдат, множество сражений, битв и операций, сожженные дотла деревни и ставшие руинами города, героизм, мужество, стойкость, преданность своей Родине. Память о Великой Отечественной войне — это Победа, великий подвиг народа, героизм, мужество, стойкость, преданность Родине ее защитников — всех от мала до велика.

Так, 22 июня 1941 года кончилось беззаботное детство Евгения Ивановича Черванева. Но можно ли назвать его счастливым? Наверно, да и нет. Семья Черваневых состояла из пяти человек: отец Иван Николаевич, мать Ксения Емельяновна и трое сыновей — Аркадий, Евгений и Валентин. Жизнь была сложная, питались всем тем, что было съедобно. После того, как Ивана Николаевича выслали за инакомыслие в Архангельск, семья распалась. Мать умерла, детей отправили в детский дом в городе Онеге, на берегу Белого моря. Там они и провели свою юность. Евгений сильно выделялся своей тягой к знаниям и в 16 лет с отличием окончил десять классов.

Его мечте поступить в институт не суждено было сбыться. Война разбросала его товарищей по разным уголкам страны. У него также было желание пойти на фронт, защищать свою Родину, он даже пытался приписать себе несколько лет, чтобы выглядеть старше, но ему это не удалось. Тогда юноша отправился в Архангельск, где стал работать учителем музыки и физкультуры в Заостровском детском доме, связав свою жизнь с воспитанием детей.

С наступлением совершеннолетия в 1943 году ему не могли отказать в желании попасть на фронт. Но это произошло не сразу. Сначала он попал в минометную роту седьмого запасного воздушно-десантного полка, потом охранял склады на станции Внуково, под Москвой. И лишь в ноябре 1943 года он впервые принял участие в боевых действиях. Его определили в воздушно-десантные войска.

Евгению Ивановичу довелось участвовать в прорыве обороны немцев на Сиваше, во многих операциях по освобождению Крыма, в операции «Багратион», затем в освобождении Венгрии, Австрии, Чехословакии. Было страшно. Каждый бой, как прыжок с парашютом, — преодоление себя, своих страхов. Он много раз был в шаге от гибели! Но несмотря ни на что продолжал свой путь дальше, не было ни единой мысли об отступлении. Враг был жесток, силен, беспощаден, безжалостен,

но устранить его было долгом перед Родиной каждого солдата. В ночь 8 мая 1945 года по радиоприемнику они с сослуживцами узнали о капитуляции гитлеровской Германии. Но это еще не был конец. Еще целый год они поддерживали порядок под Будапештом.

Евгений Иванович воевал умело и храбро, об этом свидетельствует множество орденов и медалей. В конце мая 1946 года 106-я воздушно-десантная дивизия расположилась около станции Тесницкое, недалеко от Тулы. И вся последующая жизнь его прошла в этом городе. После демобилизации в 1949 году он окончил исторический факультет Тульского государственного педагогического института им. Л.Н. Толстого. Потом работал в Плехановском железнодорожном детском доме. В итоге, вся дальнейшая жизнь его была связана с Ленинской первой школой. Профессия учителя для него была не просто работой, а уже состоянием души.

От своего имени и от имени остальных учеников хочу сказать, что мы горды тем, что имеем возможность учиться в школе, в которой работал такой замечательный директор, преданный своему делу, и прекрасный человек, переживший столько всего, прошедший войну, все ужасы этого бесчеловечного и страшного испытания, — Евгений Иванович Черванев! Для нас это огромная честь! Как верно сказал Иван Ващенко:

...То, что случилось, не забудем
И до конца мы помнить будем
Про подвиг тот в сороковых,
Про тех, кого уж нет в живых.

ГЕРОЙ ВОЙНЫ И МИРА

Левинская Александра Романовна, *14 лет,*
учащаяся 9 класса МБОУ СОШ № 2 «Возрождение»;
учитель — Шишкина Лилия Анатольевна,
г. Тула

Вопрос смысла жизни — дискуссия неисчерпаемая и вечная. Мысль об истинном назначении нашего существования родилась на просторах Вселенной вместе с первым человеком и вездесущей тенью сопровождает его по сей день. Великие философы прошлого безрезультатно бились над этой мучительной головоломкой, пока, наконец, не пришли к единому мнению, конечно, весьма обобщённому и абстрактному.

На данный момент население Земли составляет более семи миллиардов человек, каждый из которых в корне непохож на другого, имеет

свои особенные ценности, стремления и амбиции. Исходя из этого, подобрать какую-либо конкретную жизненную цель, отвечающую критериям всех без исключения, просто не представляется возможным (впрочем, философия и не требует конкретики). Однако создать некий возвышенный образ, объединяющий в себе основные мотивы любого мыслящего человека, оказалось не так трудно. И действительно, если взглянуть на проблему более глобально, то можно заметить, что, несмотря на большие различия между нами и, соответственно, нашими желаниями, на деле все мы преследуем одну и ту же общую цель, коей является спасение своего «я» от неизбежного забвения, ожидающего нас в конце жизненного пути. Но есть и те, кто уже сейчас перевыполнил намеченный план и достиг необычайных высот, сохранив своё имя для будущих поколений. Одного из таких удивительных людей мне посчастливилось узнать лично. Именно о нём я и хотела бы рассказать.

С виду Иван Леонов мало чем отличается от людей своего возраста. Та же покрытая снегом голова, те же глубокие морщины, тот же усталый, чуть рассеянный взгляд, свойственный всем его ровесникам. Как и большинство из них, сейчас он уже редко бывает на улице и чаще занят домашними делами. В сущности, Иван Антонович живёт самой обычной жизнью, если не считать того, что вот уже семьдесят один год живёт он с одной рукой. Среди пенсионеров, впрочем, и такие случаи далеко не редкость, однако существует некоторая разница между ними и нашим героем. Она заключается в парадном синем пиджаке, красноречиво увешанном боевыми медалями, который Иван Антонович бережно хранит для особых случаев.

Эта легендарная личность является героем не только моей работы, но также Советского Союза и России. Ещё в годы войны Иван Леонов прославился как единственный лётчик, управляющий самолётом одной рукой. Это история о человеке с большим сердцем, вопреки всему приручившем небо и самоотверженно преодолевшем категоричное «невозможно».

Левую руку Иван Антонович потерял ещё в далёком 1943 году. В тот жаркий июльский день под командованием старшего лейтенанта он направлялся на аэрофоторазведку, непосредственной целью которой была протянувшаяся далеко внизу дорога Орёл-Поныри, где немцы обыкновенно провозили свои боеприпасы. И хотя в таких случаях пилотам строго запрещалось атаковать неприятеля, едва заметив рядом немецкие самолёты, Иван Леонов и его товарищ смело ринулись в бой. Но риск не оправдался.

Из-за погодных условий видимость была отнюдь не лучшая, и вследствие этого русским лётчикам удалось сбить лишь один из шести «фоккеров», которые, в свою очередь, смогли разъединить старшего лейтенанта и Ивана. Потеряв связь с напарником и оказавшись

в окружении, Леонов тщетно пытался отбиться от прицельного огня: именно тогда он и получил роковое ранение. Фашисты продолжали беспощадно обстреливать русского лётчика, даже когда тот в последней надежде воспользовался спасительным парашютом, и несколько раз едва не попали в него.

В том неравном бою Ивану Антоновичу удалось выжить лишь чудом. Боевые товарищи вытащили его из сельского пруда и через несколько часов доставили в полевой госпиталь, где в ходе операции лётчику и пришлось расстаться с рукой. Но даже несмотря на ампутацию, Леонов твёрдо решил не сдаваться и во что бы то ни стало вновь подняться в небо. Смирение — это не про него. Безрассудная и безотчётная надежда в купе с нечеловеческим упорством пульсировали в его груди подобно второму сердцу.

День за днём тянулись долгие месяцы восстановления, и всё это время Иваном Антоновичем руководила какая-то совершенно отчаянная жизненная сила. Ночи напролёт наш герой проводил за работой, придумывая или совершенствуя придуманное ранее. Такими темпами к моменту выписки на руках у него уже были четыре полноценные модели приспособлений в плане управления самолётом на удивление удачно заменяющих вторую руку. Заручившись поддержкой ребят-технарей, один из проектов фронтовик смог воплотить в жизнь ещё в госпитале, и впоследствии именно это его изобретение стало незаменимым для Ивана в полётах.

Возвращение в авиацию на тот момент казалось чем-то немыслимым и абсурдным, но с помощью своего упорства Леонову удалось сломить даже эту суровую громаду и, спустя некоторое время, вновь встретиться со своими боевыми друзьями в прежних условиях. Однако спустя полтора года наш герой оказался в госпитале вторично, на этот раз — с опасным ранением ноги. Процесс реабилитации мучительно затянулся, и пока Иван приходил в себя после тяжёлой травмы, его товарищи уже отпраздновали долгожданную победу. Снова вернуться в строй оказалось попросту невозможным.

Но на этом рассказ ещё не заканчивается. Не менее удивительна и послевоенная жизнь Ивана Леонова. К числу самых смелых его экспериментов можно отнести, например, неожиданно удачное занятие мотоциклетным спортом. Действительно, порою однорукому лётчику удавалось занимать призовые места даже в неравных соревнованиях, в очередной раз доказывая себе и миру, что для увлечённого человека нет ничего невозможного.

Однако, помимо многочисленных личных побед, на его счёту есть ещё один особый подвиг, про который никак нельзя умолчать. Вернувшись назад, скажу, что всё в том же переломном для дальнейшей судьбы Леонова 1943 году он женился на молодой медсестре Нине

Фроловой, самоотверженно спасшей ему жизнь во время трудной операции. А по прошествии нескольких лет, уже в мирное время, молодожёны решились воспитывать сразу семерых ребятишек, из которых только двое были родными. И хотя судьбы детей впоследствии сложились по-разному, сомневаться в том, что все они выросли достойными людьми, мне не приходится.

Что касается достижений самого Ивана Антоновича, то следует заметить, что в течение своей долгой и насыщенной жизни он успел попробовать себя даже в писательстве, где, к слову, достиг настоящих успехов. На данный момент под именем знаменитого фронтовика в свет вышла не одна книга, и каждая новая история в его творчестве непременно связана с военной тематикой. Но и здесь Иван Антонович не пожелал останавливаться на достигнутом, в очередной раз проявив удивительные свойства своей многосторонней натуры. Дабы иметь возможность наслаждаться любимыми мотивами, однорукий лётчик сумел освоить даже искусство игры на баяне!

Стоит ли говорить, что в своей работе я описала лишь малую часть заслуг этого исключительного человека? Самым невероятным для меня, пожалуй, является тот факт, что за свою непростую жизнь Иван Леонов сделал значительно больше, чем некоторые здоровые люди. Его пример наглядно демонстрирует безграничную силу человеческой воли, в отдельных случаях способной творить настоящие чудеса. И пока современная молодёжь изнывает от мучительного безделья, лениво перелистывая страницы новомодных гаджетов, Иван Антонович живёт на пределе своих возможностей, с каждым днём покоряя всё новые и новые вершины.

Но это, конечно, лишь одна из тысячи военных историй, о которой мы знаем. А сколько ещё неизвестных героев, так и не дождавшихся своей очереди? Сколько удивительных судеб, несправедливо потерянных в мелком шрифте мемориальных досок? Сколько умных глаз, сколько звонких голосов, тихим эхом отдающихся в вечности? И всё-таки чудовищно неправ тот, кто полагает, будто все эти улыбчивые лица исчезли бесследно. Ошибается и другой, почитающий молодых мальчиков в безразмерных солдатских шинелях ушедшими навсегда. Оба этих человека отчаянно заблуждаются в своей напрасной скорби, ведь истинная правда в том, что каждый безымянный фронтовик жив вопреки всему, жив без времени и жив неоспоримо. Память есть единственная вещь, не подчиняющаяся законам мироздания, вещь неожиданно всесильная и способная победить саму смерть. Память подарена человеку и одновременно дана в наказание. Стоит лишь на секунду оглянуться вокруг — и прошлое откроет свои глаза, глаза бесконечно знакомые и пронзительные. В утреннем небе, в ночной тишине, в улыбке ребёнка, в спокойствии взрослого — в самых

простых и в то же время безмерно важных вещах ощущается это неразличимое дыхание. В каждом из нас, в каждом, кто не видел войны и горя, неизменно существует его частица, потому как все мы — дети мирного неба.

Умирают имена, но не подвиги. И через десятки лет мы всё так же неразрывно связаны с мальчиками в безразмерных шинелях, на своих плечах храбро вынесшими мир из огня.

ЭТО МЫ, ГОСПОДИ...

Шульгина Светлана Евгеньевна, *25 лет,*
учитель русского языка и литературы МБОУ «СШ № 9»,
г. Щекино Тульской области

Что лучше: жить — где узы плена,
Иль смерть — где русские знамена?
В героях быть или в рабах?

Ф.Глинка

Более чем полвека назад отгремели последние залпы Второй мировой войны. То, что вынес русский народ на своих плечах в это страшное время, — подвиг, достойный восхищения.

Много известно историй о смелых и бесстрашных русских солдатах, которые отдавали свои жизни ради горячо любимой Родины. Но ведь были и те, кто по воле случая попал в плен. Можно ли о них говорить как о героях?

Участь пленных солдат советской армии — самая кошмарная и бесчеловечная страница в летописи второй мировой войны. Многие утверждают, что в плену были разные люди: мужественные находили силы бороться, устраивали побеги; слабые узники покорились и ждали своей участи, такие вызывают только жалость и презрение.

Я с этим не согласна. Уверена, пленные заслуживают нашего милосердия. Жизненные обстоятельства, в которые они попали, выдержать дано не каждому, а потому мы не в праве осуждать тех, кто в плену «покорился».

Спросите себя: «Смог бы я пройти горнило плена не потеряв человеческого достоинства?» В плену люди испытывали такую боль, выдерживали такие испытания, которые трудно представить нашему поколению.

Мне хочется рассказать историю своего земляка, уроженца села Бороновка Александра Федоровича Ершова.

Разговор с ним позволил воссоздать картину событий с 1941 по 1946 годы, участником которых не по доброй воле он стал. Эти страшные свидетельства пронзают мое сердце острой болью, обжигают сознание.

В сентябре 1941 года Александру Ершову шел двадцать первый год, когда его призвали на фронт. Краткий курс краснофлотца и он уже бьёт вражескую армию под Севастополем. Страх и ужас войны матрос Ершов хлебал полной мерой с самого начала службы.

Он был задействован на теплоходе «Грузия», разгружал грузы с военной техникой. С неба фашистские стервятники сыпали бомбы. Не миновал страшной участи и экипаж «Грузии»: от прямого попадания он затонул. Ершову повезло, его подобрал катер. Вышел на берег — и на передовую. Спросил командира: «А как же воевать без оружия?» Тот ответил вполне серьезно: «Жди, когда Ваньку убьют — возьмешь его винтовку!»

А Севастополь между тем фашисты сжимали в плотное кольцо. «Капитан повел нас в атаку чуть ли не с кулаками», — вспоминает Александр Федорович. — Винтовок почти ни у кого не было, но мне досталась. Ну как мы могли оказывать достойное сопротивление?»

В июле 1942 года фашисты взяли Севастополь. Получив в бою контузию и ранение, Ершов в числе других солдат был взят в плен. Это, несмотря на то, что Сталин бросил клич: «В плен не сдаваться, последняя пуля для себя». Но и для себя ни у кого уже не было пули.

Александр Федорович помнит, как в первые дни неволи разум отказывался понимать трагедию положения, как вспоминал родной дом и мечтал о скором возвращении. Помнит мучительные месяцы этапа: от одного лагеря к другому гнали пленных в западную Германию.

«Пешком шли целыми сутками. Раненых сажали на подводы человек по двадцать, слабые держались за телеги. Перед маршем на целый день выдавали по куску хлеба. Воды не давали. Случалось, что за день не встречалось ни одного колодца. Уже километров через двадцать начинали падать первые пленные из-за физической усталости и стертых ног. Только силой могли этих людей заставить снова продолжать путь. Дальше было еще хуже. Замертво люди падали прямо под наши ноги, сваливались в канавы. Фашисты били их палками, кричали, угрожали расстрелом. Тех, кто не мог идти дальше, действительно расстреливали.

Транспортировка поездом была едва ли легче. Погрузили в вагоны человек по 70 в каждом, на окнах решетки из колючей проволоки. В немецких вагонах не было полок, поэтому лежать было невозможно. Сидели на полу, и то по очереди. В дороге давали хлеб и воду. Свои физические потребности мы справляли через дверную щель во время движения поезда, потому что немцы опасались нас выпускать

на остановках. Более трех дней терпели мы ужасный запах, усталость и голод.

Пребывание в лагере для военнопленных Дорнап было самым длительным, а потому самым запоминающимся. В лагере я работал в карьере бурильщиком — делал углубления в породе. Потом немец закладывал взрывчатку в углубление и взрывал. Дальше мы грузили осколки на тележку и везли на дробильную машину, откуда готовое сырье отправляли на цементный завод. Работа была тяжелая, от колодок ноги распухали. От физического истощения и болезней пленные продолжали умирать. Помню, что хоронили покойников за лагерем в яме, предварительно раздев и завернув в бумагу.

От ветерана я узнала, что больные и раненые красноармейцы не получали никакой медицинской помощи и были обречены на вымирание от тифа, дизентерии, воспаления легких и других болезней. Рано утром пленных поднимали ударами палок и дубинок и выгоняли на работы, не считаясь с состоянием здоровья. Во время работы охрана непрерывно подгоняла пленных плетьми, а заболевших и ослабших красноармейцев забивали палками до смерти».

— Александр Федорович, а не возникало ли у Вас мысли о побеге? — не могла не спросить я.

Ветеран ненадолго задумался и продолжил:

— Как же не было? Однажды с моим товарищем Сашкой Зайцевым, во время работы на кухне, решили бежать. Без всякого плана и подготовки. Просто, как нам показалось, был подходящий момент: время обеденное, немцы расслабились, лежат себе греются на солнышке. Нагрузили в телегу картошки и под предлогом её перевозки вышли уже за забор лагеря. Тут нас остановила наружная охрана. Нам повезло, что они просто вернули нас назад. Уже после неудачного побега меня страх взял. Ведь мы не знали даже в какую сторону бежать. Поэтому, когда Зайцев предложил мне новый побег, я отказался. Мол и тебя подведу, и сам погибну.

А друг его сбежал. На прощанье адрес написал карандашом на клочке бумаги. Немцы только к вечеру его хватились, да не догонишь. Рассвирепели гады-фашисты, стали над узниками издеваться. Особенно лютовал «глухой» немец: построил пленных барака, стал гонять вокруг здания. А много ли надо изможденным людям, они падали в беспамятстве. Потом учинили досмотр личных вещей, у Ершова нашли записку с адресом. Били за неё крепко и убили бы, если бы не охранник по имени Махмуд (из предателей он был). Да и спас он его из желания выслужиться, сказал, что работник он хороший, сильный. Вот такие воспоминания у Александра Федоровича о побеге. А адрес Зайцева он не запомнил. После войны часто сожалел, что не мог узнать о его судьбе.

— Освобождение из плена навсегда для меня останется самым главным праздником в жизни. Во всех подробностях я запомнил 15 апреля 1945 года: и как светило солнце, и как пели птицы, и как мы из последних сил, но с радостью пошли в город Целле, — продолжает мой собеседник.

По его словам, в городе Целле бывшие военнопленные находились около месяца. В конце мая американцы сформировали из бывших пленных эшелон, довезли до границы и передали представителям СССР. Всем сердцем стремились советские солдаты на Родину. Но родная сторона приняла бывших военнопленных настороженно. После тщательной проверки компетентными органами рядовой Ершов отправился служить в 89 стрелковый полк. До сентября прошел подготовку, а затем в составе полка был направлен на восстановление шахты в городе Туле, на которой работал целый год.

Своё эссе я назвала «Это мы, Господи!» потому, что в этом обращении к Всевышнему слышится голос-стон измученного пленом человека: «Я готов к смерти, к тому, чтобы быть принятым Тобой, Господи. Я прошёл все круги ада, но свой крест нёс до конца, не потеряв в себе человеческое». Таким я увидела Ершова Александра Федоровича: несломленным, непокоренным.

Я думаю, что пленные каждую секунду в себе ощущали физическую и нравственную боль, обиду от беспомощности, но великая сила духа русского человека выстояла и победила. Я убеждена в том, что люди, прошедшие фашистские тюрьмы и лагеря, не заслуживают подозрений, они имеют право на честное имя. И наш герой это доказал.

В 1946 году, после восстановления шахты в Тульской области, Александр Федорович вернулся домой.

Колхоз принимал всех вернувшихся с фронта. Работы — непочатый край. Требовались плугочисты, сеяльщики, молотильщики, — и Ершов именно с этого начал свою трудовую биографию. Только вот мыслимо ли было прокормить четверых детей, если за день работы давали 300 г хлеба и 200 г зерен кукурузы? И он решил стать заготовителем: собирал для государства с частных подворий шерсть, яйца, шкуры животных. Но денег снова не хватало.

Зная, что волки в то время очень ценились, Александр Федорович подумал: «А ведь охота — дело выгодное. Возьму выводок, продам — деньги будут». А охотник он был отменный. Знало об этом начальство лесного хозяйства. И однажды ему предложили стать егерем. Объяснили, что значит должностное лицо в охотничьем хозяйстве: специалист-охотник, обслуживающий охотников-любителей, контролирует соблюдение правил природопользования. Так начался новый отрезок его жизни, полный тревог и забот о лесе.

Егеря Савальского лесничества Александра Федоровича Ершова в нашем районе знают и уважают все от мала до велика. Так можно ли назвать его героем, совершившим подвиг?

Я думаю, и многие со мной согласятся, что люди военного поколения особые. С фронтов Великой Отечественной они принесли в непростую жизнь страны веру в будущее, готовность жертвовать собой ради других. Для меня Ершов — герой. Высота его человеческого подвига определяется силой любви к жизни. Чем сильнее эта любовь, тем непостижимее измерение подвига, совершаемого человеком ради любви к жизни.

СОЛДАТЫ СЕМЬИ ШИЛЕНКОВЫХ

Шиленков Валерий Андреевич, *67 лет,*
ветеран труда, в прошлом врач-анестезиолог,
г. Гагарин Смоленской области

В нашей семье Шиленковых на фронте были все мужчины. Мой отец Андрей Фролович Шиленков был мобилизован на третий день войны в качестве офицера-политработника. С весны 1942 года сражался под Ленинградом, был комиссаром роты 45 запасного полка на Волховском фронте. С сентября 1942 года находился на Сталинградском фронте, был политруком пулеметной роты 4-го отдельного стрелкового батальона 96 отдельной стрелковой бригады.

26 января 1943 года рота заняла позицию на берегу речки Царицынка. На следующий день на этом участке фашисты выбросили белый флаг. Но на переговорах убили нашего офицера-парламентера, другому удалось бежать. Он и сообщил командованию, что немцы готовятся к контратаке.

Батальон получил приказ наступать. Старший лейтенант А.Ф. Шиленков с двумя красноармейцами огнем из станкового пулемета обеспечивал прикрытие атаки батальона. Им удалось подавить огневую точку врага. Но немцы засекли позицию нашего пулемета и начали обстрел из минометов. Прямым попаданием мины пулемет был разбит, один красноармеец погиб, а отец и другой пулеметчик получили тяжелые осколочные ранения. Отец был ранен в голову и левое бедро, потерял много крови, получил переохлаждение. Его в бессознательном состоянии нашел старшина роты, отправленный командиром на поиски политрука. За этот бой политрук А.Ф. Шиленков был награжден орденом Боевого Красного Знамени. А дальше были госпитали, операции, трудный процесс выздоровления.

У нас дома хранится письмо командира роты Н.С. Криштопа, которое он прислал дочери Андрея Фроловича Нине: *«Здравствуйте, Нина! Передаю Вам свой боевой фронтовой привет и желаю отличных успехов в Вашей учебе и жизни. Я получил от Вас два письма, в которых Вы спрашиваете о Вашем отце — Шиленкове Андрее Фроловиче, служащем в нашей части. В бою с фашистскими захватчиками 27 января 1943 года он был ранен. Ваш отец бил фашистов как герой, за что представлен к награде орденом Красного Знамени. Сейчас мы получаем от него письма, где он пишет, что скоро вернется в строй».*

Однако медики были неумолимы: отца комиссовали, дав ему третью группу инвалидности. До конца войны он работал в народном хозяйстве города Маркса Саратовской области, а потом на родной Брянщине, был председателем крупнейшего и самого передового в Дубровском районе колхоза имени Калинина (с. Пеклино).

Мой дядя Егор Фролович Шиленков, 1914 г.р., боец 178 стрелковой дивизии, пропал без вести в июле 1943 года. По данным ЦАМО, он был ранен и эвакуирован в тыл, где, по всей вероятности, и умер.

Второй дядя Иван Фролович Шиленков был призван на фронт 26 июня 1941 года. Воевал до 1945 года пулеметчиком в составе 125 стрелкового полка. Несколько раз был ранен, но судьба хранила его: ранения были не тяжелые. Войну закончил в Кенигсберге. За боевые заслуги был награжден орденом Красной Звезды и медалями.

Первое письмо от отца семья получила лишь в 1943 году после освобождения Брянщины от врага. Письма шли очень долго. О себе дядя Иван писал мало и скупо, в основном, интересовался жизнью семьи. Ответные письма ему писали сыновья Павел и Василий.

Еще один дядя Василий Фролович Шиленков окончил Дубровскую среднюю школу в 1940 году и поступил в Смоленский пединститут. Доучиться помешала война. В период оккупации (август 1941 – сентябрь 1943) жил в деревне Казаново Дубровского района (тогда Орловской области). Был членом Вязовской подпольной группы (подпольный псевдоним «Симоненок»), собирал сведения о проходящих по железной дороге поездах и передавал их разведчикам Рогнединской партизанской бригады.

С осени 1943 года дядя находился на фронте, был командиром пулеметного расчета. Воевал в Белоруссии, Прибалтике. При форсировании реки Неман в 1944 году был тяжело ранен. После долгого лечения в госпиталях был «списан» из армии по инвалидности. Домой вернулся на костылях. За мужество был награжден орденом Славы III степени, медалью «За отвагу».

Муж моей тети Евдокии Фроловны Михаил Егорович Серченков в 30-е годы работал председателем колхоза «Красный Дунай» в Каза-

нове, потом председателем сельского совета. В 1939–1940гг. участвовал в «незнаменитой» советско-финляндской войне. По возвращении вновь был избран председателем колхоза, но уже в соседней деревне Семеновке.

На войну его призвали 26 июня 1941 года. Семья строила дом и ждала появления на свет четвертого ребенка. Михаил Егорович возглавил команду призывников из 48 человек, отправленных из Дубровки по маршруту Рославль — Смоленск — Полоцк.

В семье сохранилось единственное письмо отца, датированное 1 июля 1941 года: *«Добрый день, Дуня, Юля, Слава, Рая! Есть ли новорожденный? Если родилась дочь, то назовите Дуня, если сын, то мое имя — Михаил.* (10 июля с семье Серченковых родился сын, которого по просьбе отца назвали Михаилом. — В.Ш.). *Вот, по этому все, Дуня. Я отдал Парфену 6 рублей на покупку картофеля.*

А теперь о моей жизни. В тот же день, т.е. 26 июня, мы выехали из Дубровки и ночевали в Липовской ввиду появления германского самолета у Сещи, который ночью бомбил и обстреливал нас на подъезде к Смоленску — сортировочному. Там до нас было убито 27 человек. Все в крошки. От самой Сещи всю дорогу налетали германские самолеты. Ехали мы на Витебск, Полоцк, Невель. А сейчас мы находимся в лесу. Еще ничего не дали из обмундирования. Не знаем, когда и куда поедем дальше. На фронтах все хорошо. Наши бьют как следует. Вот и все. Со мной много наших ребят: Зуев-кузнец, Советкин Иван и других много.

Смотри лучше за хозяйством. Попроси Никиту замазать потолок и законопатить рамы. Продай поросят. Вот пока и все. Адреса нет.

Привет Никите, Сереже, Фроловичу, С. Яшину и всем моим. Как продашь, тогда отдай деньги Сереже.

С приветом М.Е. Серченков. 01.07.41 г.»

Семья еще долго после получения извещения о гибели Михаила Егоровича продолжала ждать его с войны. Интересный факт: детям выплачивали пенсию по случаю потери кормильца — 75 рублей. Насколько это мизерное пособие говорит тот факт, что мешок картошки тогда стоил 300 рублей.

Содержание

Обращение к ветеранам и молодёжи губернатора Тульской области В.С. Груздева 5
Обращение к читателю В.И. Гришина, ректора Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова . . 6

Вместо предисловия 7
Осипов Ю.М. Мир и война 7
Калинин Н.В. Что такое книга «Мы помним...»? 9
Ростовцева Л.И. Книга-памятник 10

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
О ВОЙНЕ ИЗ ПЕРВЫХ УСТ

Глава 1. Чтобы живые помнили

Горбатко В.В. Подвиг городов-героев 17
Вельджанов И.В. Западный военный округ в приграничных сражениях 1941 года 40
Борушко Д.В. Слава Бреста: К 100-летию С.С. Смирнова 48
Матьков Ф.Н. По волнам моей памяти, или Встречи в Могилеве . 54
Заборин Д.С. «Электронная книга памяти Украины»: вместо государства 70
Ерошевич Е.В. Долг памяти 75
Карепова В.И. Огненные рейсы 79
Лебедев В.П. Подвиг тульских чекистов 87
Толстая Е.А. Ясная Поляна в годы войны 92
Литвинова С.П. Военные события 1941–1945 гг. в записных книжках участников боев за Керчь (по материалам из фондов заповедника) 104
Думитреску Н.В. Школа юнг на Соловках 114
Фёдорова М.А. Маршалу Победы 128
Павликов А.А. Боевой путь маршала Г.К. Жукова в его наградах . 135
Малиновская Н.Р. Память-снег 139
Винслав Ю.Б., Иванченко В.М. Николай Алексеевич Вознесенский и экономическая победа СССР в Великой Отечественной войне . 165

Протоиерей Виктор Рябовол. Наследники Александра Невского . 172
Никулин В.В. Исключительно способный
и преданный своему делу работник 182
Калашникова Е.М. Простота и гениальность Калашникова . . . 194
Кочетова М.Е. Рожденный творить 210
Рогожин А.В., Рогожина Н.В. Владимир Николаевич Рогожин —
оружейник, организатор, патриот 215
Прейс В.В. Сталинская премия Льва Николаевича Кошкина. . . 219
Чехова С.В. Заведующий кафедрой оборудования
патронно-гильзового производства 228
Кочетова М.Е. Легенда по имени Любовь 238

Глава 2. По дорогам войны

Сукачева К.В. Письмо «по следам» книги «Мы помним...» . . . 242
Лучинкина В.И. Одесса — Севастополь — Киев
в судьбе «одной из тысяч подобных». 247
Мацигор И.Г. Я был курсантом в 1941-м 255
Холодняк Р.С. Встреча в Балаклаве 261
Крамаренко С.М. Небо зовет 272
Черковец В.Н. Памятные этапы войны 284
Кульпов Н.И. Два курьезных случая 292
Пронин В.Г. Из пятнадцати вернулся один 295
Придонов М.П. Хороших людей больше, чем плохих 299
Янковский Л.А. Такое не забывается 303
Швецов А.А. В артиллерийской разведке 307

Глава 3. Наши отцы воевали и деды

Ларкина Л.П. Трагедия и бессмертие 315
Ерошевич А.С. Солдат в тельняшке 322
Кошкин А.П. Служил Отечеству до последнего вздоха. 327
Злобин Н.В. Василий Иванович Злобин (1919–2008) 332
Вобленко С.В. Доброволец в пятнадцать лет 345
Гусев В.А. «Прощайте, скалистые горы» 348
Долгарев А.В. Нам было и есть на кого равняться. 354
Ларчев В.К. Я люблю тебя, жизнь!. 359
Аксёнов Е.В. Поиск длиною в 71 год 361
Дорогань С.И. О войне, от сердца... 364
Ермилова Л.И. О тех, кто уже не придет никогда.... 366
Жаров Ю.В. Мы не допели, не договорили... 372
Жигунов В.В. Вспоминая о родителях 379
Карамова О.В. Семенков Владимир Никанорович 381

Кашицын В.В. Наша Великая Победа 383
Курьяков И.А. Они защищали свое Отечество 385
Мангазеев И.А. Смысл прожитого — в памяти о прошлом 387
Подлесная О.В. Судьба солдата 392
Савостьянов В.Н. Не дадим украсть Победу! 395
Саркетова И.У. Я горжусь своим отцом 401
Шеверев Г.М. Мешок сухарей 405
Тикунова Е.Е. Моя семья в годы Великой Отечественной войны . 409
Флерко А.Н. История семьи — история страны 411
Шамардина А.Н. Папины награды 416
Авдеева И.Г. Политрук Тульского Рабочего полка 421
Григоров Э.А. Для нас отец и дед — герой 423

Глава 4. Военное детство и юность

Шеин Н.Г. «Мы, маленькие были нужны стране» 425
Парикова Н.Б. Папины письма из осажденного Севастополя . . 430
Титова А.Г. Расправа над «партизанской деревней» 439
Здриковский В.А. Детство, окрашенное войной 443
Журавлева Г.П. Детские впечатления 447
Мельниченко Р.А. Письмо из Казахстана 451
Мурашова Т.Н. Военное поколение 456
Пинаев О.И. Мои военные воспоминания 465
Плешаков И.Д. Военное детство на Луганщине 473
Войнова К.П. Пилатовка в оккупации 480
Береснева К.С. Трудное детство 484
Болдин В.А. Мы — дети суровой эпохи могучей страны 485
Афонин В.П. Дети войны — последние свидетели 489
Волынкина Т.С. «Только бы не было войны...» 493
Гончарова Н.Н. Детские воспоминания тети 495
Лялина Г.Н. Годы военного детства 506

Глава 5. Герои рядом

Чурин В.П. Мой друг и учитель 509
Теплова Я.А. Отец и сын Тепловы 515
Чередниченко Н.Г. Последний бой Анатолия Чередниченко . . . 525
Шеверев Г.М. Маэстро Борис Беляев 526
Новиков В.В. Мой родной дядя Василий Миляев 530
Алтунина Л.Д. «Сибиряки идут!..» 535
Какышев Е.А., Бедарева А.А., Килин К.С. Репортажи
из музея школы-интерната 547
Салихов В.А. Братья из Краснополья 551

Пищулин В.И., Пищулин О.В. Выпускник Елецкого рабфака . . 557
Дульзон Е.А. Русский характер 563
Шалонина О.А. Они приближали Победу 567
Гавашели Д.Г. Герой войны 570
Пушкарев В.А. Помню и горжусь 572
Куликова Ю.А. Мой сосед Алексей Петрович Залюбовин 575
Толмачева Е.В. Опаленная юность 577
Голиков Н.С. Пусть война не возвращается снова 580
Колосова А.А. Солдат. Учитель. Директор 581
Левинская А.Р. Герой войны и мира 583
Шульгина С.Е. Это мы, Господи... 587
Шиленков В.А. Солдаты семьи Шиленковых 591

МЫ ПОМНИМ...

Книга воспоминаний
и размышлений
поколений

Часть 1

Авторы проекта,
редакторы-составители
Ю.М. Осипов, Л.И. Ростовцева

Художественное оформление: *Гиндин М.Б., Волков В.Ю.*
Редакторы: *Романов С.М., Ростовцева Л.И.*
Компьютерная верстка: *Панин Д.В.*
Корректоры: *Семенюк Э.П, Сафонова А.В.*
Научно-организационная работа: *Владимирова Т.Ю., Волкова В.А., Цехмистренко И.Н.*
Научно-вспомогательная работа: *Мирошина Е.Ю.*

В оформлении использованы фотографии Гиндина М.Б. и из семейных архивов.

Формат 70x100/16. Печ. л. 37,5.
Бумага мелованная. Печать офсетная.
Тираж 500 экз. Заказ № 71.

ООО «Аквариус»
300062, г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а.
Тел./факс: +7 (4872) 49-73-73,
e-mail: grif-tula@mail.ru